

XX
век

в документах
и исследованиях

Болгария в XX веке

Очерки
политической
истории

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

XX *Century in Documents and Research*

Bulgaria in the 20th Century

**Studies
on political
history**

MOSCOW NAUKA 2003

XX *век в документах и исследованиях*

Болгария в XX веке

**Очерки
политической
истории**

МОСКВА НАУКА 2003

УДК 94 (497.2)
ББК 63.3 (4Бол)
Б 79

Серия "XX век в документах и исследованиях"
основана в 2001 году

Редколлегия:

кандидат исторических наук *Е.Л. Валева* (ответственный редактор),
доктор исторических наук *Т.В. Волокитина*,
кандидат исторических наук *Г.Д. Шкундин*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.В. Марьина*,
кандидат исторических наук *Н.В. Васильева*

Болгария в XX веке: Очерки политической истории / Отв.
ред. Е.Л. Валева; Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 2003. – 463 с.
(XX век в док. и исслед.). ISBN 5-02-008858-7 (в пер.)

В сборнике освещены наиболее дискуссионные и малоисследованные вопросы истории Болгарии в XX в., дано новое прочтение уже известных ее страниц на принципиально новой источниковой базе – недавно рассекреченных документах и материалах из архивов России и Болгарии, что вносит значительные коррективы в существовавшие ранее оценки и выводы. Анализируются становление и функционирование государственного и общественно-го строя Болгарии, пришедшего на смену социалистическому после антитоталитарной революции 1989 г., освещается социально-политический и экономический кризис 80-х годов, не нашедший разрешения при живковском режиме. Для историков и более широкого круга читателей.

ТП-2003-I-№ 267

ISBN 5-02-008858-7

© Российская академия наук и издательство
"Наука", серия "XX век в документах и исследованиях" (разработка, оформление),
2001 (год основания), 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Е.Л. Валева</i>)	8
На пути к национальной независимости. Балканские войны	11
Болгарское общество на рубеже веков. Политическая система (<i>Н.Н. Червенков</i>)	11
К истории "македонского вопроса" (<i>Г.Д. Шкундин</i>)	22
Провозглашение независимости и объявление Болгарии царством (<i>Н.Н. Червенков, Г.Д. Шкундин</i>)	29
Балканские войны (<i>Н.Н. Червенков, Г.Д. Шкундин</i>)	35
Болгария в годы первой мировой войны (<i>Г.Д. Шкундин</i>)	53
Болгарские военно-политические цели в начальный период войны	53
"Болгарское лето" 1915 года	62
Победы болгарского оружия и маневры софийской дипломатии	69
В "объятиях" германского союзника	75
На пути к военно-политической катастрофе	79
Послевоенная Болгария: от Салоник до Нейи	87
Салоникское перемирие – пролог мирного договора с Болгарией (<i>Г.Д. Шкундин</i>)	87
Формирование нового облика власти: "широкая коалиция" (<i>Т.Ф. Маковецкая</i>)	93
Полевение политического Олимпа (<i>Т.Ф. Маковецкая</i>)	107
Горе побежденным! (<i>Г.Д. Шкундин</i>)	115
Диктат в Нейи-сюр-Сен (<i>Г.Д. Шкундин</i>)	121
Режим БЗНС и Тырновская конституция (1920–1923). Проблема со- существования (<i>Т.Ф. Маковецкая</i>)	137
Установление режима БЗНС	137
Внешнеполитический статус и экономическая конъюнктура в период правления "земледельцев"	141
"Земледельческий" эксперимент и Тырновская конституция	144
Государственный переворот 9 июня 1923 года и его последствия (<i>П. Гришина</i>)	159
Приход к власти правительства Александра Цанкова	159

Болгарская коммунистическая партия и крестьянское восстание в сентябре 1923 года	166
Подготовка “левого” контрпереворота	179
Политические “качели” 1926–1935 годов (Р.П. Гришина)	194
Кризис режима Цанкова	194
Динамика политического процесса в 1926–1931 годах. Правительство Андрея Ляпчева	205
От правительства “блока демократии” до утверждения авторитарной власти царя	218
На перекрестке геополитических интересов великих держав (1939–1941) (Е.Л. Валева)	230
Развитие болгаро-советских отношений в 1939 году	231
“В ногу” с Германией	237
Обострение противоборства за внешнеполитическую ориентацию Болгарии. Миссия Соболева	241
Присоединение к Тройственному пакту	249
Болгария в годы второй мировой войны (Е.Л. Валева)	262
К вопросу о политическом режиме в стране. Оппозиция правительству ВКП(б) – Коминтерн – БРП: корреляция стратегии и тактики. Начало вооруженной борьбы	267
Создание Отечественного фронта	278
Государственный кризис 1943–1944 годов	282
Приход к власти Отечественного фронта	289
Болгария на этапе народной демократии (1944–1948) (Т.В. Волокитина)	302
Складывание коалиционной системы власти. Формирование правительства Отечественного фронта	302
Первые мероприятия нового кабинета	309
Партнеры или соперники: проблема взаимоотношений партий в коалиции	314
Раскол многопартийной системы и создание “лояльной оппозиции”. Парламентские выборы 1945 года	321
Оппозиция и власть. Выборы в Великое Народное собрание 1946 года	327
Начало “холодной войны” и перспективы коалиции в Болгарии. Ликвидация оппозиции	337
Создание Коминформа. Свертывание народно-демократической модели: причины и следствия	344
На пути к социализму “по Сталину” (1949–1953) (Т.В. Волокитина)	357
Проблема социально-политических “носителей власти” на новом этапе и ее решение	357
Функционирование механизма государственной власти и управления	374

Политические репрессии – важное звено в механизме утверждения режима советского типа	383
“Реальный социализм” в болгарском варианте: от “сталинизма” к “живковизму” (социально-политические аспекты) (Ю.Ф. Зудинов)	393
Становление и утверждение “живковизма”	394
Интеррелигиозный фактор в жизни болгарского общества	397
От стабильности к крушению	401
Становление постсоциалистического общественного строя (Ю.Ф. Зудинов)	417
Попытки модернизации коммунистической власти. Формирование антикоммунистической оппозиции	417
Приобщение оппозиции к власти. Первые демократические выборы	421
Принятие новой конституции и политические “рокировки”	424
Первые правительства без БСП	432
Новый “лево-правый” цикл	436
Смена внешнеполитических приоритетов	444
Список сокращений	451
Указатель имен	454

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Болгарии в XX в. характеризуется исключительным динамизмом, радикальностью социально-экономических и политических поворотов. Страна шла в русле общеевропейского исторического процесса со всеми его коллизиями, но имела и свою яркую “балканскую” специфику. Болгария активно участвовала в Балканских и двух мировых войнах, “холодной войне”, оказывалась в стане и победителей, и побежденных. Менялись формы правления, политические режимы, внутренние и внешние ориентиры развития. Это отражалось, порой весьма драматически, на судьбах общества и его лидеров, отдельных социальных групп и целых поколений. С 1989 г. в Болгарии, как и в других странах Восточной Европы, начался противоречивый процесс очередной смены общественно-политического строя. В начале нового тысячелетия Республика Болгария продолжает поиск своего места в современном мире. Феноменальное развитие болгарской политической модели, когда бывший царь, изгнанный в свое время из страны, стал в июне 2001 г. премьер-министром Болгарии, закономерно привлек к ней интерес не только исследователей, но и мировой общественности.

Число работ, посвященных истории Болгарии в XX в., в целом достаточно велико. Однако независимо от авторства (они вышли из-под пера болгарских, российских и западных авторов) эти работы вплоть до последнего времени характеризовались специфическим состоянием источниковой базы: наиболее важные и носящие принципиальный характер материалы из архивов России и Болгарии находились на особом режиме хранения и не были доступны исследователям. Почти полвека архивные богатства обеих стран отнюдь не по вине ученых использовались избирательно и недостаточно объективно. Отсутствие ключевых документов существенно ограничивало научный поиск исследователей и круг изучаемых ими вопросов. Кроме того, немало проблем по разным причинам оставались под запретом как “неудобные” с политической точки зрения. Результатом стало появление значительного числа лакун, ликвидация которых сохраняет свою актуальность и сегодня.

Общественно-политические процессы и перемены, произошедшие в Болгарии и России в 90-е годы XX в., создали благоприятные предпосылки для более объективного освещения исторических

процессов. Принципиальные изменения в сфере пользования архивными документами, активное формирование современной источниковой базы как следствие рассекречивания значительного числа документальных коллекций побудили авторский коллектив вновь обратиться к новейшей истории Болгарии – страны, чье прошлое и настоящее вызывают значительный интерес российских читателей и развитие которой в XX в. тесно переплеталось с Россией и СССР.

Авторы предлагаемой книги, исходя в немалой степени из собственных научных интересов и пристрастий, не пытались осветить в равной мере все вопросы истории Болгарии указанного периода. Своєю основной целью они видели в освещении наиболее дискуссионных и малоисследованных вопросов истории этой страны в XX в., а также в новом прочтении уже известных ее страниц на принципиально новой источниковой базе. Многие документы, впервые вводимые в научный оборот, вносят значительные, а иногда и радикальные коррективы в существовавшие ранее оценки и выводы. Указанные обстоятельства обусловили очерковый характер настоящего труда. Авторы стремились освободиться от тех априорных, субъективистских, идеологизированных, а порой мифологизированных деформаций, которыми, увы, столь богаты как болгарская, так и советская (российская) историографии.

Очерки открываются сюжетом о сложном пути Болгарии к национальной независимости. Авторы придают важное значение начальным годам XX в., поскольку во внутреннем и международном плане это – период своеобразной подготовки к предстоящим бурным событиям последующих десятилетий, которые сложно понять без его анализа. Завершается труд рассмотрением становления и функционирования нового государственного и общественного строя в Болгарии, пришедшего на смену социалистическому после революционных событий 1989 года. Явления и процессы, освещаемые в последнем очерке книги, отличаются большой неопределенностью, незавершенностью развития и нестабильностью, характерными для переходных периодов истории. Систематизируя и излагая результаты новейших исследований по истории Болгарии XX в., в том числе и своих собственных, авторы вовсе не претендуют на всесторонность или завершенность анализа, равно как и на беспорность формулируемых оценок и выводов. Каждый из авторов имел полную свободу при выборе темы исследования и возможность изложить собственную позицию, представить свое видение проблемы. Выказанные взгляды и концепции остаются открытыми для дискуссии и для сопоставления с иными точками зрения.

Книгу подготовил авторский коллектив сотрудников Института славяноведения РАН в составе: кандидат исторических наук И.И. Валева, доктор исторических наук Т.В. Волокитина, доктор ис-

торических наук Р.П. Гришина, кандидат исторических наук Ю.Ф. Зудinov, Т.Ф. Маковецкая, кандидат исторических наук Г.Д. Шкундин, а также сотрудник Института межэтнических исследований АН Молдовы кандидат исторических наук Н.Н. Червенков.

Авторы выражают признательность ученому секретарю Института славяноведения РАН кандидату исторических наук А.В. Карасеву за помощь в подготовке данного труда.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (номер проекта 99-01-00220).

Е.Л. Валева

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ. БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ

Болгарское общество на рубеже веков. Политическая система

Начальные годы XX в. – важная страница в истории болгарского государства. Во внутреннем и международном плане это период своеобразной подготовки к предстоящим бурным событиям последующих десятилетий, которые сложно понять без его анализа.

К началу XX в. молодое болгарское государство, получившее самостоятельный статус в результате русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), прошло сложный путь становления. В 1879 г. в Тырговиште была принята конституция (поэтому и получившая название Тырговишской). На ее основе сформировались высшие органы законодательной и исполнительной власти, а также местные органы управления. Утверждение буржуазного парламентаризма как основы политической системы Болгарии происходило в условиях существования наследственной конституционной монархии. В 1887 г. князем Болгарии стал немецкий принц Фердинанд Саксен-Кобург-Готский.

Постепенно определялись основные направления экономического и культурного развития страны. Формировалась внешнеполитическая платформа, направленная на завершение объединения болгарских земель и достижение полной экономической и политической независимости. Важнейшим событием конца XIX в. стало объединение в 1885 г. Болгарского княжества с Восточной Румелией – той частью Болгарии, которая в соответствии с решениями Берлинского конгресса 1878 г., получив автономный статус, осталась в составе Турции. Значительно возросло население страны. В 1879 г. оно составляло 3 млн 154 тыс. человек, в 1910 г. – 4 млн 337 тыс.¹

В уже свободном болгарском обществе формировались разнообразные общественные силы, объединявшиеся в политические партии различной ориентации. Неблагоприятные социально-экономические условия последних лет XIX в., с одной стороны, и значительный скачок в экономике страны в первое десятилетие XX столетия – с другой, привели к значительным изменениям в политической структуре болгарского общества². В рядах буржуазных политических партий, а также между ними усиливались противоречия. Двухпартийная либерально-консервативная модель, сформировавшаяся в первые годы после освобождения Болгарии, постепенно уступила место многопартийной, поскольку в связи с эволюцией политических позиций и программ партии начали раскалываться, появлялись новые. Большинство возникших в тот период партий просущество-

вали с некоторыми изменениями и перерывами почти полвека, вплоть до конца второй мировой войны.

Сложившиеся к началу нового столетия семь буржуазных политических партий мало чем отличались друг от друга по социальному составу и программам. Основные различия лежали в плоскости внешнеполитической ориентации, что было связано главным образом с их экономическими интересами. С учетом этих различий буржуазные партии условно разделяют на два лагеря, причем водораздел между ними проходил в основном по вопросу об отношении к России.

Едва ли существует другая тема внешнеполитической истории Болгарии в XX столетии, которая вызывала бы столь продолжительные эмоциональные и поляризованные дискуссии, как тема болгаро-русских отношений. После освобождения восприятие России в болгарском национальном самосознании развивалось по принципу дихотомии, двойственности, т.е. русофильства и русофобии. Причем второе явление – русофобия, было намного моложе первого. Носителями его были главным образом отдельные группы среди политической элиты³.

Партии русофобской ориентации особенно опасались усиления России на Балканах, подозревая ее в действиях, не совпадающих с национальными устремлениями Болгарии. Прежде всего, к ним относилась Народно-либеральная (“стамболовистская”), сформированная еще во времена диктатуры Стефана Стамболова⁴. В начале века ее лидером стал Димитр Петков, а после его убийства в 1907 г. партию возглавил Никола Геннадиев. Партия отражала интересы крупной торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии и выступала за тесные экономические и политические связи с Австро-Венгрией, Германией, а также с Великобританией⁵.

Близкой к “стамболовистам” по внешнеполитической ориентации была Либеральная партия во главе с Василом Радославовым – человеком, склонным к рискованным политическим акциям и не слишком отягощенным принципами. Средством решения национальных проблем либералы⁶ считали войну. От этой партии в апреле 1904 г. откололась небольшая партия младолибералов во главе с Димитром Тончевым. Ее взгляды ничем принципиальным не отличались от позиций сторонников Радославова. Основной причиной раскола стало соперничество за лидерство. Наряду с центробежными процессами радослависты претерпели еще один сильный удар. С весны 1901 г. до конца 1903 г. они стали обвиняемыми на первом в новой истории Болгарии судебном процессе бывших министров. Это положило начало практическому парламентскому контролю над действиями исполнительной власти⁷.

Разношерстным был русофильский лагерь, который главным образом ориентировался на Петербург, Париж, а затем и на Лондон. Прежде всего к нему относились две русофильские фракции быв-

шей Либеральной партии – “цанковистов” и “каравелистов” (по фамилиям их лидеров). На основе фракции “цанковистов” возникла и окончательно оформилась в 1897–1899 гг. Прогрессивно-либеральная партия (прогрессисты). В начале века она возглавлялась Стояном Даневым. Ее сторонники полагали, что политика России не противоречит болгарским интересам.

К умеренному русофильскому течению относилась Демократическая партия, которую в начале века возглавлял Петко Каравелов, а после его смерти – реалистически мыслящий государственный деятель, выходец из Бессарабии Александр Малинов. В рассматриваемый период демократы не отказывались от установления близких отношений Болгарии с Францией, от упрочения внешнеполитических связей со странами Западной Европы, где лидеры партии познакомились с идеями буржуазного либерализма. Поэтому они скорее в большей степени являлись антантофилами, чем русофилами. Демократическая партия представляла часть молодой крепнущей торговой и промышленной буржуазии и в начале века благодаря своему социальному составу, новым идеям и программным взглядам превратилась в важный фактор общественно-политической жизни страны⁸. От демократов в 1906 г. откололась Радикально-демократическая партия во главе с Найчо Цановым, выражавшая интересы части мелкобуржуазных слоев и интеллигенции⁹.

Сходных позиций придерживалась и Народная партия, созданная Константином Стоиловым¹⁰, а потом долгое время возглавлявшаяся видным общественным деятелем, публицистом и банкиром Иваном Ев. Гешовым¹¹. Это была партия крупной торговой, промышленной, банковской, землевладельческой буржуазии¹². Ее внешнеполитическая платформа менее четко выражена, чем у прогрессистов. Народники выступали за миролюбивую внешнюю политику и взаимопонимание как с Османской империей, так и с другими соседними государствами.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в., после падения Стамболова, в определенной мере произошла “реабилитация” русофильства, однако русофобство также не сдавало своих позиций. В результате сближения России с Британией и Францией болгарское общество перестало воспринимать русофобство как ориентацию на все великие державы при полном игнорировании России. Болгарская внешняя политика постепенно приобретала профессиональную зрелость, начинала понимать, что внешнеполитические отношения нельзя строить на полюсных категориях. Вот почему русофильство и русофобство как тенденции болгарской политической жизни сохраняли относительное равновесие¹³.

Принципы буржуазной демократии допускали также существование политических партий на классовой и сословной основе. В 1891 г. была основана Социал-демократическая партия. В 1903 г. сложившиеся в ней течения оформились в две самостоятельные пар-

тии социалистической ориентации – Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (широких социалистов) – БРСДП(ш.с.) во главе с Янко Сакызовым и Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (тесных социалистов) – БРСДП(т.с.) с лидером Димитром Благоевым. Обе партии в тот период обладали серьезной социальной опорой. В их руководстве преобладали молодые интеллектуалы, находившиеся под влиянием модных тогда социалистических идей и искренне верившие, что социалистическое общество обеспечит народу лучший образ жизни.

До вступления страны в первую мировую войну внимание обоих направлений в болгарской социал-демократии в условиях острой идейно-теоретической борьбы между ними было сосредоточено главным образом на организационной стороне рабочего и профсоюзного движения (в 1904 г. основан Общий рабочий профессиональный союз). К борьбе пролетариата за улучшение своего экономического положения путем проведения массовых акций обе партии подходили с разных позиций, хотя обе стояли на марксистской платформе. “Широкие социалисты” оформились как реформистская партия по образцу большинства партий II Интернационала, подходивших к марксизму с ревизионистских позиций, “тесняки” же развивались в русле революционного марксизма.

В 1908 г. на основе общепринятого во II Интернационале принципа – минимум единомыслия и максимальное единство действий – “широкие социалисты” создали партию под названием Болгарская рабочая социал-демократическая партия (объединенная) – БРСДП(о). Руководящие деятели международной социалистической организации неоднократно пытались убедить болгарских социал-демократов объединиться. Но “тесняки” оставались непреклонными – для них БРСДП(о) была не политической организацией рабочего класса, а ревизионистской мелкобуржуазной партией, с которой невозможно никакое объединение¹⁴. Существовали между ними и различия в подходах к решению болгарского национального вопроса¹⁵.

Еще одна партия, образованная на социальной основе, – Болгарский земледельческий союз. Земледельческое движение в Болгарии обрело свои корни еще в середине 90-х годов XIX в. Союз, возникший в обстановке подъема политической активности широких масс крестьянства, был создан в 1899 г. в Плевене – первоначально как профессионально-просветительская организация, а впоследствии, когда ее руководителем стал Александр Стамболийский, и как политическая партия. Получив в 1901 г. название Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), он стал в начале XX в. самой многочисленной партией Болгарии. Постепенно БЗНС включился в политическую жизнь Болгарии и превратился в значимую оппозиционную силу, которая заставляла правящие круги соотноситься с ее позициями. С самого начала БЗНС во внешней политике пропагандировал мир и взаимопонимание между балканскими народами¹⁶.

Появление таких партий, как БРСДП(о) и БЗНС, сужало социальную базу буржуазных политических объединений, подрывало их влияние среди ранее политически пассивной крестьянской и пролетарской массы.

Раздробленность политических сил препятствовала созданию в Болгарии сильных политических партий, которые бы очертили классический треугольник на политическом небосклоне: консерватизм – либерализм – социализм. Поэтому партии, стремившиеся к власти, были вынуждены образовывать коалиции, носившие зачастую временный и беспринципный характер. Болгарские партии не обладали достаточными средствами для того, чтобы существовать без “государственной дотации”. Это давало козырь князю Фердинанду, который искусно распределял власть. Персонифицированная им система власти получила в литературе несколько абсолютизированное исследование исследователями (и не в меньшей степени политиками) определение “режим личной власти”¹⁷.

Дело в том, что еще в конце XIX в. в Болгарии и в соседних балканских странах сложились условия для возникновения личных монархических режимов, черты которых оформились окончательно в первом десятилетии XX в. При этом субъективные желания и амбиции монархов самоутвердиться в качестве главных факторов политической жизни играли второстепенную роль в установлении режимов личной власти. Это происходило с помощью своеобразного механизма, типичного для большинства балканских государств.

Установившийся в Болгарии после диктатуры Стамболова политический механизм смены власти не имел ничего общего с классической западноевропейской системой и срабатывал по единому сценарию. Чаще всего Фердинанд провоцировал правительственный кризис путем отставки того или иного министра. В большинстве случаев это был глава военного или внешнеполитического ведомства, поскольку данные узловые структуры исполнительной власти имели для князя важнейшее значение. Уход одного из ключевых министров в силу классических принципов парламентаризма приводил к тому, что в отставку целиком уходил кабинет, негодный монарху. Затем князь назначал новое правительство, формальной задачей которого было проведение следующих парламентских выборов. Однако его состав подбирался дворцом так, чтобы он удовлетворял Фердинанда. А это означало, что в новый кабинет попадали персоны, склонные к тому, чтобы воспринять избранный монархом политический курс и следовать ему.

После этого Народное собрание распускалось. Поскольку Тырновская конституция предоставляла князю соответствующие полномочия, досрочный роспуск парламента стал обычным делом; ограничения же этих полномочий, также предусмотренные конституцией, последняя не гарантировала. Партии, представленные в новом правительстве, которое на практике было служебным, выигрывали

выборы с помощью разных способов – тайного давления административных органов на местах, махинаций до и во время голосования, подкупов, социальной демагогии, а иногда и прямых полицейских мер. Таким образом, кампании по формированию центральных органов политического представительства приобретали характер фарса¹⁸. Победив на выборах, данный кабинет пользовался поддержкой парламентского большинства. Но такое большинство являлось фикцией – оно отражало не волю народа, а одобрение монарха. Принцип парламентаризма был вывернут наизнанку – князь устанавливал личный контроль над исполнительной властью: ведь чтобы получить доступ к управлению, каждая партия вынуждена была идти на определенные компромиссы, которых требовал Фердинанд. Примеры пробуксовки этого отлаженного механизма, когда служебный кабинет и представленные в нем партии проваливались на выборах, были исключительно редки.

Фактически действия Фердинанда находились в противоречии с традиционными парламентскими процедурами, но они не нарушали конкретных конституционных предписаний. Монарх лишь использовал недостатки и лазейки, существовавшие в практическом применении Тырновской конституции, но не нарушал ее нормы. Его частые вмешательства во взаимоотношения правительства и парламента явно не соответствовали представлениям о конституционной монархии, каковой де-юре считалось Княжество Болгария.

Однако подобная практика явно удовлетворяла и монархию, и политические партии. Все партии оппозиции высказывались за ликвидацию этой порочной системы, но едва сами получали власть, тут же “забывали” о своей критике. Личный режим принимал форму негласного союза между монархией и политическими силами – союза, отвечавшего амбициям, менталитету и планам всех сторон.

Фердинанд устанавливал этот режим постепенно, выжидая созревания общественных условий и не прибегая к такой рискованной мере, как государственный переворот. Он очень хорошо понимал, что трон держится на армии, и не жалел средств, времени и сил на то, чтобы поставить ее под свой личный контроль. Как уже говорилось, военный министр назначался непосредственно монархом. Крайне ревностно Фердинанд относился и к внешнеполитическому ведомству: с одной стороны, из-за опасения дестабилизации престола по внешнеполитическим причинам, а с другой – из-за стремления осуществлять преемственность и синхронность действий болгарской дипломатии. Искусно придерживаясь так называемой “тактики качелей”, Фердинанд доказал, что он умеет проводить русофильскую политику руками русофобских правительств, и наоборот, русофобскую с помощью министров-русофилов¹⁹. Князь то выступал за сближение с Россией, то притворялся верным слугой султана, но в конечном счете его симпатии оказались на стороне Центральных держав²⁰.

Несмотря на негативное влияние личного режима, с развитием политической системы все большую роль начинало играть Народное собрание. Постепенно внедрялись хорошо известные в традиционной конституционной практике механизмы действия парламента: запросы, законодательные инициативы, парламентские расследования и комиссии, а также контроль над исполнительной властью. Население все активнее включалось в избирательный процесс. Если на начальном этапе становления болгарской государственности в выборах участвовало не более 15% имеющих право голоса, то накануне Балканских войн – от 55 до 65%.

В XX в. Болгария вступила с правительством, в котором преобладали представители Либеральной партии. После того как его глава Стоилов в январе 1899 г. подал в отставку, было образовано коалиционное правительство Народно-либеральной (“стамболовистской”) и Либеральной (“радославистской”) партий. Доминирующую позицию в нем имели приверженцы Радослава, получившего ключевой пост министра внутренних дел. Князь не решился доверить крайне амбициозному Радославу пост премьера и предложил его в октябре того же года более умеренному Тодору Иванчову.

Новое правительство унаследовало пустую казну. Страна пребывала в тяжелом финансовом положении, которое усугублялось аграрным кризисом на мировом рынке в конце XIX в. Цены на сельскохозяйственную продукцию резко упали, что сильно сказалось на поступлениях в бюджет. Чтобы предотвратить финансовый крах в стране, правительство приняло и провело через парламент решение о восстановлении натурального налога – ненавистой “десятины”, взимаемой еще при османском господстве. Это была временная мера, но она встретила широкий общественный отпор. Все оппозиционные политические партии выступили против этого решения. Особенно недовольно было население земледельческих районов. Массовые митинги и волнения произошли в Русенском, Варненском, Ловечском, Плевенском и Шуменском округах. Радослав хладнокровно и жестоко расправился с бунтовщиками. 18 марта 1900 г.²¹ войска стреляли в участников митинга в Варне, пытавшихся захватить общественные здания. Позднее крестьяне сел Трыстеник (Русенский округ), Шабла и Дуранкулак (Варненский округ) поднялись на вооруженный мятеж, также быстро подавленный правительственными войсками.

Конечно, подобные действия расшатали положение правительства. 25 января 1901 г. князь передал власть беспартийному генералу Рачо Петрову, составившему переходный кабинет, перед которым стояла задача провести в феврале выборы в Народное собрание. Эти выборы не принесли необходимого числа депутатских мандатов ни одной из партий. Между отдельными буржуазными партиями начались переговоры о возможности образования коалиции. При создавшемся положении исключительно важной становилась

позиция князя Фердинанда в качестве арбитра. Тяжелое финансовое положение, растущая напряженность на Балканах и натянутые отношения с Россией вынудили князя привлечь к управлению русофилов из Прогрессивно-либеральной и Демократической партий. Их коалиционный кабинет под председательством демократа Каравелова правил страной до января 1902 г., когда после неудавшейся попытки погашения внешнего долга премьер подал в отставку.

Новое правительство Данева было составлено уже только из прогрессистов. Их внешнеполитическая ориентация подчинялась стремлению поддерживать тесные связи с Россией, при помощи которой они рассчитывали достичь своих основных целей²². Так как финансовый кризис продолжался, кабинет пытался получить выгодный заем. В конечном счете при посредничестве Петербурга его предоставили французские банки, поскольку Франция и Россия проводили тогда согласованную линию в отношении Болгарии.

Кабинет Данева организовал большие торжества по случаю 25-летия освобождения Болгарии от османского ига. Освящение храма-памятника на Шипке вызвало слезы ветеранов освободительной войны во главе с творцом Сан-Стефанского договора председателем Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества графом Н.П. Игнатьевым, который высказал уверенность в скором осуществлении сан-стефанского идеала.

Правительство Данева, стремившееся к достижению той же заветной цели, соотносило свою внешнюю политику с пожеланиями царской дипломатии. В 1902 г. начались переговоры о заключении тайной военной конвенции между Болгарией и Россией. С этой целью в Петербург прибыли князь, премьер-министр и военный министр Стефан Паприков. После продолжительных переговоров 13 июня 1902 г. стороны подписали военную конвенцию²³. Она стала ответом на конвенцию, заключенную в 1900 г. Австро-Венгрией и Румынией и “развязавшую руки” Бухаресту в отношении Болгарии. В случае военного конфликта Румыния получала тогда право расширить свою территорию за счет зоны между Варной, Шуменом, Русе и Силистрой. Теперь болгарская дипломатия стремилась обеспечить свой тыл, но ей не удалось привлечь Россию к союзу против основного противника страны – Турции. Петербург продолжал свою политику сохранения статус-кво на Балканах и не брал на себя никаких обязательств, которые могли бы вовлечь Российскую империю в военные действия на полуострове²⁴.

Чтобы облегчить получение денежного займа, болгарское правительство вынуждено было пойти на уступку, связанную с вопросом о назначении сербского епископа Фирмилиана на должность митрополита в Ускюбе (Скопье) вместо почившего греческого священнослужителя. Российская дипломатия, делая ставку одновременно и на Софию, и на Белград, настоятельно рекомендовала болгарскому правительству прекратить сопротивление по этому щекотли-

вому вопросу. Турецкий же султан Абдул-Хамид II, проводивший в отношении христианских народов своей империи политику “разделяй и властвуй”, назначил Фирмилиана митрополитом от имени Константинопольской патриархии²⁵.

Другое условие России, с которым согласилась София, заключалось в принятии мер против македонских организаций в Болгарии. Все это дискредитировало правительство “прогрессистов” в глазах болгарской общественности. Князь Фердинанд был вынужден искать способ порвать с ним. После скандала между министрами и князем Данев подал в мае 1903 г. в отставку, которая сразу же была принята.

Управление страной вновь было возложено на Народно-либеральную партию. Так совсем неожиданно приверженцы Стамболова опять оказались у кормила власти, причем на целых пять лет, до начала 1908 г. Правда, за это время совет министров перетасовывался четыре раза: во главе его последовательно стояли Рачо Петров, Димитр Петков, Димитр Станчов и Петр Гудев.

В мае 1903 г. сформировалось правительство Петрова. Князь сразу не рискнул поставить во главе кабинета Петкова, который и внешне, и поведением слишком напоминал ему покойного Стамболова. Но лидер “стамболовистов” получил ключевое министерство внутренних дел и стал строить планы введения в княжестве диктатуры, приостановления и без того шатких демократических процессов²⁶. В ноябре 1906 г. в связи с финансовым скандалом, который погубил карьеру генерала Рачо Петрова, Фердинанд был вынужден заменить его Петковым. Неконституционные и насильственные методы последнего встретили резкое сопротивление. Началось забастовочное движение, особенно продолжительное на железной дороге. Вспыхнув в конце декабря 1906 г., оно длилось 40 дней. В том же году получила широкий международный отклик забастовка шахтеров в Пернике. Недовольство студентов проявилось 16 января 1907 г. при открытии Народного театра – они освистали князя. Последовали аресты студентов, против чего выступили преподаватели. Поступок студентов совет министров квалифицировал как “безрассудные действия части учащейся молодежи” против “высокой особы князя” и “неслыханное злоупотребление свободой”, требующее “быстрых и вразумительных мер”. В качестве ответной меры правительство закрыло Софийский университет на полгода (а фактически – на девять месяцев) и уволило всех преподавателей²⁷.

Правление “стамболовистов” совпало с периодом экономического подъема. В значительной степени этому способствовала политика государства, носившая ярко выраженный протекционистский характер. Еще с 1905 г. действовал новый таможенный тариф, защищавший болгарскую индустрию от конкуренции западноевропейских товаров. На основании этого тарифа в 1905–1906 гг. Болгария заключила действовавшие до 1912 г. торговые договоры с главными

европейскими державами – Россией, Германией, Великобританией, Францией и Италией и впервые добилась установления высоких специфических пошлин на большинство импортируемых ею промышленных товаров. По инициативе Геннадиева был принят и в апреле 1905 г. вступил в силу новый закон о поощрении промышленности. Он отличался универсальностью и щедростью в отношении крупной индустрии и предоставлял предпринимателям многочисленные льготы и привилегии, включая право концессии, т.е. монопольного производства в определенном районе²⁸.

Положительные результаты не замедлили сказаться. Если до этого было зарегистрировано 283 индустриальных предприятия, то накануне Балканских войн их насчитывалось уже 820. В восемь раз увеличились инвестиции в промышленность. Правда, индустрия сохраняла свой сельскохозяйственный профиль, так как большинство предприятий перерабатывали продукцию болгарского земледелия. Пищевая промышленность занимала 42,3% от общего числа промышленных предприятий, а текстильным производством занимались 20,9% всех фабрик. Из-за отсутствия тяжелой и машиностроительной индустрии Болгарии приходилось ввозить технику из-за рубежа²⁹. Несмотря на значительное увеличение числа сельхозмашин, болгарское земледелие оставалось слабо механизированным и примитивным. Деревянная соха по-прежнему преобладала, плуги использовались только в 18% хозяйств³⁰. Однако уже в 1905 г. Болгария занимала первое место в Европе по производству пшеницы на душу населения.

Число рабочих, занятых в промышленности, было невелико. На одно предприятие приходилось в среднем 13 человек. Болгарская индустрия оставалась еще полуремесленной, использовалось очень мало машин и электроэнергии³¹. Рабочий класс занимал незначительное место в социальной структуре общества.

Правительство “стамболовистов” выполняло развернутую строительную программу. Прокладывались железнодорожные линии Тырново–Трявна–Борущица и Радомир–Кюстендил–Гюешево. Обе имели стратегическое и экономическое значение – первая связывала Северную и Южную Болгарию, а вторая должна была открыть путь к Македонии. Серьезное внимание уделялось и строительству шоссе, протяженность которых за период с 1899 по 1911 г. возросла с 3680 до 8945 км. Были сооружены также причалы в придунайских городах Русе, Свиштове и Видине, реконструированы порты в Бургасе (1903) и Варне (1906)³². Все это создавало условия для развития внутренней и внешней торговли. В 1905–1907 гг. экспорт товаров вырос настолько, что впервые обеспечивал активный торговый баланс. Но позитивному развитию внешнеэкономических связей препятствовал политический фактор – вследствие вассального характера Княжества Болгария Берлинский трактат 1878 г. распространил на него систему капитуляций, установленную в Османской империи.

Постепенно развивалась и укреплялась финансовая система страны. В начале XX в. в Болгарии функционировали 29 банков, только за одно десятилетие их число достигло 61. За это же время количество акционерных обществ утроилось – в 1912 г. их было уже 172. Многие банки и акционерные общества образовались с участием иностранного капитала³³.

“Стамболовисты” уделяли большое внимание вооруженным силам. В конце 1903 г. был принят специальный закон об устройстве вооруженных сил. Состав армии увеличился с 25 тыс. до 60 тыс. человек. Ежегодно проводились военные учения. Штаб армии разработал план войны с Турцией, в соответствии с которым Болгарии для решения своих национальных задач необходимо было иметь 400-тысячную армию с современным вооружением и подготовленным офицерским корпусом. Более 30% бюджета страны выделялось на нужды армии. Закупалось современное оружие, прежде всего в Австро-Венгрии, Франции и Германии. Многие офицеры направлялись на обучение в военные заведения России, Италии, Германии и Франции³⁴. Иностранцы военные специалисты, присутствовавшие на регулярных маневрах болгарской армии, отмечали высокие боевые качества войск. В это же время в европейской печати стали говорить о болгарях как о “балканских японцах и пруссаках”.

Правительство Народно-либеральной партии реформировало и большую часть государственно-административных структур, уделяя особое внимание местной администрации и юстиции. Численность реформированной полиции возросла почти вдвое и достигла в 1907 г. 4500 человек. Реформа затронула и область медицинского обслуживания. Правящая партия также предприняла некоторые шаги по созданию системы социального страхования. В 1905 г. Народное собрание приняло закон о защите женского и детского труда. Специальный закон о благоустройстве населенных пунктов (1905) сыграл важную роль в развитии болгарских городов и сел.

“Стамболовисты” оставили заметный след в развитии болгарской культуры. Министр народного просвещения видный ученый Иван Шишманов направлял усилия на то, чтобы болгарское образование стало всеобщим и обязательным³⁵. Создавалось много общеобразовательных и профессиональных школ, улучшилась их материальная база, увеличились средства на образование, заложенные в бюджет³⁶. К концу первого десятилетия XX в. практически вся страна была охвачена начальными школами, число которых превысило 3500. Средства на их содержание выделяли общины и государство. Функционировали 26 гимназий. В январе 1905 г. Высшее училище было переименовано в Болгарский университет им. Св. Климента Охридского. Эти важные реформы положительно сказались на повышении уровня грамотности болгарского населения. Если в 1900 г. грамотные составляли 23,9% от общего числа населения, то в 1910 г. их было 33,7%³⁷.

К истории “македонского вопроса”

Болгарское правительство усиленно занималось македонскими проблемами. Известно, что по Сан-Стефанскому мирному договору Македония была включена в состав Княжества Болгария. Однако смелый замысел российской дипломатии создать обширное славянское государство встретил противодействие Запада. Берлинский трактат возвратил Македонию под турецкое управление. Великие державы, подписавшие трактат, обязали Османскую империю провести там со временем реформы, чтобы уравнивать в правах христиан с мусульманами. Но это обязательство Стамбул не выполнял. С 1878 г. в Македонии не прекращалась борьба христианского населения против религиозного, политического и национального беспорядка.

К началу XX в. налицо была интернационализация македонского вопроса. Из внутренней проблемы Османской империи он превратился в проблему региональную, затрагивавшую интересы соседних стран и великих держав, внимание которых к Македонии определялось ее важным геополитическим положением³⁸. Местное население отличалось этнической пестротой. Более половины его составляли славяне, часть которых не вполне осознавала свою национальную принадлежность, а другая часть определяла себя как “македонские болгары”. По данным болгарского историка и этнографа Васила Кынчева, опубликованным в 1900 г., в Македонии проживало: болгар – 1 181 336, турок – 499 204, греков – 228 702, албанцев – 128 711, румын – 60 767, евреев – 67 840, цыган – 54 557, русских – 4000 и т.д.³⁹ Порта, как известно, идентифицировала своих подданных в соответствии с их вероисповеданием. Однако с пробуждением национального самосознания эта система начала себя изживать. Одной из основных форм национально-освободительного движения стала борьба за собственную церковь.

После образования в 1870 г. Болгарской экзархии начался переход значительной части православного населения Македонии, подчиненного ранее Константинопольской патриархии, под юрисдикцию Болгарской церкви. В целях ослабления позиций греков и болгар, в которых османские власти усматривали своих основных противников, они стали поддерживать в Македонии влияние сербского духовенства. В результате ее северо-западная часть оказалась спорной между сербами и болгарями областью. Таким образом, в православном мире процесс национального самоопределения начал дробить население на патриархистов (“грекоманов” и “сербоманов”) и экзархистов (“болгароманов”)⁴⁰.

В 1893 г. в Салониках возникла тайная организация, нацеленная на достижение широкой политической автономии Македонии в рамках Османской империи⁴¹. Чтобы подчеркнуть свою самостоятельность и непричастность к македонским комитетам, существовавшим

в Софии, Афинах и Белграде, она стала именоваться Внутренней македоно-одринской революционной организацией (ВМОРО)⁴². Основной формой ее деятельности являлась вооруженная борьба партизанских отрядов (чет) против османской администрации и жандармерии⁴³. В качестве крупнейшего идеолога и руководителя организации вскоре выдвинулся Гоце Делчев, мечтавший об автономии Македонии в рамках федерации республик на Балканах.

Деятельность ВМОРО соответствовала политике софийского правительства, которое в конце XIX – начале XX в., учитывая позицию великих держав и соседних балканских стран, не выступало за прямое присоединение Македонии к Болгарии. София отстаивала предоставление автономии этой провинции Османской империи согласно 23-му параграфу Берлинского трактата и рассматривала данную меру как промежуточный этап на пути к присоединению.

В Болгарском княжестве задача воссоздания Сан-Стефанской Болгарии получила широкое общественное звучание. Здесь активно действовали выходцы из македонских земель, занимавшие значительное место в политической, культурной и научной жизни Княжества Болгария⁴⁴. С 1897 г. в болгарской армии создавались тайные офицерские общества (“братства”), вовлеченные в борьбу за достижение автономии Македонии и Фракии. Их создание противоречило законам страны и воинским уставам. Объединяли эти общества главным образом младших офицеров. В 1900 г. они включали уже 1 тыс. человек, что составляло почти половину численности офицеров, находившихся на действительной службе в болгарской армии. Теперь уже в “братства” входили и старшие офицеры⁴⁵.

Возникли и легально действовавшие организации, среди которых особое место занимал Верховный македоно-одринский комитет (ВМОК). Основанный в марте 1895 г., он оказывал важную материальную помощь ВМОРО, особенно при формировании чет и снабжении их оружием и деньгами⁴⁶. Руководившие комитетом офицеры болгарской армии избрали тактику отправки чет в Македонию и в Адрианопольский (Одринский) вилайет (Восточную Фракию) с целью провоцировать там локальные выступления, которые могли бы вызвать вмешательство великих держав, обеспечив их давление на Порту и тем самым решение македонского вопроса дипломатическим путем. Эта тактика противоречила идеологии и стратегии ВМОРО.

Различия в методах действия проявились наиболее отчетливо при обсуждении вопроса о подготовке всеобщего восстания в Македонии и Восточной Фракии. Руководители ВМОК и особенно ставший заместителем его председателя с лета 1901 г. генерал запаса Иван Цончев настаивали на нанесении основного тактического удара с территории Княжества Болгария путем засылки новых, хорошо вооруженных и руководимых офицерами чет. Представители ВМОРО возражали против такой искусственно “привнесенной” ре-

волюции и утверждали, что восстание должно начаться в самой Македонии, а действия ВМОК, осуществляемые с болгарской территории, носили бы лишь вспомогательный характер⁴⁷.

Эти разногласия, начавшиеся как чисто тактический спор, вылились в открытую и непримиримую борьбу между двумя центрами⁴⁸. Четыре Верховного комитета вошли в Пиринский край и спровоцировали там в октябре 1902 г. Горноджумайское восстание. Из-за негативного отношения к восстанию со стороны руководства ВМОРО оно не распространилось на соседние районы и было жестоко подавлено. Но и это не остановило ВМОК, который планировал новое восстание на весну 1903 г.

Однако 13 февраля кабинет Данева запретил деятельность македонских организаций на болгарской территории и арестовал их активных деятелей. Некоторые офицеры, связанные с македонским движением, были уволены, продажа оружия в стране запрещена. Правительство тем самым желало продемонстрировать Европе и Турции свое стремление к миру. Этот маневр был, прежде всего, обусловлен интересами безопасности страны, на границах которой началось сосредоточение османских войск. Под давлением из Петербурга и Вены Стамбулу тоже пришлось пойти на уступки и принять, по крайней мере на словах, разработанную Россией и Австро-Венгрией в феврале 1903 г. новую программу реформ для европейских вилайетов Турции⁴⁹.

Между тем ситуация в Османской империи, обострившаяся в связи с Горноджумайским восстанием, накалялась. В апреле 1903 г. заявили о себе так называемые “гемиджии”⁵⁰ во главе Й. Попйордановым (Орце) – группа юношей, только что окончивших болгарскую гимназию в Салониках. Они действовали самостоятельно и независимо от ВМОРО, хотя и поддерживали связь с Делчевым, от которого получали финансовую поддержку. Под влиянием анархистских идей эта группа восприняла тактику индивидуального террора. “Гемиджии” не верили в результативность всеобщего восстания и были глубоко убеждены, что только террористические акты приведут к вмешательству великих держав и к прекращению османского господства в Македонии.

Они взорвали французский пароход “Гвадалквивир”, находившийся в Салоникском порту, затем совершили диверсию на железной дороге, повредили систему газо- и водоснабжения Салоник и в довершение всего взорвали здание местного отделения Оттоманского банка. Почти все участники этой группы погибли в перестрелке с османскими жандармами⁵¹.

В связи со взрывами было арестовано свыше 3 тыс. человек. Фанатично настроенные представители местного мусульманского населения открыто готовились к крайним мерам “возмездия” в отношении христиан. Только вмешательство иностранных дипломатов предотвратило массовые погромы. Взрывы привлекли к Македонии

внимание европейских правительств. Австро-Венгрия, Франция и Италия направили в Салоники военные корабли для защиты своих подданных⁵².

Среди деятелей ВМОРО все больше крепла мысль о всеобщем вооруженном восстании в Македонии. На съезде организации, состоявшемся в Салониках в январе 1903 г., было решено провести его ближайшим летом, но “только в подготовленных для массового движения районах”. В остальных предполагалось ограничиться терактами и четническими акциями. Некоторые видные деятели ВМОРО, включая Делчева, выступали против такого решения. Они указывали на недостаточность подготовки и неблагоприятную обстановку на Балканах, но подчинились решению большинства, как того требовала строгая дисциплина, царившая в организации. О предстоящей акции уведомили и руководство ВМОК, приглашая его к сотрудничеству⁵³. Началась массовая агитационная, организаторская и военно-техническая подготовка к восстанию.

Принятый план восстания гласил: “Цель борьбы не в том, чтобы нам победить Турцию, а в том, чтобы она не могла нас победить; чем продолжительнее борьба, тем вероятнее, что однажды европейские державы будут вынуждены вмешаться. Предпочтительнее продолжительное восстание, хотя и более слабое, чем сильное, но кратковременное, поскольку, задушив восстание, Турция воспользуется случаем и заявит Европе, что порядок восстановлен... Партизанская борьба должна вестись так, чтобы в любом случае восстание продолжалось хотя бы до зимы”⁵⁴. В соответствии с планом территория Македонии делилась на шесть повстанческих округов. В разгар подготовки восстания в случайной стычке с турецкими властями близ села Баница 4 мая был убит Делчев⁵⁵.

Российская дипломатия пристально следила за набирающим остrotу македонским вопросом, но не собиралась помогать повстанцам. Посланник в Софии Ю.П. Бахметьев в разговоре с главой кабинета Петровым подчеркнул, что, как бы в России «ни соболезнавали тем, которые действительно безвинно страдают, “своя рубашка ближе к телу” и русский народ несравненно дороже государю, нежели все другие славянские, взятые вместе; что македонцы могут найти спасение только в терпении и восстанием они не только ничего не возьмут, а только испортят и затянут дело, и что надежды таких руководителей комитетов, как Михайловский, Ризов, Цончев, Сарафов, своей кровью или, скорее, кровью своих братьев разжалобить цивилизованный мир есть только заблуждение и самообольщение»⁵⁶.

Этот разговор состоялся 2 августа 1903 г., в день Св. Ильи, когда в Македонии вспыхнуло восстание. Оно проходило под лозунгом “Свобода или смерть!” и охватило Битольскую, Кичевскую, Прилепскую, Охридскую, Костурскую и Леринскую казы⁵⁷ Македонии⁵⁸. Повстанческие четы действовали в основном в горах, придерживаясь принятого ранее плана ведения партизанской борьбы⁵⁹.

19 августа, на праздник Преображения, началась вооруженная борьба в Адрианопольском вилайете. От османской власти были освобождены причерноморские города Василико и Ахтопол. Установилась так называемая “Странджанская республика”, просуществовавшая около 20 дней. Она отразила стремление местных лидеров (Л. Маджарова, С. Икономова и М. Герджикова) не только реализовать национальное освобождение, но и провести радикальные социальные реформы, особенно в системе землевладения.

Несмотря на хорошую организацию и массовое участие населения, Ильинденско-Преображенское⁶⁰ восстание было с самого начала обречено на неудачу. Без поддержки извне восставшие не могли продержаться, а правительство Болгарии отказалось направить на помощь войска. Это вызвало бы недовольство соседних балканских стран, а также Австро-Венгрии и России. Последние строго предупредили софийский кабинет, что он не получит поддержку, если окажет помощь восставшему населению и создаст военный конфликт с Турцией⁶¹. Воевать же в одиночку против Османской империи болгары не решались после поражения греков в войне с Турцией в 1897 г.

В конце октября турецкое правительство жестоко подавило восстание. Более 200 сел было сожжено дотла, количество убитых исчислялось несколькими тысячами. В Македонии и в Адрианопольском вилайете большое число учителей и священников подверглись арестам и депортации в Малую Азию. Около 30 тыс. человек эмигрировали в Болгарию⁶².

Порта, обвиняя софийский кабинет в разжигании беспорядков, сосредоточила свои войска на болгаро-турецкой границе. Двусторонние отношения обострились до предела, возникла опасность вооруженного конфликта⁶³. События в Македонии усилили внимание к ней со стороны Греции и Сербии, а также Румынии, создав угрозу общевосточного конфликта и нарушения территориального и политического статус-кво⁶⁴.

В международном плане восстание в Македонии и Фракии заставило Россию и Австро-Венгрию выработать соглашение о реформах, подписанное 16 октября 1903 г. В историю оно вошло как Мюрцштегское соглашение⁶⁵. Согласно ему для контроля над проведением реформ назначались два гражданских агента – российский и австро-венгерский. Декларировалась необходимость реорганизации турецкой жандармерии. Один из пунктов, который с особой надеждой воспринимался в Болгарии, содержал требование “изменить территориальное разграничение административных единиц в видах более правильной группировки народностей”. Документ требовал преобразования административных и судебных инстанций и допуска туда местных христиан.

Великобритания единственная среди великих держав приняла Мюрцштегскую программу с оговоркой. Лондонский официоз “Таймс” оценил ее как “установление австро-русского кондоминиу-

ма в Македонии”. Британское правительство оставило за собой “право предложить свою схему реформ, если программа двух держав на практике окажется недостаточной”.

Форин оффис предлагал установить над Македонией коллективный контроль держав “европейского концерта”. Но державы не поддержали британского предложения, справедливо усмотрев в нем скрытую цель отделить Македонию от Османской империи и подчинить ее исключительно своему влиянию.

Позднее, в начале 1905 г., воспользовавшись тяжелым положением российского царизма в связи с революцией и русско-японской войной, Лондон снова попытался взять в свои руки решение македонского вопроса. Достигнутое к этому времени англо-французское соглашение 1904 г. и сближение Франции с Италией позволяли англичанам надеяться на поддержку этих двух держав. Форин оффис предложил распространить реформы и на Адрианопольский вилайет⁶⁶. Данное предложение было направлено к тому, чтобы изъять Адрианополь из-под контроля Стамбула и дать надежду Болгарии на возможность его присоединения. Дело в том, что в это время Лондон делал ставку на Болгарию как опору своего влияния на Балканах, полагая, что ее можно использовать в борьбе против России. Британское правительство проявляло заботу о военной подготовке Болгарии, оказывая помощь в усилении ее вооружений. Для “ознакомления” с болгарской армией в Софию были командированы британские офицеры. Фирма “Армстронг” предлагала болгарскому правительству оборудовать пороховой завод⁶⁷.

Что же касается России, то Мюрцштегская программа в целом соответствовала ее политической линии. Петербург желал сохранить свое влияние на балканские страны и предотвратить нарушение статус-кво⁶⁸. В зависимости от собственных симпатий и политических убеждений российские дипломаты предлагали различные варианты решения македонского вопроса – от присоединения Македонии к Болгарии, образования самостоятельного Македонского княжества до раздела Македонии между балканскими государствами. Однако эти предложения не оказали никакого влияния на политику официального Петербурга⁶⁹.

Такая политика России вызвала усиление русофобских настроений в Болгарии. Правда, эта политика смягчалась существованием в российском обществе сторонников решения македонской проблемы в пользу Болгарии. Так, граф Игнатев полагал, что “присоединение Македонии к Болгарии позволило бы избежать новой резни со стороны турок и решить церковный вопрос, возникший из-за македонской епархии”. Что касается территориальных притязаний Сербии, то, по его мнению, их можно было бы удовлетворить за счет Боснии и Герцеговины⁷⁰.

Осуществление Мюрцштегской программы не решило проблемы в Македонии. Там сохранялась напряженность и продолжался

произвол турецких властей. Местное население регулярно направляло жалобы представителям России Н.К. Демеру и Австро-Венгрии Г. Мюллеру, которым было поручено контролировать осуществление там реформ⁷¹.

После поражения Ильинденско-Преображенского восстания болгарский элемент в Македонии и Восточной Фракии резко ослаб. Софийское правительство пыталось поправить эту ситуацию путем соглашения со Стамбулом, которое стало возможным в марте 1904 г. после трудных переговоров. Порта обещала претворить в жизнь Мюрцштегские реформы, а также амнистировать всех арестованных (более 4 тыс. человек, главным образом священники и учителя), разрешить возвратиться в родные места тысячам беженцев и даже предоставить средства для помощи им. Также Стамбул пообещал отменить введенные в 1903 г. ограничения на ввоз болгарских товаров. София, со своей стороны, обязалась приложить усилия, чтобы воспрепятствовать переходу в европейские вилайеты Турции революционеров из Болгарии. Соглашение было единственно возможным выходом из острого кризиса в болгаро-турецких отношениях. Его одобрили великие державы⁷².

Кабинет Петрова искал согласия и с Сербией. В 1904 г. был подписан очередной военный договор, в котором оба государства одобряли Мюрцштегскую программу, обещали совместно препятствовать любому военному вмешательству в Македонии и обязались оказывать военную поддержку друг другу в случае нападения на одну из сторон⁷³. Однако пока македонский вопрос не был решен, соглашение практически не выполнялось. В 1904–1905 гг. наблюдались столкновения сербских и болгарских чет в районе Куманово, а в 1906 г. около Ускюба между ними произошло ожесточенное сражение⁷⁴. К 1906 г. сербское влияние уже распространилось на южную часть Вардарской Македонии, включая Ресен, т.е. на область, которую до 1903 г. Болгарская экзархия считала своей⁷⁵.

Тем не менее болгарское влияние оставалось сильным. Накануне Балканских войн в Македонии и Адрианопольском вилайете имелось 1373 болгарских учебных заведения. В них насчитывалось 79 857 учеников. В то же время Болгарская экзархия располагала 1180 церквями, имела 7 епархий в Македонии (Охрид, Скопье, Неврокоп, Велес, Битоля, Струмица и Дебар). Болгарская церковная организация была представлена и в других епархиях Македонии и Фракии⁷⁶.

В 1907 г. болгарское правительство уже не скрывало, что восстановление сан-стефанских границ является священной национальной целью. Такая задача могла быть доверена только национальной армии, но не отдельным авантюристам. Поэтому стратегия правительства состояла в ожидании улучшения дипломатической ситуации и отмены австро-русского вето на любые перемены на Балканах. Этот период ожидания предполагалось использовать для мо-

дернизации государства и укрепления армии, способной ответить на возможный вызов⁷⁷.

Петров руководил советом министров до начала ноября 1906 г., после чего его сменил лидер “стамболовистов” Петков. Однако в марте 1907 г. тот был застрелен на улице уволенным чиновником. Кровавые расправы с политическими деятелями постепенно становились в Болгарии привычным делом. После коротких периодов правления Станчова и Гудева в январе 1908 г. под натиском общественного мнения, оппозиционных политических партий и самого князя кабинет Народно-либеральной партии подал в отставку.

Следующий кабинет составили демократы во главе с Малиновым. Он провел ряд мелких реформ, направленных на смягчение некоторых суровых законов, восходящих еще ко временам Стамболова, восстановил уволенных университетских преподавателей. Однако главный успех правительства Малинова, проводившего активную внешнюю политику и стремившегося получить поддержку России в решении национального вопроса, связан с объявлением полной независимости Болгарии.

Провозглашение независимости и объявление Болгарии царством

Берлинский трактат предусматривал вассальную зависимость Княжества Болгария от турецкого султана, выплату ежегодных денежных сумм в пользу империи, а также оплату части долгов последней, сохранение “режима капитуляций” и т.д. Это способствовало закреплению диспропорции в развитии основных отраслей болгарской экономики, пагубно сказывалось на развитии производительных сил страны, ущемляло ее интересы в ведении международных дел. В данном случае речь идет прежде всего о неравноправных торговых договорах, заключенных великими державами с Болгарией в конце XIX в. и подтвержденных в начале XX в. Их действие мешало реализации протекционистской политики государства в отношении развивающейся промышленности и промышленного капитала.

До 1908 г. Фердинанд и сменявшие друг друга болгарские правительства предприняли ряд неудачных зондажей в столицах великих держав, выясняя их отношение к эвентуальному провозглашению Болгарией независимости. Такие попытки делались в 1897, 1905 и 1907 гг.⁷⁸ Вспыхнувшая в июле 1908 г. младотурецкая революция серьезно повлияла на расстановку сил на международной арене, коренным образом изменив ситуацию на Балканах и отношение к Османской империи со стороны великих держав, которые ранее в соответствии с Берлинским трактатом являлись гарантами ее территориальной целостности и сторонниками поддержания статус-кво.

Кабинет Малинова и Фердинанд решили использовать охлаждение в отношениях большинства великих держав с Турцией и добиться ликвидации вассальной зависимости Княжества Болгария от Османской империи.

Первым конкретную мысль воспользоваться данной обстановкой и провозгласить независимость высказал болгарский дипломатический представитель в Стамбуле Иван Ст. Гешов. Еще 1 августа 1908 г. в частном секретном письме министру иностранных дел Паприкову он констатировал, что эта революция чревата для Болгарии отрицательными последствиями, так как прежде всего отдаляет радикальное решение македонского вопроса, т.е. присоединение Македонии к Болгарии. «Если мы что-то теряем в связи с младотурецким переворотом, – продолжал Гешов, – то нам следует получить какое-то возмещение. Таковое не может быть в нынешнее время иным, кроме полной независимости Болгарии. Соображения и причины, которые до сих пор мешали этому, уже перестают существовать, по крайней мере в том, что касается македонской точки зрения. Почему бы нам не воспользоваться сложившейся ситуацией и одним решительным действием не разорвать раз и навсегда то, что нас привязывает к Турции, провозгласив Болгарию независимым государством?»⁷⁹

Но в Софии пока что сочли это предложение Гешова преждевременным. Сообщая о нем 7 августа находившемуся в Австро-Венгрии Фердинанду, Паприков писал: «Я же считаю, что такой шаг ныне является очень рискованным и очень опасным. Именно теперь мы бы стали громоотводом. Чуть попозже, очевидно, сделать это было бы и легче, и безопаснее»⁸⁰. Кабинет предпочел выжидать развития событий и активно содействовать созданию в Македонии так называемых «конституционных клубов»⁸¹.

Лишь 19 августа, когда ситуация в Османской империи почти стабилизировалась, Паприков написал Фердинанду следующее: «Нашей ближайшей целью должны быть независимость Болгарии и сохранение некоторых особых прав в управлении Македонией, например автономия общин, автономия учебного дела и пр.»⁸² Спустя два дня Малинов также направил князю письмо-доклад, в котором настаивал на том, что момент для провозглашения независимости полностью созрел⁸³.

В воспоминаниях, опубликованных в 1938 г., Малинов утверждал, что именно ему в 1907 г. и позднее принадлежала инициатива конкретно-практической постановки вопроса о национальной независимости в ходе контактов с монархом⁸⁴. Действительно, по получении указанного письма князь вызвал премьера в свое венгерское имение Пустамазош. Там они в принципе обсудили вопрос о провозглашении независимости Болгарии. Дату этого судьбоносного акта предполагалось определить дополнительно⁸⁵. Фердинанд – осторожный и хитрый дипломат, – по сути поддерживая идею провозглаше-

ния независимости, пытался в течение некоторого времени не выходить на политическую авансцену, чтобы в случае срыва подготовки акции обеспечить себе необходимое алиби. Этим, вероятно, можно объяснить его нерешительную и нечеткую позицию в вопросе об установлении конкретной даты провозглашения независимости.

Вскоре пришедшее к власти правительство младотурок заговорило о восстановлении османского правления на всех территориях, где султан имел формальную власть. Болгария почувствовала себя задетой, когда 13 сентября 1908 г. ее дипломатический представитель в Стамбуле Гешов не получил приглашения на традиционный прием у великого везира под предлогом, что Болгария является вассальной Турцией страной. Болгарское правительство реагировало на это очень остро, отозвав 15 сентября Гешова в Софию. Через шесть дней Малинов телеграфировал Паприкову: «Инцидент с Гешовым является отличным поводом для того, чтобы мы энергично подняли вопрос о независимости»⁸⁶. Кризис в отношениях между двумя государствами назрел.

Используя забастовку на железнодорожной линии Белово–Свиленград, которая являлась собственностью Турции, болгарские власти 19 сентября 1908 г. взяли эту линию под свой контроль. Кризис еще более усугубился тем, что помимо Турции оказались затронуты также интересы и многих западных банков, прежде всего германских и австрийских, вложивших в железную дорогу свои капиталы.

В этой ситуации болгарское правительство предприняло дипломатические зондажи по вопросу о признании независимости страны, не желая идти на одностороннее нарушение Берлинского договора. Фердинанд особое внимание уделял позиции Вены. Его интерес к Австро-Венгрии не был случайным. В 1908 г. истекал определенный Берлинским конгрессом срок оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. В Вене всячески искали способ нарушить договор и окончательно аннексировать оккупированные земли. Поэтому София смотрела на Австро-Венгрию как на движущую силу назревавшего кризиса и стремилась использовать ее участие в нем как державы, подписавшей Берлинский договор.

Болгар подталкивало к объявлению независимости и французское правительство, которое, увязнув в противоречиях с Германией из-за Марокко, искало способ создать еще один конфликт и направить взгляд мировой дипломатии на восток. Россия не возражала против независимого статуса Болгарии, но стремилась согласовать действия Софии с проблемой аннексии Боснии и Герцеговины.

Болгарское правительство, настроенное решительно, делало все, чтобы ускорить намеченный акт. Пока князь Фердинанд колебался и полуконфиденциально оставался в Вене, 29 сентября 1908 г. совет министров в отсутствие Малинова постановил немедленно провозгласить независимость. Князь, однако, сумел отсрочить ис-

полнение этого решения. Министры засыпали Фердинанда нетерпеливыми телеграммами, но он не отвечал. Кобург стремился заручиться поддержкой Вены, но та потребовала возвращения железной дороги в Южной Болгарии ее собственникам. Фердинанд готов был пойти на такую уступку, но кабинет занял твердо негативную позицию в данном вопросе, а Малинов даже угрожал своей отставкой. Таким образом, правительство целиком взяло на себя ответственность за дальнейший ход событий.

Наконец, заручившись личной поддержкой австрийского императора Франца Иосифа, Фердинанд 3 октября сообщил, что возвращается в Болгарию через Русе. Туда же поездом направились и министры, ничего не знавшие о намерениях монарха и на протяжении всего пути строившие различные догадки. Наконец, на яхте “Хан Крум” состоялось совещание. Обращаясь к главе правительства, князь заявил: “Итак, господин Малинов, наконец долгожданный для Вас, для меня и для всего болгарского народа день настал. Настало время привести в исполнение то решение, которое мы с Вами приняли в Карпатах”⁸⁷.

5 октября 1908 г., накануне объявления Веной об аннексии Боснии и Герцеговины, в Велико-Тырново, столице Второго Болгарского царства, в церкви Святых 40 мучеников в торжественной обстановке состоялось провозглашение независимости Болгарии. Избрание Велико-Тырново для совершения данного исключительно важного исторического акта не было случайным. Тем самым проводилась идея исторической преемственности в развитии болгарской государственности.

Малинов зачитал торжественный манифест перед ликующей толпой, собравшейся на историческом холме Царевец. При этом страна была объявлена царством, а Фердинанд – “царем болгар”. Тырновский митрополит короновал его царской короной. Присвоенный Фердинандом титул указывал на то, что софийские правящие круги считали провозглашение независимости не конечной целью, а лишь шагом к достижению объединенной Болгарии в сан-стефанских границах.

Так Болгария добилась полной независимости, не используя при этом военные средства. Несмотря на сугубо дипломатический, как отмечают исследователи, характер этого акта, он открывал путь к формально-юридическому закреплению успеха многолетней борьбы болгарского общества в рамках самостоятельного государства за полноправное существование молодой нации. Акт от 5 октября 1908 г. значительно облегчал развитие страны, отбросив формальную зависимость Болгарии от османского султана. Болгария стала равноправным партнером в системе международных отношений и укрепила свой внешнеполитический статус.

Однако Стамбул тут же потребовал от Болгарии огромной денежной компенсации в качестве условия признания ее самостоятель-

ности (формально как компенсацию за конфискованную болгарским государством упомянутую железную дорогу). На турецко-болгарской границе с обеих сторон начали концентрироваться войска: двусторонние отношения зашли в тупик. 14 октября Малинов заявил в интервью парижской газете “Матэн”: “Мы провозгласили независимость не для того, чтобы покупать ее за золото или серебро. Если нам еще потребуется что-то платить, мы предпочтем, чтобы это произошло за счет нашей крови, всей нашей крови”⁸⁸. Тем самым кабинет показал, что не намерен отступать, даже если дело дойдет до войны.

Реакция великих держав, рассматривавших действия Болгарии и Австро-Венгрии в единой цепи, на акт от 5 октября тоже поначалу была однозначно негативной⁸⁹. 27 октября Великобритания, Франция и Россия, поддержанные Германией и Италией, вручили болгарскому правительству коллективную ноту, в которой содержалось требование демобилизовать армию и приступить к переговорам со Стамбулом. Великие державы советовали согласиться на переговоры и Турции. Они состоялись в Стамбуле. Первоначально турецкая сторона выдвинула требование о компенсации на большую сумму – 650 млн франков, что составляло более пяти ежегодных бюджетов Болгарии. София не могла на это пойти. В декабре переговоры прервались, обстановка снова стала взрывоопасной.

В этой критической ситуации спасительной для Болгарии оказалась позиция официального Петербурга. Жесткие правила игры внутри “европейского концерта” заставили Николая II и российское правительство преодолеть их неприязнь к Фердинанду, а также перешагнуть барьер негативных наслоений в двусторонних отношениях целого ряда лет и взять на себя урегулирование болгаро-турецкого спора. 2 февраля 1909 г. Петербург предложил обеим сторонам свое посредничество. Ценность данного предложения заключалась в том, что Россия сама становилась активным участником финансово-урегулирования и соглашалась нести материальные жертвы во имя его достижения.

Петербург предложил общую сумму военного долга Османской империи, сохранившегося еще со времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг., разделить на 74 равные части (аннуитета) и уступить Стамбулу 40 из них. Эти 40 аннуитетов как раз и составляли 125 млн франков, которые в конце концов турки соглашались получить от Болгарии в качестве минимально возможной компенсации. София же должна была выплатить российской стороне 82 млн франков. Разница в 43 млн являлась материальной жертвой, которую Россия соглашалась нести ради обеспечения нового статуса Болгарии как совершенно суверенного государства⁹⁰.

Ввиду реальных выгод, которые сулило это предложение обеим сторонам, София уже на следующий день приняла его. После некоторых колебаний сделал это и Стамбул. 16 марта 1909 г. был подпи-

сан соответствующий протокол русско-турецкого соглашения по финансовым вопросам, а 19 апреля официальный болгарский представитель, министр торговли и земледелия Андрей Ляпчев подписал в Стамбуле турецко-болгарский протокол.

В тот же день в Петербурге был подписан российско-болгарский протокол, предусматривавший выплату Болгарией России 82 млн франков в течение 75 лет. Данная сумма составляла всего лишь 12,5% от первоначально затребованной Стамбулом компенсации. Сделка оформлялась как заем из расчета 4,75% годовых. Этот процент считался сравнительно льготным. К тому же договор не содержал каких-либо политических условий, требований залогов, гарантий и т.п., что делало заем самым выгодным из всех, которые Болгария заключила до тех пор. Из оговоренной суммы болгарская сторона выплатила лишь 11,33 млн франков, поскольку после Октябрьской революции 1917 г. советское правительство аннулировало все финансовые обязательства Российской империи и задолженности, причитавшиеся ей от других стран.

Попытки Берлина и Вены сорвать задуманную Петербургом многоходовую дипломатическую комбинацию, которая неизбежно влекла за собой усиление российского влияния в Софии, успехом не увенчались⁹¹. Россия первой признала Болгарию независимым государством. Вслед за ней до конца апреля 1909 г. это сделали другие великие державы и Османская империя.

Поддержка, оказанная Россией Болгарии, способствовала сближению двух государств. Выражением этого послужил визит царя Фердинанда и Малинова в 1910 г. в Петербург, где велись переговоры о заключении союзного договора. Поскольку на Балканах назревала война против Турции, Фердинанд решил сформировать правительство, которое бы пользовалось не только расположением, но и поддержкой Петербурга. 29 марта 1911 г. он вынудил кабинет Малинова уйти в отставку. Мандат на формирование нового правительства получил руководитель Народной партии Гешов. В коалиционный кабинет вошли и прогрессисты. Их лидера Данева избрали председателем Народного собрания.

Одной из первых задач нового правительства стал созыв Великого Народного собрания. После получения независимости возникла необходимость заменить в Тырновской конституции слова *князь, княжество и княгиня* на *царь, царство и царица*. Летом 1911 г. высший болгарский законодательный орган изменил 17-й параграф конституции таким образом, что исполнительная власть получила право совместно с царем заключать международные договоры (прежде подобные акты нельзя было осуществлять без разрешения парламента). При этом речь шла не столько об усилении личного режима царя, сколько о получении Болгарией возможности самостоятельно и при необходимости тайно решать свои международные дела. Ранее ей это запрещалось великими державами⁹².

Изменение в конституции предоставило руководству страны свободу действий и побудило его активизировать внешнеполитическую деятельность. Цель же осталась прежней: обеспечить реализацию национально-государственных устремлений и присоединить к Болгарии оставшиеся еще под османской властью Фракию и Македонию.

Новые правящие круги, верно уловив общенациональное стремление к войне с вековым поработителем, жили сан-стефанским идеалом национального объединения. Почти все партии – правящие и оппозиционные – выступали за войну. Только левые политические силы – социал-демократы и “земледельцы” – настаивали на мирном разрешении национального вопроса в рамках Балканской федерации. Вспыхнувшая в октябре 1911 г. итало-турецкая война обнаружила слабость Османской империи и послужила дополнительным толчком к сближению балканских государств. В этих условиях правительство Гешова с энтузиазмом возобновило прерванные переговоры с Сербией о создании Балканского союза.

Балканские войны

Сознавая, что самостоятельная акция может привести к поражению, руководители болгарской дипломатии стремились вовлечь в военный союз против Турции остальные балканские государства. В Софии надеялись, что законные претензии Греции на Эпир, Фессалию и западное побережье Малой Азии, а Сербии – на Новопазарский санджак, Косово и Метохию, населенные соответственно греками и сербами, подтолкнут эти государства к заключению регионального союза с Болгарией. Восприятие идеи Балканского союза означало, что София согласна на определенный компромисс, так как до тех пор ее политика подчинялась идее создания македонской автономии, тогда как Афины и Белград постоянно пытались склонить болгар к разделу Македонии, предварительно определив сферы влияния.

13 марта 1912 г. была создана первая “ось” Балканского союза. После продолжительных и мучительных переговоров при активном содействии российских дипломатов премьер-министры Болгарии и Сербии подписали союзный договор, который должен был действовать до конца 1920 г. Согласно ему обе стороны взаимно гарантировали территориальную целостность и помощь против государств – потенциальных агрессоров. Таким образом, острие договора направлялось против Турции, Австро-Венгрии и Румынии. Тайное приложение к договору разграничивало сферы влияния сторон в Македонии. Болгарии предназначались все территории, расположенные к востоку от нижнего течения реки Струмы и Родопских гор, а Сербии – земли к северу и северо-западу от горного хребта Шар плани-

на. Территории же, расположенные между этими двумя линиями, предполагалось включить в автономную Македонию.

Однако идея автономии была воспринята лишь половинчато. Договор пояснял, что в случае взаимного несогласия Сербии и Болгарии с таким статусом Македонии она будет разделена. Болгарии полностью передавались земли к югу и юго-востоку от линии Крива Паланка – Охридское озеро, а принадлежность территорий к северу и северо-востоку от нее должен был определить российский император. Тем самым в договоре оформились две зоны: бесспорная, принадлежавшая Болгарии, и спорная, чья судьба подлежала “арбитражу”. Этот договор стал несомненным успехом сербской дипломатии. Она вынудила Софию отступить от ее прежнего принципа не допускать раздела территорий с преимущественно болгарским населением.

12 мая 1912 г. в дополнение к договору представители Сербии и Болгарии подписали военную конвенцию, разработанную генеральными штабами их армий. Документ рассматривал конкретные вопросы, которые относились к организации непосредственных боевых действий. Согласно современной болгарской историографии командование Болгарии правильно оценило, что главный театр боевых действий будет находиться на восточном направлении, но в политическом плане допустило грубую ошибку, оставив Македонию в сфере действий сербских войск.

Попытка сближения между Болгарией и Грецией относится еще к октябрю 1911 г., но оно затягивалось из-за македонских проблем. София настаивала на реформах и на автономии Македонии, а Афины выступали за ее раздел. Так и не преодолев этих противоречий, 29 мая 1912 г. Болгария и Греция заключили оборонительный договор, который в сущности носил наступательный характер. На этот раз помощь в качестве посредника предложила британская дипломатия. Вопрос о судьбе балканских территорий Турции договор обходил молчанием, которое в данном случае нельзя признать знаком согласия. Позднее эта недоговоренность привела к углублению болгаро-греческих противоречий. 5 октября документ дополнила военная конвенция, определившая военные силы сторон в случае войны: болгары должны были выставить 300 тыс. воинов, а греки – 120 тыс.

Договоры Болгарии с Сербией и с Грецией легли в основу Балканского союза. Общий договор между всеми участниками коалиции не заключался. Поэтому естественным центром союза стала София. На основе устной договоренности в сентябре 1912 г. в коалицию также вступила Черногория. Так сформировался союз балканских христианских народов против Османской империи.

Российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов писал в воспоминаниях, что Балканский союз был создан “если не по почину русского правительства, то с его ведома и согласия”. Российская дипломатия не могла относиться безразлично к сближению славян-

ских народов, “не сделать ничего для облегчения достижения Сербией и Болгарией их целей”⁹³. Однако Сазонов явно преувеличивал возможности России контролировать действия балканских союзников и предотвращать таковые, если бы они противоречили российским интересам. Таким образом, стимулируя образование Балканского союза, российская дипломатия собиралась вести за собой славянские государства, преследовавшие при этом свои собственные цели.

Готовясь к продолжительной и упорной войне, правящие круги Болгарии развернули широкую пропагандистскую деятельность. Страницы газет, журналов и других изданий пестрели призывами к войне. Параллельно с “обработкой” общественного мнения усиленно проводилась военно-техническая подготовка. Шла реорганизация армии, в частности указом царя создавались новые воинские формирования, открывались военные учебные заведения. Быстро рос бюджет военного ведомства, большая часть внешних займов шла на покупку оружия и постройку сооружений для военных целей⁹⁴. В начале 1912 г. болгарская армия насчитывала 2366 офицеров, 150 врачей, 50 850 солдат сверхсрочной и 52 873 срочной службы⁹⁵.

Поводом для вооруженного конфликта на Балканах послужила резня, устроенная турками над славянским населением македонских городов Штип (декабрь 1911 г.) и Кочани (июль 1912 г.). Возмущенная болгарская общественность требовала от правительства защитить соплеменников. В свою очередь софийский кабинет развернул широкую антитурецкую кампанию. Участники Балканского союза поставили перед Османской империей вопрос о проведении реформ в ее европейских владениях, в частности о предоставлении автономии Македонии и Адрианопольскому вилайету. Отказ Порты удовлетворить эти требования открыл путь к вооруженному конфликту. 30 сентября и 1 октября 1912 г. союзники объявили о мобилизации своих армий и вручили Турции коллективную ноту с требованием коренных реформ, предусмотренных в 23-м параграфе Берлинского договора. Порты отвергла требования и также начала мобилизацию. Австро-венгерские и российские дипломаты попытались остановить приближающуюся войну, но было уже поздно. 16 октября 1912 г. Турция объявила о разрыве отношений с балканскими странами, а 18 октября язык орудий заменил язык дипломатии.

Болгария мобилизовала 592 тыс., ее союзники – 350 тыс. человек. Против них сосредоточилась почти миллионная турецкая армия. Командование болгарской армией взял на себя царь Фердинанд. Общее военное руководство он возложил на “помощника главнокомандующего” генерала Михаила Савова и начальника Генштаба армии генерала Ивана Фичева. Болгарские войска состояли из трех армий, двух отрядов, одной самостоятельной дивизии и Македонско-адрианопольского ополчения. 1-й армии под командовани-

ем генерала В. Кутинчева предстояло прорвать оборонительную линию турецких войск, расположенных на границе. Она сосредоточилась в долине реки Тунджи, а в некотором отдалении от нее находилась 3-я армия во главе с генералом Радко Димитриевым, о существовании которой турецкая разведка не подозревала. Она должна была расширить прорыв, осуществленный 1-й армией, и наступать на Лозенград. 2-я армия под командованием генерала Н. Иванова сосредоточилась в долине реки Марицы и имела задачу осаждать крепость Адрианополь (Одрин, Эдирне), тем самым сковав главные силы противника.

Наступление болгарских войск началось 21–24 октября в населенных пунктах Селиолу, Эскиполос, Петра и Гечкенли. 3-я армия вошла в сдавшуюся без боя крепость Лозенград, а две остальные взяли в кольцо осады Адрианополь. Турецкие силы сосредоточились на линии Люлебургас–Бунархисар, где с 28 октября по 2 ноября прошла вторая крупная военная операция. Болгарские войска прорвали оборонительные линии, и противник в панике отступил к укрепленным фортам Чаталджи, последней линии обороны в 43 км от Стамбула.

В это же время Хасковский и Родопский отряды освободили большую часть массива Родопских гор и вышли к Мраморному морю. 7-я Рильская дивизия, действовавшая в долине Струмы, вместе с отрядами ВМОРО ускоренным маршем приближались к Салоникам.

В ноябре 1912 г. сербские и греческие дивизии также нанесли поражение турецким войскам в Албании, Эпире, Западной и Южной Македонии. При этом им активно помогали четы ВМОРО. В то же время черногорская армия успешно наступала в Косово и в Новопазарском санджаке.

Успехи балканских союзников были очевидны. Болгарские солдаты и офицеры разных родов войск продемонстрировали примеры боевого искусства и самоотверженности. Война против Османской империи пользовалась исключительной популярностью у всех балканских народов.

В то же время быстрые и решительные победы балканских союзников ошеломили весь мир. Германский кайзер Вильгельм II уже в конце октября восклицал: “Македония потеряна так же, как и санджак. С целостностью Оттоманской империи в Европе покончено! Стамбул под угрозой. Если болгары будут преследовать турок, они смогут в течение 8–10 дней оказаться около Стамбула или в нем самом... Турецкое господство в Европе разрушено... Возможно, мы доживем до момента, когда Фердинанд I станет императором Византии? Или Верховным главой Балканского союза?”⁹⁶

Продвижение болгар к Стамбулу совершенно не соответствовало и замыслам Петербурга, который желал видеть этот город “русским”, а не “болгарским”. В российской столице даже стали вына-

шивать планы защиты Стамбула от болгар путем посылки военных кораблей и высадки десанта для захвата города или хотя бы Верхнего Босфора. По мнению российского правительства, угроза со стороны болгар могла спровоцировать резню христианского населения в турецкой столице, а это привело бы к международному вмешательству и вновь отодвинуло бы на неопределенное время благоприятное для России решение проблемы Черноморских проливов⁹⁷.

В этих условиях Порта стала искать способ предотвратить разгром империи. 13 ноября 1912 г. царь Фердинанд получил телеграмму великого везира Кямиль-паши с просьбой начать переговоры о перемирии. По мнению некоторых военных специалистов, дипломатов и историков, это был самый благоприятный для Болгарии момент, когда можно было завершить победоносную войну и заключить выгодный мир. Однако Фердинанд, не считаясь с реальностью, необоснованно отверг турецкое предложение, даже не известив о нем своих союзников. После проведенного 15 ноября совещания генерал Савов получил указание атаковать позиции у Чаталджи, но только в том случае, если есть надежда на успех. Савов решил наступать. Совет министров не уведомили предварительно о данном приказе под предлогом, что это военная тайна.

Атака болгарской армией 17–18 ноября позиций у Чаталджи при отсутствии достаточного количества тяжелой артиллерии и без необходимых связей с тылом провалилась. Войска отошли на прежние позиции. К тому же в это время в армии вспыхнула эпидемия холеры, достигшая угрожающих размеров. Сложная ситуация в тылу усугублялась антивоенной агитацией “тесных” социалистов.

Только тогда София согласилась на перемирие. 3 декабря оно было подписано, и 16 декабря в Лондоне начались мирные переговоры. В ходе их выявились противоречия между союзниками, связанные с их территориальными притязаниями. Болгарское командование тем временем передислоцировало силы. На Восточный фронт подтянулись войска с запада, а к Адрианополю подошли две сербские дивизии.

Примерно тогда же в игру включились и бухарестские правящие круги. При посредничестве Петербурга они надеялись добиться от Софии компенсаций за свой нейтралитет и фактически стремились получить значительную часть населенной болгарскими Южной Добруджи по линии Олтеница–Каварна⁹⁸. Российская дипломатия, стремясь закрепить свои позиции и в Болгарии и в Румынии, добивалась включения между ними компромиссного соглашения. Хотя к этому времени русско-болгарская военная конвенция 1902 г. была уже денонсирована (если не формально, то фактически), софийское правительство продолжало тем не менее верить в нее, проявляя верх политической непредусмотрительности. В Петербурге же не хотели опутиться перед лицом необходимости оказать противодействие румынскому вторжению в Болгарию в случае неудачи компромисса

между Бухарестом и Софией. Исходя из своих интересов, румыно-болгарского сближения, а возможно даже и союза стали совместно добиваться австро-венгерские и германские дипломаты. Таким путем в Берлине и Вене надеялись оторвать Болгарию от ориентированного на Антанту Балканского союза⁹⁹. Болгарские военные специалисты настаивали перед кабинетом Гешова на частичном удовлетворении румынских претензий, так как вести войну на два фронта страна не могла.

Пока в Лондоне продолжались трудные переговоры о мире, 23 января 1913 г. в Стамбуле произошел военный переворот. Младотурки, еще в июле 1912 г. отстраненные от власти, вновь взяв ее, встали на путь затягивания переговоров. Поскольку новый турецкий кабинет соглашался отказаться лишь от части Адрианополя, 29 января делегаты союзников вручили туркам ноту о прекращении переговоров. 3 февраля по настоянию болгар Балканский союз возобновил военные действия. В феврале болгарские войска, впервые используя в ходе войны воздушные бомбардировки, сорвали попытки наступления турок у Чаталджи, в районе Галлипольского полуострова и помешали им высадить военно-морской десант в Ширкей. После решительной атаки болгарских войск, подкрепленных сербскими соединениями, 26 марта пал Адрианополь. Греческие войска заняли крепость Янину.

Порта снова запросила перемирия. Решив на этот раз не атаковать Стамбул, в Софии надеялись на содействие российской дипломатии. Та обещала обеспечить болгарам получение предусмотренной в договоре 1912 г. бесспорной зоны (в результате военных действий данная территория оказалась под сербским контролем). Тем временем во Фракии и в уже освобожденной болгарскими войсками части Македонии учреждались болгарские органы административной власти, назначались руководители вновь созданных областей, проводилась перепись населения и началась аграрная реформа.

9 мая 1913 г. на конференции представителей великих держав в Петербурге Румыния получила вожделенную Силистру. А 30 мая в Лондоне мирные переговоры завершились подписанием окончательного договора между Османской империей и участниками Балканского союза. Стамбул передавал им все территории к западу от линии Энез–Мидье и острова в Эгейском море. Признавалась независимость Албании. Договор предписывал союзникам поделить между собой территории Македонии и Фракии, что оказалось невыполнимой задачей. Болгарские претензии на эти территории основывались на договоре с Сербией 1912 г., согласно которому дивиденды союзников следовало определять пропорционально размерам их военных усилий и числу принесенных жертв. Сербия и греки возражали.

Первая Балканская война являлась прямым продолжением национально-освободительного движения балканских народов и

русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По своим социальным, национальным и политическим целям и результатам она носила справедливый характер. Были разрушены османские полуфеодальные структуры, открылись пути для развития капиталистических товарно-денежных отношений, отчасти решались и сложные национальные проблемы на Балканах в целом. Что же касается Болгарии, армия которой вынесла на своих плечах основное бремя войны, то она смогла лишь частично решить свой национальный вопрос.

Война не привела к объединению всех болгарских земель. Более того, по решению великих держав к Румынии отошла Силистра с прилегающим районом – частью Добруджи, которая даже в Берлине в 1878 г. признавалась болгарской. Таким образом, Лондонский мирный договор не стал гарантией от будущих военных конфликтов.

В Болгарии также наблюдалось кризисное развитие внутриполитического процесса, не предвещавшее ничего хорошего. Премьер-министр Гешов и начальник Генштаба Фичев под различными предлогами оставили свои посты¹⁰⁰. Главой правительства 14 июня 1913 г. был назначен Данев. Монарх стремился выдвинуть на этот пост фигуру, во всех отношениях приемлемую для Петербурга.

Сразу же после подписания мирного договора с Турцией два бывших болгарских союзника – Греция и Сербия – 1 июня 1913 г. заключили новый тайный союзный договор и военную конвенцию, направленные против болгар. Обе страны стремились к установлению общей границы в Македонии. Это означало, что и бесспорная, и спорная зоны останутся у них. К новому союзу примкнула и Черногория. В споре с Болгарией эти три государства рассчитывали на поддержку румын, которые не удовлетворились Силистрой и претендовали уже на всю Южную Добруджу. Потенциальным противником Болгарии оставалась и Османская империя, которая, естественно, стремилась к ревизии Лондонского договора и жаждала хотя бы частично восстановить утраченные позиции на Балканах. Турки открыто заявляли о своих претензиях на Восточную Фракию.

Российский император Николай II всячески убеждал болгарского и сербского монархов не допускать впредь вооруженного конфликта, который мог бы привести к распаду Балканского союза. В Петербурге все больше склонялись к решению вопроса способом уравниловки: отдать Адрианополь Болгарии, Салоники – Греции, а Битолю – Сербии. В Софии были недовольны таким предложением и полагали, что оно не учитывало национальных, этнографических и исторических прав болгарского народа. Однако, вместо того чтобы добиваться в этой ситуации поддержки великих держав, прежде всего России, и всеми силами предотвращать создание антиболгарского союза на Балканах, болгарское руководство разжигало воинственную кампанию. По стране прокатилась волна митингов. Их участники призывали правительство проводить жесткий курс

в отношении Сербии и Греции. Болгарские войска в спешном порядке начали дислокацию на западной границе для выступления против сербов и на южной – против греков.

Секретные дипломатические документы свидетельствуют, что активную роль в разжигании максималистских устремлений в правящих кругах Болгарии сыграли дипломаты Берлина и Вены, поставившие перед собой цель взорвать Балканский союз изнутри. Кайзер Вильгельм сформулировал свое кредо так: “Со славянами нужно обходиться по принципу *divide et impera* (разделяй и властвуй! – *Авт.*). А тем более с Болгарией!”¹⁰¹. С одной стороны, дипломаты Центральных держав натравливали Болгарию на Сербию, а с другой – Сербию и Грецию на Болгарию. Именно по их наущению Бухарест выдвинул требование о предоставлении территориальных компенсаций в Южной Добрудже, помимо уже полученной Силистры¹⁰².

Венская дипломатия систематически и настойчиво внушала болгарскому правительству, что она желает сильной Болгарии на Балканах, что между Австро-Венгрией и Болгарией нет и не может быть споров и конфликтов¹⁰³, и предлагала Софии дружбу, а также помощь деньгами и оружием¹⁰⁴. При этом австрийские дипломаты неоднократно отмечали, что упрочение дружбы между Софией и Венной “несовместимо с поддержкой (со стороны Болгарии. – *Авт.*) направленных против монархии (Габсбургов. – *Авт.*) сербских аспираций”¹⁰⁵. Подлинную цель австро-венгерской политики на Балканах подметил Сазонов. Затаенная мысль Вены, писал он, “войти в сделку с Болгарией, чтобы одновременно разрушить единство блока балканских государств, обеспечить свои интересы в направлении к Салоникам и отторгнуть Болгарию от тяготения к России”¹⁰⁶.

22 июня 1913 г. во дворце болгарского царя состоялся коронный совет. Он постановил обратиться к России с просьбой об арбитраже. Одновременно Сазонов потребовал от Сербии и Болгарии в четырехдневный срок подготовить свои предложения по разрядке напряженности на Балканах. Тем временем сербские и греческие войска провоцировали болгарские части. В Македонии сербы закрывали болгарские просветительские и культурные учреждения, изгоняли болгарских священников.

Царь Фердинанд и его первый помощник Савов решили оказать давление на своих бывших союзников, чтобы принудить их быть более уступчивыми в переговорах. Но это оказалось грубым просчетом, поскольку Белград и Афины только и ждали повода, чтобы начать военные действия. В ночь с 28 на 29 июня генерал Савов приказал 2-й армии наступать на Салоники, а 4-й – на сербские позиции в долине Вардара. Так началась Межсоюзническая, или 2-я Балканская война. Однако в первые же дни болгарские войска были остановлены. Кабинет Данева предложил начать переговоры, однако бывшие союзники ответили отказом и начали широкие наступательные действия.

Находясь в критическом положении, правительство Данева в первых числах июля подало в отставку. Но царь не принял ее, поскольку ситуация оставалась еще крайне неопределенной. Этот момент сочли удобным лидеры либеральных партий для активного вмешательства в происходящие события. Во время 1-й Балканской войны они вели энергичную кампанию против правительства, обвиняя его в угодничестве перед Россией. 6 июля Радославов, Геннадиев и Тончев обратились с письмом к Фердинанду, в котором требовали отставки кабинета Данева, прекращения русофильской политики и сближения с Австро-Венгрией. Теперь, заручившись поддержкой либералов, царь 14 июля наконец принял отставку Данева. Попытка Малинова составить коалиционный кабинет не удалась. Тогда Фердинанд, за неимением другого выхода, призвал к власти представителей трех либеральных партий. Возглавил новое правительство Радославов. Произошли перемены и в высшем военном руководстве – царь заменил Савова генералом Димитриевым.

Новое правительство и военное командование приняли власть, когда страна уже стояла на пороге своего полного разгрома. Так как еще 11 июля Румыния со своей полумиллионной армией также начала военные действия против Болгарии, царь Фердинанд поспешил уступить ее требованиям и согласился отдать ей всю Южную Добруджу. Однако румынская армия продолжала наступление, разрушая мосты и железнодорожные линии.

17–21 июля 1913 г. болгарские войска остановили наступление сербов на Калиманском плато. 25 июля главное командование издало директиву о контрнаступлении в районе Кресны. Началось окружение греческой армии. Король Константин стал искать возможности скорейшего перемирия. Вся надежда союзников была на Румынию, армия которой беспрепятственно приближалась к болгарской столице. 31 июля она достигла села Враждебна близ Софии. Одновременно в нарушение условий Лондонского мирного договора войска Турции начали наступать к западу от линии Энез–Мидье, заняв 20 июля Адрианополь и почти всю Восточную Фракию. Это вынудило болгарское правительство заключить перемирие, а затем начать мирные переговоры в Бухаресте.

10 августа 1913 г. был подписан унижительный для Болгарии Бухарестский мирный договор. Южная Добруджа передавалась Румынии, вся Македония, за исключением Пиринского края, переходила в руки бывших союзников – Сербии и Греции. Страна смогла сохранить за собой лишь Западную Фракию, дававшую ей выход к Эгейскому морю. Отношения между Болгарией и Турцией урегулировались договором, подписанным в Стамбуле 29 сентября 1913 г. Согласно ему вся Восточная Фракия с Адрианополем вновь вошла в пределы Турции.

Общий итог Балканских войн был для болгарского народа неутешительным – погибло 55 тыс. и ранено 105 тыс. человек. Утра-

чены освобожденные ранее территории с болгарским населением. Тысячи беженцев из Македонии, Фракии и Южной Добруджи переселились в Болгарию, что создало новые проблемы. Экономические последствия войн были катастрофическими – страна понесла материальный ущерб в объеме 2 млрд левов и потеряла самый производительный и доходный сельскохозяйственный район – Южную Добруджу¹⁰⁷. Портовый город Варна лишился самых активных поставщиков и оказался в нескольких километрах от слабо защищенной границы. Бухарестский договор, по справедливому утверждению английского историка Р. Крэмптона, “породил среди болгар реваншистские настроения, что имело под собой основания, так как расправа над оказавшимися в отчужденных территориях людьми, проявлявшими признаки связей с Болгарией или с болгарской культурой, была жестокой”¹⁰⁸. Так трагически закончилась авантюра правящих кругов во главе с царем. Эта война была проиграна политически еще до того, как началась. Болгарские солдаты возвращались с поля боя без чувства поражения. Это, однако, не снимает вины с генералов, которые вмешались в политическую стратегию, подчинив ее военной¹⁰⁹. В памяти народа 2-я Балканская война осталась как первая национальная катастрофа.

Последствия 2-й Балканской войны временно расшатали личный режим Фердинанда. В декабре 1913 г. Радославов был вынужден пойти на выборы, чтобы обеспечить себе послушное Народное собрание. Однако партии правительственной коалиции получили только 97 мандатов, а оппозиция – 109, из них 47 мандатов оказалось у сторонников БЗНС и 37 – у социалистов. Радославов предпринял попытку привлечь на свою сторону “земледельцев”, но безуспешно, так как взамен они потребовали пересмотра всей правительственной политики. Собравшийся парламент после двухнедельных бесплодных споров был распущен. Новые выборы состоялись в марте 1914 г. На этот раз к участию в них привлекли население новых территорий – Западной Фракии и Пиринской Македонии. Жители этих районов ощущали на себе давление правящих партий, в то время как агитация со стороны оппозиции была запрещена. Турецкое население Западной Фракии, в большинстве голосовавшее по указке младотурецкого комитета в Стамбуле, отдало свои голоса за кандидатов правительства, ибо оно проводило курс на сближение с Османской империей. Кроме того, правящий кабинет нашел повод отменить выборы трех оппозиционных депутатов и заменить их своими. Благодаря этим комбинациям в новом составе парламента правительственным кандидатам удалось получить 129 депутатских мест против 116 оппозиционных.

После выборов первой заботой правительства Радославова было найти заем, чтобы залечить раны, нанесенные войной, и профинансировать развитие новоприсоединенных территорий. Летом 1914 г. вопрос о займе был непосредственно связан с вопросом о

внешнеполитической ориентации Болгарии в условиях назревшего конфликта между великими державами. После сложных политических баталий в июле 1914 г. Болгария взяла у консорциума, в котором главную роль играл берлинский банк “Дисконто гезельшафт”, 5-процентный заем 500 млн золотых франков со сроком погашения 50 лет¹¹⁰. Взамен кредиторы получили право на постройку железной дороги, которая должна была соединить центр страны с районом табачных плантаций в Западной Фракии и с побережьем Эгейского моря. Там, в Лаго, консорциум намеревался соорудить порт, значение которого для будущего болгарской экономики трудно было переоценить, если учесть, что после Балканских войн страна получила на Эгейском побережье только один порт – Дедеагач, весьма слабо оборудованный. Кроме того, кредиторы приобрели концессию на эксплуатацию единственных в стране каменноугольных копей в Пернике и Бобов-Доле. Так создавались необходимые экономические и политические предпосылки для ориентации Болгарии на Центральные державы.

Итак, начало XX в. ознаменовалось для Болгарии многими сложными процессами и событиями. Важным итогом этих лет был, несомненно, большой скачок в темпах экономического развития, если учесть, что страна обладала крайне низкой стартовой базой. Однако Болгария продолжала оставаться преимущественно аграрной страной и сильно отставала от развитых европейских государств.

Успехи в сфере экономики сочетались с напряженными и разнообразными событиями внутривнутриполитической жизни, важнейшим из которых являлось провозглашение независимости. К власти приходили различные партии и коалиции, отчетливо вырисовывалась и роль монарха как центральной политической фигуры.

В международном плане в центре внимания болгарского государства стоял национальный вопрос, задача объединения всех населенных болгарам земель. Для его решения страна постоянно лавировала между великими державами, отдавая предпочтение России, приняла участие в Балканском союзе и Балканских войнах, в результате чего оказалась перед первой национальной катастрофой. С таким багажом Болгария подошла к первой мировой войне.

¹ Георгиев В., Трифонов С. История на българите 1878–1944 в документи. София, 1995. Т. I. 1878–1912. С. 140–141.

² См.: Саздов Д., Лалков М., Попов Р., Мигев В. История на България (1878–1960). София, 1995. С. 241.

³ Волков В.К. Некоторые дискуссионные вопросы русско-болгарских отношений // България и Русия през XX век: Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 19.

⁴ См.: Попов Ж. Народнолибералната (стамболовистката) партия. София, 1986.

⁵ Кратка история на България с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 282.

⁶ Упомянување во текстот либералов, прогресистов, демократов, народняков, “земледелци” не носат на себе оценочна нагрук, а само изразуваат припадност политиков до таа или друга българска партија.

⁷ *Палангурски М.* Либералната (радославистка) партија во системот на българската парламентарна демократија (носември 1900 – јуни 1904). Велико Търново, 1995. С. 124–139.

⁸ См.: *Саздов Д.* Демократичката партија во България. 1887–1908, София, 1987.

⁹ См.: *Стефанов Х.* Българската радикална партија, 1906–1949. София, 1984. С. 169.

¹⁰ Из новејших истражувањето о Стоилове см.: *Стателова Е., Танкова В.* Константин Стоилов во политичкиот живот на България. София, 2001.

¹¹ О неа см.: *Стателова Е.* Иван Евстатијев Гешов или трънливият пат на сџиданието. София, 1994.

¹² См.: *Николова В.* Вџгледи и стопанска политика на Народната партија (1894–1912) // *Обществено-политичкиот живот на България 1878–1944.* София, 1990. С. 7–52.

¹³ *Лалков М.* Българското минало. 1878–1918: Познато и непознато. София, 1997. С. 70.

¹⁴ *История на България.* София, 1998. Т. 8. С. 79–80.

¹⁵ См. подробнее: *Първанов Г.* Димитър Благоев и българскиот национален вџпрос во крајот на XIX – началото на XX век // *Известия на Института во история на БКП при ЦК на БКП.* София, 1985. Т. 54. С. 99–138; *Дойчинов Т.* Янко Сакџзов и българскиот национален вџпрос. 1878–1912. София, 1994; *Жила Л.И.* Позиција на Българската работничка социјал-демократичка партија (обџединената) во националниот вџпрос во години на првата световна војна // *Европско социјалистичко движење 1914–1917: Разрубање или развџзгање на врвот?* / Отв. ред. Р.П. Гришина, И.И. Костюшко. М., 1994. С. 192–211.

¹⁶ *Велев А.* Българскиот земледелнички народен сојуз и идеја на Балканската федерација (1908–1919 гг.) // *Études historiques.* Sofia, 1973. Т. VI. P. 305–317.

¹⁷ См., например: *Кабакчиев Х.* “Личниот режим” и буржоазната опозиција // *Боршукот Г., Панайотов Ф.* Христоматия во история на българската журналистика. София, 1976. С. 381–385; *Стамболијски А.* Кој сџздаде личниот режим во България // Там же. С. 403–405.

¹⁸ *Маковецка Т.Ф.* Буржоазниот парламентаризм во България: становање и развитање (от ослободувања на страната од османското иго до неа вџступувања во првата световна војна) // *История и култура на България* / Отв. ред. А.А. Улуњан. М., 1981. С. 217–218.

¹⁹ *Марков Г.* Българската история во кратце. София, 1992. С. 211.

²⁰ См.: *Константин С.* Фердинанд лисцата. София, 1992; *Исаева О.Н.* Образот на Фердинанд во доносенијата на руски дипломати // *Човек на Балканите во епоха на кризи и етнополитички судир XX в.* / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002. С. 50–58.

²¹ Здес до даље сите дати се даваат по григоријанскиот календар.

²² *Мартыненко А.К.* Русско-български односиња 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 274–275.

²³ См.: *Кеџиков Б.* Принос до дипломатичката история на България (1878–1925). София, 1925. Т. I. С. 20–21.

²⁴ *История на България.* София, 1991. Т. 7. С. 358–360; *Марков Г.* Указ. соч. С. 207.

²⁵ *Георгиев В., Трифонов С.* Грџката и срџбската пропаганда во Македонија. Крајот на XIX – началото на XX век: Нови документи. София, 1995. С. 279, 283–286, 288–292, 300–301, 305, 311, 314–315, 318–324.

²⁶ *Грџичаров С.* България на прага на двадесетото столетие: Политички аспекти. София, 1986. С. 273–274.

²⁷ См. подробнее: *Радева М.* Универзитетскиот кризис во България (1907–1908) и неа отрабање во славјанскиот свет // *Études historiques.* Sofia, 1978. Т. VIII. P. 319–328.

²⁸ *Гришберг С.Ш.* Промышленна политика на българското буржоазно государство во 1900–1912 гг. // *Славяне и Россия* / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1972. С. 257–259.

²⁹ *Панайотов Л.* България во началото на XX век // *България 681–1981.* София, 1981. С. 336.

³⁰ *Попов К.Г.* Стопанска България през 1911: Статистичко истражување. София, 1916. С. 139.

³¹ Об особеноста на модернизацијата на българската економија во началото на XX в. см.: *Тодорова Ц.* Индустијализација и структурни промени во България пред Първата световна војна // *ИП.* 1991. № 5. С. 22–43.

³² *Гришберг С.Ш.* Указ. соч. С. 263.

³³ *Стопанска история на България.* 681–1981. София, 1981. С. 278–279.

³⁴ См.: *Танчев И.* Българите во европски военоучебни заведения (1878–1912) // *ИП.* 2000. № 5/6. С. 193–204.

³⁵ *Димов Г.* Иван Шишманов: строител на българската национална наука и култура. София, 1988. С. 18–49; *Радева М.* Културната политика на българската буржоазна дрџжава 1885–1908. София, 1982. С. 115–191.

³⁶ *Попов Ж.* Народни-либералната партија и дрџжавните институции (1903–1908 г.) // *България 1300: Институции и дрџжавна традиција.* София, 1983. Т. 3. С. 65.

³⁷ *Георгиев В., Трифонов С.* История на българите... С. 142.

³⁸ *Исаева О.Н.* Мюрцштегскиот опит “умиротворенија” во Македонија // *Македонија: проблеми на историја и култура.* М., 1999. С. 96.

³⁹ *Кџнчев В.* Избрани произведения. София, 1970. Т. 2. С. 590.

⁴⁰ О црковната борба во Македонија см.: *Битоски К.* Дејноста на Пелагониската митрополија (1878–1912). Скопје, 1968; *Божинев В.* Българската просвета во Македонија и Одринска Тракија 1878–1913. София, 1982; *Галчев И.* Здравно-социјалната дејност на Българската екзархија во Македонија и Тракија (1870–1913). София, 1994; *Трајановски А.* Бугарската екзархија и македонското националноослободително движење (1893–1908). Скопје, 1982; *Шолов И.* Българската екзархија и националноослободителното движење во Македонија и Одринско. 1878–1912 // *Известия на Црковноисторичкиот и архивен институт.* София, 1985. Т. 3. С. 326–350; *Темелски Х.* Црковно-национална борба во Македонија од 1870 до 1913 г. // *ИП.* 2000. № 2. С. 33–60.

⁴¹ См.: *Вџтрешна македоно-одринска револуционна организација през поглед на нејните основатели* / Сџстав. и ред. Т. Петров, Ц. Биљарски. София, 1995.

⁴² Название ВМОРО было официально принято на Рильском съезде организации в 1905 г.

⁴³ См.: *Петров Т.* Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско (1899–1908). София, 1993.

⁴⁴ *Билунов Б.Н.* К истории македонского вопроса // Болгария и Россия: Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996. С. 330.

⁴⁵ См. подробнее: *Елдаров С.* Тайните офицерски братства в българската армия и освободителните борби на Македония и Одринско 1897–1912. София, 1993.

⁴⁶ Литература о деятельности ВМОК см.: 100 години Върховен македоно-одрински комитет. Библиография / Съст. Е. Ванчева, П. Петров. Благоевград, 1995.

⁴⁷ Кратка история на България. София, 1983. С. 264.

⁴⁸ См., например: *Георгиев Г.* Отражението на кризата в отношенията между Вътрешната македоно-одринска революционна организация и Върховният македоно-одрински комитет в Дупнишко (1900–1903) // МП. 2000. № 4. С. 51–66.

⁴⁹ Реформы в Македонии (1903–1905): Дипломатическая переписка. СПб., 1906. Т. 1. С. 27–31. См. также: *Лалков М.* България в балканската политика на Австро-Унгария 1878–1903. София, 1993; *Дюлгерова Н.* Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария 1894–1903. София, 1994. С. 134–143.

⁵⁰ Об этимологии и конкретной семантике этого туркоязычного термина см.: *Весковиќ-Вангели В.* “Гемиджиите” // Современост. 1993. № 1/2. С. 57–59.

⁵¹ *Георгиев В., Трифонов С.* Македония и Тракия в борба за свободата (Краят на XIX – началото на XX век): Нови документи. София, 1995. № 120, 125, 126; *Шопов А.* Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995. С. 94–95. См. также: *Битоски К.* Солунски атентати 1903. Скопје, 1985.

⁵² *Георгиев В., Трифонов С.* Македония и Тракия... № 121, 123, 124, 127, 128; *Шопов А.* Указ. соч. С. 95–96; Македония: История и политическа съдба / Ред. П. Петров. София, 1994. Т. I. С. 263–264.

⁵³ Современная болгарская историография постепенно преодолевает имевшееся ранее предубеждение, что в отношениях между ВМОК и ВМОРО доминировали главным образом противоречия. См.: *Шопов Й.* Между митовете и историята за Македоно-Одринското въстание от 1903 г. (Размисли по повод 95-годишнината от избухването му) // МП. 1999. № 1. С. 57–58.

⁵⁴ Цит. по: Прилози за Илинден. Крушево, 1993. Т. VII. С. 37.

⁵⁵ См.: Турски документи за убийството на Гоце Делчев / Ред. А. Стојановски. Скопје, 1992.

⁵⁶ Цит. по: Македония: Путь к самостоятельности. Документы / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1997. С. 14–15. См. также: *Пешевска М.* Русия и Илинденското въстание // Македонско-руски връзки во XIX и почетокот на XX век. Скопје, 1996. С. 167–171.

⁵⁷ Каза – административно-территориална единица в составе вилаетов Османской империи, по площади приблизительно соотносимая с околицей в Болгарии.

⁵⁸ К настоящему времени опубликована обширная документальная база, позволяющая детально восстановить ход восстания во всех повстанческих округах. См., например: Извештаи од 1903 година на српските консу-

ли, митрополити и училищни инспектори во Македонија / Ред. Љ. Лапе. Скопје, 1954; Извештаи од 1903–1904 на австриските претставници во Македонија / Ред. Д. Зографски. Скопје, 1965; Austro-Hungarian Documents Relating to the Macedonian Struggle, 1896–1912 / Ed. F.R. Bridge. Thessaloniki, 1976; Турски документи за Илинденското въстание / Ред. А. Стојановски. Скопје, 1993; Илинден во француски дипломатски документи / Ред. Г. Тодоровски. Скопје, 1993; *Дракул С.* Македонија меѓу автономията и дележот. Скопје, 1996. Т. II; *Константинов Д.* Руски документи за Илинденската револуција. Битола, 1970; Освободителната борба на българите в Македония и Одринско 1902–1904: Дипломатически документи / Отг. ред. Н. Тодоров. София, 1978; *Томић М., Годороджа Ш., Попов Ж.* Румънският периодичен печат за Македония (1902–1904). София, 2001; *Трајановски А.* Жртвите и последиците од Илинденското въстание во Битолинскиот вилает според документацијата на Архивот за надворешна политика на Русија // Македонско-руски врски... С. 172–180. См. также справочные и библиографические издания: Илинденско-Преображенското въстание 1903 г.: Хронология / Състав. Л. Панайотов, Й. Шопов. София, 1983; *Анастасова А., Симиќ Д.* Македонска историографија за Македонската револуционерна организација (ВМОРО) и Илинденското въстание. Скопје, 1993.

⁵⁹ См.: Илинденско-Преображенското въстание от 1903 г.: военна подготовка и провеждане. София, 1992; *Палеишутски К.* Илинденско-Преображенското въстание. София, 1983; *Панайотов Л.* Илинденско-Преображенското въстание от 1903 г. София, 1983; *Пандевски М.* Илинденското въстание во Македонија 1903 година. Скопје, 1978.

⁶⁰ За минаување 100 лет по причинам конъюнктурно-политического характера название восстания в болгарской историографии неоднократно претерпевало изменения. Так, с середины 40-х до 60-х годов говорилось о двух отдельных восстаниях – Илинденском и Преображенском.

⁶¹ *Стателова Е., Грънчаров С.* История на България. София, 1999. Т. III. История на нова България (1878–1944). С. 179.

⁶² История на България. Т. 7. С. 580; *Пандевски М.* Илинденски бегалци во Бугарија во 1903–1904 година // Книга за Илинден: Сборник на трудови по повод 65-годишнината од Илинденското въстание. Скопје, 1969. С. 219.

⁶³ *Владева Л.* Официална България и Илинденско-Преображенското въстание 1903 г. // 90 години Илинденско-Преображенското въстание. София, 1991. С. 72–84.

⁶⁴ *Църнушанов К.* Отзвукът на Балканите от въстанието в Македония 1903 г. // Илинденско-Преображенското въстание. София, 1991. С. 114–126; *Поплазаров Р.* Односот на кралството Грција и на Цариградската патриаршија спрема ВМОРО и Илинденското въстание // Илинден 1903. Скопје, 1970. С. 137–148; *Он же.* Грчката политика спрема Македонија во втората половина на XIX и почетокот на XX век. Скопје, 1973; *Попов Ж.* Румъния и българската национална кауза в Македония // 90 години Илинденско-Преображенско въстание. София, 1994; *Попов Ж., Томић М., Годороджа Ш.* Румънският периодичен печат за Илинденско-Преображенското въстание през 1903 г. // МП. 2000. № 3. С. 75–94; *Јовановиќ В.* Србија и Илинденски устанак // Balcanica. 1998. Т. XXIX. С. 189–207.

⁶⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 329–330.

⁶⁶ Самарджиев Б. Англия и някои проблеми на реформеното дело в Македония през 1903–1908 г. // ИП. 1984. № 6. С. 24–43.

⁶⁷ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / Отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978. С. 297.

⁶⁸ Исаева О.Н. Указ. соч. С. 72–99.

⁶⁹ Об отношении правительств великих держав и балканских государств к реформам в европейских вилайетах Турции см.: *Вечев Д.* Реформите в Европейска Турция и руско-българските отношения (началото на XX век) // *Векове*. 1980. № 2. С. 15–23; *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1912 гг. М., 1960; *Германов С.* Руската общественост и революционното движение в Македония и Одринско 1893–1908. София, 1992. С. 164–191; *Гица А.* Балканските държави и македонския въпрос. София, 2001. С. 47–48; *Донев Ј.* Македонија во британско-руските односи 1907–1908: Тактика или стратегија. Скопје, 1994. С. 91–155; *Дюлгерова Н.* Руски шрихи към Източния въпрос (1894–1904): Амбиции и планове на имперската дипломатия. София, 1997; *Оманова Р.* Второто Стамболовистко правителство и реформите в Европейска Турция (5 май 1903 – 16 ян. 1908) // *България и Балканите*. 681–1981. София, 1982. С. 415–430; *Попов Р.* Австро-Унгария и реформите в Европейска Турция 1903–1908. София, 1974; *Тодоровски Г.* Реформите на големите европски сили во Македонија (1829–1909). Скопје, 1984. Т. 3; *Он же.* Србија и реформите во Македонија. Скопје, 1987. С. 139–233; *Сидовски К.* Италија и Македонија од крајот на XIX век до 1909 година. Скопје, 1994. С. 77–148; *Стојчевски В.* Политика на големите сили и на соседните земји кон Македонија во времето на Мирцигетските реформи // Европа и македонското прашање. Делчево, 1995. С. 175–188; *Dakin D.* British Sources Concerning the Greek Struggle in Macedonia, 1901–1909 // *Macedonia: Past and Present*. Thessaloniki, 1992. P. 121–134; *Damjanov S.* La diplomatie française et les reformes en Turquie d'Europe 1903–1908 // *Études historiques*. Sofia, 1975. T. VII. P. 345–370; *Pavlova M.* La propagande culturelle et politique bulgare en Italie et la question macedonienne (1903–1908) // *Bulgarian Historical Review*. 1992. № 1/2. P. 125–141.

⁷⁰ Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1903. № 7. С. 40–44.

⁷¹ См.: *Щерионов Ш., Джонев А.* Документи за положението на българите в Македония (начало на XX в.): Български документи от Архива към Музея на македонската борба в гр. Солун. Кюстендил, 2001.

⁷² *Стателова Е., Грънчаров С.* Указ. соч. С. 183.

⁷³ *Попов Р.* Към въпроса за политическите отношения между България и Сърбия през 1904 г. // *Studia balcanica*. Т. 6. Балкански проучвания XX век. София, 1972. С. 215–238.

⁷⁴ См.: *Петров Т.* Въоръжената борба на ВМОРО в Македония и Одринско (1904–1912). София, 1991.

⁷⁵ *Крамптън Р.* Кратка история на България. София, 1994. С. 76.

⁷⁶ *Лалков М.* Указ. соч. С. 138.

⁷⁷ *Крамптън Р.* Указ. соч. С. 77.

⁷⁸ См. по-подробнее: *Тодорова Ц.* Обявяване независимостта на България през 1908 г. и политиката на империалистическите сили. София, 1960. С. 47–52; *Николова В.* Опит за обявяване независимостта на България през 1897 г. // Обявяване на независимостта на България през 1908 г. / Отг. ред. М. Исусов. София, 1989. С. 23–32.

⁷⁹ Цит. по: Документи по обявяване на независимостта на България 1908 година. София, 1968. С. 129.

⁸⁰ Там же. № 13. С. 24.

⁸¹ См. по-подробнее: *Билярски Ц.* Вътрешната македоно-одринската революционна организация, Съюзът на български конституционни клубове и Народнофедеративната партия (Българска секция) след Младотурска революция // Известия на Държавните архиви. София, 1988. Т. 56; *Георгиев В., Трифонов С.* Македония и Тракия... № 251, 256–258, 260; *Пандевски М.* Политическите партии и организации во Македонија (1908–1912). Скопје, 1965. С. 204–235; *Първанов Г.* Създаване Съюза на българските конституционни клубове (юли – септ. 1908) // *Векове*. 1982. № 6. С. 5–16; *Македония: История и политическа съдба*. Т. I. С. 285–286.

⁸² Документи по обявяване на независимостта на България... № 15. С. 26.

⁸³ Обявяване на независимостта... С. 15.

⁸⁴ Спомен за обявяване на независимостта на България 1908 / Състав. Р. Попов, Е. Стателова. София, 1984. С. 35, 40–41.

⁸⁵ Там же. С. 46–49.

⁸⁶ Обявяване на независимостта... С. 6.

⁸⁷ Там же. С. 17.

⁸⁸ Там же. С. 19.

⁸⁹ Спомен за обявяване на независимостта... С. 52–53, 55–56.

⁹⁰ *Мартиновенко А.К.* Поддръжка Болгарии Россией в борьбе за упрочение государственного суверенитета после освобождения // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига, 1878–1978. М., 1978. С. 219.

⁹¹ *Тодорова Ц.* Указ. соч. С. 153–175.

⁹² *Цветков П.* България и коронованата демокрация в Европа // ИП. 2002. № 1/2. С. 92.

⁹³ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 60–63.

⁹⁴ *Стоилов П., Йонов М., Петров Л.* Българската армия като институция (1878–1944 г.) // България 1300: Институции и държавна традиция. София, 1981. Т. 1. С. 374.

⁹⁵ *Георгиев В., Трифонов С.* История на българите... С. 304.

⁹⁶ *Die Große Politik der Europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von L. Lepsius, A. Mendelsohn-Bartholdy, Fr. Thimme. В., 1927 (далее – Die Große Politik...), Bd. 33. № 12 297. S. 253.*

⁹⁷ Первая мировая война: Исторический очерк / Под ред. В.Л. Малькова, Г.Д. Шкундина. М., 2002. С. 66.

⁹⁸ См. по-подробнее: *Марков Г.* Към историята на българо-румънския спор за Южна Добруджа по време на балканските войни (1912–1913) // Историята на Добруджа, Тракия и Македония: Известия на Института за история при БАН. София, 1990. Т. 30. С. 40–112.

⁹⁹ *Die Große Politik... Bd. 33. № 12 478. S. 448–449; Bd. 34/1. № 12 531, 12 546. S. 37, 55; Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914: Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Äussern / Hrsg. von L. Bittner und H. Übersberger. Wien, 1930 (далее – ÖUA). Bd. IV. № 4837, 5023. S. 75–77, 209–210.*

¹⁰⁰ См. по-подробнее: *Кишкилова П.* България 1913: Кризата във властта. София, 1998.

- ¹⁰¹ Die Große Politik... Bd. 33. № 12 402. S. 371.
- ¹⁰² Георгиев В., Трифонов С. История на българите... С. 303.
- ¹⁰³ ОУА. Bd. IV. № 4259, 4428, 4429, 4621, 4713, 4714, 4929. S. 765, 879, 880, 1013, 1076–1078, 1087–1088; Bd. V. № 4825, 4983, 5001, 5117. S. 66–67, 175, 188–189, 271.
- ¹⁰⁴ Красный архив. 1926. Т. 3(16). № 44. С. 14.
- ¹⁰⁵ ОУА. Bd. V. № 4777, 4825, 4983. S. 35, 66–67, 175.
- ¹⁰⁶ Красный архив. 1926. Т. 3(16). № 44. С. 14.
- ¹⁰⁷ Марков Г. Българското крушение 1913. София, 1991.
- ¹⁰⁸ Крамптън Р. Указ. соч. С. 96.
- ¹⁰⁹ Марков Г. Българското крушение 1913. С. 228.
- ¹¹⁰ См. подробнее: Гринберг С.Ш. Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне первой мировой войны (1912–1914 гг.) // Славянский сборник. М., 1947. С. 314–330.

БОЛГАРИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Болгарские военно-политические цели в начальный период войны

Царь Фердинанд и болгарская правящая элита, в особенности высшее офицерство, не желали смириться с поражением страны во 2-й Балканской войне. Свои реваншистские цели Кобург выразил открыто в декларации в связи с окончанием войны, заявив, что “свертывает знамена в ожидании лучших времен”. Послушное царю правительство либеральных партий во главе с Радославовым создавало политический климат, благоприятный для активизации реваншистских настроений. При этом оно использовало проблему беженцев с территорий Южной Добруджи, Фракии и Македонии.

Осуществить задуманное без ревизии Бухарестского мирного договора 1913 г. было невозможно, а робкие попытки болгарской дипломатии в 1913–1914 гг., накануне европейской войны, поставить вопрос о его пересмотре оказались безрезультатными. Начало военного конфликта в Европе автоматически делало болгарскую ревизионистскую внешнюю политику политикой реваншистской. Дело в том, что болгарский национальный вопрос являлся одновременно и вопросом территориальным. Болгария имела претензии практически к каждому из своих четырех соседей. Многонаправленность ее ревизионизма вызвала бы значительные затруднения у любой великой державы или коалиции государств, поставивших перед собой задачу привлечения Болгарии в качестве союзника.

В определении болгарской внешнеполитической концепции решающую роль играл Фердинанд. “Вся политическая жизнь Болгарии, особенно внешняя политика, направляется царем, — отмечал российский посланник в Софии А.А. Савинский. — Министры являются слепым орудием в его руках”¹. Ранее в историографии существовала тенденция объяснять участие Болгарии в первой мировой войне на стороне Центральных держав исключительно субъективным фактором, т.е. “вероломством” и “гермаофильством” Кобурга. В работах болгарских и советских историков преобладала точка зрения, что “политика Фердинанда была направлена на подчинение интересов Болгарии захватническим планам австро-германского империализма”², а сам он назывался австро-германским агентом в Болгарии³.

Такой подход представляется чересчур упрощенным. Как мы увидим далее, в ходе первой мировой войны Фердинанд и болгар-

ское правительство имели собственные цели, которые не всегда совпадали, а иногда и прямо противоречили военно-политическим целям Германии и Австро-Венгрии, что приводило к серьезным коллизиям. Не только в Болгарии, но и в ряде других балканских стран наличие монархов-иностранцев являлось особенностью государственной жизни. Вопрос в другом: как национально-государственные интересы этих стран соотносились с династическими интересами и личными целями чужеродных монархов?

На наш взгляд, национально-государственные интересы Болгарии и, как следствие, ее внешнеполитическая ориентация в годы первой мировой войны определялись не только и не столько личными амбициями и гегемонистскими химерами Кобурга, желавшего восстановить Византийскую империю под своим скипетром. В первую очередь, они были обусловлены нерешенностью болгарского национального вопроса. После поражения 1913 г. ни одна из политических группировок в болгарском обществе не переставала думать о национальном объединении. Поскольку с 1885 г. вся внешняя политика Болгарии фокусировалась на македонском вопросе, то Македония стала сердцевинной болгарских национально-территориальных требований. Значительная ее часть (так называемая Вардарская Македония) после Балканских войн вошла в состав Сербии, которую многие болгары считали врагом номер один. Образ этого врага усиленно насаждался официальной пропагандой.

24 июля 1914 г., узнав содержание австро-венгерского ультиматума Сербии, Радославов воскликнул: “Это большое счастье для Болгарии”⁴. Он и лидер Младолиберальной партии министр финансов Д. Тончев, являвшийся вторым лицом в правительстве, полагают, что австро-венгерская победа над Сербией вернет им Македонию без борьбы. В августе официозная печать превозносила Австро-Венгрию и доказывала, что она и Болгария имеют одинаковые интересы на Балканах и должны вести совместную политику. Целью этой политики открыто провозглашался разгром “общего врага” – Сербии и установление болгарской гегемонии на Балканах. Эта шовинистическая пропаганда находила благоприятный отклик среди выходцев из Македонии.

Сквозь мощный гул антисербской пропаганды в первый месяц войны в газетах русофильских партий прорывались, правда, и отдельные нотки сочувствия Сербии, но одновременно выражалось и непреклонное убеждение, что Бухарестский договор должен быть пересмотрен, а Македония возвращена Болгарии. Как отмечал в донесении в Берлин от 2 сентября 1914 г. германский военный атташе в Софии барон К. фон дер Гольц, средний болгарин, по его наблюдениям, убежден в том, что европейская война должна вернуть Болгарии Македонию без ее участия в войне. “Общий балканский идеал состоит в том, чтобы получать, но ничего взамен полученного не давать”, – добавлял он⁵.

Лидеры БЗНС, Радикально-демократической партии, а также “широкие” социалисты отрицали войну как средство решения национального вопроса, выступая за соблюдение строгого и последовательного нейтралитета. Некоторые историки утверждают, что по существу эти партии не имели к началу войны определенной внешнеполитической программы⁶.

В отношении БЗНС данный тезис нуждается в уточнении. Осмысление причин первой национальной катастрофы стало толчком к формированию внешнеполитической концепции лидера крестьянской партии А. Стамболийского. Еще в 1913 г., после заключения Бухарестского мира, он выдвинул лозунг автономии Македонии, что, по его мнению, явилось бы “самым справедливым решением Восточного вопроса ... самым надежным средством умиротворения Балканского полуострова ... самым необходимым условием для создания балканской федерации”⁷. Эту мысль Стамболийский развил в речи в Народном собрании 31 июля 1914 г. в условиях начавшейся войны между Австро-Венгрией и Сербией.

Отмечая шовинизм болгарской и сербской интеллигенции, их мечты о гегемонии в границах держав Симеона Великого и Стефана Душана, Стамболийский сказал, что народным массам чужд этот шовинизм, но им близка идея сближения, “объединения южного, балканского славянства”. Однако, по его мнению, объединение южных славян в единое государство произойдет лишь тогда, когда сами народы свергнут три свои династии – черногорскую, сербскую и болгарскую, которые “являются единственным и самым крупным препятствием для южнославянского объединения на демократических началах”⁸.

Но исторических условий для реализации этой идеи не имелось. Стамболийский понимал, что ей не благоприятствует обстановка начавшейся мировой войны. В тех условиях создание балканской федерации означало оказание Болгарией немедленной помощи Сербии и Черногории, а лидеры БЗНС выступали за сохранение нейтралитета. Они полагали, что такой ценой Болгария сможет добиться национального объединения, т.е. присоединения Македонии, но ей надо быть сдержаннее в своих требованиях, сократить размер претензий. Это ни в коем случае не означало предательства болгарских национально-государственных интересов. Если серьезно рассматривать вопрос о соглашении с балканскими странами о приобретении чего-либо без войны, заявляли лидеры Земледельческого союза, такая уступка абсолютно необходима. Ведь события 1913 г. показали, каковы последствия максимализма в национальных требованиях⁹. Уже после мировой войны, когда кабинет БЗНС привлек к суду виновников обеих “национальных катастроф”, он обвинил буржуазные правительства в том, что те ставили перед собой заведомо невыполнимые внешнеполитические задачи: “Не за объединением (всех болгар. – *Авт.*) путем до-

говоров и войн вам надо было гнаться, а за автономией Македонии и Адрианополя”¹⁰.

Стамболийский полагал, что национальное объединение болгарского народа не может произойти сразу и поэтому свои национально-территориальные требования болгарская дипломатия должна выдвигать адекватно развивающимся событиям. Он выступал за переговоры со всеми, кто бы ни обращался с подобными предложениями – с Центральными державами, с Антантой, с соседними балканскими странами, но только на базе сохранения Болгарией нейтралитета¹¹.

Уже в первые недели и месяцы европейской войны резко разошлись позиции политических партий по вопросу о роли России в достижении болгарских национальных идеалов. БЗНС с самого начала занял в этом вопросе реалистическую позицию. “Насколько вредно слепое германофильство, настолько вредно и слепое русофильство”, – писала газета “Земедельско знаме” 12 августа 1914 г. “Земледельцы” неоднократно выражали симпатии России, но в то же время отмечали, что этих чувств недостаточно, чтобы привязать Болгарию к Антанте, так как это не отвечает высшим интересам болгарского народа, который стремится избежать войны¹².

Иной была позиция партий правящей коалиции. 29 августа орган Народно-либеральной партии газета “Воля” утверждала: “Россия была и остается самым непримиримым врагом Болгарии, она не только способствовала разгрому наших политических идеалов, но и впредь будет мешать их осуществлению”. 4 сентября “Воля” писала: “Национальные интересы повелевают нам примыкать к противникам русской политики”¹³.

Под покровительством Кобурга была создана Военная лига во главе с выходцем из Македонии генералом М. Савовым. Ей была присуща антирусская направленность. Именно эти настроения болгарской правящей верхушки имел в виду австро-венгерский министр иностранных дел Л. Берхтольд, заявляя своим подчиненным: “Страх перед Россией и ненависть к Сербии – вот наши лучшие союзники в Болгарии”¹⁴.

Однако на народные массы эта пропаганда не оказывала действия. Народ Болгарии хранил сердечную благодарность своей освободительнице – России. Значительная часть интеллигенции и высшее православное духовенство активно пропагандировали сближение с Россией. Савинский сообщал в Петроград 22 октября: “...ко мне по нескольку раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев. Я указал Радославову, что правительство систематически подавляет эти чувства, что мне тоже документально известно и что, таким образом, он ведет политику вразрез с общественным мнением”¹⁵.

В этих условиях царь и правительство были вынуждены вести двойную игру. 1 августа, когда австро-сербский конфликт начал перерастать в европейский, а система международных отношений на Балканах, созданная Бухарестским миром, развалилась, Радославов выступил в Народном собрании, зачитав декларацию о внешней политике Болгарии и ее отношении к войне. Провозгласив сохранение строгого нейтралитета во время войны, он подчеркнул: “Мы не являемся в данный момент чьими-либо агентами и будем продолжать политику, отвечающую болгарским интересам”.

Но это заявление было сделано, что называется, на публику. Царь и Радославов в тот же день активизировали свои тайные дипломатические усилия, показав на деле, как именно они понимают болгарские интересы. Фердинанд в письме к австро-венгерскому монарху Францу Иосифу написал: “Я счастлив, что высшие интересы моей страны совпадут с интересами Вашего Величества”¹⁶. На следующий день, 2 августа, с согласия царя Радославов сделал Германии и Австро-Венгрии предложение о военно-политическом союзе, представив проект соответствующего договора. Это предложение было пронизано идеей реванша в отношении Сербии. Взамен болгарское правительство требовало от Центральных держав гарантий неприкосновенности границ Болгарии и поддержки ее стремлений приобрести в будущем территории, на которые она имеет неоспоримые “этнографические и исторические права”. Относительно Румынии в документе содержалась оговорка, что Болгария будет добиваться Добруджи военным путем в том случае, если Румыния перейдет на сторону Антанты. Если же Румыния пойдет вместе с Тройственным союзом, то Болгария откажется от Добруджи и при будущих территориальных изменениях расширит свои владения только на западе¹⁷.

Данный меморандум являлся первым с начала войны изложением территориальных претензий Болгарии. Увлеченные идеей получения Вардарской Македонии и морально-психологически подготовленные к войне с Сербией, болгарские правящие круги отодвинули на второй план территориальные притязания к остальным балканским государствам, включая Турцию. Это не значит, что они отказались от своей программы-максимум в вопросе территориального расширения. Сан-Стефанский идеал держался в уме на всем протяжении войны.

Но, образно говоря, обжегшись в 1913 г. на молоке, царь и правительство спустя год дули на воду. Давая принципиальное согласие вступить в войну против Сербии, в данный момент они готовы были удовлетвориться расплывчатой, неконкретной формой послезвоного решения территориальных споров с другими соседями не без помощи Центральных держав. А в споре за Добруджу Румыния получала фору именно из-за своих союзнических отношений с Центральными державами, хотя из всех спорных территорий как раз на

Южную Добруджу Болгария имела самые обоснованные “этнографические и исторические права”. Таким образом, речь шла не столько о национальных, сколько о территориальных интересах. С одной стороны, руководители Болгарии проявили умеренность при формулировании территориальных требований в начальный период войны, а с другой – беспринципность в трактовке болгарских национально-государственных интересов.

Наличие указанного меморандума позволило ряду болгарских историков утверждать, что вопрос о присоединении Болгарии к блоку Центральных держав был предreshен уже в первые дни войны. По их убеждению, только военные и дипломатические неудачи австро-германского блока в 1914 г. задержали формальное закрепление этого акта. Однако дальнейшие перипетии дипломатической борьбы за Болгарию между обеими воюющими группировками скорее доказывают правоту другой точки зрения, впервые высказанной Ф.И. Нотовичем, – о том, что в начале мировой войны “Болгария ... стремилась возратить себе все потерянные территории и готова была ориентировать свою внешнюю политику на любую великую державу или группировку держав, которая поможет ей осуществить свои требования”¹⁸.

Сам же Радославов писал позже в мемуарах: “Австро-Венгрия не была уверена в позиции Болгарии, где после объявления войны дела могли принять нежелательный оборот, если бы только Сербия пожелала удовлетворить болгарские претензии в Македонии”¹⁹. Не скрывал глава кабинета своих притязаний на Македонию и от дипломатов Антанты. 29 июля 1914 г. он прямо заявил Савинскому, что, “конечно, взял бы Македонию обеими руками”²⁰. 14 августа в ответ на просьбу посланника в Греции Г. Пасарова об инструкциях по ведению переговоров с представителями Антанты Радославов дал краткое и ясное указание: “Требуйте всю Македонию!”²¹

В самый последний момент Фердинанд и Радославов отказались подписать союзный договор с Центральными державами. В значительной степени это было обусловлено провалом австро-германской дипломатии в деле вовлечения в войну на своей стороне Греции и союзной Румынии. Не имея гарантий благожелательного для Болгарии нейтралитета этих двух стран, софийские правители не рискнули напасть на Сербию.

По меткому выражению российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова, с самого начала войны в Европе сформировались три блока государств: “triple alliance, triple entente et triple attente” (т.е. Тройственный союз, Тройственное согласие и Тройственное ожидание). К последней “тройке” он относил Италию, Румынию и Болгарию²². Эти три государства, союзоспособность которых была довольно велика, не торопились присоединиться ни к одной из двух противостоявших группировок. Сохраняя нейтралитет, они внимательно следили за ходом военных действий и выжидали, на чью сто-

рону склонится окончательная победа. До осени 1915 г., ведя торг с обоими воевавшими блоками, руководители болгарской внешней политики проводили в жизнь так называемую “дипломатию вращающейся двери”, которая впускала одних участников переговоров в то время, когда другие выходили. В планах великих держав Болгария, как и все балканские государства, была вынуждена искать локальную проекцию на свои национально-государственные интересы.

На начальном этапе мировой войны в требованиях болгарского правительства не содержалось притязаний на присвоение территорий, где бы преобладало население явно неболгарского происхождения. Экспансионистские мотивы начали пробиваться в болгарской внешнеполитической программе позднее, в конце 1914 г., когда неудача австро-венгерского военного наступления на Сербию и вступление в войну Турции резко повысили значимость Болгарии как эвентуального союзника Центрального блока.

В ходе переговоров с Австро-Венгрией впервые речь зашла о возможном присоединении к Болгарии не только Македонии, но и собственно сербских земель. Берхтольд готов был обещать территорию до Пирота, лишь бы перетянуть болгар в свой лагерь²³. Радославов же отвечал, что болгарское общественное мнение согласно с оккупацией Македонии, но не относится с симпатией к идее отторжения части Северной Сербии. Перспектива общей границы с Габсбургской империей возбуждала в определенных кругах Софии сомнения в возможности воспрепятствовать в дальнейшем австро-венгерской экспансии на юго-восток. Это означало ненужный риск для болгарской безопасности. Ссылки же на общественное мнение были “фиговым листком”, которым Радославов прикрывал собственное нежелание выступать на стороне Центральных держав до тех пор, пока они не добьются решающих побед на фронтах. Спусти всего лишь несколько месяцев, когда в изменившейся военно-политической обстановке уже болгарское правительство стало требовать от Центральных держав признания своих прав на Восточное Поморавье с городами Ниш, Пирот и Вране, эти притязания оно обосновывало опять-таки ссылками на общественное мнение. Нашлись и соответствующие аргументы: захват Сербией этих земель на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда там якобы преобладало болгарское население; вхождение данных территорий до войны в диоцез Болгарской экзархии; стремление болгар-переселенцев из тех районов вернуться в свои родные места, и т.д.

Вступление Турции в войну на стороне Центральных держав 30 октября 1914 г. дало дипломатии Антанты возможность для маневра. Теперь за участие в войне можно было обещать Болгарии турецкую Восточную Фракию и тем самым если не отвлечь болгар от Македонии, то в крайнем случае умерить их претензии там. Но Ра-

дославов дал понять, что не особенно интересуется Восточной Фракией, поскольку надеялся получить ее даже за нейтралитет в случае возможного разгрома Турции. Он отвечал, что война против турок непопулярна. “Но вот если бы Болгарии была дана сейчас Македония, то у всего народа явился бы новый подъем”²⁴. 26 ноября и 9 декабря дипломаты стран Антанты вручили Радославу коллективные ноты, в которых уже не было и речи о военном выступлении Болгарии на их стороне, а делалась попытка заручиться лишь ее благожелательным нейтралитетом. За это были обещаны Восточная Фракия и “справедливые территориальные приобретения в Македонии”²⁵. Такие неконкретные, расплывчатые обещания в отношении Македонии обрекли демарш на неудачу. Попытки Антанты соблазнить Радослава Восточной Фракией оказались безуспешными, поскольку интересы болгарской политики были направлены не на нее, а на запад и юг, где проживало значительное население, которое правительство считало болгарским. А в Восточной Фракии еще в результате Балканских войн произошли такие миграционные процессы, которые изменили этнический облик этой области – уже тогда она утратила свой и ранее не слишком ярко выраженный болгарский колорит. В вопросе о приоритете того или иного направления болгарских территориальных претензий Радославов не был одинок. С ним солидаризировались и политики антантофильской ориентации.

На рубеже 1914–1915 гг. они действовали достаточно активно. В январе 1915 г. 40 писателей, ученых, общественных деятелей во главе с корифеем болгарской литературы Иваном Вазовым направили царю обращение, в котором протестовали против германофильской политики кабинета Радослава. В марте того же года от имени жителей Софии Фердинанду снова было направлено письмо, которое подписали 109 политических деятелей, представителей интеллигенции, военных. В нем содержалось требование немедленно выступить на стороне России. Авторы письма утверждали, что наступил последний подходящий момент для объединения болгар²⁶. Активно пропагандировало сближение с Россией и высшее православное духовенство²⁷.

Дипломатическое наступление Антанты в Болгарии в конце 1914 г. имело своим последствием то, что кабинет Радослава, прекрасно уяснив ключевую роль и огромное стратегическое значение Болгарии в изменившихся военно-политических условиях и спекулируя на этом, стал требовать компенсаций не только за выступление на стороне той или другой коалиции, но и даже за свой нейтралитет. Хотя в отличие от Антанты австро-германский блок обещал всю Вардарскую Македонию, но за нее надо было воевать, а при отсутствии крупных военных успехов этого блока ввязываться в войну на его стороне Кобург и Радославов не хотели. Поэтому весь январь 1915 г., вплоть до начала Дарданелльской операции, глава кабинета

продолжал вести дипломатический торг с Антантой, пытаясь “набить цену” за болгарский нейтралитет. Он инструктировал посланника в Париже Д. Станчова: “Болгария не отказывается от своих исторических и этнографических прав и не скрывает этого; она не может без Македонии и Кавалы, Серре, Драмы и Добруджи, а также линии Энес–Мидье. Когда говорите, не забывайте подчеркивать: Болгария будет с теми, кто гарантирует ее права на них”²⁸. Таким образом, за свой нейтралитет Радославов требовал от Антанты ни больше, ни меньше, как создания Великой Болгарии в сан-стефанских границах.

То, что либеральная коалиция к началу 1915 г. еще не определилась окончательно в своей внешнеполитической ориентации, косвенно подтверждается фактом трехмесячной поездки лидера Народно-либеральной партии бывшего министра иностранных дел д-ра Н. Геннадиева в Рим, Париж и Вену в конце 1914 – начале 1915 г. Он вернулся на родину с сильными проантантовскими симпатиями. Из результатов поездки лидер стамболовистов сделал ряд важных выводов, главный из которых заключался в том, что Италия будет воевать на стороне Тройственного соглашения. Это вовлечет Румынию и Грецию в ту же группировку, и они выступят против Болгарии, если последняя примкнет к Центральным державам и к Турции. Для Геннадиева была очевидна тенденция к увеличению числа союзников Антанты, и в то же время он не видел никаких перспектив, что какое-либо государство присоединится к Центральному блоку.

В этих условиях Геннадиев полагал, что наиболее благоприятным для Болгарии решением было бы выступить на стороне Антанты и объявить войну Турции. Причем, по его мнению, это надо было сделать сразу после вступления в войну Италии и до предполагаемого успешного завершения начавшейся 19 февраля 1915 г. Дарданелльской военно-морской операции стран Антанты. Таким образом повысилось бы значение Болгарии в глазах союзников по Антанте, которые были бы вынуждены считаться с болгарскими претензиями. Если же страна все-таки не вступит в войну теперь, рассуждал Геннадиев, тогда лучше до конца войны сохранять нейтралитет, так как после окончания военных действий нейтральные государства будут весьма авторитетны и Болгария смогла бы получить больше, чем после запоздалого и бессмысленного вступления в войну²⁹.

5 марта 1915 г. Геннадиев поделился своими соображениями на заседании совета министров, но поддержки не получил. Радославов не позволил ему зачитать подготовленный доклад, и большинство министров даже не знали, что такой документ вообще существует³⁰.

Позиция Геннадиева стала официальной линией его фракции в Народно-либеральной партии. Эволюция внешнеполитической ориентации партийного шефа послужила главной причиной раскола

в рядах стамболовистов. Вторым человеком в партии, убежденный германофил Добри Петков выступил против Геннадиева, обвиняя его в русофильстве, в том, что он изменил традиционному недоверию партии к политике России. Впоследствии лидер стамболовистов был отстранен от активной политической жизни и брошен в тюрьму. Группа же Петкова поддерживала правительство во всех его действиях в 1915–1918 гг. Ее главным идеологом стал известный публицист и юрист Димо Кьорчев. Свои внешнеполитические воззрения он отразил в рукописи неопубликованной брошюры, работа над которой была завершена в июле 1915 г. Здесь он доказывал, что влияние Британии и России на Балканах устранено навсегда и будущее Болгарии – лишь в союзе с великой Германией³¹.

“Болгарское лето” 1915 года

Следующий виток в динамике болгарских территориальных притязаний связан с Дарданелльской операцией. Союзоспособность Болгарии для обеих воевавших группировок сразу резко возросла. Великобритания и Франция вновь стремились вовлечь ее в войну против Турции. Для Центрального же блока с началом военных действий в Проливах возросла необходимость военных поставок для Турции из Германии и Австро-Венгрии и роль при этом болгарского транзита. Кроме того, ухудшилась общая военно-политическая ситуация Центральной коалиции. В марте 1915 г. российскими войсками была взята мощная австрийская крепость в Галиции Перемышль. Все более угрожающим для австрийцев и немцев становилось поведение Италии.

Радославов решил спекулировать на изменившейся конъюнктуре и снова поднял вопрос о компенсациях за болгарский нейтралитет. Он стремился выторговать побольше уступок у обеих сторон. Между тем разгорелась острейшая дипломатическая схватка за привлечение Болгарии в качестве союзницы. Перипетии этой борьбы вошли в историю под названием “болгарское лето”. Оказавшиеся в сложной ситуации руководители Германии и Австро-Венгрии были сговорчивее. 23 мая, в день вступления в войну Италии, они все-таки дали Радославову давно требуемую декларацию о двух зонах в Македонии – так называемых “бесспорной” и “спорной”. Обе зоны обещались в качестве вознаграждения за благосклонный болгарский нейтралитет³². 6 июня за него же в новой ноте Центральные державы обещали, помимо Македонии, территориальные компенсации за счет Греции и Румынии в том случае, если те присоединятся к Антанте³³.

Хотя основная цель была достигнута, глава болгарского кабинета не был удовлетворен полностью. Он ожидал еще некоторых компенсаций за счет Турции. Интересно, что, ведя в это же время пере-

говоры с Антантой о компенсациях за эвентуальное военное выступление Болгарии на ее стороне и требуя обе зоны в Македонии, Кавалу с Сера и Драмой, Радославов тщательно избегал упоминания о линии Энез–Мидье, хотя антантовская дипломатия ему ее усиленно навязывала нотой от 29 мая³⁴. Объясняется это кажущееся противоречие просто. Вопрос о компенсациях за счет Турции имел внутриболгарский аспект. В условиях, когда в стране ширилось движение за присоединение к Антанте и за выступление против Османской империи, Радославов надеялся, что Германия заставит турок уступить линию Энез–Мидье “добровольно”. Тем самым будет укреплено положение его кабинета, ибо из рук оппозиции был бы вырван “самый сильный козырь”³⁵. С согласия царя он стал напрямую шантажировать младотурок, но был непоследователен относительно размера турецких компенсаций, непрерывно колеблясь между линией Энез–Мидье и долиной Марицы. Не было единства по этому вопросу и между членами правительства. Некоторые под влиянием Тончева поддавались искушению требовать от Османской империи максимальных уступок. Другие считали приобретения за ее счет второстепенными и советовали искать компромисс, который ускорит переговоры с Берлином и с Венной. Они представляли общественные настроения, распаленные мечтой об осуществлении национальных идеалов прежде всего в Македонии, а в тот момент, по их убеждению, к данной цели напрямик вел союз с Центральными державами.

В конечном итоге все опять решил военный фактор. Оказавшаяся в сложной ситуации в результате высадки десанта Антанты на Галлипольском полуострове, Турция согласилась по конвенции от 6 сентября 1915 г. уступить территорию в 2 тыс. кв. км по нижнему течению Марицы в районе Димотики, а также железнодорожную станцию Караагач в предместье Адрианополя. Это передавало всю железную дорогу от Свиленграда до Дедеагача и все течение Марицы в руки Болгарии³⁶.

Объем этих уступок ни в коей мере не мог сравниться с масштабом первоначальных болгарских требований. Но достижение соглашения с Османской империей даже на таких условиях было для Радославова успехом, позволявшим в какой-то мере стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию. Присутствовал здесь и пропагандистский момент, поскольку кабинет стремился представить себя в глазах общественного мнения способным решать проблему “собрания” болгарских земель.

Одновременно велись переговоры о заключении союза с Германией и Австро-Венгрией. За участие в разгроме Сербии болгарское правительство потребовало всю Македонию и как можно большую часть территории до Моравы, но во всех случаях с округом Неготин. Что касается гарантий против Греции, то даже за возможную мобилизацию ее армии в “виде наказания” она должна была передать

Болгарии не только Кавалу, но также Сера и Драму, ибо экономически наиболее выгодная железная дорога к Эгейскому побережью, которую намеревалось строить болгарское правительство, должна была проходить через эти города. В пункте 12 проекта союзного договора, который привез в Берлин в конце июля 1915 г. эмиссар царя подполковник П. Ганчев, содержалось требование согласия на заключение личной унии между Болгарией и Албанией в том случае, если последняя после войны останется самостоятельным государством и если большинство албанского народа согласится с этим³⁷.

Правда, когда Радославов вручил 24–25 августа посланникам Центральных держав официальный текст болгарского проекта союзного договора, в нем статья 12 с требованием болгаро-албанской личной унии была снята. Глава правительства заявил, что это сделано по желанию Фердинанда, дабы не усложнить переговоры. Отличие этого проекта от того, который привез в Берлин Ганчев, сводилось и к еще одной уступке болгарской стороны – за активное участие в войне против Сербии в статье 5 Радославов требовал не всю Восточную Сербию до Моравы, а только ту ее территорию, которая до Берлинского конгресса находилась под юрисдикцией Болгарской экзархии³⁸.

Но снова решающее слово было за царем. По своим канцлам он узнал, что в отличие от Габсбургской империи Германия проявляет большую сговорчивость по балканским территориальным вопросам и готова удовлетворить болгарские территориальные притязания в расширенном варианте, т.е. дать ей все Восточное Поморавье. Фердинанд заставил Радославова 2 сентября потребовать у Австро-Венгрии сохранения гарантий для Болгарии на аннексию всей Восточной Сербии до Моравы³⁹. В этом эпизоде проявилась старая беда болгарской дипломатии – ее непоследовательность. Наблюдая со стороны за военными успехами Центрального блока летом 1915 г., Кобург и Радославов стали лихорадочно форсировать присоединение Болгарии к этой коалиции. С одной стороны, они раздумывали, боясь продешевить, а с другой – спешили, опасаясь возможного изменения военной конъюнктуры. Именно этим объясняются их метания из стороны в сторону при формулировании территориальных претензий.

6 сентября 1915 г. союзный договор между Болгарией и Германией, а также военная конвенция этих двух государств и Австро-Венгрии были подписаны без ведома большинства болгарских министров и без согласия Народного собрания. В отдельном соглашении болгарам были обещаны спорная и бесспорная зоны в Македонии, а также территория Поморавья по верхнему течению реки до слияния Южной и Западной Моравы. В случае вступления в войну на стороне Антанты Греции или Румынии Болгарию предполагалось вознаградить территориями, утраченными ею по Бухарестскому миру, а также “исправить” болгарско-румынскую границу восточнее Си-

листры, что было предусмотрено еще Берлинским договором 1878 г.⁴⁰

Уже на следующий день после подписания договора, 7 сентября, с согласия царя Радославов принял германское предложение об уступке Греции после окончания войны за ее нейтралитет двух округов в Македонии – Дойранского и Гевгелийского⁴¹. Это согласие, будучи верхом беспринципности Фердинанда и Радославова в трактовке болгарских национально-государственных интересов, косвенно подтверждает тот тезис, что в своих претензиях на Вардарскую Македонию софийские правящие круги исходили не столько из этнического фактора, сколько из геостратегического. Зарясь на исконно сербские земли и стремясь к созданию “Великой Болгарии”, они готовы были пожертвовать лозунгом “национального объединения” и уступить земли, значительная часть населения которых считала себя болгарями.

При этом подразумевалась геостратегическая сверхзадача – элиминирование Сербии как важного фактора на Балканах. Это являлось одной из главных военно-политических целей болгарской правящей элиты с самого начала войны. Все предложения о территориальных приобретениях в Македонии, исходившие от Антанты, изначально не удовлетворяли Софию потому, что они предполагали еще большие компенсации Сербии и ее расширение в направлении Адриатики. Сохранение же Сербии на политической карте Европы, даже уменьшенной территориально, а тем более увеличенной, никак не соответствовало гегемонистским устремлениям Кобурга и части болгарских политиков. Такое положение дел толкало их в австро-германские объятия. Наличие захватнических тенденций в болгарской внешней политике того периода признавал задним числом, уже после войны лидер Прогрессивно-либеральной партии д-р С. Данев: “В этом договоре (от 6 сентября 1915 г. – Авт.) решался скорее вопрос об исчезновении Сербии с карты Европы, чем о нашем объединении”⁴².

Летом 1915 г. Фердинанд и Радославов, введенные в заблуждение временными успехами германского оружия, которые они сочли предвестниками скорой и окончательной победы Центральных держав, сделали судьбоносный выбор, оказавшийся впоследствии роковым и для них лично, и для страны в целом. В отличие от лета 1914 г., теперь стало уже очевидным, что европейская война затянется надолго. Тем не менее в Софии пренебрегли собиранием точной, полной и объективной информации о состоянии экономики, человеческих ресурсов и военных потенциалов обеих коалиций, хотя даже арифметическое сравнение данных показало бы неоспоримое преимущество Антанты. Для политиков, привыкших рассуждать масштабно, а не замыкаться в узорегиональных рамках Балкан, было очевидным, что если Германия не использовала все преимущества блицкрига и не одержала победу в первый год войны, то в мно-

голетней войне на истощение, приобретающей тотальный характер, она обречена на неминуемое поражение. Примкнув же к Центральному блоку, Болгария вступила в лагерь обреченных. Впоследствии и шеф Демократической партии Малинов, которому пришлось в 1918 г., образно говоря, расхлебывать кашу, заваренную царем и Радославовым в 1915 г., и Стамболийский, вынужденный от имени Болгарии подписать унижительный для нее мирный договор 1919 г., с полным основанием утверждали, что эта «война была проиграна уже тогда, когда началась»⁴³.

По мнению историка М. Лалкова, «именно в выборе союзной коалиции коренится историческая ошибка болгарской политики, допущенная осенью 1915 г., а не в принципиальном решении воевать во имя национальных идеалов и за ревизию пагубного (Бухарестского 1913 г. – *Авт.*) мирного договора. Это решение было регионально, исторически и этнически оправданным, но Болгария искала его осуществление в ошибочном, поспешно избранном направлении, за которое нация позднее заплатила жертвами, страданиями, лишениями и вторым разгромом»⁴⁴.

Хотя история не признает сослагательного наклонения, тезис Лалкова возвращает нас к вопросу об альтернативности в ходе исторического процесса. Существовала ли альтернатива вступлению Болгарии в европейский конфликт в октябре 1915 г.? Не разумнее ли было продолжать проведение политики нейтралитета? Историки, оправдывающие принципиальное решение о вступлении в войну, утверждают, что после неудач в Балканских войнах болгарский национальный вопрос можно было решить только силой оружия. Мирный подход к развязыванию узла, завязанного в Бухаресте в 1913 г., доказал свою безрезультатность. По мнению Лалкова, определяющим оставался силовой фактор – другой альтернативы в решении общенациональных задач во время войны не существовало.

Фактически Лалков приходит к умозаключению, что Болгарии следовало воевать на стороне Антанты. Но и в таком случае при любом раскладе балканского пасьянса, даже при самом благоприятном исходе для антантовского блока, война не могла принести болгарам целостное решение национально-территориального вопроса в том виде, как его представляли болгарские политические деятели, т.е. в виде воссоздания Сан-Стефанской Болгарии. Если даже допустить правоту точки зрения Лалкова, то для достижения болгарского национально-территориального идеала участие страны в войне на стороне Антанты являлось пусть необходимым, но отнюдь не достаточным условием. Для этого было к тому же необходимо, чтобы все соседи Болгарии к исходу войны оказались в лагере побежденных, поскольку от соседей-нейтралов и тем более победителей она все равно бы никаких территориальных уступок не получила, даже если бы великие державы Согласия были готовы удовлетворить болгарские претензии. Это доказывается и неудачным для Антанты исходом

«болгарского лета» 1915 г. Одной из главных причин данной неудачи стало упорное нежелание сербского и греческого правительств пойти на уступки болгарам в Македонии, несмотря на давление, оказанное на них великими державами Антанты. Но Сербия, к войне против которой не только правительство, но и значительная часть рядовых граждан были морально-психологически подготовлены, к моменту принятия окончательного решения болгарским правительством прочно связала свою судьбу с державами Антанты и уже более года воевала на их стороне. И если она не пошла на уступки в 1915 г., находясь в сложнейшей военно-политической ситуации, то неужели Фердинанд и Радославов в дни принятия важнейшего внешнеполитического решения могли хотя бы на минуту усомниться в том, что сербы станут еще непреклоннее в случае победоносного для них исхода войны? Все эти соображения, безусловно, делали еще более узким коридор, в котором находились царь и глава правительства в момент решающего выбора.

Сменивший Берхтольда в качестве главы венской дипломатии И. Бурнан уже после войны признавал: «Если бы Болгария осталась нейтральной, ей пришлось бы отказаться от своей национальной программы. Ей было суждено идти только с нами»⁴⁵. Что же, определенная доля истины в этом утверждении есть, по крайней мере в первой его части. Отказаться от пестовавшегося десятилетиями сан-стефанского идеала было больно. Но ведь недаром говорят, что политика – это искусство возможного, а достижение такого идеала являлось целью неосуществимой. При любом исходе войны, даже победоносном для Центральной коалиции, рассчитывать на установление сан-стефанских границ Болгария не могла именно из-за многонаправленности своих территориальных притязаний, порожденной итогами 2-й Балканской войны. Беда состояла в том, что Фердинанд и Радославов не могли, да и не хотели осознать реальность этого неприятного для себя факта, предпочитая гоняться за сан-стефанским миражом. Если бы цели софийских правящих кругов отличались умеренностью, то можно было бы добиться их достижения, сохраняя строгий нейтралитет в отношении обеих воевавших группировок. Имеется в виду не пассивное бездействие, а нейтралитет активный, предполагавший ведение в строжайшей тайне переговоров со всеми, в том числе с соседями Болгарии, и закрепление де-юре территориальных обещаний за этот нейтралитет, раздаваемых обеими коалициями. Такую точку зрения еще весной 1915 г. с крестьянским простодушием и практичностью выразил Стамболийский: «Если будем сидеть спокойно, скорее получим в качестве компенсации территорию вплоть до Вардара»⁴⁶.

Но, по словам Г. Маркова, «нейтралитет для Болгарии в Великой войне был временной остановкой перед тем, как сесть в поезд вырисовывающихся победителей». Упуская из виду, что чувства являются плохими советчиками в политике, историк утверждает:

“Терзаемая свежими ранами, полученными во время своего недавнего крушения, Болгария не могла бы, скрестив руки, спокойно наблюдать за пожарами, разгоравшимися на полях сражений. Для нее нейтралитет был средством, а не самоцелью”⁴⁷. Но возникает вопрос: средством достижения какой цели? Той, которая была изначально неосуществима?

На наш взгляд, только оставаясь нейтральной, залечивая раны, полученные во время Балканских войн, наращивая свой военно-экономический потенциал, сохраняя боеспособную армию, Болгария могла бы рассчитывать на то, что в конце страшной войны, которая неминуемо обескровит всех участников – победителей и побежденных, – ее территориальные амбиции частично будут удовлетворены. На большее надеяться не следовало с самого начала европейского конфликта. Но для этого царю и Радославу необходимо было примириться с мыслью, что лучше получить хоть что-нибудь без особого риска, чем зарясь на многое и рискуя многим, потерять все. И ждать, ждать, ждать... Из всех членов “Тройственного ожидания” только Болгария не умела ждать. Ведь ее общее военно-стратегическое положение в сентябре–октябре 1915 г. было таково, что, оставаясь нейтральной, она ни в коей мере не рисковала стать страной, оккупированной войсками той или иной воюющей коалиции. Тогда ей еще не грозила будущая участь Греции, высадка британо-французских войск в которой попросту вовлекла эту страну в орбиту антантовского блока, предопределив сам внешнеполитический выбор греческих правящих кругов. Возможности дальнейшего маневрирования на базе нейтралитета для Болгарии в начале осени 1915 г. еще не были исчерпаны.

Против правительства выступил блок оппозиционных партий. В него входили Народная, Прогрессивно-либеральная, Демократическая, Радикально-демократическая партии, Земледельческий народный союз, а также “широкие” социалисты. Преобладающая часть оппозиционеров выступали не за сохранение строгого и последовательного нейтралитета, а за участие в войне на стороне Антанты. Многие из них были замешаны в нашумевшем деле Ф. де Клозье – французского агента, пытавшегося летом 1915 г. скупить для нужд Антанты хлеб в Болгарии.

17 сентября, т.е. уже после подписания Болгарией тайных соглашений с Центральными державами, но еще до объявления мобилизации, состоялась встреча царя Фердинанда с шефами оппозиционных партий. Они предприняли последнюю попытку изменить внешнеполитический курс Кобурга и правительства. Во время аудиенции Стамболийский предупредил царя, что если тот осмелится повести страну по пути военных авантюр, то рискует лишиться не только короны, но и головы. По своему духу и содержанию речь Стамболийского была исключительно редким явлением во взаимоотношениях болгарских политических лидеров с Фердинандом, давно установив-

шим в стране личный режим. За эту речь после начала мобилизации Стамболийский был арестован и осужден на пожизненное заключение.

23 сентября в стране была объявлена всеобщая мобилизация. 14 октября 1915 г. Болгария вступила в европейскую войну на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции. Тройственный союз превратился в Четверной.

Победы болгарского оружия и маневры софийской дипломатии

Формально Верховным главнокомандующим болгарских вооруженных сил считался царь Фердинанд. Фактическое же руководство осуществлял Главнокомандующий действующей армии генерал-майор (с октября 1916 г. – генерал-лейтенант) Н. Жеков. Всего в армию первоначально было мобилизовано 559 тыс. человек. Болгарские войска были подчинены германскому командованию. На них возлагалась двоякая задача. Прежде всего, болгары должны были содействовать наносимому по Сербии удару австро-германских войск под командованием генерал-фельдмаршала А. Макензена. Наступая в Македонии, руководимая генерал-лейтенантом Г. Тодоровым 2-я болгарская армия должна была отрезать сербам путь отступления по долине Вардара на юг, к Салоникам, где 5 октября 1915 г. началась высадка экспедиционного корпуса Антанты.

В то же время возглавляемой генерал-лейтенантом К. Бояджиевым 1-й армии предписывалось отбросить силы сербов от сербо-румынской границы и прервать их сообщение с Россией по Дунаю. Она наступала сразу по нескольким направлениям, не нанося сосредоточенного удара. 26 октября ее дивизии заняли Заечар, Княжевац и Пирот. Преследуя отступавшие соединения сербов, 1-я армия 4 ноября овладела нишским укрепленным пунктом, через четыре дня заняла Лесковац, а 11 ноября соединилась с войсками Макензена.

Тем временем 2-я армия вела наступление по двум направлениям: Куманово–Скопье и Царево-Село–Кочани. До конца октября она заняла города Куманово, Скопье и Вране, прервав тем самым телеграфное и железнодорожное сообщение сербов с войсками Антанты в Салониках. Тогда две французские и одна британская дивизии выдвинулись к верховью реки Черны и развернулись между Криволаком и Дойранским озером. Тодоров пресек их нерешительные попытки вернуть участок железной дороги Скопье–Вране и вынудил противника перейти к обороне. Правда, упорные атаки 2-й болгарской армии против сербов у Качаника и Бабуна и против англичан и французов у Криволака в период с 6 по 15 ноября также не увенчались успехом. Тодорову была поставлена непосильная зада-

ча – отрезать главные силы сербской армии у Крагуеваца и уничтожить их. 22 ноября сербы нанесли контрудар против правого крыла 2-й болгарской армии в районе Ферижовича. В ходе операции Макензен, не желая отступать от ранее намеченного плана, не смог усилить армию Тодорова настолько, чтобы та выполнила свою задачу. Отрезать пути отхода главных сил сербов через Албанию к Адриатике не удалось. В конце ноября, преследуя остатки сербских войск, болгары оккупировали большую часть Косова.

Таким образом, они сыграли важную роль в нанесении Сербии поражения. Это дало возможность Фердинанду потребовать пересмотра соглашения от 6 сентября, на котором еще не успели высохнуть чернила. 15 ноября царь выразил желание “исправить” будущую болгарскую границу и провести ее по течению рек Топилица и Ибар северо-восточнее линии Ниш–Приштина. Пограничная же линия, предусмотренная 6 сентября, была, по его словам, неблагоприятной для болгар с военной точки зрения. Кобург развивал мысль, что для будущего развития Болгарии выгодно соседство с Австро-Венгрией, а не с Сербией, которая всегда, по его мнению, будет орудием “русских смут и интриг”⁴⁸.

Здесь играли свою роль династические интересы Кобурга и его патологическая ненависть к династии Карагеоргиевичей. Он готов был смириться с созданием черногоро-сербского государственного объединения под эгидой династии Петровичей, как с наименьшим злом по сравнению с сохранением Сербии, даже урезанной территориально.

Ноябрь 1915 г. ознаменовался расширением территориальных притязаний Софии еще в одном направлении. По мере продвижения наступающих болгарских войск к греческой границе Радославов по указке царя заговорил о больших жертвах, принесенных болгарам на алтарь общей победы и потребовал “еще некоторых маленьких территориальных компенсаций”. Речь шла о той части Эгейской Македонии, в которой болгарской армии предстояло вести сражения. Явным было стремление софийских стратегов вступить в Салоники⁴⁹. Но осуществить эту мечту им не удалось.

К 11 декабря 1915 г. болгарская армия завершила операции против сербов в Вардарской Македонии и остановилась на сербо-греческой границе, не переходя ее. Это было сделано под давлением германского командования, дабы не дать повод Греции примкнуть к Антанте. Немцы стремились оттянуть на Балканы с Западного фронта как можно больше британо-французских сил, “сковав” их болгарской армией. В то же время они понимали, что после военного разгрома Сербии остается мало шансов заставить болгар участвовать в военных действиях на других фронтах. Ведь, оккупировав Вардарскую Македонию, Болгария добилась осуществления своей основной военно-политической цели, ради которой она вступила в европейский конфликт. Антанта образовала Салоникский фронт.

Следовательно, замыслы Германии вполне удалась – болгары сковали значительные вражеские силы.

Упоение собственными военными успехами увеличило территориальные аппетиты софийских правящих кругов. Оккупировав в ходе военных действий Приштину, Джайковицу, Призрен, Урошевац, Дебар и Эльбасан, болгары отказались передать их органам военного управления Австро-Венгрии. Фердинанд уже открыто стремился к присоединению большей части Косова и Западного Поморавья с железной дорогой до Парачина. В скрытом же виде его претензии распространялись и на территорию средней Албании с выходом к Адриатике. Это привело к конфликту с Габсбургской империей. Для того чтобы придать весомость своей позиции, царь выдвинул совсем уж абсурдный аргумент – якобы население Косова большей частью болгарское, и выразил решимость не уступать даже под угрозой вооруженного конфликта с Австро-Венгрией⁵⁰.

В споре с Веней царь решил заручиться поддержкой из Берлина. Он полагал, и не без оснований, что Германия, заинтересованная в эксплуатации рудников Восточной Сербии и в контроле над железной дорогой от Смедерева до Парачина для вывоза руды, отдаст предпочтение при решении территориальных споров Болгарии, а не Австро-Венгрии. Так и произошло. В начале февраля 1916 г. Кобург, Радославов и Жеков посетили Германию, где настаивали на разделе “остаточной” Сербии. Кайзер Вильгельм II пообещал Фердинанду закрыть глаза на приобретение Болгарией дополнительных территорий в Сербии, которые не были предусмотрены в тайном соглашении от 6 сентября 1915 г.⁵¹

Кроме того, Фердинанд выразил несогласие с установлением австро-венгерского протектората над Албанией. Он не выдвинул открыто болгарских притязаний на Албанию, за исключением Эльбасана, а предложил создать самостоятельное албанское государство под властью турецкого принца. Данное предложение было обоснованно расценено в Берлине как маневр и первый шаг к установлению в перспективе болгарской власти над Албанией, хотя там сочли это личной политикой царя, не отвечавшей взглядам Радославова и других государственных деятелей Болгарии.

В целом в болгарской политике по албанскому вопросу в начале 1916 г. наблюдалось постоянное колебание между стремлением добиться выгодного для Болгарии раздела албанской территории и выхода к Адриатике через Валону и желанием возвести на вакантный албанский престол младшего сына Фердинанда князя Кирилла, тем самым поставив под контроль всю страну под прикрытием реальной унии. Наиболее горячие головы призывали к осуществлению второго варианта⁵². Но затем, осознав нереальность одновременного осуществления своих планов, царь стал действовать поэтапно. Он решил в первую очередь заинтересовать Турцию. Маневр с турецким принцем как раз и имел целью воспрепятствовать воцаре-

нию в Албании какого-либо австро-венгерского или германского князя. Через такую полутурецкую Албанию, которую Турция не могла защитить, Болгария все-таки вышла бы к Адриатике. Кобург, очевидно, рассчитывал, что под властью мусульманского правителя страна не сможет консолидироваться и через несколько лет станет легкой добычей болгарских экспансионистов⁵³. Но этим планам не суждено было сбыться.

В конечном итоге 1 апреля 1916 г. при посредничестве Германии конфликт между Болгарией и Австро-Венгрией был урегулирован. Соглашение между ними о разграничении оккупационных зон в Косове, оставлявшее Призрен, Приштину и Урошевац в болгарской зоне, хотя и носило временный характер, в сущности было выгодно Болгарии. В нем вся пограничная линия вдоль Моравы, установленная 6 сентября 1915 г., была охарактеризована как временная демаркационная линия, так же как и линия, установленная в Косове западнее предварительно обговоренной границы. Этот факт означал, что в перспективе болгарское правительство могло бы пересмотреть данное разграничение в свою пользу, ибо притязания в отношении Косова и Албании не снимались вплоть до окончания войны.

На других занятых территориях – в Поморавье и в Вардарской Македонии – болгары установили оккупационный режим, характер которого требует особого изучения. Ранее во всех обобщающих трудах по истории Болгарии и Югославии, изданных в СССР, этот режим характеризовался как террористический и даже “зверский”⁵⁴. Ю.А. Писарев, например, сравнивая положение в двух оккупационных зонах, на которые была разделена завоеванная Сербия – болгарской и австро-венгерской, – утверждал, что положение населения в болгарском генерал-губернаторстве было особенно тяжелым, так как оккупационные власти ставили своей задачей осуществление насильственной ассимиляции сербского и македонского населения⁵⁵. На самом же деле определенная часть славянского населения Македонии обладала тогда болгарским национальным самосознанием и приветствовала “воссоединение с матерью-Болгарией”, а иногда македонцы добровольно вступали в ряды болгарской армии, чтобы сражаться против сербов⁵⁶.

Правящая коалиция исходила, прежде всего, из узкопартийных интересов, направляя в Македонию в качестве чиновников главным образом своих сторонников, которые далеко не всегда отличались профессионализмом. В их обязанности входило создание сети ячеек либеральных партий на местах – Радославов уже думал о следующих парламентских выборах и о голосах избирателей из Македонии. Оппозиция же использовала провалы правительства в Вардарской Македонии (кадровую проблему, коррупцию, недостатки в области образования и в культуртрегерской деятельности) для достижения собственных внутриполитических целей. Призывая “навести порядок в новых землях”, оппозиция не менее правительства была озабо-

чена воцарением там “болгарского духа”. Она рекомендовала направлять туда лучших учителей, причем активнее привлекать к этому делу выходцев из самой Македонии. По вопросу об этническом облике Македонии в обозримом будущем среди деятелей оппозиции наблюдался широкий разброс мнений. Так, член Земледельческого союза С. Омарчевский, после войны ставший министром народного просвещения, выступал против всяких послаблений в пользу национальных меньшинств. Он требовал, чтобы правящий кабинет в кратчайший срок “сделал все возможное, дабы эти земли... приобрели ту же окраску, какую имеет и наше государство”. Более разумную и взвешенную позицию занял Малинов. Он призывал правительство воздержаться от этнических “чисток”, от политики денационализации явно неболгарской части населения Македонии⁵⁷.

В августе 1916 г. болгарская армия, продвигаясь в Греции, оккупировала территорию между реками Места и Струма с городами Серре, Драма и Кавала. 27 августа в европейскую войну на стороне Антанты вступила Румыния. Это дало болгарскому правительству возможность реализовать территориальные приращения в Добрудже, предусмотренные в статье 2 тайного соглашения с Германией. 1 сентября в силу казус федерис Болгария объявила Румынии войну.

Общее руководство силами Четверного союза, выставленными против Румынии, осуществлял Макензен. В военных действиях участвовала 3-я болгарская армия численностью около 140 тыс. человек под командованием генерал-лейтенанта С. Тошева. Он решил нанести главный удар по сильно укрепленной крепости Туртукай (Тутракан). Основу ее обороны составляла линия из 15 фортов, удаленная от города на 5–7 км. Для овладения крепостью была создана ударная группировка во главе с генералом П. Киселовым. Она насчитывала 55 тыс. бойцов. Атака Туртукая началась рано утром 5 сентября, и уже к вечеру следующего дня румынский гарнизон капитулировал. В плен сдались 28 тыс. солдат и 450 офицеров. Вся крепостная артиллерия, снаряжение и боеприпасы двух дивизий противника попали в руки болгар⁵⁸.

Взятие Туртукая обезопасило левый фланг 3-й армии. Действуя в составе Дунайской армии Макензена, болгарские войска в октябре заняли Южную Добруджу до Констанцы и Чернаводы, а к началу 1917 г. и всю Северную Добруджу до устья Дуная. Фактически все территории, составлявшие сан-стефанский идеал, ради осуществления которого Болгария ввязалась в войну, находились под контролем ее армии. Речь теперь шла о закреплении правительством де-юре того, что находилось в его руках де-факто. Радославов заявил, что “болгарской будет та земля, на которую ступило копыто болгарского коня”.

Тем не менее о достижении Болгарией ее военно-политических целей говорить было рано, поскольку она воевала не самостоятельно, а в составе Четверного союза. К этому времени в обществе и в

армии уже свершился переход от эйфории патриотизма к психологии большой войны. Страна начала осознавать, что участвует в коалиционной войне со всеми ее плюсами и минусами, а сама война существенно отличается от всех предшествовавших вооруженных конфликтов регионального балканского масштаба, в которых участвовала Болгария. Это означало, что победы болгарского оружия, сами по себе важные, не могут, однако, привести к почетному миру, если не будут подкреплены успехами армий всего Четверного союза на главных фронтах, прежде всего на Западном.

Дальнейшее участие в войне потеряло для Болгарии всякий смысл. По времени это совпало с изменением общих настроений в правящих кругах многих воевавших государств – все больше говорилось о необходимости примирения. Нагляднее всего этот поворот проявлялся в политике Германии, которая готовилась обратиться к Антанте с предложением приступить к мирным переговорам. Предварительно Берлин решил проконсультироваться со своими союзниками. Таким образом, перед софийским кабинетом в повестку дня встало формулирование подходящих для Болгарии условий окончательного мирного договора. В ответ на соответствующий австро-германский запрос Радославов 24 ноября 1916 г. официально заявил, что болгарские условия мира предусматривают получение сербских территорий, обещанных соглашением от 6 сентября 1915 г., и Южной Добруджи с ректификацией болгаро-румынской границы. Он добавил, что царь, возможно, потребует и присоединения Кавалы⁵⁹.

Смерть престарелого австро-венгерского монарха Франца Иосифа 21 ноября 1916 г. и последовавшее за ней вступление на габсбургский престол нового императора Карла I в Софии расценили как обстоятельство, благоприятствовавшие окончательному решению сербского вопроса. Здесь надеялись превратить соглашение от 1 апреля о разграничении в Косове, носившее временный характер, в окончательную договоренность с точной фиксацией западной границы “Великой Болгарии”. Используя в начале декабря в Вене “похоронную дипломатию”, царь и Радославов вновь подняли вопрос о судьбе Сербии и о болгарских притязаниях на Призрен и Приштину. Фердинанд предлагал компромисс: поделить Косово так, чтобы Приштина досталась Австро-Венгрии, а Призрен – Болгарии. Радославов же откровенно сказал Буриану, что ему лично не нужно ни Призрена, ни Приштинны, а он осуществляет лишь личное желание Кобурга. Более того, по сведениям германской агентуры в Софии, на тайном заседании бюджетной комиссии Народного собрания глава кабинета заявил, что Болгария могла бы отказаться и от Призрена⁶⁰.

Чем объяснить такую внезапную уступчивость руководителей Болгарии по косовскому вопросу? Очевидно, не чем иным, как возникновением нового узла противоречий в Четверном союзе – на этот раз по вопросу о судьбе Северной Добруджи. Болгарские пре-

тензии на нее противоречили интересам Германии и Турции. Для укрепления своих позиций в предстоящем споре с ними болгарская правящая верхушка, очевидно, хотела заручиться благожелательным отношением Австро-Венгрии, пойдя ей на известные уступки в Косове.

Поводом к началу мощной пропагандистской кампании в болгарской печати по вопросу присоединения всей Добруджи, а не только ее южной части стало неосторожное высказывание кайзера Вильгельма II. В разговоре с Радославовым в конце декабря 1916 г. он вопреки мнению военных и руководства МИД Германии дал согласие на присоединение к Болгарии Добруджи целиком до устья Дуная. Радославов тут же сообщил об этом царю, а 27 декабря упомянул в речи перед бюджетной комиссией Народного собрания. Все последующие утверждения германских дипломатов, что заявление кайзера – недоразумение, на Софию не повлияли. Официальная пресса в один голос твердила, что Болгария имеет исторические и этнические права на Северную Добруджу, которая являлась колыбелью Первого болгарского царства, до Берлинского конгресса считалась неотъемлемой частью болгарских земель и большинство населения которой якобы было болгарским. Реализация этих “прав” привела бы к тому, что обе железные дороги, связывавшие Европу с Турцией, и все судоходство в нижнем течении Дуная оказались бы под болгарским контролем. Болгаро-германские отношения и межсоюзнические отношения в составе Центральной коалиции в целом вступили в критическую фазу.

В “объятиях” германского союзника

К этому времени царь Фердинанд и кабинет Радославова уже находились в сильнейшей степени экономической, политической и военной зависимости от Германии, которая могла парализовать любые возможные действия, направленные на отрыв страны от Четверного союза.

Немцы беспощадно выкачивали из Болгарии продовольственные и сырьевые ресурсы. Еще с декабря 1915 г. по распоряжению правительства на болгарском рынке начали приниматься в качестве платежного средства немецкие бумажные марки. Вскоре они настолько наводнили рынок, что даже эмиссионный центр – Болгарский народный банк – не знал точного их количества. Закупая сырье (кожу, шерсть, хлопок) за обесцененные бумажные марки, германские империалисты тем самым лишали многие отрасли местной промышленности, например кожевенную и текстильную, необходимого им сырья. Затем они продавали Болгарии втридорога продукцию, изготовленную из ее же сырья, в том числе и обмундирование для армии. В целом война пагубно сказалась на химической, кожевен-

ной, табачной, текстильной и других отраслях индустрии. Во время войны лишь 20% предприятий работали в полную мощность, обслуживая нужды армии, 10% предприятий давали продукцию на гражданский рынок, а остальные 70% либо работали не на полную мощность, либо были вовсе закрыты⁶¹.

Часть болгарских предприятий попала в распоряжение немецких монополий. Так, угольные разработки Перника и Бобов-Дола были переданы в руки синдиката, в котором заправлял германский банк "Дисконто Гезельшафт". В руки военного ведомства Германии попали медные рудники "Плакалница" около Елисейны⁶². Через посредство своих комендантов немцы контролировали все железные дороги Болгарии. Местным контролерам было запрещено проверять содержимое вагонов с германскими грузами.

Особенно катастрофически война отразилась на состоянии болгарских финансов. Кабинет Радославова не стремился сдерживать денежную эмиссию. Печатный станок работал непрерывно. За годы войны находившаяся в обращении денежная масса возросла более чем в 10 раз, хотя количество товаров на рынке резко сократилось⁶³.

Инфляция способствовала росту спекуляции. С целью обеспечить средства для ведения войны в апреле 1917 г. по требованию немцев правительство создало наделенную весьма обширными полномочиями Дирекцию по снабжению и регулированию экономики. Она должна была путем сложной системы надзора, регламентации и нормирования цен на товары бороться со спекуляцией, контролировать производство и обмен промышленной и сельскохозяйственной продукции, обеспечивать снабжение населения и армии. Однако попытка не удалась. В конце 1917–начале 1918 г. подорожание товаров (по нормированным ценам) в Болгарии шло в несколько раз быстрее, чем в других воевавших государствах⁶⁴. Будучи бессильной приостановить нарастающую в стране разруху и хаос, дирекция не только не смогла установить контроль над экономикой страны, но вскоре ее органы превратились в гнезда спекулянтов (так называемых "гешефтмахеров"), занимавшихся аферами и хищениями. Фактически этот бюрократический аппарат являлся ширмой, прикрывавшей хозяйничанье в стране германского монополистического капитала.

На таком фоне особенно возмутительно выглядело резкое ухудшение положения основной массы трудового населения. Хозяйничанье немцев довело Болгарию до крайней степени истощения. Крестьяне страдали от реквизиций, производимых как своими, так и немецкими солдатами. Один из современников тех событий так писал о реквизиционных командах: "По домам ходили в поисках спрятанной муки и других продуктов команды тыловых солдат; они взламывали сундуки, распарывали матрацы, подушки и отбирали даже последний килограмм хлеба, если находили его"⁶⁵. Голод ощущался и в столице, где власти из чувства самосохранения все же старались

снабжать население хлебом. Жители Софии из-за неурожая 1917 г. стали получать всего лишь по 300 г хлеба в день.

Затяжка войны привела к мобилизации большинства работоспособного мужского населения. За три года участия в войне число мобилизованных в армию выросло с 559 тыс. до 880 тыс. человек. Это равнялось почти 1/5 всего населения страны. Процент мобилизованной в армию части населения в Болгарии был даже выше, чем в Германии и Австро-Венгрии⁶⁶.

Немцы придавали большое значение культурно-просветительной и пропагандистской деятельности в Болгарии. В 1916 г. они создали две пропагандистские организации, содействовавшие германскому проникновению в страну. Хотя между Немецко-болгарским обществом и Институтом экономического общения с Болгарией существовало определенное различие, оба учреждения обслуживали империалистическую экспансию германских монополий⁶⁷. В деятельности обеих институций активно участвовали представители Немецкого банка, "Дисконто Гезельшафт" и других немецких монополистических объединений⁶⁸. Органом откровенной германской пропаганды в Болгарии была ежедневная вечерняя газета "Дойче балканцайтунг".

Антантофильская оппозиция в Болгарии под влиянием военных успехов 1915–1916 гг. присмирела. Все партии, кроме "тесных" социалистов, осуществили некоторый дрейф в прогерманском направлении и послушно голосовали в парламенте за предоставление кабинету Радославова военных кредитов. Ведь и проантантовские партии мечтали о создании "Великой Болгарии" примерно в тех же границах, которых добился лидер либералов к концу 1916 г. В интервью германской газете "Фоссише цайтунг" в конце сентября 1917 г. Радославов долго распространялся о всенародной поддержке своей политики. Он пророчески заявил, что "даже если бы смилилось правительство и на его место пришла оппозиция, которая ранее была настроена русофильски, то она все же не изменила бы эту политику, прежде всего не изменила бы союзу с Германией. Во имя национальных интересов она не могла бы сделать нечто подобное... Сегодня оппозиции правительству не существует в том, что касается национального объединения"⁶⁹. Как показали дальнейшие события, в этом он оказался прав.

Силы, выступавшие за заключение сепаратного мира с Антантой, все более сосредоточивались за пределами страны, в частности в Швейцарии. Они вступали в контакты с представителями вражеской коалиции, выдвигали планы осуществления переворота в Болгарии, свержения Кобурга, некоторых обуревали республиканские настроения⁷⁰. Но прочной опоры внутри страны у этих сил не имелось. Даже если бы переворот удался, вырвать Болгарию из объятий германского союзника было бы непросто. Здесь отсутствовали реальные политические силы, способные не только воспринять, но

и, главное, осуществить идею сепаратного мира с антантовской коалицией. Да и сама оппозиция была разрознена и лишена общей руководящей идеи, а потому инертна.

С начала 1917 г. все большее значение в укреплении болгарской зависимости от Германии приобретал добруджанский вопрос, который на некоторое время стал стержнем всей болгарской внешней политики. В ходе переговоров с побежденной Румынией обострились отношения Болгарии с ее партнерами по Четверному союзу. Турки при поддержке Германии потребовали в качестве компенсации за получение Болгарией Добруджи возвращения не только территорий в Восточной Фракии, уступленных 6 сентября 1915 г., но всей Западной Фракии до реки Месты⁷¹. Хотя Радославов и говорил в частных беседах, что Добруджа не имеет для Болгарии столь же важного значения, как Фракия, он выступал против всяких уступок как в Добрудже, так и во Фракии из боязни, что подобные уступки приведут к падению возглавляемого им правительства⁷². Австро-Венгрия потребовала для себя территориальных компенсаций в округе Неготин между Дунаем и рекой Тимок, включая рудник Майданпек⁷³. Германское правительство открыто стремилось к обладанию железной дорогой Чернавода–Констанца и Констанцским портом, а также требовало от болгар уступок экономического характера⁷⁴. Споры о Добрудже фактически свидетельствовали о начавшемся процессе разложения Четверного союза.

Бухарестский мирный договор с побежденной Румынией был подписан 7 мая 1918 г. По нему Болгария получила лишь Южную Добруджу; в ее северной части устанавливался condominium всех четырех союзников. Царь и Радославов, очевидно, полагали, что такой паллиатив, который являлся единственным возможным выходом из тупика противоречий, лишь отсрочит благоприятное для Болгарии решение вопроса о Северной Добрудже. Тем не менее договор вызвал бурю возмущения болгарской общественности. Радославова (и скрытно – царя) обвиняли в том, что еще до вступления в войну против Румынии они не заключили договор с Центральными державами, положившись на их союзническую солидарность. Предметом оживленного обсуждения стало место Болгарии в Четверном союзе. Уже после войны Данев охарактеризовал его так: «Отношения между союзниками показывают наше будущее в том случае, если бы война закончилась в пользу Германии. Особый режим в Северной Добрудже, остановка наших войск перед Салониками, вопрос о границе по Марице – все это свидетельствует, что о подлинном объединении болгарского племени речи быть не могло. Роль статиста, которую Болгария играла на Брест-Литовской конференции, показывает, каково было бы наше международное положение под сенью великой Германии. Во время войны Болгария эксплуатировалась бессовестным образом, и это доказывает, что ей предстояло играть одну-единственную роль – роль германской колонии»⁷⁵.

Болгария до конца осталась сателлитом Германии. Накрепко пристегнутой к германской военной колеснице, ей было суждено вместе с рейхом испытать до дна горькую чашу поражения.

На пути к военно-политической катастрофе

С начала 1918 г. общее военно-стратегическое положение Болгарии стало резко ухудшаться. В связи с подготовкой наступления на Западном фронте немцы перебросили туда почти все свои силы, дислоцированные в Македонии. Болгарская армия на Салоникском фронте была предоставлена собственным силам.

С конца 1917 г. она стала быстро революционизироваться. По словам британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, «болгарский крестьянин в конце концов окончательно понял, что все лишения и опасности переносятся им во имя господства тевтонов, а не во имя сохранения и расширения Болгарии, что лучше могло бы быть обеспечено соглашением с западными государствами. Это укрепляющее убеждение охлаждало военный пыл болгарской армии. Она все более и более утрачивала желание подвергаться опасности и лишениям бесконечной и бесцельной для нее войны»⁷⁶.

Если в предыдущий период недовольство болгарских солдат проявлялось в основном в форме дезертирства, то в конце 1917 – начале 1918 г. в армии произошли открытые выступления солдат. Одним из них было волнение в 28-м Струмицком полку. Солдаты организованно отказались подчиниться приказу командования о подготовке к наступлению. 24 руководителя бунта были преданы военному суду, более 300 человек попали в штрафные батальоны⁷⁷. Солдаты некоторых полков, находившихся внутри страны, отказывались отправляться на Салоникский фронт. Такая армия, неспособная к наступлению, в лучшем случае была в состоянии лишь обороняться.

Тем временем действия антантовских войск в Македонии оживились. 30 мая 1918 г. после ожесточенных двухдневных боев греческие войска, поддержанные французской артиллерией, овладели высотой Яребично. Фактически весь 49-й пехотный полк болгарской армии был уничтожен. В болгарской военно-исторической науке утвердилась точка зрения, что упорная оборона высоты болгарскими войсками, осуществленная такой ценой, не была оправданной. Этот бой является типичным примером бесполезного принесения в жертву войск, характерным для позиционного периода войны⁷⁸.

Все более дестабилизировалась и внутривнутриполитическая ситуация. После Бухареста положение кабинета либеральных партий стало непрочным. 1 июня в отставку с министерского поста подал Добри Петков. Это вызвало правительственный кризис и в конечном итоге привело к падению Радославова. По словам министра народного просвещения П. Пешева, «Радославов так долго заблуждался

насчет дружеского расположения к нему царя Фердинанда, что никоим образом не допускал даже мысли, что будет сменен... и мне сказал, что он опять образует следующий кабинет"⁷⁹.

Однако 21 июня царь призвал к власти двухпартийное правительство демократов и радикал-демократов во главе с Малиновым. Объективно его главной внешнеполитической задачей должен был стать выход страны из мировой войны. Добиться этой цели, отвечавшей болгарским национально-государственным интересам, теоретически можно было, избрав один из трех альтернативных путей. Первый предполагал стремление к победе Четверного союза, второй – заключение сепаратного мира с антантовским блоком, а третий – подписание компромиссного договора о мире между Четверным союзом и державами Антанты без победителей и побежденных.

На этой исторической развилке пути монарха и нового главы кабинета разошлись. Оба исходили из ложной посылки, полагая, что после заключения Брест-Литовского и Бухарестского договоров позиции Четверного союза окрепли. Поэтому летом 1918 г. они еще не теряли надежд на осуществление своих претензий даже сверх границ, оговоренных 6 сентября 1915 г. Но царь все еще не потерял уверенности в правильности первого варианта, Малинов же предпочитал третий. Уже после войны он оправдывался: "Кабинет в согласии с партиями полагал, что за спиной союзников мы не можем заключить мир, но он сделал все от него зависевшее, чтобы склонить царя, главное командование и наших союзников к заключению мира"⁸⁰.

24 июня Малинов, впервые встретившись в качестве премьера с Жековым, прямо заявил: "Ввиду нашего тяжелого положения и особенно тяжелого положения Австро-Венгрии мы будем действовать совместно с ней с целью или принудить Германию к заключению мира, или искать выход вопреки ей"⁸¹. Таким образом, глава кабинета хотел сесть в давно ушедший поезд. Мысль о действиях в одной связке с Австро-Венгрией в обход Германии была в принципе верной, но безнадежно запоздалой. Может быть, именно ее следовало брать на вооружение Радославову в конце 1917 – начале 1918 г. С середины же 1918 г., когда изменилось отношение Антанты и к вопросу о сохранении распадавшейся Австро-Венгрии, и к германским сателлитам вообще, такая политика была бесперспективной.

Даже накануне военной катастрофы Малинов оставался максималистом в интерпретации болгарских военно-политических целей. 20 августа он узнал об инициативе Буриана. От имени всего Центрального блока тот предлагал обратиться к государствам Антанты с призывом созвать конференцию, которая могла бы проложить путь ко всеобщему миру⁸². Венская дипломатия, составив проект соответствующей ноты, приступила к консультациям со своими союзниками. Поддержав в принципе эту акцию, болгарское правительство не соглашалось с содержащимся в проекте заявлением Буриана, что участники Четверного союза воюют только в защиту собствен-

ной территориальной целостности и безопасности. Этот пассаж, по мнению Малинова, не отвечал болгарской национальной программе и по существу отрицал ее. Глава кабинета опасался, что на переговорах о мире с Антантой Болгария не получит поддержки у партнеров по коалиции в вопросе о своем национальном объединении. 13 сентября он телеграфировал в Вену: "Граф Буриан забывает, что Болгария вступила в мировую войну и для того, чтобы осуществить свое национальное объединение"⁸³. Малинов хотел, чтобы для Болгарии было сделано исключение из этого тезиса Буриана и обеспечено существование "Великой объединенной Болгарии".

Но он не учитывал изменившейся конъюнктуры. Более того, развитие событий летом 1918 г. дало ему надежды на получение Северной Добруджи без уступок Турции во Фракии. Когда германские войска наступали на Украине в направлении Крыма и Кавказа, младотурки также поставили цель прорваться через Кавказ в Крым и таким образом овладеть северным и восточным побережьем Черного моря. Это противоречило германским империалистическим целям, и Малинов надеялся на благосклонность Германии к болгарам в их споре с Турцией из-за Добруджи и границы по Марице. Он предложил не уступать туркам Кавказ, а создать там по образцу Северной Добруджи кондоминиум всех четырех союзников, что открыло бы Болгарии возможность "обменять" свою долю на Кавказе на турецкую долю кондоминиума в Добрудже без территориальных уступок во Фракии⁸⁴. На протяжении всего сентября Малинов проявлял верх политической близорукости. Он цеплялся за эту идею, не понимая, что дело всего Четверного союза окончательно проиграно.

14 сентября 1918 г. войска Антанты на Салоникском фронте перешли в наступление против болгарской армии, намного уступавшей им в численности. Болгарское командование в этот судьбоносный момент оказалось не на высоте. Еще 8 сентября генерал-лейтенант Жеков, под руководством которого болгарская армия в течение трех лет воевала без поражений, отбыл на лечение в Вену. Вместо него фактическим главнокомандующим с согласия царя стал помощник Жекова генерал Тодоров. По мнению некоторых военных специалистов, эта неравнозначная замена сыграла свою негативную роль в последующих событиях.

Операция антантовских войск началась артиллерийской подготовкой по всему фронту. Она оказалась очень эффективной. Была разрушена первая линия окопов противника, повреждены телефонные линии между болгарскими штабами и передним краем, уничтожены многие укрытия, наблюдательные пункты, открылись широкие проходы в заграждениях. Поскольку артиллерийский огонь был распределен равномерно по всей протяженности фронта, болгарское командование не могло определить, где будет нанесен главный удар. К вечеру 15 сентября фронт был прорван на участке до 15 км в районе Добро-Поле. Болгары поспешно отступали. Противник удачно

преследовал их, используя кавалерию и авиацию. В последующие четыре дня стратегический прорыв фронта был завершён и к 20 сентября расширен до 45 км по протяженности и на 40 км в глубину.

Под напором стремительно развивавшихся событий Малинов 20 сентября отказался от достижения болгарских целей военным путем. Об этом свидетельствует его послание Буриану, в котором он прямо и открыто сослался на заявление президента США В. Вильсона об урегулировании территориальных споров на Балканах по этническому принципу. При этом Малинов выразил надежду, что страны Антанты не будут возражать против требований Болгарии, основанных на этом принципе⁸⁵. Такое поведение главы правительства вызвало сильное недовольство царя и престолонаследника Бориса, которые потребовали, чтобы данный пассаж был исключен из послания Буриану. И хотя Малинов настоял на своем, его твердость была уже совсем запоздалой и безрезультативной, поскольку, отказавшись от достижения болгарских целей военным путем, он не отрёкся от самих целей. В тот же день, 20 сентября, Малинов говорил, что «необходимо обеспечить Болгарии ее национальные устремления в соответствии с договорами и обязательствами, которые имеют в отношении нас наши союзники»⁸⁶. Он все еще надеялся получить границы, установленные в соглашении от 6 сентября 1915 г.

Тем временем войска Антанты ускоренным маршем продвигались к Софии. Вечером 22 сентября 1918 г. командующий так называемой «группой Шольца» немецкий генерал Ф. фон Шольц, вопреки сопротивлению Фердинанда Кобургского, отдал приказ об отступлении болгаро-германских войск по всему фронту до линии Тетово–Скопье–старая болгарская граница. Там он рассчитывал дожидаться подкреплений, переброшенных с других фронтов.

Отступление болгар превратилось в паническое бегство. Они оставляли тысячи пленных, артиллерию, обозы. Болгарское главное командование попыталось силой остановить поспешное отступление своих войск. Но в ответ 24 сентября в некоторых отступавших частях началось стихийное восстание, возглавляемое солдатскими комитетами. Восставшие двинулись к столице под лозунгами «На Софию!» и «Смерть виновникам катастрофы!» Вечером того же дня они разгромили главную штаб-квартиру болгарской армии в Кюстендиле. К ним присоединялись новые и новые группы. Все они двигались из восточной Македонии через Горную Джумаю (ныне Благоевград), Кюстендил и Дупницу на Радомир, а оттуда на Софию. Примкнувший к восставшим член руководства БЗНС Райко Даскалов провозгласил Болгарию республикой, Стамболийского – председателем ее правительства, а себя – главнокомандующим. 28 сентября передовые колонны восставших достигли села Владая (в 15 км от Софии), поэтому восстание и получило свое название – Владайское.

Германское командование оказало правительству Малинова вооруженную помощь в подавлении восстания. Безуспешно стре-

мясь воспрепятствовать выходу Болгарии из войны, ее союзники даже пошли на подписание 25 сентября в Берлине протокола, согласно которому болгары получали Северную Добруджу в безусловное владение. Взамен предполагалось произвести незначительную корректировку болгаро-турецкой границы в пользу Турции⁸⁷. Но документ, которого так долго добивались и Радославов, и Малинов, оказался мертворожденным. Было уже слишком поздно, поскольку к этому времени войска противника вышли на линию Битоль–Прилеп–Велес–Беласица. Кабинет Малинова, не дожидаясь согласия царя, принял решение о разрыве с коалицией Центральных держав. В день подписания Берлинского протокола к командованию Салоникской армии Антанты спешно была послана делегация с просьбой о перемирии.

Салоникское перемирие, заключенное 29 сентября 1918 г., для Болгарии было равносильно капитуляции, ибо означало полный крах ее военно-политических целей и явилось предвестником еще более тяжелых условий мирного договора, оставшегося в исторической памяти болгарского народа как «вторая национальная катастрофа»⁸⁸.

В болгарской историографии утвердилась точка зрения, которую наиболее категорично выразил С. Дамянов: «Вступая в войну, Болгария поставила перед собой определенные национальные и освободительные, а не грабительские и завоевательные цели. Эти цели были теми же, которые она ставила и в 1912 г.»⁸⁹ Сходную позицию заняли А. Пантев и П. Петков⁹⁰, а также Г. Марков⁹¹. Приведенные выше факты не позволяют безоговорочно согласиться с этим утверждением. В динамике болгарских военно-политических целей, определяемых ходом военных действий и постоянными изменениями в соотношении сил между двумя воюющими блоками, отразились не только национально-объединительные чаяния народа, но и экспансионистские устремления правящей элиты.

Хотя Владайское восстание было подавлено, в стране разразился революционный кризис. Ради спасения монархического института царь Фердинанд Кобургский 3 октября 1918 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Бориса и на следующий день выехал в Германию. Туда же бежал и Радославов. Так плачевно закончилось для Болгарии и ее руководителей участие в первой мировой войне.

¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3770. Л. 200.

² Гринберг С.Ш. Первая мировая война и болгарский народ // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 204.

³ Влахов Т. Отношения между България и Централните сили по време на войните (1912–1918). София, 1957. С. 6.

⁴ Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914 (далее – ÖUA). Wien; Leipzig, 1930. Bd. VIII. N 10628. S. 650.

⁵ Цит. по: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. I. Потеря союзниками Балканского полуострова. М.; Л., 1947. С. 238.

⁶ *Гринберг С.Ш.* Указ. соч. С. 206.

⁷ Цит. по: *Велев А.* Болгарский земледельческий народный союз и идея балканской федерации (1908–1919 гг.) // *Études historiques.* София, 1973. Т. VI. С. 310.

⁸ Стенографски дневници на XVII Обикновено Народно събрание (далее – СД) I редовна сесия (далее – р.с.). София. 1914. Кн. 4. С. 2839–2840.

⁹ *Огнянов Л.* Борбата на БЗНС против Първата световна война. София, 1977. С. 24.

¹⁰ *Бобчев И.С.* Животъ, дейность и възгледи на Иван Евстратиев Гешов (1849–1924). София, 1933. С. 51.

¹¹ СД. I р.с. С. 1513.

¹² *Огнянов Л.* Указ. соч. С. 28, 30.

¹³ *Шуленов К.* Quo usque tandem Болгария? Пг., 1915. С. 61; *Protić (Balkanicus).* La Bulgarie: Ses ambitions. Sa trahison. P., 1915. P. 185.

¹⁴ *Лалков М.* Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917). София, 1983. С. 210.

¹⁵ Международные отношения в эпоху империализма: Документы. Сер. III (далее – МОЭИ): В 10-ти т. М.; Л., 1931–1938. М.; Л., 1935. Т. VI, ч. 1. С. 289.

¹⁶ Цит. по: *Лалков М.* Указ. соч. С. 100. Всьма показателно, что и Франц Иосиф в письме к Вильгельму II от 4 июля 1914 г. призывал к укреплению положения правительства Радослава, “чьи реальные интересы совпадают с нашими” (ОУА. S. 250–252).

¹⁷ Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. В., 1927. Bd. III. N 673. S. 133–134.

¹⁸ *Нотович Ф.И.* Указ. соч. С. 9.

¹⁹ *Радославов В.* България и световната криза. София, 1923. С. 91.

²⁰ МОЭИ. Т. VI, ч. 1. № 251.

²¹ Дипломатически документи по намесата на България в европейската война (далее – ДД). София, 1920. Т. I. № 344.

²² *Михайловский Г.Н.* Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. I. Август 1914 – октябрь 1917. С. 67.

²³ *Лалков М.* Указ. соч. С. 184.

²⁴ МОЭИ. Т. VI, ч. 2. № 474; ДД. Т. I. С. 327.

²⁵ МОЭИ. Т. VI, ч. 2. № 580, 627.

²⁶ *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 159.

²⁷ См. подробнее: *Шкундин Г.Д.* Миротворческие усилия болгарских церковных деятелей в годы первой мировой войны // Церковь в истории славянских народов: Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17. С. 286–291.

²⁸ ДД. Т. I. № 661, 662.

²⁹ *Попов Ж.* Народни-либералната (стамболовистката) партия в България. 1903–1920. София, 1986. С. 182–183.

³⁰ Впервые он был опубликован лишь в 1918 г. См.: *Генадиев Н.* Доклад до министерския съвет по мисията ми в странство през 1915 г. София, 1929.

³¹ *Попов Ж.* Указ. соч. С. 186.

³² Нотович отмечал, что Болгарии Центральные державы “никогда не обещали за нейтралитет территориальных компенсаций” (*Нотович Ф.И.* Указ. соч. С. 241). Данная нота свидетельствует об обратном.

³³ ДД. Т. I. № 698.

³⁴ Там же. № 878, 882; МОЭИ. Т. VII, ч. 2. С. 498, прим. 2.

³⁵ МОЭИ. Т. VII, ч. 2. № 769. С. 461.

³⁶ *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България. 1878–1925. София, 1926. Т. II. С. 74–76.

³⁷ *Аврамовски Ж.* Определувањето на Бугарија кон Централните сили во Првата светска война // Гласник на Институтот за национална историја. 1979. № 1. С. 122.

³⁸ Там же. С. 124–125.

³⁹ Там же. С. 127–128.

⁴⁰ Текст договора см.: ДД. Т. I. С. 690–691; *Кесяков Б.* Указ. соч. С. 72.

⁴¹ ДД. София, 1921. Т. II. № 2.

⁴² *Данев С.* Очеркъ на дипломатическата история на балканските държави. София, 1922. С. 113.

⁴³ *Малинов А.* Под знака на острастени и опасни политически борби. София, 1991. С. 11; *Стамболийски А.* Двете ми срещи с Фердинанд. София, б.г. С. 36.

⁴⁴ *Лалков М.* Между възторга и покрусата. София, 1993. С. 90.

⁴⁵ *Virlian S.* Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. В., 1923. S. 108.

⁴⁶ Цит. по: *Лалков М.* Балканската политика... С. 267.

⁴⁷ *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб. 1914–1916. София, 1995. С. 275–276.

⁴⁸ *Avramovski Ž.* Ratni ciljevi Bugarske i Centralne sile. 1914–1918. Beograd, 1985. S. 185.

⁴⁹ *Лалков М.* Балканската политика... С. 363.

⁵⁰ *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 225.

⁵¹ *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав 1916 г. М., 1993. С. 73.

⁵² *Илчев И.* Указ. соч. С. 62.

⁵³ *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 258–260.

⁵⁴ История Болгарии. М., 1954. Т. I. С. 506–507; История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 674.

⁵⁵ *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 81.

⁵⁶ См. подробнее: *Минчев Д.* Участието на население от Македония в българската армия през Първата световна война 1914–1918 г. София, 1994.

⁵⁷ *Шкундин Г.Д.* Македонский вопрос во внешнеполитических концепциях болгарских партий периода первой мировой войны (к постановке проблемы) // Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 104–105.

⁵⁸ България в Световната война 1915–1918. София, 1939. Т. VIII. С. 677; *Недев Н.* България в Световната война (1915–1918). София, 2001. С. 76–80.

⁵⁹ *Avramovski Ž.* S. 269.

⁶⁰ Ibid. S. 272–274.

⁶¹ История Болгарии. Т. I. С. 510.

⁶² Обвинителен акт против бившите министри от кабинета на д-р В. Радославов през 1913–1918 г. София, 1921. С. 169, 229.

⁶³ История Болгарии. Т. I. С. 511–512.

⁶⁴ История на България. София, 1998. Т. 8. С. 304–305.

⁶⁵ Халачев Х. Бунтът в 28 пехотен полк. София, 1949. С. 72.

⁶⁶ История Болгарии. Т. I. С. 509.

⁶⁷ *Воздвиженская Т.А.* К вопросу о деятельности так называемого немецко-болгарского общества // “Дранг нах Остен” и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 260–262.

⁶⁸ *Радаит Х.* Два централни междудържавни икономически съюза за поощряване на икономическите отношения между Германия и България // Българо-германски отношения и връзки. София, 1979. Т. 2. С. 67–91.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 4618. Л. 5.

⁷⁰ См. подробнее: *Илчев В.* Указ. соч. С. 242–245; *Шкундин Г.Д.* Антанта и проблема сепаратного мира с Болгарией летом и осенью 1917 г. // Болгарский ежегодник. Харьков; София, 1996. Т. II. С. 161–164.

⁷¹ ДД. Т. II. № 1448, 1472, 1474, 1482, 1527.

⁷² Там же. № 1450.

⁷³ Там же. № 1445. С. 901–902.

⁷⁴ Там же. № 1467. С. 915–916.

⁷⁵ *Данев С.* Указ. соч. С. 113.

⁷⁶ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1938. Т. 5. С. 20.

⁷⁷ *Халачев Х.* Указ. соч. С. 118–119, 135–164, 198.

⁷⁸ *Атанасов Ш., Христов Д., Чолпанов Б.* Българското военно изкуство през капитализма. София, 1959. С. 292.

⁷⁹ *Пешев П.* Историческите събития и деятели от навечерието на Освобождението ни до днес: С бележки за живота ми. Чудо, видяно, преживяно. София, 1993. С. 544.

⁸⁰ *Малинов А.* Указ. соч. С. 64.

⁸¹ *Малеев Л.* Принос към истината за катастрофата на България. София, 1921. Т. I. С. 141.

⁸² *Малинов А.* Указ. соч. С. 38.

⁸³ ДД. Т. II. С. 1025.

⁸⁴ Там же. № 1526, 1540, 1547, 1560, 1561.

⁸⁵ Там же. С. 1046–1047.

⁸⁶ Там же. № 1563, 1564, 1567, 1570, 1608.

⁸⁷ *Радославов В.* Указ. соч. С. 217.

⁸⁸ См. подробнее: *Шкундин Г.Д.* Салоникское перемирие как пролог мирного договора с Болгарией // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 53–85.

⁸⁹ *Дамьянов С.* България във френската политика (1878–1918 гг.). София, 1985. С. 392.

⁹⁰ *Пантев А., Петков П.* САЩ и България по време на Първата световна война, София, 1983. С. 6.

⁹¹ *Марков Г.* Указ. соч. С. 274.

ПОСЛЕВОЕННАЯ БОЛГАРИЯ: ОТ САЛОНИК ДО НЕЙИ

Салоникское перемирие – пролог мирного договора с Болгарией

Мирный договор, подписанный 27 ноября 1919 г. в парижском пригороде Нейи-сюр-Сен, подвел итоги первой мировой войны для побежденной Болгарии. Он рассеял иллюзии болгарских политиков, до последней минуты рассчитывавших на снисходительность победившей Антанты и на решение балканских проблем в духе известных принципов американского президента Вильсона. На всем протяжении процесса мирного урегулирования логика руководителей большинства болгарских партий была следующей: раз главный виновник двух “национальных катастроф” царь Фердинанд уже устранен с политической авансены, то из-за его “вероломства” нельзя вторично наказывать болгарский народ и без того расчлененный Бухарестским договором 1913 г. Окончательные условия мирного договора превзошли даже наиболее пессимистичные ожидания болгарских идеалистов¹.

В связи с этим интересен вопрос: в какой степени Салоникское перемирие предопределило дальнейшую судьбу Болгарии, став своеобразным прологом мирного договора с нею? В момент подписания перемирия и в первые недели мирной жизни мало кто в стране мог предполагать, какими будут масштабы второй “национальной катастрофы”. Дело в том, что при отвлеченном взгляде условия перемирия не казались крайне неблагоприятными для Болгарии². В нем нигде не упоминалось о капитуляции. В значительной мере поэтому болгарская историография в оценке перемирия избегает определения его как капитуляции. На наш взгляд, сущность соглашения заключалась именно в этом, хотя оккупация страны войсками Антанты и была осуществлена в благовидной форме. Как безоговорочную капитуляцию болгар трактовали перемирие многие современники событий³. Утвердилась такая точка зрения и в исторической науке за пределами Болгарии⁴.

В соответствии с условиями перемирия Болгария выводила свои войска с занятых ею греческих и сербских территорий без права вывоза какого-либо имущества. Она должна была демобилизовать почти всю армию, а вооружение демобилизованных соединений передать под контроль Антанты. Секретное же приложение к соглашению о перемирии позволяло британским, французским и итальянским войскам оккупировать ряд стратегических объектов внутри

страны, ее порты открывались для судов государств антантовского блока и нейтралов. Предусматривалось заключение специальной конвенции относительно использования Антантой территории Болгарии и средств ее коммуникаций.

В то же время на территории, оккупированной союзниками, сохранялась болгарская гражданская администрация, а в Добрудже и на турецкой границе – болгарские войска. Конвенция урегулировала чисто военные вопросы, но ни слова в ней не говорилось о принадлежности Южной Добруджи, Западной Фракии, а тем более “западных окраин”. Поэтому большинство политических деятелей страны втайне надеялись, что на предстоящей мирной конференции Болгария удержит за собой эти территории и даже, возможно, расширится в направлении Восточной Фракии. Как успех болгарской делегации на переговорах в Салониках расценил соглашение и Фердинанд, пребывавший на троне последние дни и более всего озабоченный собственной судьбой⁵.

Поначалу, прибыв в Салоники, болгарские делегаты министр финансов А. Ляпчев и командующий 2-й армией генерал-майор И. Луков еще не осознавали весь трагизм ситуации. Более того, они сделали французскому генералу Л. Франше д’Эспере, возглавлявшему войска Антанты на Салоникском фронте, предложение, весьма странное при данных обстоятельствах. В его дневнике читаем: «Ляпчев сказал мне: “Завтра мы будем вместе с вами маршировать к Константинополю, а через три недели, так как нам еще необходимо будет хорошо обработать общественное мнение, и против Германии”». Генералу ничего не оставалось, кроме как “заставить их ясно понимать положение”, в котором они находятся⁶.

Иногда в болгарской исторической литературе можно обнаружить упреки в адрес Ляпчева, что он якобы безоговорочно принял все условия, навязанные ему Франше д’Эспере. Политические противники Ляпчева впоследствии утверждали, что, согласившись разоружить и фактически оставить на положении военнопленных 90 тыс. болгарских солдат, находившихся в составе 11-й германской армии к западу от меридиана Скопье, он тем самым бросил их на произвол судьбы, а точнее – в распоряжение победителей. Последним же данный пункт соглашения о перемирии давал возможность вооружить сербское население и, главное, обеспечить столь необходимые рабочие руки для восстановления и поддержания сети шоссейных и железных дорог, а также транспортировки военных материалов и продовольствия для Восточной армии союзников. В то же время находившиеся в Болгарии военнопленные солдаты и офицеры Антанты освобождались немедленно.

В идеологизированной историографии даже утверждалось, что “болгарские уполномоченные и не собирались добиваться освобождения солдат отрезанной 11-й армии. Они предпочитали оставить в плену у противника революционно настроенных солдат 11-й армии,

боясь их влияния на болгарский народ. Это было предательством интересов болгарского народа”⁷. Писатель Паун Генов, известный автор романизированных биографий, утверждал, что Ляпчев был в панике, подвергнувшись массовой психологической “обработке” со стороны Франше д’Эспере. Последний якобы специально приурочил к ключевому моменту переговоров с болгарскими получение сообщения из своего штаба о том, что город Ресен в Македонии, “малая родина” Ляпчева и эксперта делегации С. Радева, родственника министра и его протеже, занят индокитайскими отрядами французской армии и находится в их полной власти. Данное сообщение будто бы повергло Ляпчева в неопишуемый ужас и полностью лишило его всякой способности вести какой-либо дипломатический торг с Франше д’Эспере⁸.

Но даже если так было на самом деле, то все же следует признать, что добиться в Салониках большего болгарские делегаты не могли. В некоторых вопросах они проявили твердость и достоинство. Например, когда Франше д’Эспере недвусмысленно намекнул на желательность удаления с престола Фердинанда и воцарения его сына Бориса, Ляпчев категорически отказался даже обсуждать этот вопрос, заявив, что является министром болгарского царя и прибыл в Салоники не для разговоров о внутреннем положении в Болгарии⁹.

Интересные, но сомнительные утверждения по поводу обстоятельств заключения перемирия выдвинул А. Малинов в мемуарах, написанных в 1922 г. Он утверждал, что руководители БЗНС, выпущенные из центральной тюрьмы по приказу царя лишь 25 сентября 1918 г., т.е. за считанные дни до заключения перемирия, занимались “предательской” деятельностью и способствовали тем самым прорыву Салоникского фронта. По утверждению Малинова, это в свою очередь стало причиной того, что “Салоникское перемирие от 29 сентября не было таким, каким оно могло быть ... Я думаю, что господин д’Эспере многое мог бы сказать по этому вопросу, если бы это было возможным сейчас. Но эти дни впереди”. В качестве доказательства Малинов привел, со слов Ляпчева, заявление, которое последнему сделал Франше д’Эспере в Салониках: “Я имею своих людей в Софии, которые находятся в моем распоряжении, но я их презираю потому, что я солдат”¹⁰.

Подобные обвинения в адрес Стамболийского бросал и царь Фердинанд, как во время своей знаменитой встречи с ним 25 сентября, так и позже, находясь в изгнании после отречения¹¹.

Однако мемуары Франше д’Эспере, опубликованные в 1938 г. в журнале “La Revue des deux Mondes”, не оправдали ожиданий экс-царя и умершего к тому времени Малинова. Французский маршал ничего не сообщал о “предательстве” Стамболийским болгарских национально-государственных интересов. Хотя уж у него-то не было никаких резонных обелять крестьянского лидера, мученически погибшего в 1923 г.

Исходя из презумпции невиновности, беспристрастный историк неизбежно должен будет снять со Стамболийского эти обвинения за неимением явных улик. Но мы не бросимся и в другую крайность, как это сделал в своей не слишком достоверной книге его апологет известный “балканский смутьян” и видный деятель земледельческого движения Коста Тодоров. Он утверждал, что якобы Стамболийский в ходе Владайского восстания стремился остановить солдат, двигавшихся к Софии, организовать оборону по всему фронту и обеспечить тем самым на переговорах с Антантой более благоприятные для болгар условия перемирия¹². Никаких фактов или документов, подкрепляющих это утверждение, Тодоров не привел, поэтому мы отвергаем его как голословное.

Вопрос о роли Владайского восстания в определении окончательных условий перемирия сам по себе интересен. Восстание неожиданно стало здесь “смягчающим” фактором, обусловившим снисходительность победителей, которая впрочем объяснялась весьма прозаически. Как явствует из документации Форин оффис, державы Антанты стремились предотвратить дальнейшее развитие восстания и обострение революционной обстановки в регионе¹³. Поэтому, отодвинув на время свои противоречия, они в рекордно короткий срок достигли соглашения с Болгарией. Историк Л. Огнянов поставил важный вопрос: означало ли быстрое перемирие одновременно и перемирие выгодное? На наш взгляд, нельзя отрицать того, что заключенное перемирие стало стабилизирующим фактором, который помог правящим кругам страны деморализовать восставших солдат и тем самым в какой-то мере укрепить внутривластную ситуацию. Хаос и анархию, в которые, казалось, неминуемо должна была погрузиться побежденная Болгария в сентябрьские дни 1918 г., удалось предотвратить. В этом смысле перемирие было выгодным для страны.

Что же касается внешнеполитического аспекта, то не подлежит сомнению следующее: если бы не вспыхнуло восстание, царь в своем эгоистическом упрямстве, безусловно, продолжал бы войну. Ведь даже после прорыва фронта у Добро-Поле болгарское Главное командование еще не собиралось прекращать военные действия. Рассматривались планы наступления флангами 11-й германской и 1-й болгарской армий (1-я и 6-я дивизии пока сдерживали натиск противника), нанесения концентрических ударов по долине Вардара во фланг наступавшим к Скопье и Велесу антантовским войскам и от нижнего течения Струмы к Салоникам. Некоторые болгарские военные специалисты в те дни еще всерьез рассуждали о возможности разгрома основной коммуникационной базы противника и кардинальном изменении положения на Салоникском фронте¹⁴. Генерал Н. Недев, например, уже после войны писал, что болгарская делегация подписала продиктованные Франце д’Эспере условия перемирия, “не осознавая ясно того факта, что антантовские войска на

Салоникском фронте также находились в критическом положении вследствие надвигавшейся зимы, усталости и необеспеченного тыла”¹⁵.

Эти планы были несостоятельны сами по себе, но их полная бесперспективность стала очевидной для всех с началом Владайского восстания. Остановить противника, двигавшегося к Софии ускоренным маршем, было уже невозможно. Возникают риторические вопросы: на какие условия перемирия могла бы рассчитывать Болгария, если бы к моменту его заключения часть ее собственной территории была занята войсками Антанты? Можно ли было бы надеяться на те пусть скромные, но все-таки уступки, которых добился Ляпчев 29 сентября (например, недопущение сербских и греческих войск в пределы Болгарии) в обстановке, когда противник стоял уже у порога страны, но еще не вступил в нее? В этом смысле можно говорить, что быстрое перемирие оказалось для болгар относительно выгодным. То, что его условия могли быть для Болгарии еще хуже, косвенно подтверждается тем фактом, что они вызвали сильное неудовольствие правящих кругов Сербии и Греции, особенно греческого премьер-министра Э. Венизелоса¹⁶.

Рассматривая судьбоносные для Болгарии события осени 1918 г., английский историк Дж. Боучен высказал предположение, что установление тогда в стране республиканского строя могло бы впоследствии облегчить условия мира для нее¹⁷. На наш взгляд, тезис Боучена окажется сомнительным, если проанализировать позицию ведущих держав Антанты по данному вопросу. Отношение британских и французских правящих кругов к идее провозглашения республики в Болгарии было двойственным. Очевидно, они ничего не имели бы против свержения в сентябре 1918 г. столь досадившего им Фердинанда и его династии. Но при этом в Лондоне и Париже понимали, что провозглашение республики в тех условиях неизбежно произойдет революционным путем, что и пытались осуществить лидеры БЗНС Стамболийский и Даскалов в ходе Владайского восстания.

По представлениям англичан это восстание явилось прямым отголоском Октябрьской революции в России, как бы расширением ее за пределы страны, а значит ставило под угрозу интересы Великобритании на Балканах и в зоне Черноморских проливов. Вот почему, когда непосредственная опасность революционного провозглашения республики миновала, “совет четырех” – руководящий орган Парижской конференции – в мае 1919 г. по предложению британского премьера Д. Ллойд Джорджа выступил в поддержку болгарской монархии и лично царя Бориса III. В это время отношение к монархическому институту даже стало критерием благонадежности болгарских политических партий и их вождей в глазах лидеров Антанты. Сам же Борис всем своим поведением стремился уверить победителей в том, что будет неуклонно следовать “модели” английского королевского двора. Глава болгарского правительства Т. Тео-

доров заверял французских дипломатов, что между Борисом и его отцом нет ничего общего, а молодой царь якобы чувствовал себя одновременно и болгаринном, и французом¹⁸.

Более того, в начале июня 1919 г., узнав о тяжелых для Болгарии условиях подготавливаемого в Версале мирного договора, Борис даже пытался угрожать миротворцам своим отречением, надеясь смягчить их позиции по вопросам о “западных окраинах” и о сохранении выхода к Эгейскому побережью. Командующий британскими оккупационными войсками в Болгарии генерал Бэйрд в докладе руководству Восточной армии союзников от 7 июня, сообщая об этом заявлении царя, характеризовал его как искреннего приверженца держав Антанты, намеревающегося в будущем проводить политику, благоприятную для интересов Великобритании. По мнению Бэйрда, если Болгария станет республикой, глупо надеяться, что она будет следовать такому курсу¹⁹.

Говоря о том, как наличие монархического института повлияло на окончательные условия мира, необходимо учитывать следующее. В Болгарии больше, чем в любой другой из побежденных стран, наблюдалось стремление реабилитироваться перед победителями, сделав из бывшего монарха “козла отпущения”. От Фердинанда, правившего более 30 лет, в болгарском политическом мире отреклись сразу же. Теперь на него сваливали вину за все “грехи” не только представители так называемых “антантофильских” партий, но даже члены либерального блока, до недавнего времени бывшие его почитателями и фактическими соучастниками реализации внешнеполитической программы.

Эксперт по международным вопросам потерпевшей фиаско радиославистской партии Д. Кьорчев записал в дневнике на следующий день после отречения Фердинанда: “Фердинанд оставил Болгарию униженной, побежденной, внутренне расстроеной, презираемой и глубоко несчастной... Все имеют право связывать несчастья Болгарии с правлением царя, который более был актером с сомнительными дарованиями, без соответствующего воспитания и с безграничным эгоизмом”²⁰. А ведь, как уже говорилось, в вопросе о военно-политических целях Болгарии до ее вступления в мировой конфликт наблюдался почти полный консенсус монарха, военной верхушки и лидеров основных политических партий. Различались лишь позиции по вопросу о путях и способах достижения этих целей. Поэтому все попытки болгарских правительств в период от Салоник до Нейи “смягчить” окончательные условия “приговора”, делая все для того, чтобы убедить победителей в “вероломстве” и “германофильстве” Кобурга, успеха не имели. Версальские прагматики полагали, что Фердинанд лишь воплощал в жизнь устремления “болгарского национального эгоизма”²¹.

В Салониках же союзники еще опасались, что чрезмерно тяжелые условия перемирия могут “отпугнуть” Болгарию и заставят ее

продолжать войну. Это было бы весьма нежелательно, поскольку она оказалась первой страной, запросившей перемирия, и провал переговоров с нею мог негативно повлиять на поведение других членов Четверного союза. В целом неотработанность механизма подготовки и заключения перемирия и определенная неготовность Антанты, захваченной врасплох, к переговорам о прекращении военных действий оказались на руку Болгарии.

Еще одной важной причиной подписания относительно “мягких” условий перемирия была чрезвычайная заинтересованность Антанты в конце сентября (по стратегическим соображениям) в болгарской территории, которую победители намеревались использовать как в борьбе против Турции и Австро-Венгрии, так и для развертывания интервенции в России²². Поэтому, например, вопрос о Южной Добрудже в Салониках не обсуждался, и ее первоначально предполагалось оставить за Болгарией.

Однако дело не в том, как были решены в Салониках те или иные конкретные территориальные проблемы по сравнению с Версалем. Главный вопрос в другом: какое место это перемирие предназначало Болгарии в общей системе международных отношений на Балканах? А ответ на него звучал однозначно – ей отводилась роль страны с ограниченным суверенитетом²³. Салоникское перемирие твердо закрепило за Болгарией статус не равной, договаривающейся, а побежденной страны. В Салониках ей был вынесен обвинительный вердикт, который неминуемо вел к суровому приговору. Перемирие стало не просто первым кирпичиком сооруженного в Версале европейского здания. Одновременно оно стало и несущей конструкцией в нем, на которой зиждился весь балканский этаж.

Салоникское перемирие пресекло претензии Болгарии на особую роль в регионе, развенчав целевые установки болгарских правителей, выдвигавшиеся ими на всем протяжении войны. Можно сказать, что в Салониках прозвучала увертюра к Нейской опере, ставшей для болгар реквиемом по их военно-политическим целям. В последнее время такая точка зрения все более утверждается в болгарской исторической науке²⁴.

Формирование нового облика власти: “широкая коалиция”

3 октября 1918 г. под давлением верхушки правительства Малинова Фердинанд подписал манифест об отречении от престола, о чем страна узнала лишь на следующий день из официального сообщения. Вопрос же о судьбе династии даже не стоял.

Как уже говорилось, в подобном разрешении ситуации свое слово сказала Антанта, давая понять болгарской правящей элите, что Фердинанд Саксен-Кобург-Готский является нежелательной персо-

ной на престоле. Второе лицо в Либеральной партии и бессменный министр в правительстве Радославова в годы первой мировой войны П. Пешев впоследствии констатировал в мемуарах: "...почти никто искренне не сожалел о том, что он (Фердинанд. – *Авт.*) освободил трон и покинул Болгарию. Даже наиболее преданные, верные, самые обласканные им люди если не злорадствовали и не злословили в его адрес, то с равнодушием отнеслись к свалившемуся на него несчастью..."²⁵

В тот же день (3 октября) у Болгарии появился новый царь. Им был провозглашен старший сын Фердинанда Борис, князь Тырновский. По мнению одного из наиболее компетентных и обстоятельных его биографов С. Груева, управление государством переходило к человеку "чрезвычайно интеллигентному, но по характеру не особенно решительному", который не был до конца уверен в том, "что действительно хочет стать царем"²⁶.

Вместе с экс-монархом должен был уйти в историю и "режим личной власти". Таким образом, Борис III лишь де-юре наследовал прерогативы, гарантировавшиеся монарху Тырновской конституцией. Однако, несмотря на недавние события, отношение в обществе к монархическому институту, утвердившееся в Болгарии в годы борьбы за обретение собственной государственности и независимости, было в общем со знаком плюс. Именно институт главы государства стал тем консолидирующим началом, вокруг которого формировался костяк национальной государственности. Идеи республиканизма изначально не получили широкого распространения в болгарской среде. И впоследствии у немногочисленных его носителей – политических партий левого толка (исключение составляли лишь "тесняки") эти идеи звучали весьма глухо, оставаясь где-то на периферии задач, требовавших реализации. Отсюда и стереотип поведения, сложившийся в кругу болгарской политической элиты, отмеченный выраженным (порой внешним) пиететом по отношению к монаршей персоне. К тому же в силу объективных причин для подавляющей части населения новый царь в большей степени, чем его отец, должен был стать "своим". Он родился в Болгарии, которую в полной мере воспринимал как родину, воспитывался как ее будущий правитель, в совершенстве владел болгарским языком, демонстрировал хорошее знание национального менталитета, был православного вероисповедания.

Однако Борис III начинал "с чистого листа" в весьма сложной ситуации. Круг же политиков и политических сил, на которые он мог опереться, оказался весьма суженным. Для Болгарии, ожидавшей предстоящего заключения мирного договора с победителями, сугубо негативное значение приобретало понятие *германофильство*. Оно распространялось на партии "либеральной концентрации", поскольку представители их руководства находились у государственного руля в годы первой мировой войны. Именно тогда эти пар-

тии пережили апогей своего политического влияния. Теперь же, будучи признанными общественным мнением виновниками "национальной катастрофы", они навсегда утратили прежнюю значимость и весомость при решении проблем общенационального масштаба.

В условиях сохранявшейся внутренней нестабильности, а по сути затяжного политического кризиса, вызванного развалом экономики в годы войны²⁷, а также неопределенности и уязвимости внешнеполитического положения страны новый болгарский царь был обречен на решительные, но вместе с тем обдуманные действия. Его старт был весьма эффективным и получил резонанс во всех слоях населения страны: на следующий день после вступления на престол Борис III подписал свой первый указ, в котором объявлялось о всеобщей долгожданной демобилизации²⁸. Правда, три недели спустя новым царским указом уточнялось, что демобилизация является все-таки частичной²⁹, но это уже существенно не влияло на положительную тональность восприятия в стране начинающего монарха. У Бориса III появилась объективная возможность сделать особый акцент на возглавляемой им исполнительной ветви власти. Законодательная власть в лице XVII Обыкновенного народного собрания в политическом плане представляла собой власть большинства ставших одиозными в глазах подавляющей части болгар либеральных партий, к тому же с истекшим сроком полномочий. Вполне естественно, что такой состав парламента воспринимался в обществе как политический анахронизм.

Царю был необходим опытный и авторитетный глава правительства, способный переломить кризисную ситуацию. Вполне логичным было назначение на эту должность прежнего премьера Малинова, находившегося в эпицентре событий последних месяцев. К тому же он принадлежал к достаточно узкому кругу образованных и уважаемых болгарских политиков и обладал большим опытом государственного деятеля. За Малиновым стояла наиболее стабильная и многочисленная до первой мировой войны Демократическая партия, восходившая своими корнями к Либеральной партии П. Каравелова и П. Славейкова, которые ассоциировались у болгар прежде всего с Тырновской конституцией, сохранившей свою особую значимость для большинства населения страны. В активе у ДП была оппозиционность в отношении "либеральной концентрации", а главное, практические шаги лидеров демократов по выведению страны из войны.

Новое правительство было сформировано через две недели после вступления Бориса на престол. Оно определило для себя достаточно общие, но в то же время весьма масштабные и адекватно отражавшие ситуацию в стране задачи – "успокоить возмущенную общественную совесть... стабилизировать государственно-конституционный режим"³⁰. Вполне естественно, что почти на все ключевые

посты в правительстве Малинов поставил своих соратников по предыдущему кабинету – представителей руководства и цвет ДП.

Среди мобилизованных премьером политических “тяжеловесов” первой величины, бесспорно, был европейски образованный и проявивший себя как незаурядный дипломат Ляпчев. На его счету значились недавнее участие в ранге первого болгарского делегата в заключении Салоникского перемирия, а также судьбоносные для страны переговоры по международному признанию ее независимости в 1908–1909 гг. Под стать Ляпчеву были и другие весомые фигуры в руководстве ДП – М. Такев и Н. Мушанов. Помимо премьерского поста, демократы сосредоточили в своих руках значительное число министерств – внутренних дел, финансов, юстиции, путей сообщения и связи; в их ведение временно переходило и министерство земледелия, которое впоследствии планировалось передать представителю БЗНС. К тому же во главе военного ведомства по-прежнему оставался близкий к демократам генерал С. Савов.

Но это была лишь часть правительства, составлявшегося с явной претензией на то, чтобы объединить в себе представителей широкого спектра политических сил, которые смогли бы отмежеваться от прежней внешнеполитической ориентации страны. В одной команде с демократами впервые оказался Теодоров – один из лидеров второй по значимости среди “правых” партий – Народной, в прошлом председатель Народного собрания, министр. Он возглавил внешнеполитическое ведомство.

Однако более знаковым для страны в облике новой исполнительной власти было другое: в нее пришли так называемые “левые” партии – БЗНС, “широкие” социалисты, Радикально-демократическая партия. Их представителям предназначались четыре министерских портфеля. “Левые”, за исключением радикалов, впервые взошли на болгарский политический Олимп. Не будучи ранее ни многочисленными, ни особенно влиятельными, эти партии в накаленной ситуации, складывавшейся в конце войны, приобретали весомость и значимость. Еще в июне 1918 г. Малинов пытался расширить опору предыдущего кабинета, придать ему характер широкой коалиции. Однако тогда, в обстановке неопределенности (Болгария все еще оставалась в составе Четверного союза), “левые”, исключая радикалов, испугались ответственности. Теперь же ситуация в большей степени располагала к эксперименту. И, несмотря на внешнюю второстепенность оставлявшихся за ними министерств (народного просвещения; торговли, промышленности и труда; земледелия; общественных сооружений, дорог и благоустройства), эти партии (и это главное) в экстремальных обстоятельствах оказались востребованным политическим компонентом власти.

Вполне естественно, что программа правительства “широкой коалиции” была подчеркнута ориентирована на все слои населения страны, которой пришлось пережить лишения военного времени –

сверхмобилизацию людских и материальных ресурсов. Этот документ был в целом положительно принят в обществе, а его обсуждение в Народном собрании прошло преимущественно в той же тональности.

Выражая весьма распространенное среди “правых” в НС, да и за его пределами мнение относительно облика и сущности новой исполнительной власти, лидер не участвовавшей в ней Прогрессивно-либеральной партии Данев назвал ее феноменом, предложив ввести практику формирования кабинетов “широкой коалиции”³¹. Он предрекал этому правительству стабильность. Данев, как и многие другие представители болгарской политической элиты, полагал, что оно просуществует по крайней мере до заключения мирного договора с победителями³².

Вполне естественно, что правительство в таком новом варианте поддержали и “слева”, за исключением поставивших себя вне каких бы то ни было коалиций и компромиссов “гесняков”.

Однако оптимизм относительно перспектив нового правительства “широкой коалиции” оказался необоснованным и исчез весьма скоро. Определяющую роль здесь сыграл внешний фактор. Не в состоянии была переломить ситуацию и демонстрация лояльности в отношении победителей со стороны болгарских властей, которые уже в начале октября 1918 г. отменили ограничения военного времени – запрет предпринимательской деятельности британских и французских подданных на территории страны³³. Из-за внешнеполитических осложнений, связанных с вопросом о Южной Добрудже, кабинет Малинова ушел в отставку³⁴.

Такой демарш стал серьезным ударом по позициям ДП. Для демократов постепенно начинало приобретать негативное значение пребывание их лидера на посту главы предшествующего кабинета (с июня 1918 г.), когда страна еще оставалась в составе Четверного союза. Теперь в болгарском политическом мире всячески игнорировалось, что в тех обстоятельствах кабинет Малинова отчаянно пытался найти путь выхода из войны.

Тем не менее в новом правительстве “широкой коалиции”, с 28 ноября возглавленным уже Теодоровым, за представителями руководства ДП оставались два политически очень весомых министерства – внутренних дел и военное. В квоту “правых” попал в качестве министра финансов прогрессист Данев.

Ослабление позиций демократов в исполнительной власти открывало возможности для расширения представительства в ней “левых”. Уже шесть министров от этих партий должны были войти в новый кабинет: три “земледельца”, два социал-демократа, один радикал. Однако они в целом явно уступали лидирующей в нем четверке “правых” по политическому опыту и образовательному уровню.

Представляя в НС программу своего кабинета, Теодоров сразу же заявил о преемственности – намерении продолжать начатое

предшественником. В качестве первоочередной задачи в этом документе значилось “сохранение порядка и спокойствия”, чтобы “успешно пройти от перемирия к миру”. Намеченный к исполнению набор мер общегражданской и социальной направленности ориентировал на “скорейшее излечение нанесенных войной ран”, на успокоение “возмущенной общественной совести”. Во главу угла ставился вопрос о широкой амнистии за преступления военного и политического характера, в то же время акцент делался на необходимости наказания за совершенные преступления, связанные со злоупотреблениями властью со стороны государственных, окружных и общинных служащих. Конкретно формулировались положения о необходимости налогообложения в пользу государства сверхприбылей, полученных в годы войны, и изъятия всех богатств, нажитых незаконным путем. Здесь же значился очень трудный для исполнения пункт об улучшении снабжения населения продуктами питания и предметами первой необходимости. Кроме того, предлагалось осуществить чистку и омоложение состава армии. И, наконец, в весьма расплывчатой форме намечалась ликвидация цензуры (“при первой возможности, в зависимости от международного положения”)³⁵.

В заключение премьер напрямую апеллировал к “патриотическим чувствам” болгар, призывая их к единству, с тем чтобы “выйти из затруднительного положения”³⁶. По сути, он озвучил на государственном уровне идею общественной солидарности, на которую пыталась объявить монополию реформистская часть “левых” в болгарском политическом спектре, в первую очередь “широкие” социалисты.

В целях усиления собственной значимости в исполнительной власти, создания возможностей влиять на ее деятельность “левые” попытались координировать свои действия еще в период премьерства Малинова. В середине ноября 1918 г. на совещании представителей трех партий, созванном по инициативе БРСДП(о), было принято решение о создании комитета Левого блока. Однако такая задача оказалась весьма сложной для исполнения. Социал-демократы и радикалы традиционно конкурировали между собой за право представлять преимущественно одну и ту же часть населения – экономически наименее защищенные его категории среди крестьянства, мелких ремесленников, рабочих, интеллигенции (в основном, учителей). “Земледельцы” же свое внимание направляли исключительно на село, на его среднеобеспеченные и малоимущие прослойки. И потому спустя несколько месяцев проблема создания координирующего центра оставалась все еще актуальной. Комитет Левого блока, как впрочем и сам блок, так и не пройдя стадию окончательного организационного оформления, присутствовал скорее в сознании и риторике лидеров “левых” партий.

Правительство активно приступило к реализации своей подчеркнуто социально ориентированной, а потому трудно реализуе-

мой программы по ликвидации последствий войны. Уже в середине декабря 1918 г. у него на вооружении был закон о материальной поддержке лиц, занятых в сфере государственной службы. Этот закон распространялся на многочисленные категории населения, включая даже пенсионеров, экономическое положение которых было катастрофическим³⁷. А в последний день уходящего 1918 г. НС в окончательном чтении приняло обещанный правительством законопроект об амнистии за преступления, совершенные в период с 1 августа 1914 г. (объявление страны на военном положении) по 1 декабря 1918 г.³⁸

Узаконение широкой амнистии позволяло восстановить тысячи людей в гражданских и политических правах, что давало серьезный импульс для активизации деятельности в первую очередь правящих партий, руководство которых уже вскоре после заключения Салоникского перемирия озадачилось проблемой реставрации их довоенной организационной структуры. Тон в этом процессе, естественно, задавала ДП. Уход Малинова с премьерского поста позволил ему сосредоточиться на делах собственной партии и ускорить ход восстановления местных организаций демократов³⁹. Однако сам по себе процесс объединения прежних единомышленников оказался достаточно длительным и в каждой из партий протекал по-своему. Для “правых” – ДП, НП, ПЛП – он характеризовался тем, что не сопровождался обновлением их идейного арсенала⁴⁰.

В наиболее сложном положении среди правящих партий находился БЗНС, в руководстве которого в годы войны обозначился раскол. Попав под амнистию, в январе 1919 г. к активной политической деятельности вернулся лидер радикального течения в Союзе Стамболийский. Он занял зарезервированный за ним министерский пост. После заполнения вакансий в правительстве “земледельческие” лидеры-министры выступили с совместным заявлением, что “ввиду чрезвычайной важности задач, которые возложены на них в связи с участием во власти, разногласия в самом Союзе недопустимы”⁴¹.

Такой документ был равносильен “Протоколу о намерениях”, поскольку накопившиеся противоречия невозможно было устранить с помощью декларирования одного, пусть и столь радикального шага. Очевидным в данном случае являлся явный акцент руководства Союза на активное участие в исполнительной власти с претензией на определяющую роль в коррекции ее деятельности. Даже недавний “революционер” Даскалов в середине января 1919 г. на страницах центрального органа БЗНС “Земледельско знаме” утверждал, что правительство, подталкиваемое Союзом, “подает надежду на то, что, хотя и медленно, оно будет продвигаться в направлении ... истинной демократии”⁴².

Лояльность руководства БЗНС в отношении правительства демонстрировалась на фоне резкого неприятия радикальной частью

“земледельческой” элиты XVII ОНС как препятствия “на пути новых идей и реформаторского духа болгарского народа”⁴³. В январе 1919 г. “земледельцы”, по сути, открыли фронт борьбы за безотлагательный роспуск XVII ОНС. Представленные в правительстве “правые”, за исключением ПЛП, воспротивились такой постановке вопроса. Их аргументация сводилась к тому, что парламентские выборы целесообразно проводить лишь после заключения мирного договора с победителями, когда будут уточнены государственные границы, вернутся домой военнопленные (около 100 тыс. человек) – солидная часть граждански активного населения, а также будут отменены все ограничения военного времени. В поддержку такой позиции приводился тот факт, что через действовавшее XVII ОНС прошли важнейшие инициированные правительством законы, которые обеспечивают выполнение его программных обязательств. Помимо закона об амнистии, в конце февраля 1919 г. депутаты проголосовали за закон о налоге на прибыль, полученную во время войны, а ближе к середине апреля – за закон об изъятии в пользу государства незаконно приобретенной собственности⁴⁴.

Таким образом, правительственная программа постепенно реализовывалась. И это стало веским основанием для того, чтобы один из создателей БЗНС, лидер умеренного течения в нем Д. Драгиев в вопросе о судьбе XVII ОНС встал на позицию “правых”⁴⁵.

Стамболийского и его сторонников, наиболее последовательно отстаивавших идею обновления представительной власти, по сути, поддерживали социал-демократы и радикалы. Правда, они интерпретировали свое участие в кампании за выборы в новое – XVIII – ОНС как проведение собственной политической линии.

Постепенно наряду с этим противостоянием в высшем эшелоне власти обозначилось и другое. Недовольство “левых” своими “правыми” партнерами в правительстве трансформировалось в признание необходимости изменения партийного представительства в нем. И это при том, что в прессе как тех, так и других с завидным постоянством эксплуатировалась идея необходимости координации их усилий через повсеместное создание комитетов правящих партий блока с Центральным комитетом во главе. Объектом особой неприязни, в первую очередь опять-таки со стороны Стамболийского и его сторонников, стала ДП, а в качестве основной мишени был избран ее лидер Малинов. На него радикальные “земледельцы” настойчиво пытались переложить всю ответственность за сохранение Болгарией верности Четверному союзу на заключительном этапе войны, Фердинанд в данном случае был уже не столь интересен. Целью массивной атаки стало ведомство министра внутренних дел демократа Мушанова, которому инкриминировали насаждение своих политических единомышленников в органах исполнительной власти (заметим, что в Болгарии это практически стало нормой). Весной 1919 г. противостояние между “левыми” и демократами при-

обретало такую острую форму, что вопрос о реорганизации правительства все больше становился задачей дня.

“Эластичные” тактические установки “широких” социалистов позволяли им включиться в эту борьбу за власть. Правительство из шести партий еще в январе 1919 г. оценивалось социал-демократами как выражение идеи “общественной солидарности” и демонстрация того, что “усилия всего народа необходимы для спасения страны”⁴⁶. Однако за этим следовало уточнение: участие в блоках не есть цель БРСДП, которая никогда не отрицала самостоятельную классовую борьбу и не чувствовала себя связанной с блоком разнородных партий⁴⁷.

В политической терминологии лидеров РДП также активно присутствовала идея общественной солидарности. Однако радикалы фактически поддержали наступление “земледельцев” на демократов, которым они предъявляли счет за их, как утверждалось, фактическую узурпацию власти на местах⁴⁸. Руководство РДП отдавало себе отчет, в каком направлении идет процесс разграничения в болгарском политическом мире. В условиях побежденной и голодной страны “левые” ощущали все более твердую почву под ногами, они хорошо различали постепенно вырисовывавшуюся перспективу их реального влияния на государственную политику. РДП явно демонстрировала эволюцию восприятия ситуации представленными во власти “левыми”. В начале 1919 г. газета “Радикал” утверждала, что в стране налицо моральная и материальная катастрофа, значительное повышение гражданского самосознания масс, понявших, что нужно окончательно выйти из состояния пассивности, в котором они находились. И следовал вывод: “Мы живем в такое время, когда ничто не мешает нам двинуться по пути общественного обновления”⁴⁹.

В очерчивавшемся раскладе сил наиболее серьезным соперником для “левых”, бесспорно, была ДП. Лидеры демократов убеждались в том, что премьерство Малинова на заключительном этапе войны в политическом плане становилось “ахиллесовой пятой” их партии. И уже на первом послевоенном заседании Высшего партийного совета ДП в конце декабря 1918 г. эта тема среди других стала предметом серьезного обсуждения. А спустя месяц при Центральном бюро ДП был учрежден специальный Секретариат, в чьи задачи входило восстановление и расширение рядов ДП. Для этой цели был основан особый фонд⁵⁰. Уже на следующий день Секретариат обратился ко всем единомышленникам – демократам на местах с призывом действовать в этом направлении, а также вести активную агитацию среди населения в пользу собственной партии и одновременно держать в поле зрения все проявления общественных и политических движений, в том числе и *политических оппонентов* (курсив мой. – Авт.)⁵¹.

При явно обозначившемся противостоянии двух лагерей в правительстве, а точнее весьма специфически (условно) объединенных

“левых”, с одной стороны, и “отражавшей удар” ДП – с другой, существовало нечто общее, объединявшее всех, в том числе и более пассивных участников разраставшегося конфликта – НП и ПЛП. Такой точкой соприкосновения стало активное неприятие ими “тесняков” с их приверженностью классовой борьбе, популяризацией примера Советской России и большевизма. По-видимому, не только в силу отрицания идеологии “теснячества”, но и по более прозаической причине: министерству внутренних дел (руководимому демократом) постоянно приходилось сталкиваться с разного рода организовывавшимися ими акциями протеста – ДП уделяла этому отнюдь не абстрактному противнику не меньше внимания, чем своим экспансивным “левым” критикам в правительстве. Она была категоричной и последовательной (хотя и не оригинальной) в отторжении крайней “левизны”. Акцент делался на то, что БРСДП (т.с.) была весьма активна в распространении собственных идей: «“Работнически вестник”⁵² превратился в трибуну для ежедневной пропаганды насилия», – утверждал печатный орган ДП “Пряпорец”⁵³. Здесь же регулярно появлялись материалы, смысл которых сводился к тому, что “тесняки” готовят почву для осуществления большевистского эксперимента в Болгарии⁵⁴.

Но не менее принципиальной была констатация демократами факта, серьезно беспокоившего едва ли не всех представителей болгарского политического мира. “В настоящее время, – подчеркивал “Пряпорец” в начале марта 1919 г., – они (тесняки. – *Авт.*) бросают алчный взгляд на село (курсив мой. – *Авт.*), откуда ждут легионы Красной армии, чего рабочий класс не может им обеспечить...”⁵⁵

Село в этот период, как никогда ранее, приобретало необычайную, постоянно, вольно или невольно, подчеркивавшуюся политиками социальную значимость. Еще в самом начале 1919 г. было обнародовано “Обращение к болгарскому народу”, подписанное видными представителями всех шести вошедших в правительство партий. В нем среди актуальнейших задач исполнительной власти указывалась наипервейшая – обеспечить население продуктами питания, а крестьян же просили поделиться излишками⁵⁶.

При всем многообразии зачастую невыполнимых в условиях послевоенной экономической разрухи требований осуществления реформ и преобразований, которые в нарастающем темпе начали предъявлять “левые” своим партнерам по правительству, неотложность задачи накормить страну неизменно признавалась всеми участниками коалиции.

Социал-демократы и радикалы в такой ситуации прибегали к усиленному использованию идеи общественной солидарности в утилитарном и жестком в отношении села ключе. Постоянно подчеркивая катастрофическое положение с обеспечением подавляющей массы городского населения продовольствием, обе партии в значительной мере инициировали придание этой проблеме не только социаль-

ной, но и политической остроты. “Население умирает с голоду, – утверждалось в газете “Радикал” в конце января 1919 г., – а изъять продукты питания трудно, так как чувство общественной солидарности, взаимопомощи вытеснено мелочными эгоистичными расчетами”⁵⁷. В развитие темы в том же издании ставился риторический вопрос: “Может ли сельскохозяйственное население (читай: крестьянство. – *Авт.*), вместе со всеми переживавшее невзгоды, оставаться равнодушным к страждущим соотечественникам?”⁵⁸ Подобная тональность выдерживалась и в социал-демократических изданиях. В газете “Народ” атака была не менее лобовой: “Перед лицом опасности ... угрожающей всей нации, уместно было бы говорить о чувстве солидарности и можно было бы заглушить классовый эгоизм ... Даст ли непреклонный крестьянин продукты?.. Социал-демократы призывают к чувству справедливости и братства между людьми. Нация не может быть обречена на вымирание”⁵⁹. Избрав такую тактику, обе эти партии явно перегибали палку и, как следствие, проигрывали на селе в начавшейся политической борьбе за укрепление социальной базы.

БЗНС с его идейными установками, нацеленными на защиту мелких и средних товаропроизводителей, принимал вызов со стороны “левых” партнеров. Он подходил к проблеме, делая упор на исключительно потребительское отношение власти и политиков к селу, которое вынесло на себе основные тяготы войны и оказалось в плачевном экономическом положении. В “Земледельско знаме” помещались материалы о произволе со стороны реквизиционных комиссий при сборе и распределении продуктов, а Дирекция по снабжению и регулированию экономики превратилась, по определению этого издания, в “некую машину по выработке всевозможных распоряжений, которые более всего, к несчастью, задевают ... земледельца”⁶⁰.

Категорически отвергая усиленно культивировавшееся в обществе мнение, что крестьянин получает слишком высокую плату за зерно, что “делает жизнь (остальных. – *Авт.*) невыносимой”, лидеры БЗНС в противовес выдвигали вопрос о чрезвычайно высоких ценах на промышленные товары (предметы первой необходимости), становившиеся недоступными для сельского товаропроизводителя. Под обрисованную ситуацию подводилась политическая база: объединенные “земледельцы” должны встать на защиту “собственных погранных интересов”⁶¹.

Уже с начала 1919 г. руководство БЗНС, внешне как бы не замечая накопившихся в нем разногласий, вплотную занималось проблемой организационного возрождения и укрепления рядов партии. Первым серьезным шагом в таком направлении стала популяризация только что вышедшего в свет проекта Устава Союза⁶². А вскоре его лидеры обозначили перед своими сторонниками общую проблему весьма жестко и конкретно: “Земледельческая Болгария должна сомкнуть свои ряды. Ей необходимо хорошо организовать

и настроиться на настоящую политическую жизнь... глубоко осознать свою роль и свою ответственность за будущее страны”⁶³. В этом процессе особая роль отводилась низовым ячейкам – “дружбам”, которые должны были стать “организованной политической силой Земледельческого союза” и подняться до уровня “неусыпных стражей, контролеров и реформаторов”⁶⁴.

И ДП не снимала с повестки дня задачу восстановления влияния в селе. В конце марта, когда накал противостояния между лидерами этой партии, с одной стороны, и Стамболийским и его окружением – с другой, приближался к точке кипения, руководство демократов, проанализировав ситуацию, пришло к тревожному заключению о неудовлетворительных темпах воссоздания своих местных подразделений. Секретариат ДП разослал своим бюро в околиях установку: “Ни одно село, даже самое маленькое, не должно остаться без организации Демократической партии”, сопроводив это требованием составления точных списков рядовых членов местных организаций и представления их в центр. Работу требовалось завершить к 1 мая 1919 г., поскольку “наступающий момент настолько важен для будущего страны, что медлить нельзя. Каждый упущенный день – это потеря для дела партии, совпадающего с делом нашего народа”⁶⁵.

Реакция ДП была адекватной складывавшейся для нее ситуации. Наступление на демократов со стороны Стамболийского и его сторонников приобретало все более агрессивный характер. Пожалуй, даже либеральным партиям с их грузом ответственности за последствия войны радикально настроенные “земледельцы” из окружения Стамболийского уделяли меньше внимания, нежели такому сильному и остававшемуся на плаву противнику, как ДП. В ее руководстве констатировали: необъективность “земледельцев” не имеет границ. “Пряпорец”, имея в виду представителей своей партии, утверждал, что в каждом номере “Земедельско знаме” обрушивается на тех, “кто менее всего виноват в чем-либо”⁶⁶. Причину такой неприязни демократы пытались объяснить тем, что правительство Малинова в свое время подавило “бунт горстки безумцев” (имеется в виду Владайское восстание), помешав таким образом Стамболийскому стать премьером⁶⁷. Вряд ли можно категорически отвергать такой аргумент.

Однако корни конфликта были значительно глубже. Исходя из предшествующего периода политической истории страны, есть основания полагать, что обе партии при обозначившейся перспективе серьезного обновления власти неизбежно должны были столкнуться в борьбе за массовую базу – крестьянство. И у ДП, вполне обоснованно обладавшей имиджем “исторической” партии, потенциал в этом плане был достаточно высок.

Демократы склонялись к окончательному выводу, что “группа Стамболийского” преследует уже более общую цель – свалить правительство⁶⁸. При этом в ДП не идентифицировали своего весьма

экспансивного политического оппонента со всем БЗНС, подчеркнуто демонстрируя доброжелательность в отношении крыла, шедшего за Драгиевым⁶⁹.

Однако, судя по поступкам Стамболийского, момент для решительного рывка к власти еще не наступил. И он был вынужден отвергать столь серьезные обвинения в свой адрес, назвав их “глупым и необоснованным подозрением”, поскольку “поставленное перед мировым судом отечество нуждается в ... сотрудничестве всех политических групп, всего народа”. Шесть партий, составивших опору правительства, Стамболийский характеризовал как “политическую комбинацию, наиболее соответствующую моменту”⁷⁰.

Правда, при этом “земледельческий” лидер не скрывал, что у его окружения да и, вероятно, у всей “левицы”⁷¹ крепнет уверенность в том, что они будут управлять лучше, чем потерпевшие фиаско “государственники старой школы”⁷². Более того, Стамболийский заявлял, что не боится власти, которую вместе со своими сподвижниками надеется использовать для воплощения в жизнь идей БЗНС, но для этого еще должны созреть условия⁷³. Спустя месяц он завершил одну из основных своих работ “Принципы Болгарского земледельческого народного союза”, как бы освежая в памяти общества социально-политическую доктрину БЗНС. Союз (как и с момента его основания) вообще противопоставлялся каким бы то ни было партиям и претендовал на роль выразителя интересов большинства болгарского народа – “земледельческого сословия” – оплота всей государственной жизни Болгарии⁷⁴. Но это была лишь обозначенная перспектива.

Пока же “Земедельско знаме”, подливая масла в огонь и продолжая излюбленную тему, не могло удержаться от уничижительных обвинений в адрес основного политического конкурента, звучавших примерно в такой тональности: “Из-за безумия, бесчестия и трусости демократов Болгария сегодня распята на кресте”⁷⁵.

В течение всего апреля 1919 г. политическая атмосфера продолжала накаляться, и скорая развязка была неизбежной. “Левые” в предвкушении реальной власти уже приступили к обстоятельной подготовке решительного рывка в борьбе за нее. Первой ласточкой стали социал-демократы. В начале апреля 1919 г. они провели свой XXII съезд, где констатировалось небывалое увеличение роста численности партии, на тот момент составившей более 14 тыс. членов, в то время как в начале войны в ней состояло немногим более 5 тыс. человек⁷⁶.

Итоговые документы съезда БРСДП(о) привносили сильный реформаторский заряд в политическую жизнь общества. В резолюции прямо признавалось, что “буржуазные партии не пригодны для управления”, что власть перейдет в руки рабочих и экономически слабо защищенных представителей города и села; республиканская же форма государственного устройства “облегчит путь к демократии и

социализму”, при этом особо подчеркивалось, что такое обновление будет осуществляться с помощью “мирных средств”⁷⁷. В решениях съезда вновь повторялся тезис о республиканском государственном устройстве, а также шла речь о необходимости социализации всех разработок полезных ископаемых, изъятии имущества монастырей и Дворца в пользу общества, национализации крупной земельной собственности (чифтликков) в целях удовлетворения нужд неимущих крестьян, о введении прогрессивного обложения собственности капиталистов и постепенной ликвидации косвенных налогов, обеспечении защиты трудящихся, занятых во всех сферах производства, улучшении положения учителей, чиновников, рабочих и т.д. Завершался этот перечень весьма конкретным требованием скорейшего избрания нового состава НС⁷⁸.

Такой широкий охват сфер жизнедеятельности общества и в первую очередь терминологическое сходство ряда принципиальных установок социал-демократов (республиканизм, социализация, национализация, радикальные преобразования исключительно через эволюционный путь и т.д.), а также акцент на нужды все тех же наименее защищенных категорий городского и сельского населения весьма усложняли радикалам проблему популяризации собственной социально-политической доктрины. РДП, как и БРСДП(о), численно увеличилась в несколько раз и к середине 1919 г. насчитывала более 16 тыс. членов; к этому времени она восстановила и частично создала новые организации во всех городах и более чем в половине сел страны⁷⁹.

Точки над “i” были расставлены в конце мая 1919 г. при открытии VIII съезда РДП в выступлении одного из ее основателей и авторитетнейшего руководителя Т. Влайкова: “Мы не обрисовали для себя некий определенный строй – идеал, к которому нужно было бы стремиться, как это сделали социалисты... – подчеркивал он. – Но мы... всегда готовы наряду с ними (социалистами. – Авт.) поддерживать все то, что в данный момент является самым лучшим, самым разумным ... для защиты экономически слабых ... для достижения социальной справедливости”⁸⁰.

БЗНС также готовился к своему первому послевоенному съезду, намеченному на конец апреля 1919 г. Для Союза в условиях углублявшихся серьезных разногласий в его руководстве по принципиальным вопросам идейно-политического и тактического плана, конкретных действий в связи с участием во власти, раскола в “земледельческой” парламентской группе в XVII ОНС предстоящий съезд имел важное значение. Стамболийский и его окружение, по сути взявшие в свои руки всю подготовку, планировали придать ему характер весьма масштабного по числу участников мероприятия.

По сведениям, которыми располагал министр внутренних дел Мушанов, число делегатов и гостей съезда должно было составить несколько десятков тысяч человек, а сам он стать своего рода де-

монстрацией с целью заставить царя утвердить чисто “левый” кабинет⁸¹. Последнее обстоятельство представляется весьма сомнительным. Премьер-министру предстояло возглавить болгарскую делегацию на Парижской мирной конференции, где должны были выработаться условия мирного договора с победителями. А такая перспектива вряд ли могла серьезно увлечь лидеров “левых”, совсем недавно начавших осваивать болгарский политический Олимп. Да и Борис, хорошо знавший болгарскую политическую элиту, в этой ситуации едва ли мог позволить подобный эксперимент. Не добившись согласия организаторов на значительное сокращение числа участников планировавшегося съезда, Мушанов заручился письменным распоряжением премьер-министра о его запрещении. Последовавшие конкретные шаги министра-демократа в этом направлении вызвали протест со стороны двух “земледельческих” министров (Драгиева среди них не было), а также министров, представлявших БРСДП(о) и РДП. 25 апреля все пятеро заявили о сложении с себя полномочий⁸².

Накал политических страстей был настолько силен, что на него отреагировал даже Главнокомандующий войск Антанты в Болгарии генерал В. Кретьен. Он направил Теодорову письмо, в котором подчеркивал, что победители, “не вмешиваясь в борьбу партий в Болгарии, не могут допустить беспорядков в стране при нынешних обстоятельствах, т.е. пока не подписан и не утвержден (иначе говоря, не ратифицирован. – Авт.) мирный договор”. Кретьен просил премьер-министра довести это до сведения “всех политических факторов, независимо от их партийной принадлежности”⁸³.

Полевение политического Олимпа

2 мая 1919 г. Теодоров подал царю прошение об отставке⁸⁴. Борис III сделал выбор быстро и по-прежнему в пользу “широкой коалиции”. 7 мая он поручил формирование нового кабинета прежнему премьеру, имевшему репутацию наиболее последовательного антантофила. Теодоров остался и во главе министерства иностранных дел. К народникам отошло также и военное министерство, а министерство финансов сохраняла за собой ПЛП. Таким образом, заполнялась теперь уже более скромная квота “правых” в правительстве, где не нашлось места для демократов. “Левые” же, соответственно, увеличили свое представительство в нем. Радикалы получили теперь два министерства – юстиции и просвещения. Явного успеха добились социал-демократы: представитель руководства их партии К. Пастухов возглавил весьма важное, особенно в сложившейся ситуации, министерство внутренних дел, хотя в целом у “широких” социалистов осталось прежнее численное присутствие в исполнительной власти. Последнее относилось и к “земледельцам”. Руко-

водство радикального крыла в Союзе расплачивалось с поддержавшими их “соавторами” правительственного кризиса согласием на весьма скромные по значимости три остальных министерства, во главе которых остались их прежние руководители⁸⁵.

Успех “левых” выразился не только и не столько в изменении партийного представительства в правительстве, увеличении их численного перевеса в нем, сколько в решении вопроса о безотлагательном роспуске XVII ОНС и новых парламентских выборах. Эти позиции стали первым пунктом правительственной программы, куда включались еще и требования об отмене цензуры и обеспечении свободы собраний – необходимых условиях для свободного волеизъявления электората.

Однако победители в этой схватке за власть явно не доверяли друг другу. Потому в программе присутствовал пункт об учреждении специального Комитета из представителей блока партий, составивших правительство. Наипервейшей задачей такого органа должен был стать контроль за кадровой политикой министерства внутренних дел, а также, по необходимости, в других сферах, где этого потребуют обстоятельства. Более того, планировалось учредить подобные контролирующие органы на местном (околийском) уровне⁸⁶.

Деятельность этих комитетов была настолько “успешной”, что к моменту парламентских выборов в августе 1919 г. 2/3 глав околийских администраций являлись представителями БРСДП⁸⁷.

Первой реакцией руководства ДП на новый кабинет было недоумение по поводу того, что на посту премьера вновь оказался Теодоров, чьи распоряжения стали поводом для отставки правительства и который выступал против смены состава последнего⁸⁸.

Две недели спустя, проанализировав ситуацию, Высший партийный совет ДП обнародовал декларацию, где утверждалось, что партии, оставшиеся у власти, полны желания использовать стоящие перед государством трудности “в своих ... узкопартийных целях”, чтобы добиться победы на несвоевременных парламентских выборах⁸⁹. Но это уже не производило особого впечатления на политических оппонентов.

Теперь радикальному течению в руководстве БЗНС предстояло наверстать упущенное – провести съезд своей партии, назначенный на начало июня 1919 г. В его преддверии “Земледельско знаме” занялось популяризацией идей, в том числе изложенных в последней работе Стамболийского “Принципы Болгарского земледельческого народного союза”. В этих идеях акцент делался на исключительную роль крестьянства в производстве материальных благ и вытекающее из этого его право стать ведущей политической силой в общенациональном масштабе⁹⁰.

Усилия руководящих органов Союза по восстановлению его рядов, а также чрезвычайная активность “земледельческих” лидеров

в высшем эшелоне власти принесли свои плоды. К открытию съезда БЗНС насчитывал более 77 тыс. членов⁹¹. В центре внимания съезда оказалась борьба умеренного течения в Союзе во главе с Драгиевым и радикального – во главе со Стамболийским. Драгиев отвергал “революционные” методы политической борьбы Стамболийского и осуждал участие представителей руководства “земледельцев” во Владайском восстании. Решения съезда свидетельствовали о победе радикалов, фактически настроивших своих сторонников на борьбу за власть на предстоящих парламентских выборах. Однако напрямую такая цель в итоговых документах не формулировалась⁹².

По-видимому, момент для развала пусть и достаточно эфемерной коалиции правительственных партий еще не наступил.

В конце мая 1919 г. провели свой съезд и “тесняки”. На нем было принято решение о переименовании партии в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов). В ее Программную декларацию впервые включалось положение о диктатуре пролетариата. Здесь же шла речь о социалистической революции, о целях борьбы партии – Советская социалистическая республика, Балканская социалистическая федеративная советская республика, экспроприация и социализация средств производства и обмена, защита интересов рабочих, крестьян, малоимущих слоев населения. К решению проблем, стоявших перед болгарским селом, коммунисты подходили через призму своей программы-максимум, где значились ликвидация частной собственности на землю, коллективное землевладение и землепользование, чуждые большинству болгарских крестьян⁹³. К этому времени в БКП насчитывалось свыше 25 тыс. членов⁹⁴.

Подготовка к выборам, назначенным на 17 августа 1919 г., разводила недавних союзников в борьбе за их проведение из числа “левых” партий по разные стороны баррикад. Правда, радикалы, очень много сил затратившие на “демонтаж” предыдущего кабинета, в отличие от БЗНС и БРСДП(о), самостоятельно включившихся в избирательную кампанию, предлагали им объединить усилия в составе коалиции трех партий⁹⁵.

Накал политических страстей постепенно становился таковым, что закономерно подводил к вопросу: как этим партиям на протяжении месяцев удавалось не только причислять себя пусть и к эфемерному “Левому блоку”, но даже сосуществовать в рамках общей правительственной команды?

Ход всей избирательной кампании свидетельствовал о явной инициативе в ней “левых”. Даже наиболее организованные и сильные “правые” партии – ДП и НП – вряд ли могли составить им конкуренцию уже в силу того, что изначально выступали за отсрочку парламентских выборов до урегулирования всех проблем, связанных с заключением мирного договора с победителями (определение государственных границ, возвращение военнопленных, отмена во-

енного положения, цензуры). Периодические издания теперь уже оппозиционной ДП наполнились материалами, где ставилась под сомнение нравственная сторона деятельности “левых” с их идеей скорейшего выяснения политических предпочтений болгарского избирателя. Высший партийный совет ДП еще в конце мая 1919 г. окончательно расставил все акценты: “левые” расстались с мыслью захватить власть снизу; они вовлекают народ в “еще одно несчастье – изменение общественного строя и это происходит в то время, когда Болгария не является полноправным хозяином своей судьбы, когда враги хотят стереть болгарское племя с политической карты...”⁹⁶ Положение же НП в данном случае было достаточно щекотливым. Согласившись участвовать в действовавшем правительстве, она приняла его программу, где вопрос о парламентских выборах решался однозначно положительно.

Однако постепенно демократы и народняки стали по отдельности подключаться к предвыборной агитации, но в отличие от “левых” с весьма ограниченным набором лозунгов и требований. Среди них по-прежнему присутствовали все та же идея общественной солидарности, а также отрицание правомерности деления общества на сословия и классы, защита института частной собственности и т.д. ПЛП же, неизменно солидаризировавшаяся с “левыми” в вопросе о роспуске XVII ОНС, шла на выборы с весьма скромной платформой. Она призывала избирателей (по сути все категории населения, бедных в первую очередь) самим сделать свой выбор, исходя “из собственного жизненного опыта”⁹⁷. Борьба за электорат остальных трех либеральных партий носила более чем сдержанный характер.

БЗНС и БРСДП(о) начинали действовать все более жестко, навязав, по сути, свои правила игры радикалам. БКП(т.с.) приняла вызов со стороны всех правящих “левых”. Адресаты (экономически наиболее ущемленные социальные категории потенциальных избирателей) уже давно были обозначены всеми этими партиями, которые теперь в очередной раз и в подчеркнутой форме подтверждали, что их политические интересы неоднократно пересекаются.

В необычайно наступательной манере развернули агитацию в свою пользу социал-демократы, которые в отличие от остальных участников предвыборной гонки располагали мощным административным ресурсом – МВД с сетью его подразделений в стране. Как бы подытоживая все предшествующие усилия, ЦК БРСДП(о) 22 июля 1919 г. обратился с Манифестом к гражданам Болгарии, призывая голосовать за эту партию. Обрушиваясь на всех без исключения конкурентов как слева, так и справа, руководство социал-демократов в очередной раз декларировало собственные вовсе не оригинальные идейные и политические приоритеты. Среди них значилась: установление полного народовластия, превращение государства в покровителя наемного труда, обеспечение государством нормальных условий жизни чиновникам и служащим и т.д. Но особое

место в манифесте отводилось “теснякам”, которым обоснованно инкриминировалось “наличие революции на повестке дня”, а также “насаждение анархии в стране”⁹⁸.

При наличии многолетних негативных наслоений в отношениях между этими двумя выросшими на социал-демократической основе партиями существовала и вполне конкретная причина для особой обеспокоенности в первую очередь со стороны БРСДП(о). БКП, шедшая на выборы с позициями недавно принятой программы, выдвигала и общий лозунг “Класс против класса!” В русле развернувшейся предвыборной борьбы “тесняки” готовились дать решительный бой своим политическим противникам – провести по всей стране массовую акцию протеста против дороговизны, спекуляции, голода и т.д.⁹⁹

Опасаясь, что столь масштабное мероприятие может вызвать серьезные беспорядки или даже спровоцировать социальный взрыв, министр внутренних дел, член руководства БРСДП(о) Пастухов объявил о введении чрезвычайного положения. Состоявшаяся акция действительно сопровождалась многочисленными столкновениями ее участников с армией и полицией. Она была частью разработанного предвыборного сценария БКП.

В течение июля–августа 1919 г. вся пресса, как “левая”, так и “правая”, изобиловала фактами агрессивного поведения и даже рукоприкладства со стороны “тесняков” в отношении своих политических соперников, а также взаимными упреками в связи с некорректными методами ведения борьбы. Однако в это время глава болгарской делегации на мирной конференции в Париже Теодоров получал успокоительные известия из Софии. Временно замещавший его на посту премьер-министра министр иностранных дел и коллега по руководству НП М. Маджаров телеграфировал: “Предвыборная борьба проходит тихо и мирно. Делаем все возможное ... чтобы положительно настроить к нам государства Антанты”¹⁰⁰.

Казалось, в условиях, когда БЗНС лучше других решал для себя стратегическую задачу – сосредоточился на сельском избирателе, в то время как внимание остальных “левых” партий расплывалось на несколько категорий населения, а “правые” партии не проявляли явной активности, – его мог ожидать оглушительный успех. Однако в июле 1919 г. Драгиев заявил, что его сторонники пойдут на выборы с самостоятельным списком. Это, бесспорно, стало серьезным ударом по планам большинства в руководстве БЗНС во главе со Стамболийским, которое вышло к своему избирателю уже с конкретным лозунгом установления крестьянской власти, а также осуществления радикальной аграрной реформы и коренных социально-экономических преобразований с учетом интересов, в первую очередь, болгарского села¹⁰¹.

Результаты выборов подтверждали сильный всплеск симпатий в обществе к “левым”, уже проявившийся в невиданном росте рядов

этих партий. Разумеется, в данном случае речь может идти лишь о мужской части населения страны. Болгарские женщины избирательным правом не обладали. На протяжении десятилетий политический мир страны имел исключительно мужской облик. Руководство партий (исключая социал-демократические, где этому вопросу стали уделять внимание значительно раньше) только начинало разворачиваться в направлении организации женского движения в своих рядах.

Однако абсолютного победителя выборы не выявили. Впереди были сторонники Стамболийского, они набрали почти 28% голосов избирателей, что давало им право на 83 депутатских мандата, но не обеспечивало необходимого парламентского большинства. Стамболийский оценил это совсем в духе сословной теории как перевес "городских партий"¹⁰².

И уже совсем неожиданным было то, что с более чем 18% голосов и 47 депутатскими мандатами за ними следовали коммунисты. Замыкали эту тройку с почти 13% голосов и 38 депутатскими мандатами социал-демократы. Всего же "левые", с учетом весьма скромного успеха радикалов, которым оказалось явно не под силу тягаться с остальными лидерами избирательного марафона (8 депутатских мандатов), получили 63% голосов избирателей.

Многие "левые" не без основания сетовали на то, что результаты выборов были таковыми, поскольку те пришлись на страдную пору – уборку урожая, отвлекавшую многих селян – потенциальных избирателей. Но именно "левые" форсировали проведение этой кампании в ближайшее время любой ценой. Представляется, что в основе их действий в этом направлении крылась причина не менее серьезная, чем открывавшаяся возможность удовлетворить властные амбиции. В Париже летом 1919 г. шла активная работа по выработке условий мирного договора между странами Антанты и Болгарией. И инициаторы срочного изменения состава парламента торопились продемонстрировать победителям, что новое руководство страны не связано с ее военным прошлым.

Первыми среди "правых", несмотря на неблагоприятное для них стечение обстоятельств последних месяцев, оказались демократы с 28 депутатскими мандатами. За ними следовали народняки и прогрессисты, соответственно, с 19 и 8 мандатами. С 3 депутатскими мандатами замыкала список Народно-либеральная партия¹⁰³.

В ситуации, сложившейся в Болгарии в 1919 г., стало невозможным следование многолетней практике, когда утверждавшееся монархом правительство (как правило, из представителей одной-двух партий) проводило выборы в нужном для себя ключе. Пожалуй, впервые за последние десятилетия волеизъявление электората, при всех явных издержках ведения избирательной кампании, наиболее адекватно выражало политические предпочтения в обществе.

Борис III предоставил Стамболийскому как лидеру партии, завоевавшей наибольшее число мест в парламенте, премьерские полномочия с правом на формирование кабинета. Однако очевидная, как могло показаться, перспектива его создания в чисто "левом" варианте была не более чем иллюзией.

Вполне логичным стал отказ войти в правительство со стороны руководства БКП(т.с.), по своим идейным установкам абсолютно не вписывавшейся в какую бы то ни было коалицию. В свою очередь, сломленные неудачей на выборах радикалы, с которыми также велись переговоры, не видели для себя политических перспектив от сотрудничества в правительстве со столь сильными партнерами. А вот социал-демократы проявили большой интерес к открывавшейся перед ними возможности. В начале сентября 1919 г. руководство БРСДП(о) приняло "категоричное решение": партия будет участвовать в управлении страной¹⁰⁴. Однако, не удовлетворив свои претензии на ключевые министерства, в том числе и на ранее находившееся в их ведении министерство внутренних дел или, на худой конец, военное, финансов, железных дорог, труда, социал-демократы от участия в правительстве отказались.

Тогда Стамболийский, демонстративно проигнорировав демократов, обратился к представителям руководства НП и ПЛП, отнюдь не лидировавших на выборах. Включение в состав правительства народняков М. Маджарова в прежнем качестве – министра иностранных дел и вероисповеданий, а также А. Букова – министра торговли, промышленности и труда, прогрессиста С. Данева, сохранившего пост министра финансов, которые вместе со сподвижниками Стамболийского составили явно вынужденную и неравноправную коалицию, не сулило последней перспектив на длительное существование. Во-первых, представленные в исполнительной власти партии не обеспечивали этой коалиции необходимой опоры в возглавленном "земледельцем" Н. Атанасовым XVIII ОНС. Во-вторых, исходя из потенциальных возможностей команды в целом, в которой лидировали имевшие весьма скромный опыт пребывания у власти представители радикального большинства крестьянской партии, уступившие ряд важных министерств своим партнерам, ей вряд ли под силу была реализация принципиальной позиции правительственной программы "создать ... твердую власть во всех областях управления", равно как и "усилить все сферы национального производства"¹⁰⁵. Более того, этот весьма насыщенный по набору намечавшихся для исполнения пунктов документ составлялся после выборов Стамболийским вместе с представителями руководства БРСДП(о). В нем отразились главным образом обнародованные в ходе избирательной кампании требования "левых", а также нереализованная часть программ прежних кабинетов "широкой коалиции" и, более того, содержались положения, нацеленные на коррекцию частной собственности и даже ее передел¹⁰⁶.

Воспользовавшись своим перевесом в исполнительной власти, “земледельцы” сделали все возможное, чтобы заставить работать в первую очередь ту часть программы, которая обслуживала интересы основной части их электората. Они инициировали принятие XVIII ОНС ряда законов в пользу болгарского села. Однако на повестке дня правительства были обозначены и меры по улучшению положения городских категорий населения. В частности, разрабатывался законопроект по ослаблению жилищного кризиса, а в бюджет на 1919/20 г. закладывались средства на увеличение заработной платы чиновникам и государственным служащим и т.д. Тем не менее само завершение формирования кабинета оставшиеся вне исполнительной власти БКП и БРСДП(о) восприняли как сигнал к последующему тотальному отрицанию наиболее принципиальных ее проявлений, означавшему, по сути, “сжигание мостов”. В конце октября 1919 г. социал-демократы уже совсем в духе коммунистов оценивали своего несостоявшегося партнера: “БЗНС впрягся в колесницу буржуазии”, – констатировал ЦК БРСДП(о)¹⁰⁷.

В условиях острой внутренней нестабильности, выразившейся в течение 1919 г. прежде всего в массовых акциях протеста со стороны экономически наиболее уязвимых категорий населения¹⁰⁸, БКП и БРСДП(о) стали инициаторами невиданной по масштабам страны стачки железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, продолжавшейся с конца декабря 1919 г. до середины февраля 1920 г.

Это из ряда вон выходящее для Болгарии событие сделало фактическими (временными) союзниками представителей тех сил, которые еще совсем недавно значились как непримиримые противники или нежелательные конкуренты. К поддерживавшим правительство Стамболийского политическим партиям присоединились и разные по численности и степени влияния в обществе политические и общегражданские объединения и группы, в том числе и только что оформившиеся для противодействия опасности возможных радикальных социальных перемен по инициативе “земледельцев”¹⁰⁹.

Подавление стачки было расценено Стамболийским и его сподвижниками как благоприятный старт в борьбе за установление собственной однопартийной власти, поскольку основные политические конкуренты представлялись им поверженными, а потенциал остальных бывших серьезных соперников расценивался как незначительный.

Таким образом, к моменту подписания мирного договора между странами-победительницами и Болгарией последняя имела новую для нее власть, значительный удельный вес в которой приходился на силы, впервые оказавшиеся на политическом Олимпе. Их лидеры не были причастны к вовлечению страны в первую мировую войну и настраивались на попытку осуществить серьезную коррекцию социальных устоев.

Горе побежденным!

В первые недели после заключения Салоникского перемирия софийская пресса самообманывалась. По словам Косты Тодорова, она «благожелательно акцентировала внимание на “14 пунктах” Вильсона как на основе для справедливого мира, который определит границы на Балканах по этническому принципу. Таким образом, Болгария не только сохранила бы свою территорию, но могла бы даже удержать территории с преобладанием болгарского населения в Македонии, Фракии и Добрудже». Именно поэтому, рассуждали софийские газеты, “союзники-победители должны убедиться в том, что Болгария решительно порвала с прошлым и искренне желает сотрудничать в установлении нового порядка на Балканах”¹¹⁰. Димо Кьорчев записал в дневнике 18 октября 1918 г.: “Многие примиряются с положением Болгарии, веря, что она выйдет из трудностей с приобретениями”¹¹¹.

Но уже в ноябре 1918 г., после поспешной капитуляции Турции и Австро-Венгрии ситуация изменилась. Надобность в Болгарии как в плацдарме вооруженной борьбы для Антанты отпала. Революционный кризис в стране чрезвычайно затруднял ее использование в антисоветских целях. Изменился и статус Болгарии. В отличие от последних сентябрьских дней теперь Антанта рассматривала ее не только как страну, заключившую сепаратное перемирие, но и как часть враждебной военно-политической коалиции, проигравшей войну. Вот почему с этого времени появились первые признаки того, что условия будущего мирного договора для Болгарии будут намного тяжелее, чем статьи Салоникского перемирия. Требование Антанты очистить Южную Добруджу, предъявленное 19 ноября правительству Малинова, недвусмысленно свидетельствовало об этом.

Здесь необходима краткая предыстория. Дело в том, что румыны еще с начала октября стремились вернуться в Добруджу. После заключения Салоникского перемирия Германия считала себя свободной от обязательств перед болгарами в отношении Добруджи и прямо предлагала ее румынам в обмен на скорейшую ратификацию Бухарестского договора¹¹². Но чего стоил этот “подарок”, если Германия сама уже находилась на пороге военного поражения? Тем не менее, по некоторым данным, в Румынии имелись такие политические деятели (например, бывший премьер генерал А. Авреску), которые готовы были в тех условиях из-за Добруджи вмешаться в войну на болгарской территории на стороне Центральных держав¹¹³. София же, обеспокоенная военными приготовлениями румын, всеми силами стремилась уверить Антанту, что военное присутствие болгар в Добрудже воспрепятствует транспортировке германских войск из Стамбула и с Украины в Румынию. В те дни французы все-раз рассчитывали с помощью болгарских войск перерезать пути

отступления немцев. Фактически с середины октября до начала ноября 1918 г. отход каждого германского соединения из Добруджи сопровождался продвижением болгар вплоть до того, что 9 ноября они заняли порт Констанца¹¹⁴.

С заключением 11 ноября Компьенского перемирия между Германией и ее противниками вопрос о получении Добруджи из немецких рук для румын отпал сам собой. Но зато появилась возможность получить ее от Антанты. Во-первых, Компьенское перемирие зафиксировало отказ Германии от Бухарестского мирного договора и значит де-юре снова сделало всю Добруджу румынской¹¹⁵. А во-вторых, начиная с последней декады октября, еще оставаясь вне войны, румынские представители настойчиво “обрабатывали” Франше д’Эспере и антантовских дипломатов, стремясь добиться вывода болгарских воинских соединений из Добруджи и ее оккупации союзниками. При этом они заявляли, что ни в коей мере не собираются предопределять решения будущей мирной конференции по данному вопросу¹¹⁶.

За день до окончания мировой войны румыны успели вторично вступить в нее на стороне Антанты. Теперь для них немедленное решение добруджанского вопроса в благоприятном смысле было вдвойне важно, ибо оно подтвердило бы накануне предстоящей мирной конференции, что Румыния имеет статус союзного государства со всеми вытекающими последствиями¹¹⁷. Одно из них заключалось в том, что территории, входившие в состав Румынии до ее первого вступления в войну в 1916 г., не могут быть предметом территориального торга.

Бухарест приобрел напористого адвоката своих претензий в лице французского генерала А. Бертело, командующего Дунайской армией союзников, который сам себя называл “не командующим оккупационной армией, а румынским гражданином Бертело”¹¹⁸. Хотя формально генерал подчинялся Франше д’Эспере, но в обход своего непосредственного начальства сносился с “отцом победы”, главой французского кабинета Ж. Клемансо. 17 ноября 1918 г. Бертело отправил в Париж телеграмму, в которой настаивал на незамедлительном выводе болгарских войск из Добруджи. По приказанию Клемансо Франше д’Эспере через Кретьена 19 ноября потребовал от болгар в пятидневный срок покинуть Добруджу до линии Силистра – Мангалия¹¹⁹. При этом Антанта ссылаясь на текст Компьенского перемирия, что было явным нарушением международного права, ибо Болгария его не подписывала и формально могла не считать себя связанной его условиями.

В Софии такое требование произвело эффект разорвавшейся бомбы. Резкий по тону протест Малинова, высказанные с плохо скрытым возмущением его ссылки на то, что данное требование противоречит тексту Салоникского перемирия, а также заявление об отставке своего кабинета победителей уже не интересовали¹²⁰.

Для того чтобы “подсластить пилюлю”, Франше д’Эспере сообщил, что оккупация Добруджи будет доверена британским (но не румынским!) войскам и будущие решения мирной конференции по добруджанскому вопросу ни в коей мере не будут предопределяться этой оккупацией. Поэтому вплоть до окончательного решения вопроса болгарская гражданская администрация временно останется в области¹²¹.

Но тут вновь вмешался Бертело. Такое решение своего начальника он назвал “очередной глупостью” и опять оспорил его перед Клемансо на том основании, что оно “смертельно компрометирует наше (французское. – Авт.) влияние в Румынии”. Париж согласился с такой постановкой вопроса. В течение нескольких недель болгарскую администрацию в области сменили румынские гражданские органы и жандармерия. Это, впрочем, не мешало румынам и позднее обвинять Болгарию в нарушении условий перемирия¹²².

Малинов был вынужден покинуть не только Южную Добруджу, но и премьерское кресло, оставив своему преемнику Теодорову груз нерешенных проблем и сомнительную честь быть главой делегации побежденной Болгарии в процессе мирного урегулирования с победившей Антантой. Новый же глава кабинета, явно желая понравиться державам-победительницам, в день своего вступления в должность направил генералу Кретьену письмо, в котором заявлял, что новое болгарское правительство не признает условия Бухарестского договора 1918 г. Отвергая его решения, а вместе с ними и “полученные для Болгарии приобретения”, Теодоров подчеркивал, что “единственно авторитетным для него, относительно судьбы Добруджи, остается Салоникское перемирие” вплоть до окончательного решения вопроса на мирной конференции¹²³.

И хотя до такого решения было еще далеко, но даже если оставить в стороне субъективный фактор – внешнеполитическую концепцию Теодорова, – то и объективное развитие событий в Европе в 1919 г. не предвещало Болгарии ничего хорошего. Как уже отмечалось, “фильства” и “фобии” были характерными чертами внешнеполитических программ болгарских партий с момента их зарождения. Но после окончания первой мировой войны все “фильства” болгарской внешней политики потеряли перспективу. Одни кумиры (Австро-Венгрия) вообще исчезли с карты Европы; другие (Германия, Россия) находились в состоянии внутренних потрясений; для третьих (Великобритания, Франция) побежденная Болгария утратила стратегическую ценность. Над кабинетом Теодорова довлела внешнеполитическая безысходность, которую, однако, он осознал не сразу.

Основную надежду новый глава правительства связывал с “14 пунктами” Вильсона и с заступничеством США. Для его обеспечения Теодоров рассчитывал опереться на американских протестантских миссионеров, безоговорочно разделявших позицию офици-

альной Софии по македонскому вопросу¹²⁴. Примерно за неделю до открытия Парижской мирной конференции госсекретарю США Р. Лансину был вручен болгарский меморандум. Из него видно, что, ссылаясь на принцип национальной принадлежности, кабинет Теодорова еще не мог отказаться от внешнеполитического максимализма, причинившего стране столько вреда. Документ содержал претензии на долину Моравы в Нишской области, Северную Добруджу и Восточную Фракию до линии Мидье–Родосто, что намного превосходило рубежи сан-стефанской Болгарии и границы, обусловленные Лондонским договором 1913 г. В отношении Македонии в меморандуме говорилось: “Самым правильным решением македонского вопроса на основе провозглашенных президентом Вильсоном принципов было бы присоединение этой страны к Болгарии. Если присоединение к Болгарии невозможно, то лучше всего предоставить ей автономию под гарантией Лиги наций и под контролем какой-нибудь незаинтересованной державы, предпочтительно США. Спустя некоторое время можно провести плебисцит, чтобы узнать волю населения”¹²⁵.

Одновременно Теодоров попытался в обход великих держав достичь договоренности по македонскому вопросу с наиболее неприимимым противником – сербами. Уже в конце ноября 1918 г., только встав во главе кабинета, он предложил сербским представителям в военной миссии Антанты в Софии заключить двусторонний договор, который еще до начала мирной конференции мог бы способствовать согласованию позиций обеих стран по вопросу об общей границе. Эта попытка оказалась безрезультатной¹²⁶.

В Сербии и в “выросшем” из нее 1 декабря Королевстве сербов, хорватов и словенцев применительно к Болгарии в те дни господствовала “концепция вечного врага”. В первый же день существования нового государства была создана так называемая Международная комиссия по расследованию болгарских зверств в Сербии. В одном из частных писем Н. Пашич, многолетний глава сербского правительства, а затем руководитель делегации КСХС в Версале, писал, что интересы Сербии требуют не только осудить Болгарию, но и убедить весь цивилизованный мир в том, что она заслужила вынесенный ей приговор¹²⁷.

Что же касается Вардарской Македонии, то еще 21 октября сербский министр внутренних дел Л. Йованович в циркуляре начальникам округов сообщал: “Из многих мест я получаю известия о слухах в наших южных районах, будто они в соответствии с принципами президента Вильсона и по его настоянию будут переданы Болгарии и что последняя только потому капитулировала так скоро, что ее правители имели уверения, будто эти земли опять достанутся ей...” “Ясно, что более ни по какому поводу не может подниматься вопрос о Македонии”, – категорично заявлял министр и продолжал: “У Сербии нет причин тревожиться за конечный результат возможного голосования македонского населения; однако вопрос не в этом,

а в государственном праве Сербии ... Сами принципы национального самоопределения, провозглашенные президентом Вильсоном, не могут применяться к населению территорий государств Антанты, а также и там, где существуют отдельные народности, желающие отделиться от государства, в котором находятся. Применение принципов Вильсона относится только к народам и землям, которые подвластны неприятелю”¹²⁸.

В Болгарии известие об образовании единого югославянского государства было встречено неоднозначно. Газеты либеральных партий и Кьорчев в своей брошюре о Югославии проповедовали ненависть к ней¹²⁹, но прогрессисты и народняки во главе с Теодоровым поначалу были дружески настроены к КСХС, поскольку намеревались через добрососедские отношения с ним разрешить македонский вопрос¹³⁰.

В Софии оживились славянофильские настроения. Ее правящие круги рассчитывали на заступничество другого только что созданного государства – чехословацкого. Добываясь его помощи, они часто ссылались на славянское происхождение болгар, идею славянской взаимности и общие интересы славянства. 30 ноября 1918 г. Теодоров в разговоре с чехословацким журналистом Вл. Сысом, близким к тогдашнему премьеру Чехословакии К. Крамаржу, заявил, что “обратится напрямую к чешскому народу с просьбой взять на себя роль судьи в сербско-болгарском споре, сблизить два народа и сделать возможным вхождение Болгарии в общую славянскую федерацию”¹³¹.

Теодоров не ограничился общими фразами о взаимодействии с Чехословакией, а предпринял ряд конкретных шагов для того, чтобы обеспечить содействие чехословацкого президента Т. Масарика, благосклонного к болгарам и весьма популярного в руководстве антантовской коалиции. Но в Софии сильно переоценивали возможности Масарика повлиять на решения парижских миротворцев. В то же время такие действия болгарской дипломатии вызвали недовольство в Риме, куда просочились слухи о том, будто при посредничестве Праги решится вопрос о “присоединении” Болгарии к КСХС. Это был неблагоприятный сигнал, поскольку по своим мотивам (главным образом, из-за обостренных отношений с Грецией и КСХС) итальянцы могли бы способствовать смягчению условий мирного договора с Болгарией¹³².

В целом в отношении балканских союзников Антанты все болгарские партии в этот период следовали линии на улучшение отношений с ними. Различия существовали лишь в предлагаемых путях решения национального вопроса. Если буржуазные партии рассчитывали на правоту болгарского дела, на благоволение Антанты и главным образом США, то радикалы, “широкие” социалисты и БЗНС продолжали рассматривать федеративный путь как средство справедливого решения национального вопроса на Балканах. В ос-

нову возможного создания Балканской федерации (конфедерации) они ставили принцип самоопределения народностей¹³³.

Тем временем 18 января 1919 г. в Париже открылась мирная конференция, которой предстояло стать дипломатическим и политическим эпилогом первой мировой войны. Среди присутствовавших делегаций 27 государств представителей побежденных стран, в том числе и Болгарии, не было. Как писал официальный биограф Вильсона С. Бейкер, “такое решение было результатом безграничной победы союзников над врагом и ненависти, возвращенной в них небывало жестокой войной. Мир, по их мнению, следовало продиктовать врагу, а не договариваться с ним”¹³⁴. Отсутствие переговоров с побежденными странами после первой мировой войны было нарушением международных традиций. Поэтому совершенно обоснованно Нейский договор расценивается в болгарской историографии как мир-диктат.

Суровость его условий творцы договора, в частности Ллойд Джордж, их подручные, например члены британской делегации в Версале А. Бальфур и Г. Никольсон, а также общественные деятели, в том числе лидер лейбористов Дж. Макдональд, объясняли тем, что якобы своим участием в войне на стороне Германии болгары затянули ее на два года и тем самым вызвали дополнительные жертвы со стороны победителей¹³⁵. Эмоциональный фактор со стороны победителей – жажда мщения, стремление “вывернуть карманы” у побежденных, ожесточенность общественного мнения и зависимость от него большой тройки (Ллойд Джордж, Клемансо и Вильсон) – был искусно использован дипломатией и пропагандой соседей Болгарии¹³⁶. Все это наложило свой отпечаток на ход и исход процесса мирного урегулирования с ней.

Возникает еще один вопрос: как на него повлиял российский фактор (падение царизма, Октябрьская революция, Брестский мир и т.д.)? Могли ли болгары надеяться на менее тяжкие условия мирного договора, если бы за них хотя бы в малой степени заступилась традиционная покровительница – Россия? Некоторые политики-русофилы, например Данев, выражали искреннее сожаление по поводу ее неучастия в работе Парижской мирной конференции и временного выпадения из системы международных отношений и концерта великих держав¹³⁷. Правда, в Версале присутствовали некоторые дипломаты дооктябрьской России, но они представляли только самих себя, и с ними “большая тройка” мало считалась даже при рассмотрении так называемого “русского вопроса”, а уж тем более балканских дел, к которым Россия всегда была особенно чувствительна. Хотя болгарская делегация и пыталась в ходе конференции вступить в контакт с ними, но конкретных результатов это не принесло и не могло принести¹³⁸.

По вызову победителей эта делегация во главе с Теодоровым прибыла в Париж лишь 26 июля 1919 г. и сразу по приезде была раз-

мещена в отеле “Мадридский замок” в предместье Нейи на окраине Булонского леса. Здесь болгарские делегаты провели несколько месяцев в условиях строгой изоляции. Один из них, Стамболийский, писал 4 августа своему соратнику Даскалову: “Я снова в тюрьме. Здесь наша делегация находится... под стражей. Никто не смеет выходить и входить. Вывозят нас на автомобиле и под стражей ... По всему видно, что нас жестоко окромсают”¹³⁹.

Болгарские делегаты были полностью лишены возможности встречаться с делегатами других государств, с иностранными политиками и с журналистами, которых тоже не допускали в “Мадридский замок”. Такая жесткая мера была принята по настоянию соседних с Болгарией стран. Причем, как только в парижской прессе “проскальзывала” какая-то статья в защиту Болгарии или на самой конференции обострялись дебаты вокруг договора с ней, охрана становилась сильнее и бдительнее¹⁴⁰. Болгарские уполномоченные не присутствовали ни на одном заседании конференции, узнавая о содержании будущего мирного договора из газет и от своих охранников. Через них же они сносились с председателем конференции Клемансо.

Наконец 19 сентября болгарской делегации был вручен проект подготовленного победителями договора и отводился срок в 25 дней для ответа. Начался последний акт версальской драмы...

Диктат в Нейи-сюр-Сен

Выработанный проект стал результатом острейшей дипломатической борьбы, проходившей на заседаниях конференции и в ее закулисье. Он отражал притязания соседей Болгарии (КСХС, Греции и Румынии), которые те пытались обосновать историческими, стратегическими, этническими, экономическими и другими аргументами.

В советской историографии господствовал тезис о подчиненном положении малых союзников Антанты в Версале – “они самостоятельной роли не играли, а если и выступали, то в роли свиты или клиентов великих держав”¹⁴¹. Перипетии подготовки договора с Болгарией свидетельствуют об обратном. Очень часто инициатива в решении того или иного вопроса исходила от “малых”, а “великие” прагматики вынуждены были потакать их экспансионистским программам (Клемансо – сербской и румынской, Ллойд Джордж – греческой), опасаясь утраты влияния на них и заботясь об укреплении собственных геополитических позиций на Балканах и в Восточном Средиземноморье. В то же время американский “идеалист” Вильсон оказался явно не в состоянии отстаивать свои “14 пунктов”.

Вопрос о будущих границах Болгарии оказался рассредоточенным между несколькими комитетами, которые работали независи-

мо друг от друга и не были обязаны увязывать свои рекомендации с проблемами общего мирного урегулирования. Работа комитетов была организована так, что они должны были давать заключения по частным претензиям определенных государств, причем, как впоследствии оказалось, такие заключения фактически становились решающими и окончательными. По признанию Никольсона, “этот эмпирический и совершенно случайный метод назначения комитетов повлек за собой печальные результаты”¹⁴².

Так, 18 февраля 1919 г. делегация КСХС в своем меморандуме потребовала “исправления” границы с Болгарией на всем ее 320-километровом протяжении. Предлагалось границу “ректифицировать” так, чтобы города Видин, Кула, Трын, Белоградчик, Цариброд, Брезник, Перник, Босилеград, Радомир, Кюстендил, Горна-Джумая и Струмица оказались в пределах КСХС. Эти притязания аргументировались доводами стратегического характера (стремлением обезопасить от нового болгарского нападения свои коммуникации с Грецией и Румынией, проходящие по долинам рек Вардар и Тимок), а также утверждением, что население, проживающее на данной территории (шопы), якобы является сербским по языку, обычаям и антропологическому типу¹⁴³.

Вопрос рассматривал Комитет по румынским и югославским делам. Благодаря заступничеству делегатов от США и Италии претензии Белграда были существенно урезаны¹⁴⁴, хотя все время, пока проблема обсуждалась, делегация КСХС “бомбардировала” Комитет новыми меморандумами и протестами. Рекомендации Комитета, переданные 6 апреля в Верховный совет конференции, были приняты им почти без изменений и легли в основу ст. 27 мирного договора. По ней несколько сел в Кульской околии, Цариброд и Босилеград с окрестностями, а также Струмица в Македонии переходили к КСХС¹⁴⁵.

Таким образом, Белград добился своей главной цели – пограничная линия с Болгарией была спущена с водораздельных горных хребтов на равнины таким образом, что все стратегические пункты остались в пределах КСХС. Так на политической карте Балкан появилось новое понятие – *западные болгарские окраины*.

Еще до официального получения проекта мирного договора, узнав из газет содержание меморандума КСХС, заточенная в “Мадридском замке” болгарская делегация направила 23 августа мирной конференции ноту, в которой оспаривала аргументы своего восточного соседа¹⁴⁶. Когда же проект договора был вручен и его содержание стало известно населению отторгаемых территорий, там все пришло в движение. 23 сентября в Цариброде и Босилеграде спонтанно произошли душераздирающие траурные демонстрации, подписывались письма в адрес председателя мирной конференции Клемансо. В последующие дни организовывались многотысячные митинги, начавшаяся паника вызвала поток беженцев в глубь болгар-

ской территории. Особые надежды возлагались лично на Теодорова, который был депутатом Народного собрания от Цариброда (а народняки пользовались здесь наибольшим влиянием), заявившего, что “правительство сделает все возможное, чтобы сохранить этот болгарский край для Болгарии”¹⁴⁷.

Однако данным надеждам не суждено было сбыться. Официальный ответ болгарской делегации от 24 октября с возражениями по поводу проекта договора просил конференцию положить в основу разграничения не произвольно толкуемые стратегические мотивы, а только этнические, поскольку сами победители делали акцент на них при получении территорий. Но для миротворцев вопрос о договоре с Болгарией был решен еще 19 сентября при вручении проекта, и теперь им надо было лишь исполнить неприятную обязанность соблюдения процедуры. Конференция в лице Клемансо осталась непреклонной¹⁴⁸.

Французский премьер в своем миротворчестве исходил из других соображений, что нагляднее всего проявилось в его отношении к добруджанскому вопросу. Захват власти в России большевиками с их доктриной “мировой революции”, установление советской власти в Венгрии и “заслуги” румын в борьбе с нею повлияли на отношение Клемансо к румынским притязаниям на Южную Добруджу – их волей-неволей надо было удовлетворять.

Через парижскую прессу румыны запугивали “большую тройку” возможным перемещением большевистской опасности из Будапешта в Софию. Так, 28 июля 1919 г. влиятельная газета “Фигаро” сообщила об усилении антиантантовской агитации в Болгарии. По ее словам, “большевистские агенты, направленные венгерским большевистским правительством Белы Куна, объезжают Болгарию вдоль и поперек и призывают политические организации, особенно социалистические группы, выступить совместно с венгерскими большевиками против держав Антанты. Нет сомнения, что эти движения тайно подстрекаются софийским правительством”¹⁴⁹. Как бы ни были несерьезны сообщения такого рода, они срабатывали. Под влиянием венгерских событий Франше д’Эспере еще 22 мая 1919 г. высказался за разоружение Болгарии. Успех болгарских коммунистов на парламентских выборах в августе дал румынам дополнительный аргумент¹⁵⁰.

Из всей “большой тройки” Клемансо был настроен наиболее антисоветски. Он видел в Румынии ключевое звено “санитарного кордона” против большевиков¹⁵¹. Еще перед самым началом мирной конференции под давлением прорумынского лобби, состоящего из университетских профессоров и военных, французский премьер твердо усвоил и неоднократно в ходе конференции озвучивал тезис: поверженный враг не может претендовать даже на клочок территории, которая до войны принадлежала стране-союзнику, какими бы убедительными ни были основания для подобных притязаний¹⁵². Ни-

какие доводы исторического, этнического и экономического характера, изложенные болгарской делегацией в оправдание прав Болгарии на Южную Добруджу, не были услышаны победителями. Клемансо безапелляционно утверждал, что добруджанский вопрос уже решен Бухарестским договором 1913 г. Несмотря на сложные личные отношения с румынским премьер-министром И. Брэтиану, он чрезвычайно решительно поддерживал на конференции румынскую позицию.

Ллойд Джордж сравнивал своего румынского коллегу с “разбойником, выжидающим удобного случая, чтобы стащить территорию”. Тем не менее, по словам Никольсона, «почти всеобщая антипатия, которую он (т.е. Брэтиану. – *Авт.*) вызывал, не помешала конференции посчитаться с претензиями страны, которую представлял Брэтиану. Румыния получила “все и даже больше, чем все”. Она добилась этого отнюдь не из-за персональных симпатий»¹⁵³.

Такому исходу не помешала даже позиция, занятая делегациями США и Италии. План Вильсона предусматривал передачу Южной Добруджи Болгарии. Американские делегаты неоднократно заявляли, что оставление Южной Добруджи в границах Румынии создаст новую проблему, аналогичную франко-германскому спору из-за Эльзаса и Лотарингии¹⁵⁴. Но под натиском французов, которые максимально оттягивали обсуждение этнических аспектов этого вопроса, американская дипломатия, более всего делавшая упор на определение границ по этническому принципу, постепенно сдавала свои позиции.

Что же касается Италии, то она стремилась в противостоянии с КСХС иметь на своей стороне как Болгарию, так и Румынию. Поэтому итальянская дипломатия была склонна поддержать Софию в вопросах, спорных между нею и Белградом, но не по другим проблемам. И хотя в ходе дебатов по добруджанскому вопросу позиция Италии иногда приближалась к американской точке зрения, она все же никогда не заходила так далеко, чтобы настроить против себя “латинскую сестру” – Румынию, союзоспособность которой была для Рима довольно высока. На практике такая позиция итальянцев стала дополнительным фактором, который позволил Клемансо сыграть определяющую роль в окончательном решении добруджанского вопроса¹⁵⁵. Не случайно сын Брэтиану, известный историк Г. Брэтиану, позже написал, что скорее всего Румыния обязана Клемансо удержанием Южной Добруджи¹⁵⁶. В результате мирный договор оставил болгаро-румынскую границу без изменений.

Вопреки сомнительному тезису, будто Болгария могла бы легче защитить свои предвоенные границы, чем Южную Добруджу, отнятую у нее еще в 1913 г., болгарская дипломатия отстаивала территории во Фракии и в Добрудже с одинаковым упорством. Решение спора с Грецией за Западную Фракию шло более ступенчато, но в том

же неблагоприятном для болгар направлении. О притязаниях на нее глава греческого правительства Венизелос заявил впервые еще в начале ноября 1918 г. Правда, тогда расширение греческих границ во Фракии он выставлял лишь как возможную, но маловероятную альтернативу территориальным приобретениям в западной части Малой Азии¹⁵⁷. Это был осторожный зондаж. На проходившей в те дни межсоюзнической конференции в Париже ни одна из великих держав Антанты и США не поддержали безоговорочно малоазиатские амбиции греков¹⁵⁸, что побудило Венизелоса, непревзойденного мастера дипломатической тактики, действовать по принципу: входи в ту дверь, которую легче открыть.

30 декабря 1918 г. греческий премьер представил главам великих держав Антанты и США меморандум “Греция на мирной конференции”. В нем акценты были уже расставлены иначе. Территориальные претензии Греции излагались по мере их приоритетности, а сама эта значимость определялась силой ожидаемого противодействия великих держав: чем большее сопротивление ожидалось, тем дальше стояло соответствующее требование. В отличие от болгар, которые еще наивно верили в установление межбалканских границ по этническому принципу на основе “14 пунктов” Вильсона с учетом провозглашаемого повсеместно права наций на самоопределение (и это было их стратегической установкой), греческая делегация в Версале строила свою дипломатическую стратегию на принципе жесткого прагматизма, а не на стремлении добиться наиболее полного национального объединения. Вопрос об этническом облике той или иной территории был для Венизелоса всего лишь тактическим аргументом, а не частью общей стратегии. Только этим можно объяснить тот факт, что в упомянутом меморандуме в перечне территориальных претензий Греции Фракия (Восточная и Западная) стояла на втором месте после Южной Албании, но перед западной частью Малоазиатского побережья, островами Эгейского моря, Стамбулом и при полном умолчании в отношении Кипра¹⁵⁹.

В ходе самой конференции греческая тактика во фракийском вопросе была осторожной и последовательно наступательной. Венизелос, понимая, что сразу добиться присоединения Западной Фракии чрезвычайно сложно, решил действовать поэтапно. Для начала надо было отрезать ее от Болгарии. Такой подход разительно отличался от позиции болгар по фракийскому (и более широко – болгарскому национальному) вопросу. Несмотря на то что после 1918 г. в международном и внутреннем положении Болгарии произошли серьезные перемены, ее внешняя политика в 1919 г. продолжала развиваться на основах, заложенных еще в XIX в., после освобождения. Решение в территориальном отношении национального вопроса в большинстве случаев по-прежнему воспринималось как единовременное присоединение всех земель, населенных болгарскими. При таком максималистски целостном решении вопроса даже теоретиче-

ски не существовало никакой программы-минимум, не предусматривалось никакой последовательности или постепенности¹⁶⁰.

В силу объективных обстоятельств в споре из-за Западной Фракии болгарская сторона занимала оборонительную позицию. Она пыталась охарактеризовать греческие претензии как этнически не обоснованные. В меморандуме на имя Клемансо от 29 мая и в речи 19 сентября 1919 г. Теодоров ссылался на право самоопределения народов и надеялся добиться хотя бы проведения плебисцитов в спорных областях. “Законные границы Болгарии, – говорил он, – установлены наиболее прочным образом историей, этнографией и международными актами. Но коль скоро они оспариваются, пусть соответствующие части населения будут призваны сами высказаться о своем будущем. Мы склонимся перед их вотумом без упреков и без огорчения”¹⁶¹. Это была та соломинка, ухватившись за которую болгары стремились удержать хоть что-то из спорных территорий.

Но именно плебисцитов как огня боялся Венизелос, хотя и убеждал делегатов конференции в численном превосходстве греческого этнического элемента над мусульманским (заметим, не турецким, а мусульманским!) и болгарским во всей Фракии и особенно на территории к западу от нижнего течения Марицы. На заседании Верховного совета конференции 29 июля он даже утверждал, будто греков в Западной Фракии насчитывается в пять раз больше, чем болгар¹⁶². Единственным результатом этой заочной “статистической войны” явилось приложение в последний момент к мирному договору болгаро-греческой конвенции о добровольном обмене населением. Она стала первым международным соглашением, в котором Греция признавала наличие болгар в своих пределах. До 1919 г. афинские дипломаты говорили только о болгароговорящих эллинах. Тем не менее, успешно противодействуя сербским и болгарским устремлениям на покровительство славянскому меньшинству в Греции, сталкивая друг с другом интересы своих северных соседей, Венизелос сам предложил подписать такую конвенцию¹⁶³.

Сущность ее заключалась в праве болгарского населения при желании переселиться в Болгарию и наоборот – греческого из Болгарии в Грецию. Предполагалось, что переселение будет добровольным, но полным, с ликвидацией всего того, что могло связывать население с родными местами, в первую очередь недвижимости. Переселенцы, переезжающие на новую территорию, автоматически получали новое подданство. Соответствующее правительство должно было компенсировать оставленное ими личное или общинное имущество¹⁶⁴. Греция была заинтересована в этой конвенции, дабы ослабить болгарский этнический элемент на присоединенных территориях. Только выселив болгар из Западной Фракии, можно было надеяться на ее включение в будущем в пределы Греческого королевства. Из-за противодействия членов американской делегации в Версале Венизелос лишь отложил реализацию этой идеи до лучших

времен, но не оставил ее. Пока же ему пришлось довольствоваться только частью Пашмаклийского (Смолянского) округа площадью 253 кв. км в верхнем течении реки Месты (Нестос).

Другим препятствием, которое затрудняло реализацию плана Венизелоса, стало вполне справедливое и выраженное официально убеждение американских и итальянских делегатов¹⁶⁵, а также неафишируемое мнение британских экспертов¹⁶⁶, что передача грекам Западной Фракии лишит Болгарию выхода к Эгейскому морю и чревата для нее негативными экономическими последствиями¹⁶⁷. Но итальянский голос на конференции был слаб. Позиции же недостаточно искушенной в балканских делах американской дипломатии ослаблялись ее стремлением добиться компромисса с партнерами по вопросу о так называемом “Константинопольском государстве”¹⁶⁸, а также нежеланием сената США ратифицировать уже подписанный Вильсоном Версальский договор с Германией. В то же время французы и особенно англичане последовательно поддерживали греческого премьера¹⁶⁹, который, желая минимизировать сопротивление своему плану, запугивал Антанту тем, что болгары могут соорудить в Порто-Лаго базу для подводных лодок. В том же случае, если Западная Фракия будет отрезана от Болгарии, он обещал предоставить ей экономический выход к Эгейскому морю через Дедеагач, Кавалу или Салоники¹⁷⁰.

Как показал дальнейший ход событий, эти обещания остались пустым звуком. В соответствии со ст. 48 Нейского договора Болгария отказывалась от всех своих прав и правооснований на территории Фракии в пользу победителей и заранее обязалась признать все их будущие постановления относительно нее. Здесь же говорилось: “Главные Союзные и Объединившиеся Державы обязуются к тому, чтобы свобода экономического выхода Болгарии к Эгейскому морю была гарантирована. Условия этой гарантии будут установлены впоследствии”¹⁷¹. Это “впоследствии” так и не наступило...

Победители спешили. По приказу Франше д’Эспере оккупация Западной Фракии прошла с 15 по 22 октября 1919 г., т.е. еще до подписания мирного договора, что само по себе являлось нарушением международного права¹⁷². Но побежденная Болгария вынуждена была подчиниться диктату Антанты. Тот факт, что большую часть области заняли британские, французские и итальянские войска (только в Ксанти вошли части греческой армии) и на местах пока еще сохранялась болгарская гражданская администрация, не мог обмануть никого – добруджанский пример был налицо. На следующий день после подписания Нейского договора афинская газета “Патрас” откровенно писала, что присоединение Фракии к Греции это вопрос дней¹⁷³. Именно такое решение и принял Верховный совет Антанты в апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо, где представитель США присутствовал лишь в качестве наблюдателя¹⁷⁴.

Непосредственно после Нейи в Болгарии довольно расхожей стала точка зрения, что своим четвертованием страна “обязана” в значительной мере дипломатической ловкости руководителей соседних балканских государств. На деле все обстояло гораздо сложнее. Так, окончательное решение на конференции македонского вопроса в пользу Греции и КСХС объяснялось не только и не столько обаянием Венизелоса или твердостью Пашича, сколько общими военными итогами, реальным раскладом политических сил в Европе к тому времени. Первой скрипкой на конференции были французы, которые стремились к установлению собственной гегемонии на континенте, включая его юго-восточную часть. Именно благодаря безоговорочной поддержке французской дипломатии Белграду удалось провалить итальянский проект автономии Вардарской Македонии в рамках КСХС и британское предложение о направлении туда комиссаров только что созданной Лиги наций¹⁷⁵.

Верховному совету конференции лишь удалось буквально в ультимативной форме заставить Пашича подписать 5 декабря 1919 г. договор о правах национальных меньшинств в КСХС. Хотя юрисдикция этого договора распространялась и на Вардарскую Македонию, впоследствии в мемуарах Ллойд Джордж привел притеснения белградским правительством ее коренного населения в качестве “наиболее трагического примера нарушения договора 1919 года о национальных меньшинствах”¹⁷⁶.

Нейский договор наложил на Болгарию обязательства в течение 37 лет выплатить в качестве репараций 2 млрд 250 млн золотых франков, плюс 5% годовых (почти 1/4 ее довоенного национального дохода), а также поставить Греции, Румынии и КСХС значительное количество скота, каменного угля и пр. Болгарии запрещалось иметь регулярную армию, которая теперь заменялась добровольческой и вместе с жандармерией и пограничной службой не должна была превышать 33 тыс. человек.

Могла ли болгарская делегация в Версале хоть в малой степени смягчить условия столь сурового “приговора”? Многие современники (в частности, генералы Н. Жеков и И. Луков, лидер одной из фракций в стамболовистской партии Д. Петков, писатель С. Михайловский и др.) полагали, что самоуничтожительная тактика, которую избрали в Версале Теодоров и Стамболийский, только ухудшила дело. Жеков, например, с горечью писал: “...мы сами попрали достоинство своего народа и не только не облегчили свое положение, а напротив упали в глазах всех до того, что нас сочли заслужившими свою участь. Так унижительно не вел себя никакой другой побежденный народ”¹⁷⁷.

Действительно, общий тон речи Теодорова в Версале 19 сентября 1919 г., в которой он робко протестовал против предложенного победителями проекта мирного договора, отличало покаяние. Сам глава делегации был неузнаваем. Болгарский “Тигр”, неоднократно громовыми речами вызывавший бурю в парламенте¹⁷⁸, рядом с

французским “Тигром” Клемансо выглядел жалким котенком. Однако история реабилитировала шефа народняков. Большинство современных болгарских историков сходятся во мнении, что альтернативы у Теодорова просто не имелось¹⁷⁹.

Безрезультатными были и попытки “разжалобить” миротворцев, осудив министров кабинета “либеральной концентрации”. Болгария оказалась единственной из побежденных стран, где виновников поражения предали суду. Арест 4 ноября членов правительства Радославова и принятие Народным собранием закона о суде над ними 22 ноября 1919 г., т.е. за считанные дни до подписания мирного договора, стали проявлением последней отчаянной надежды на возможность “подправить” его¹⁸⁰. Как видим, драматизм ситуации на порядок превысил пределы, допустимые для каждой побежденной в войне страны.

Конференция отвергла подавляющее большинство возражений болгарской делегации, хотя для проформы и признала их значимость устами Клемансо. Теперь Болгария обязана была подписать мир-диктат. Как показали дебаты в Народном собрании в ноябре 1919 г., политические деятели всех мастей были едины в осознании необходимости подписания этого документа. Но никто не хотел взвалить на себя малоприятную обязанность. Теодоров категорически отказался поставить свою подпись под договором, мотивируя это тем, что с 6 октября более не является главой кабинета. Тогда все взоры устремились на его преемника Стамболийского, рукой которого 27 ноября в Нейи-сюр-Сен расписалась вся Болгария. Альтернативой могло стать лишь продолжение войны, а ее тогда никто в стране не желал.

Позднее крестьянский лидер вспоминал об этих горьких минутах: «Какая-то болезненная струя прошла через мою душу потому, что я ставлю свою подпись под результатами чужой политики, против которой я боролся и из-за которой страдал. Я сказал себе в тот момент: “Какие превратности судьба может преподнести человеку! Разве я когда-нибудь думал, что останусь живым, что выйду из тюрьмы и собственноручно именно я, наиболее непримиримый противник политики Фердинанда и Радославова, буду пожинать ее плоды!” Но в тот же самый момент какой-то светлый луч озарил мою душу и сделал так, что я с полным спокойствием и твердостью поставил свою подпись под страшным договором о мире. Этот светлый луч возник из моей глубокой веры в торжество правды и справедливости!»¹⁸¹

Подписав мирный договор в здании нейиской мэрии в обстановке гнетущего молчания, Стамболийский в знак протеста демонстративно отбросил перо в сторону¹⁸². Впоследствии среди его сторонников родилась красивая легенда, будто премьер не отбросил, а сломал золотое перо. Но сбросить, а тем более сломать оковы Нейиского мира Болгарии и ее правительству во главе с лидером БЗНС оказалось гораздо труднее...

¹ Стенографски дневници на XVIII Обикновено народно събрание (дале – СД на ОНС). I извънредна сесия (дале – и.с.). София, 1919. Кн. 1. С. 3–30.

² Текст соглашения о перемирии см.: *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България. 1878–1925. София, 1925. Т. 1. С. 80–81.

³ См., например: Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. IV. С. 47; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 160; *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923. С. 253; *Rosetti R.* Mărturisiri (1914–1919). București, 1997. P. 260.

⁴ См.: *The New Encyclopaedia Britannica.* Chicago, 1988. Vol. 15. P. 361; Chicago, 1988. Vol. 21. P. 750; *Enciklopedija Jugoslavije.* Zagreb, 1956. Т. 2. S. 279; Zagreb, 1968. Т. 7. S. 431; *Kirițescu C.* Istoria războiului pentru întregirea României (1916–1919). București, 1989. Vol. II. P. 361, 364, 369; *Torrey G.* Romania and World War I. Iasi; Oxford; Portland, 1998. P. 346; *První světová válka.* Praha, 1968. S. 234; *Андонов-Полжански Х.* Велика Британија и македонското прашање на Париската мировна конференција во 1919 година. Скопје, 1973. С. 17; *Опачић П.* Србија и Солунски фронт. Београд, 1984. С. 288; *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. М., 1928. С. 410; *Краткая история Болгарии.* М., 1987. С. 319; *Вознесенский В.Д.* Кобурги в Болгарии // *Новая и новейшая история.* 1992. № 3. С. 121; *За балканскими фронтами первой мировой войны.* М., 2002. С. 364; *Первая мировая война: Исторический очерк.* М., 2002. С. 595.

⁵ *Казасов Д.* Бурни години. 1918–1944. София, 1949. С. 20; Абдикацията на цар Фердинанд: Документи, спомени, факти. София, 1993. С. 22.

⁶ Цит. по: *Василев В.* Към 80-годишнината на Ньойския диктат // МП. 1999. № 4. С. 44.

⁷ *Бирман М.А.* Революционна ситуация в Болгарии в 1918–1919 гг. М., 1957. С. 139.

⁸ *Генов П.* Земята беше твоят жребий. Книга за Стамболийски. София, 1989. С. 175–176. См. также: *Муравиев К.* Договорът за мир в Ньой. София, 1992. С. 46–47.

⁹ *Груев С.* Корона от тръни. София, 1991. С. 80.

¹⁰ *Малинов А.* Под знака на острастени и опасни политически борби. София, 1991. С. 30; *Генов П.* Указ. соч. С. 176. См. также: *Lory B.* La percée du front de Macédoine et l'insurrection militaire bulgare: synchronisme et influences // *La France et les Balkans...* P., 1985. P. 20–21.

¹¹ *Стамболийски Ал.* Двете ми срещи с цар Фердинанд. София, 1989. С. 17–18; *Петрова С.* Моите спомени. София, 1991. С. 266.

¹² *Тодоров К.* Политичка историја савремене Бугарске. Београд, 1938. С. 301.

¹³ *Петкова Е.* Войншкото вџстание от 1918 г. и позицията на Англия по българското предложение за примирие // ИП. 1989. № 7. С. 64.

¹⁴ *История на България.* София, 1999. Т. 8. С. 320.

¹⁵ *Недев Н.* България в световната война (1915–1918). София, 2001. С. 153.

¹⁶ *Митев Д.* Съгласенските държави и Солунското примирие през 1918 г. // ИП. 1988. № 2. С. 11–12.

¹⁷ *Генов П.* Райко Даскалов: История на един кратък, но с бурни изпълнен живот. София, 1978. С. 171.

¹⁸ *Христов Х.* България, Балканите и мирът 1919 г. София, 1984. С. 89–90. См. также: *Димитров И.* „...История има и става народ!“. София, 1995. С. 148.

¹⁹ *Христов Х.* Указ. соч. С. 90–91.

²⁰ *Кьорчев Д.* Време на надежди и катастрофи (1905–1919). София, 1994. С. 51.

²¹ *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 году. М., 1945. С. 47.

²² *Берти Ф.* За кулисами Антанты. М.; Л., 1927. С. 185.

²³ *Йонов М.* Солунското примирие 1918 година – военни аспекти и последиствия за българската армия // *Военноисторически сборник.* 1992. № 2–3. С. 35–48.

²⁴ См., например: *Анчев С.* Родината ми в НАТО? България ... ти си чужда страна! София, 2002. С. 22 [Нов поглед за Солунското примирие и събитията около него].

²⁵ *Пешев П.* Историческите събития и деятели: От навечернето на Освобождението ни до днес. С бележки за живота ми. Чуго, видяно, преживяно. София, 1993. С. 608.

²⁶ *Груев С.* Указ. соч. София, 1991. С. 86.

²⁷ *Бирман М.А.* Указ. соч. С. 146.

²⁸ *Държавен вестник.* 1918. 8 окт.

²⁹ Там же. 1918. 30 окт.

³⁰ СД на XVII ОНС. IV и.с. София, 1931. С. 16.

³¹ Там же. С. 118, 119.

³² Там же. С. 119.

³³ *Държавен вестник.* 1918. 8 окт.

³⁴ Подробно об этом см. ниже в разделе “Горе побежденным!”

³⁵ СД на XVII ОНС. IV и.с. С. 233.

³⁶ Там же.

³⁷ *Държавен вестник.* 1918. 20 ноем.

³⁸ Там же. 1919. 4 ян.

³⁹ См.: *Георгиев В.* “Съгласнофилските” буржоазни партии в България 1918–1920 гг. // *Годишник на Софийския университет “Климент Охридски”:* Исторически факултет. София, 1982. Т. 74. С. 228.

⁴⁰ Там же. С. 225, 243.

⁴¹ *Земеделско знаме.* 1919. 25 ян.

⁴² Там же. 1919. 16 ян.

⁴³ Там же. 1919. 25 ян.

⁴⁴ СД на XVII ОНС. IV и.с. С. 682–686, 1114.

⁴⁵ *Драгиев Д.* Една политическа изповед. София, 1919. С. 94–96.

⁴⁶ *Народ.* 1919. 3 ян.

⁴⁷ Там же. 1919. 13 ян.

⁴⁸ *Радикал.* 1919. 27 ян.; 28 ян.; 6 февр.; 27 февр. и др.

⁴⁹ Там же. 1919. 28 ян.

⁵⁰ ЦДА. Ф. 300. Оп. 1. А.е. 5. Л. 2, 2 об.

⁵¹ Там же. А.е. 17. Л. 47, 47об.

⁵² Речь идет о газете – центральном органе БРСДП(т.с.).

⁵³ *Пряпорец.* 1919. 8 март.

⁵⁴ Там же. 1919. 6 март.; 8 март.

⁵⁵ Там же. 1919. 6 март.

⁵⁶ См.: *Народ.* 1919. 3 ян.; *Пряпорец.* 1919. 3 ян.

- 57 *Радикал*. 1919. 29 ян.
- 58 Там же. 1919. 31 ян.
- 59 *Народ*. 1919. 25 ян.
- 60 *Земеделско знаме*. 1919. 15 февр.
- 61 Там же.
- 62 Там же. 1919. 14 ян.
- 63 Там же. 1919. 29 ян.
- 64 Там же.
- 65 ЦДА. Ф. 300. Оп. 1. А.е. 17. Л. 48.
- 66 *Пряпорец*. 1919. 12 март.
- 67 Там же. 1919. 13 март.
- 68 Там же. 1919. 24 март.
- 69 Там же. 1919. 22 март.
- 70 *Земеделско знаме*. 1919. 28 март.
- 71 Разумеется, речь шла лишь о представленных в правительстве “левых” партиях.
- 72 *Земеделско знаме*. 1919. 28 март.
- 73 Там же.
- 74 *Стамболийски А.* Принципите на Българския земеделски народен съюз // Избрани произведения. София, 1919. С. 218, 219.
- 75 *Земеделско знаме*. 1919. 28 март.
- 76 ЦДА. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 54. Л. 11.
- 77 Там же. Л. 16; Ф. 11. Оп. 1. А.е. 69. Л. 2.
- 78 Там же. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 54. Л. 17; Ф. 11. Оп. 1. А.е. 69. Л. 2.
- 79 *Стефанов Х.* Българската радикална партия. 1906–1949. София, 1984. С. 169.
- 80 *Влайков Т.* Днешният политически момент и Радикалната партия: Речь, произнесена при откриване извънредния радикалски конгрес на 29 май 1919 г. София, 1919. С. 55.
- 81 НА БАН. Сб. IV. А.е. 145. Л. 75, 76.
- 82 Там же. Л. 77.
- 83 Цит по: *Мир*. 1919. 30 апр.
- 84 Там же. 1919. 3 май.
- 85 *Държавен вестник*. 1919. 8 май.
- 86 Полный текст программы см.: *Георгиев В.* “Съгласнофилските” буржоазни партии... С. 252.
- 87 Там же. С. 256.
- 88 *Пряпорец*. 1919. 8 май.
- 89 Там же. 1919. 22 май.
- 90 *Земеделско знаме*. 1919. 23 май.: 1 юни.
- 91 Там же. 1919. 1 юни.
- 92 Там же. 1919. 8 юни.
- 93 Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. София, 1957. Т. II. С. 9, 13–18, 20.
- 94 История на Българската комунистическа партия. София, 1981. С. 191.
- 95 *Радикал*. 1919. 16 юли.
- 96 *Пряпорец*. 1919. 22 май.
- 97 *България*. 1919. 16 авг.

- 98 ЦДА. Ф. 205. Оп. 2. А.е. 48. Л. 1, 10б.
- 99 История на БКП. С. 195.
- 100 ЦДА. Ф. 11. Оп. 1. А.е. 750. Л. 6.
- 101 *Земеделско знаме*. 1919. 7 юли.
- 102 ЦДА. Ф. 255. Оп. 1. А.е. 8. Л. 1.
- 103 О результатах выборов см. подробнее: СД на XVIII ОНС. I редовна сесия (далее – р.с.). София, 1920. Кн. 2. С. 1349–1353; Статистически годишник на Българското Царство. Години V–XIV (1913–1922). София, 1924. Раздел XIII. С. 59.
- 104 ЦДА. Ф. 205. Оп. 2. А.е. 51 Л. 1.
- 105 СД на XVIII ОНС. I и.с. София, 1919. Кн. I. С. 6.
- 106 Речь идет о пунктах программы, включавших в себя требования смягчения остроты жилищного кризиса, обеспечения трудовой земельной собственности и конфискации незаконно нажитого богатства. См.: СД на XVIII ОНС. I и.с. Кн. I. С. 7.
- 107 ЦДА. Ф. 205. Оп. 2. А.е. 53. Л. 1.
- 108 М.А. Бирман приводит данные о том, что в 1919 г. в стачечном движении в Болгарии принимало участие в два раза большее число рабочих, чем за десять предвоенных лет (1904–1914). См.: *Бирман М.А.* Указ, соч. С. 379.
- 109 См. подробнее: *Георгиев В.* Буржоазията и транспортната стачка. 1919–1920 // Известия на Института по история на БКП. София, 1979. Т. 41. С. 67–88.
- 110 *Тодоров К.* Изповедта на една луда балканска глава. София, 1994. С. 150–151.
- 111 *Кьорчев Д.* Указ. соч. С. 57. См. также: *Василев Г.* Бележки на деня. София, 1991. С. 185–186.
- 112 *Marghiloman A.* Note politice. București, 1995. Vol. III. P. 185–203; *Duca I.G.* Memorii. București, 1994. Vol. IV. P. 166; *Vopicka Ch.* Secrets of the Balkans. Chicago, 1921. P. 240–241; *Kirijescu C.* Op. cit. Vol. II. P. 366; *Torrey G.* Op. cit. P. 346–347.
- 113 Извори за историята на Добруджа 1878–1919. София, 1992. Т. I. С. 417; *Анчев С.* Добруджанският въпрос в политическия живот на България 1918–1923 г. Велико Търново, 1994. С. 24; *Bornemann E.* Der Frieden von Bukarest 1918. Frankfurt/M., 1978. S. 37.
- 114 *Rosetti R.* Op. cit. P. 271; *Vopicka Ch.* Op. cit. P. 269; *Bochelier F.* La Dobroudja entre Bulgarie et Roumanie (1913–1919): regards français // La France, l'Europe et les Balkans: crises historiques et temoignages litteraires. Sofia; Arras, 2002. P. 71.
- 115 *Foch F.* Memoires. P., 1931. Vol. II. P. 311; Дипломатический словарь. М., 1985. Т. II. С. 67.
- 116 *Rosetti R.* Op. cit. P. 271–276.
- 117 См. подробнее: *Calafeteanu I.* Recunoasterea statului de aliat al României de către Marile Puteri în ajunul Conferinței de Pace de la Paris // Revista arhivelor. 1978, N 3. P. 277–287.
- 118 *Кузманова А.* Добруджанският въпрос на Парижката мирна конференция // ИП. 1983. № 6. С. 22.
- 119 *Rosetti R.* Op. cit. P. 281–282.
- 120 Извори за историята на Добруджа... С. 420; *Малинов А.* Указ. соч. С. 79–80; *Куманов М.* Александър Малинов – познатият и непознатият. Со-

фия, 1993. С. 87; *Василев Г.* Указ. соч. С. 183–184; *Оп же.* Един вдъхновен българин. София, 1994. С. 152. Обяснява причини отставки кабинета, Мушанов с достоинством заявил: «Для нас договори не являются “ключками бумаги”».

¹²¹ Извори за историята на Добруджа... С. 423.

¹²² *Мушанов Н.* Спомени: Дневник. София, 1992. С. 21; *Rosetti R.* Op. cit. P. 287–288; *Vopicka Ch.* Op. cit. P. 291, 293, 295; *Torrey G.* Op. cit. P. 354–355; *General Henri Berthelot and Romania, 1916–1919: Mémoires et Correspondance / Ed. G. Torrey. N.Y., 1987. P. XXXV, 191; Bocholier F.* Op. cit. P. 72–73.

¹²³ Извори за историята на Добруджа... С. 421–422.

¹²⁴ *Пантев А., Петков П.* САЩ и България по време на Първата световна война. София, 1983. С. 97–99, 123; *Христов Х.* Указ. соч. С. 105; *Василев В.* Указ. соч. С. 50.

¹²⁵ *Божинов В.* Об отношениях между Болгарией и Соединенными Штатами Америки (1918–1923) // *Études historiques.* Sofia, 1975. T. VII. P. 411–412.

¹²⁶ *Todorović D.* Jugoslavija i balkanske države 1918–1923. Beograd, 1979. S. 19.

¹²⁷ *Димитрова С.* Сърбия и другите на Парижката мирна конференция (1919–1920 г.) // Балканистичен форум. 1994. № 3. С. 118–119.

¹²⁸ Цит. по: *Василев В.* Два документа за сръбската политика във Вардарска Македония след Първата световна война // МП. 1993. № 1. С. 153–155.

¹²⁹ *Попов Ж.* Народнолибералната (стамболовистката) партия в България. 1903–1920. София, 1986. С. 188.

¹³⁰ См. по-подробнее: *Петрова П.* Югославият проблем в края на Първата световна война и българската общественост // България, Балканите и Европа: Сб. в чест на проф. д-р С. Дамянов. Велико Търново, 1992. С. 268–271.

¹³¹ Чехословашки извори за българската история. София, 1985. Т. I. С. 17.

¹³² Там же. С. 19–26; *Христов Х.* Указ. соч. С. 57, 67–68.

¹³³ *Георгиев В.* “Съгласнофилските” буржоазни партии... С. 232, 237, 286; *Стефанов Х.* Българската радикална партия 1906–1949. София, 1984. С. 177; *Велев А.* Болгарский земледельческий народный союз и идея балканской федерации (1908–1919) // *Études historiques.* София, 1973. T. VI. С. 313.

¹³⁴ *Бекер С.* Вудро Вилсън. Мировая война. Версальский мир. М.; Пг., 1923. С. 199–200.

¹³⁵ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II, С. 372; *Никольсон Г.* Указ. соч. С. 47; *Христов Х.* Указ. соч. С. 303; *Василев В.* Македонският въпрос пред конференцията за мира през 1919 г. // ИП. 1988. № 7. С. 23.

¹³⁶ См. по-подробнее: *Kitsikis D.* Propagande et pression en politique internationale. La Grèce et ses revendications à la Conférence de la Paix (1919–1920). P., 1963; *Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj Konferenciji u Parizu 1919–1920 / Prired. V. Krizman, V. Hrabak.* Beograd, 1960. S. 65, 112–114, 157, 162, 335; *Муравиев К.* Указ. соч. С. 85–86, 93–94, 106–112; *Кузманов М.* Документи към историята на Парижката мирна конференция 1919 г. // Международни отношения. 1974. № 2. С. 143; *Топалов В.* Едно пи-

смо на Джеймс Дейвид Баучър до Иван Евстатиев Гешов // Известия на Института за история. София, 1990. Т. 30. С. 234–235; *Генов Г.* Ньойският договор и България. София, 2000. С. 36–37; *Илчев И.* Родината ми – права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни (1821–1923). София, 1996. С. 337–338, 439; *Petsalis-Diomidis N.* Greece at the Paris Peace Conference (1919). Thessaloniki, 1978. P. 256–290.

¹³⁷ *Данев С.* Очерк на дипломатическата история на балканските държави. София, 1922. С. 114.

¹³⁸ Дневникът на Михаил Сарафов за сключването на мирния договор в Ньой през 1919 г. // Известия на Института за българска история. София, 1951. Т. 3/4. С. 325, 327, 329, 333, 339, 345.

¹³⁹ Цит. по: *Василев В.* Към 80-годишнината... С. 61.

¹⁴⁰ *Генов Г.* Указ. соч. С. 38. См. также: Дневникът на Михаил Сарафов... С. 328, 341, 343–344; *Муравиев К.* Указ. соч. С. 77, 95–96; *Тодоров К.* Изповедта... С. 164–165.

¹⁴¹ История дипломатии. М., 1945. Т. III. С. 22.

¹⁴² *Никольсон Г.* Указ. соч. С. 111.

¹⁴³ *Zapisnici sa sednica...* S. 53, 312–316; *Христов Х.* Указ. соч. С. 244–246.

¹⁴⁴ *Мичева З.* Проблемът за западната граница на България и българо-югославските отношения (1919–1929) // България 1300: Институции и държавна традиция. София, 1983. Т. 3. С. 270–271; *Lederer I.* Yugoslavia at the Paris Peace Conference. New Haven; L., 1963. P. 178–181. Тем не менее Х. Христов квалифицира поведението американцев в вопросе о болгаро-югославской границе как пилатовское (см.: *Христов Х.* Указ. соч. С. 251.)

¹⁴⁵ Мир в Нейи. М., 1926. С. 14–16.

¹⁴⁶ *Генов Г.* Указ. соч. С. 29–30.

¹⁴⁷ *Манчев К., Гудева М.* Западните покрайнини в българо-югославските отношения (1919–1920 г.) // ИП. 1990. № 7. С. 4–7.

¹⁴⁸ *Генов Г.* Указ. соч. С. 30–31; *Христов Х.* Указ. соч. С. 325–331.

¹⁴⁹ Цит. по: *Генов Г.* Указ. соч. С. 24.

¹⁵⁰ 1918 la români: Desăvârșirea unității național-statale a poporului român. Documente externe. 1919. București, 1985. Vol. III. P. 372; *Анчев С.* Добруджанският въпрос... С. 65.

¹⁵¹ *Виноградов В.Н.* К оценке дипломатии Ионела Брэтиану // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 94–98; За балканскими фронтами... С. 388–399.

¹⁵² *Димитрова С.* “Възстановяване... Репарации... Гаранции...”: Франция и славянските балкански държави (септември 1918 – януари 1920). Благоевград, 1998. С. 253; *Анчев С.* Добруджанският въпрос... С. 51; *Bocholier F.* Op. cit. P. 73.

¹⁵³ *Mantoux P.* Les Délibérations du Conseil des quatre, P., 1955. Vol. 2. P. 349–352; *Никольсон Г.* Указ. соч. С. 119. См. также: За балканскими фронтами... С. 391; *Iordache A.* Ion I.C. Brătianu la Conferința Pacii de la Paris din 1919 // *Revista istorică.* 1993. N 4. P. 822–828.

¹⁵⁴ *Генов Г.* Указ. соч. С. 19–20; *Пантев А.* Проекти на САЩ за определяне на границите на България през 1918–1919 г. // ИП. 1981. № 1. С. 38, 41.

¹⁵⁵ Извори за историята на Добруджа... С. 462–463; *Кузманова А.* Указ. соч. С. 24; *Христов Х.* Указ. соч. С. 282; *Анчев С.* Добруджанският въпрос... С. 75.

- ¹⁵⁶ Brătianu G. Acțiunea politică și militară a României în 1919 în lumina core-spondenței diplomatice a lui Ion I. Brătianu. București, 1940. P. 45.
- ¹⁵⁷ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 369.
- ¹⁵⁸ Архив полковника Хауза. Т. IV. С. 72; Jovevska M. Thrace in the Bulgarian and Greek Programmes of 1918–1919 // Études balkaniques. 1992. N 3/4. P. 59.
- ¹⁵⁹ Йовевска М. Тракия в политиката на България и Гърция (1878 – 1919 г.) // ИП. 1991. № 3. С. 48–49; Соколовская О. В. Великая греческая идея на Парижской мирной конференции // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 91–92.
- ¹⁶⁰ Димитров И. България на Балканите и в Европа. София, 1980. С. 5.
- ¹⁶¹ Мир в Нейи. С. VI.
- ¹⁶² Христов Х. Указ. соч. С. 284, 289, 299.
- ¹⁶³ Семенов К. Н. Элефтериос Венизелос. 1864–1936 // Пленники национальной идеи. М., 1993. С. 65–66; Киселиновски С. Гръцката колонизация во Егејска Македонија (1913–1940). Скопје, 1981. С. 48–49.
- ¹⁶⁴ Текст конвенции см.: Кесяков Б. Указ. соч. С. 84–87.
- ¹⁶⁵ Христов Х. Указ. соч. С. 287, 294, 296; Пантев А. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁶⁶ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 373; Никольсон Г. Указ. соч. С. 180–182, 191, 207.
- ¹⁶⁷ Znamierowska-Rakk E. The Position and Role of Western Thrace in Bulgaria's Modern History // Bulgarian Historical Review. 1995. N 3. С. 54.
- ¹⁶⁸ См. подробнее: Миллер А. Ф. Турция: Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 143–171.
- ¹⁶⁹ Димитрова С. “Възстановяване... Репарации... Гаранции...” С. 269–270.
- ¹⁷⁰ Никольсон Г. Указ. соч. С. 191; Христов Х. Указ. соч. С. 287, 289, 299–300.
- ¹⁷¹ Цит. по: Мир в Нейи. С. 21.
- ¹⁷² Христов Х. Указ. соч. С. 313.
- ¹⁷³ Йовевска М. Ньойският договор в българо-гръцките отношения (1919–1923 г.) // ИП. 1982. № 4. С. 47.
- ¹⁷⁴ Генов Г. Указ. соч. С. 20, 47.
- ¹⁷⁵ См. подробнее: Христов Х. Указ. соч. С. 214–243; Василев В. Македонският въпрос пред конференцията за мира през 1919 г. // ИП. 1988. № 7. С. 18–37; Андонов-Полјански Х. Указ. соч.; Христов А. Македонија на Париската мировна конференција (1919) // Гласник на Институтот за национална историја. 1980. № 1. С. 25–58.
- ¹⁷⁶ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 493–496.
- ¹⁷⁷ Жеков Н. Политическия живот на България и войнството. София, 1924. С. 26–27. См. также: Петков Д. Критически бележки върху брошурата на г-н Н. Жеков. София, 1924. С. 33–34; Дневникът на Михаил Сарафов... С. 352; Генов П. Земята беше... С. 219.
- ¹⁷⁸ Радев С. Погледи върху литературата и изкуството и лични спомени. София, 1965. С. 149–151.
- ¹⁷⁹ Василев В. Към 80-годишнината... С. 37; Христов Х. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁸⁰ См. подробнее: Галунов Т. Втората национална катастрофа. Процесът. Виновниците. Велико Търново, 1998.
- ¹⁸¹ Цит. по: Генов П. Земята беше... С. 246.
- ¹⁸² Муравиев К. Указ. соч. С. 277.

РЕЖИМ БЗНС И ТЫРНОВСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ (1920–1923). ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Установление режима БЗНС

28 марта 1920 г., через семь с небольшим месяцев после выборов в XVIII ОНС, болгарам вновь пришлось определять свои политические предпочтения. Итоги этих выборов можно принимать лишь с целым рядом оговорок. Радикально настроенные “земледельцы” в период избирательной кампании, на которую был отведен всего один месяц, располагали рычагами управления, достаточными для того, чтобы влиять на весь процесс в нужном для себя ключе. Используя традиционный для болгарской политической культуры набор средств и приемов, в большинстве своем не вписывавшихся в конституционные рамки, сторонники Стамболийского настраивались на реванш за неудачную, с их точки зрения, попытку установления собственной власти на выборах в XVIII ОНС летом 1919 г. Малый съезд БЗНС такую задачу оценил как актуальную¹. Наблюдавший за развитием ситуации лидер отколовшегося меньшинства БЗНС Д. Драгиев по-прежнему дистанцировался от Стамболийского и его окружения, заклинал не пытаться взваливать на Союз непосильное, как он считал, бремя государственного управления².

Однако основательно представленное в исполнительной власти “земледельческое” большинство уже вступило на путь борьбы за политическое лидерство в общенациональном масштабе. Еще 2 декабря 1919 г. по его инициативе XVIII ОНС приняло весьма существенные поправки к избирательному закону, которые явно противоречили духу либеральной Тырновской конституции. В соответствии с узаконенными изменениями вводилась обязательная подача голов для всех лиц, имевших избирательные права, а также устанавливалась система репрессивных мер за невыполнение этого положения³. В итоге на парламентских выборах в марте 1920 г. проголосовали 82,2% из числа внесенных в списки избирателей, в то время как на предыдущих выборах в августе 1919 г. – 57,5%⁴.

Имевшая серьезные основания для разочарования в результатах выборов в XIX ОНС Болгарская рабочая социал-демократическая партия (объединенная) сразу же по их завершении в своем органе – журнале “Социалдемократ” давала довольно точную, хотя и не беспристрастную характеристику сложившейся ситуации. В редакционной статье этого издания утверждалось, что Стамболийский – нынешний руководитель партии, имеющей в руках все основные рыча-

ги власти, решил “воспользоваться этой властью без зазрения совести так, как никто не пользовался ею в нашей политической истории” и через введение обязательности голосования привести к избирательным урнам некое “стадо”, т.е. наименее развитые в политическом отношении категории населения – “всех несознательных, инородцев⁵, зависимых от власти и т.д.”, которых всегда, но в меньших масштабах, использовали “буржуазные партии”⁶.

Как и следовало ожидать, впереди оказались сторонники Стамболийского, которые набрали свыше 349 тыс. голосов избирателей, что давало им право на 110 депутатских мандатов, но не обеспечивало необходимого парламентского большинства. Результат внушительный, хотя не адекватный вложенным усилиям и использованным возможностям, а потому вновь, как и после выборов в XVIII ОНС, разочаровавший лидеров БЗНС большинства. Более того, нацелившись в предвыборной борьбе главным образом на Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов) и БРСДП(о) – своих недавних противников, поверженных в ходе зимней стачки транспортников и почтовиков, и при этом не забывая по традиции о Демократической партии, руководимый Стамболийским Союз такую задачу решить до конца не сумел. Ему, безусловно, удалось потеснить с прежних позиций третью (по численности фракции) силы в ОНС социал-демократов. Теперь БРСДП с 9 депутатскими мандатами заняла место среди политических аутсайдеров. Однако БКП(т.с.) в этой жесткой борьбе оказалась второй, получив свыше 184 тыс. голосов избирателей и, соответственно, увеличив свою фракцию до 50 депутатов. Последнее обстоятельство было тревожным симптомом не только для БЗНС, но и для тех, кто отводил ему роль основного препятствия на пути проникновения большевизма в Болгарию, и прежде всего недавних попутчиков по власти – Народной и Прогрессивно-либеральной партий. Прогрессисты и народняки всерьез надеялись остаться на плаву с помощью сохранения практики формирования кабинетов “широкой коалиции”. Именно здесь нужно искать причину в общем очевидной их политической корректности в отношении “земледельцев” в ходе избирательной кампании и в преддверии реконструкции существовавшего кабинета.

Сохранение авангардных позиций в парламенте за оказавшимися далеко не в равных условиях в предвыборной борьбе БЗНС и БКП было доказательством появившегося устойчивого интереса у части общества к тем “левым” партиям, которые предлагали радикальные варианты подхода к изменению послевоенной действительности, не имевшие ничего общего с идеями социального мира. Однако достаточно многочисленной оставалась часть электората, верная и таким устоявшимся ценностям.

Новая конфигурация расстановки сил в XIX ОНС была весьма любопытной. В числе лидеров, несмотря на крайне неблагоприятную для нее ситуацию, теперь оказалась ДП, массовая опора кото-

рой приближенно воспроизводила социальный срез послевоенной Болгарии. Устойчивый набор десятилетиями успешно культивировавшихся демократами (не чуждых и другим представителям правой части болгарского политического спектра) идей укрепления национальной государственности и консолидации общества на этой основе, приверженности Тырновской конституции, экономического либерализма, безусловно, позволял им в экстремальных условиях весны 1920 г. успешно настроиться на волну довольно значительной части электората. Руководство ДП ставило своей целью в итоге этих выборов, расценивавшихся им как неправомерные, но в то же время судьбоносные⁷, сохранить известные позиции как в городе, так и в селе⁸. Столь трезвый подход к собственным возможностям позволил ДП завоевать 24 депутатских мандата, что в атмосфере парализующего конкурентов напора со стороны “земледельцев” можно расценивать как несомненный успех. Однако он был явно недостаточным для того, чтобы кардинально влиять на последующее развитие ситуации.

Соотношение мест в парламенте между поставленными приблизительно в одинаковые условия наиболее сильными – оппозиционными “земледельцам” БКП(слева) и ДП(справа) – 50 : 24 – лишь подтверждает вывод о сохранении устойчивых левых настроений в среде болгарского электората, в большинстве своем делавшего выбор явно не в пользу идеи общественной солидарности.

Итак, обозначилась тройка несовместимых между собой политических конкурентов, вопрос о коалиции между которыми не мог даже ставиться. Дистанция же между БЗНС, БКП и ДП – с одной стороны, и остальными участниками борьбы за XIX ОНС – с другой, была достаточно ощутимой⁹. Однако вырисовывавшиеся политические контуры состава XIX ОНС не устраивали прежде всего Стамболийского и его сторонников. При существовавшем раскладе сил в стране ситуация выглядела неразрешимой.

15 апреля 1920 г. была созвана первая внеочередная сессия XIX ОНС, где при поддержке со стороны НП и ППП Стамболийскому удалось добиться избрания его руководящего органа (бюро) исключительно из числа представителей новой – “земледельческой” – элиты.

Зондаж лидеров БЗНС в среде руководства социал-демократов, радикалов, народняков и прогрессистов на предмет создания очередной правительственной коалиции, как и следовало ожидать, результатов не дал. Подобное развитие ситуации позволило Стамболийскому и его окружению вплотную приблизиться к вопросу о гомогенном правительстве БЗНС, препятствием на пути к которому, разумеется, было отсутствие необходимой парламентской опоры у этой партии. Тогда, в очередной раз обратившись к ресурсу власти, “земледельческое” правящее большинство, весьма вольно обойдясь с законодательными нормами, прибегло к кассированию 13 депутат-

ских мандатов, принадлежащих в большинстве своем БКП и ДП; в число лишенных полномочий парламентариев попал и один представитель ППП – ее лидер и член последнего коалиционного правительства С. Данев.

Оценивая столь “смелую” коррекцию результатов выборов, вызвавшую протест со стороны всех остальных участвовавших в них политических сил, Стамболийский год спустя с удовлетворением констатировал: “... ничего, мы справились”¹⁰. 21 мая 1920 г. последовал указ Бориса III, утверждавший состав нового, теперь уже однородного “земледельческого” кабинета во главе с А. Стамболийским¹¹

Сформированный кабинет официально не предложил документа взамен программы своего предшественника, под большинством из 25 пунктов которой, охватывавших исключительно внутренние, социальные аспекты, могли бы подписаться почти все (кроме коммунистов и проигравших войну либералов) политические партии. Однако еще 20 февраля 1920 г., излагая в XVIII ОНС мотивы его роспуска, Стамболийский формулировал первоочередную и в то же время весьма общую задачу будущего *стабильного правительства* – “продолжить (курсив наш. – Авт.) политику восстановления авторитета власти”, а на второе место ставил “выполнение тяжелых условий мирного договора”, особо подчеркивая тем самым новизну ситуации, сложившейся для страны с точки зрения ее, прежде всего, международного, а также внутреннего положения. Что же касается повседневной, рутинной деятельности такого правительства, то ее заданность определялась принципиальной установкой на “глубокие социальные реформы в духе времени”, призванные “окончательно оздоровить и укрепить болгарский государственный организм”¹².

Среди пунктов программы предшествующего коалиционного правительства значительный удельный вес приходился на те, которые отражали обнародованные на XV съезде БЗНС в июне 1919 г. его программные установки и, более того, содержали положения составившей идейную платформу последней работы Стамболийского “Принципы Болгарского земледельческого народного союза”. А потому вполне логичным выглядело нежелание с таким трудом утверждавшейся новой исполнительной власти связывать себя набором исключительно собственных обязательств. Действительно, задачи усовершенствовать и применить со всей строгостью закон о конфискации нечестно нажитых богатств, сократить административно-чиновничий аппарат, усилить национальное производство во всех областях, организовать администрацию и правосудие в соответствии с духом времени ... улучшить положение обезземеленных и пролетаризированных масс, а также инвалидов, оградить село от эксплуатации, обеспечить трудовую земельную собственность и ряд других¹³ предоставляли широкое поле для вполне конкретной и нетерпящей отлагательств деятельности однородного правительства “земледельцев”.

Внешнеполитический статус и экономическая конъюнктура в период правления “земледельцев”

Становление и утверждение однопартийной власти БЗНС приходилось на довольно растянутую во времени стадию оформления статуса Болгарии как побежденной страны. 5 января 1920 г. после бурных дебатов депутатское большинство XVIII ОНС проголосовало за Нейский мирный договор¹⁴. Это решение Народного собрания приобретало законную силу на основании указа царя от 15 января 1920 г.¹⁵ Окончательно же Нейский договор вступил в силу 9 августа 1920 г. на основании решения держав-победительниц¹⁶.

В целях обеспечения выполнения условий Нейского договора в побежденную страну направлялась Межсоюзная комиссия (в нее входили делегаты Великобритании, Франции и Италии), представлявшая работавшую в Париже Репарационную комиссию. В силу своей компетенции этот орган по сути получал возможность в довольно широких пределах осуществлять регламентацию внешнеполитической и хозяйственной деятельности государственной власти Болгарии. Более того, степень ее зависимости от держав-победительниц возрастала в силу того, что им предоставлялся ряд привилегий, в том числе право наибольшего благоприятствования. В результате санкций, распространявшихся на Болгарию, ее территория сокращалась со 114 424,5 кв. км (в сентябре 1915 г.) до 103 146,1 кв. км, а население – с 5,5 млн до 4,9 млн человек¹⁷. На разоренной тремя почти непрерывными войнами экономике страны с преимущественным развитием ее аграрного сектора (обеспечивавшего 2/3 национального дохода и являвшегося почти единственным источником экспорта) особенно сказалась потеря основной житницы – Южной Добруджи.

Перекройка границ особо высветила, а точнее усугубила существовавшую еще со времени Балканских войн (и даже раньше) проблему беженцев. Их численность, по подсчетам болгарского исследователя Т. Косатева, к началу 1924 г. составила более 5% населения страны¹⁸. Одновременно в Болгарии, как и в соседних с ней территориях, очень серьезно дала о себе знать и другая болевая точка – проблема национальных меньшинств.

Правда, не все положения Нейского договора начинали действовать незамедлительно. К примеру, репарационные выплаты были разделены на две части. Одна из них отодвигалась на 30 лет, а началом для второй определялся 1923 г. и ее размер не являлся сокрушительным для национальной экономики.

В целом экономическая конъюнктура Болгарии первых послевоенных лет была достаточно сложной и противоречивой. Естественно, в первую очередь сказывались последствия войн, особенно дававшие о себе знать на стыке второго и третьего десятилетий XX в. С конца 1918 и весь 1919 г. болгарская экономика пребывала

в состоянии глубокого расстройтва, что выражалось в упадке сельского хозяйства и как следствие – в серьезных продовольственных затруднениях, к тому же страна утрачивала роль солидного экспортера зерна, а также в разбалансированности внешней торговли, усиленной блокадой со стороны держав-победительниц. Все это происходило в условиях набиравшей стремительный темп инфляции, начавшейся еще в годы первой мировой войны. К примеру, в 1919 г. стоимость лева по сравнению с 1911 г. упала в 14 раз, а к 1923 г. – в 33 раза, что привело к расстройству внутреннего рынка и денежного обращения. Инфляция, продолжавшаяся до 1923 г., внесла серьезный разлад и в деятельность кредитной системы, которая за этот период не смогла достичь основных довоенных показателей по объему своих операций¹⁹.

Инфляционные тенденции неизбежно влекли за собой повышение процента ссуды, что сопровождалось катастрофическими последствиями для болгарского села. Там в этот период нарастал процесс дробления земельной собственности и производства, прежде всего в силу утраты значительной части распаханых площадей, необходимости обустройства беженцев, естественного раздела хозяйств на правах наследования и т.д., а также осуществлялась усиленная парцелляция земельных наделов, становившаяся дополнительным препятствием для технического прогресса в сельском хозяйстве. Разрешению проблемы перенаселенности болгарского села, которое теперь кредитовалось лишь на 38% по сравнению с довоенным уровнем, не могла способствовать в общем слаборазвитая болгарская промышленность с ее, естественно, весьма ограниченным спросом на рабочую силу. В начале 20-х годов XX в. реальные доходы основной массы сельских товаропроизводителей были в среднем на 1/4 ниже таковых в 1912 г.²⁰

Вместе с тем одной из наиболее характерных черт развития болгарской экономики послевоенного периода было ее все более активное подключение к мировому хозяйственному механизму посредством как внешнеторгового оборота, так и увеличения вложений иностранных инвестиций в торговлю, страхование, кредитное дело и промышленность. Однако несмотря на такую связь с международной экономической конъюнктурой, недостаточная зрелость болгарского капитализма, отягощенного послевоенным негативом, не позволяла стране проходить синхронно с наиболее развитыми государствами Запада определенные экономические циклы – кризисы, стабилизацию, подъем. Приток в экономику Болгарии иностранного капитала (преимущественно из стран – представительниц Антанты), избравшего сферой своего приложения главным образом кредиты, страхование, внешнюю торговлю, ощущался с середины 1919 г., с известным ослаблением к концу 1920 г. и в течение 1921 г. с последующей его активизацией начиная с 1922 г. Он проявлялся прежде всего в учреждении новых банков с итальянским, франко-бельгий-

ским и чешским капиталами, в появлении новых страховых обществ с их участием, в создании нескольких крупных внешнеторговых предприятий по экспорту табака и ввозу машин. Нацеленность иностранного капитала на промышленность обозначилась позднее (в 1921–1922 гг.), она выразилась в усилении финансового подчинения нескольких наиболее мощных болгарских предприятий по производству цемента, шерстяного текстиля, выделке кож, мукомольных и др.²¹

Благодаря притоку в экономику Болгарии крупного иностранного капитала и внесению в нее готовых форм финансового капитала весьма активизировался начавшийся еще в довоенный период процесс образования акционерных обществ. Только в течение 1920–1922 гг. в стране появилось 211 объединений подобного типа²².

В промышленном секторе национальной экономики наряду со свертыванием производства в условиях послевоенного экономического кризиса в ряде отраслей осуществлялось строительство новых предприятий как следствие перекачки накопленных во время войны капиталов, владельцы которых в условиях инфляции стремились избавиться от их денежной формы, а также противостоять ускоренному проникновению иностранного капитала. В 1920–1922 гг. в Болгарии появилось 379 новых частных предприятий²³. В 1921 г. объем промышленного производства с традиционным для него перевесом в пользу пищевой и текстильной промышленности увеличился на 23% по сравнению с 1911 г., а сумма вложенного в него основного капитала (в пересчете на золотой лев) возросла более чем в два раза²⁴. Бесспорно, проявлению такой тенденции способствовала политика государства, и в первую очередь продление в 1919 г. на десять лет довоенного закона о поощрении крупной промышленности, а также ряд других мер. В этом же направлении давали о себе знать и некоторые положительные для страны последствия перекройки ее границ в результате войн второго десятилетия XX в., обеспечивавшей и территориальные приобретения, в том числе районы, благоприятные для возделывания табака. В итоге стимулировалось ускоренное развитие целой отрасли промышленности Болгарии и превращение ее в одного из основных поставщиков восточного табака в Европу²⁵.

Крупный капитал избегал прямых инвестиций в сельское хозяйство. В сфере его устойчивых интересов была лишь сельскохозяйственная продукция, закупка которой осуществлялась через довольно значительное число посредников. Появившиеся еще в начале XX в. первые национальные картели и акционерные общества вслед за иностранными занялись скупкой и экспортом этой продукции, диктуя монопольно низкие цены на нее, что серьезно задевало интересы широких слоев сельских товаропроизводителей.

Нарастанию постоянной напряженности в селе способствовало то обстоятельство, что болгарский крестьянин нес на себе основное

налоговое бремя, а в силу неразвитости кредитных институтов государства не получал необходимой поддержки и защиты со стороны последнего от натиска со стороны торгово-ростовщического, а затем и монополистического капиталов. Послевоенная ситуация приближалась к взрывоопасной, поскольку именно крестьянство обеспечило основной источник людских и материальных ресурсов для потерпевшей поражение в составе Четверного союза армии и, соответственно, понесло наибольшие потери. Таким образом, радикальное изменение десятилетиями существовавшей действительности, как представляется, не имело альтернативы.

“Земледельческий” эксперимент и Тырновская конституция

Идеологическую направленность назревших преобразований новой власти определял составлявший стержень сословной теории аграристский постулат о “третьем” – крестьянском – пути развития общества. В практической сфере это выражалось в тех конкретных задачах, которые “земледельческие” лидеры ставили для непосредственного разрешения в масштабах страны. К реформаторской деятельности руководство БЗНС приступило незамедлительно и весьма активно. В силу того, что “земледельцы” добились преобладания в XIX ОНС (помимо общего руководства НС, возглавив все его пятнадцать комиссий), они получили возможность направить в нужное для себя русло весь законодательный процесс.

Уже в конце мая 1920 г. был принят закон о трудовой повинности, идея введения которой принадлежала Стамболийскому, выступившему в роли одного из соавторов соответствующего законопроекта. На этот закон лидер “земледельцев” возлагал большие надежды, видя в нем “основу ... обновительской политики” своих сторонников²⁶. По-видимому, озвученный мотив был вполне искренним и объясняющим тот факт, что на парламентскую стадию законодательного оформления данной правительственной инициативы ушло лишь немногим более месяца.

Внешне закон выглядел весьма демократичным. Он социально уравнивал население, объявляя общественно-полезный труд обязательным для всех совершеннолетних трудоспособных граждан (мужчин – с 20-летнего возраста, сроком на 1 год, женщин (исключая мусульманок) – с 16 лет, сроком на 6 месяцев), независимо от их статуса и имущественного состояния. Основной целью закона объявлялось обеспечение условий для ликвидации последствий разрухи и экономического кризиса²⁷.

Но в то же время в законе о ТП явно просматривалась тоталитарная тенденция, позволявшая при желании отождествлять его со специфической формой мобилизации. Призывавшиеся для отбыва-

ния повинности “трудовики” (мужчины) делились на соответствующие подразделения (трудовые задруги, дружины, четы, ядра, отделения) и должны были находиться на казарменном положении. Лицо, не отбывшее трудовую повинность, не имело права покинуть страну. Именно на этом аспекте содержательной стороны закона в свое время сделали один из основных акцентов коммунисты в ходе парламентских дебатов по поводу его принятия²⁸.

Вступление в силу закона о ТП имело негативный резонанс и за пределами Болгарии. Ее соседи – Королевство СХС, Греция и Румыния – узрели в ряде статей закона опасную для себя милитаристскую направленность. Они в значительной степени инспирировали категорическое требование его радикального изменения, последовавшее со стороны Межсоюзной комиссии в Болгарии, а также соответствующие санкции в этом духе в декабре 1920 г., утвержденные работавшей в Париже Конференцией послов²⁹.

Основная коррекция закона о ТП под давлением представителей контролирующих органов Антанты в Болгарии была осуществлена позднее, в октябре 1921 г. В новом варианте уже допускалась денежная компенсация за отказ от личного участия в несении трудовой повинности, срок которой сокращался, равно как и сокращалось количество “трудовиков”, одновременно призывавшихся в рамках одной возрастной категории³⁰.

Последующие шаги “земледельцев” были еще более радикальными. Они разворачивались в направлении института частной собственности, которая, как это формулировалось в написанной Стамболийским весной 1919 г. обновленной социально-политической доктрине БЗНС, “совпадает с требованиями достоинства и свободы человека”³¹ и, будучи справедливо выравненной, составит материальную основу “истинной демократии”³². Задуманное “земледельцами” перераспределение частной собственности должно было осуществляться тотально – в трех направлениях: между городом и селом, между отдельными сословиями, между отдельными личностями³³.

Правящий БЗНС явно нацеливался на реализацию принципиальных установок своей программы, частично отраженных в программе предшествующего кабинета. Во главу угла ставилась важнейшая из этих установок – обеспечение Трудовой земельной собственности (ТПС)³⁴. В июне 1920 г. “земледельцам” удалось провести через НС закон об увеличении размера государственных земельных площадей. Его официальной мотивировкой была необходимость безотлагательного наделения землей массы прибывавших в страну беженцев. В соответствии с этим законом предусматривалось отчуждение в пользу государства всех необработываемых непосредственно собственниками земельных площадей. Для эксплуатируемых участков устанавливалась неотчуждаемая норма в 300 декар³⁵, а для площадей, занятых под леса, поля и пастбища – в 500 де-

кар. Оговаривалась возможность для собственников сохранить свои наделы в случае принятия на себя обязательства в ближайшее время рационально использовать земельные излишки – под строительство предприятий, связанных с сельскохозяйственным производством, или для превращения их в виноградники, сады и пастбища. Размер же компенсаций за отчуждаемую собственность устанавливался в соответствии со среднерыночной ценой за последние десять лет и в свете инфляционных процессов этого периода выглядел почти символическим. Сделки по купле-продаже земли, совершенные после 17 февраля 1920 г. (с момента опубликования проекта аграрной реформы), объявлялись недействительными. При этом предусматривалась еще и выплата в пользу государства определенного процента в зависимости от стоимостного выражения совершенной операции³⁶. Однако ни в законе, ни в прилагаемом своде инструкций по его применению не прописывались позиции относительно последующего использования отчуждаемой земли. Таким образом, это была всего лишь скрытая подготовительная акция власти в связи с планировавшимися ею радикальными шагами по реформированию земельных отношений в болгарском селе – введению трудовой земельной собственности³⁷.

В соответствии с принятым почти через год (в апреле 1921 г.) законом об аграрной реформе устанавливались главным образом те же основные параметры, за исключением такого принципиальнейшего момента, как позиция о земельном максимуме. Он касался не только землевладельца, но и каждого члена его семьи, по сути также признававшегося отдельным собственником. Безземельные и малоземельные крестьяне получали участки по тем же расценкам, которые предусматривались предыдущим законом, при дополнительном 20% взносе в пользу фонда ТПС. При этом новые владельцы не могли совершать с землей какие-либо операции (продавать, дарить или закладывать), исключения предусматривались лишь для их такого рода взаимоотношений с фондом ТПС³⁸.

На начальную стадию активной законотворческой деятельности “земледельцев” приходились попытки реформирования налоговой и финансовой систем. В течение июня 1920 г. XIX ОНС занималось обсуждением законопроектов, обращенных на эту сферу экономики. Принятый в конечном итоге закон о налоге на общий доход устанавливал в зависимости от имущественного состояния 18 категорий населения и предусматривал налоговые ставки на доходы сверх необлагаемого минимума в зависимости от их общего размера³⁹. А закон о налоге на доходы акционерных обществ и объединений распространялся на капиталы банков и торговых учреждений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Основная тяжесть налоговых сборов приходилась на акционерные объединения, которые занимались торговлей и банковскими операциями. И в то же время в законе предусматривались разного рода послабления для

кооперативных объединений⁴⁰. Такой путь виделся “земледельческой” власти наиболее продуктивным для перекачки капиталов в производительную сферу и ограничения свободы деятельности тех видов капитала, которые, по ее представлениям, наиболее ощутимо задвигали село.

Продолжением наступления на крупную частную собственность было принятие в июле того же 1920 г. закона об отчуждении зданий в пользу государства или местного самоуправления (на общинном и окружном уровне). Закон не распространялся на здания, предназначенные для жилья (но не более одного), а также для общественных или благотворительных учреждений, фондов, партийных клубов, на здания, принадлежащие частным лицам и объединениям, если их эксплуатация обеспечивает источник существования последних (за исключением корчем, отелей, доходных домов). За отчуждаемую собственность предусматривалась денежная компенсация в соответствии с послевоенными расценками⁴¹.

Совершенно очевидно, что среди принимавшихся на первом этапе деятельности новой власти потоке законов (за год с небольшим через ОНС их прошло более сотни) наиболее важные слишком серьезно напрямую затрагивали институт частной собственности, что ставило власть в сложные отношения с конституцией, одна из принципиальнейших статей которой (67) гласила: “Права на собственность – неприкосновенны”. Правда, следующей статьей Конституции допускалась возможность принудительного изъятия собственности “ради государственной и общественной пользы”, но лишь при обязательном соблюдении условия – “справедливой и предварительной компенсации”⁴². Что касается последней, то символичность шагов, намечавшихся властью в плане возмещения владельцам стоимости их собственности с учетом существовавшей послевоенной инфляции, в данном случае была очевидной.

В принципе вопрос о противоречиях с Тырновской конституцией поначалу не очень смущал “земледельческое” правительство. С ней у БЗНС, создававшегося как “сословная организация”, выражающая интересы “крестьянского сословия” была явная нестыковка уже по сути. Статья 57 конституции прямо гласила: “Деление на сословия в Болгарии не допускается”⁴³. Однако на этом в Союзе не заостряли внимание.

В новой программе БЗНС, написанной в 1919 г. и принятой на его XV съезде, ставился вопрос об изменении и дополнении принятой 40 лет назад действовавшей конституции и делался акцент на поддержании всех ее “демократических положений”⁴⁴. Среди общих предложений относительно коррекции конституции обращает на себя внимание позиция о сохранении и усовершенствовании существующей *пропорциональной* (курсив наш. – Авт.) избирательной системы и введении *обязательного* (курсив наш. – Авт.) голосования для обоих полов⁴⁵.

Поскольку в период подготовки и принятия программы страна находилась в преддверии подписания мирного договора с победителями и в обществе обозначилось устойчивое стремление возложить ответственность за случившееся – участие в войне и поражение в ней – на прежнего царя – Фердинанда, в “земледельческий” документ вошло достаточно положений, предусматривавших сужение конституционных prerogativ монарха и, в первую очередь, как главнокомандующего. Из компетенций главы государства предлагалось изъять вовсе или перераспределить в пользу Народного собрания такие полномочия, как утверждение военного министра (осуществлявшееся наряду с утверждением остальных членов кабинета), определение численности воинского контингента, право единогласно решать вопрос о военных маневрах, назначать командующего действующей армией, а также установить полноценный парламентский контроль за вооружением и неприкосновенным военным запасом и т.д.⁴⁶

Существо принимавшихся законов и попытки их практического приложения свидетельствовали о том, что “земледельческие” лидеры пытались использовать государственную власть в интересах главным образом крестьянства, мелкого и среднего, на роль защитницы которого правящая партия изначально объявила монополию. И это несмотря на то, что в конституции (ст. 57) четко прописывалось равноправие в с е х без исключения⁴⁷.

Для реализации своей политики, названной “правыми” “оранжевым большевизмом”, реформаторы обратились к сети вспомогательных институтов, которые должны были действовать в сфере конкретного приложения просектов социально-экономических преобразований. Эти функции в значительной степени были возложены на “дружбы” – организации БЗНС окружного, околийского и местного (общинного) масштаба. Таким путем в широких крестьянских массах культивировалось представление о его причастности к решению государственных дел, а также преследовалась цель расширить социальную опору “земледельческого” режима и создать дополнительные рычаги управления обществом.

Весьма ощутимой в этом плане была деятельность общинных и городских комиссий ТПС, большая часть которых назначалась дирекцией ТПС. Разумеется, партийная принадлежность в данном случае играла далеко не последнюю роль. Такие органы стали фактическими инструментами проведения аграрной реформы и в силу особой социальной значимости осуществлявшихся компетенций, превратились, по сути, в подразделения местной власти.

Возможность приобщиться к власти притягивала крестьянство к БЗНС, который в общем оставался достаточно закрытым для вступления в него представителей других социальных категорий населения. К своему XVII съезду (июнь 1922 г.) Союз вырос почти в два раза по сравнению с июнем 1919 г. и насчитывал почти 151 тыс. че-

ловек, причем, значительную его часть – свыше 74% – составляли малоземельные крестьяне⁴⁸. А весной 1923 г. в нем было уже свыше 300 тыс. членов. Однако в организационном отношении Союз отличался достаточной неустойчивостью, с явным нарастанием такой тенденции: около 1/3 “дружб” не отчитались о своей деятельности в 1920 г., и уже около половины – в 1921 г.⁴⁹

У “земледельческой” власти оставался еще один достаточно сильный резерв, который она могла пытаться использовать для укрепления своих позиций. Таким резервом являлось кооперативное движение. В Болгарии оно с самого начала носило политизированный характер. После войны почти у каждой партии имелся свой кооперативный центр.

Поощрение разных видов кооперации стало одним из основных направлений экономической политики власти, представлявшейся ей важнейшим средством для отпора ростовщическому, торгово-посредническому и монополистическому капиталу. В сентябре 1920 г. Верховный союзный совет БЗНС обязал каждую “дружбу” организовать кооператив, а каждого члена Союза вступить в такой кооператив⁵⁰. За годы правления “земледельцев” появилась целая сеть кооперативов – потребительских, кредитных, производственных и др. Они получали монопольные права на эксплуатацию отдельных видов государственной и общинной собственности, пользовались дешевыми государственными кредитами и другими льготами. Для улучшения условий кредитования кооперации был реформирован Болгарский сельскохозяйственный банк. Одним из крупнейших таких объединений стал Консорциум, который постепенно приобретал характер государственно-кооперативной монополии на экспортную торговлю зерном и зернопродуктами. В результате сузились возможности частного торгового капитала, роль посредника переходила к сельскохозяйственным кооперативам, которые закупали зерно непосредственно у его производителей.

Однако этот эксперимент оказался на особенно удачным, поскольку среди со временем откорректированных законов был и закон о Консорциуме, окончательно переставший действовать в сентябре 1921 г. А в области кооперативного движения ведущие позиции оставались за традиционными лидерами – ДП и РДП.

Уже менее чем через год своего правления “земледельцы” явно осознали, что слишком явно выходят за рамки действующей конституции. Стамболийский на XVI съезде БЗНС (февраль 1921 г.) оправдывал это прежде всего тем, что находившиеся у власти до них политические партии нарушали конституцию многократно. Из чего следовал демагогический вывод: и “земледельцы” имеют право не соблюдать эту конституцию. Даже более того, обрисовывалась общая перспектива создания собственного варианта основного закона⁵¹.

При подобной постановке вопроса столь же оправданной выглядела ставшая весьма актуальной для реформаторов коррекция пре-

дусмотренного конституцией механизма формирования власти. XVI съезд БЗНС заслушал отчет Стамболийского о деятельности правительства, принял его отставку и вновь возложил на лидера партии полномочия подобрать новый состав кабинета. На XVII съезде в 1922 г. процедура была повторена. В феврале 1923 г. вопрос о правительстве решал уже Верховный союзный совет, заседавший совместно с Верховным союзным судом и “земледельческой” парламентской фракцией.

Таким образом, у монарха фактически изымалась конституционная прерогатива формирования органов исполнительной власти, главой которой он являлся. В годы правления БЗНС Борис III не представлял страну на международной арене, был лишен возможности в полной мере осуществлять функции верховного главнокомандующего. Еще до установления своей однопартийной власти “земледельцы” создали собственную, достаточно многочисленную боевую единицу – “Оранжевую гвардию”, подчинив ее непосредственно руководству БЗНС.

Новая власть значительно ущемляла права монарха, относившиеся к области его взаимоотношений с парламентом. Борис III не пользовался своими основными полномочиями в отношении НС. Практически не реализовывалось его право законодательной инициативы, наложения вето на принимавшиеся законы. Царь не решал вопрос о роспуске НС и назначении даты выборов его нового состава. Это переходило в ведение руководящих органов правящей партии, которая регулировала весь нормотворческий процесс. Деятельность “земледельческой” парламентской фракции регламентировалась специальными “Правилами”, устанавливавшими жесткую дисциплину внутри нее. Руководило фракцией бюро, которое определяло задачи каждого депутата.

Как отмечает биограф Бориса III С. Груев, царь, избрав тактику сознательного уклонения от открытых конфликтов, болезненно воспринимал ситуацию, когда ему явно приходилось становиться безмолвным «соучастником деятельности правительства “земледельцев”», причем мнением монарха даже не интересовались⁵².

БЗНС в сущности дирижировал всеми направлениями работы XIX ОНС, которое для оппозиционных сил приобретало значение лишь политической трибуны. Та же ситуация сохранялась и в избранном в апреле 1923 г. уже с использованием элементов мажоритарной избирательной системы XX ОНС, когда правящие “земледельцы” набрали почти 53% голосов⁵³ и получили возможность таким образом сохранить в целостности созданную ими систему власти.

Она была достаточно неординарной для страны. Почти весь предшествующий период – от воссоздания собственной государственности – болгары пребывали в атмосфере экстремальности, обусловленной борьбой за достижение полного национального суверенитета и последующими попытками решения национально-террито-

риальной проблемы. Такие сверхзадачи для молодого формировавшегося социума требовали наличия сильной власти, а в условиях отсутствия гражданского общества неизбежным в ней стало наличие явственно выраженного авторитарного начала. Именно авторитарный компонент, наиболее ярким носителем которого являлся С. Стамболов, недобровольно передавший эстафету Фердинанду, успешно вмонтировался в болгарский вариант государственной власти. Второй неотъемлемой составной этой власти стали демократические институты (всеобщее избирательное право, политические свободы, парламент, местное самоуправление и т.д.), действовавшие не в полном соответствии с правовым статусом, который обеспечивался весьма либеральной Тырновской конституцией. Поскольку Борис III в начале своего царствования еще не накопил политический капитал, необходимый для роли сильного правителя, создавая прецедент, вакуум заполнила правящая “земледельческая” партия, а точнее, ее элита.

У этой власти с самого начала было достаточно уязвимых мест и “болевых точек”. В первую очередь, давал о себе знать Нейнский мирный договор – по сути, жесткий диктат в отношении Болгарии. Он определял заниженную планку для внешнеполитических и экономических усилий “земледельцев”. Лишь к концу 1920 г. Болгария восстановила, разумеется пока явно неравноправные, дипломатические отношения почти со всеми прежними европейскими партнерами, а также своими соседями, недоверие со стороны которых преодолевалось с большим трудом. Возможность возвращения к торгово-экономическим связям с внешним миром открывалась лишь через год после ратификации договора, т.е. в 1921 г., что, безусловно, негативно сказывалось на результатах предпринимавшихся “земледельческими” реформаторами экспериментов.

Внешнеполитические усилия правительства, сконцентрированного основное внимание на попытке разрешения вопроса о выходе к Эгейскому морю через изменение статуса (предоставление автономии) Фракии в целом или хотя бы Западной ее части, а также на решении связанной с этим проблемы беженцев, успеха не принесли. В ходе работы международных конференций в Генуе (1922 г.), а затем в Лозанне (1922–1923 гг.) представлявшие Антанту великие державы в очередной раз дали понять побежденным, что придерживаются линии на неукоснительное соблюдение установлений Версальской системы. А потому игнорирование странами-победительницами предпринимавшихся “земледельческой” властью ходов и разного рода зондажей в этом направлении, в сущности, низводило те до уровня скорее имитации внешнеполитической деятельности болгарской дипломатии, нежели ее реального осуществления.

В Европе явно демонстрировали неприятие Стамболийского и ассоциировавшегося с ним режима. Как сообщал в письме правительству болгарский дипломат П. Петков, премьер-министр и ми-

нистр иностранных дел Франции Р. Пуанкаре предлагал Болгарии свою помощь в решении наиболее важных для нее вопросов. Для этого он считал целесообразной неофициальную поездку по Европе царя Бориса, но без Стамбульского⁵⁴.

После ратификации Нейского мирного договора с задачей обеспечить выполнение его условий в Болгарию прибыли разного рода контролирующие органы Антанты, которые серьезно повлияли на деятельность “земледельческой” власти в целом.

Представлявшая работавшую в Париже Ремонтную комиссию Межсоюзная комиссия объектом пристального внимания сделала сферу болгарской экономики, а также финансы. Под контроль ставились все относившиеся к ним законодательные акты, которые принимало Народное собрание, а также практические шаги правительства по их реализации. В предмет тщательного анализа превратился бюджет страны на 1921/22 г., 1922/23 г. с последовавшей его коррекцией в сторону ужесточения – сокращения расходных статей и, соответственно, усиления приходной части в первую очередь за счет увеличения поступлений от сбора налогов (прямых и косвенных) – меры, весьма непопулярной в послевоенных условиях. Основная направленность корректирующего вмешательства со стороны Межсоюзной комиссии просматривалась довольно четко: обеспечить свободу частного предпринимательства, оградив его от государственного регулирования. Так, под воздействием Межсоюзной комиссии в марте 1922 г. в частный сектор законодательно была передана весьма важная отрасль болгарской экономики – производство розового масла, а также торговля им и т.д. По большому счету это было отрицанием принципиальных шагов “земледельческих” реформаторов.

Не менее сложным для правительства БЗНС являлось решение проблем, касавшихся вооруженных сил. Уже через несколько месяцев после ратификации Нейского договора Болгария должна была начать под наблюдением Межсоюзной военной комиссии переход от регулярной армии к наемной. Попытки болгарских властей задержать применение этой части договора успеха не принесли, хотя даже контролирующие органы Антанты признавали чрезвычайную трудность незамедлительного выполнения таких задач. Страна не располагала достаточными средствами для содержания добровольцев, которые рекрутировались с большим трудом, отличались крайней неподготовленностью и плохой дисциплиной. И несмотря на то что остатки регулярной армии еще сохранялись, тенденция ее ликвидации оставалась устойчивой. А это весьма негативно сказывалось, в первую очередь, на охране государственных границ Болгарии, отношения которой с соседями продолжали оставаться довольно напряженными.

Особые сложности в этом плане создавала Внутренняя македонская революционная организация, деятельность которой усиливала

трения между Болгарией и Югославией. Она возникла после первой мировой войны, включив в себя ряд деятелей существовавшей ранее Внутренней македоно-одринской революционной организации. Последняя объединяла в своих рядах представителей населения Македонии, недовольных как ее прежним статусом – в рамках Турции, так и итогами попыток изменить его в результате балканских войн. ВМРО олицетворяла собой часть сложного по составу движения, выступавшего за пересмотр вопроса о статусе этих земель, узаконенном теперь уже Версальской системой. Последняя оставляла в силе (с незначительной коррекцией) раздел этнически достаточно разнородной (с преобладанием славянского населения) Македонии между Грецией, КСХС и Болгарией, к которым отходили, соответственно, Эгейская, Вардарская и Пиринская ее области.

ВМРО не была единой, но наиболее сильные ее течения – “автономистское” и “федералистское”, а также целый ряд менее многочисленных организаций объединяла общая цель: противостоять ассимиляторской политике, которой следовали правительства Греции и КСХС в отношении закрепленных за ними частей Македонии, а также постоянно держать открытым вопрос о судьбах македонских земель. Но пути для достижения этой цели они выбирали различные. В основу своей деятельности каждое из течений ставило собственный недостаточно разработанный проект будущей государственности этой разрозненной территории – в рамках автономии или федерации⁵⁵.

“Автономистское” течение ВМРО, возглавлявшееся Т. Александровым и А. Протогеровым, склонными к экстремистским действиям и политически неустойчивыми, стало непримиримо враждебным к “земледельческой” власти, которая, стремясь вывести страну из состояния послевоенной внешнеполитической изоляции, предпринимала попытки сближения с КСХС. “Автономисты”, поддерживавшие тесные связи с представителями оппозиционных правых партий, военными организациями, противопоставили себя таким шагам “земледельцев”. Они совершили ряд антиправительственных акций (захватили на несколько дней в октябре 1922 г. Неврокоп, а в декабре 1922 г. – Кюстендил, где учинили расправу над “федералистами”, которым симпатизировали власти), а также постоянно высылали в КСХС отряды четников из Пиринского края, превращенного в базу ВМРО. Когда же после трудных переговоров между Болгарией и Югославией в марте 1923 г. было заключено Нишское соглашение по пограничным вопросам, предусматривавшее взаимное пресечение этнической деятельности⁵⁶, над лидерами БЗНС нависла угроза физического уничтожения со стороны “автономистов”.

У “земледельческой” власти имелось достаточно оснований ощущать собственную нестабильность. Уже через год после формирования однопартийного кабинета в нем начали происходить по-

стоянные перестановки, обнаружались трения и порой несовместимость между отдельными его представителями. Стамболийский даже ставил вопрос о доверии кабинету. В 1922 г. в нем четко обозначились две противостоящие друг другу “пятерки”, участников которых в литературе принято делить на “левых” и “правых”. Исходя из современного состояния разработки этого вопроса в историографии, можно с определенностью судить лишь о тенденции ослабления “земледельческой” власти.

В целях усиления собственной опоры лидеры режима избрали путь “оземледеливания” местного самоуправления. В феврале 1922 г. были проведены выборы в сельские общинные советы. Однако их результаты оказались почти обескураживающими для правящего эшелона БЗНС: Союз набрал немногим больше половины голосов избирателей. За ним следовали, правда с более скромными итогами, все те же лидеры предвыборных гонок – БКП и ДП.

После этих выборов, в марте 1922 г. “земледельческая” власть решила на отмену давно диссонировавших с условиями мирного времени и, соответственно, явно противоречивших конституции цензуры и военного положения. В ряду откровенно сужавших сферу приложения конституции был ряд законов, ограничивавших политические права и свободы граждан. Так, в принятом в июне 1921 г. законе о народном просвещении, содержались положения, в соответствии с которыми учащимся запрещалось заниматься политической деятельностью, а также состоять в политических партиях или действовавших при них молодежных организациях. Преподаватели университета лишались права занимать руководящие должности в политических партиях. Власти, понимая общий оппозиционный настрой по отношению к ним со стороны университетской профессуры, прибегли к изданию нового Свода университетских правил, составленного в духе закона о народном просвещении. В соответствии с этим Сводом ставились под удар все приват-доценты юридического факультета, состоявшие в руководстве политических партий. Бюджет не предусматривал финансирование их преподавательской деятельности. Ущемлялись и многие студенты, состоявшие в политических партиях или действовавших при них организациях. Руководство университета расценило это как посягательство на его автономию и отказалось подчиняться предписаниям Свода. Конфликт, продолжавшийся более полугодом, всколыхнул широкие круги интеллигенции, политиков, представителей делового мира, военных, вставших на сторону профессуры. Он разрешился в пользу университета, основательно дискредитировав власти.

Уже в 1920 г. после создания однопартийного “земледельческого” правительства и его первых шагов в законодательной области в болгарском политическом мире обозначилось его неприятие. Почти все партии провели свои съезды, где демонстративно противопоставили себя новой власти. В этот период происходило слияние части из

них. В ноябре 1920 г. ПЛП и НП образовали Объединенную народно-прогрессивную партию, а НЛП, МЛП, ЛП создали Национал-либеральную партию. ДП не проявляла интереса к организационному объединению с другими партиями, однако видела необходимость создания “широкого демократического блока”, куда помимо “правых” считала целесообразным привлечь и РДП, также отрицавшую “земледельческую” власть⁵⁷.

Накопленный за последние годы груз весьма сложных взаимоотношений между большинством из этих партий делал выполнение такой задачи весьма проблематичным. Контакты между ними осуществлялись опосредованно, главным образом через Великую ложу масонов Болгарии, куда входили виднейшие представители политического и делового мира, интеллигенции, военных и др.⁵⁸ Тем не менее в марте 1921 г. ДП и ОНПП удалось прийти к соглашению о блоке в целях объединения усилий для борьбы с правительством БЗНС и его замены. В будущем сюда планировалось привлечь и РДП⁵⁹. Однако ОНПП считала более целесообразным осуществить слияние двух партий, нежели включать в блок новых участников. В июле 1921 г. ОНПП вышла из этой коалиции, и дальнейшие переговоры результатов не дали.

Осенью 1921 г. виднейшие представители болгарского делового мира и главным образом руководства ОНПП, беспартийных, профессуры Софийского университета, руководства Военного союза, а также руководства Союза офицеров запаса объявили о создании комитета “Народный стовор”. В его программу вошли положения о “поднятии престижа государственной власти”, “сопротивлении всякому домогательству в целях ее использования в узко сословных, узко классовых интересах”⁶⁰.

В начале 1922 г. решением вопроса о создании “блока демократии” вновь занялись ДП и ОНПП при участии РДП. На скорейшем объединении усилий этих партий настаивали и военные. В Военном союзе и Союзе офицеров запаса уже укрепилось враждебное отношение к режиму БЗНС, который не смог обеспечить материальное положение уволенных в запас кадровых военных, мучительно приспособивавшихся к гражданским условиям. В конечном итоге ДП, ОНПП, РДП 6 июля 1922 г. подписали протокол о создании “Конституционного блока”, который ставил перед собой основной задачей “восстановление попорченной конституции”.

На 17 сентября 1922 г. “Конституционный блок” назначил в Тырново слет своих сторонников, который был разгромлен крестьянами – организованными приверженцами власти. А 19 ноября 1922 г. “земледельческие” лидеры инициировали референдум по вопросу о виновности членов кабинетов, возглавлявшихся И. Гепчовым, С. Даневым, А. Малиновым, в участии и поражении Болгарии во 2-й Балканской и мировой войнах. В итоге руководство “Конституционного блока” было дискредитировано: часть его попала за ре-

шестку, а часть поспешно эмигрировала. Неудача “Конституционного блока” нацелила Военный союз и “Народный сговор” на подготовку государственного переворота. В неизбежности такого радикального шага противников режима укрепляло развитие событий весной 1923 г. Накануне парламентских выборов Стамболийский заявлял, что назрела необходимость изменения конституции “в соответствии с нуждами и пожеланиями трудового народа” и в целях “обеспечения конституционных гарантий народовластия”. И во главу угла в данном случае ставилась необходимость передела собственности, организации ее на “трудовых началах” и т.д.⁶¹ Это могло означать только одно – период весьма специфического сосуществования земледельческой власти и серьезно нарушавшейся ею Тырновской конституции завершился. В глазах реформаторов, нуждавшихся в правовом обеспечении своих нововведений, этот документ исчерпал себя.

А после проведенных на основе измененного властью в благоприятном для себя ключе избирательного закона парламентских выборов, на которых “Конституционный блок” набрал всего лишь 15,5% голосов избирателей, в среде “земледельческого” руководства настойчиво велась речь о созыве в конце 1923 – начале 1924 г. Великого народного собрания в целях изменения конституции⁶². В обществе же циркулировали упорные слухи о предстоящем написании ее нового варианта, чем Стамболийский должен был заняться лично.

В ночь с 8 на 9 июня 1923 г. в Софии против “земледельческой” власти выступила армия под руководством представителей верхушки Военного союза. После быстрого захвата ключевых позиций в городе, было объявлено о низложении правительства. Таким образом прерывался начинавшийся процесс изменения правового статуса общества и государственной власти, который должен был стать принципиальным итогом деятельности БЗНС.

¹ Малый съезд БЗНС, участниками которого были Верховный совет Союза, а также представители околийских организаций, заседал с 15 по 19 февраля 1920 г.; он счел правомерной ориентацию сторонников Стамболийского на установление “земледельческой” власти.

² Петрова Д. Самостоятельное управление на БЗНС. 1920–1923. София, 1988. С. 79.

³ Стенографски дневници на XVIII Обикновено народно събрание (далее – СД ОНС). I редовна сесия (далее – р.с.). София, 1920. Кн. 1. С. 510.

⁴ Беров Л. Социална основа на режима на БЗНС. 1918–1923 // ИП. 1972. № 4. С. 46.

⁵ Вероятно, речь идет о национальных меньшинствах.

⁶ Социалдемократ. 1920. 1 апр. Кн. 7. С. 1.

⁷ ЦДА. Ф. 300. Оп. 1. А.е. 15-а. Л. 92 об.

⁸ Там же. Л. 92(об.), 102(об.).

⁹ О результатах выборов см. подробнее: Статистически годишник на Българското Царство. Години V–XIV (1913–1922), разд. XIII. София, 1924. С. 60.

¹⁰ Стамболийский А. Земледельско управление. Първа година. София, 1921. С. 24.

¹¹ Държавен вестник. 1920, 22 май.

¹² СД на XVIII ОНС. I р.с. София, 1920. Кн. 2. С. 1347.

¹³ Там же. I извъредна сесия (далее – и.с.). София, 1919. Кн. 1. С. 7.

¹⁴ Там же. I р.с. Кн. 2. С. 915.

¹⁵ Държавен вестник. 1920, 15 ян.

¹⁶ ЦДА. Ф. 282. Оп. 1. А.е. 10. Л. 4, 5.

¹⁷ Итоги империалистической войны: Серия мирных договоров. III. Мир в Нейи. М., 1925. С. 25, 34, 37, 40, 44, 45 и др.

¹⁸ Костев Т. Политиката на правителството на Българския земеделски народен съюз по бежанския въпрос (1919–1921) // Политически партии, организации и управления в България. 1879–1944 гг. София, 1983. С. 63.

¹⁹ Стопанска история на България. 681–1981. София, 1981. С. 297, 300, 342–344.

²⁰ Там же. С. 298, 299, 321–323.

²¹ Там же. С. 295, 296, 298.

²² История на България. София, 1964. Т. III. С. 68.

²³ Там же.

²⁴ Стопанска история на България. С. 328.

²⁵ Там же. С. 297.

²⁶ СД на XIX ОНС. I и.с. София, 1920. Кн. 1. С. 676.

²⁷ Там же. С. 702.

²⁸ Там же. С. 664–669.

²⁹ Велев А. Главни реформи на земеделското правителство. София, 1977. С. 52–54.

³⁰ Там же. С. 56–58.

³¹ Стамболийски А. Принципите на Българския земеделски народен съюз // Избрани произведения. София, 1979. С. 227.

³² Там же. С. 230.

³³ Там же.

³⁴ Речь идет об устоявшемся использовании в литературе болгарского варианта аббревиатуры понятия “Грудовая земельная собственность”.

³⁵ Декар – мера земельной площади в Болгарии, равная 1000 кв. м.

³⁶ Сборник на законите и решения, гласувани от XIX ОНС и правилниците към тях. София, 1920. Т. I. С. 349 и др.

³⁷ СД на XIX ОНС. I р.с. София, 1923. Кн. 4. С. 2974–2977.

³⁸ СД на XIX ОНС. I и.с. София, 1920. Кн. 1. С. 1316–1317.

³⁹ СД на XIX ОНС. I и.с. София, 1921. Кн. 2. С. 513.

⁴⁰ Там же. С. 1514–1515.

⁴¹ Там же.

⁴² Конституция на Българското царство, приета на 16 априлий 1879 г. и изменена на 15 май 1903 г. и на 11 юлий 1911 г. София, 1914. С. 20.

⁴³ Там же. С. 17.

⁴⁴ Програма за дейността на Българския земеделски народен съюз. София, 1922. С. 41.

⁴⁵ Там же.

- 46 Там же. С. 48–49.
- 47 Конституция на Българското царство... С. 17.
- 48 Земеделско знаме. 1922. 9 юни.
- 49 *Радулов С.* Управлението на БЗНС и българската буржоазия. София, 1981. С. 193–194.
- 50 *Радулов С.* Идейните основи на земеделския режим // Академия на обществени науки и социално управление на ЦК на БКП: Научни трудове. Серия “История”. София, 1979. № 105. С. 46; *Он же.* Управлението на БЗНС... С. 139.
- 51 *Стамболийский А.* Земеделско управление: Първа година. С. 56–77, 77–78, 111–113.
- 52 *Груев С.* Корона от тръни. София, 1991. С. 102.
- 53 Статистически годишник на Българското Царство. Години XV–XVI (1923–1924). София, 1925. С. 50.
- 54 Цит. по: *Петрова Д.* Указ. соч. С. 271.
- 55 См. подробнее: *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. 1918–1941. София, 1983. С. 78 и др.
- 56 См. подробнее: *Куманов М.* Нишката сногодба от 1923 г. // *Векове.* София, 1972. № 5. С. 41.
- 57 ЦДА. Ф. 300. Оп. I. А. е. 17. Л. 34.
- 58 О составе и первоначальной деятельности Великой ложи масонов Болгарии см. подробнее: *Георгиев В.* Из историята на масонството в България // ИП. 1976. № 5. С. 48–51, 55–58; *Он же.* Народният сговор // Годишник на Софийския университет: Исторически факултет. 1979. Т. 68 (1974). С. 191–194.
- 59 *Георгиев В.* Към историята на Конституционния блок // *Векове.* 1979. № 5. С. 38–40.
- 60 См. подробнее: *Георгиев В.* Народният сговор 1921–1923. София, 1989. С. 71–88.
- 61 Земеделско знаме. 1923. 3 апр.
- 62 Там же. 27 апр.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 9 ИЮНЯ 1923 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Приход к власти правительства Александра Цанкова

В годы послевоенного идейного кризиса, особенно острого в болгарском обществе из-за понесенных страной поражений, в центре политических дискуссий оказались вопросы судеб парламента, демократии и диктатуры, роли государства в отношениях между трудом и капиталом и другие подобные. Во многих государствах тогда возникла необходимость пересмотреть критерии и ценностные ориентиры демократии, определить перспективы ее эволюции и направления развития либо вообще отбросить ее.

В Болгарии первым, можно сказать, ответом на поставленные жизнью вопросы явился “земледельческий” режим с его попыткой насадить сословную диктатуру. Этот опыт послевоенного устройства болгарского государства, вылившийся в своеобразный социальный эксперимент¹, вызвал противостояние со стороны практически всех политических партий, а также военных кругов, в том числе их легальных и нелегальных союзов, национально-революционных организаций, значительной части интеллигенции и городского населения как такового; не мог быть удовлетворен предложенным ему “земледельцами” положением и царь – конституционный глава страны.

Идеи обновления политической и государственной жизни, бессистемно блуждавшие в умах в 1919–1920 гг., с появлением Народного сговора в 1921 г. смогли быть аккумулированы в программных разработках этой организации. Стержневой была идея создания сильного надпартийного и надклассового государства, “стоящего над всеми”, ликвидации многопартийности и прежних партий – “бессильных и прогнивших” – и создания одной монополярной партии. Среди объявленных Народным сговором целей на первом месте стояли “закрепление духовного единства нации” и “идейное объединение интеллигенции”, “пробуждение и сплочение народной энергии” и направление ее на “разумное и полезное совместное творчество на принципах социальной пользы и справедливости”. Тактика Народного сговора определялась стремлением к союзу и, более того, к объединению “родственных по составу и идеям болгарских политических партий”². Основу организации составляли представители интеллигенции (в том числе в ее рядах значился профессор софийского университета Александр Цанков), офицеры запаса, а также выходцы из промышленных и банковских сфер. Они хотели любым

путем устранить правительство БЗНС и установить в стране власть “твердой руки”. Действуя целенаправленно, Народный сговор сумел настроить против “земледельцев” почти всю профессуру и творческую интеллигенцию и, используя Великую масонскую ложу Болгарии, подчинить себе руководство ряда творческих союзов интеллигенции. Народный сговор имел связи также с ВМРО, в частности с наиболее сильным ее течением – автономистским. И, может быть, самое важное заключалось в том, что согласно утверждению болгарского историка Ст. Радулова уже с июня 1922 г. руководители Народного сговора согласовывали свои действия с тайной Военной лигой³.

Созданная в 1919 г. Военная лига (Военный союз) объединяла офицеров, больше всех, как они считали, пострадавших и морально, и материально от военной катастрофы Болгарии: армия, сетовали они, успешно восвала на полях сражений во имя “национального идеала”, но бездарные и немощные политики все проиграли за дипломатическим столом. С подписанием же мирного договора армейским кадрам пришлось пережить психологический шок еще и в связи с крахом военной доктрины, принятой в 1903 г. под названием “Усилия по национальному объединению”. Теперь на смену ей приходила новая и очень обидная для кадрового состава – “Оборона по всем азимутам”⁴.

Деятели Военной лиги, хотя и не имели, кроме отрицания сложившихся послевоенных обстоятельств, сколько-нибудь конструктивной политической программы, желали восстановить свое прежнее общественное положение, более того – хотели видеть себя в качестве некоей надпартийной, надклассовой силы, озабоченной возрождением отечества.

После неудачи “антиземледельческого” выступления Конституционного блока борьба против режима БЗНС ушла в подполье, а нити военного заговора против правительства Стамболийского сосредоточились в руках Военной лиги. Возглавили подготовку государственного переворота члены ее руководства Никола Рачев, Кимон Георгиев и Дамян Велчев. Для придания веса Военной лиге, объединявшей офицеров и действительной службы и уволенных в запас, но главным образом среднего состава (ее называли еще “капитанской лигой”), в качестве ее главы был привлечен генерал Иван Вилков – личность, как считалось, ничем, кроме высокого чина, не примечательная. Расчет строился на том, что он будет представлять, не вмешиваясь особо в дела организации.

Весьма трудоемкой оказалась политическая подготовка переворота, и прежде всего проектирование состава будущего кабинета министров. Деятели Народного сговора, близкого лиге идейно, были малочисленны и не обладали достаточным политическим опытом. Пришлось обращаться к политикам из тех самых “старых” партий, которые планировалось уничтожить при создании будущей мо-

нопартии. Да и представить миру новое правительство следовало как коалиционное, т.е. внешне выглядящее демократическим, ибо о военном кабинете и открытой диктатуре не приходилось и мечтать в поверженной Болгарии, осужденной на Парижской мирной конференции за “милитаризм и агрессивность”. Предоставить пост председателя совета министров после переворота деятели лиги решили А. Цанкову, с 1922 г. возглавлявшему Народный сговор.

9 июня 1923 г. армейские части, выступив в Софии в 3 часа утра, быстро овладели положением. Успешные действия заговорщиков в столице позволили им в тот же день объявить о взятии власти. В последующие несколько дней в их руках оказалась и провинция. В ходе переворота были убиты шесть министров-“земледельцев”, несколько десятков депутатов Народного собрания. Мученической смертью погиб захваченный в плен А. Стамболийский. Так в стране произошел переворот, оказавший большое влияние на всю последующую общественно-политическую жизнь Болгарии.

Стремительная мобилизация военных позволила им в короткий срок подавить разрозненные вооруженные выступления крестьян – сторонников свергнутого режима БЗНС, пытавшихся оказать сопротивление узурпаторам и восстановить власть “земледельцев”. К 20-м числам июня с этими вспышками было в основном покончено.

Однако значительная часть населения вест о свержении правительства Стамболийского восприняла, как отмечают некоторые мемуаристы, со вздохом облегчения и даже с явными надеждами. Так, лидер социал-демократов Я. Сакызов в ответ на запрос австрийских коллег писал им: “Переворот полностью удался, возникшее вначале на местах сопротивление подавлено, все земледельческие лидеры арестованы. Среди населения городов и сел царит всеобщая радость. Население оказывает полное доверие коалиционному правительству. Переворот означает разрыв с прежней политикой. Правительство ориентируется влево. Социал-демократия поддерживает новый кабинет, чтобы поддерживать и укреплять левое направление”⁵.

В силу целого ряда обстоятельств – внешнеполитических прежде всего (прямой в то время зависимости Болгарии от отношения западных демократий), но также внутривнутриполитических, в том числе вследствие психологического давления со стороны части общества, ожидавшей с уходом “земледельцев” восстановления в стране демократических норм жизни и действия Тырновской конституции, – непосредственных шагов новой власти по строительству надпартийного авторитарного государства не последовало. В первом же своем заявлении Цанков поспешил сделать нужные в этом отношении заверения, необходимые, кроме того, и для признания нового кабинета со стороны западноевропейских государств. Действительно, оно последовало, как только царь Борис III утвердил происшедшую смену власти.

Добиться последнего впрочем оказалось не просто. Осторожный Кобург, предварительно осведомленный, по некоторым сведениям, о предстоящем перевороте, предусмотрительно удалился из дворца, и делегация во главе с Цанковым в течение нескольких часов маялась в ожидании его возвращения с прогулки. Но и после этого им понадобилось четыре часа, как писал Цанков в воспоминаниях, чтобы добиться подписания указа об отставке правительства Стамболийского и назначении нового: царь “не соглашался быть соучастником конспирации”⁶ и подписал документ, только получив сообщение о поддержке случившегося французским послом в Софии. Впрочем, как следует из мемуаров того же автора, заговорщикам отступать было некуда, и они, учитывая разные возможности, договорились, что в крайнем случае указ выпустят сами и фальсифицируют подпись царя Бориса III. “Но, слава богу, – замечал Цанков, – до этого не дошло”⁷.

При формировании органов новой власти главную роль играло решение руководства Военной лиги не выпускать инициативы из своих рук. Министрами правительства были назначены лица, подобранные лигой. Внешне, по формальным признакам кабинет не выглядел органом военного режима. Однако никакая широта партийного представительства в нем не могла скрыть факта, что основные командные посты в государстве перешли к военным. Хотя ими из десяти министров правительства являлись только трое, именно в руках последних сосредоточились нити руководства всей внутренней и внешней политикой страны: министерство внутренних дел возглавил генерал И. Русев, министерство иностранных дел – полковник Хр. Калфов, военное министерство – генерал И. Вылков.

Их ставленник и доверенное лицо профессор Александр Цанков стал премьер-министром и министром просвещения. Его коллега по Народному сговору Я. Моллов получил министерство земледелия. Остальные пять портфелей оказались распределены между представителями “старых” партий. Но военные и не собирались предоставлять им сколько-нибудь самостоятельной роли.

Впрочем не секрет, что придание подобного облика власти характерно для многих случаев успеха экстремистских действий военных: совершив государственный переворот в той или иной стране, они старались не просто удержать власть, но именно при опоре на военные структуры сделать ее сильной, править “твердой рукой”.

Болгария 1923 г. не являлась исключением. Помимо официального правительства в системе управления вскоре сформировался так называемый Конвент, действовавший конспиративно. Первоначально он замышлялся как хотя и неконституционный, но лишь совещательный орган, в обязанности которого входили заботы об обороне и безопасности государства; но постепенно круг его деятельности расширялся, охватывая области внутренней и внешней политики, так что в конце концов оказалось, что правительство не может при-

нять ни одного важного решения “без одобрения своего рода высшей инстанции”⁸.

Конвент объединял министров правительства, имевших военные чины, а после выборов в парламент – также и депутатов Народного собрания-военных; к ним примыкали офицеры высоких званий, входившие в Центральное правление Военной лиги, и другие военные, приближенные к генералу Вылкову. В провинции образовывались местные “конвенты”, внимательно следившие за развитием событий в стране.

В целом роль военных в управлении страной возросла многократно. На службу была возвращена часть офицеров, уволенных из армии при Стамболийском. Министр Вылков повысил зарплату всему офицерскому и унтер-офицерскому составу, солдатам, заботился об улучшении бытовых условий в казармах, пришедших в запустение при “земледельцах”⁹. Военные проникли во все поры государственного организма. Они стали руководить сменой дипломатического корпуса, реорганизацией органов принуждения и, в первую очередь, жандармерии, полиции, обеспечением их кадрами и разработкой новых направлений деятельности. Так, при реорганизации 3-й секции Военного министерства перед ее сотрудниками была поставлена, помимо прочих, задача налаживания разведки и слежки за политическими партиями.

Большое внимание правящая верхушка уделила формированию органов местной администрации взамен разогнанных после переворота. Несмотря на чистку среднего и низшего административного звена, в ходе которой “земледельцы” не просто смещались со своих постов, но в ряде случаев физически уничтожались, вся структура управления была оставлена в прежнем виде. Назначение на административные должности окружных управителей и околийских начальников по традиции входило в компетенцию министра внутренних дел, поэтому неудивительно, что под руководством генерала Русева на эти важные посты были назначены близкие к Военной лиге люди (в основном офицеры запаса), подчинявшиеся только своему министру и Конвенту¹⁰.

Органы местного самоуправления частично были распущены, частично заменены так называемыми трехчленками. Назначаемые трехчленные комиссии создавались и прежде, но лишь в исключительных случаях, когда общинный или окружной совет по каким-либо причинам не мог функционировать или не устраивал правительство и подлежал роспуску. Кадровый состав трехчленок, созданных в свое время “земледельцами”, претерпел после переворота существенное изменение: новые трехчленные комиссии составлялись из представителей партий, вошедших в правительство Цанкова¹¹. Трехчленки сохранялись в течение почти целого года, хотя по закону могли функционировать не больше месяца; впрочем такое нарушение закона практиковалось в Болгарии едва ли не во все времена.

Суть произошедшего известный болгарский политический деятель Ст. Машанов выразил позже так: “Правление после 9 июня до созыва нового парламента и до выборов (ноябрь–декабрь 1923 г. – *Авгт.*) находилось исключительно в руках политического руководства Военного союза ... Военный союз держал в своих руках армию, дирекцию полиции и администрацию. С 9 июня 1923 г. до того, как началось действительное функционирование Народного собрания, власть была исключительно в руках Военного союза, а политические партии играли второстепенную роль”¹².

Тем не менее, когда возбуждение в обществе несколько улеглось, “деятели 9 июня”, как они стали себя называть, попытались осуществить одну из своих главных идей – создание политической монопартии, которая стала бы стержнем режима. Как писал позже Калфов, расчет строился на том, что прежние партии будут распущены, а их кадры войдут в единую партию с “новой идеологией”, чтобы, опираясь на нее, реформировать и возвысить болгарское национальное государство¹³.

Создание такой политической оси было важно для пришедших к власти сил с нескольких точек зрения: во-первых, с точки зрения приобретения ими определенной опоры в обществе: не обладая собственной массовой базой, они стремились получить ее за счет членов и сторонников других партий путем их включения в состав правительственного монообъединения. Во-вторых, сохраняя в стране парламентский декор, Цанков и К^о надеялись с помощью правительственной партии обеспечить себе победу на предстоящих выборах в Народное собрание, создать в нем верное себе большинство и таким образом превратить парламент в надежный и послушный механизм нового режима.

Добиться решения поставленной задачи Цанкову удалось, хотя и не так скоро, и не так скоро, как хотелось бы, ибо первоначально влиятельные политические группировки, особенно в Демократической и Радикальной партиях, оказали сильное сопротивление объединению: они все еще недопонимали, что “старым” при новом режиме отводилась роль либерально-демократической ширмы, и продолжали надеяться на реставрацию порядков, существовавших до прихода “земледельцев” к власти, на восстановление былого положения в обществе.

Однако это были расчеты без хозяина положения. Действуя угрозами и нажимом, вплоть до угроз физического уничтожения, Цанкову и К^о удалось добиться подписания 10 августа 1923 г. протокола о создании партии Демократический сговор, куда вошли Народный сговор, Объединенная народно-прогрессивная, Демократическая и Радикальная партии. За рамками объединения оставались, помимо отстраненного от власти БЗНС и, естественно, Болгарской компартии, национал-либералы и социал-демократы, которые предполагалось присоединить к Демократическому сговору на следующем этапе.

Забегая вперед, укажем, что в спешке сколоченный Демократический сговор испытал серьезный внутренний кризис уже спустя полгода: в феврале–марте 1924 г. из его состава вышли часть членов Радикальной и Демократической партий; произошедшее таким образом восстановление этих партий означало образование “буржуазной” политической оппозиции режиму. Однако, с другой стороны, эти события означали консолидацию Демократического сговора: расколы способствовали в известной степени устранению лоскутности правительственной партии, механичности объединения ее составных частей. Только весной 1924 г. стало ясно, что Демократический сговор не распадется, что его существование не будет фикцией. Окончательное конституирование этой партии произошло на ее 1-м съезде 20 октября 1924 г. Всего в ней числилось тогда 102 580 членов (1950 местных организаций). Согласно оглашенному на съезде составу в Демократический сговор входило: ремесленников – 19%, торговцев – 7, прочих (рабочие, промышленники, адвокаты, врачи, инженеры) – 12%, в то время как крестьян – 62%¹⁴ – обычная для Болгарии – крестьянской страны – картина членского состава ее партий.

В итоге полного преобразования политической жизни страны Цанкову и его единомышленникам осуществить не удалось. Демократический сговор не стал качественно новым элементом политической структуры, но просто вписался в традиционную партийно-политическую систему в виде еще одной правой партии, мало отличавшейся от остальных своих собратьев по составу, методам деятельности и организационному устройству. На съезде Цанков заявил: “Мы не уничтожили старые партии. Мы сгруппировались и реорганизовали то, что получили в наследство”¹⁵. Не удалось добиться и монопольного положения Демократического сговора на политическом поле: следующий этап пополнения этой партии за счет других не состоялся.

Так что даже приход к власти в результате государственного переворота 9 июня 1923 г. не позволил носителям авторитаристской идеологии в полной мере реализовать свои цели. Характерно, что уже в первых программных обращениях к народу – 8 июля в Софии и 27 июля в Варне – Цанков главным образом ограничивался энергичным отрицанием “земледельческого” режима. Не было пунктов, отражавших авторитарные стремления участников переворота, которые годом раньше отчетливо прозвучали в программных статьях Народного сговора и в опубликованной 1 октября 1923 г. Платформе Демократического сговора: удерживать планку авторитарной силы Цанкову и К^о оказалось не под силу.

Курс внешней политики, взятый новым кабинетом, не стал и не мог стать фактором укрепления его внутривнутриполитического положения: единственно возможной для всех правительств Болгарии после ее поражения в мировой войне являлась линия на миролюбие и уста-

новление добрососедских отношений со всеми государствами Балканского полуострова, в то время как желаемым представлялось совсем другое направление – активная политика, ведущая к ревизии итогов проигранных войн. Тем самым цанковцы изначально не располагали важным козырем, который в иных обстоятельствах мог бы существенно изменить их положение внутри страны, сплотить вокруг них народ, чьи национальные чувства были глубоко оскорблены “несправедливостью мирного договора”. В бессилии что-либо изменить в международном положении страны, в низкой результативности внешней политики правительства Цанкова крылась глубокая слабость режима. Идея единства нации в таких условиях выступала вялой и аморфной и не смогла стать стержнем политики объединения всего общества вокруг его, казалось бы, сильного военизированного руководства.

Болгарская коммунистическая партия и крестьянское восстание в сентябре 1923 года

Болгарская коммунистическая партия в начале 1920-х годов являлась довольно внушительным элементом политической системы Болгарии: если Демократический съезд, объединивший четыре партии страны, насчитывал в 1924 г. немногим больше 100 тыс. членов, то в БКП в 1923 г. состояло не менее 25 тыс.; кроме того, под ее влиянием находилось еще свыше 30 тыс. человек, входивших в “красные” профсоюзы.

Назвав себя коммунистической на своем I-м съезде в 1919 г., партия приняла все полагавшиеся для вступления в Коминтерн “пролетарские” революционные лозунги и заявила о поддержке идеи борьбы за Балканскую советскую федеративную социалистическую республику. Уже на этом съезде болгарские коммунисты специальное внимание уделили национальному вопросу, назвав в резолюции составными частями будущей Балканской федерации Македонскую и Добруджанскую республики.

В отличие от компартий соседних стран (Югославии¹⁶, Румынии, Греции), каждая из которых стояла в то время на государственнических позициях унитаризма и признания законности полученных в результате первой мировой войны обширных территорий, БКП выражала несогласие с произведенным великими державами перераспределением земель и населения в Центральной и Юго-Восточной Европе и уже тогда взяла на вооружение лозунг самоопределения народов, который вскоре дополнился важными компонентами: вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

В побежденной Болгарии болезненно воспринимались подчеркнута пренебрежительное отношение великих держав к ней, их отказ от проведения референдума в спорных и отторгаемых от нее землях,

а также отказ признать, хотя бы формально, за населением отходивших по условиям мирного договора болгарских территорий в пользу соседних государств статуса меньшинства (при обязательном принятии им нового гражданства). Эти чувства не были чужды и коммунистам. Отсюда и их внимание в резолюции I-го съезда БКП к судьбе македонских и добруджанских земель: в общественном сознании они считались населенными болгарами. Иначе говоря, в известной мере Болгарская компартия выступила в этом вопросе так же, как и ее собратья в других балканских государствах, – с позиций защиты национальных интересов своей страны. Но пути решения национального вопроса в новых послевоенных условиях – в условиях почти всеобщего революционизирования европейского пространства – руководство БКП увидело не в возрождении планов “Великой Болгарии”, а в интернационализации социалистической революции, распространении ее на Балканы и дальше, вместе с Коминтерном, – на весь мир: коммунисты, следуя марксистской догме, полагали, что национальные проблемы могут получить справедливое разрешение только при социализме.

Однако, провозгласив ориентацию на социалистическую революцию и Балканскую советскую федеративную республику, БКП тем самым декларативно признавала готовность участвовать в разрушении версальской государственно-территориальной конфигурации в Юго-Восточной Европе: ведь для создания Балканской федеративной республики необходимо было сначала расстроить на основе принципа самоопределения наций внутреннее единство монархических и унитарных Югославии, Греции и Румынии. В Коминтерне их причисляли к “империалистическим государствам”, называли очагами контрреволюции, борьба с которой должна была вестись и изнутри, при помощи местных компартий. И все это на фоне заявлений советского правительства о непризнании мирных договоров Версальской системы. В таких условиях взаимная заинтересованность руководства БКП и Советской России в ликвидации версальских установлений становилась важным фактором для создания “особых отношений” между Болгарской компартией, Коминтерном и ЦК РКП(б)¹⁷.

В 1922–1923 гг. в связи с актуализацией в большевистской среде идеи мировой революции, наступлением якобы ее “второй волны” Москва стала обращать на Балканы все более пристальное внимание, считая полуостров возможным очагом революции. Весьма благоприятный шанс для этого, казалось, создавал переворот 9 июня 1923 г. в Болгарии. Он сразу был оценен в Коминтерне как фашистский, т.е. в высшей степени антинародный – способный поднять широкие массы на революционный отпор.

Оценка переворота и режима Цанкова как фашистских легла в основу всей последующей марксистской историографии, как советской, так и болгарской коммунистической. Не имея строгого научного определения, но обозначая вы-

сокую степень реакции, термин *фашизм* легко входил в сознание людей, недозвольных теми или иными сторонами жизни и распространявших его, сознательно или несознательно, на явления, по существу, не тождественные ни итальянскому фашизму, ни германскому нацизму, но имевшие с ними какое-либо сходство. Как таковой термин *фашизм* оказывался таким образом в некоем промежуточном положении между теорией и полемикой. Дискуссии о “болгарском фашизме” и его разновидностях, вроде “монархо-фашизма” и пр., прошедшие в Болгарии в 1960-е и, особенно, в 1990-е годы, внесли важные коррективы в представления о предмете с точки зрения его соотношения с крупными европейскими проявлениями феномена. В настоящее время исследователи очень осторожно относятся к использованию термина *фашистский* применительно к болгарским условиям. Однако считают полезным изучение причин, не позволивших фашизму найти заметную опору среди населения страны¹⁸.

Болгарский ученый Н. Поппетров, целенаправленно работающий в этой области многие годы, полагает, что “со второй половины 20-х годов до сентября 1944 г. в Болгарии существовало фашистское движение в виде почти дюжины организаций протофашистского и фашистского характера; фашизм не был у власти, тем не менее он накладывал свой отпечаток на политические процессы и на облик болгарского авторитаризма”¹⁹. Дальнейшее изучение моделей политического развития Болгарии требует, по его мнению, использования современного инструментария для углубления сопоставительного анализа, различения понятий *авторитаризм* и *фашизм*, исследования прямых и косвенных их составляющих, а также привлечения таких дисциплин, как политология, социология и, добавим от себя, историческая антропология, и др.²⁰

По мнению Исполкома Коминтерна, переворот 9 июня явился началом гражданской войны в стране, что выдвигало перед болгарской компартией задачу подготовки вооруженного восстания.

Но руководство БКП не сразу подняло брошенную перчатку. Став коминтерновской партией, приняв лозунги социалистической революции и диктатуры пролетариата, БКП еще долгое время сохраняла прежние навыки работы, не проявляла революционного рвения. Приоритетом для тесняков всегда была агитационно-пропагандистская деятельность. Они знали и любили ораторское искусство, ценили слово, умели им пользоваться на митингах или под сводами Народного собрания. Отчасти именно благодаря умелому владению фразеологией и бескомпромиссности в борьбе против ревизии догматов марксизма тесняки во II Интернационале воспринимались, например Лениным, ближе всего стоящими к большевикам. Шлейф этой славы старалось поддерживать и использовать руководство Коминтерна, подыгрывая амбициям деятелей БКП. Однако на самом деле ни в 1920–1921, ни в 1922–1923 гг., включая, как увидим далее, так называемое Сентябрьское восстание, БКП к борьбе за провозглашенные революционные цели готова не была. “Дядо” (Д. Благоев), твердо заявивший в начале 1920-х годов, что революционного переворота БКП затевать не должна, своим авторитетом просто глушил все подобные поползновения среди членов своей партии. Кроме того, уроки кровавого подавления советской республики в Венгрии были еще свежи в памяти болгар.

В дни переворота ЦК БКП, считая, что речь идет о борьбе за власть между городской и сельской буржуазией и что, следовательно, классовых интересов пролетариата она не затрагивает, заявил о невмешательстве в события, о нейтралитете компартии в них.

Эта позиция была подтверждена 1–7 июля 1923 г. на сессии Партийного совета БКП – высшего уставного органа, собиравшегося раз в квартал или в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Разъяснению позиции БКП посвящал свои полосы печатный орган партии – газета “Рабочнически вестник”. 2 июля в ней заявлялось, что правительство Стамболийского противопоставило себя массам и поэтому они не выступили 9 июня против переворота.

Признание правомерности нейтралистской тактики отразилось и на политике БКП по отношению к новому правительству. Последнее, объявив себя временным – до проведения парламентских выборов – защитником конституционных свобод, постепенно укреплялось. Хотя люди, вставшие у государственного руля насильственным путем, внушали мало доверия, руководители БКП приняли ту реальность, какая была, тем более что карательные меры новых властей коммунистов пока не затрагивали. В частности, общинные советы, в которых преобладали представители компартии, роспуску не подлежали, если сохраняли нейтральное отношение к перевороту и проявляли лояльность к новой администрации; так, общинный совет в Самокове продолжал действовать до середины сентября 1923 г., сходным было положение в Ломе²¹.

Показательно, что в органе ЦК БКП публиковались материалы с требованиями к властям установить “действительно парламентский режим, провести выборы в Народное собрание, восстановить конституционные свободы”²², так что у некоторых современников складывалось впечатление, будто ЦК ориентируется скорее на демократические ценности, чем на классовую борьбу, как полагалось бы пролетарской партии, и развернутая ЦК кампания с требованием “правосудия, а не классовой мести” проходит под “фактически неклассовыми лозунгами”²³. Своим пониманием ситуации ЦК БКП делился с некоторыми иностранными компартиями, направляя соответствующие материалы в их печатные органы, которые в свою очередь публиковали и распространяли их. Ни одна из коммунистических газет в Европе не оценила болгарские события как поражение БКП.

Определенное благодушие охватило и генерального секретаря Исполкома Коминтерна В. Коларова, 17 июня выехавшего из Москвы и нелегально переправленного на моторной лодке по Черному морю в Варну. Целью его командировки было получить на месте достоверную информацию о событиях и довести до членов ЦК БКП недоумение ИККИ по поводу позиции нейтралитета в якобы “начавшейся гражданской войне” и рекомендовать действовать совместно “даже со Стамболийским” (о его гибели в Москве еще не знали).

25 июня Коларов отправил из Варны первое письмо в ИККИ. Обращает на себя внимание удивительно спокойная и рассудительная общая тональность письма. Сообщая о личных впечатлениях, “дополненных варненскими товарищами”, Коларов писал: в стране царит спокойствие, сопротивление новому правительству сломлено, оно – полный хозяин в стране и чувствует себя настолько уверенно, что не испытывает “нужды в исключительных мерах военного характера”; “политические свободы не ограничены, все партии, включительно и коммунистическая, имеют возможность созывать политические собрания, коалиционное право рабочих и служащих не затронуто, только для печати существует предварительная цензура, мотивированная требованиями международного положения страны”²⁴.

Этот мотив повторялся в другом месте письма: “Пока что временное правительство не объявляет войны коммунистам и все арестованные во время переворота коммунисты и рабочие выпускаются из тюрем; будет предано суду, вероятно, только незначительное число коммунистов”. Позицию нейтралитета компартии Коларов объяснял стремлением ее ЦК предостеречь рабочих от выступлений, грозивших окончиться разгромом для партии, и таким образом сохранить революционную энергию для последующей борьбы.

Объясняющая тональность письма и явная расположенность его автора к пониманию линии поведения ЦК БКП находились в очевидном противоречии с позицией, сформировавшейся в московском руководстве, особенно если учесть, что в своем письме Коларов предлагал товарищам по ИККИ подумать над рядом важных вопросов, а именно: во-первых, насколько БКП, вступив в вооруженную борьбу, могла бы “обеспечить поражение переворота”, во-вторых, насколько международные условия позволили бы существовать рабоче-крестьянскому правительству, которое могло бы явиться результатом вооруженной акции коммунистов, не вызывая интервенции в Болгарию со стороны ее балканских соседей или великих держав; в-третьих, каковы “выгоды и убытки для революционного движения в стране” как в случае активного выступления партии, окончившегося поражением, так и в случае “пассивного наблюдения совершившегося переворота”? Думается, само формулирование таких вопросов в большой степени предопределяло ответы на них, причем скорее в пользу позиции нейтралитета.

Но в Коминтерне считали по-другому.

23 июня на заседании III расширенного пленума ИККИ с докладом “Переворот в Болгарии и компартия” выступил член ЦК РКП(б) и член ИККИ К.Б. Радек²⁵. Утверждая, что Балканы являются перспективным очагом мировой революции, Радек упрекал БКП в том, что, не вмешавшись в гражданскую войну, она не использовала благоприятные возможности для вооруженного выступления; не должно быть никаких отговорок, утверждал он, “каждая массовая партия обязана рисковать и бороться даже под страхом по-

ражения. Даже если она будет разбита ... она покажет трудящимся массам, что является центром борьбы, вокруг которого они могут объединиться”²⁶.

Коминтерновцы в Москве считали, что, несмотря на досадный промах БКП, в Болгарии еще не все упущено, и в “Воззвании к болгарским рабочим и крестьянам” призывали их, фактически через голову ЦК БКП, подниматься на борьбу против правительства, совершившего белогвардейский переворот. Председатель ИККИ Г.Е. Зиновьев не только требовал на пленуме от БКП любой ценой вступить в борьбу, но и подходил к вопросу о “негативных уроках болгарского опыта” с позиции всего международного коммунистического движения, боясь повторения “болгарских ошибок” в других компартиях, так как и они, к его неудовольствию, не проявляли готовности бороться за власть: “... необходимо изменить психологию наших партий, – говорил он, – пробудить в них волю к власти ... Мы должны понять, что историческое назначение нашего класса в том, чтобы завоевать политическую власть и взять судьбу мира в свои руки”²⁷.

Летом 1923 г. руководство Коминтерна жило ожиданиями крупных революционных событий в мире; считалось, что Германия находится накануне революции, что “общие предпосылки для социалистического переворота в Германии созрели”. С точки зрения стратегии, выражавшейся в словах: “Наша политическая линия должна строиться в расчете на крупные мировые потрясения”, – руководство Коминтерна, хмелея от своей “левизны”, возлагало на Болгарию большие надежды. Игнорируя существенное изменение ситуации в Болгарии в июле 1923 г. по сравнению с днями самого государственного переворота, когда, возможно, и было бы как-то оправданно выступление коммунистов, ИККИ на протяжении всего июля и вплоть до середины августа продолжал требовать от БКП смены ее политического курса. Проводниками этого давления служили В.П. Милютин, большевик с большим послужным списком, и опытный “нелегальщик” А.Е. Абрамович-Четуев (“Альбрехт”) – делегаты ИККИ, направленные еще в начале 1923 г. в Вену на работу в местное конспиративное бюро Коминтерна.

Ознакомившись с положением в ЦК БКП, где задавал тон его политический секретарь Христо Кабакчиев, Милютин 28 июля 1923 г. сообщал в Москву: “В Болгарии с коммунистической партией дела у нас, по-видимому, очень плохи. ЦК партии упорствует на своей оппортунистической позиции ... члены ЦК держат курс на создание лишь парламентской оппозиции белогвардейскому правительству, фактически отказываясь от захвата власти. Вопрос о захвате власти игнорируется под разными предлогами”²⁸. Вместе с тем он считал, что “время еще не упущено. Революционное движение в стране есть. Правительство крайне непрочное”, а потому, по его мнению, “при таких условиях *переворот* и образование рабоче-крестьянского правительства возможны” (курсив мой. – Авт.)

Посланцам Коминтерна удалось добиться своего. “Альбрехт”, выехавший “около 3 августа” из Вены в Софию, обнаружил, как он затем писал в отчете, что вопрос о власти являлся для ЦК БКП “не актуальным и не непосредственным”, и решил опереться на оппозицию в компартии. Ее образованию способствовали июльские призывы Коминтерна к развязыванию в Болгарии гражданской войны: наибольшее воздействие они оказали на коммунистов – бывших военных, имевших боевой опыт (в том числе в сражениях за Советскую республику в Венгрии).

Другой опорой для “Альбрехта” стал Коларов, который, хотя и был убежден, что момент для вооруженного восстания уже упущен²⁹, как сотрудник Коминтерна, а тем более его генеральный секретарь должен был подчиниться партийной дисциплине. В напарники ему был взят Г. Димитров, несмотря на то что до этого он активно участвовал в выработке нейтралистской позиции ЦК БКП, в подготовке решений Паргсовета 1–7 июля 1923 г. и не разделял взглядов формировавшейся оппозиции. К сожалению, в доступных на сегодняшний день документах не удалось обнаружить каких-либо сведений, объясняющих отказ Димитрова в августе 1923 г. от прежней позиции и переход к поддержке идеи вооруженного восстания.

Марксистская литература, посвященная жизни Г.М.Димитрова, строилась по канонам героико-революционного жанра и лишь в какой-то мере может служить источником сведений о личностных свойствах этого человека, особенно что касается его формирования как коминтерновского деятеля. Оставивший школу в 12-летнем возрасте и далее занимавшийся лишь самообразованием, молодой Димитров в 1902 г. становится членом БРСДП, а затем и членом ее ЦК, много внимания уделяет профсоюзной работе. В 1920 г. он впервые оказывается за пределами Балкан и попадает в почти повсеместно господствовавшую в то время атмосферу революционной эйфории, когда сложности социальной и политической жизни с их многими неизвестными кажутся решаемыми самыми простыми способами. Такая же обстановка и в Коминтерне в начале 1920-х годов. Видимо, хотя бы частично этим можно объяснить ряд левацких, скорее даже авантюрных шагов Димитрова в качестве члена Заграничного представительства БКП и председателя Президиума БКФ, как об этом свидетельствуют документы из недавно открытых российских архивов.

В 1924–1935 гг. Димитров работал в Исполкоме Коминтерна, его Президиуме и Секретариате. В 1929 г. он стал руководителем Западноевропейского бюро ИККИ, располагавшегося в Берлине. Здесь в начале 1933 г. он был арестован пришедшими к власти нацистами, обвинившими его в соучастии в поджоге рейхстага. В ходе известного Лейпцигского процесса Димитров сумел доказать провокационный характер обвинения и выйти победителем в поединке с фашистским судом. В 1935 г. он был избран Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна.

В определенной мере отпечаток “левизны” носила и деятельность Коларова в начале 1920-х годов, хотя его международный опыт был значительно больше и несколько иного плана, чем у Димитрова. Дипломированный юрист, обучавшийся в Женеве и вращавшийся там в среде революционных студентов, Коларов затем участвовал в нескольких конгрессах II Интернационала. Сложив-

шийся там стиль, заключающийся в концентрации внимания на составлении резолюций, согласовании формулировок и т.п. и приводивший к преобладанию слов над делом, по-видимому, сильно отразился на работе Коларова в его ранний коминтерновский период. Ему импонировало делать доклады, представлять отчеты на съездах иностранных компартий, писать длинные тексты. Послать отличие III Интернационала от II, овладеть практикой большевизма ему приходилось, в определенной степени ломая сложившиеся стереотипы поведения. Эмигрировав в конце 1922 г. в Советский Союз, Коларов вошел в руководящий состав Коминтерна, был членом ИККИ, его Президиума, Секретариата и нескольких комиссий, поддерживал связи с Крестинтерном, работал в Международном аграрном институте.

Быть может, некоторый свет на действия Коларова и Димитрова в ситуации затянувшегося кризиса в руководстве БКП проливают слова Коларова, сказанного в ходе дискуссии политэмигрантов в Москве в декабре 1925 г.: “Есть документы, которые будут опубликованы только после мировой революции, до тех пор их нельзя обнародовать”³⁰.

Но, возможно, самым сильным аргументом в пользу перемены политического курса послужила переданная руководителям болгарских коммунистов секретная информация о том, что Заграничное представительство БЗНС готовится к борьбе за возвращение Земледельческого союза к власти, и у него есть для этого средства, а также о том, что член ЗП К. Тодоров в июле обратился в советское полпредство в Вене с предложением “установить союз с коммунистами Болгарии” для совместной борьбы против правительства Цанкова³¹. В сочетании с известиями о заинтересованности в связях с Москвой обеих македонских организаций (и автономистов, и федералистов) и о том, что каждая из них направляет в Советскую Россию свою делегацию, а также с активно распространявшимися в балканской печати слухами о якобы готовившемся на осень 1923 г. восстании в Македонии и о наличии у этих организаций вооруженных отрядов это означало, что вот-вот грянут важные события. При таком раскладе получалось, что активность в них будет принадлежать “земледельческим” и македонским организациям как готовым немедленно вступить в бой, БКП же останется в стороне. “Пирог власти”, следовательно, будут делить без нее.

Учет этих обстоятельств, хотя и являвшихся во многом недостаточно явными, требовал от руководства БКП по-новому осознать свою ответственность перед судьбоносным для Болгарии грядущим. Серьезные аргументы приобретал вопрос о переоценке политики нейтралитета и отношения к рекомендациям посланцев Коминтерна, настаивавших на принятии Центральным комитетом компартии курса на вооруженное восстание и начале подготовки к нему. Подразумевалось, что коммунистам предстоит перехватить инициативу “земледельцев” и “македонцев”, ушедших вперед в этом деле, а их самих взять себе в союзники.

В ходе состоявшихся в первой половине августа 1923 г. нескольких заседаний ЦК БКП сопротивление политического секретаря ЦК Кабакчиева, наиболее последовательно отстаивавшего прежнюю линию, было сломлено. Первыми документами, исходившими непосредственно от ЦК БКП, в которых нашли отражение изменения в тактике БКП, явились письма Кабакчиева в Москву и Вену от 17 августа. Переворот 9 июня оценивался им как поставивший перед массами вопрос о власти, главной задачей БКП называлась борьба до конца против правительства Цанкова, вплоть до создания рабоче-крестьянского правительства. Таким образом ЦК БКП заявлял о своей капитуляции.

Согласно болгарскому историку П. Боеву, резолюция об ориентации БКП на вооруженное восстание не являлась письменным документом и прежде, чем был сформулирован ее вариант, известный по официальному изданию "БКП в резолюции и решения ...", он "прошел через разные перипетии". Боев отмечает также, что дата "судьбоносного заседания ЦК БКП", получившая в коминтерновской историографии статус рубежа в истории Болгарии, была придумана позже: указание на 5–7 августа впервые появилось лишь в конце 1927 г. в одном из докладов Димитрова³². В свою очередь М. Василева отмечает, что введение задним числом в литературу понятия "переломное заседание 5–7 августа", нигде письменно не подтвержденное, отвечало духу левосектантских настроений конца 1920-х годов"³³.

В целях выполнения новой задачи ЦК безоговорочно принимал политику единого фронта с БЗНС, с социалистической партией и с "другими организациями рабочих и мелкособственнических масс".

В Москве письмо Кабакчиева было получено только "около 1 сентября", после чего связь с ЦК БКП прервалась до начала октября. Подтверждением поворота в политике БКП служил доклад "Альбрехта" и сопроводительное письмо Милютина к нему, отправленные из Вены 5 сентября, причем в докладе "Альбрехта" уже фигурировало понятие курс на *вооруженное восстание*.

Готовить восстание болгарские коммунисты, не приученные к нелегальности, начали, не особенно скрываясь. В легальной коммунистической печати одна за другой стали появляться статьи за подписью Димитрова о политике единого фронта, в том числе о необходимости союза со свергнутыми "земледельцами" для борьбы за власть. Правительственные органы получали и другие сигналы о "лихорадочных приготовлениях коммунистов и дружбашей".

12 сентября правительство нанесло превентивный удар: по всей стране было арестовано свыше 2 тыс. коммунистов; клубы партии закрыты, издание газеты "Работнически вестник" остановлено. Среди арестованных оказались Хр. Кабакчиев, К. Янков (один из руководителей военной организации БКП) и многие другие.

14 сентября началось стихийное, как принято считать, вооруженное выступление крестьян в Южной Болгарии – в районе нынешнего города Татар-Пазарджик (до 1934 г. – Пазарджик), в окре-

стностях которого располагалась вилла Стамболийского, где он был убит и обезглавлен. Движение повстанцев ширилось, охватив в последующие дни многие села Казанлыкской долины. Правда, несмотря на множество исследований истории вооруженного мятежа сентября 1923 г., каким это событие по существу являлось (в марксистской историографии оно пропагандистски стало называться Сентябрьским – первым в мире антифашистским – восстанием), до сих пор не установлено, как недовольство отторгнутых от власти "земледельцев" доросло до вооруженного выступления, какие организационно-технические меры для этого предпринимались и насколько оно в действительности было стихийным, как это следует из употребляющейся вплоть до нашего времени трактовки, родившейся в коминтерновской политической лаборатории. В современной болгарской научной литературе много, чем беглая констатация: "Основная движущая сила восстания – недовольное новой властью крестьянство, оставшееся без руководителей, было использовано коммунистами в собственных целях"³⁴, встречать не приходилось.

15 сентября, собравшись примерно половиной своего состава, ЦК БКП обсудил сложившуюся ситуацию. В отсутствие Коларова организационный секретарь ЦК Т. Луканов, не уверенный ни в необходимости, ни в успехе восстания, предложил ограничиться отправкой курьеров на места для "проверки положения". В один из последующих дней Коларов и Димитров внесли предложение возглавить восстание, начав его 22 сентября. "18-го, – позже утверждал Коларов, – это становится решением. Т. Луканов протестует, собираемся вдвоем и вопрос о восстании решаем большинством голосов"³⁵.

Пока в Софии звучала разноголосица мнений, вооруженное выступление в ночь с 19 на 20 сентября началось в центре страны – в Стара-Загорском округе. Здесь разыгрались настоящие сражения между повстанцами и армейскими частями, бои велись в окрестностях Казанлыка, атакованного восставшими с трех сторон, и Пловдива, где в результате оказалась перерезанной железнодорожная линия между Пловдивом и Софией.

21 сентября Коларов и Димитров, изменив внешность, а также руководитель Врачанского окружка БКП Г. Генов, обладавший военным опытом, отправились на автомобиле на северо-запад, во Врачанский округ, определенный как центральный повстанческий.

Наибольших успехов повстанцам удалось добиться в боях за город Фердинанд, который неоднократно переходил из рук в руки. В течение нескольких дней здесь действовал революционный комитет. Такие комитеты, составленные в основном из членов БКП и БЗНС, создавались и в других местах. Они заботились об установлении "революционного порядка на освобожденной территории", объявляли мобилизацию коммунистов, "земледельцев" и сочувствующих в возрасте старше 20 лет, а кое-где и с 18 до 50 лет в боевые от-

ряды. Населению предлагалось также сдавать оружие, коней, повозки. Некоторые приказы о мобилизации, как, например, фердинандской комендатуры, заканчивались словами: “Любая задержка с выполнением приказа является предательством революции, за что будете отвечать перед революционным судом”.

Вооруженные выступления, которые в ряде случаев носили ожесточенный характер, и в ходе которых повстанцы проявляли самоотверженность и героизм, произошли во многих местах Болгарии. Но силы были не равны, а поражение – неминуемо. К тому же городское население, в том числе рабочие, не поддержало восстание.

26 сентября часть повстанцев, избежавших окружения и уничтожения, – и среди них Коларов, Димитров, Генов, – потянулась к болгаро-югославской границе. 27 сентября они оказались в Югославии.

Таким образом, вспыхнувшее в Болгарии, в основном крестьянское, восстание, которое решила возглавить компартия, закончилось быстро наступившим поражением. Потери повстанцев, по некоторым оценкам, составили до 10 тыс. человек, правительственных сил – около 600³⁶.

Расправа с участниками восстания и с теми, кто просто сочувствовал ему, была жестокой. Считается, что основная часть репрессий, вплоть до убийств без суда и приговора, осуществлялась после прекращения боевых действий.

26 сентября, т.е. когда восстание в Болгарии было в основном уже подавлено, в Москве собралась “болгарская комиссия”, образованная Политбюро ЦК РКП(б) несколько ранее. Комиссия намеревалась установить связь с Болгарией по Черному морю, чтобы затем отправить подготовленное еще в прошлом году в Севастополе для болгар оружие, а также мобилизовать около 120 болгарских коммунистов, находившихся в Советской России и, вооружив их, направить в Болгарию. 2 октября комиссия все еще занималась подготовительной работой, и только 4 октября последовал отбой.

Коминтерн не был обескуражен провалом: Зиновьев на всех форумах ноября 1923–февраля 1924 г., где в той или иной мере обсуждались причины неудачного выступления болгарских коммунистов, давал оптимистическую характеристику событиям в Болгарии, как и попыткам революционных выступлений в Германии и Польше, хотя и там они окончились поражением. Оторванный от жизни идеализм председателя ИККИ был поддержан XIII конференцией РКП(б) в январе 1924 г.: на ней общая ориентация для компартий Коминтерна закладывалась как “левая”, т.е. как продолжение курса на революцию; события 1923 г. в Болгарии, Польше, Германии оценивались как “все-таки начало новой волны международной революции”. Боевое направление, заданное в Москве, определяло и линию поведения БКП.

Тогда-то и начал тиражироваться идеологизированный постулат: стоя перед выбором – возглавить уже начавшееся выступление

мисс с риском для компартии потерпеть поражение, но сохранить политическое лицо или быть разгромленной без попытки вступить в бой и потерять таким образом доверие трудящихся, – партия выбрала революционный путь.

Отсюда следовало другое утверждение, активно пропагандировавшееся в последующие годы: в поражении восстания заключено зерно будущей победы, и новое вооруженное восстание не за горами. Именно эти идеи составили основу “Открытого письма к болгарским рабочим и крестьянам”, написанного бежавшими из Болгарии Коларовым и Димитровым, чем они делали заявку на признание себя новыми вождями Болгарской компартии, хотя и обосновавшимися за границей. Письмо было опубликовано в новом – венском – издании газеты “Рабочнически вестник” 27 октября 1923 г. В Вене же Коларов и Димитров образовали Заграничный комитет БКП.

Уже первые его шаги вызвали сопротивление с трудом собиравшегося с силами внутреннего ЦК БКП во главе с продолжавшим находиться в тюрьме Кабакчиевым. Отстаивая свое право на верховенство, внутренний ЦК потребовал, чтобы эмигрантский комитет занимался главным образом положением и делами эмигрантов, чтобы партийная газета издавалась в Болгарии, а не за границей и чтобы самовольно созданный заграничный орган выступал перед ИККИ не как руководство БКП, а лишь как ее представительство.

При этом очевидно, что вопрос заключался не только в борьбе самолюбий, но и в неодинаковом подходе сторон к оценке положения в Болгарии, а отсюда и к тактике БКП. В частности, внутренний ЦК БКП отверг левацкие рекомендации Заграничного комитета бойкотировать назначенные правительством Цанкова на 18 ноября 1923 г. выборы в Народное собрание, решив пойти на составление совместно с “земледельцами” избирательной платформы, главным пунктом которой было устранение кабинета Цанкова как незаконного. В результате сохранившиеся кадры коммунистов и левой части “земледельцев” получили на выборах около 300 тыс. голосов, что обеспечило кандидатам этого блока, правда по преимуществу “земледельцам”, почти 40 мест в парламенте. Это не помешало Демократическому съезду одержать важную для него избирательную победу и окончательно легитимизировать тем самым установленный режим.

Однако и внутренний ЦК БКП не собирался заниматься только нелегальной работой. Его члены, заняв непримиримую позицию к части “правых” в коммунистической среде, которые стали настаивать на предпочтительности легальных, парламентских методов деятельности, выступил также в пользу нового восстания, считая его единственно верным средством для захвата власти. Курс на нелегальщину и новое вооруженное восстание получил таким образом освящение со стороны обоих центральных коммунистических органов – как действовавшего внутри страны, так и эмигрантского.

Объявленная готовность руководства БКП вступить в бой с “фашистским” правительством Цанкова наряду с “левацкими” установками Коминтерна предопределили исход разбирательства болгарского вопроса на заседаниях Президиума ИККИ, проходивших в Москве 29 января – 14 февраля 1924 г. Основной на них стала проработка политических, технических, организационных, финансовых и других возможностей осуществления плана нового вооруженного восстания.

Политическая резолюция ИККИ по болгарскому вопросу от 14 февраля 1924 г.³⁷ явилась важным документом, ориентировавшим БКП на развязывание гражданской войны в стране. Конкретного срока восстания в ней не указывалось, но все рекомендации исходили из установки о его неизбежности.

В качестве политических союзников БКП были названы БЗНС и ВМРО автономистов. О последней следует сказать, что если отторжение ненавистных автономистам “земледельцев” от власти укрепило положение ВМРО (руководители ее имели личные контакты с рядом членов нового кабинета и даже, как отмечали современники, играли определенную роль в формировании управленческого аппарата Цанкова, полиции, в частности), то в отношении активизации внешней политики Болгарии в македонском вопросе, на что, собственно, рассчитывали лидеры ВМРО, поддерживая переворот, ждать оказалось нечего: Цанков оставался таким же заложником межгосударственной балканской ситуации, как и его предшественник, из чего следовало, что даже для четнической деятельности и выдвижения лозунгов в пользу автономной, но принадлежащей Болгарии Македонии возможностей не появляется.

Неудовлетворенность руководства автономистов официальной линией кабинета Цанкова, которой в сущности вынуждены были держаться после окончания мировой войны все болгарские правительства, создавала почву для различных маневров Т. Александрова и А. Протогеровова, в том числе совершенно неожиданных для руководства Болгарии. Так, спустя всего несколько недель после переворота 9 июня 1923 г. Александров отправил уполномоченную им делегацию во главе с Д. Влаховым в 45-дневную поездку (июнь–август 1923 г.) в СССР.

В Москве делегация имела встречи с начальником Иностранного отдела ОГПУ М.А. Трилиссером, с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, а также с крупными большевистскими деятелями К.Б. Радеком и Х.Г. Раковским. Базой для сближения интересов сторон становилась провозглашенная БКФ и поддержанная Коминтерном идея автономии Македонии в составе равноправных республик Балканской федерации: понимая неосуществимость автономии Македонии в государственных границах Болгарии, Т. Александров проявил интерес к идее автономии Македонии в рамках Балканской федерации. Советской или какой другой – этот вопрос представлял-

ся ему тактическим, вопросом торга и согласований, пока одна из сторон не переиграет другую.

В конце декабря 1923 г. переговоры возобновились по инициативе лидера автономистов, направившего в Москву от имени ЦК ВМРО Проект соглашения между ВМРО и Российской советской республикой, в котором содержалось такое определение цели ВМРО: “Объединение Македонии, расколотой между Болгарией, Сербией и Грецией... в одну политическую единицу, которая впоследствии станет равноправным членом Балканской федерации или, по крайней мере, на первом этапе – Югославянской федерации”. Далее ЦК ВМРО выражал готовность “работать совместно с другими революционными организациями на Балканах в пользу федерирования балканских государств в их этнических границах”³⁸.

Анализ этого и других пунктов предлагавшегося соглашения позволяет сделать вывод, что Александров планировал заключить с Российской советской республикой не более чем рамочное соглашение, не беря на себя никаких обязательств в отношении союзника. При этом он не преминул просить о возможной материальной, дипломатической и моральной поддержке со стороны большевиков.

В Москве тем не менее проявили заинтересованность в продолжении переговоров.

Так к началу 1924 г. выяснилось, что каждая из “предназначенных” БКП союзнических организаций, в той или иной степени испытывавшая неудовлетворенность политикой режима Цанкова, была готова предпринять для его устранения те или иные действия, вплоть до восстания. Неясным оставалось, кто будет в этом деле первым. И кто извлечет в результате максимальную пользу: ведь конечная цель возможного восстания и свержения правительства Цанкова для каждого предполагаемого участника союза представляла совершенно разную. К тому же за спиной каждого из них стояли государства-антагонисты: коммунисты уповали на СССР, ЗП БЗНС – на Югославию, автономисты Т. Александрова оставались связанными с болгарскими правящими кругами.

Подготовка “левого” контрпереворота

Июньские события 1923 г. привели БЗНС в состояние глубокой дезорганизации. Его руководящие кадры были в значительной степени истреблены или эмигрировали, часть оставалась в тюрьмах. После разгрома сентябрьского мятежа БЗНС раскололся: с одной стороны, появились группировки явно правого толка, с другой – начало формироваться левое течение, проявлявшее осторожное желание сотрудничать с коммунистами. Новое руководство БЗНС не хотело делать никаких резких движений. Не хотело оно поддерживать и Заграничное представительство Земледельческого союза, об-

разованное Р. Даскаловым, Ал. Оббовым и К. Тодоровым в Праге с целью добиваться возвращения БЗНС к власти: правительства Югославии и Чехословакии, особенно первой, не только приняли к себе основную массу “земледельческой” эмиграции, но и сочувственно отнеслись к реваншистским планам ее руководства. Правящие круги Югославии были настолько озабочены воцарением Цанкова и К° в Болгарии, удельным весом военных в руководстве страной и возвращением к политической жизни деятелей “старых” – в известной степени враждебных Сербии – партий, что готовы были, заверяя в бескорыстии, сделать из Югославии плацдарм для вооруженной борьбы болгарских эмигрантов с режимом Цанкова.

Убийство 26 августа 1923 г. Р. Даскалова не охладило стремления его сподвижников Ал. Оббова и К. Тодорова добиваться поставленной цели и поиска союзника для этого. В начале октября 1923 г. в местечке Лапово состоялась их первая встреча с только что нелегально пересекшими болгаро-югославскую границу Коларовым и Димитровым, на которой обсуждались планы совместной вооруженной борьбы “земледельцев” и коммунистов. Согласно некоторым данным на встрече поднимались вопросы о создании из представителей БЗНС и БКП эмигрантского правительства и Революционного заграничного комитета³⁹. Был затронут и неординарный вопрос об использовании югославской военной помощи, якобы возможной без принятия каких-либо обязательств в пользу Югославии со стороны болгарской политэмиграции, заявлявшей о понимании опасности стать инструментом для достижения чужих целей. Повод для выступления эмиграции связывался с очередным возможным осложнением взаимоотношений между Болгарией и Югославией, хотя такое развитие событий могло повлечь за собою вторжение вооруженных сил Югославии на болгарскую территорию.

Встреча в Лапово носила характер пробной, зондирующей относительно намерений и конечных планов потенциальных союзников – БКП и БЗНС, что было сколь важно для каждого из них, столь и ненадежно, если учесть их недавнюю политическую вражду. Для коммунистов целью являлось, исходя из коминтерновских рекомендаций, установление рабоче-крестьянского правительства; для ЗП БЗНС, для Оббова, в частности, результатом должно было стать восстановление самостоятельного правления БЗНС, о чем, правда, вначале открыто не говорилось.

В ноябре к сотрудничеству активно подключился К. Тодоров – человек энергичный и несколько склонный к авантюрным поступкам. До переворота он являлся посланником Болгарии в Белграде, где сумел обзавестись большими связями. 7 ноября 1923 г. в Вене произошла его встреча с Димитровым, о результатах которой Димитров писал Коларову в Москву: Тодоров заявил о решимости “предпринять вооруженную акцию по свержению правительства Цанкова в марте будущего года, используя для этого и болгарских эмигран-

тов в Югославии”, и уверял, что югославской интервенции в Болгарию не будет, но что “сербы согласны, чтобы Сербия стала базой вооруженной акции” и что “они предоставляют 30 тыс. винтовок, 200 пулеметов, 30 орудий и 2–3 самолета”; для закупки оружия Тодоров предполагал “сделать заем у русских, за который потом, после победы и прихода к власти расплатится новое болгарское правительство”. Изложив тезисы Тодорова и не скрывая положительного отношения к его предложению, Димитров просил Коларова провести в Москве соответствующий зондаж⁴⁰.

В Москве, однако, потребовали, чтобы раньше, чем предоставить запрошенную материальную помощь, вопросы совместных действий были обсуждены на переговорах четырех сторон: представителей обоих эмигрантских центров БКП и БЗНС и обоих их внутренних центров. Это являлось тем более необходимым, что члены внутреннего центра БЗНС, с трудом оправлявшиеся от репрессий после июньских событий 1923 г., исповедовали главным образом легальные методы борьбы против правительства Цанкова, так что даже сентябрьское вооруженное выступление – крестьянское в основном по составу участников – официальным руководством БЗНС поддержано не было.

“Внутренних” деятелей завлечь в Москву не удалось, но эмигрантские представители (К. Тодоров и Ст. Цанов от БЗНС и Г. Димитров и В. Коларов от БКП) 20 февраля 1924 г. все-таки провели в Москве встречу, где подписали соглашение о подготовке нового вооруженного восстания, поводом к началу которого полагали возможные военные осложнения между Болгарией и Югославией, хотя бы и чреватые югославской интервенцией в Болгарию⁴¹. Парировать опасность иностранного вмешательства участники встречи думали “действительным и широким участием народа в восстании”, а также тем, что руководство им будет осуществляться со стороны “обеих революционных организаций”. Характер будущего правительства, как рабоче-крестьянского или какого-либо другого, в соглашении не фиксировался, но в ходе переговоров затрагивался вопрос о распределении министерских постов между БКП и БЗНС. Важным моментом соглашения являлось упоминание о возможности восстания в очень близкое время⁴².

Почему именно на весну 1924 г. намечали свое выступление заграничные центры БЗНС и БКП? Этот план базировался прежде всего на учете напряженного состояния болгаро-югославских отношений – в течение полугода после прихода к власти правительства Цанкова они пережили три кризисных обострения, сопровождавшихся концентрацией югославских войск на болгарской границе и угрозой их вторжения. Югославия открыто выражала возмущение продолжением деятельности в Болгарии формально нелегальной ВМРО автономистов, вольготно обосновавшейся в болгарском Пиринском крае, где она чувствовала себя хозяйном положения вплоть

до того, что ее структуры фактически подменяли государственные. Отсюда македонские четники совершали набеги на югославскую территорию, где опирались на разветвленную сеть околийских и окружных комитетов автономистской организации, ее вооруженную милицию и вооруженные отряды местных подпольщиков⁴³. В декабре 1923 г. министр иностранных дел Югославии М.Нинчич в очередном представлении своему болгарскому коллеге указывал на необходимость убрать “разбойников, вторгающихся на югославскую территорию с целью грабить и убивать население” и затем безнаказанно укрывающихся в Болгарии⁴⁴.

Если настороженность Белграда в отношении Софии являлась своего рода постоянно действующим фактором, то в январе 1924 г., когда было заключено итало-югославское соглашение по вопросу о Фиуме, возникли дополнительные благоприятные условия для активных действий Югославии против соседки: соглашение о Фиуме как бы закрывало для Югославии ее западный “фронт” и давало тем самым ей возможность сосредоточиться на восточном – на разрешении большого для нее вопроса о ВМРО. И действительно, как прознали, пользуясь своими связями с югославскими властями, деятели ЗП БЗНС, на середину марта 1924 г. Югославия планировала против Болгарии некие меры военного характера.

Именно с этим временем стал связывать свое выступление А.Оббов, делая при этом ставку, по всей видимости, на действия собственных силами – без коммунистов. Не слишком удовлетворенный условиями соглашения, подписанного 20 февраля 1924 г. в Москве, к тому же не получив от последней запрошенного финансового вливания, он вскоре прекратил связи с Загранкомитетом БКП. Свои действия Оббов теперь стал связывать с отдельной от коммунистов акцией, полагая начать ее в случае болгаро-югославского конфликта “спонтанным восстанием в северо-западном пограничном районе”, откуда оно, по его предположению, распространится на соседние области; предусматривалось нанесение удара по Софии; вооружить население предполагалось оружием, перенесенным из Югославии во время самой акции⁴⁵.

На ухудшение болгаро-югославских отношений в это время рассчитывали и болгарские коммунисты. Очередная волна слухов о предстоящем весной 1924 г. восстании в Македонии, подготовленном якобы ВМРО, подпитывала и их представления о возможном скором вооруженном выступлении.

3 марта руководимый Димитровым Президиум Балканской коммунистической федерации, которая объединяла компартии Болгарии, Югославии, Румынии и Греции и располагалась в Вене, предложил ЦК БКП “в случае восстания или же попытки восстания в Македонии, которое сопровождалось бы военной интервенцией и оккупацией части Болгарии со стороны Югославии”, поднять трудящиеся массы на восстание против режима Цанкова в целях образования

рабоче-крестьянского правительства, освобождения страны от оккупации и восстановления мирных отношений с соседними государствами⁴⁶. В заседании Президиума БКФ, принявшего это постановление, участвовал представитель Коминтерна В.П. Милютин.

Но далеко идущие планы и тех, и других, и третьих оказались сорванными. Бряцание оружием на Балканах вызвало волнение в европейских общественных кругах, политики стали спешно принимать меры. В ответ на ультимативное требование Белграда к Софии положить конец набегам ВМРО, сопровождавшееся угрозой вторжения на территорию Болгарии, правительство Цанкова провело 3 марта 1924 г. ряд арестов автономистов. Югославские власти в свою очередь занялись перемещением болгарских эмигрантов в глубь страны, подальше от приграничной зоны. Таким образом, деятельность автономистской организации была частично парализована. 4 марта Милютин сообщал в Москву: автономисты “назначенное ими выступление на апрель месяц отложили”⁴⁷.

В урегулировании конфликта особую заинтересованность проявила дипломатия Великобритании⁴⁸. Об этом не преминул доложить Милютин в очередном послании в ИККИ от 13 марта: “...большое участие принимает... Англия. Под ее давлением югославское правительство воздержалось от немедленного вторжения”⁴⁹.

Появление ряда новых факторов международной обстановки, в частности недавнее признание Советского Союза Великобританией, продемонстрировавшей свою незаинтересованность в разжигании военного конфликта на Балканах, заставляло и СССР действовать осторожнее.

13 марта Политбюро ЦК РКП(б), корректируя постановление Президиума ИККИ по болгарскому вопросу от 14 февраля 1924 г., приняло решение, которым, с одной стороны, подтверждало вероятность революционного обострения кризиса в Болгарии и связанные с этим революционные перспективы, а с другой – делало предупреждение – новый момент! – о том, что болгарское революционное движение должно рассчитывать исключительно на внутренние силы – на болгарских рабочих и крестьян, но никак не на СССР, который – “ввиду общего положения вещей” – вооруженной силой или даже военной демонстрацией в ближайшее время помочь не мог бы. Вместе с тем в постановлении указывалось, что подготовка восстания должна быть продолжена, в том числе по ведомству И.С. Уншлихта (начальник снабжения РККА, член РВС СССР), а смета Коминтерна увеличена на соответствующие суммы⁵⁰.

При принятии этого постановления учитывался целый ряд других – некоминтерновских – факторов, в том числе низкая боеспособность Красной армии в то время. Тем не менее важно подчеркнуть, что постановление ПБ ЦК РКП(б) от 13 марта 1924 г. содержало новый и весьма существенный момент – известное отграничение руководства РКП(б) от политики БКП.

Срыв повстанческих намерений, намеченных на весну 1924 г., вызвал огромное разочарование. Христо Оббов (брат Александра), действовавший в Югославии, сообщая в ЗП БЗНС о вынужденной отмене всех указаний “земледельческой” эмиграции, писал: “Пашич против нашей акции. Приготовления, которые я довел до решительной фазы, вчера приказал отменить, и сегодня это сделано. Подозреваю, что нас здесь держали лишь как пугало для Цанкова, потому что как только он дал заверения, что пригрозит македонцам и произведет их аресты, нас стали считать лишними”⁵¹.

Однако невозможность начать вооруженное восстание весной 1924 г. не означала, что заинтересованные стороны отказались от своих планов. Это в полной мере ощущало правительство Цанкова, приступившее к превентивным мерам. Еще в январе Народное собрание приняло закон о защите государства, которым в общей форме запрещались все общественные, экономические и политические организации, прибегающие для достижения своих целей к преступным действиям, вооруженным и террористическим актам и насилию. На его основе 4 апреля 1924 г. Кассационный суд произвел адресно запрещение БКП, комсомола, синдикального союза, рабочей кооперации “Освобождение” с конфискацией имущества распускаемых организаций. С этого времени БКП официально стала нелегальной. Но продолжала ориентироваться на восстание.

Ее заграничный центр, полагая, что постановление ПБ ЦК РКП(б) от 13 марта вряд ли может серьезно отразиться на проводимом компартией курсе, рекомендовал внутреннему ЦК БКП сосредоточиться на подготовке восстания. Такую же позицию заняла Балканская коммунистическая федерация, в которой доминировали представители БКП. Не без давления этого органа прошедшая нелегально в мае 1924 г. партконференция БКП (так называемая Витошская) приняла документы в духе постановления Президиума ИККИ от 14 февраля, фактически проигнорировав предупреждения ПБ ЦК РКП(б) от 13 марта. Таким образом, идея восстания как цель и задача болгарскими коммунистами была подтверждена.

Витошская конференция избрала новый состав ЦК БКП в основном из деятелей, имевших склонность к “левизне”. Не вдаваясь в глубокий анализ ситуации в стране, они решили, что наиболее благоприятным для восстания временем станет осень 1924 г. В число главных выдвинулся вопрос о военно-технической подготовке акции, по поводу чего началась оживленная переписка и движение людей по линии София–Вена–Москва. Из СССР в Болгарию стали направляться специальные уполномоченные, притом не только по линии Коминтерна, но также из ОГПУ и его Иностранного отдела, из военной разведки. Их задачей было создание сети НВО (нелегальных вооруженных организаций), снабжение их оружием и обучение людей пользоваться им. Один из таких уполномоченных, “Борис”, писал уехавшему в Москву на V конгресс Коминтерна Димитрову:

“Нажимайте там на всех. Промедление времени – смерти подобно. Надо решить вопрос, что мы намерены делать осенью: да или нет. Если да, то нужно сформировать и центр единого управления подготовкой событий и приступить к работе по македонцам, врангелистам и транспорту материальных средств”⁵².

Из сохранившейся переписки следует, что Москва не выполняла всех взятых на себя обязательств по соучастию в военно-технической подготовке восстания. Стремясь добиться своего, и ЦК БКП, и засылавшиеся в Болгарию советские “делегаты” и “уполномоченные” преувеличивали в своих донесениях степень созревания якобы “революционного кризиса” и готовности к вооруженному выступлению как коммунистов, так и их возможных союзников. В частности, тот же “Борис” уверял, что “большая часть населения только насильем удерживается от открытого вооруженного выступления против правительства”⁵³. Но это далеко не соответствовало истинному положению.

Внутренняя борьба в РКП(б) после смерти Ленина, подогретая письмом-завещанием вождя, напряжение весенне-летних месяцев 1924 г. в связи с проведением XIV конференции РКП(б), а затем и XIV съезда партии, по-видимому, не позволили Москве серьезно заняться проблемами БКП. Иницированное Коларовым новое обсуждение болгарского вопроса на заседании ПБ ЦК РКП(б) завершилось постановлением от 19 июня 1924 г., которым ПБ полностью подтвердило свое предыдущее решение от 13 марта, включая пункт о поручении Уншлихту провести подготовительную работу (“10 тысяч винтовок и т.д.”). Иными словами, летом 1924 г. двойственность и противоречивость позиции большевистской Москвы в отношении болгарского восстания преодолена не была. Московские политики, вынужденные считать с факторами экономической и политической стабилизации в общеевропейском масштабе, но не желавшие и не готовые отказаться от ультрареволюционных идей и планов, выстраивали в отношении БКП сложную политическую линию, очевидно, рассчитывая на использование в зависимости от обстоятельств того или другого элемента заложенного в ней дуализма.

Двойственность, а отсюда нечеткость позиции СССР чрезвычайно раздражала руководителей болгарских коммунистов: они требовали действий. Коларов спустя два года скажет: “Пройдя через огонь, мы стали смелыми до безрассудства. Бомба, яд, расстрел – вот наша новая психология, это ли левизна? Это – требование революции”⁵⁴. На форсирование событий их настраивал и боевой революционный тон, заданный V конгрессу Коминтерна⁵⁵ Зиновьевым и Бухариным. На последовавшей за конгрессом VII конференции БКФ Димитров в официальных выступлениях заверял, что Балканы не только находятся в “революционном положении”, но что революционный кризис там обостряется до крайних пределов и что Болгария стоит непосредственно перед новой гражданской войной⁵⁶. В от-

вет на требование Димитрова выработать “точные революционные директивы”, в которых, по его мнению, БКП “остро нуждается”, конференция уполномочила Коларова и Димитрова обратиться в ПБ ЦК РКП(б) в целях продвижения вопроса о восстании в Болгарии.

Добиваясь “момента истины” и ссылаясь на эти полномочия, Коларов и Димитров обратились 21 июля к московскому руководству с меморандумом. Их исходная позиция состояла в признании неминуемости нового восстания в Болгарии; о восстании ближайшей осенью, уверяли они, все говорят открыто и готовятся к нему, а правительство Цанкова фактически имеет против себя буквально всю нацию. Авторы меморандума указывали, что в этих условиях считают невозможным для БКП ни уклониться от приближающегося боя, ни остаться пассивными. “И Коминтерн, – утверждали они, – не может предоставить решение судеб болгарской революции фаталистическому развитию событий”.

Далее Коларов и Димитров в благоприятном для своей позиции свете сообщали, на какие военные силы опирается в настоящее время правительство Цанкова и в каком направлении должна вести военную работу БКП. В заключение они обращались к ПБ ЦК РКП(б) с весьма категорично выраженной просьбой “дать твердую директиву всем органам, как партийным, так и советским, в частности Комиссии под председательством т. Ч[ичерина], объединяющей деятельность всех этих органов в деле помощи болгарской революции, держать курс на болгарское восстание со всеми вытекающими отсюда политическими и военно-техническими последствиями. Неопределенности, которая наблюдалась до сих пор в работе соответствующих органов, должен быть положен конец”. Указывались и конкретные направления, по которым должна вестись подготовительная работа⁵⁷.

Ответ болгарские руководители получили быстро и совсем не такой, какого ожидали. Для обсуждения болгарского документа ПБ ЦК РКП(б) создало комиссию в составе М.В. Фрунзе, Ф.Э. Дзержинского и Л.Д. Троцкого, т.е. лиц высокого партийного и государственного уровня, считавшихся квалифицированными военными руководителями. 29 июля 1924 г. по их предложению ПБ приняло резолюцию, в первом и главном пункте которой говорилось: “Признать, что до укрепления партии на железных дорогах, на почте и телеграфе, в армии и в деревне партия не может ставить себе вооруженного восстания в качестве неотложной практической задачи текущей осенью”. Далее, правда, резкость первых фраз смягчалась, выражалась надежда, что ситуация может и измениться к лучшему, т.е. надо понимать – в пользу восстания. Несмотря на туманность формулировки, революционная перспектива таким образом не снималась. Наоборот, как бы вразрез с вышесказанным перед БКП ставилась задача усиленной и всесторонней политической, организа-

ционной и технической подготовки вооруженного восстания и захвата власти рабоче-крестьянским блоком под руководством компартии. Рекомендовалось “оттянуть” восстание примерно до весны следующего года⁵⁸.

Таким образом, в новом постановлении ПБ ЦК РКП(б) отмеченный дуализм сохранялся. Но вместе с тем и четко ставился вопрос о практической неготовности БКП к восстанию и отмене планов поднять его ближайшей осенью. Повстанческий мираж не исчезал, но передвигался по координате времени на весну следующего года.

Казалось, вождям болгарской революции вольно или невольно предоставлялся шанс еще раз все тщательно продумать и просчитать. В своем заявлении от того же 29 июля по поводу полученного постановления ПБ ЦК РКП(б) они подтвердили, что БКП имеет ясное представление о тяжелых последствиях в случае нового поражения вооруженного восстания и поэтому “авантюры не сделает и без достаточной и всесторонней подготовки призыва массам к восстанию не отправит”. Но при этом они не преминули упомянуть, что в резолюции ПБ признается быстрое назревание кризиса в Болгарии, что, по их мнению, допускает “возможность в течение развивающихся событий принять новое решение”⁵⁹. Так что возможность остановиться и отменить мало чем обеспеченный курс на вооруженное восстание при фактическом отказе СССР от всеобъемлющей помощи оказалась проигнорированной Коларовым и Димитровым, что, очевидно, соответствовало их тогдашним левацко-авантюрным умонастроениям.

Не оставили своих замыслов и “земледельцы”. Внутри страны в развитие идей соглашения от 20 февраля 1924 г. начали действовать лидеры формировавшейся левицы БЗНС П. Петков и Д. Грынчаров. После Витошской конференции БКП был создан Акционный комитет единого фронта, в центральное руководство которого вошли Ст. Димитров и К. Янков от ЦК БКП и Д. Грынчаров и Н. Петрини от левицы БЗНС. В провинции возникали местные акционные комитеты.

В июне 1924 г. Акционный комитет принял совместную программу борьбы. Кратко смысл ее сводился к двум главным тезисам: 1) “путем вооруженного восстания вырвать власть из рук капитала”; 2) “решительное столкновение быстро приближается”. Иными словами, и здесь не обошлось без “левых” умонастроений и формулировок.

Важно отметить, что принятие такой программы означало, что левица БЗНС оставляла линию, которой следовала до тех пор, а именно линию на использование только легальных методов борьбы, и теперь выражала готовность перейти к нелегальной деятельности, к созданию организационно-технического аппарата для подготовки восстания, т.е. также принимала курс на вооруженное восстание для свержения правительства Цанкова. Но в отличие от

конечной цели коммунистов (*рабоче-крестьянское правительство*) левица БЗНС, а учитывая ее интересы, и общий Акционный комитет конечной целью восстания называли демократическое *крестьянско-рабочее правительство*⁶⁰.

Такая перестановка содержательных частей, определявших суть будущего правительства, совершенно по-новому высвечивала характер самого единого фронта: из него по существу уходила “руководящая роль коммунистов”.

Эта важная деталь еще более четко проступала в Программе крестьянско-рабочего правительства, принятой во второй половине июня 1924 г. С ее разъяснениями Д. Грынчаров выступил 4 июля на митинге в Софии. В период с 29 июля по 24 августа она была опубликована в ряде материалов легально выходившей “земледельческой” газеты “Оранжево знаме”.

Из этих программных документов следовало, что левица БЗНС отвергала саму возможность через крестьянско-рабочее правительство установить диктатуру пролетариата и продолжала отстаивать тезис о том, что в мелкокрестьянской стране, какой являлась Болгария, не может быть коммунистической власти. Будущее правительство левица считала демократическим в рамках либеральной традиции и надеялась, что такая идея близка всему БЗНС. Главенствующим для нее принципом оставалась руководящая роль БЗНС в будущем правительстве⁶¹.

Поэтому и в формировавшемся блоке труда левица считала себя определяющей, руководящей силой. Подчеркивая, что освобождение народа — дело самого народа, и что БЗНС является истинно народной и к тому же легальной партией (в отличие от запрещенных по ЗЗД рабочих организаций — БКП, Партии труда и прокоммунистических профсоюзов), левица считала, что именно БЗНС должен стать для всех трудящихся объединяющим звеном при создании единого трудового фронта.

Компартии ничего не оставалось, как принять эти условия в расчете, вероятно, на то, что, когда начнутся решительные действия, она сумеет перехватить инициативу.

Впрочем особым выбором БКП не располагала. Август 1924 г. стал для нее месяцем больших потрясений. В первой его половине произошел провал с переброской крупной партии оружия на моторных и парусных лодках из Севастополя. Согласно закрытой информации, полученной в Москве, из 18 т оружия в 120 ящиках на болгарский берег сумели сгрузить только 80 ящиков. Частями было дослано еще некоторое число винтовок, патронов, гранат и т.п. И все это сумела обнаружить болгарская полиция. В результате провала расконспирированной оказалась вся подпольная организация по доставке, разгрузке, переносу и укрытию вооружения⁶².

Разразился международный скандал. Дипломаты из иностранных консульств в Варне, осматривая оружие для доклада своим пра-

вительствам, установили по клеймам, что контрабандное оружие произведено в СССР. Это было тем более неприятно для Москвы, что еще в июне–июле 1924 г. французские и американские дипломаты, аккредитованные в Константинополе, предпринимали шаги для согласования своих действий в случае “коммунистического восстания” в Болгарии и угрожали “в целях защиты своих граждан в этой стране” военным демаршем на суше и в болгарских водах⁶³.

Конец августа–начало сентября ознаменовались, кроме того, прогромом македонского движения, в котором московские политики увидели союзника БКП.

Выше уже говорилось о контактах ВМРО автономистов и ряда управленческих структур СССР. После решения об их возобновлении в январе 1924 г. представители ОГПУ, НКВД и Коминтерна обсуждали в Москве условия, которые следовало выдвинуть перед Александровым. Коларов, например, предложил вариант, предполагавший, что от автономистов следует потребовать поддержки всей деятельности БКП, включая ее подпольную сторону, притом делать это практически открыто. Между тем характерной для позиции Александра чертой с самого начала его контактов с советскими органами было нежелание связывать себя с болгарскими коммунистами совместным вооруженным выступлением; он боялся коммунистическо-“земледельческого” восстания, как могущего послужить предлогом для интервенции со стороны Югославии, которой разоруженная Болгария не смогла бы противостоять.

Несмотря на противоположность программ, с которыми договаривающиеся стороны приступали к конкретным переговорам, на свет в конце концов появились Декларация и Протокол об объединении македонского революционного движения от 29–30 апреля 1924 г., а спустя неделю и знаменитый Манифест к македонскому народу, к организованному революционному населению Македонии и к македонским революционным деятелям. В этих документах ВМРО выражала готовность во имя свободной Македонии бороться против балканской реакции и сотрудничать с революционными партиями и организациями балканских народов.

Уже 5 мая Президиум Балканской коммунистической федерации провел демарш перед ИККИ по поводу Декларации, зафиксировав в протоколе своего заседания, что документ носит слишком общий характер и неясно определяет изменение направления деятельности автономистов в отношении как болгарских коммунистов, так и цанковского правительства и что необходимо на деле получить от них “доказательства искренности изменения ими своей политики и тактики”. В частности, Президиум БКФ требовал от автономистов выступить за освобождение всех коммунистов из тюрем, войти в соглашение с БКП в целях свержения правительства Цанкова и образования рабоче-крестьянского правительства⁶⁴. В протоколе отмечалось, что продолжение переговоров должно вестись “в тесном

контакте с Президиумом БКФ”, каковой, очевидно, прежде отсутствовал.

Кроме того, ЦК БКП также оказался в неведении о переговорах с ВМРО – уже постфактум об этом в Софию сообщил Димитров из Вены. Вот почему ЦК БКП в свою очередь выступил с заявлением, требуя “не оказывать моральной и материальной поддержки крылу автономистской организации, возглавляемому Тодором Александровым, но предоставить помощь революционной оппозиции этой организации”. Такая позиция нашла поддержку со стороны Президиума БКФ⁶⁵.

Своеобразный бунт деятелей БКП в Софии и Вене против содержания и методов переговоров с ВМРО автономистов потребовал срочного созыва в Москве комиссии по болгарским делам в составе В. Коларова, В.П. Милютина, М.А. Трилиссера, И.С. Уншлихта, И.А. Пятницкого (ИККИ) и Г.В. Чичерина, которые в той или иной степени имели отношение к “македонскому вопросу”. 7 июня комиссия постановила: “Не разрывая связи с Тодором Александровым, поддерживать тайные связи с оппозицией и оказывать ей тайно моральную и материальную поддержку ... Подтвердить необходимость проникновения в организации ВМРО и развития нелегальных связей с оппозицией”⁶⁶.

Становится ясно, что переговоры с самого начала велись при игнорировании внутреннего ЦК БКП и даже венского Президиума БКФ, притом, очевидно, на разных этапах разными лицами и, по-видимому, еще и недостаточно квалифицированно. Примерно то же продолжалось в летние месяцы 1924 г. и после демарша ЦК БКП и БКФ. В частности, при обсуждении болгаро-македонских проблем на высшем уровне – заседании ПБ ЦК РКП(б) 19 июня излишне поспешно, как представляется, было принято решение: “Декларацию македонских автономистов опубликовать за их подписью”⁶⁷. Публикация Декларации, состоявшаяся несколько позже – 15 июля 1924 г., причем без ведома Александрова, вызвала политический скандал, сопровождавшийся отказом Т. Александрова и другого члена ЦК ВМРО А. Протогера от своих подписей.

Случившееся означало сокрушительную компрометацию ЦК ВМРО автономистов в глазах правящих кругов Болгарии, а по-своему – и всей македонской общественности. И фактически стало приговором Александрова к смерти. В ходе взаимоистребительной распри в конце августа–начале сентября 1924 г. Александров и многие другие македонские деятели были убиты, македонское движение понесло большие жертвы.

В октябре 1924 г. при рассмотрении событий в македонском движении на заседании Президиума БКФ в Вене политический секретарь внутреннего ЦК БКП И. Манев дал им от имени ЦК БКП такую оценку: тактику единого фронта, примененную при переговорах с ЦК автономистской организации, БКП считает ошибочной:

она форсировала события в македонской организации, не подготовив предварительно общее движение трудящихся в Болгарии для защиты ВМРО от неизбежного удара со стороны цанковского правительства; во время переговоров с Т. Александровым ему были предъявлены некоторые неприслешные требования чисто партийного характера взамен требуемой последней поддержки македонского движения. По мнению Манева, после погрома Македонская организация выведена из борьбы на стороне трудящихся масс Болгарии⁶⁸. Эту позицию Президиум БКФ поспешил “скорректировать” в сторону большей лояльности по отношению к советским органам, ведшим переговоры.

В том, что три разнородные по целям и идеологии организации – левица БЗНС, БКП и ВМРО автономистов – стремились одинаковым способом, а именно путем государственного переворота и при помощи иностранных государств, свергнуть правительство Цанкова, проявлялась характерная для болгарской политической культуры черта: насилие в политической борьбе – обыденное для стран “догоняющего развития” явление – складывалось в новой истории Болгарии в определенную традицию. В самом деле со времени освобождения из-под власти Османской империи в 1878 г. страна уже располагала опытом трех мятежей (1886, 1887, 1923 гг.) и трех государственных переворотов (1881, 1886, 1923 гг.)⁶⁹. Так что политическую атмосферу 1924 г. лишь в известной степени можно назвать чрезвычайной – Болгария жила в напряженном, но не чуждом ей ритме.

¹ См.: Семёнов К.Н. Режим БЗНС – форма социал-максимализма? К постановке проблемы // Советское славяноведение. 1991. № 6.

² Георгиев В. Народният съговор // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. 1979. Т. 68. (1974). С. 206–207.

³ Радулов Ст. Народният съговор и генезисът на българския фашизъм. 1921–1923 г. // Известия на Института по история на БКП. София. 1975. Т. 33. С. 207.

⁴ Зафиров Д. Българската армия – монархически и републикански образ // ИП. 2002. № 1/2. С. 195, 198.

⁵ Arbeiter Zeitung. (Wien). 1923. 17 Juni.

⁶ Цанков А. България в бурно време: Спомени. София, 1999. С. 182. (мемуары написаны в 1953 г.).

⁷ Там же С. 178.

⁸ Марков Г. Восните в изпълнителната власт // 120 години изгълнителната власт в България. София. 1999. С. 108.

⁹ Там же.

¹⁰ Политическите системи в странах Централной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. М., 1988. С. 266.

¹¹ Колев В. Ликвидиране на общинското самоуправление от правителството на Демократическия съговор (юни 1923 – май 1924) // Модерният историк: въображение, информираност, поколение. София, 1999. С. 123, 127.

¹² АМВР. II съд. Д. 1556. Т. III. Д. 187.

- ¹³ *Калфов Хр.* Девети юни и българското национално-социално движение. София, 1934. С. 55.
- ¹⁴ Свободна реч. 1924. 27 окт.
- ¹⁵ Там же. 1924. 28 окт.
- ¹⁶ Югославией (или Юго-Славией) в политической и дипломатической практике 1920-х годов часто называлось Королевство СХС, после государственного переворота 1929 г. "Югославия" стало официальным названием страны.
- ¹⁷ *Гришина Р.П.* Формирование взгляда на македонский вопрос в большевистской Москве. 1922–1924 гг.: (По документам российских архивов) // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 155–156.
- ¹⁸ *Витперман В.* Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. Новосибирск, 2000. С. 9. Перевод книги немецкого исследователя, изданной в Германии в 1983 г.
- ¹⁹ *Поппетров Н.* Авторитаризм – фашизм (към модела на политическото развитие на България. 1918–1944) // ИП. 1997. № 2. С. 47.
- ²⁰ Там же. С. 48. См. также: *Поппетров Н.* Тезиса за тоталитаризма и българския фашизм // Ново време (София). 1992. № 2; *Ои же.* Типология на основните алтернативни потоци в българското общество // Епохи (София). 1994. № 4; *Poppetrov N.* Flucht aus der Demokratie: Autorismus und autoritäres Regime in Bulgarien. 1919–1944 // Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2001.
- ²¹ *Колев В.* Указ. соч. С. 126.
- ²² Работнически вестник (София). 1923. 14 юли; 3 и 8 авг.
- ²³ *Гришина Р.П.* Септемврийско въстание 1923 г. в България в свете нових документов // ННИ. 1996. № 5. С. 186.
- ²⁴ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции в документах центральных российских архивов. М., 2000. Ч. 1. Док. № 36.
- ²⁵ *Гришина Р.П.* Септемврийско въстание ... // ННИ. 1996. № 5. С. 183–184.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 161. Д. 36. Л. 57–58.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Национальный вопрос ... Док. № 46.
- ²⁹ *Гришина Р.П.* Септемврийско въстание ... // ННИ. 1996. № 6. С. 137–138.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 282. Д. 8. Л. 60.
- ³¹ Национальный вопрос ... Док. № 43.
- ³² *Боев П.* Към въпроса за формирането на новия политически курс БКП през юли–август 1923 г. // ИИИ БКП. София, 1981. Т. 44. С. 273.
- ³³ *Василева М.* Септемврийското въстание: "за" или "против" // История (София). 1994. № 3. С. 41.
- ³⁴ *Цураков А.* Политици, процеси, атенгати. София, 1998. С. 36.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 282. Д. 8. Л. 66.
- ³⁶ Национальный вопрос ... Док. № 78.
- ³⁷ Там же. Док. № 125.
- ³⁸ Там же. Док. № 108.
- ³⁹ См.: *Стоянов В.* Задграничното представителство на БЗНС и единният фронт с БКП (септ. 1923 – август 1924 г.) // ИИИ БКП. София, 1987. Т. 57. С. 103.

- ⁴⁰ *Димитров Г.* Съчинения. София, 1989. Т. 15. С. 54–55.
- ⁴¹ Спустя два года, 7 марта 1926 г. решением Софийского окружного суда участники Соглашения заочно были приговорены к смертной казни через повешение как заговорщики и предатели интересов Болгарии.
- ⁴² ИИИ БКП. София, 1982. Т. 46. С. 332 (Споразумение между Задграничния комитет на БКП и Задграничното представителство на БЗНС за подготовката на ново въоръжено въстание).
- ⁴³ *Палешутеки К.* По въпроса за споразумението между БКП и ВМРО в навечерието на Септемврийското въстание 1923 г. // ИИИ БКП. София, 1979. Т. 40. С. 240; *Мичева Цв.* Убийството на Ал. Протогеров // ИП. 1984. № 2. С. 573.
- ⁴⁴ Демократически сговор. 1923. 17 дек.
- ⁴⁵ См.: *Стоянов В.* Задграничното представителство ... С. 133–134.
- ⁴⁶ Национальный вопрос ... Док. № 130.
- ⁴⁷ Там же. Док. № 131.
- ⁴⁸ *Василев В.* Майският манифест на ЦК на ВМРО от 1924 г. – обстановка, преговори и последици // ИП. София, 1980. № 5. С. 43–44.
- ⁴⁹ Национальный вопрос ... Док. № 135.
- ⁵⁰ Там же. Док. № 137.
- ⁵¹ Цит. по: *Стоянов В.* Задграничното представителство ... С. 138 (автор селъзаете на документ из софийского ЦДА без указания его даты).
- ⁵² *Гришина Р.П.* Коминтерн, РКП(б) и курс Болгарской коммунистической партии на подготовку нового вооруженного восстания в первой половине 1924 г.: По материалам российских архивов // Славяноведение. 2000. № 6. С. 50.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 345. Л. 22.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 282. Д. 8. Л. 64.
- ⁵⁵ Ср.: *Стоянов В., Тенавичаров В.* Политическата алтернатива на България. 9 юни 1923 – 4 януари 1926. София, 1992. С. 277.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2.
- ⁵⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 91. Л. 24–26.
- ⁵⁸ Там же. Л. 13–14.
- ⁵⁹ Там же. Л. 27.
- ⁶⁰ *Стоянов В.* Участието на земеделската левица в създаването на акционния комитет на единния фронт на труда и в изработването на неговата програма през 1924 г. // ИИИ БКП. София, 1985. Т. 53. С. 134.
- ⁶¹ Там же. С. 143.
- ⁶² АП РФ. Ф. 3. Оп. 20. Д. 91. Л. 44–45.
- ⁶³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 9. П. 65. Д. 902. Л. 40–41.
- ⁶⁴ Национальный вопрос... Док. № 159.
- ⁶⁵ Там же. Док. № 161.
- ⁶⁶ Там же. Док. № 165.
- ⁶⁷ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа: Решения "Особой панки". 1923–1939. М., 2001. Док. № 8.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 44а. Л. 33.
- ⁶⁹ *Цветков П.* Демокрацията и нейните алтернативи в България между двете състошни войни // 120 години изпълнителна власт в България. София, 1999. С. 187.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ “КАЧЕЛИ” 1926–1935 ГОДОВ

Кризис режима Цанкова

Многие деятели “старых” политических партий, поддержавшие летом 1923 г. свержение правительства Стамболийского, рассчитывали, что после парламентских выборов и легитимизации тем самым результатов государственного переворота мандат кабинета Цанкова, как временного и выполнившего свою роль, будет исчерпан. Сменить его, по их замыслам, должен был новый “конституционный кабинет”, в стране восстановлены демократические порядки, а к правлению привлечены “старые” опытные политические кадры. Правда, дальше дискуссии в печати, разговоров и обсуждений этой темы дело не пошло, “старым” спровоцировать уход Цанкова в отставку не удалось. Правительство, бесспорно, владело положением, а после выборов стало энергично прибираться к рукам и парламент: при формировании его органов наиболее важные посты получили ставленники Цанкова и К^о.

Как уже отмечалось, кризисные явления в Демократическом сговоре сопровождались выходом в феврале–марте 1924 г. из правящей партии части членов Демократической и Радикальной партий, которые восстановили благодаря этому самостоятельную политическую деятельность. Демократический сговор, несмотря на раскол и борьбу группировок внутри него самого, не лишился жизнеспособности и сумел провести в октябре 1924 г. свой первый – учредительный – съезд. Это событие пришлось как раз на период активизации повстанческих планов левых политических сил, что, возможно, способствовало (в качестве реакции на вызов последних) определенному росту центристских тенденций в Демократическом сговоре.

В итоге в этой партии оказалась часть “старых” политических деятелей, в той или иной степени принявших “обновленческие” авторитарно-государственные идеи. Но в нем имелись и люди, оставшиеся на демократических позициях и не склонные разделять подобные взгляды. Идеологические различия между сформировавшимися вокруг своих лидеров (А. Цанкова и А. Ляпчева – крупного политика, обладавшего большим политическим опытом) группировок Демократического сговора в полной мере отразились и на ходе принятия на съезде его программы, и на ее содержании. В проекте программы, написанном, по мнению болгарской исследовательницы Р. Пыр-

вановой, Ляпчевым, говорилось о развитии демократии в стране, о гарантированности прав и свобод граждан, о прерогативах государственных институтов, судебной власти, местного самоуправления и т.п. Опубликованный всего за десять дней до открытия съезда, он вызвал на партийном форуме бурную дискуссию, особенно по вопросу о верховной цели Демократического сговора. Под нажимом Цанкова этот пункт программы после ее единогласного принятия стал увязываться с задачей консолидации государства и его институтов, с борьбой за “сильную и авторитетную государственную власть”. “Если проект программы ставил перед Демократическим сговором задачу развития демократии, – подводит итог Р. Пырванова, – то сама программа – консолидацию государства”¹.

Важно отметить, что направлению государственного строительства, лоббировавшемуся Цанковым, противостояла немалая часть политического спектра. На демократической почве оставались, прежде всего, отколовшиеся от Демократического сговора части Демократической и Радикальной партий, а также БРСДП. Несмотря на нюансы и оттенки в программах и действиях каждой из них, они составили в общем сравнительно цельную лояльную оппозицию режиму Цанкова. Но не предпринимали до поры активных действий, хотя власти и по отношению к ним стали применять репрессивные меры, обвиняя их в предательстве за отказ влиться в ряды “спасителей отечества”. Особняком и в определенной степени в изоляции оставалась Национал-либеральная партия.

Летом 1924 г. процесс формирования “левого” заговора против правительства Цанкова и подготовки нового государственного переворота путем вооруженного восстания заметно продвинулся. Однако переговоры между его софийскими инициаторами – руководителями БКП, левицы и части центристов БЗНС – шли с большим напряжением, были многоуровневыми и противоречивыми: стороны не слишком доверяли друг другу; к тому же большая часть выдвигаемых каждой из них условий приобрела ту или иную степень определенности лишь в конце августа – начале сентября.

В ходе переговоров представители левицы и части центристов БЗНС, во-первых, предлагали в качестве срока вооруженного выступления назвать сентябрь или октябрь 1924 г. (что, напомним, противоречило рекомендации Москвы перенести возможное восстание на весну 1925 г.); во-вторых, целью акции называли восстановление правления БЗНС и, в-третьих, обозначали роль коммунистов как вспомогательную, главным образом имея в виду использование их опыта для организации нелегальной деятельности комитетов БЗНС². Становилось очевидным, что в такой политической конфигурации коммунисты теряли самостоятельность, не говоря уже о своей инициативной роли.

Скорее всего именно поэтому представители компартии добивались отдельного соглашения с левицей БЗНС. Со стороны ЦК БКП

такое соглашение подписали К. Янков и Ст. Димитров, со стороны левицы – Д. Грынчаров и Н. Петрини, однако существенных уступок коммунисты не получили: левица БЗНС оставалась верной основным установкам программ Акционного комитета о едином фронте и о крестьянско-рабочем правительстве.

Между тем 1–2 сентября в Праге состоялась встреча Г. Димитрова с бывшими министрами правительства Стамболийского Н. Атанасовым и Хр. Стояновым, которым болгарские коммунисты, в частности К. Янков, помогли бежать из тюремного заключения в Софии и переправиться за границу. В ходе пражской встречи Димитров получил от них заверения в их верности линии единого фронта, готовности взять в свои руки руководство Заграничным представительством БЗНС (оттеснив в нем Ал. Оббова и К. Тодорова) и вместе с софийскими лидерами левицы составить революционный центр Земледельческого союза.

Сообщая в Софию, в ЦК БКП о пражской встрече, Димитров писал: “Все это произошло с согласия Грынчарова и его товарищей. Они считают, что обещанное сербами оружие наконец на этих днях будет предоставлено в их распоряжение и, если это действительно произойдет, можно было бы в октябре предпринять восстание путем вступления в Видинский округ хорошо организованной и вооруженной части из Сербии и перенесения его оружия для массового вооружения населения”³. Димитров сообщал также, что Атанасов и Стоянов категорически отвергают всякие помыслы о сепаратных от коммунистов действиях и что югославское правительство, не выставляя никакой цены за помощь, “готово неофициально помочь в ликвидации режима Цанкова”.

Вместе с тем Димитров, как следует далее из цитируемого письма, не сомневался, что в глубине души его собеседники думали об установлении «чисто “земледельческого” правления», и это, по его мнению, заставляет коммунистов быть очень бдительными и осторожными. А окончательный результат, считал он, будет зависеть от соотношения сил, и у коммунистов нет причин беспокоиться по этому поводу.

Все же в Праге и Димитрову пришлось согласиться с тем, что большинство будущего нового временного (до проведения выборов) правительства будет состоять из “земледельцев”-левицы, включая пост премьер-министра⁴.

Письмо Димитрова в Софию, по сути лишь уведомительное, вызвало взрыв негодования в ЦК БКП, посчитавшего действия Димитрова самовольными и нарушающими уже налаженную в стране практическую совместную работу с “земледельцами”, о чем “цекисты” поспешили заявить в вышестоящие коминтерновские органы.

Однако в целом коммунистическо-“земледельческие” встречи как внутри Болгарии, так и за границей не привели к конеч-

ным определенным результатам: в согласованиях участвовало слишком много субъектов, преследовавших собственные цели. При этом разногласия проявлялись не только между коммунистами и “земледельцами” как сторонами в переговорах, но и в самом БЗНС – между его левицей и центристами, а также внутри каждой из этих групп. Кроме того, внутреннее (софийское) руководство и БЗНС, и БКП не ладило со своими заграничными представительствами. 15 октября уполномоченный Коминтерна в Вене сообщал в Москву: вопрос о том, до чего же мы в конце концов договорились с “земледельцами” и что практически из этого можно извлечь, – до сих пор не согласован с болгарским ЦК⁵.

Тем не менее и “земледельцы”, и коммунисты кое-где совместно, но в основном каждый в отдельности продолжали практическую подготовительную работу.

В Болгарии “земледельцы” сумели создать сеть тайных революционных комитетов. Непосредственную подготовку к восстанию осуществлял Центральный ревком в столице – речь шла прежде всего о контрабандной доставке оружия из Югославии⁶. Наиболее активными деятелями ревкома были “левые” “земледельцы” – адвокат по профессии Д. Грынчаров и ветеран-фронтвик Н. Петрини⁷. Оба они, участвуя в издании газет “Защита”, “Народовластие”, “Оранжево знаме”, “Народно знаме” (выходили в разное время в 1923–1925 гг.), вели обширную публицистическую деятельность, пропагандировали свои взгляды.

Софийский ревком поддерживал связи и с ЦК БКП, и с ЗП БЗНС в югославском Нише, имел контакты с представителями оппозиционного крыла Демократической и Радикальной партий, с “широкими социалистами”, а затем и с генералом Н. Жековым, в свою очередь решившим подготовить и произвести государственный переворот и с конца 1924 г. собиравшим для этого силы и сторонников.

Помимо нелегальных ревкомов “земледельцам” удалось сформировать и боевые группы, состоявшие главным образом из приверженцев левицы, а частично и центристов. Иногда все же складывались “совместные” – из “земледельцев” и коммунистов. Всего к концу 1924 г. в боевые группы входило около 800 человек⁸.

Что касается членов ЗП БЗНС, то они в свою очередь готовились к вооруженному выступлению отдельно от коммунистов. Позже Н. Атанасов в частном письме признавался, что бежал за границу с убеждением, что необходимо готовить тайную революционную организацию, чтобы в удобный момент *своими силами* (выделено мною. – *Авт.*) свергнуть заговорщиков и восстановить положение, существовавшее до 9 июня 1923 г.⁹

Усилиями ЗП БЗНС в Югославии был создан Заграничный ревком и Штаб революционной армии во главе с полковником запаса Ив. Тулешковым, организовано восемь пограничных каналов

для перехода болгаро-югославской границы. Постоянные контакты поддерживались с внутриболгарской революционной организацией.

Несмотря на все это, акция “земледельцев” не состоялась. Годом позже Ал. Оббов объяснял причину провала вооруженного выступления тем, что, по его словам, в сентябре 1924 г. Атанасов и Стоянов продали болгарским коммунистам тысячу винтовок (видимо, полученных от югославских властей. – *Авт.*), и югославское правительство, начав опасаться вслед за Цанковым “большевизма на Балканах”, прекратило дальнейшее снабжение эмигрантов оружием. К тому же остались невыполненными обещания чехословацких властей предоставить ЗП БЗНС 10 тыс. винтовок и 200 пулеметов. “Тем самым, – заключал Оббов, – была провалена революция осенью 1924 г.”¹⁰.

Однако представляется, что главную роль в очередном крушении повстанческих надежд скорее сыграло общее изменение конъюнктуры в болгаро-югославских отношениях. Убийство Т. Александрова и разгром стройной организации ВМРО автономистов способствовали ослаблению на некоторое время напряженности между двумя государствами, постоянным основанием для которой являлась именно деятельность ВМРО.

Летне-осенняя 1924 г. активность “земледельцев”, их стремление к преобладанию над БКП, несомненно, наложили отпечаток на характер строительства Военной организации, которое в свою очередь вела БКП, как и на политику компартии в целом: фактор соревнования с “земледельцами”, понимание необходимости обеспечить себе возможность действовать на опережение усиливали у руководителей БКП революционное возбуждение и нервозность, подпитывали их ультралевые настроения.

После Витошской конференции Центральную военную комиссию ЦК БКП, а затем и Штаб ВО возглавил майор запаса Коста Янков. Это назначение, как увидим далее, сыграло едва ли не определяющую роль в роковых событиях 1925 г. Янков, по-видимому, обладал действительно большим армейским опытом: он окончил Военное училище в Софии, сражался на фронтах Балканской войны 1912–1913 гг., а затем и первой мировой. Он привык смело отстаивать свое мнение, даже если оно расходилось с позицией партийных авторитетов, как это было в случае неприятия им подхода к переговорам с ВМРО автономистов, осуществлявшимся “делегатами” из Москвы. Помимо определенных черт характера, возможно, дополнительной основой его самостоятельности, “выделенности” в компартии служила принадлежность Янкова к семье “патриарха” болгарской социал-демократии Д. Благоева, на дочери которого он был женат.

Строительством военной организации БКП Янков и его сподвижники, поддерживая постоянные контакты с левицей БЗНС, за-

нялись со всей основательностью. Болгария была разделена на пять военно-революционных областей, каждая из которых делилась на военные округа, те в свою очередь на районы и подрайоны, затем следовали дружины и “шестерки”. Военный центр занимался армейской и политической подготовкой людей, изучались различные отрасли военного дела. При ВО существовало несколько секций: по вооружению, разведке, подрывному делу, связям, по карательной деятельности “в отношении предателей и отступников от дела коммунизма”. Наряду с военной разведкой и контрразведкой была учреждена и политическая разведка – ВО сумела овладеть шифром министерства внутренних дел и военного министерства, имела своих людей на центральной почте и в царском дворце¹¹. ВО поддерживала деятельность партизанских отрядов (чет), которые вели агитационно-пропагандистскую и организационную работу среди населения, способствуя созданию в народе “боевого настроения”; совершали налеты на отдельные села, терроризируя местную администрацию и расправляясь с “отъявленными реакционерами”; нередко прибегали к индивидуальному террору. Всего в 1924 – начале 1925 г. в Болгарии действовало 17 партизанских отрядов; в них участвовало около 300 человек.

ВО БКП разрасталась быстрыми темпами и постепенно ее аппарат стал превышать аппарат самой компартии. Так, из 800 членов софийской организации БКП почти 700 человек перешли в ВО¹².

Сообщения о “военной мощи” БКП, докладывавшиеся вверх по партийной коммунистической вертикали, подпитывали настроения в пользу продолжения курса на вооруженное восстание как в Софии, так и в Вене и в Москве. 18 ноября 1924 г. Димитров писал Коларову из Вены: “Итак, как видишь, дело идет таким образом, что мы действительно *реально* приближаемся к возможности восстания весной. Нужно усиленно использовать предстоящие три месяца – декабрь, январь и февраль – для *быстрой и всесторонней подготовки*, чтобы мы весной могли действительно приступить к действию”¹³.

В Москве среди представителей ряда авторитетных органов власти, не избавившихся еще от политической левизны, революционные ожидания были приблизительно того же рода. Так, например, в заключительной части ноябрьского 1925 г. аналитического доклада Отдела балканских стран НКВД СССР говорилось об “объективно благоприятной” и “глубоко революционной обстановке в Болгарии”, исходя из чего Болгарской компартии, по мнению авторов доклада, необходимо держать курс на вооруженное восстание¹⁴.

Но вскоре в сообщениях из Болгарии появились тревожные ноты: правительство Цанкова решило перейти к активизации превентивных действий и подавить готовящуюся смуту. Совет министров несколько раз созывался на специальные заседания, чтобы обсудить

положение. В качестве мер противодействия была произведена концентрация сил армии и полиции, участились увольнения заподозренных в нелегальной деятельности лиц, усилилось преследование чет. На улицах запретили собираться группами. Едва ли не правилом стали убийства из-за угла коммунистов и “земледельцев”, совершаемые, как сообщалось в периодической печати, некими “безответственными факторами”. Власти начали формировать контрчеты из добровольцев с целью покончить с партизанским движением в стране.

Ежедневные материалы в болгарской прессе о раскрытии коммунистических “шестерок” или “земледельческих” ревкомов, о конфискации незаконно приобретенного оружия, о нападениях чет, о готовящемся восстании – все это на фоне действительного усиления репрессий со стороны властей создавало напряженную, тягостную атмосферу в стране. Постоянные преследования способствовали быстро наступавшей дестабилизации деятельности руководства БКП, нарушению его функций. Связи между членами ЦК, находившимися на нелегальном положении и в постоянном ожидании провала, становились все более редкими и затрудненными. В этих условиях Янков и его Военная организация стали проводить свою работу все более самостоятельно и независимо от ЦК, ряд вопросов военного порядка не обсуждали целым составом ЦК и даже его Исполбюро. ВО начала применять в качестве основного метода индивидуальный террор, наводить ужас на представителей власти террором стало главным и для чет.

Уже понимая, что деятельность чет приносит больше вреда, чем пользы, и во что она превращается в условиях преследования правительственными войсками чет по пятам, некоторые члены ЦК БКП высказывались в пользу того, чтобы удерживать партизан от индивидуальных выступлений. Эту позицию поддержала Балканская комиссия ИККИ/ЦК РКП(б), приняв 9 декабря 1924 г. решение, в котором указывала на опасность превращения чет в банды, могущие выйти из-под контроля руководства компартии¹⁵.

Ситуация становилась очень серьезной. Это понимали и в Москве. Согласно информации, полученной ИНО ОГПУ, в конце января 1925 г. болгарское правительство готовило «провокацию против “земледельцев” и коммунистов, чтобы уничтожить их и избавиться от назревающей опасности»¹⁶. Стало известно о заседании Совета министров Болгарии 27 января 1925 г., где министр внутренних дел Русев заявил: “Деятельность коммунистов продолжает вырождаться в отдельные убийства, покушения, нападения и проч. Подготовка коммунистами массовых выступлений весной видна из факта закупки ими по всей стране оружия и попыток доставить его во что бы то ни стало. Коммунисты предлагали продать им оружие многим офицерам, в частности, в Южной Болгарии”¹⁷.

Положение осложнялось тем, что генерал Н. Жеков, пытавшийся, как говорилось выше, составить “свой” заговор и произвести военный переворот, в поисках союзников вел переговоры с широким кругом представителей лояльной оппозиции – лагерь недовольных политическим режимом Цанкова в сгущавшейся атмосфере ожидания гражданской войны был достаточно велик. Жеков обращался и к левым “земледельцам”, и к коммунистам, по поводу чего руководство БКП запросило мнение Москвы. 28 января 1925 г. Президиум ИККИ рекомендовал БКП “согласиться на переговоры с левыми генералами” и отказаться от вооруженного выступления против групп, свергающих Цанкова, а также по возможности вести переговоры с левыми “земледельцами” под лозунгом “драться против Цанкова готовы”¹⁸. При этом в резолюции содержалось предупреждение об опасности предлагаемой тактики, как могущей помочь укрепиться “более жизнеспособной фракции буржуазии”.

Тем самым Коминтерн ставил перед БКП, по существу, совершенно новую тактическую задачу, к решению которой партия не была готова. В серьезно дезорганизованном ЦК БКП, заикленном на проблеме вооруженного восстания под руководством компартии, московская резолюция стала толковаться двояко: кто-то понимал ее как отмену курса на восстание, кто-то, наоборот, как ориентир на всеенное вооруженное выступление.

Эта разногласица мнений не позволила членам ЦК БКП в течение первых трех месяцев 1925 г. определиться и в отношении готовившегося ВО взрыва собора “Св. Воскресения” в центре Софии. Часть членов ЦК высказывалась за проведение теракта, другая была против.

В середине марта 1925 г. правительство, сужая круг, провело через парламент закон об изменении и дополнении закона о защите государства. Теперь почти каждая его статья приобрела окончание: карается смертью. 15 лет тюремного заключения предусматривалось для тех, кто укрывал человека, не подозревая, что укрываемый может быть привлечен к ответственности по ЗЗД. Органы местной администрации получили задание составить списки неблагонадежных.

16 апреля 1925 г. натянутая струна лопнула и так долго стоявшее наготове ружье выстрелило: динамит, заложенный предварительно в колонны собора “Св. Воскресения” сотрудниками ВО БКП, был взорван во время отпевания убитого из-за угла генерала Косты Георгиева – одного из основателей Военного союза. На церемонии в храме присутствовали члены правительства, высокопоставленные чиновники, военные – ветераны войн. Под развалинами храма погибло более 100 человек, в том числе офицеры – соратники боевого генерала, но в большинстве – простые прихожане. Было много раненых. Однако из руководства страны, уничтожить которое надеялись организаторы теракта, никто серьезно не

пострадал. Случайно на службу к моменту взрыва опоздал царь Борис.

Спустя почти три десятилетия Цанков так вспоминал ужаснувшее его событие: “По православному ритуалу церковный прислужник раздал свечи, начиная с меня, как будто считал нас. Подавая свечи, посмотрел на каждого из нас... Гроб с телом убитого генерала был поставлен на определенное для таких случаев место. Мы, министры, расположились в два ряда, как полагается по протоколу. Сзади нас стояли официальные и должностные лица, храм был набит народом, были женщины и дети. Прислужник передвинул гроб с покойным ближе к алтарю, так что мы, министры, автоматически сместились на несколько шагов вперед и оказались точно под куполом собора, где была заложена адская машина с 30–40 килограммами взрывчатки. Это перемещение спасло правительство. Невежественный прислужник думал, что мы окажемся точно под ударом и точно будем уничтожены”¹⁹.

Взрыв собора в столице потряс всю страну.

Трагической насмешкой судьбы явилось то обстоятельство, что 15 апреля 1925 г., т.е. за день до теракта, Президиум ИККИ принял наконец постановление, серьезно отличавшееся от всех предыдущих. Отмечая, что международная обстановка становится все более неблагоприятной для выступления рабочих и крестьянских масс Болгарии, что военная организация “при затяжном кризисе” оказывается перед опасностью уклонов, Коминтерн счел необходимым, чтобы БКП отказалась от курса на вооруженное восстание в ближайшее время. В постановлении указывалось, что ВО должна быть свернута, проверена и перестроена для другой функции – для обороны собраний, демонстраций и т.п., что теракты и деятельность чет должны быть прекращены²⁰. К несчастью, запоздалые эти рекомендации оказались обращенными уже в никуда.

Инициатива по разрешению положения в стране в связи с терактом оказалась в руках военных. Совет министров поручил принять неотложные меры военному министру генералу Вылкову и министру внутренних дел генералу Русеву. Помимо того, что в самый день кровавого покушения – 16 апреля – было введено военное положение, означавшее фактическое сосредоточение всей власти в руках военных, правительственные генералы призвали на помощь Военный союз. Именно его члены занялись осуществлением репрессивной политики правительства, считая теракт оскорблением не только памяти блестящего генерала, но и достоинства всего героического болгарского офицерства. Центральное правление ВС приняло негласное решение “ликвидировать людей, причастных к акту взрыва”²¹. Так был приведен в движение весь механизм принуждения государства, включая его неконституционные структуры.

Репрессивные меры коснулись не только непосредственных участников теракта, но также сотен подвернувшихся под горячую руку

людей. Начались повальные обыски по спискам, составленным заранее. Созданные по всей стране специальные комиссии занимались определением тех среди арестованных, кто подлежал ликвидации. Несчастных кидали в топку софийского полицейского управления, убивали в подвалах армейских казарм, расстреливали, душили во время допросов с помощью петли, набрасывавшейся из-за спины. Тела сбрасывали в мешках в ров. И все это – без суда и приговоров, отчет держался только перед кучкой военных чинов. Наиболее массовый характер репрессии приняли в столице, но и в провинции аресты, пытки, убийства приобрели широкие размеры. До 31 июля в Варненском гарнизоне было арестовано около 10,5 тыс. человек, в Пловдивском – свыше 13 тыс.

Кроме самочинных расправ, по всей стране работали военно-полевые суды. Измененный ЗЗД позволял использовать в качестве основной меры наказания смертную казнь.

Размах практически неограниченных репрессий поверг страну в ужас. Давно уже были осуждены и публично казнены непосредственные участники теракта, разгромлены и выведены из строя организации БКП и “земледельцев”-единофронтовцев, а власти упорно продолжали действовать огнем и мечом. Сохранение военного положения в стране позволило Вылкову чувствовать себя в ней полноправным хозяином и присвоить себе ряд политических функций, что укрепляло его положение в глазах царя. И одновременно... подрывало авторитет Цанкова²², который формально нес всю ответственность за происходящее в Болгарии.

Перекося методов управления в сторону репрессий затруднял течение общественной жизни, мешал нормальной хозяйственной деятельности, тормозил международные контакты. В обществе произошел раскол по новым линиям. Прежде бездействовавшая лояльная оппозиция стала требовать смены политического курса. В конце июля 1925 г. орган Демократической партии писал: положение характеризуется наличием государства в государстве, правительство же стоит в стороне, ничего не предпринимая для прекращения политической вендетты²³. Репрессии в Болгарии подверглись осуждению со стороны либеральных кругов Великобритании и Франции. В ряде европейских столиц возникли комитеты защиты жертв белого террора в Болгарии. Со словами гневного протеста выступал Исполком Коминтерна – позиция Коминтерна была отработана на заседании ЦБ ЦК РКП(б) 22 апреля 1925 г. В принятом решении говорилось: поручить Чичерину отгородиться самым решительным образом от попыток притянуть советское правительство к болгарским событиям, просить ИККИ поместить в печати краткое опровержение по вопросу о болгарских событиях, а Коларову и Димитрову предложить воздержаться от самостоятельных выступлений²⁴.

Под давлением внутри- и внешнеполитических факторов в Демократическом сговоре произошла передислокация сил: Цанков

как олицетворение сложившегося положения и формально главная фигура режима все более терял политический кредит, в то время как в правительственной партии стала набирать вес группировка во главе с А. Ляпчевым. В качестве возможного нового премьер-министра он устраивал основные политические круги Болгарии, а также часть военных и, что было очень важно, царя. В конечном счете Цанков, долго сопротивлявшийся уходу с поста премьер-министра, 3 января 1926 г. был вынужден подать в отставку. 4 января А. Ляпчев сформировал новый кабинет Демократического сговора.

В целом праворадикальные силы, учинившие государственный переворот 9 июня 1923 г., оказались не в состоянии использовать пребывание у власти в 1923–1925 гг. для укрепления своих позиций. В определенной степени это было обусловлено внутренними процессами в политических кругах и среди части военных. Создаваемый в противоположность “старым” партиям, как неспособным вывести страну из кризисного состояния, Демократический сговор, а вместе с ним и весь режим 1923–1925 гг. не смогли порвать с парламентаризмом. Что касается военной стороны режима, то здесь он проявил свои свойства в самой разнузданной форме, особенно после теракта 16 апреля 1925 г., оттолкнув в конце концов от себя часть некогда близких сторонников. Именно бесконтрольные репрессии тайной полиции и так называемых “безответственных факторов” ставили режим Цанкова и К^о в один ряд с профашистскими. Тем выше заслуга кругов болгарских здравомыслящих политиков, сумевших воспрепятствовать распространению и укреплению этого поветрия в стране.

Относительно леворадикальных сил – БКП и левицы БЗНС, которым марксистская историография отдавала пальму первенства в организации сопротивления трудящихся наступлению реакции, следует сказать, что их политическая роль сводилась, скорее, к обратному. В самом деле, не провоцируя они Цанкова и его администрацию авантюрными повстанческими планами и не преследуя столь фанатично идефикс вооруженного свержения правительства, БКП, а со временем и БЗНС смогли бы и после переворота 9 июня 1923 г. вписаться в легальную общественную и политическую жизнь страны. Если говорить строго, то принятая этими организациями тактика фактически явилась делом кучки экзальтированных личностей, исходивших из требований как ультрареволюционной идеологии, так и заговорщической практики, к тому же связывавших свои планы, в том числе личные, с дипломатией и спецслужбами враждебных в то время Болгарии государств. Ради достижения ставившихся ими целей, неременным атрибутом которых был и *их собственный приход к власти*, ее насильственный захват, жестокому и кровавому испытанию подвергся весь народ.

Динамика политического процесса в 1926–1931 годах. Правительство Андрея Ляпчева

Группировка Андрея Ляпчева в Демократическом сговоре активизировала свою деятельность осенью 1925 г., однако лишь заручившись поддержкой Бориса III, когда, изменив роли стороннего наблюдателя, царь проявил беспокойство по поводу репрессий в стране. Одной фразы об этом, произнесенной как бы мимоходом на официальном приеме, было достаточно, чтобы поставить под вопрос дальнейшее существование кабинета Цанкова.

Решившись на поддержку сторонников нормализации общественной жизни, Борис III стремился укрепить и собственное положение в стране. При этом он хотел опереться на армию, в которой еще не являлся хозяином положения. В деле привлечения симпатий офицества царь рассчитывал на помощь генерала Вылкова. Но также желал избавиться от влиятельного Военного союза, для чего дал Вылкову указание “постепенно дезорганизовать ВС и распустить его”²⁵. Такие меры должны были, по замыслу царя, укрепить единство армии и превратить ее в надежную опору монархии.

Правда, Вылков являлся фактическим организатором бесконтрольных репрессий в стране, но эту “неувязку” царь преодолел легко, сосредоточив ответственность за них лишь на премьер-министре. В результате Вылков сумел встать в позу защитника права парламента на урегулирование кризиса в правящей верхушке. Депутаты, близкие к Ляпчеву, предпочли “диктатуре Цанкова парламентарное правление с генералом Вылковым”, как писал в воспоминаниях Ст. Мошанов²⁶. Нехитрая манипуляция со сменой политической маски высокопоставленным генералом имела существенное влияние на формирование режима, который пришел на смену “цанковскому”.

Ляпчев устраивал Бориса III своей склонностью к компромиссам и отношением к трону как к незыблемой основе государства. Опираясь на Ляпчева и Вылкова, сохранившего в новом кабинете пост военного министра, монарх намеревался сделать правительство и армию важнейшими точками опоры для восстановления полноты собственной власти. Кроме того, Ляпчев как человек с большим политическим опытом и авторитетом специалиста по хозяйственным и финансовым вопросам, полученными еще в период его деятельности в довоенных кабинетах, устраивал и предпринимательские круги, стремившиеся извлечь максимальную пользу из складывавшейся экономической конъюнктуры: признаки стабилизации на Западе, да и в самой Болгарии все отчетливее давали о себе знать. Символичным в этом отношении было назначение на пост министра иностранных дел известного в стране финансиста Ат. Букова.

Состав кабинета Ляпчева формировался из представителей Демократического сговора. Цанков, однако, сохранял в этой партии

серьезные позиции; кроме того, он был избран председателем Народного собрания. Располагая таким политическим ресурсом, Цанков и не думал складывать оружия, готовился к новому раунду борьбы.

Размежевание наблюдалось также в среде военных, как бы подтверждая тем самым подмеченную современными политологами черту: военные, особенно когда приходят к власти, не представляют собой монолита²⁷. В действительности Вылкову противостояла группа вокруг Д. Велчева–К. Георгиева, явившихся в 1923 г. непосредственными организаторами государственного переворота, но оставшихся неудовлетворенными его результатами и глубоко переживавшими неудачу с реализацией “идеалов 9 июня”. Были у них и личные претензии к Вылкову, оставившему многих ее членов в небрежении, забытыми. Как писали в мемуарах бывшие члены ВС Хр. Стойков, Г. Иванов и П. Хадживанов, никто после переворота не интересовался рядовыми членами Союза, никто не собирался созывать очередного съезда, чтобы обсудить возникшие после 9 июня политические вопросы; Вылков всеми делами вершил единолично, минуя центральный руководящий орган²⁸.

Ляпчев намеревался управлять страной “кротко и милосердно”. Его правительственная программа отражала потребности общества в либерализации режима и возвращении к нормам буржуазно-демократического конституционного правления. Определенные условия для политической стабилизации создавало фактическое устранение наиболее беспокойных противников власти, последовавшее в 1923–1925 гг. в результате разгрома компартии и ликвидации ее подпольной военной организации, а также из-за глубокой внутренней дезорганизации БЗНС. Все это позволяло Ляпчеву ограничиться в своем кабинете лишь одним военным – генералом Вылковым. А в скором времени премьер-министру удалось, хотя и не без труда, произвести замену гражданскими лицами руководящего состава административно-территориальных органов страны, где до тех пор были представлены главным образом отставные военные среднего ранга²⁹.

Одна из главных задач, поставленных монархом перед военным министром – обеспечить контроль над армией, оказалась сложной для исполнения. С одной стороны, царский приказ “вернуть армию в казармы” не затронул окружения самого военного министра, который продолжал использовать прежний аппарат, до некоторой степени сохранявший репрессивные функции.

С другой стороны, сопротивление части политизированных военных, в среде которых зрели антимонархические настроения, оказалось не просто спонтанным. Так, офицеры преимущественно среднего звена (“капитаны”), группировавшиеся вокруг Велчева и Георгиева, стремились возродить Военный союз как независимую от монарха, самостоятельную организацию. Они по-прежнему нега-

тивно относились к политической демократии, исповедуя постепенно всё более четко оформляющуюся идею установления беспартийного режима.

Решительное столкновение сторонников министра с оппозицией произошло в июле 1928 г. на созванном наконец-то съезде Военного союза. Съезд проходил нелегально, ночью в здании военного министерства, в окнах которого Вылков выставил пулеметы. Они были нацелены на городской сад, где расположилась вооруженная охрана оппозиционных офицеров³⁰. Несмотря на столь недвусмысленное давление, приверженцы Вылкова не смогли на съезде одержать победу, “капитаны” же сумели оформиться в Тайный военный союз. Таким образом часть военной оппозиции ушла в подполье, а ТВС превратился в новый опасный центр заговорщиков.

Начало политики либерализации режима, провозглашенной Ляпчевым, ознаменовалось принятием закона об амнистии в феврале 1926 г.³¹ В свою очередь Вылков, выступая в новых обстоятельствах едва ли не защитником демократии, стал инициатором нескольких царских указов о помиловании ряда лиц, осужденных в 1923–1925 гг. военно-полевыми судами³². Эти меры, проходившие как через гражданские, так и через военные инстанции, были далеко не полными, частичными. Об их символичности говорит донесение болгарского посланника в Лондоне, в котором он информировал свое министерство о впечатлении одного из английских лейбористов, посетивших в 1927 г. Болгарию: его сильно поразило тот факт, писал посланник, “что у нас еще много арестованных с давних пор и не преданных суду, вероятно, из-за отсутствия достаточных улик их виновности, что власти и теперь прибегают к мучительным истязаниям арестованных”³³.

Как министр внутренних дел Ляпчев проявлял заинтересованность в том, чтобы ликвидировать приобретенную в 1923–1925 гг. полицией независимость от гражданских властей. Сделать это было непросто – сложная расстановка сил в правящей верхушке (прежде всего, двуцентровость правительственного Демократического соглашения) позволила служащим этого ведомства превратить его в многорукое чудовище, снабжавшее политической информацией не только своего министра, но и его конкурента в лице Цанкова, а также руководителей ВМРО.

При этом постановке слежки за неблагонадежными министерство внутренних дел уделяло особое внимание. Окружные полицейские инспектора вели всестороннее наблюдение на подведомственной им территории, окружные управители ежемесячно посылали подробные донесения по специальной форме в столицу. В 1927 г. при Дирекции полиции было создано Бюро по печати³⁴ с цензурскими полномочиями, хотя законодательно цензура в стране не вводилась. Большое значение придавалось установлению связей с зарубежными полицейскими службами. В частности, благодаря услуге австрий-

ских властей правительство Ляпчева получило “успокоительные” для себя материалы расширенного пленума ЦК БКП, состоявшегося в Вене в сентябре 1926 г.; из них явствовало, что открытого выступления болгарских коммунистов не предвиделось: они ориентировались на восстановление компартии и на поворот ее к массам, установление связей с ними, одновременно ставя задачу создания легальной рабочей партии.

Поскольку работу разных организаций полицейский аппарат мог в той или иной степени контролировать, Ляпчев решил позволить деятельность легальной Рабочей партии и некоторых других рабочих объединений. Расчет правительства строился на предположении, что создание массовой Рабочей партии обгонит процесс восстановления подпольной БКП, а при наличии ликвидаторских настроений в последней может и подорвать его, сделать излишним само существование БКП. В результате в феврале 1927 г. смогла конституироваться Рабочая партия (РП), а в мае 1928 г. – Рабочий молодежный союз (РМС). С 1925 г. постепенно восстанавливалась деятельность независимых профсоюзов. Рабочая партия была допущена к участию в парламентских выборах.

Легальные организации рабочего класса были довольно специфическими по своей функциональной роли: официально приняв статус независимых от какой-либо партии, РП, НРПС и РМС действовали под руководством находившихся в подполье компартии и комсомола. Эта связь была как идейно-политической, так нередко и организационной. Например, член Исполнительного бюро ЦК БКП Хр. Калайджиев стал одновременно и членом ЦК РП, он же был избран депутатом Народного собрания от РП. При конституировании РП насчитывала 4 тыс. членов, осенью 1928 г. после специально проведенной оргкампании – около 6 тыс.

Допуская легализацию ряда рабочих организаций и их контролируемую деятельность, правительство Ляпчева не предусматривало никаких послаблений в преследовании подпольной БКП, не без оснований относя ее к числу террористических. Весной 1926 г. состоялся судебный процесс против 38 БКП с 118 подсудимыми, 26-ти из них вынесли смертный приговор. В ходе одновременного процесса против ЦК комсомола четверо из 37 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания³⁵. При этом власти, не снижая ответственности за нарушение законов страны, смертные приговоры в исполнение не приводили.

Процесс приспособления БКП к подпольным условиям сопровождался немалыми издержками, методы работы вырабатывались в борьбе, принявшей в конце концов фракционный характер. В 1928–1929 гг. один за другим последовали два крупных провала ЦК БКП, в результате чего компартия на несколько месяцев осталась без руководства внутри страны. Общая численность БКП к 1929 г. составляла всего 815 человек³⁶. В руководстве партии преоб-

ладали левацкие представления. Невзирая на пассивность населения, коммунисты призывали людей к “открытому и повсеместному наступлению”, “овладению улицей”, свержению “фашистского режима” и установлению диктатуры пролетариата.

Другим объектом внимания правительства Ляпчева являлся БЗНС.

Апрельские события 1925 г. стали поворотными в жизни этой партии. Основная масса приверженцев единого фронта подверглась физическому истреблению вместе с коммунистами. Организационно БЗНС находился в полном расстройстве. Пережитый страх перед репрессиями вызвал общее поправление его лидеров, а выработка политической линии и определение места Союза в общественной жизни с учетом изменившихся обстоятельств происходили в изнурительной внутренней борьбе. Единственное, что теперь не вызывало споров в руководстве БЗНС, это – отказ от сотрудничества с БКП, осуждение тактики единого фронта. Следя за этими процессами, власти стали ориентироваться на политику “приручения” руководства БЗНС, оставшейся самой массовой партией в стране. И одновременно использовали собственные рычаги для усиления разногласий между группировками Союза, так как организационно сильный БЗНС представлял бы потенциальную опасность.

В декабре 1926 г. произошел окончательный раскол Земледельческого союза, в результате чего на свет появились БЗНС-“Оранжевый” во главе с правыми деятелями К. Томовым и С. Омарчевским и БЗНС-“Врабча-1”, куда вошли деятели умеренно правого крыла, центра и левицы. Рождение новых партий было оформлено на их съездах в апреле 1927 г., впервые после четырехлетнего прерыва разрешенных властями, причем обеим частям отдельно, в разных городах.

Делегаты съезда БЗНС-“Оранжевый”, заявляя о необходимости “разорвать обруч недоверия к БЗНС”, выразили готовность к сотрудничеству даже с Демократическим сговором. Лозунгом было: “Гражданский мир любой ценой”³⁷.

На съезде БЗНС-“Врабча-1” преобладали свои правые во главе с Г. Марковым и А. Радоловым. В принятых резолюциях вооруженное выступление в сентябре 1923 г. и единые действия с БКП были подвергнуты осуждению. Съезд заявил о поддержке любого правительства, гарантирующего конституционные права и свободы граждан. Наметившаяся здесь левица была слабой и не могла повлиять на решения съезда. Что касается возглавляемых Д. Гичевым центристов, то свою позицию они определили лозунгом “Ни налево, ни направо!”

В целом силы “земледельцев” были настолько распылены, что ни одна группировка Союза, будучи допущенной к участию в парламентских выборах (май 1927 г.), не рискнула выступить самостоя-

тельно, предпочитая избирательные коалиции с партиями разной ориентации.

Выборы в Народное собрание проводились, как и прежде, по мажоритарной системе. Правительственный Демократический сговор, получив на них 35% голосов, обеспечил себе более 60% мандатов. При таком положении депутаты от остальных партий даже в случае сплоченного выступления не могли при голосовании в парламенте добиться перевеса.

В крестьянской стране, несмотря на отмеченную слабость БЗНС, именно его представителям население оказало массовую поддержку, так что БЗНС-“Врабча-1”, добившись 42 депутатских мандатов, занял второе после Демократического сговора место. Воодушевленные неожиданным успехом, “земледельцы” уже в ноябре 1927 г. – на следующем своем съезде потребовали замены однопартийного кабинета правительством широкой коалиции, отмены ЗЗД, амнистии политзаключенным, роспуска реакционных организаций, восстановления закона об аграрной реформе, отказа от намерений правительства прибегнуть к иностранному займу³⁸. Столь активное выступление произвело, по словам одного из современников, опшломляющее впечатление на политический бомонд, впрочем быстро рассеявшееся: “раздрай” в “земледельческих” кругах продолжался, в том числе в низовых организациях, члены которых, кстати, в противовес этому требовали объединения обоих Союзов и не хотели посылать делегатов на отдельные съезды.

В результате последовавшего все-таки в ноябре 1929 г. объединения БЗНС после почти 10 лет активного политического, а частично и властного противостояния “буржуазным” партиям, пережив бурные взлеты и трагические падения, занял свое место на политической сцене. За три года правления Ляпчева партия сумела более или менее восстановиться организационно, расстаться с иллюзиями относительно ряда прежних политико-государственных проектов, оценить собственные возможности применительно к новым условиям. И определить свое “политическое лицо” – ее политическая платформа создавала основу для объединенных действий с остальными партиями так называемой трудовой демократии – СДП, Радикальной партией и некоторыми подобными группировками.

Социал-демократов сближали с БЗНС их требования реконструкции или полной смены кабинета Ляпчева (по оценкам БРСДП(о), “фашистского”), восстановления пропорциональной избирательной системы, применения социального законодательства. Радикальная партия, пережив в свою очередь тяжелый период расколов, колебаний вправо и влево, приблизилась к отказу от подчеркивания своей политической “самостоятельности”. Для участников намечавшегося блока было характерно резко отрицательное отношение к политическому партнерству с Рабочей партией, как партией “крайних, революционных методов действия”, в то время как к некоторым пар-

тиям справа отношение, наоборот, либерализовалось, и в качестве возможного союзника постепенно вырисовывалась Демократическая партия. Руководство же последней рассчитывало возглавить эту преимущественно мелкобуржуазную по социальному составу коалицию и таким образом подготовить альтернативный однопартийному кабинету Ляпчева коалиционный вариант правления.

С формированием кабинета Ляпчева часть членов Демократической партии, особенно в провинциальных организациях, перешла под знамена нового премьер-министра (напомним, что Ляпчев был выходцем именно из Демократической партии). Остальным пришлось усиливать контакты с партиями “трудовой демократии”. С руководством БЗНС-“Врабча-1” глава “демократов” А. Малинов вел переговоры не просто о блоке, а о слиянии. Переговоры на двусторонней основе велись также с Радикальной партией³⁹.

Одновременно объектом внимания лидеров “демократов” являлись “правые” организации, включая группировку Цанкова. Такая политика опиралась на якобы новую доктрину “общественного согласия”, использовать которую Малинов предлагал взамен неудавшегося объединения политических партий в лице Демократического сговора. Однако для этого сил у “демократов” было недостаточно. Кроме того, лидеры других партий, участвовавших в переговорах, не желали быть лишь ведомыми и хотели взять в собственные руки инициативу объединения оппозиции, кто в организационном плане, как рассчитывало руководство БЗНС-“Врабча-1”⁴⁰, кто в “моральном плане” (социал-демократы). Переговоры партнеров шли трудно, и договориться об “общественном согласии”, а тем более по вопросу, что сначала – объединение или приход к власти, оказалось невозможным.

Руководствуясь тезисом “с партией приходят к власти, но с партией не управляют”⁴¹, Ляпчев выстраивал собственную линию политико-государственного поведения. Для него было важно знать, что происходит в партиях, и еще важнее – не допустить их усиления или объединения в более или менее крупные коалиции, способные бороться за власть. Уже отмечалось выше, что болгарская партийно-политическая жизнь отличалась раздробленностью, наличием множества мелких партий, – увеличение их “роения” отвечало интересам премьера. И не случайно секретарь Ляпчева замечал в своих мемуарах: “1929 год был годом разложения всех наших партий”⁴².

Но слабость инфраструктуры гражданского общества, составной частью которого являются политические партии и общественные организации, как бы сама собой вызывает к повышению роли государства, тем более такого, перед которым стоят задачи капиталистической модернизации⁴³. Именно в таком положении находилась Болгария. Ляпчев, обладавший тонким политическим чутьем, уловил требование времени и по-своему реализовал его.

Прежде всего Ляпчев стал играть активнейшую роль в парламенте, куда правящая партия перенесла свою основную деятельность. Парламентский клуб Демократического сговора еженедельно собирался на заседания, где обсуждались и предreshались важнейшие проблемы управления страной. Это делало как бы излишним проведение съездов Демократического сговора, они и не проводились, лишь эпизодически происходили заседания его высших органов.

Сам премьер-министр не только постоянно участвовал в заседаниях законодательного органа, но и определял повестку дня его следующих заседаний, их сроки, внимательно следил за ходом дискуссий и, судя по его репликам, чувствовал себя в большей мере хозяином положения, чем председатель Народного собрания этого созыва Цанков. По предложениям Ляпчева сроки парламентских сессий неоднократно продлевались, так что с октября 1927 г. по май 1930 г. Народное собрание работало почти непрерывно (на эти два с половиной года пришлось всего пять месяцев каникул), фактически превратившись в центр политической жизни страны. Происходившее при этом переплетение функций законодательной и исполнительной властей, сращивание элиты правящей партии с основными звеньями государственной машины, очевидно, не смущало Ляпчева, притом, что в болгарском политическом мире его называли “демократом и конституционалистом”.

Засилье правительственного большинства в Народном собрании означало превращение оппозиции в нем в фактически бесправный элемент парламентского механизма. Именно исполнительная власть преимущественно пользовалась правом законодательной инициативы. Среди ведущих направлений нормотворчества парламента стало в это время упорядочение структуры отдельных частей государственного и хозяйственного механизма и определение сферы их деятельности (были приняты законы о судопроизводстве, правах и обязанностях судей; положение об организации ремесленного производства; законы о страховых кампаниях и контроле за ними со стороны государства, об учреждении сберегательных касс, о Болгарском народном банке и многие другие).

Интенсивность разработки юридических норм, создание или упорядочение правовой основы деятельности государственных и хозяйственных структур были призваны демонстрировать обществу то значение, которое власти придают правовым началам и законности в жизни государства. Но гораздо более важно отметить, что обширное нормотворчество отражало объективную потребность Болгарии в модернизации социально-экономических структур и являлось результатом сознательной политики кабинета Ляпчева, стремившегося поспешать по мере сил за развитыми, законоупорядоченными, институционализированными странами Западной Европы. Этому содействовали и меры, направленные на повышение образовательно-

го уровня населения, улучшение условий для получения высшего образования в самой Болгарии.

Первоочередное внимание уделялось вопросам экономики. Были приняты протекционистские законы для промышленности, о снижении в 3–10 раз тарифов на экспортные товары и о повышении тарифов на импортные товары, что давало капиталу новые привилегии, позволявшие наращивать хозяйственные мощности. Особое внимание обращалось на предприятия государственного сектора и само его расширение как базы для протекционистской политики. В 1929 г. льготы предпринимателей, полученные за счет государства, оценивались в 1/8 часть бюджетного дохода⁴⁴. Значительный по масштабам страны ввоз машин и оборудования содействовал техническому переоснащению многих старых предприятий, строительству и вводу в строй новых. Всего за 1923–1929 гг. объем промышленной продукции возрос на 88%. Считается, что во второй половине 1920-х годов обозначился курс на частичную индустриализацию Болгарии⁴⁵.

Большое внимание Ляпчев уделял развитию кооперативного дела. Еще в 1910 г., будучи министром финансов, он инициировал создание Болгарского центрального кооперативного банка, под крылом которого росла и укреплялась сеть крестьянской, ремесленной и потребительской кооперации. Затем появились профилированные кооперативные союзы, а в середине 1920-х годов и Верховный кооперативный совет. В 1927 г. Ляпчев, продолжавший относиться к кооперации как к “экономической демократии”, лично возглавил его. В 1934 г. в Болгарии действовало около 5 тыс. кооперативов, объединявших свыше 800 тыс. человек при примерно 5-миллионном населении страны.

При всей серьезности модернизационных успехов Болгарии в области экономики при правительстве Ляпчева нельзя не отметить тщетности их по большому счету. В этом отношении приходится согласиться с мнением Р. Аврамова, автора интереснейшей книги “XX век Болгарии в аспекте экономики”, не так давно вышедшей в Софии. И протекционистскую политику болгарских правительств, и “отеческую” защиту ими кооперации он связывает с элементами традиционного сознания народа, людей, которые в последней четверти XIX в. получили самые передовые западноевропейские политические институты, но и в 20–30-е годы XX в. не имели (что, впрочем, естественно) индивидуалистического понимания самих себя, как свободных и ответственных личностей, не освободились от иждивенческого отношения к государству, от патриархальной боязни риска⁴⁶.

Долгое же пребывание, “засиживание” в таком состоянии, особенно когда “кооперативизм оказался поднятым до статуса официальной государственной идеологии”, лишало развитие капитализма в Болгарии должных импульсов, а кооперацию превращало в его

“доступную и желанную *альтернативу*”. В этом случае кооперативизм, пишет Р. Аврамов, перерастает чисто экономические функции и становится образом жизни, т.е. происходящее тиражирование элементов традиционализма не позволяет обществу вырваться из замкнутого круга. (Отсюда наблюдение Р. Аврамова, кажущееся очень важным для понимания всего XX экономического века Болгарии: “Очевидно, люди, жившие в подобной среде и создававшие в ее рамках стандарты своего экономического мышления, в общих чертах были подготовлены к социализму”⁴⁷.)

Но сам “просперитет” второй половины 1920-х годов внушал стране надежды. Они связывались и с благосклонным отношением к кабинету Ляпчева (чего никак не мог добиться в свое время Цанков) со стороны западных держав, особенно Великобритании. Недаром Ляпчеву приписывается фраза: “С англичанами, Священным синодом и царем Борисом не ссорюсь никогда”. Бóльший, чем у предшественника, политический опыт и определенная гибкость Ляпчева позволили Болгарии получить на Западе под патронатом Лиги наций два крупных финансовых займа: в 1926 г. так называемого беженского – для обустройства огромного количества несчастных людей, перемещенных в итоге прошедших войн, – а затем в 1928 г. и “стабилизационного” с соответствующим предназначением. “В тогдашний критический момент, – пишет болгарский историк академик Д. Косев, – это было необходимым глотком воздуха для оздоровления страны”⁴⁸. Несколько позже правительству удалось добиться и чувствительного снижения репарационных платежей.

Определенный рост материальных возможностей обострил конкурентную борьбу среди представителей “капиталистически сильных” слоев и их стремление оказывать решающее воздействие на экономическую политику страны, особенно с связи с манерой Ляпчева использовать авторитарные методы управления и в этой области. Показателен в этом отношении эпизод, когда премьер лично – без ведома парламента и большинства членов кабинета – санкционировал условия получения “стабилизационного займа”, противники которого считали, что это усилит зависимость Болгарии от иностранного капитала.

Не утихала борьба и внутри Демократического сговора. Ни на минуту не прекращал действовать против правительства, обвиняя Ляпчева в либерализме, мечтавший о возвращении к власти Цанков. Приверженцы Цанкова, в первую очередь из среды военных, старались скомпрометировать правление Ляпчева и таким образом восстановить “обаяние 9 июня”. Провоцируя раскол Демократического сговора, в начале 1929 г. цанковцы основали собственную газету “Лыч”. Этот орган стал выступать с позиции, враждебной политическому курсу Ляпчева, возвеличивая “идеалы 9 июня”. Первое место среди них занимал идеал сильной власти, противопоставлявшийся

“керенщине Ляпчева”. Прошедшие в 1929 г. стачки рабочих табачной, а затем и текстильной отраслей промышленности “Лыч” использовал для агитации в пользу введения государственной регламентации отношений между трудом и капиталом. На страницах газеты откровенно пропагандировался опыт итальянских фашистов как отвергших либеральную концепцию и “радикально разрешивших” вопрос о вмешательстве государства в социальную сферу. Печатались множество материалов, нацеленных на пробуждение “болгарского национального духа”. Имена деятелей болгарского Возрождения, идеи освободительной борьбы использовались цанковцами в качестве источника “нового национализма, приспособленного к задачам послевоенного времени”⁴⁹.

В 1928 г. образованная годом раньше политизированная группа “Звено”, куда входили представители интеллигенции во главе с Д. Казасовым, стала издавать одноименный журнал. Этот еженедельник вскоре превратился в центр притяжения и для некоторых начавших отходить от Цанкова “деятелей 9 июня”, не примирившихся с неосуществлением своих идеалов. Тем самым военные из нелегального ТВС получили возможность через “Звено” влиять на общественное мнение. “Звено” резко отрицательно оценивало внутреннюю политику Ляпчева как способствовавшую расцвету фракционности в Демократическом сговоре и вследствие этого его ослаблению, а также как приведшую к возрождению “антипатриотических” сил в лице Рабочей партии и БЗНС.

Маневрируя, Ляпчев пошел в 1930 г. на реконструкцию кабинета, включив в него Цанкова и двух его сторонников. Удовлетворенный получением, пусть второстепенного, поста министра просвещения Цанков заявил о прекращении борьбы. Издание газеты “Лыч” было приостановлено. Столь политизированный компромисс возмутил часть сторонников Цанкова, особенно тех, кто называл себя “деятелями 9 июня”, в адрес перебежчика посыпались обвинения в дезертирстве и капитулянтстве. Спустя несколько месяцев из среды бывших “лычистов” выделилась группа недовольных Цанковым во главе с К. Георгиевым, которая установила тесную связь со “звенарями”. Вступив затем в “Звено”, Георгиев вскоре стал одним из руководителей этой политической организации.

Накаливанию атмосферы недовольства официальным курсом правительства способствовало и обострение борьбы между сторонниками Ляпчева и приверженцами Цанкова в союзах офицеров и унтер-офицеров запаса. В ноябре 1929 г. организация “Родна защита” открыто объявила себя фашистской, требовала реформы парламента в целях изменения его состава, создания государственного совета, ликвидации автономии общин и их выборности, реформы школы⁵⁰.

Критика справа распространялась также на область внешней политики правительства, особенно когда с конца 1920-х годов появились приметы ослабления уз Версальской системы. В отношении

стран Запада и балканских соседей внешняя политика правительства Ляпчева исходила более всего из опыта первой половины этого десятилетия, показавшего эфемерность надежд политическими средствами добиться реализации хотя бы тех возможностей, которые содержались в Нейском договоре (предоставление Болгарии экономического выхода в Эгейское море, признание прав меньшинств, сокращение репараций). Попытки ставить эти вопросы в Лиге наций не давали результатов.

Вынужденная пассивность внешней политики вызывала все более острое недовольство “патриотических” кругов. Особенно тугой узел противоречий завязался вновь вокруг ВМРО, остававшейся одной из опор, причем неконституционной, группировки Борис III–Вылков–Ляпчев. Как и прежде, деятельность ВМРО находилась в противоречии с официальным курсом внешней политики Болгарии, ориентированным на добрососедские отношения со всеми государствами на Балканах.

После погрома ВМРО в конце августа–начале сентября 1924 г. – убийства Т. Александрова и почти полного истребления левицы – ЦК организации возглавили А. Протогеров и Ив. Михайлов, бывший до того секретарем Александрова. Их стараниями ВМРО была “возвращена на свое место” – вновь привязана к дворцу и генералу Вылкову. В 1928 г. последовало убийство и Протогерова, не поладившего с Михайловым в вопросах тактики и лично⁵¹. Сосредоточив руководство организацией в своих руках, Михайлов действовал главным образом вооруженной рукой. Убийства политических противников на улицах Софии и других городов стали обыденным явлением. Одновременно Михайлов поощрял проведение террористических актов на югославской территории, полагая, что такая тактика будет способствовать пересмотру вопроса о судьбах македонских земель в международных органах. Эффект был обратным – ВМРО, все более вырождаясь в откровенно террористическую организацию, менее всего могла рассчитывать на благорасположение западноевропейской дипломатии.

Определенная поддержка, которую ВМРО получала со стороны Италии, преследовавшей собственные цели на Балканах, не только усиливала противоречия между Великобританией, Францией и Италией в зоне полуострова, но и создавала дополнительные поводы для напряженности между балканскими соседями. Так, цепь терактов, совершенных ВМРО в 1928 г., привела к резкому ухудшению отношений между Болгарией и Югославией. Кампания Белграда против ВМРО и персонально против связанного с ней военного министра генерала Вылкового была поддержана Англией и Францией. Полугодовые ухищрения Бориса III, вставшего на защиту генерала, фактически обеспечивавшего власть царя и в известной мере Ляпчева, оказались лишь отсрочкой – в начале 1929 г. Вылков вынужденно покинул свой пост.

Отставка Вылкового, обладавшего огромной властью как в годы режима Цанкова, так и в начальные годы правления Ляпчева, являвшегося в обоих случаях креатурой царя и руководившего основными неконституционными органами в стране, привела к развалу узкого негласного центра во главе с монархом. А также обрела на неудачу планы Бориса III, направленные на восстановление своих прерогатив в отношении армии, в которой все большее влияние приобретал ТВС из офицеров-заговорщиков во главе с Д. Велчевым, настроенных антимонархически и авторитаристски. Именно под их влиянием происходило в последующие годы восстановление Военного союза, стремившегося обрести роль политического фактора.

Остававшийся в распоряжении Ляпчева Демократический сговор не мог служить премьеру полноценной политической опорой, ибо в нем не было единства: вскоре после выделения фракции Цанкова в партии появилась еще одна группа – во главе с министром иностранных дел А. Буровым. Этот “трехглавый” Демократический сговор пребывал в состоянии организационной аморфности. В конце 1920-х годов Цанков констатировал: “Полное разделение и в партии, и в кадрах, и среди партийных масс ... Собрания не дают результатов”⁵². Фракционной борьбе не могла серьезно воспрепятствовать даже “Великая масонская ложа Болгарии” как надпартийная организация, объединявшая политическую элиту, хотя общее количество членов ложи значительно выросло за годы пребывания правительств Демократического сговора у власти⁵³.

Находившиеся в таком состоянии властные структуры были поставлены в конце 1928 г. перед фактом оживления рабочего движения.

В ноябре 1928 г. – январе 1929 г. по инициативе Рабочей партии по стране прошла кампания за широкую амнистию политзаключенным. Кампания сопровождалась голодовкой политзаключенных всех 22 болгарских тюрем. А с весны 1929 г. стала нарастать экономическая борьба рабочих. Ее кульминацией стали всеобщая стачка табачников и стачка сливенских текстильщиков, требовавших повышения заработной платы. Бастовали и рабочие других отраслей. Всего в забастовочном движении 1929 г. участвовало около 40 тыс. рабочих. В 1930 г. в связи с начавшимся экономическим кризисом уровень забастовочного движения несколько снизился (25 тыс. участников), но в 1931 г. вновь поднялся, составив 33–34 тыс. Имели место также невиданные до того выступления городской мелкой буржуазии – хозяев ремесленных мастерских, лавочников и других. Недовольство проявляло и крестьянство – главная тягловая сила всех экономических преобразований.

В стране все более четко обозначались признаки нарушения равновесия установившейся системы власти. Успех, достигнутый

правительством Ляпчева в его стремлении придать режиму устойчивость, оказался весьма кратковременным. Этому в большой степени способствовал и мировой экономический кризис, в который была втянута Болгария.

От правительства “блока демократии” до утверждения авторитарной власти царя

В атмосфере обостренного социального недовольства предстояли в июне 1931 г. выборы в Народное собрание. Партии, противостоявшие Демократическому сговору, стали сколачивать широкую антиправительственную коалицию – Народный блок с привлечением БЗНС. В состав Народного блока вошли Демократическая и Радикальная партии, БЗНС-“Врабча-1” и БЗНС-“Стара-Загора” (образовался еще в 1923 г.), одна из группировок национал-либералов. Эта коалиция не была органически спаянной. Лидеры БЗНС-“Врабча-1” вынашивали, например, планы, придя к власти, постепенно освободиться от партнеров и установить собственное однопартийное правление.

Подпольная БКП, продолжая нести человеческие потери вследствие повторных провалов, также решила участвовать в выборах и действовать через легальную Рабочую партию (РП). Но возможностей для самостоятельного представительства на выборах у РП из-за малости сил не было, приходилось думать о создании под своим руководством коалиции – Блока труда, куда РП призвала вступить те “земледельческие” местные организации, которые порвут с БЗНС, как “продавшимися буржуазии”. Следуя за левосектантскими установками БКП, РП выступала с позиций разоблачения “демократических иллюзий масс”. На практике ее лозунг разложения БЗНС и выделения левицы в нем только отталкивал крестьян, заставляя их крепче держаться за свою организацию.

Стремясь удержать власть Демократического сговора и не допустить победы коалиционного Народного блока, правительство Ляпчева пошло на изменение закона о выборах, причем весьма парадоксальным образом: согласно нововведению, выделялось специальное количество депутатских мест для партий, преодолевших всего лишь двухпроцентный барьер, чем оказывалась безусловная поддержка РП и блокирующимся с нею левым “земледельцам”, которые иначе не имели шанса на успех⁵⁴. В результате Блок труда обеспечил себе 31 депутатский мандат – событие, которое прежде характеризовалось марксистской историографией, обходившейся без упоминания особенностей нового избирательного закона, как “прорыв фронта фашистской диктатуры”.

Предвыборная тактика Ляпчева была рассчитана на отрыв части электората из низших слоев населения от Народного блока –

главного конкурента Демократического сговора. Однако сложная политическая манипуляция успеха премьер-министру не принесла. 21 июня 1931 г. Народный блок одержал уверенную победу, заняв первое место по числу проголосовавших за него избирателей (почти 600 тыс.). Таким образом Демократический сговор был отстранен от власти.

В парламенте нового созыва наибольшим числом мест – 75 – располагал БЗНС. Хотя Демократическая партия имела всего 41 депутатское место, именно она задавала тон в коалиционном Народном блоке. Сначала ее лидер А. Малинов возглавил кабинет министров, затем премьером стал Н. Мушанов, также представитель “демократов”. Иронией судьбы явился приход к власти наиболее умеренных партийных кругов Болгарии именно в разгар экономического кризиса, противостоять которому было тем труднее, что он протекал на фоне мирового кризиса. Страна нуждалась в жестких регламентациях, а представители Народного блока заявляли в предвыборной программе о необходимости расширения демократии, о помощи экономически слабым слоям населения.

Действительно, благодаря законам 1931–1933 гг. в известной степени удавалось сдерживать массовое разорение крестьян (министром сельского хозяйства стал Д. Гичев – лидер БЗНС-“Врабча-1”): законом о защите крестьянина приостанавливалась продажа земли за долги, вводилась рассрочка по уплате долгов, а сами они сокращались; участки земли размером до 4 га включительно становились неотчуждаемыми. Законом о государственном бюджете на 1932/33 г. прекращалось взимание поземельного налога с первого гектара каждого владения, что облегчило положение около 400 тыс. мелких и средних хозяев. Несколько раз на протяжении 1931–1934 гг. объявлялось частичное списание и снижение недоимок.

Политика помощи крестьянину не раз приходила в столкновение с интересами более крупных предпринимателей. Мушанов, например, прямо заявлял: “Правительство не намерено спасать ничемных”. Сугубо патерналистская линия правительственных “земледельцев”, базировавшаяся на свойственных им стандартах экономического мышления, пренебреговала в определенной мере “очистительному” действию экономического кризиса в стране. Она же привела к скоро обозначившемуся политическому краху “лоскутного” Народного блока, в составе руководства которого не оказалось действительно крупных фигур с большим государственным опытом.

Открытый конфликт между БЗНС-“Врабча-1” и Демократической партией возник в 1933 г. в связи с попыткой “земледельцев” добиться принятия нового закона о снижении долгов и повышении цен на сельскохозяйственную продукцию. Дело кончилось разрывом между партнерами по коалиции, чему способствовала и начатая “земледельцами” с конца 1932 г. кампания с целью увеличить свое уча-

стие в управлении государством, а в перспективе, как это и задумывалось прежде, создать собственный однопартийный кабинет.

Произошедший разрыв ослабил власть правительственной коалиции, которая с начала 1934 г. просто перестала нормально функционировать: заседания парламента проходили в полупустом зале, совет министров фактически бездействовал. Анемия власти и кризисное состояние общества провоцировали рост праворадикальных настроений и веяний. Вновь, как и в начале 1920-х годов, в кругах идеологов разного уровня обсуждался вопрос: диктатура или демократия? Отмечался повышенный интерес к теории и практике итальянского и германского фашизма. Возрождались старые и возникали новые организации правого толка.

В мае 1932 г. возникла Национал-социалистическая болгарская рабочая партия, в сентябре того же года – Национальная фашистская задруга, весной 1933 г. появился Союз молодежных национальных легионов. Правда, все эти организации были слабы и немногочисленны, но каждая из них имела свой печатный орган, располагала и другими средствами пропаганды. Для общей атмосферы в стране стало характерно издание специальной литературы, воспевавшей фашизм, опыт Муссолини и Гитлера. Начавшееся в конце 1920-х годов сбрасывание Германией одно за другим ограничений, наложенных на нее мирным договором 1919 г., а затем шумная победа немецких национал-социалистов на выборах в январе 1933 г. вселяли надежды в их болгарских последователей.

Опасные размеры приобрела в это время деятельность Цанкова, стремившегося сгруппировать вокруг себя “правые” силы и не расстававшегося с мыслью вернуться к власти. В мае 1932 г. по инициативе Цанкова произошел окончательный раскол Демократического сговора, отделившаяся группировка Цанкова вскоре стала называть себя Народное социальное движение. Его платформа включала тезис об установлении непосредственных контактов с мелкой буржуазией города и особенно села. В брошюре “Наш путь”, имевшей программный характер (июнь 1932 г.), цанковцы провозглашали себя идеологами средних слоев. Отсюда их обещания крестьянам “поставить государство” на службу селу, улучшить их положение с помощью конкретных мер; рабочим обещали “освобождение от опеки коммунистов” и “содействие со стороны общества и государства”, для чего призывали их создавать “национальные рабочие синдикаты”. В строительстве последних оказались заинтересованы предприниматели, с их помощью возник Союз национальных синдикатов.

Давняя идея Цанкова о возрастающей роли государства в хозяйственной жизни страны получила в это время дополнительные аргументы в виде деятельности некоторых государственно-монополистических учреждений, возникших на волне экономического кризиса. В итоге поддержать НСД оказалась готова немалая часть пред-

принимательских кругов, надеявшихся таким образом укрепить собственное положение. К Цанкову спешили реакционные деятели из других партий.

Кроме того, значительному расширению социальной базы НСД способствовало разорение ремесленников и крестьянства под ударами кризиса и частичное деклассирование пролетариата. Никогда еще Болгария не знала столь многочисленной реакционной профашистской организации, массовую базу которой составляли различные категории мелкой буржуазии. Хотя точных данных о численности его нет, во всех источниках фигурирует цифра, превышающая 100 тыс. человек. Так, в 1933 г. Хр. Калфов, экс-министр цанковского правительства, определял общую численность в 165 тыс. членов⁵⁵. Цанков же летом 1933 г. заявлял, что численность партии составила 123 724 члена, причем будто бы 15 тыс. из них являлись рабочими и 71 тыс. крестьянами. К сожалению, проверить эти сведения не представляется возможным из-за отсутствия надежных данных.

Вместе с тем даже в пору пика своей деятельности НСД не знало жесткой дисциплины, его руководство не было в достаточной степени централизовано. Не существовало и официальной, зафиксированной программы НСД, т.е. обсужденной и принятой на съезде, – ее роль играли речи и выступления лидеров. Авторитет вождя партии не был высок. Цанкова никто из современников не считал крупной или сильной личностью. К тому же он отличался раздражительностью, неумением четко излагать мысли. Вряд ли случайно, что и НСД не стало объединительным центром для других реакционных организаций, в том числе откровенно рвавшихся в фашистскую тогу, как, например, упомянутая выше НСБРП.

Основана НСБРП была неким Хр. Кунчевым, “глубоко изучившим, по его словам, национал-социализм”. Следуя за программой гитлеровской НСДАП, болгарские национал-социалисты заявляли, что гражданином болгарского государства может быть только чистокровный болгарин, а все “неграждане” (евреи и другие) могли оставаться в стране лишь на положении гостей. В области социально-экономической программа НСБРП предлагала изъятие доходов у неработающих; конфискацию состояний, нажитых во время войны; огосударствление трестов, картелей и крупных предприятий; участие рабочих в прибылях; помощь среднему сословию вплоть до “немедленного коммунизирования” крупных предприятий и раздробления их производственных и торговых площадей в пользу мелких торговцев, ремесленников и т.п.; проведение аграрной реформы. Специальный раздел касался контроля за прессой. Главная же идея НСБРП – для осуществления всех этих требований необходима сильная центральная власть⁵⁶.

В органе партии – газете “Атака” – Кунчев писал: “Я не верю в будущее болгарской нации, пока ее интересы представляют двад-

цать партий и союзов”, “Демократия должна погибнуть. Да здравствует нация!”⁵⁷, а 10 января 1933 г. уже твердо сформулировал: “НСБРП требует на переходный период ввести вместо парламента национал-социалистическую диктатуру”. Несмотря на шумиху, партия оставалась слабой и немногочисленной. НСД, приобретшее в 1932–1934 гг. в отличие от НСБРП массовость, вызывало у Кунчева глубокое неприятие, Цанкова же “истинные фашисты” обвиняли в масонстве, покровительстве евреям, исповедовании якобы “либерального фашизма”, и т.п.

Между тем в руководстве самого НСД благодаря выделению военной группировки вскоре наметился раскол. Военные ориентировались на ударные, быстрые действия для захвата власти. Не полагаясь в этом отношении на Цанкова, они связались с Тайным военным союзом, возглавлявшимся Д. Велчевым.

К началу 1934 г. ТВС объединял более 800 офицеров, его ячейки существовали во всех воинских подразделениях. В ноябре 1933 г. союз принял решение о подготовке государственного переворота в целях полного отстранения от управления всех партий и установления беспартийного режима. Таким заговорщики видели выход из кризиса ненавистного им парламентаризма, столь очевидно проявившегося в годы правления Народного блока. Их настроения базировались в значительной мере на идеологии “Звена”, к 1934 г. превратившегося в своеобразную партию с преимущественно интеллигентским составом. Руководители “Звена”, побывавшие на аудиенции у Муссолини и восторженно оценивавшие результаты государственного строительства в Италии, ратовали за установление в Болгарии надпартийной власти, осуществляемой элитарной группой компетентных лиц, и выступали против парламентарного правления, за корпоративный строй.

Если ТВС готовился к реализации своих планов тайно, то руководство НСД, наоборот, во всеуслышание заявляло о себе массовыми собраниями, активной пропагандой, искусственной шумихой, демонстрацией уверенности в скором овладении властью. На 20–21 мая 1934 г. был назначен съезд НСД в Софии, куда ожидалось прибытие тысяч делегатов и гостей. Планы столь грандиозного собрания вызывали тревогу в обществе: оно могло превратиться в подобие похода Муссолини на Рим в 1922 г. Правительство же Народного блока, будучи парализовано развалом коалиции, не предпринимало специальных мер.

Бездействовали и коммунисты. Они не только не могли ничего предложить для силового отпора наступлению “правых”, но, находясь во власти левосектантских представлений, все больше запугывались в идеологической догматике, не могли адекватно оценить реальность, понять, где враг, а где союзник. В правительстве Народного блока ЦК БКП усматривал “открытую фашистскую диктатуру”, в БЗНС – его главную опору. Общую же обстановку в стране

ЦК БКП квалифицировал как все более нарастающий революционный кризис, в то время как налицо был спад рабочего движения. Политические акции коммунистов превращались в яркие, но изолированные выступления смельчаков при слабом участии масс, на поведении которых сказывалось частичное выполнение предвыборных обещаний правительством Народного блока.

Несмотря на анонсированную победу Цанкова, она так и не состоялась: проведение съезда НСД опередили заговорщики из Военного союза. 19 мая 1934 г. они совершили без единого выстрела новый государственный переворот, в результате которого власть перешла в руки деятелей ВС и “Звена”. Военная группировка НСД поддержала переворот, а Цанкову, перешедшему в оппозицию, пришлось на некоторое время покинуть политическую сцену.

Возглавил новое правительство майор в отставке Кимон Георгиев, ветеран войны. Он имел солидный политический и военный опыт как фронтовой, так и специфический: был активным деятелем Военного союза со времени его основания в 1919 г. и членом его руководства, одним из создателей в 1922 г. и руководителей Народного сговора, непосредственно участвовал в подготовке и осуществлении государственного переворота 9 июня 1923 г., входил в состав руководства Демократического сговора, избирался депутатом Народного собрания в 1923–1931 гг., был министром путей сообщения и связи в правительстве Ляпчева (1926–1929). На протяжении этих лет Георгиев оставался приверженцем идеи создания в Болгарии “надпартийной власти”, не отступая для ее осуществления перед участием в заговорах и неконституционных действиях. Если при этом он приобрел общественную известность, то другой организатор переворотов 1923 г. и 1934 г. в Болгарии – полковник Дамян Велчев – предпочитал оставаться в тени.

Но, пожалуй, именно Велчев оказывал наибольшее влияние на часть членов ВС, распространяя среди них республиканские идеи и выступая против монархии, которую считал главным препятствием для спокойствия на Балканах: по его мнению, вернуть Болгарии хотя бы некоторые части потерянных территорий можно было путем мирного сотрудничества с западноевропейскими и соседними балканскими странами, особенно с Югославией⁵⁸. Неурядицы в экономике и внутривнутриполитической жизни в начале 1930-х годов оказывали на заговорщиков большое психологическое воздействие: они считали, что экономический и общественный кризис душил Болгарию, что за развесающимися в стране флагами 42 партий совсем не виден болгарский национальный триколор и что только ВС способен поставить точку в “разврате партизанщины и государственного паразитизма”, и что необходимо ускорить конец “издыхающей демократии”⁵⁹.

Взяв власть, “деятели 19 мая”, как стали называть себя новые правители, заявили о наступлении “новой эры”. Казалось, за преды-

дущее десятилетие ими было хорошо продумано и просчитано, что и как следует делать при установлении принципиально нового режима. Действительно, проводить свои масштабные реформы правительство К. Георгиева начало энергичным боевым маршем. Оно объявило об отмене партийной системы и о приостановлении действия Тырновской конституции. Народное собрание было распущено (новый парламент начал работать лишь в мае 1938 г.), партии, профсоюзы и другие политические и общественные организации запрещены, ликвидировано местное самоуправление, введены строгая цензура и другие ограничения гражданских прав и свобод. Правда, несмотря на прекращение существования политических партий в организационном плане, их лидеры (за исключением коммунистов) сохранили возможность легально участвовать в общественной жизни страны, хотя и под наблюдением властей.

Большие нововведения появились в системе управления: государственно-административный аппарат подвергся строгой централизации; административные округа были объединены в семь областей. Совет министров оперативно управлял при помощи указов, имевших силу закона. Указы предварительно не согласовывались с монархом и с юридической точки зрения являлись полузаконными: согласно конституции, правительство могло издавать указы только в случае внешней или внутренней опасности, грозящей государству⁶⁰. Специальные меры предусматривались для сокращения разросшейся бюрократии. (В скобках можно заметить, что “аппарат” правительства в годы правления Ляпчева состоял всего из 14 человек, включая истопника и рассыльных⁶¹.)

Пытаясь обеспечить себе социальную опору, “деятели 19 мая” “для связи с массами” встали на путь создания казенных организаций (крупнейшей из них стал Болгарский рабочий союз). Свою роль должна была сыграть и Дирекция общественного обновления – особое государственное учреждение с комплексными организационными, идеологическими и пропагандистскими задачами. Одной из них явилась пропаганда национализма, особенно среди молодежи.

В области внешней политики новый режим, ориентировавшийся на Францию, стремился вывести страну из состояния опасной изоляции на Балканах, усилившейся после подписания в феврале 1934 г. Балканского пакта (так называемой Балканской Антанты) в составе Югославии, Греции, Румынии и Турции. В основу этого пакта был положен принцип нерушимости границ, что в Болгарии расценивалось как направленный против нее акт⁶².

Российский историк О.Н. Исаева предлагает оценивать Балканский пакт с точки зрения его цели – дать его участникам возможность преодолеть зависимость от великих держав, остаться в стороне от их борьбы и добиваться мира на Балканах собственными силами. “Болгарская делегация, – пишет она, – отказалась подписать проект общевосточного пакта о ненападении, мирном урегулировании споров и покровительстве национальным меньшинствам.

Фердинанд
Саксен-Кобург-
Готский –
царь болгар

Золотая монета, выпущенная по поводу объявления независимости Болгарии

Картина болгарского художника Ярослава Вешина "Атака" (1913 г.)

Знамя 21-го пехотного полка.
Октябрь 1912 г.

На Салоникском фронте первой мировой войны

Александр Стамболийский – “земельческий” премьер

Арестованные крестьяне – участники Июньского восстания 1923 года

“Сентябрь 1923”. С картины художника Стояна Венева

DER TERROR
IM BILD

LA TERREUR
ILLUSTRÉE

Имя Цанкова стало для мировой демократической общественности символом кровавого террора

Софийский собор "Святого Воскресения" после удара 16 апреля 1925 г.

Царь Борис III

Царская семья: Борис III, царица Иоанна, престопреемник Симеон Тырговский и дочь Мария-Луиза

Васил Коларов

Листовка БКП с требованием заключить пакт с СССР ("Соболевская акция", ноябрь 1940 г.)

ТРУДЯЩИ СЕ,
СССР. ПРЕДЛОЖИ ПАКТЪ ЗА
ВЗАИМНА ПОМОЩЬ. ТОЙ НОСИ
НА БЪЛГАРСКИУ НАРОДЪ МИРЪ,
БЛАГОДЕНСТВО, НАЦИОНАЛНА
НЕЗАВИСИМОСТЪ И МИРНО РАЗ-
РЕШЕНИЕ НА НАЦИОНАЛНИТЪ НИ
ИДЕАЛИ.
СССР. ВЕЧЕ ДВА ПЯТИ СПАСИ
БЪЛГАРСКИУ НАРОДЪ ОТЪ ВОЙ-
НАТА. ВЪ КОЯТО И СЕГА ГО ТИКАТ,
ЗА ДА МРЕ ЗА ТЪХНИТЪ ИНТЕ-
РЕСИ, ИМПЕРИАЛИСТИТЪ, КОИТО
СЕ РАЗПОРЕЖДАТЪ ТУКЪ, КАТО
У ДОМА СИ.

Борис III – своеобразный союзник Гитлера

ИСКАЙТЕ ПАКТЪ СЪ С.С.С.Р.!

Лейпцигский процесс: Димитров против Геринга (фотоколлаж Джоа Хартфилда)

Партизанская клятва. 1943 г.

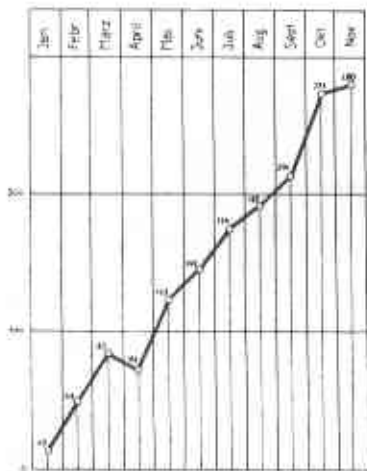

Жители Софии приветствуют Красную армию. Сентябрь, 1944 г.

Anlage Nr. 3

Diagramm

der SuT-Fälle in Bulgarien vom 1 Jan - 31 Okt 43

Рост саботажных и террористических актов в Болгарии (январь-октябрь 1943 г.) беспокоит германскую разведку

Партизаны спускаются с гор

Трайчо Костов на митинге.
Ноябрь 1945 г.

Сталин и Димитров на трибуне Мавзолея Ленина

Никола Панков – лидер
антикоммунистической
оппозиции. Август
1947 г.

Дружба двух генсеков: Леонид Брежнев и Тодор Живков

Советско-болгарский космический экипаж: Н. Рукавишников и Г. Иванов. Апрель 1979 г.

Новая политическая элита (после 10 ноября 1989 г.). В центре – Ж. Желев

Живков любил "общаться" с народом

Памятная доска жертвам тоталитаризма. 1990 г.

**Болгарский феномен:
царь-изгнанник в 2001 г.
становится премьер-
министром**

**Новые внешнеполити-
ческие приоритеты –
вступление в Евросоюз
и НАТО**

**Европейский Союз назвал
В качестве даты присоединения
Болгарии – 2007 год**

Поведение болгарской делегации отражало распространенное мнение о том, что путь к созданию региональной системы безопасности лежит через разрешение национально-территориальных проблем, в то время как устроители балканских конференций предлагали другой путь – создание такой атмосферы, которая позволила бы на время отодвинуть или преодолеть спорные вопросы и тем самым укрепить мир в регионе”⁶³.

Свою внешнюю политику правительство К. Георгиева, выступая за взаимопонимание между всеми балканскими народами, направляло на сближение с Югославией, в связи с чем пошло и на запрещение деятельности ВМРО.

В целях преодоления международной изоляции новый режим решился на кардинальный внешнеполитический шаг – установление дипломатических отношений с СССР, что нашло поддержку как среди русофильски настроенных слоев населения, так и у части буржуазии, нуждавшейся в регулярных экономических связях с Советским Союзом.

В экономической сфере “деятели 19 мая” усилили линию на укрепление руководящей роли государства, для чего были установлены четыре государственных монополии – на спирт, табак, нефть и соль.

Так всего за несколько месяцев интенсивной реформаторской деятельности взамен официального конституционно-парламентарного устройства в Болгарии был введен откровенно авторитарный режим.

Однако в рядах “деятелей 19 мая” не было единства. Почти сразу же после их утверждения у власти стали проявляться противоречия и соперничество не только между членами “Звена” и Военного союза, но и среди самих военных, обеспечивших успех переворота. Пример Болгарии явился еще одним подтверждением наблюдения, проверенного историческим опытом и XIX, и XX столетий: военные не могут долгое время удерживать власть, как к ней ни готовься заранее, не могут управлять эффективно, и прежде всего потому, что “это – не дело офицерского корпуса”, не обладающего специальными знаниями и политическим опытом⁶⁴.

Распри среди “деятелей 19 мая” были использованы Борисом III. Хотя после переворота он в очередной раз оказался фактически отстраненным от дел управления (его функции монарха были сведены к символическим и декоративным атрибутам), он лишь выжидал момента для начала активных действий. Царь, достигший 40-летия, решил наконец взять руководство страной в свои руки и положить предел бесконечным потрясениям. Для установления единоличной власти Бориса III реформы правительства К. Георгиева, в первую очередь обуздание хаоса борьбы бесчисленных партий, создали, как оказалось, солидную стартовую площадку.

Готовясь реализовать свой план, монарх стал перетягивать ряд лиц из ВС на свою сторону. Так, генерал Пенчо Златев уже осенью

1934 г. начинает все больше ориентироваться на Бориса III и более молодых офицеров, враждебных Д. Велчеву. К концу этого года монарху удалось расколоть Военный союз и изолировать главных идеологов переворота 19 мая.

23 января 1935 г. К. Георгиеву пришлось подать в отставку. Царским указом был назначен новый кабинет во главе с П. Златевым, управление перешло к более умеренным деятелям Военного союза, среди которых все больше усиливалась процарская группировка. Это позволило Борису III взять инициативу в свои руки и за два-три месяца изменить соотношение сил в офицерском составе в свою пользу. В условиях полной растерянности в среде военных царю не составило труда инсценировать правительственный кризис, и 20 апреля 1935 г. кабинет П. Златева, совершенно неподходявшего для роли премьер-министра, сошел с политической арены. С полным основанием болгарский историк В. Георгиев назвал создавшееся положение “царским контрпереворотом”⁶⁵. Выбор Бориса III пал на старого царедворца Андрея Тошева, который и возглавил правительство. Фактическое лишение власти Военного союза было до поры до времени замаскировано присутствием в новом кабинете трех генералов.

С апреля 1935 г. царь становится основным (если не единственным) игроком на болгарской политической сцене. Официальная пропаганда умело превращает его в главную в стране фигуру, которая идентифицируется с государством и его национальными устремлениями.

В самом же Военном союзе произошло окончательное размежевание трех течений: “крайнего” (вокруг Д. Велчева), “умеренного” (во главе с Вл. Заимовым) и “царедворцев”; в глазах последних царь Борис III являлся той сильной личностью, в которой нуждалось авторитарное государство⁶⁶. В октябре 1935 г., используя очередную попытку переворота со стороны экстремистских элементов Военного союза во главе с Д. Велчевым, верные царю силы осуществили разгром этой организации. Из армии были уволены все неблагонадежные и антимонархически настроенные офицеры, а их лидеры арестованы и осуждены. Выполнив свою главную задачу – передачу власти в руки царя и разгром Военного союза, – правительство Тошева также ушло в отставку. Мандат на составление нового кабинета 23 ноября 1935 г. получил опытный дипломат Георгий Кьосеиванов. Этот кабинет, а также следующие три правительства Кьосеиванова, в которые осторожно начали включать представителей “старых” партий, проводил внешнюю и внутреннюю политику, целиком определявшуюся царем Борисом.

В историю Болгарии правительства Златева и Тошева вошли как “переходные”, поскольку за время их управления власть постепенно перешла от Военного союза в руки монарха. Военные на протяжении 12 лет – с 1923 по 1935 г. – играли в политической жизни страны весьма важную роль. В конце этого периода “деятели

19 мая”, властвовавшие хотя и недолго, сумели создать авторитарную систему, которая оказалась весьма удобной для Бориса III. В основных чертах он ее сохранил, прежде всего не допустив возрождения партийно-политической системы. Выборные учреждения, даже когда они возобновили свою деятельность, получили скорее декоративное предназначение. В дальнейшем Борис III все больше дезавуировал парламент, проявляя несогласие с оппозицией внутри него; благодаря своим полномочиям назначать и снимать министров он избавлялся от неугодных ему лиц. Свою традиционно и по конституции руководящую роль в политической жизни Болгарии царь сумел в конце концов восстановить, но лишь в условиях сильной авторитарной власти.

¹ Първанова Р. Програмата на Демократическия сговор // ИП. 1987. № 6. С. 33.

² Стоянов В. Участието на земеделската левица в създаването на акционния комитет на единния фронт на труда и в изработването на неговата програма през 1924 г. // ИИИ БКП, София, 1985. Т. 53. С. 157.

³ ИИИ БКП. София, 1982. Т. 46. С. 334 (Писмо от Г. Димитров до ЦК на БКП за срещата му с представителите на БЗНС Н. Атанасов и Хр. Стоянов).

⁴ Там же. С. 335–337.

⁵ РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 37. Л. 65.

⁶ Василев Л. БЗНС от есента на 1924 до април на 1925 г. // ИИИ БКП. София, 1985. Т. 54. С. 291.

⁷ Николай Александрович Петрини был сыном русского военного специалиста, оставшегося в Болгарии после ее освобождения в 1878 г. в качестве инструктора болгарской армии. Учился в кадетском корпусе Военного училища, изучал социальные и юридические науки в Женеве. Участвовал в Балканских войнах 1912–1913 гг. (вначале добровольцем), а затем и в первой мировой. 17 апреля 1925 г. в ходе репрессий в стране, последовавших за взрывом собора св. Воскресения в Софии, Петрини был схвачен, подвергнут пыткам и убит в Дирекции полиции. В те же дни преследуемый по пятам Прынчаров покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в облаву.

⁸ АМВР. Об. 1620. Т. 1. Л. 17; Стоянов В. БЗНС и курсът на БКП за ново въстание в края на 1924–началото на 1925 г. // Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при вуз. История на БКП. Год. 26. София, 1989. Кн. 2. С. 13–14.

⁹ АМВР. Об. 1620. Т. 1. Л. 71.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Наумов Г. Атенатът в катедралата “Св. Неделя”. 16 април 1925 г. София, 1989. С. 38–39.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Цит. по: Колева Т. Политическата линия на БКП в началото на 1925 г. и априлският атентат // ИИИ БКП. София, 1989. Т. 65. С. 244.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 48. П. 296. Д. 54321. Л. 124.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 39. Д. 1. Л. 3.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 9. П. 65. Д. 908. Л. 2.

- ¹⁷ Там же. Л. 45–48.
- ¹⁸ Непубликувани документи на Комунистическия Интернационал // ИИИ БКП. София, 1979. Т. 41. С. 438.
- ¹⁹ Цанков А. България в бурно време: Спомени. София, 1999. С. 217.
- ²⁰ Непубликувани документи... С. 440–441.
- ²¹ АМВР. II съд. Д. 1556. Т. II. Л. 265.
- ²² Стоянов В., Тепавичаров В. Политическата алтернатива на България. 9 юни 1923 – 4 януари 1926. София, 1992. С. 449.
- ²³ Знаме. София, 1925. 29 юли.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 499. Л. 2.
- ²⁵ Стоянов В., Тепавичаров В. Указ. соч. С. 470.
- ²⁶ Мошанов Ст. Из спомени за ми: Управлението на А. Цанков // НА БАН. Сб. IV. А.е. 163. Л. 258.
- ²⁷ Панов А.И. Офицерският корпус в военни режими XX века. М., 1999. С. 37.
- ²⁸ См.: Гришина Р.П. Возникновение фашизма в Болгарии, 1919–1925 гг. София, 1976. С. 320–321.
- ²⁹ Янчулев М. Септември 1918 – септември 1944: (Спомени). Ч. II // НА БАН. Сб. VI. А.е. 194. Л. 399.
- ³⁰ АМВР. II съд. Д. 1556. Т. II. Л. 305.
- ³¹ Държавен вестник. 1926. 13 февр. № 257.
- ³² Там же. 1926. 19 февр. № 262; 26 февр. № 268.
- ³³ ЦДА. Ф. 176. Оп. 5. А.е. 516. Л. 125.
- ³⁴ Натан Т. Цензори и журналисти: преследването на легалния печат на БКП. 1926–1934 г. София, 1980. С. 18–20.
- ³⁵ Комунистическо знаме. 1926. № 3/4, 7/8.
- ³⁶ ЦДА. Ф. 3. Оп. 1. А.е. 191.
- ³⁷ Николова А. БЗНС през временната и частична стабилизация на капитализма // ИП. 1982. № 4. С. 11.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ЦДА. Ф. 252. Оп. 1. Д. 942 (донесение полицейского агента).
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ НА БАН. Сб. IV. А.е. 194. Ч. I. Л. 612 (Воспоминания М. Янчулева, секретаря Ляпчева).
- ⁴² Там же. Л. 532.
- ⁴³ Панов А.И. Указ. соч. С. 43.
- ⁴⁴ Стопанска история на България. 681–1981. София, 1981. С. 331.
- ⁴⁵ Там же С. 334.
- ⁴⁶ Аврамов Р. Стопанският XX век на България. София, 2001. С. 21–23.
- ⁴⁷ Там же. С. 29.
- ⁴⁸ Косев Д. Външната политика на България при управлението на Андрей Ляпчев. 1926–1931. София, 1995. С. 217.
- ⁴⁹ Лъч (София). 1929. II, 13, 16 май.
- ⁵⁰ Слово (София). 1929. 26 ноем.
- ⁵¹ Мичева Ц. Идеино развитие на ВМРО след Първата световна война (1919–1944). Част първа. 1919–1928 // ИП. 2001. № 3/4. С. 90.
- ⁵² АМВР. V0 – 42929.
- ⁵³ Георгиев В. Организационно развитие на свободното зидарство при управлението на Демократическия сговор. 1923–1931 г. // Юбилеен сборник в чест на академик Д. Косев. София, 1985. С. 432–433.

⁵⁴ Колев В. “Зестрата на властта” през 20-те и 30-те години // История (София). 2000. № 2. С. 50.

⁵⁵ Калфов Хр. Новите социални движения. Фашизъм, хитлеризъм, деветоюнство. София, 1934. С. 27.

⁵⁶ Гришина Р.П. Политический радикализм – питателна база для развития тоталитарных тенденций (на примере Болгарии межвоенных лет) // Тоталитаризм и анти тоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века). Харьков, 1995. Т. 2. С. 10–13.

⁵⁷ Атака (София). 1932. 25 май; 24 юли.

⁵⁸ Груев Ст. Корона от тръни. София, 1991. С. 252.

⁵⁹ Марков Г. Военните в изпълнителна власт // 120 години изпълнителна власт в България. София, 1999. С. 109.

⁶⁰ Грънчаров Ст. Министерският съвет в триъгълника на политическата власт // 120 години ... С. 42.

⁶¹ НА БАН. Сб. IV. А.е. 194. Ч. I. Л. 433.

⁶² Тошкова В. Изпълнителна власт и външната политика на България. 1919–1945 // 120 години... С. 168.

⁶³ Исаева О.Н. “Балканско Локарно” и “Балканският съюз” – две модели регионална безопасност // Новая и новейшая история: Межвузовский сборник. Саратов, 1998. Вып. 17. С. 203.

⁶⁴ Панов А.И. Указ. соч. С. 20.

⁶⁵ Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. 1934–1939. София, 1971. С. 123.

⁶⁶ Марков Г. Парола “Сабя”: Заговорите и превратите на Военния съюз. 1919–1936. София, 1992. С. 143.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ (1939–1941)

С середины 30-х годов внешнеполитический курс Болгарии определялся обстановкой приближающейся войны, усиливающимся экономическим и идеологическим проникновением Германии на Балканы и превращением этого региона в объект ожесточенной борьбы между великими державами за установление там преобладающего влияния¹. Однако несмотря на сильное дипломатическое давление со всех сторон, царь Борис III и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке и занимали выжидательную позицию, понимая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества цена маленькой Болгарии будет неуклонно повышаться. При этом правящие круги Болгарии ясно сознавали, что геополитическое положение страны и ее экономические связи не позволят ей долго оставаться в стороне от разгорающегося международного конфликта.

Еще в годы предвоенного политического кризиса перед царем Борисом, сосредоточившим с 1935 г. в своих руках непосредственное управление государством, встали две по сути противоречащие друг другу задачи: с одной стороны, решение национально-территориальной проблемы, а с другой – удержать страну от участия в надвигающейся кровопролитной схватке. Борис понимал, что именно новая мировая война, которой он так боялся, может ликвидировать статус-кво, являвшийся последствием Нейиского мирного договора 1919 г., несправедливого в глазах почти каждого болгарина. Однако, учитывая то обстоятельство, что все соседние государства были объединены против Болгарии в пакты и союзы именно в целях сохранения статус-кво, София говорила о своих ревизионистских устремлениях очень осторожно, неизменно подчеркивая, что она выступает лишь за мирное их разрешение.

15 сентября 1939 г. правительство Георгия Кьосеиванова выступило с декларацией о полном нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Учитывая сложность международной обстановки, непосредственную угрозу со стороны Турции, неподготовленность Болгарии к войне, болгарским дипломатам за границей предписывалось делать акцент на ее миролюбии. Маневрируя между великими державами – Германией, Великобританией, Францией, Италией и Советским Союзом, царь Борис в контактах с их представителями

стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии. В то же время еще накануне войны начала обозначаться линия болгарского руководства на постепенное сближение с Германией.

Причин тому было несколько. Прежде всего, национал-социалистская Германия была носителем тех тенденций в европейской политике, от реализации которых Болгария объективно могла ожидать выполнения своих ревизионистских требований – возвращения Южной Добруджи Румынией, получения выхода к Эгейскому морю от Греции, а также присоединения Вардарской Македонии. Помимо общего стремления к пересмотру Версальской системы, будущему политическому сближению Болгарии с Германией способствовала тесная связь болгарской экономики с германской и зависимость вооружения болгарской армии от германских поставок. Тем не менее осторожный царь Борис пытался избежать рискованного одностороннего выбора. Пытаясь сориентироваться в сложном лабиринте международных отношений, решение своих территориальных проблем Болгария стремилась искать в договоренности с несколькими великими державами.

Большие надежды в этом плане болгарский монарх возлагал на заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении, открывавший путь к ревизии Парижских мирных договоров 1919 г. военным путем. В заключении этого пакта болгарское правительство увидело весьма благоприятное для себя решение, представлявшее возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по его мнению, теперь зависело разрешение территориальных проблем Болгарии. В то же время одним из последствий пакта было дальнейшее ослабление британского и французского влияния на внешнюю политику Болгарии.

Развитие болгаро-советских отношений в 1939 году

Советско-германский пакт по разным причинам был встречен одобрительно как широкими народными массами, так и прогермански настроенным правительством Г. Кьосеиванова². Последний выразил удовлетворение этим событием перед германским посланником в Софии: «Заключение германо-советского пакта убедило также прежних противников “шагания в ногу” Болгарии с Германией в правильности политики болгарского правительства. Вся страна восприняла пакт с радостью и большим облегчением»³. Немецкие наблюдатели сообщали в донесениях из Софии, что советско-германский договор был воспринят болгарским населением восторженно, многие отмечали это событие как праздник, как успех Болгарии⁴.

Посланник Болгарии в СССР Н. Антонов 4 сентября в беседе с заместителем наркома иностранных дел В.Г. Деканозовым выразил уверенность, что после заключения пакта «советско-болгарские отношения еще более улучшатся, ибо если раньше было некоторое недоверие между народами Болгарии и СССР, то теперь его уже быть не может»⁵.

Действительно, с лета 1939 г. параллельно с усилением прогерманской ориентации Болгарии наблюдается заметное улучшение ее отношений с СССР. Продолжительный застой, наступивший практически сразу после восстановления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в 1934 г., не был случайным. Он объяснялся слабым интересом, который Советский Союз проявлял к Балканам вообще и к Болгарии в частности, а также общим антиревизионистским направлением советской внешней политики. Москва полагала, что дружба с Турцией обеспечивает ей привилегированное положение в Черном море и Проливах. Между тем политическая ситуация в Европе развивалась таким образом, что советскому руководству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты. Еще на конференции 1936 г. в Монре́е оно осознало, что уже не может рассчитывать на турецкую гарантию в отношении Дарданелл, поскольку после итало-абиссинской войны Турция стала открыто ориентироваться на Великобританию. Это не могло понравиться советскому правительству, так как ему было ясно, что возможный англо-турецкий союз неблагоприятно отразится на равновесии сил на Ближнем Востоке и автоматически выдвинет на передний план вопрос о Черноморских проливах.

Посещение Софии в конце апреля 1939 г. заместителем наркома иностранных дел В.П. Потёмкиным свидетельствовало о том, что в связи с новым соотношением сил в Средиземноморском бассейне Кремль начал проявлять повышенный интерес к Болгарии, которая в силу своего географического положения и исторических связей с Россией могла бы сыграть значительную роль в балканской политике Советского Союза. Основные цели этой политики были четко изложены в телеграмме наркома иностранных дел В.М. Молотова, направленной Потёмкину в Анкару, куда тот прибыл в начале мая в ходе своей балканской миссии: «Имейте в виду, что в истории Стамбул брался всегда с суши, со стороны Болгарии. Чтобы ликвидировать этот недостаток, нужно добиваться того, чтобы Болгария включилась в общий фронт миролюбивых стран против германской агрессии. Отсюда необходимость переуступки болгарам Южной Добруджи»⁶. Таким образом, в деле обеспечения безопасности СССР со стороны Черного моря и Проливов главный упор делался на налаживание сотрудничества как с Турцией, так и с Болгарией, причем привлечь на свою сторону Софию предполагалось путем уступки ей Южной Добруджи, захваченной Румынией после 2-й Балканской войны⁷.

Ярким проявлением перемены в отношении СССР к Болгарии стал прием группы депутатов болгарского парламента в Москве в августе 1939 г. Болгарская делегация, официально прибывшая для посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, была повсюду встречена подчеркнуто радушно. Она имела встречи и контакты с видными советскими государственными деятелями. а 9 августа была принята в Кремле В.М. Молотовым. Центральным вопросом на встрече стала внешнеполитическая ориентация Болгарии, как на текущий момент, так и в будущем. На дважды заданный Молотовым вопрос, не взяла ли Болгария на себя каких-либо внешнеполитических обязательств, председатель комиссии по иностранным делам Народного собрания Г. Говедаров дал категоричный ответ: «Болгария внешнеполитически ни с кем не связана и строго следует линии лояльного, эффективного и исчерпывающего нейтралитета. В Берлине шеф болгарского правительства г-н Кюсеиванов⁸ не принял никаких обязательств, ни военных, ни политических»⁹. Будучи не вполне удовлетворен этим ответом, присутствовавший на встрече В.Г. Деканозов попросил Говедарова пояснить: «Что означает в сущности ваш строгий, лояльный и эффективный нейтралитет?»¹⁰ Говедарову не удалось скрыть того факта, что болгарский нейтралитет находится в экономической зависимости от Германии. Это не ускользнуло от внимания Деканозова, который довольно жестко заметил, что события заставят Болгарию определиться.

На встрече был поднят и больной для Болгарии вопрос о ревизии Нейиского мирного договора. Молотов категорично высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи, а также, хотя и в более сдержанной форме, за обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Подчеркнув, что Советский Союз желает, чтобы на Балканах существовала сильная Болгария и что он готов оказать ей всяческое содействие, Молотов в то же время предупредил, что «если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Стамбул немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнется на решительное противодействие Советского Союза»¹¹. С этой оговоркой Молотов пообещал содействие Болгарии как в экономической, так и в политической областях и сказал, что необходимо заключить торговое соглашение.

Подводя итоги визита делегации Народного собрания, болгарский посланник в Москве Н. Антонов в пространном донесении в МИД справедливо отмечал, что международная ситуация складывается так, что Советский Союз заинтересован теперь в заключении соглашения с Болгарией. Оно необходимо ему прежде всего, чтобы помешать сотрудничеству Болгарии с Германией и Италией в зоне, имеющей жизненно важное значение для СССР. Поэтому посещение болгарской делегации не останется без результатов, первым из которых будет заключение торгового договора, который Москва

подпишет “по чисто политическим, а совсем не по экономическим соображениям”.

Но что еще важнее – так это стремление Москвы сделать Болгарию своим союзником, добиться гарантии, что Болгария ни в коем случае не окажется в стане врагов СССР. Если авансы Москвы будут отвергнуты, предупреждал Антонов, то может возникнуть острая реакция, которая даст “свободный ход всем турецким и румынским интригам против Болгарии”. Чтобы предотвратить эту опасность, Антонов советовал “не поддерживая официально союзнический темп ... поддерживать разговоры... И поскольку речь идет о чисто моральной гарантии, не могли ли бы мы заключить эвентуально пакт о вечной дружбе, какой мы уже имеем с Югославией и Турцией и который, полностью успокоив Советский Союз, ни к чему конкретному нас не обяжет?”¹².

Дальнейшее развитие событий подтвердило новый курс советской политики на Балканах. Пакт о ненападении с Германией, а затем в еще большей мере советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. лишили смысла важный советский внешнеполитический постулат – борьбу “против фашизма” и “против агрессора”. Одновременно не мог не исчезнуть и антиревизионизм советской политики. СССР не только принял принцип ревизии, но и приступил совместно с Германией к его реализации. Особое значение Сталин придавал пересмотру системы управления Черноморскими проливами, чтобы преградить доступ туда иностранным судам. Болгария, представлявшая собой сухопутный мост к Проливам, эвентуально становилась одним из центральных звеньев советской системы безопасности.

Осенью 1939 г. советское правительство впервые выразило желание придать отношениям между двумя странами солидную договорную базу. В сентябре царь Борис, обеспокоенный сообщениями о предстоящих действиях англо-французского блока на Балканах и против Болгарии, решил прозондировать вопрос о возможной помощи со стороны Советского Союза. 19 сентября Антонов встретился с Деканозовым, а на следующий день – с Молотовым. Нарком высказался в том смысле, что советское правительство может оказать воздействие на Турцию, но оно желает знать точно, чего именно хочет Болгария, хочет ли она помощи от СССР и в какой форме. Когда же Антонов ответил весьма неопределенно, Молотов предложил заключить договор о взаимной помощи¹³. Антонов обещал запросить свое правительство и дать ответ.

Однако подобное развитие событий никак не входило в планы болгарских властей¹⁴. Отказываясь заключить с Москвой пакт о взаимной помощи, София надеялась в то же время на успех проходивших в октябре 1939 г. советско-турецких переговоров, которые уменьшили бы угрозу балканской операции западных держав и, соответственно, ввязывания Болгарии в балканский конфликт. Когда

же турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу 17 октября отбыл из Москвы с пустыми руками, а 19 октября Турция подписала пакт о взаимной помощи с Британией и Францией, царь Борис выразил мнение (а скорее – опасение), что «теперь для русских Болгария “возрастет в цене”»¹⁵. Он боялся, что “русские в их стремлении к Дарданеллам могут уготовить Болгарии такую же роль, как Эстонии относительно портов на Балтийском море”¹⁶.

В конце ноября 1939 г. в Москву был направлен начальник военно-воздушных сил Болгарии полковник В. Бойдев для ведения переговоров о заключении соглашения об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Софией и о закупке Болгарией советских самолетов. Однако в Москве заговорили не только об этом, но и о возможности создания в Болгарии советской воздушной базы и даже о праве прохода советских войск через болгарскую территорию в случае возможного конфликта с Турцией¹⁷. На это царь Борис, опасавшийся повторения в Болгарии “прибалтийского варианта”, пойти не мог. Своими тревогами он поделился 4 декабря с посланником Германии в Софии Г. Рихтхофеном: “...что делать Болгарии, если Россия вновь вернется к вопросу о пакте о взаимной помощи и чего доброго потребует предоставления воздушных и морских баз в Болгарии против Турции? Что думают об этом в Берлине? Останется ли Германия безучастной в случае возможных действий русских на Балканах?”¹⁸. Царь открыто поставил вопрос, как оценивает германское правительство положение Болгарии, чтобы он в соответствии с этим определил и свою политику¹⁹. На это госсекретарь Германии Э. Вайцеккер 15 декабря направил Рихтхофену указание сообщить царю Борису, что Германия не дает категоричного совета отказаться от советского предложения о пакте, однако дипломатическим языком в телеграмме было сформулировано негативное отношение к вопросу заключения болгаро-советского пакта²⁰.

Тем временем полковник Бойдев вернулся из Москвы, так и не подписав соглашения об установлении регулярного воздушного сообщения между СССР и Болгарией. Оно было подписано в Софии лишь месяц спустя после его визита.

Представляет интерес относящееся к этому времени донесение Антонова в болгарский МИД о посещении им Деканозова 13 декабря 1939 г.: “Весьма неохотно, но все же в позитивном плане Деканозов заявил мне, что они входят в наше положение и, хотя желали бы большего, принимают позицию Болгарии как основу для болгаро-советского сотрудничества в надежде, что события, которые развиваются с ошеломляющей быстротой, сделают завтра возможным то, что сегодня для нас невозможно”²¹.

В последние дни декабря начались и переговоры о торговом договоре и клиринговом соглашении между двумя странами. 5 января 1940 г. договор о торговле и мореплавании и соглашение о то-

варообороте и платежах между Советским Союзом и Болгарией были подписаны. Это стало успехом как для болгар, так и для СССР. Советский Союз, международный престиж которого оказался в этот период подорванным ввиду войны с Финляндией, получил возможность продемонстрировать мирную и конструктивную политику. Но главное, советское правительство надеялось с помощью этих договоров прочнее привязать к себе Болгарию. Как писал еще в октябре 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Софии Н.И. Прасолов: "...если мы свяжем Болгарию экономическими узами, то несомненно мы сможем оказывать влияние и на ее политическую жизнь"²². Для экономики Болгарии, испытывавшей огромные трудности и имевшей в качестве торгового партнера практически одну Германию, торговый договор с СССР, к тому же на крайне выгодных для нее условиях, имел колоссальное значение.

Параллельно с экономическими связями в этот период развивались и контакты в области культуры, точнее, расширялось культурное влияние СССР в Болгарии. После заключения германо-советского пакта болгарское правительство вынуждено было примириться с усилением советской пропаганды в Болгарии путем распространения научной и художественной литературы, газет и журналов. В Софии и Варне были открыты магазины по продаже советской книги. В кинотеатрах с огромным успехом демонстрировались советские фильмы. Шире развернули свою работу общества болгаро-советской дружбы. Все это способствовало росту среди болгарской общественности симпатий к СССР²³. Исключительно благоприятные условия сложились и для усиления позиций и активизации деятельности Болгарской рабочей партии (БРП), которая стала широко использовать различные легальные формы проявления. Власти были вынуждены закрывать глаза на многие действия коммунистов, хотя и прекрасно понимали, что за ними стояла Москва.

Новый болгарский посланник в Москве Г. Христов (Антонов был отозван из-за чрезмерного, с точки зрения болгарского правительства, русофильства) сообщил в апреле 1940 г. также новому министру иностранных дел И. Попову (с февраля 1940 г.), что и в Советском Союзе "интерес к Болгарии постоянен и настроение по отношению к нам остается благоприятным". Ставя вопрос, следует ли работать в направлении расширения и углубления отношений с СССР, Христов высказывал при этом и собственное мнение: "Полагаю, что в интересах нашей страны будет сохранять нынешнюю базу болгаро-советских отношений и избегать и впредь какого-либо договора, политически связывающего нас с Союзом Советских Социалистических Республик. Такое поведение диктуется нам как нестабильным положением в Европе, так и невыясненными еще тенденциями советской внешней политики"²⁴.

Таким образом, в конце 1939 – начале 1940 г. Болгария придерживалась линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, но без перехода критической черты – заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимной помощи.

“В ногу” с Германией

В отношениях с Германией Болгария и после начала войны продолжала “шагать в ногу” и согласовывать с ней свои важные внешнеполитические действия. В этот период (до весны 1940 г.) Германия еще не проявляла той чрезвычайной политической активности на Балканах, которую она развернула немного позже, и ее пока вполне устраивал прогерманский нейтралитет Болгарии и теснейшие экономические связи между двумя странами. К 1939 г. Германия заняла исключительное место в болгарской внешней торговле. Она не только закупала большую часть продуктов болгарского земледелия, но и очень глубоко проникла в экономику страны²⁵. Всесторонняя зависимость болгарского производства и рынка от Германии была результатом не только экономической экспансии рейха, но и пассивности хозяйственной политики других крупных индустриальных стран (в том числе и СССР – до начала 1940 г.).

Об этом говорил еще в июле 1939 г. Антонов Потёмкину: “Болгарскому правительству нельзя не считаться с Германией. Достаточно напомнить, что 80% болгарского экспорта идет в Германию. Конечно, экономическая зависимость Болгарии от одной страны представляется для болгарского правительства стеснительной и нежелательной. Однако вместе с тем она является прискорбной необходимостью, ибо ни Англия, ни Франция, ни Советский Союз не проявляют никакого желания экономически поддерживать Болгарию – хотя бы путем закупки более или менее значительной части ее продукции, предназначенной для экспорта”²⁶. В итоге Болгария действительно оказалась в трудном положении. Как писал в октябре 1939 г. Прасолов Молотову, Болгария, “по выражению Кьосеиванова, не имеет своих родителей, она почти круглая сирота, которую каждый старается обидеть”²⁷. Болгарский премьер-министр, конечно, намеренно сгущал краски, стремясь привлечь внимание великих держав к нуждам Болгарии.

Однако в конце 1939 г. Великобритания, Франция, Италия, балканские страны начали проявлять дипломатическую активность в отношении Болгарии. Основной причиной было опасение роста влияния СССР на политику и экономику Болгарии. По словам Антонова, посетившего в ноябре 1939 г. советского полпреда А.И. Лаврентьева, “Болгария никогда не пользовалась таким вниманием со стороны всех стран, каким она пользуется сейчас. Все эти обстоятель-

ства затрудняют положение болгарского правительства в части укрепления политических связей между Советским Союзом и Болгарией²⁸.

В ноябре 1939 г. Болгарию посещали различные делегации под флагом развития культурных связей. Председатель британского совета культуры лорд Ллойд посетил царя Бориса с целью склонить Болгарию войти в “Балканский нейтральный блок”, сблизить Болгарию с Турцией и подчинить Англии экономику Болгарии путем покупки предназначенных для продажи в Германию товаров. В результате миссии Ллойда Болгария увеличила экспорт сельскохозяйственных продуктов в Великобританию. Итальянский министр национального образования Ботай прибыл в Софию для заключения культурной конвенции с Болгарией. Специальная делегация Германии вручила царю Борису почётный диплом доктора технических наук, однако действительная цель поездки была скорее иной²⁹.

С сентября по декабрь 1939 г. в европейских и балканских столицах Болгария часто упоминается в связи с так называемым “Балканским нейтральным блоком”, который должен был включить Румынию, Турцию, Грецию, Югославию, Болгарию, Венгрию и Италию³⁰. Идея этого блока, который должен был объединить все балканские страны в целях “совместной защиты нейтралитета от нападения с севера”, исходила прежде всего от Англии и была оформлена в нескольких вариантах. Однако в основе всех предложений по созданию нейтрального блока лежало стремление к сохранению существующих на тот момент границ на Балканах и британского влияния там. Но именно на это и не могла пойти Болгария, желавшая ревизии Неййского договора.

В то же время против попытки создания блока выступили Германия, а также Советский Союз, имевший совсем другие планы сохранения нейтралитета Болгарии. Цели германской и советской политики на Балканах совпадали, когда речь шла об устранении влияния там Великобритании и Франции. При этом Германия стремилась не допустить расширения советского влияния в этом регионе, а СССР, соответственно, пытался противостоять усилению влияния Германии. Нежелание Болгарии осложнять отношения с Германией и СССР, а также ее стремление оставить за собой определенную свободу лавирования между соперничавшими великими державами тоже нельзя сбрасывать со счетов при анализе причин, по которым болгарское правительство отказалось присоединиться к “блоку нейтралов”. В итоге под натиском действовавших с разных сторон факторов идея создания “Балканского блока нейтралов” потерпела полный провал. Надежде Англии, Франции и все больше поддерживавших их США остановить германское экономическое и политическое проникновение в Юго-Восточную Европу и подготовить Балканы к отпору против возможной германской агрессии и против советского влияния не суждено было сбыться.

Западные демократии все больше теряли свои позиции на Балканах. Политика Великобритании, Франции и США в отношении Болгарии после начала войны не могла объективно рассчитывать на успех, поскольку она была направлена на сохранение статус-кво на Балканах и противоречила болгарским ревизионистским планам. Одновременно и в самой Болгарии эта политика не имела возможности опереться на хорошо организованную общественную силу. Существовавшая внутри страны антигерманская либеральная оппозиция, симпатизировавшая англо-французскому блоку, проводила неопределенную, непоследовательную и нерешительную внешнеполитическую линию. Коммунисты, в свою очередь, настаивали на внешнеполитической ориентации на СССР.

В обстановке международной нестабильности и неопределенности, а также острой политической борьбы внутри страны Борис III решил окончательно монополизировать решение вопросов внешней политики. С этой целью он распустил ненадежный, с его точки зрения, парламент – рассадник различных политических настроений, а также избавился от премьер-министра Кьосеиванова, который стал вызывать недоверие царя своими амбициями проводить самостоятельную политику. Состоявшиеся в декабре 1939 – январе 1940 г. выборы в Народное собрание XXV созыва принесли впечатляющую победу правительству, сумевшему ловко разыграть националистическую карту для закрепления своих позиций. Благодаря своему гомогенному составу (140 мандатов у правительства и всего 20 у оппозиции) новый парламент не создавал никаких препятствий политике царя и назначенного 15 февраля 1940 г. кабинета Богдана Филова, при котором решение всех, даже мельчайших вопросов управления целиком перешло в руки монарха³¹.

Персональные изменения в правительстве, где и премьер, и большинство министров отличались прогерманскими взглядами, усиление прогерманского крыла в Народном собрании, дальнейшее расширение торговли с Германией, рост германских поставок болгарской армии – всё это в условиях разгорающейся войны увеличивало прогерманский заряд болгарского нейтралитета.

Первым видимым успехом внешней политики Болгарии стало решение добруджанской проблемы. Посчитав, что начавшаяся война открывает возможность удовлетворить территориальные претензии страны, болгарская дипломатия в апреле 1940 г. начала подготовительную кампанию за возвращение Южной Добруджи. Кампания была встречена великими державами благосклонно. Не только СССР, для которого налаживание отношений с Болгарией превращалось в одну из приоритетных внешнеполитических задач, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора.

Царь Борис, беседуя с новым советским полпредом А.А. Лаврицевым в июле 1940 г. о современном положении Болгарии, говорил, что «она окружена со всех сторон представителями различных крупных государств, которые постоянно стоят с микроскопами и рассматривают Болгарию. Они рассматривают через свои микроскопы каждый внутренний поступок, каждый шаг того или другого министра, каждое сообщение в печати и анализируют все эти факты по-своему»³². Такое исключительное внимание к Болгарии затрудняет деятельность руководства государством как во внутренней жизни, так и во внешней политике, жаловался Борис. На самом деле болгарское правительство само привлекало внимание к своим внешнеполитическим проблемам, стремясь решать их с помощью великих держав, играя на их противоречиях, порой даже прибегая к шантажу.

Британский посланник в Софии Дж. Ренделл спустя несколько дней также заявил министру иностранных дел Болгарии И. Попову о признании Англией болгарских прав на Добруджу. Как записал в дневнике Лаврицев, посетивший в эти дни Ренделла, англичанин весьма «сожалел о том, что Великобритания, которая была связана с антиревизионистскими настроениями Франции, не могла раньше сделать этого заявления». «Болгария бесспорно получит Добруджу, — говорил Ренделл, — только вопрос, от кого она ее получит». Он досадовал, что Англия не опередила в этом деле Германию и не возвратила Добруджу Болгарии еще два года назад³³.

Американский посланник в Софии Д. Эрл также встречался с Поповым и после этой встречи докладывал 27 июня в Вашингтон: «Теперь, когда румынский территориальный вопрос поднят Россией снова, болгарские претензии по поводу Добруджи будут рассмотрены, поскольку они столь справедливы, что даже и дьявольский суд не мог бы их отвергнуть»³⁴.

Инициативу по удовлетворению болгарских территориальных претензий у всех перехватила Германия. Надо сказать, что к этому ее подталкивало и само болгарское правительство. Еще в июне 1940 г. царь Борис предупредил германского посланника Г. Рихтхофена, что после занятия Бессарабии Советским Союзом в Болгарии непременно начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Напомнив ему об активности болгарских коммунистов, монарх заметил, что положение станет невыносимым, если Болгария не получит хотя бы обещание со стороны Германии. Это может породить опасность «насильственного переворота, который в будущем приведет к установлению тесных связей с Москвой»³⁵. Тогда уже новый режим в Болгарии получит Южную Добруджу от Советского Союза. Царь же ясно давал понять, что предпочитает получить ее из рук Германии. Таким образом, дрейф Болгарии в сторону Германии усиливался все больше.

15 июля Гитлер в письме румынскому королю посоветовал ему «договориться одновременно как с Болгарией, так и с Венгрией на

разумной основе»³⁶. В условиях военной мощи Германии летом 1940 г. и безнадёжного положения Румынии, часть которой была занята СССР, предложение Гитлера румынскому руководству урегулировать добруджанский вопрос было равносильно приказу. 27 июля Гитлер и Риббентроп приняли в Зальцбурге Филова и Попова и сообщили, что Германия настояла на том, чтобы румыны мирно договорились с соседями³⁷. В конце встречи И. Попов, ссылаясь на выступление Гитлера в рейхстаге, в котором речь шла о разграничении сфер влияния с СССР, открыто спросил: «находится ли Болгария в русской зоне интересов?». Фюрер это отрицал и пояснил, что разграничение интересов с Россией касается только Прибалтики и Бессарабии. Болгария, как отмечалось в немецкой записи встречи, «остались крайне довольны этим разъяснением»³⁸.

Начавшиеся в середине августа румыно-болгарские переговоры завершились 7 сентября 1940 г. подписанием договора в Крайове, по которому Южная Добруджа в границах 1913 г., включая Балчик и Силистру, возвращалась Болгарии. Ликованием болгарского народа не было предела. На специально созванной 20–23 сентября 1940 г. сессии Народного собрания Филов заявил, что разрешением добруджанского вопроса Болгария обязана «дружескому посредничеству прежде всего Германии и Италии»³⁹. Тем самым Филов обошел молчаливую позицию советской дипломатии, неоднократно заявлявшей о справедливости болгарских требований возвращения Добруджи. Это не прошло незамеченным в Москве. Когда новый болгарский посланник в СССР И. Стаменов⁴⁰ на приеме у Молотова выразил советскому правительству благодарность своего правительства за моральную поддержку Болгарии в деле с Южной Добруджей, Молотов заметил, что читал речь Филова, принесшего благодарность лишь Германии и Италии. Стаменов был вынужден оправдываться, что Филов это сделал только потому, что Германия проявила инициативу в этом вопросе, но что Болгария никаких обязательств перед Германией не взяла и что она и впредь будет проводить ту политику, которой придерживалась последние 20 лет⁴¹.

Обострение противоборства за внешнеполитическую ориентацию Болгарии. Миссия Соболева

С наступлением осени 1940 г. облака над Балканским полуостровом сгущаются: начинается быстрая эскалация противоречий между Германией и СССР, которые становятся к этому времени главными международными факторами в регионе.

В дипломатической и политической борьбе Германии за внешнеполитическую ориентацию балканских стран важнейшим оружием стал заключенный 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт. Сразу же после подписания пакта Гитлер начал активно добиваться

присоединения к нему ряда государств. 16 октября предложение подписать пакт было сделано и Болгарии, причем в ультимативной форме⁴².

По-прежнему надеясь, что удовлетворение территориальных притязаний Болгарии может произойти без утери ею нейтралитета, Борис III пишет 22 октября личное письмо Гитлеру, в котором высказывает мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует угроза нападения со стороны Турции и Греции, а Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Царь предлагал фюреру еще раз обсудить, “безусловно ли необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело бы последствием немедленное расходование наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве страны”⁴³. Этим письмом монарх начал свою ловкую тактику лавирования и затягивания дела, которая продолжалась вплоть до марта 1941 г.

Гитлер демонстративно отказался принять доставившего письмо царского советника Б. Морфова, и оно было вручено госсекретарю Э. Вайцзеккеру. Спустя несколько дней тот заявил болгарскому посланнику в Берлине П. Драганову, что Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и дает болгарскому правительству на размышление еще несколько дней⁴⁴. Драганов в разговоре с госсекретарем подчеркнул, что царь, как и прежде, придерживается “последовательной прогерманской политики, хотя на нее и наброшена мантия нейтралитета”⁴⁵. В письме якобы вовсе не идет речь об отказе присоединиться к пакту, но содержится предложение направить в Германию для обсуждения этих вопросов болгарских премьер-министра и министра иностранных дел.

Гитлер был тем более раздосадован поведением Бориса III, что надеялся получить его согласие на вступление Болгарии в Тройственный пакт еще до предстоящего 12–13 ноября 1940 г. визита в Берлин советского наркома иностранных дел В.М. Молотова. Как известно, основное внимание на этой встрече было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию, имевшую стратегическое значение в связи с проблемой Черноморских проливов. Перед СССР стояла задача и помешать вторжению войск вермахта в бассейн Черного моря, и не позволить Турции действовать в интересах Великобритании, которой Сталин опасался не меньше, чем Германии.

Директивы, которые Молотов получил от Сталина накануне поездки, и телеграммы, которыми они обменивались во время пребывания наркома в Берлине, свидетельствуют, что размещение советских войск в Болгарии становилось основным вопросом безопасности Советского Союза в районе Черноморских проливов. В одном из

пунктов директив прямо подчеркивалось: “Болгария – главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию”⁴⁶. Еще более откровенно геополитические интересы СССР раскрыты в телеграмме Сталина Молотову от 13 ноября, где подчеркивалось, что “безопасность черноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о Проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе Проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море”⁴⁷. В другой телеграмме, направленной Молотову в тот же день, Сталин уточнял, что мирное разрешение вопроса о Проливах “не будет реальным без нашей гарантии Болгарии [и] пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию”⁴⁸. В ответной телеграмме Молотов писал: “Вашу телеграмму с разъяснениями о Черном море получил. Сейчас иду на завтрак и на беседу с Гитлером. Нажму на Черное море, Проливы и Болгарию”⁴⁹.

В ходе переговоров Молотов неоднократно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренние дела страны. Когда же Молотов поставил перед фюрером вопрос, какую позицию займет Германия в случае предоставления Болгарии советской гарантии, подобной той, что Германия и Италия предоставили Румынии, Гитлер в свою очередь поинтересовался, просила ли Болгария Москву о таких гарантиях, как Румыния просила об этом Германию. Молотов ответил уклончиво, дав понять, что он не требует от фюрера окончательного ответа, а только просит высказать свое предварительное мнение. Гитлер же возразил на это, что он не может высказать свою позицию, не обсудив ее предварительно с Муссолини⁵⁰.

В последний день переговоров, 13 ноября, Риббентроп сделал предложение Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту, обрисовав перспективы сотрудничества СССР с державами “оси”. Молотов ответил уклончиво, однако спустя две недели, 25 ноября 1940 г., германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу было сообщено, что СССР готов на определенных условиях положительно рассмотреть вопрос о присоединении к Тройственному пакту. Молотов передал Шуленбургу Приложение, в котором излагались эти условия, среди которых было следующее: “Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской

базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды”⁵¹. В Приложении предлагалось также составить пять секретных протоколов. Один из них касался признания того, что Болгария находится в сфере безопасности СССР, в связи с чем считается необходимым заключение советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Ответа на эти предложения с германской стороны не последовало, поскольку Гитлер скорее всего на ноябрьской встрече в Берлине имел в виду чисто дезинформационные цели. Для него важно было прикрыть свои намерения, чтобы избежать советского противодействия готовящейся операции вермахта на Балканах.

Германская дипломатия усиливает свой натиск на Болгарию поздней осенью 1940 г. в связи с необходимостью оказания помощи вермахта своему союзнику – Италии – в ходе итало-греческой войны. В директиве Главного штаба германских вооруженных сил предусматривается оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. После безрезультатной беседы Риббентропа с Драгановым 14 ноября германское министерство иностранных дел срочно вызывает царя Бориса на встречу с Гитлером.

17 ноября 1940 г. Борис III и министр иностранных дел Попов прибыли в резиденцию фюрера в Берхтесгаден с твердым намерением не подписывать Тройственный пакт, главным образом из-за страха перед СССР⁵². Царь напрямик спросил Гитлера, зондировался ли вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту во время недавней встречи с Молотовым. Гитлер избежал прямого ответа, но сказал, что “большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии”, и подчеркнул, что Германия поддерживает болгарскую сторону в вопросе об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если Болгария войдет в Тройственный пакт. “Шантаж был очевиден, – рассказывал впоследствии Борис Н. Мушанову, видному болгарскому политику, лидеру Демократической партии. – Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, согласившись в принципе на присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения”⁵³.

Хотя и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели неудачу, встреча показала всевозрастающее сближение Софии с Берлином. Бесплодная для советской дипломатии берлинская встреча и переговоры царя Бориса с Гитлером свидетельствовали о том, что Сталин стремительно проигрывал битву за Болгарию. 18 ноября 1940 г. болгарский посланник в Москве имел беседу с Молотовым, который в разговоре прибегал попеременно к угрозам и обещаниям. Во время ноябрьской встречи в Берлине, заявив Молотову, на его вопросы о Болгарии ему постоянно отвечали, что надо выяснить позицию Италии по “болгарским вопросам”. Что это значит? Существует ли договор или итальянские гарантии Болгарии? “Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо

гарантии, то такую гарантию ей дал бы сейчас СССР. При этом нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии, – подчеркнул Молотов, – должен остаться таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария”⁵⁴.

Далее Молотов спросил, вступит ли Болгария в Тройственный пакт, как это сделали Венгрия, Румыния и Словакия. Россия, прибавил Молотов, не потерпит, чтобы Болгария превратилась, подобно Румынии, в марионеточное, “легионерское” государство. Одновременно Молотов действовал “и пряником”, говоря о поддержке Советским Союзом болгарских территориальных претензий к Греции и Югославии. В конце разговора Молотов напомнил Стаменову о советском предложении заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, которое было сделано в сентябре 1939 г., и тогдашний ответ Кюссиванова, что если возникнет необходимость, то болгары попросят советских гарантий. После того как Молотов вышел, телеграфировал в Софию Стаменов, присутствовавший на встрече Деканозов “сказал мне более ясно, что может быть теперь наступил момент, о котором говорил Кюссиванов”⁵⁵.

Монарх и Филов без колебаний отвергли новое советское предложение, о котором говорилось в телеграмме Стаменова: “Обсудили ее в тот же вечер с Царем и Поповым и решили ответить отрицательно”, – записал Б. Филов в дневнике⁵⁶. Спустя несколько дней, 24 ноября 1940 г. в Москву был направлен ответ, в котором под предлогом того, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях, отвергалось советское предложение о пакте⁵⁷.

В ходе беседы со Стаменовым советская дипломатия скорее всего намеревалась предварительно прозондировать позицию болгарской стороны, а затем приступить к конкретным действиям. 25 ноября 1940 г. в Софию прилетает генеральный секретарь наркоминдела А.А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Встретившись поочередно с премьер-министром и с царем, Соболев ознакомил их с советским предложением, повторявшим в основном предыдущее, сделанное осенью 1939 г. В 12 пунктах СССР предлагал Болгарии тесное сотрудничество, всяческую, в том числе и военную, помощь в случае угрозы ей со стороны третьей державы или группы стран, а также поддержку “в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии”. В свою очередь Болгария должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам Советского Союза на Черном море или в районе Проливов (сразу отметим, что это было самым слабым пунктом предложения, ведь во внешней политике Болгария как раз стремилась всячески избегать обязательств, которые могли бы втянуть ее в войну). Особо оговаривалось, что предлагаемый пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. Особенно любопытен последний, 12-й, пункт советского предложения, гласивший, что

“при условии заключения пакта о взаимной помощи с СССР отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту”⁵⁸.

Миссия Соболева была столь секретной, что болгарский посланник в Москве узнал о том, что советский дипломат остановится в Софии “по дороге” в Румынию на конференцию по Дунаю, уже после его отлета. “Явно хотели Вас застать врасплох и боялись, как бы их не опередил Гитлер, и поэтому ввели меня в заблуждение, будто Соболев летит в Бухарест рейсовым самолетом”, – доносил Стаменов в Софию (на самом деле Соболев вылетел спецрейсом). “У меня сложилось впечатление, – продолжал посланник, – что они готовы на все, лишь бы подписать с нами пакт”. В конце разговора Молотов, сообщивший Стаменову о миссии Соболева, предупредил: если болгары надеются остаться “в изоляции” (т.е. нейтральными), то в этом много иллюзий⁵⁹.

Ответ на соболевское предложение со стороны болгарского правительства, имевшего перед глазами пример прибалтийских государств, был однозначно отрицательным. “Вчера были вчетвером (премьер-министр, министр иностранных дел, министр внутренних дел и военный министр. – Авт.) у царя для обсуждения предложения Соболева и решили его в принципе отвергнуть”, – записал Филев в дневнике⁶⁰. В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно ведутся переговоры о вступлении Болгарии в Тройственный пакт, отклонило советское предложение. Письменный ответ министр иностранных дел И. Попов передал 30 ноября советскому посланнику А.А. Лаврицеву. В нем говорилось, что “болгарскому народу... и болгарскому парламенту было бы трудно понять и принять обязательства, предусматривающие вмешательство Болгарии в разрешение такого большого вопроса, как вопрос о Проливах, на которые не распространяются интересы нашей маленькой страны”⁶¹. Отказ от пакта с СССР о взаимопомощи мотивировался еще и тем, что Болгария уже вступила в переговоры о присоединении к Тройственному пакту, а также опасностью обострения ее отношений с Турцией.

Однако советское руководство, не желая отступать, поспешило исправить свой промах. 6 декабря Лаврицев вручил Попову документ, в котором мотивы болгарского отказа признавались необоснованными и предлагалось вместо заключения пакта о взаимной помощи ограничиться односторонним предоставлением советской стороной гарантий безопасности и интересов Болгарии. Это означало бы для нее освобождение от тяжелых военных обязательств⁶². В ответ И. Попов просил передать в Москву: “Болгарское правительство считает, что заключение пакта с Советским Союзом усилило бы угрозу военного нападения на Болгарию и было бы лишним грузом

для самого СССР”⁶³. В зашифрованной телеграмме Стаменову Попов высказывал мнение, что “подписание подобного пакта, явно направленного против Турции, усиливает опасность войны. Болгария всегда страдала, когда ее подозревали в том, что она является орудием России, так это было бы воспринято и сегодня обеими воюющими сторонами. Что касается гарантий, то наш ответ Вам уже известен – Болгария не чувствует себя в опасности”⁶⁴.

Не имея реальных рычагов воздействия на Бориса III, Сталин попытался оказать на него нажим через народные массы, используя болгарских коммунистов, деятельность которых в свою очередь направлялась находившимся в Москве Заграничным бюро ЦК БРП. Уже 25 ноября генеральный секретарь Исполкома Коминтерна и одновременно руководитель ЗБ ЦК БРП Г. Димитров был вызван в Кремль к Сталину, который в присутствии Молотова и Деканозова заявил: “Мы сегодня делаем болгарам предложение о заключении пакта взаимопомощи. Не гарантии, как, видимо, болгарский посол Стаменов раньше неправильно понял Молотова, предлагаем мы, а пакт о взаимопомощи... Если болгары не примут это наше предложение, они попадут целиком в лапы немцев и итальянцев и тогда погибнут... Нужно, чтобы это предложение знали в широких болгарских кругах”⁶⁵.

Сталин намеревался инспирировать якобы спонтанную народную кампанию. В инструкции же, которую Димитров в этот же день направил подпольному ЦК БРП, почти полностью передавалось содержание советского предложения и давалось указание немедленно приступить к организации массовой всенародной кампании в его поддержку: “Примите самые быстрые и энергичные меры к тому, чтобы это предложение стало широко известно в парламенте и вне его, в печати и в массах...”⁶⁶

В ответной радиограмме ЦК БРП обещал приложить все силы и средства, чтобы довести новость о советском предложении до самого отдаленного уголка страны. Кампания, инспирированная и щедро оплаченная Москвой (в финансовом отчете ЦК БРП Заграничному бюро ЦК БРП за ноябрь 1940 г. указывалось, что расходы на проведение кампании в пользу пакта вместе с организационными расходами составили 63 тыс. левов⁶⁷), вошла в историю Болгарии под названием “Соболевской акции”. На заседании Политбюро ЦК БРП в Софии было разработано обращение к народу с кратким изложением советского предложения и с призывом требовать его принятия. Помимо обращения были отпечатаны и переписаны от руки в тысячах экземпляров листы для сбора подписей в пользу пакта. В считанные дни страна была засыпана листовками. Стены домов и ограды покрылись лозунгами: “Требуем пакта с СССР!”, “Да здравствует союз с СССР!” Почтовые отделения были завалены коллективными и личными письмами и телеграммами в официальные органы с требованием заключения пакта, а делегации рабочих,

служащих, крестьян и учащихся посещали государственные учреждения, вплоть до дворцовой канцелярии, с тем, чтобы выразить свою волю⁶⁸. Безусловно, русофильские чувства, сохранявшиеся у значительной части болгарского населения, способствовали успеху развернутой болгарскими коммунистами кампании.

Однако листовки БРП, свидетельствовавшие о хорошей осведомленности болгарских коммунистов о миссии Соболева, спровоцировали заявления правительственных кругов о вмешательстве СССР во внутренние дела Болгарии, а также усилили недовольство Гитлера Москвой. Когда же “неуклюжесть” советской дипломатии стала очевидна самому Сталину, всю вину решили свалить на Димитрова. 28 ноября всером его вызвал Молотов и раздраженно объяснил, что имелась в виду лишь устная кампания. После этого Димитров срочно отправил в Софию указание: “Распространение листовок по поводу советского предложения – это большая ошибка. Немедленно прекратите это. Предложение нужно предавать гласности устно, через депутатов и других подходящих лиц, а не через печатные документы и ни в коем случае не от имени наших органов”⁶⁹.

В ответ на это ЦК БРП сообщил: «Признаем свою ошибку. Мы думали, что делаем хорошее дело. А оказалось это, к сожалению, “медвежьей услугой”. Приняли все меры для прекращения распространения изданных листовок»⁷⁰. Текст этого сообщения Димитров немедленно передал Сталину и Молотову. В середине декабря генеральный секретарь ИККИ шлет в ЦК БРП новую радиограмму, в которой в соответствии с советскими указаниями подчеркивается, что “кампанию в пользу пакта надо вести не на классовой, а на общенациональной и государственной почве. Ни в коем случае нельзя придавать кампании партийный, антибуржуазный, антидинастический и антигерманский характер”⁷¹. Следует воздерживаться, разъяснял Димитров, от всякого рода акций, которые могли бы подкрепить аргументы противников пакта о том, что он представляет собой угрозу буржуазному строю в Болгарии, правительству и лично царю. В ответной радиограмме, направленной в ЗБ ЦК БРП в начале января 1940 г., ЦК БРП сообщал, что выпускает новое воззвание, адресованное всем слоям болгарского общества и составленное в духе полученных от Димитрова указаний. С этого времени и до вступления Болгарии в Тройственный пакт в марте 1941 г. БРП стремилась проводить кампанию на более широкой социальной основе (правда, безуспешно).

Надеялись ли в Москве на принятие “соболевского предложения”? Вероятность того, что в условиях растерянности правящих кругов, массового народного движения и активных действий всей антиправительственной оппозиции дело бы дошло до образования нового кабинета, который бы оказал сопротивление германскому натиску и в этих целях принял бы советское предложение, была минимальной. Академик И. Димитров полагает, что скорее оно было на-

правлено в адрес Германии: СССР еще раз демонстрировал, что ему не безразлично проникновение Германии в регион, который он считал жизненно важным для своей безопасности⁷².

Имеются разные точки зрения по вопросу о том, ускорила ли “Соболевская акция” подписание Болгарией Тройственного пакта или, наоборот, затормозила. Возможно, массовое движение за принятие советского предложения позволило Борису III оттянуть под этим предлогом момент присоединения к державам “оси” еще на некоторое время. Во всяком случае болгарский монарх впоследствии не раз использовал этот довод, когда отказывался подписать с Гитлером пакт. Приводя в качестве основного аргумента отказа русофильство болгарского народа, царь подчеркивал, что особенно наглядно это продемонстрировала “Соболевская акция”. Германский исследователь Х. Хопле, основываясь на телеграмме посланника Рихтхофена в МИД Германии от 28 ноября 1940 г., считает, что “Соболевская акция” вызвала у болгарских властей опасения, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту в создавшейся ситуации будет рассматриваться Москвой как своего рода провокация⁷³. И. Димитров, напротив, уверен, что в конечном итоге дипломатическая инициатива Москвы способствовала преодолению колебаний Бориса III в вопросе вступления в Тройственный пакт, в котором он видел гарантию от самой страшной для себя угрозы – советской.

3 декабря Гитлер вызвал к себе Драганова и принялся внушать ему, что по меньшей мере наивно верить заявлениям Советского Союза о невмешательстве во внутренние дела Болгарии. По его словам, лучше всего последствия советских гарантий видны в Прибалтике. Если бы Болгария сразу присоединилась к Тройственному пакту, подчеркнул фюрер, “русская опасность” не возникла бы. “Пока у русских остается надежда получить что-то в Болгарии, они не оставят болгар в покое”, поэтому Россию “следует поставить перед свершившимся фактом”: “если Болгария вступит в Тройственный пакт, Россия автоматически уберет свои руки от Болгарии”⁷⁴.

Присоединение к Тройственному пакту

К концу 1940 г. возможности политики неприсоединения и лавирования, проводимой царем Борисом, оказались полностью исчерпанными. Болгария уже попала в непосредственные планы Гитлера, связанные с подготовкой операции по овладению Балканами. Теперь он демонстративно игнорировал своего бывшего союзника – СССР, а затем и вовсе стал действовать наперекор ему. “Миссия Соболева” и подписание плана “Барбаросса” 18 декабря 1940 г. завершили первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда оно носило дипломатический характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступают в открытую политическую борьбу за

Балканы, и Болгарию в частности. Их натиск на Бориса III был огромен. Великобритания и США тоже не бездействуют, но их позиция имеет уже второстепенное значение, хотя Туманный Альбион не хочет примириться с потерей Балкан. Монарх испытывал давление и со стороны внутренней оппозиции, как левой (коммунисты), так и правой (националистические прогерманские организации Союз болгарских национальных легионов, "Ратник", Союз офицеров запаса и др.). Вот как описывал положение болгарских властей в этот период венгерский посланник в Софии Юнгерт (Михай Арноти) в донесении министру иностранных дел Венгрии И. Чаки от 13 декабря 1940 г.: "Руководители болгарской внешней политики в последние месяцы попали в очень сложную ситуацию в связи со своей позицией постоянного лавирования. Одна за другой великие державы хотели нажать на них с тем, чтобы они заняли определенную позицию". Даже Лондон 25 ноября предупредил Софию, что если та вступит в Тройственный пакт, Англия не поддержит независимость и территориальную целостность Болгарии после войны. Болгария находится на перепутье. "Чрезмерная хитрость привела их (болгар. – *Авт.*) к этой неприятной и трудной ситуации. Хотят быть со всеми в одинаково хороших отношениях, чтобы обеспечить себе помощь всех при реализации своих территориальных притязаний"⁷⁵. Но крайний момент принять нелегкое политическое решение настал.

В доверительном разговоре с Н. Мушановым, лидером буржуазной оппозиции, состоявшемся 19 декабря 1940 г., царь признал, что в принципе принял решение дать согласие на прохождение германских войск через территорию Болгарии, если Германия вновь поставит вопрос об этом. "Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском, – сказал Борис III. – А времени терять нельзя. Если бы была хоть малейшая возможность другого выхода, я бы ее не упустил"⁷⁶.

Имелся ли для монарха другой выход из сложившейся ситуации, например дать хотя бы один артиллерийский залп против германских войск в знак своего несогласия, как ему советовал британский посланник Ренделл? При ответе на этот вопрос не надо забывать, что в тех условиях любое сопротивление Германии означало бы отказ Болгарии от идеалов национального объединения, что вряд ли было бы понято болгарским народом. Окончание нейтралитета обещало близкое решение этой приоритетной внешнеполитической задачи, пусть даже и ценой превращения Болгарии в сателлита "третьего рейха".

В первый день нового, 1941 года болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с Гитлером и Риббентропом по вопросу о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. Его тактической задачей, в соответствии с инструкциями царя, было вновь попытаться убедить руководителей "третьего рейха", что Германии невыгодно юридическое присоединение Болгарии к пак-

ту, а в случае, если эти попытки не увенчаются успехом, хотя бы оттянуть присоединение еще на некоторое время. Однако во время состоявшейся 4 января встречи Риббентропу без особого труда удалось разбить все доводы болгарского премьера. При этом германский министр подчеркнул, что не может себе объяснить, почему Болгария до сих пор не присоединилась к пакту, в то время как другие это сделали. В ответ Филов поспешил заверить собеседника, что позиции обеих стран очень близки и что нет никаких сомнений относительно вхождения Болгарии в пакт, различие во мнениях заключается лишь в вопросе о времени вступления. "С их точки зрения, мы должны войти как можно быстрее, с нашей – следует дожидаться удобного для нас момента", – записал Филов в дневнике⁷⁷. Болгарский премьер следовал указаниям царя, настаивавшего, чтобы подписание пакта состоялось одновременно с вступлением германских войск на территорию Болгарии – с тем, чтобы предотвратить негативную реакцию, как внешнюю, так и внутреннюю.

Во время встречи с Гитлером 4 января 1941 г. Филову были даны горячие заверения, что Болгарии не грозит никакая опасность и что ей следует войти в пакт как можно скорее. В отличие от Риббентропа Гитлер согласился, что со стороны России можно ожидать отрицательной реакции, но что она проглотит свершившийся факт, как это было в случае с Румынией. "Не следует бояться русского вмешательства, – сказал Гитлер, – поскольку русские знают, что в таком случае конфликт расширится на всю протяженность германорусской границы. Единственной опасностью является подстрекательская работа русских внутри страны. Однако чем быстрее болгарское правительство бросит жребий, тем меньше русские смогут прибегать к подобным методам"⁷⁸. Поскольку Филов продолжал высказывать опасения по поводу возможных внешнеполитических осложнений после подписания Болгарией пакта, Гитлер заявил, что готов предоставить в распоряжение Болгарии все необходимые вооруженные силы. Фюрер подчеркнул, что не повторит ошибки кайзера в первой мировой войне и не позволит англичанам открыть фронт на Балканах. Он категорично заявил, что Болгария не будет участвовать в военных действиях, германские войска только пройдут через ее территорию, чтобы покончить "с этим позором – греками". Поскольку и Риббентроп, и Гитлер дали понять, что благосклонно смотрят на болгарское требование выхода к Эгейскому морю, Филов решил, что настал момент затронуть македонский вопрос. Однако фюрер прервал его, сказав, что сначала надо выиграть войну, "тогда многие вопросы будут урегулированы"⁷⁹.

По возвращении в Софию Филову оставалось окончательно убедить Бориса III в неизбежности подписания пакта. После артистически разыгранной сцены (царь заламывал руки и говорил, что "предпочитает отказаться от престола или броситься в объятия России") он выслушал доводы Филова и "признал их правоту"⁸⁰.

Болгаро-германские переговоры и быстро меняющаяся военная обстановка на Балканах в конце 1940 – начале 1941 г. вызвали бурную дипломатическую активность Великобритании и США на Балканском полуострове. Они в последний раз попытались удержать Болгарию от вступления в Тройственный пакт.

Для Англии дипломатический натиск был единственным средством воздействия на болгарскую внешнюю политику, а задача была совсем скромной – предотвратить или хотя бы оттянуть момент превращения Болгарии в германского сателлита. Если с осени 1939 г. до весны 1940 г. Англия пыталась привлечь Болгарию в общую систему отпора германской агрессии, то летом и осенью она удовлетворилась бы хотя бы сохранением провозглашенного Болгарией нейтралитета. В конце 1940 – начале 1941 г. цель стала еще более скромной – предотвратить активное сотрудничество Болгарии с агрессором. Однако реальных возможностей воздействия на болгарскую политику у британской дипломатии не было, тем более что она игнорировала политические силы, выступавшие против союза с Германией, в том числе либеральную оппозицию с прозападной ориентацией⁸¹.

Британская дипломатия отказалась в отношениях с Болгарией от всяких уговоров, заманчивых обещаний и встала на путь открытых угроз. Британский посланник в Софии неоднократно в официальном порядке заявлял болгарскому правительству, что в случае выступления Болгарии против Греции или появления немецких войск на болгарской территории безразлично, с согласия ли болгарского правительства или без оно, Англия немедленно порвет дипломатические отношения с Болгарией, а британская авиация будет бомбить промышленные и военные объекты на болгарской территории. В середине января Форин оффис официально предупредил болгарского посланника в Лондоне Н. Момчилова, что Великобритания будет рассматривать присутствие германских войск в Болгарии как болгарское соучастие в германских операциях против нее⁸². Болгарские правящие круги, весьма опасавшиеся военных действий на территории своей страны, оттягивали вступление Болгарии в Тройственный пакт, мотивируя это, в частности, угрозами англичан. Но это было, пожалуй, единственным результатом дипломатических усилий Лондона.

Неожиданную активность проявила на этот раз и американская дипломатия. В январе 1941 г. президент Рузвельт послал в Софию своего эмиссара полковника У. Доновена, который встретился с Поповым, Филовым и с царем. Заверяя монарха в неизбежности благополучного для Великобритании исхода войны, Доноуэн просил его не пропускать немецкие войска через свою территорию для нападения на Грецию. И угрозы, и обещания (по некоторым сведениям, Доноуэн имел поручение пообещать болгарам американские гарантии их независимости и выход к Эгейскому морю, если только Со-

фия будет проводить политику дружественного Британии нейтралитета⁸³) оказались напрасны.

Метко охарактеризовал миссию Доновена сам Борис, поведав о ней руководителю культурно-политического отдела германского МИД Твардовскому. “С иронией рассказывал царь о посещении американского полковника Доновена, который ему вновь продемонстрировал, сколь политически наивны американцы, – писал Твардовский. – Доноуэн не имел понятия о политических отношениях и об истории Балкан; это его, судя по всему, и не интересовало. Он выдвинул перед ним (царем. – *Авт.*) требование оставаться нейтральным, оказать вооруженное сопротивление попытке прохода Германии (через Болгарию. – *Авт.*) и положиться на великодушные Англии и Америки. Когда царь ему сказал, что о великодушии и понимании со стороны Англии Болгария достаточно узнала за последние 20 лет, Доноуэн возразил, что теперь речь идет о существовании Болгарии; если она сделает неправильный выбор, то будет уничтожена. Для него, царя, эта посылка эмиссаров и речи этого господина являются признаком слабости Америки”⁸⁴. Если даже учесть, что высказывание царя предназначалось для ушей немца, его ирония все же выглядела скорее искренней. Американское требование, чтобы Болгария в одиночку оказывала вооруженное сопротивление германской оккупации, выглядело в глазах царя просто циничным, поскольку ни США, ни Великобритания не могли реально оказать ей никакой эффективной помощи. Возможно, впрочем, что американцы и не рассчитывали всерьез, что болгары выполнят их требования, а только хотели укрепить монарха в его сдержанности по отношению к немецким планам.

Болгарский исследователь В. Тошкова считает, что “визит Доновена действительно усилил сомнения и царя, и особенно министра иностранных дел в беспрепятственном расширении германской военной экспансии”, но очень ненадолго. Единственным результатом миссии американского представителя стало то, что укрепилась уже существовавшая тенденция к ограничению прямого вовлечения Болгарии в войну⁸⁵. На все доводы Доновена Борис III ответил: “Болгария придерживается политики мира, но положение на Балканах от нее не зависит”⁸⁶. Разумеется, царь скрыл от американца, что именно в день его прибытия в Софию болгарское правительство приняло решение не оказывать сопротивления вступлению германских войск в Болгарию.

Последние попытки удержать Болгарию от подписания Тройственного пакта делает и советская дипломатия. 4 января 1941 г. советский посланник в Бухаресте А.И. Лаврентьев и второй секретарь посольства Луния разговаривают с болгарским военным атташе. Подчеркнув, что в Москве Болгарию рассматривают лишь как невозвоющую, но не как нейтральную страну, советские дипломаты заявили, что СССР выступает против дальнейшего проникновения

Германии на Балканы и против присоединения Болгарии к Тройственному пакту. В самом крайнем случае Москву удовлетворило бы недопущение германских войск на территорию Болгарии⁸⁷.

13 января 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось: "В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как на источник информации, что в Болгарию уже перебросена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием. ТАСС уполномочен заявить, что: 1. если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию; 2. в частности, болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию и, следовательно, не могло получить от СССР какой-либо ответ"⁸⁸. Заявление ТАСС выдавало тот факт, что позиции СССР в Болгарии окончательно утрачены и что он ничем не может помешать вторжению Германии в зону его интересов.

В этой ситуации Г. Димитров направил 13 января личное письмо Сталину, в котором просил принять его для обсуждения позиции, которую должна занять болгарская компартия в связи со вступлением в страну германских войск. Димитров высказал в письме мнение, что БРП должна решительно выступить против этих действий Германии, разоблачать роль царя и болгарского правительства как виновников создавшегося положения, подчеркивать необходимость заключения пакта между СССР и Болгарией. Сталин выразил согласие с позицией Димитрова, подчеркнув при этом, что "партия должна действовать не как помощник Советского Союза, а выступать от своего имени, чтобы избежать провокаций"⁸⁹.

17 января 1941 г. Деканозов передал Вайцзеккеру ноту, в которой заявлялось, что СССР считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной своей безопасности и не может поэтому оставаться безучастным к событиям в этом районе, нарушающим его интересы⁹⁰. Все эти предупреждения показывали, что, хотя СССР не может воспрепятствовать вступлению германских войск в Болгарию, он продолжает настаивать на признании Болгарии и района Проливов сферой своих интересов. Естественно, с германской стороны они не вызвали никакой ответной реакции.

Ни серьезные советские предупреждения, ни британские угрозы, ни "ухаживания" американской дипломатии не могли уже остановить заработавший механизм присоединения Болгарии к державам "оси".

Данное Гитлером в начале 1941 г. обещание вернуть Болгарии Западную Фракию окончательно убеждает болгарское руководство в том, что место Болгарии рядом с Германией. Не следует забывать и чисто военный фактор: решение о присоединении было принято в тот момент, когда в соседнюю Румынию вступил мощный контингент гитлеровских войск, которые только ждали приказа перейти Дунай для развития балканской операции. Телеграмма полномочного представителя по особым поручениям в МИД Германии К. Риттера, направленная 15 января германскому посланнику в Софии, свидетельствовала, что Гитлер не намерен больше терпеть проволочек с вступлением Болгарии в Тройственный пакт. При этом рекомендовалось решительно пресекать любые тактические попытки болгарской стороны оттянуть этот момент и дать понять, что правительство рейха уже отдало необходимые военные приказы о проходе германских войск через территорию Болгарии. Если же болгарское правительство все же прибегнет к оговоркам и условиям какого-либо рода, Риттер требовал предупредить о самых серьезных последствиях, которые могут возникнуть в результате этого для Болгарии и для ее нынешнего и будущего политического положения⁹¹.

20 января 1941 г. после 8-часового обсуждения решение о вступлении Болгарии в Тройственный пакт было одобрено советом министров Болгарии. Последовала массированная пропагандистская и дипломатическая подготовка присоединения к пакту. Большое внимание болгарское руководство уделяло тому, как оправдать свой шаг перед заинтересованными державами. Так, в телеграмме болгарскому посланнику в Лондоне Н. Момчилу Попов рекомендовал использовать в личных разговорах мнение американского посланника в Софии Дж. Эрла, что неизвестно, каково было бы положение Англии, если на месте Ла-Манша протекала бы река Дунай и если бы её население составляло всего 6 млн, как в Болгарии⁹². С особой тщательностью болгарские и германские дипломаты отработывали и уточняли проект текста извещения советского правительства об этом акте⁹³.

Однако, даже когда Болгария была уже крепко привязана к балканской операции вермахта, царю Борису удалось оттянуть вступление в пакт до конца февраля. Лишь после подписания 17 февраля болгаро-турецкой декларации о ненападении, после получения из Берлина подробных инструкций о том, как и когда следует уведомить Москву, Стамбул и Белград о предстоящем присоединении, после урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов Болгария подписала 1 марта 1941 г. Тройственный пакт. При этом она поставила условие, что ее армия не примет непосредственного участия в военных действиях и что партнеры по пакту поддержат ее стремление получить выход к Эгейскому морю. В тот же день авангардные части армии фельдмаршала В. Листа переправились через Дунай, а на следующий день вся его 680-тысячная армия

вступила на территорию Болгарии. Поскольку большинство болгарского народа в тот момент считало, что союз с такой могущественной военной силой, какую тогда представляла Германия, поможет решению болгарского национального вопроса, то население встречало германские войска радушно, цветами и хлебом-солью.

В этот же день, 1 марта посол Германии в Москве Шуленбург информировал Молотова, что «английские притязания в Греции вынуждают правительство рейха незамедлительно принять дальнейшие меры безопасности и делают необходимой переброску германских войск на болгарскую территорию»⁹⁴. Советскому правительству ничего не оставалось, как только выразить резкий протест в связи с «нарушением интересов безопасности СССР»⁹⁵.

В тексте сообщения МИД Болгарии советскому правительству, переданному А.А. Лаврищеву 1 марта, говорилось, что «германское правительство просило согласие болгарского правительства на вступление немецких войск в Болгарию, заявив, что эта мера является временной и имеет своей целью сохранение мира на Балканах. Германское правительство не поставило перед Болгарией никаких условий, противоречащих болгарской миролюбивой политике...»⁹⁶ В заявлении выражалась надежда, что поведение Болгарии будет правильно понято и что эта мера не ухудшит отношений между Болгарией и СССР.

В ответной ноте от 3 марта НКВД сообщал, что «1) Советское правительство не может разделить мнения болгарского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе, так как эта позиция, независимо от желаний болгарского правительства, ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии; 2) Советское правительство, верное своей политике мира, не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»⁹⁷. Эта нота еще раз наглядно продемонстрировала полное бессилие СССР в сложившейся ситуации и явилась, по сути дела, просто формальной отпиской. СССР оказался не в состоянии противопоставить германской экспансии на Балканах ни военную силу, ни какие-либо иные средства, которые бы заставили считаться с его интересами. Дипломатическая и политическая борьба Советского Союза и Германии за Болгарию завершилась в пользу «третьего рейха».

Если советская реакция на вступление Болгарии в Тройственный пакт свелась к выражению протеста, то Великобритания ответила на него более действенными мерами: 5 марта британское правительство разорвало с Болгарией дипломатические отношения, тем самым еще больше усилив недовольство болгарских правящих кругов британской политикой на Балканах.

Так за полтора года Болгария прошла путь от нейтралитета до союза с гитлеровской Германией. Это стало возможным и, более то-

го, неизбежным в силу стечения целого ряда внешних и внутренних факторов. Решающими среди них были задача национального объединения и стремление болгарского руководства уберечь свою страну как от непосредственного участия в военных действиях, так и от коммунистического влияния. К середине 1941 г., казалось, удалось достичь этих целей: менее чем за год без единой капли пролитой в боях болгарской крови была осуществлена мечта болгарского народа о возвращении территорий, отторгнутых по условиям Нейнского договора 1919 г. После завершения балканской кампании вермахта (апрель–май 1941 г.) Болгария ввела свои войска в принадлежавшие Югославии и Греции районы Македонии, Западной Фракии и так называемые Западные территории, которые рассматривались Софией как болгарские национальные земли. В этих районах была образована временная болгарская администрация. Вместе с Южной Добруджей территория Болгарии увеличилась на 50%, а население – на треть. Борис III получил прозвище «царь-объединитель». Мало кто в Болгарии мог в то время понять всю иллюзорность представления о сложившейся ситуации. Состояние эйфории, охватившее болгарскую общественность, ярко характеризуют слова собеседника немецкого журналиста Бретхольца: «Все мы находились в состоянии опьянения от мысли, что с нами впервые в истории поступили по справедливости, которой мы давно безуспешно добивались. Правда, иногда в нас шевелилось что-то вроде нечистой совести, поскольку мы не завоевали или захватили наши новые земли, а получили их в качестве подарка, что-то вроде тревожного чувства, что однажды прекрасный сон обернется жестоким пробуждением. Но в принципе все мы, от крайних националистов до коммунистов, были довольны результатами, которые нам принес «новый порядок» Гитлера на Балканах»⁹⁸.

По окончании балканской операции Германия вывела часть своих войск из оккупированных Греции и Югославии с тем, чтобы перебросить их на восток. Так Болгария, позволившая вермахту использовать свою территорию в качестве плацдарма для агрессии против соседних государств, превратилась в надежный тыл нацистской Германии, в ее южный стратегический плацдарм.

Предположение, будто Болгария могла, отказавшись от своих ревизионистских устремлений и вступив в союз с соседними балканскими государствами, помешать гитлеровской агрессии на Балканах весной 1941 г., является, на наш взгляд, умоизрядным построением. Фактом же остается то, что болгарскому руководству во главе с царем Борисом удалось в сложнейших условиях союза с Германией свести выполнение Болгарией обязательств по отношению к своему могущественному партнеру до минимума. Страна избежала участия ее армии в военных действиях в ходе балканской операции Гитлера. Учитывая русофильские чувства значительной части населения, монарх отказался послать своих солдат и на Восточный фронт после

22 июня 1941 г. Несмотря на нажим Гитлера, Болгария, единственная из союзников Германии, сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны. Значительно (хотя, как оказалось впоследствии, временно) увеличив свою территорию, не участвуя в военных действиях, сохраняя известную самостоятельность во внутренней и даже во внешней политике, Болгария занимала особое положение по сравнению с другими сателлитами гитлеровской Германии и оставалась весьма “своенравным” союзником “третьего рейха”.

¹ См., например: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет, София, 1968, Т. LXI, кн. III; *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979.

² Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и реакция на его заключение в Болгарии // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.

³ ADAP. Serie D. Baden-Baden, 1958. Bd. VII. Dok. 314.

⁴ РГВА. Ф. 1257. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.

⁵ ДВП. М., 1992. Т. XXII: В 2-х кн. Кн. 2. 1939 год. Док. 538. С. 23.

⁶ Там же. Кн. 1. Док. 271. С. 328.

⁷ См. также: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. М., 1999. С. 53–54.

⁸ Речь идет о поездке Г. Кыосеиванова в Берлин, где 5 и 6 июля 1939 г. состоялись его встречи с Гитлером и Риббентроном.

⁹ НА БАН. *Стойчо Мошанов.* Из спомените ми. Сб. IV. Оп. 110. А.е. 157. Л. 420.

¹⁰ Там же. Л. 422.

¹¹ АМВНР. Оп. Iш. Д. 17. А.е. 120. Л. 80.

¹² Там же. Л. 82–83.

¹³ Там же. Л. 123; Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. 1917–1944. М., 1976. Т. 1. С. 465.

¹⁴ Там же. С. 468–469.

¹⁵ РА АА. Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I (Телеграмма германского посланника в Софии Рихтхофена в Берлин от 18 окт. 1939 г.).

¹⁶ Ibid. Донесение Вайцзеккера в МИД Германии от 27 окт. 1939 г.

¹⁷ Ibid.; MOL. К. 63. 1939 – 5.1. 21 old. (Телеграмма венгерского посланника в Софии Юнгера (М. Арноти) в МИД Венгрии от 24 нояб. 1939 г.).

¹⁸ ADAP. Serie D. Baden-Baden, 1961. Bd. VIII. S. 380.

¹⁹ Ibid. S. 381.

²⁰ Ibid. S. 419.

²¹ АМВНР. Оп. Iш. Д. 17. А.е. 120. Л. 189.

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 6. Д. 55. Л. 10.

²³ Подробнее см.: *Валев Л.Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 164–166.

²⁴ АМВНР. Оп. Iш. Д. 34. А.е. 272. Л. 95.

²⁵ Об экономической экспансии Германии в Болгарии см., например: *Валев Л.Б.* Указ. соч. С. 189–201; *Беров Л.* Германский капитал в Болгария през годините на Втората световна война // Българо-германски отношения и връзки. София, 1979. Т. 2. С. 243–304; *Никова Г.* Историческая судьба Болгарии: между Германией и Советским Союзом // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 275–290.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 6. Д. 56. Л. 8.

²⁷ Там же. Д. 55. Л. 11.

²⁸ Там же. Л. 62.

²⁹ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 409.

³⁰ Подробнее см.: *Сирков Д.* Указ. соч. С. 181–191.

³¹ *Димитров И.* Иван Багрянов. Царедворец, политик, държавник. София, 1995. С. 31.

³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 133. Л. 44.

³³ Там же. Л. 51.

³⁴ Цит. по: *Груев Ст.* Корона от тръни: Царуването на Борис III. 1918–1943. София, 1991. С. 324.

³⁵ ADAP. Serie D. Frankfurt/Main, 1963. Bd. X. S. 46.

³⁶ Ibid. S. 183.

³⁷ Ibid. S. 276–279. См. также: *Филов Б.* Дневник. София, 1990. С. 207–210.

³⁸ ADAP. Serie D. Bd. X. S. 279.

³⁹ Цит. по: *Генчев Н.* Външната политика на България през началния период на Втората световна война (1939–1941) // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. София, 1971. Т. LXIII, кн. III. С. 365.

⁴⁰ В опубликованных мемуарах бывшего начальника Разведывательного управления НКВД П.А. Судоплатова утверждается, что И. Стаменов являлся советским агентом, завербованным в 1934 г. См.: *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 174.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 12. Д. 130. Л. 2.

⁴² ЦДА. Ф. 176. Оп. 8. А.е. 17. Л. 31.

⁴³ България – своенравният съюзник на Третия райх: Документална колекция / Ред. В. Топшкова и др. София, 1992. С. 11; ADAP. Serie D. Bonn, 1964. Bd. XI/D. S. 310–311.

⁴⁴ См.: *Генчев Н.* Указ. соч. С. 374.

⁴⁵ РА АА. Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I (Донесение Вайцзеккера в МИД Германии от 25 окт. 1940 г.).

⁴⁶ ДВП. М., 1998. Т. XXIII: В 2-х кн. Кн. 2 (Ч. 1). 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. Док. 491. С. 31. См. также: *Волков В.К.* Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. // Вопр. истории. 1997. № 2. С. 9.

⁴⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 508. С. 61.

⁴⁸ Там же. Док. 509. С. 61.

⁴⁹ Цит. по: *Безыменский Л., Горлов С.* Накануне (Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Междунар. жизнь. 1991. № 8. С. 105.

⁵⁰ ADAP. Serie D. Bd. XI/1. Dok. 328. S. 470–471; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 511. С. 70–71.

- ⁵¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 548. С. 136–137.
- ⁵² НА БАН. Сб. IV. Спомени на Ст. Мошанов. Т. IX. Съпротива и капитулация. Л. 18–19; *Филов Б.* Указ. соч. С. 211.
- ⁵³ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 19.
- ⁵⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 532. С. 110; ADAP. Serie D. Bd. XI/2. Bonn, 1964. S. 542.
- ⁵⁵ АМВНР. Оп. 1ш. А.е. 272. Д. 34. Л. 238–239.
- ⁵⁶ *Филов Б.* Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁷ ADAP. Serie D, Bd. XI/2. S. 578; ДВП. Т. XXIII, кн. 2 (Ч. 1). Док. 549. С. 138.
- ⁵⁸ АМВР. II Народен съд. А.е. 14. Л. 42; ADAP, Serie D. Bd. XI/2. S. 646.
- ⁵⁹ АМВНР. Оп. 1ш, А.е. 272. Д. 34. Л. 247.
- ⁶⁰ *Филов Б.* Указ. соч. С. 211–212.
- ⁶¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 564. С. 159.
- ⁶² ADAP. Serie D. Bd. XI/2. Dok. 468. S. 673.
- ⁶³ Ibid. Dok. 536. S. 757–758; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 597. С. 211.
- ⁶⁴ ЦДА. Ф. 176. Оп. 1п. А.е.8. Л. 41.
- ⁶⁵ Коминтерн и втора мировая война. / Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. М., 1994. Ч. I. До 22 июня 1941 г. С. 455; *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 203.
- ⁶⁶ *Димитров Г.* Дневник. С. 203.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 15. Вход. 1940. Л. 67.
- ⁶⁸ Там же. Д. 75. Л. 7–8, 11–14. Подробен о Соболевской акции см.: *Чичовска В.* Соболевата акция. София, 1972.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. 1940. Д. 11. Л. 128.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 75. Л. 5.
- ⁷¹ Там же. Оп. 184. Исх. 1940. Д. 11. Л. 148; *Димитров Г.* Дневник. С. 205.
- ⁷² *Димитров И.* Миналото като пролог: Исторически очерци. София, 1993. С. 168–169.
- ⁷³ *Hoppe H.-J.* Bulgarien-Hitlers eigenwilliger Verbündeter. Stuttgart, 1979. S. 105; см. также: ADAP, Serie D. Bd. XI/2. S. 608.
- ⁷⁴ ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 640–645.
- ⁷⁵ MOL. K. 63. 1940 – 5t. Bulgaria. 4–5. old.
- ⁷⁶ НА БАН. Сб. IV. Д. III. Л. 21–22.
- ⁷⁷ *Филов Б.* Указ. соч. С. 215.
- ⁷⁸ ADAP. Serie D. Bd. XI/2. S. 851.
- ⁷⁹ Ibid. S. 853.
- ⁸⁰ *Филов Б.* Указ. соч. С. 222–223; ЦДА. Ф. 95. Оп. I. А.е. 2. Л. 130 (Дневник царского советника Л. Лулчева).
- ⁸¹ Подробен см.: *Димитров И.* Миналото като пролог. С. 183–185.
- ⁸² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 10. Д. 117. Л. 36; *Генчев Н.* Указ. соч. С. 409.
- ⁸³ Bundesarchiv-Koblenz. R. 63/209. S. 12–13.
- ⁸⁴ ADAP. Serie D. Bd. XI/2. Dok. N 713. S. 1000.
- ⁸⁵ *Тошкова В.* България в балканската политика на САЩ. 1939/1944. София, 1985. С. 93.
- ⁸⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 10. Д. 117. Л. 36.
- ⁸⁷ ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 15. А.е. 2. Л. 95–98.
- ⁸⁸ Правда. 1941. 14 янв.
- ⁸⁹ *Димитров Г.* Дневник. С. 208–209.

⁹⁰ См.: История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1962. Т. II. 1939–1945. С. 142; ADAP. Serie D. Bd. XI/2. Dok. N 668. S. 934.

⁹¹ Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Fall 11. N 258. Bl. 52–53.

⁹² ЦДА. Ф. 176. Оп. 1п. А.е. 8. Л. 51.

⁹³ ADAP. Serie D. Bd. XII/1. Göttingen, 1969. S. 148.

⁹⁴ Ibid. S. 176–178; см. также: *Тошкова В.* България и Третият райх. София, 1975. С. 42.

⁹⁵ ADAP. Serie D. Bd. XII/1. S. 176–178.

⁹⁶ ДВП. Т. XXIII, кн. 2 (Ч. 1). Док. 701. С. 441; Советско-болгарские отношения и связи. Т. I. С. 545–546.

⁹⁷ Там же. С. 547.

⁹⁸ Цит. по: *Hoppe H.-J.* Op. cit. S. 125.

БОЛГАРИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В самом начале второй мировой войны Болгария объявила о своем нейтралитете. Однако 1 марта 1941 г., уступая экономическому и политическому давлению со стороны Германии, болгарское правительство подписало соглашение о присоединении страны к фашистскому Тройственному пакту. В тот же день гитлеровская армия вступила в Болгарию, чтобы с ее территории нанести удар по Греции и Югославии. После завершения балканских операций вермахта Болгария ввела свои войска в пограничные районы этих стран. В планах гитлеровского командования ей отводилась роль стража юго-восточного фланга фашистского блока, оккупанта захваченных земель. По настоянию Германии 12 декабря 1941 г. Болгария объявила войну Великобритании и США, надеясь, что она останется символической.

Националистическая волна захлестнула значительную часть болгарского населения. Получалось, что благодаря ориентации на Германию правительство сумело в короткий срок, не пролив ни капли болгарской крови, решить грандиозную внешнеполитическую задачу. Ведь помимо того, что в сентябре 1940 г. при поддержке Германии Болгария получила от Румынии Южную Добруджу, теперь к Болгарии “присоединились” Вардарская Македония, Западная Фракия и районы на западной границе Болгарии с Югославией. (Правда, “новоприсоединенные земли” оставались под болгарской администрацией лишь до осени 1944 г., за исключением Южной Добруджи, которая сохранилась в составе Болгарии.) Заметим, что “присоединение” оказалось в значительной степени фиктивным, поскольку болгарские оккупационные войска подчинялись немецкому командованию и контроль над этими территориями в действительности осуществляла Германия.

Однако в германской стратегии распространения агрессии на Восток участие Болгарии не планировалось. Приходилось считаться с традиционными дружественными чувствами болгар к русскому народу. Болгарское правительство не решилось объявить войну СССР и не осмелилось послать на Восточный фронт ни одного солдата. Болгария единственная из союзников Германии сохраняла с Советским Союзом дипломатические отношения на протяжении почти всей войны. Более того, болгарское посольство в Москве представ-

ляло после разрыва советско-германских отношений также интересы Германии. Специфика болгаро-советских отношений в рассматриваемый период состояла в том, что после нападения Германии на СССР военно-политическая обстановка в Болгарии была неблагоприятной для антигерманских и просоветских, прежде всего коммунистических, сил.

К вопросу о политическом режиме в стране. Оппозиция правительству

Положение Болгарии как страны-сателлита заметно отличалось от положения оккупированных Германией государств. Здесь сохранялся собственный государственный аппарат; германские войска, располагавшиеся на территории Болгарии, не выполняли оккупационных функций. Однако союз с Германией являлся для Болгарии неравноправным. Германские монополисты постепенно занимали господствующее положение в болгарской промышленности и банках. Внешняя торговля Болгарии все больше подчинялась интересам “третьего рейха”. В результате целого ряда невыгодных для Болгарии экономических соглашений страна превратилась в надежный источник дешевой сельскохозяйственной продукции для “третьего рейха”. Из-за несбалансированного товарообмена сложился значительный торговый дисбаланс в ущерб Болгарии¹. Тесное сближение с нацистским государством не могло не оказать влияния и на политический климат в Болгарии. Хотя фашизм в Болгарии не сумел утвердиться у власти, отдельные фашистские идеи существенно повлияли на политическую и экономическую жизнь страны в 30-е и в первой половине 40-х годов. Под строгим наблюдением были поставлены известные политические деятели, не разделявшие официальной точки зрения; тюрьмы и появившиеся концлагеря наполнились противниками режима. Были приняты новые статьи и многочисленные поправки к военно-уголовному и военно-судебному кодексам, предусматривавшие смертную казнь.

Политический режим Болгарии того времени стремился выказать себя “беспартийным”: ведь после государственного переворота 19 мая 1934 г. все партии были официально распущены (хотя они не исчезли с политической арены и их представители с большей или меньшей степенью активности участвовали в общественной жизни страны).

С конца 1935 г., когда царь Борис III сосредоточил руководство страной в своих руках, правительства назначались по прямому указанию из дворца и не представляли позиций определенных партий. Ни один шаг в области внешней и внутренней политики не предпринимался без ведома и согласия монарха.

Марксистская болгарская и советская историография характеризовала политический режим Болгарии рассматриваемого периода как “монархо-фашистскую диктатуру”, а борьбу с ним называла антифашистской. Пожалуй, немного найдется тем, вокруг которых было сломано столько копий, как вокруг проблемы о “болгарском фашизме”. В Болгарии до 1989 г. состоялось несколько научных дискуссий, однако движение идей фактически проходило в рамках превращенных в догму установок VII конгресса Коминтерна (1935 г.) о фашизме и об их полной применимости к Болгарии. Такая постановка вопроса позволяла вместить в понятие *фашизм* почти все, связанное с развитием страны в 1918–1944 гг. Появились такие страшные формулировки, как “монархо-фашизм”, “прорыв фашистской диктатуры” в 1931 г., “первое в мире антифашистское восстание в сентябре 1923 г.”

Путь к переоценке понятия *болгарский фашизм* оказался долгим и сложным. Постепенному отходу от стереотипов способствовали публикации и высказывания И. Димитрова, Д. Сиркова, Вл. Мигева, В. Георгиева, М. Семкова и ряда других историков. К концу 80-х годов уже большинство связанных с темой “фашизм” марксистских формулировок ставилось под сомнение. Перемены, наступившие в Болгарии после 1989 г., положили начало новому этапу в подходе к данной теме, когда большинство ученых отошло от марксистского понимания такого сложного явления, как фашизм.

Однако спор вышел за рамки чисто научного. Во вспыхнувшую в 1990 г. дискуссию с риторическим вопросом “Был ли фашизм в Болгарии?” включились и представители общественности, в том числе люди, весьма поверхностно знающие историю. Поскольку позиции сторонников новой точки зрения (о том, что правящие режимы в 1919–1944 гг. не были фашистскими) и приверженцев прежних взглядов оказались непримиримыми, дискуссия фактически зашла в тупик². В 1996 г. на страницах журнала “Демократически преглед” было предпринято обсуждение в форме анкеты под тем же заголовком “Был ли фашизм в Болгарии?”, в котором приняли участие все занимающиеся в настоящее время данной проблемой ученые, невзирая на политические пристрастия, в частности такие авторитетные историки, как Г. Марков, В. Мигев, Ст. Грынчаров, И. Баева. Было высказано единодушное мнение, что правящие в Болгарии в межвоенный период режимы были не фашистскими, а авторитарными, что фашистские или, скорее, “фашизоидные” организации (как, например, Народное социальное движение А. Цанкова) не имели реального веса в болгарском обществе. Перевоороты 9 июня 1923 г. и 19 мая 1934 г. характеризуются сегодня как военные, а не как военно-фашистские. В 1935–1943 гг. существовал личный (авторитарный) царский режим с ограничением некоторых гражданских прав и свобод. При этом болгарская модель не является исключением – во всем регионе Восточной Европы (кроме Чехословакии) после

первой мировой войны утверждаются авторитарные режимы различного типа. Некоторое усиление авторитаризма и профашистских тенденций наблюдается после вступления Болгарии в Тройственный пакт 1 марта 1941 г., но и тогда режим не принял тоталитарного характера. Это подтверждается отсутствием массовой фашистской партии и ее политической опоры, монолитного парламентского большинства. В известной степени даже допускалось легальное проявление оппозиции. Отказ правительства (под напором общественности) выполнить требование Германии о депортации и уничтожении болгарских евреев в 1943 г. также свидетельствует о явном отличии болгарского режима тех лет от чисто фашистских.

Подводя итоги, организаторы анкеты признают тезис о том, что в межвоенный период и в годы второй мировой войны Болгария являлась “фашистским государством”, устаревшим идеологическим построением, полностью отвергнутым современной наукой (но порой реанимируемым с сомнительными политическими целями)³. В советской историографии также уже высказывалась аналогичная точка зрения о том, что в рассматриваемый период в Болгарии существовали буржуазно-демократические режимы с сильными авторитарными вкраплениями, вплоть до проявления фашистских тенденций⁴.

С вопросом о характере политических режимов в Болгарии в период с 1923 по 1944 г. связана, в сущности, правомерность самих терминов *антифашистская борьба* и *антифашистское Сопротивление*. Эта терминология использовалась уже в документах Болгарской рабочей партии (БРП) (так с 1938 по сентябрь 1944 г. называлась Болгарская коммунистическая партия) периода войны, когда партия звала трудящихся на борьбу с “монархо-фашистской диктатурой”, и затем утвердилась в пропаганде, публицистике, мемуаристике и марксистской историографии. Ее употребление является, с нашей точки зрения, в определенной мере условным, хотя и принятым по сей день в болгарской и советской (а ныне российской) исторической литературе⁵. Более адекватным представляется термин *антиправительственная борьба*. Понятие *движение Сопротивления*, используемое в настоящем очерке, включает в себя как сопротивление прогерманскому внешнеполитическому курсу болгарского руководства, так и борьбу за свержение существовавшего в стране авторитарного режима. Она велась в основном против болгарской армии и полиции, и лишь эпизодично – против германских войск. Однако независимо от своей специфики и незначительных размеров (по сравнению с оккупированными Германией странами) болгарское Сопротивление было частью европейского антифашистского Сопротивления.

Накануне войны оппозиционный правительству лагерь представлял собой пеструю социально-политическую палитру. В него входили как коммунисты, так и либерально-буржуазные политические

группировки. Наиболее радикальную антиправительственную силу составляли БРП, Болгарский земледельческий народный союз (главным образом, его левое крыло “Пладне”), левые социалисты, деятели политического течения “Звено”.

Против прогерманской ориентации правительства выступала и буржуазно-демократическая (либеральная, легальная или, по принятой ранее терминологии, нефашистская) оппозиция. В нее входили руководящие деятели Демократической партии Н. Мупанова, Либеральной партии, Народной партии, Демократического сговора во главе с А. Ляпчевым, некоторых других буржуазных группировок, а также правые сторонники БЗНС–“Врабча-1” (Д. Гичев, В. Димов, К. Муравиев и др.) и правые социалисты.

В Болгарии в годы войны существовала и так называемая фашистская оппозиция правительству. К ней принадлежали различные группы и организации, преимущественно националистического характера, которые выступали за более активное и непосредственное участие Болгарии в войне на стороне гитлеровской Германии (Народное социальное движение А. Цанкова, Союз Болгарских национальных легионов, “Ратник”, “Бранник” и др.). Однако натиск на правительство со стороны левой оппозиции был гораздо сильнее, чем справа, поэтому правящие круги обращали меньше внимания на выступления “ратников” и “легионеров”.

В начальный период войны либеральная оппозиция строго придерживалась линии нейтралитета по отношению к воюющим группировкам. Несмотря на симпатию к англо-французскому блоку, она реально оценивая внутри- и внешнеполитическую ситуацию, не призвала к открытой ориентации на западную коалицию. Из четырех возможных для Болгарии вариантов внешнеполитической линии – союз с Германией, союз с англо-французским блоком, союз с СССР, нейтралитет – она считала единственно правильным последний⁶. Лидеры буржуазных оппозиционных партий сознавали, что союз с Германией приведет страну к катастрофе, которая может даже поставить под вопрос судьбу капиталистического строя в Болгарии. Поэтому они настойчиво выступали против присоединения страны к Тройственному пакту. Их усилия оказались безрезультатными. И не только потому, что они признавали лишь легальные методы борьбы (она сводилась лишь к речам в парламенте и письменным протестам, адресованным правящим кругам) и что они не смогли преодолеть политиканства, амбиций, личных симпатий и антипатий. Дело еще и в том, что сама тактика нейтралитета была в сложившейся к тому времени международной ситуации иллюзией, которая не могла найти отклика в болгарском обществе, охваченном националистическим угаром. Буржуазно-демократическая оппозиция выражала взгляды тех слоев болгарского общества, которые искали вариант разрешения сложных социальных и экономических проблем страны, отличный от коммунистического. Слои, составлявшие социаль-

ную базу буржуазной оппозиции, отнюдь не были малочисленными: они охватывали часть среднего крестьянства, ремесленников, интеллигенцию, антигермански настроенную крупную буржуазию⁷.

Начавшаяся война между Советским Союзом и Германией оказала особенно сильное воздействие на Болгарию. Интерес к СССР, чувство общности судеб с Россией традиционно бытовали в широких слоях болгарского общества, включая его верхушку. Уже в первые дни после нападения Германии на СССР в Софийскую дирекцию полиции начали поступать сведения с мест о настроениях населения, выражавшего возмущение гитлеровской агрессией. Характерно в этом отношении донесение из Ботевграда: “Наш народ, особенно крестьянские массы, питает наилучшие чувства к русскому народу”. В докладе подчеркивалось, что среди населения господствует “убеждение, что многомиллионный русский народ с его необъятной территорией непобедим...”⁸ Ознакомившись с полицейским донесением, премьер-министр Б. Филов записал в дневнике: “Согласно полученным из России и провинции сведениям весть о войне между Германией и Россией была воспринята населением как неожиданность и встречена с унынием”⁹.

1941 год был для правящих кругов Болгарии благополучным во всех отношениях. Используя специфическую международную конъюнктуру, спекулируя на тезисе о бескровном решении национального вопроса и на том, что стране удалось избежать ужасов войны и оккупации, правительство сумело, хотя и временно, расширить свое влияние на значительные круги населения. В то время, когда почти все народы Европы были втянуты в кровопролитную войну или оккупированы, Болгария представляла собой относительно мирный оазис. Экономическое положение народа еще не начало ухудшаться. Небольшая численность германских войск, находящихся на территории страны (после начала советско-германской войны она не превышала 2–3 тыс. человек), создавала иллюзию возможности проведения Болгарией самостоятельной политики. Неблагоприятным фактором для развертывания антиправительственной борьбы в Болгарии стали и первоначальные победы гитлеровцев на советско-германском фронте.

ВКП(б) – Коминтерн – БРП: корреляция стратегии и тактики. Начало вооруженной борьбы

В такой обстановке Болгарская рабочая партия приняла решение приступить к организации вооруженной борьбы трудящихся против гитлеровцев и существовавшего в стране режима. БРП находилась в тот период в изоляции от всех других политических сил, однако, несмотря на ошибки и тяжелые поражения в межвоенный период, сохраняла определенное влияние среди трудящихся. После на-

падения Германии на СССР БРП резко активизировала агитационно-пропагандистскую деятельность, всемерно используя чувства симпатии и сочувствия населения по отношению к русскому народу. Это были вынуждены признавать даже агенты германской разведки. В их донесении за октябрь 1941 г. о ситуации в Болгарии сообщалось: “Среди крестьянских масс, живущих в нищенских условиях, и прежде всего среди обедневших слоев интеллигенции крупных городов коммунистическое движение с давних пор имело широкое распространение, однако теперь к этому добавилось и то обстоятельство, что даже в кругах, не зараженных вирусом коммунизма, в нынешней войне против Советской России усматривают борьбу на уничтожение русского народа, с которым болгарский народ издавна тесно связан”¹⁰.

В силу ряда причин (в немалой степени из-за сектантской линии БРП, следовавшей ошибочным директивам Коминтерна¹¹) единство действий болгарских коммунистов и лидеров буржуазно-демократических партий, всех демократических сил, которое сложилось во второй половине 30-х годов, с началом войны было нарушено. Отношения коммунистов и лидеров буржуазной оппозиции сводились в начальный период войны к взаимным обвинениям в предательстве национальных интересов.

22 июня 1941 г. руководство БРП выступило с воззванием, в котором призывало болгарский народ к борьбе против германского фашизма и поддержке справедливой борьбы СССР. Определялись главные и непосредственные задачи болгарского народа – “ни в коем случае не допустить использования своей земли и своей армии в разбойничьих целях германского фашизма”¹².

Через два дня на заседании нелегального ЦК БРП была разработана конкретная программа вооруженной борьбы, намечены действия по разложению болгарской армии, срыву снабжения германских войск, по развертыванию партизанского движения и привлечению к антиправительственной борьбе всех демократических сил. Для организации вооруженной борьбы при ЦК БРП была создана Центральная военная комиссия во главе с Христо Михайловым. Летом 1941 г. начали свою работу военные комиссии при всех подпольных окружных комитетах партии.

Намеченный БРП курс исходил не из реально существовавших в Болгарии условий, а из указаний Исполкома Коминтерна от 22 июня 1941 г., в разработке которых важную роль сыграл его генеральный секретарь Георгий Димитров. В день нападения Германии на СССР Димитров направил в ЦК БРП радиogramму, в которой ставил перед партией первоочередные задачи и подчеркивал: “Учтите, что на данном этапе речь идет об освобождении народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции”¹³. Партийная линия была конкретизирована в резолюции ЗБ ЦК БРП “Нападение фашистской Германии на Советский Союз и наци зада-

чи” (в состав ЗБ, пребывавшего в Москве, входили Г. Димитров, В. Коларов, Ст. Димитров и Г. Дамянов). Этот документ был направлен в Софию 1 июля по существовавшей в это время регулярной радиосвязи между ЗБ ЦК и ЦК БРП, действовавшим внутри страны. Главной задачей болгарских коммунистов было названо содействие полному разгрому Германии: “К этому делу необходимо привлечь все и вся, не ослабляя всенародного фронта выставления других, более крайних, но несвоевременных, чисто социалистических задач. На данном этапе мировой войны не стоят задачи ни пролетарской диктатуры и советской власти, ни социализма”¹⁴. Определяя “борьбу против немецких фашистов и их болгарских прислужников и сообщников” как первостепенную задачу, ЗБ наметило переход к тактике широкого антифашистского фронта. В то же время резолюция ориентировала болгарских коммунистов на то, что они не должны отказываться от своей главной, стратегической цели – борьбы за социализм, а лишь перенести ее на более отдаленный момент: “В ходе событий, по мере назревания внутренних и международных условий, массовое движение народа и армии необходимо направить против болгарского правительства во главе с Борисом” и создать национальное антифашистское правительство, в котором рабочему классу и его партии посредством массовой работы и решительной и самоотверженной борьбы должно быть “обеспечено соответствующее место”¹⁵.

Как уже отмечалось, новый курс БРП был взят в неблагоприятной для его реализации обстановке. Значительные слои болгарского населения были оглушены националистической пропагандой властей. В распоряжении правительства имелся мощный государственный аппарат с хорошо организованной полицией и администрацией, а также находившейся в состоянии боевой готовности армией. Принимая курс на подготовку вооруженной борьбы, БРП соотносилась с общей линией мирового коммунистического движения, которая разрабатывалась в Москве.

Эти особенности условий проведения курса БРП имеют большое значение для понимания характера движения Сопротивления в Болгарии, которое с самого начала было направлено на изменение существующего строя, на создание нового общества, в котором сначала немалую, а затем руководящую роль будет играть коммунистическая партия. Борьбу за правительство национального антифашистского единства болгарские коммунисты рассматривали лишь как необходимый этап к глубоким общественным преобразованиям, к социализму. Для БРП, как организатора и руководителя движения Сопротивления, антифашистская борьба означала борьбу за свержение всех болгарских правительств, управлявших начиная с 1941 г., которые характеризовались как фашистские.

В развитии болгарского Сопротивления исключительно велика роль внешнего фактора, выразившегося в целенаправленной поли-

тике и поддержке со стороны советского руководства, проводимой через Коминтерн, ЗБ ЦК БРП и лично Георгия Димитрова. Эта особенность движения Сопротивления в Болгарии – его направленность не против иностранного присутствия, а против собственных правителей – ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Политический состав борцов болгарского Сопротивления был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и комсомольцы. БРП удалось вовлечь в партизанское движение немало молодых людей, революционных романтиков и идеалистов (как, например, замечательный поэт Никола Вапцаров), свято веривших, что они борются за освобождение своей родины от фашизма, и отдавших за это свою жизнь.

Понимая всю сложность внутривластной обстановки, явно неблагоприятной для начала вооруженных действий, руководители БРП подчёркивали, что в первое время борьбу придется вести исключительно силами самой партии¹⁶.

В первые месяцы после объявления курса на вооруженную борьбу в БРП, в том числе и в ее Центральном комитете, существовали различные взгляды по вопросу о времени непосредственной организации вооруженного восстания и методах его подготовки. Часть коммунистов призывали начать подготовку восстания немедленно. За указаниями обратились в Москву, в ЗБ ЦК БРП. Не решаясь принять решение без консультации с “высшей инстанцией”, Димитров 2 августа 1941 г. пишет Сталину: “По сведению ЦК нашей болгарской партии, положение в стране чрезвычайно напряженное. Немцы производят усиленный нажим на Болгарию, чтобы она приняла активное участие в войне против Советского Союза. Царь Борис и правительство, хотя и все еще колеблются, готовят вступление в войну. Между тем подавляющее большинство народа и солдатской массы относятся явно отрицательно”. Далее Димитров останавливается на положении в армии и особое внимание обращает на группу Д. Велчева (одного из лидеров бывшей Военной лиги и “Звена”), находящуюся в резкой оппозиции царю: “Эта группа имеет значительное влияние в армии и особенно среди резервного офицерства. Она предложила нашей партии совместные действия. Ведутся переговоры по этому вопросу. Вопрос о восстании против царя Бориса и его германских покровителей в Болгарии поставлен конкретно. В связи с этим ЦК партии запрашивает – как и в каких размерах СССР может оказать помощь в случае восстания в Болгарии. Очень прошу Ваших срочных указаний по этому поводу”¹⁷.

4 августа состоялся разговор Димитрова со Сталиным, в котором были получены следующие указания: “Сейчас никакого восстания. Рабочих разгромят. Сейчас мы не можем оказать никакой помощи. Попытка поднять восстание будет провокацией”¹⁸. На следующий день Димитров направил члену ЦК БРП А. Иванову следующую директиву: “После тщательного обсуждения вопроса в самом

авторитетном месте пришли единодушно к выводу, что восстание в настоящих условиях было бы преждевременным и заранее обречено на разгром. Приступить к восстанию только тогда, когда будет возможно комбинированное действие изнутри и извне страны, что в данный момент еще невозможно. Теперь надо накапливать силы, всемерно готовиться, укреплять позиции в армии и стратегических пунктах”¹⁹. Димитров предлагал сообразовываться с этой линией и в переговорах с “велчевцами”. Через неделю А. Иванов от имени ЦК уведомил Заграничное бюро, что партия работает именно в таком направлении: “Готовимся всесторонне к восстанию армии и народа в подходящий момент, согласованный с внешними силами, а также к соответствующей организационной перестройке и военно-технической подготовке партии и масс. Эту подготовку сочетаем с развертыванием борьбы и расстройством фашистского тыла. С этой целью и в процессе борьбы создаются боевые группы и партизанские отряды”²⁰.

Болгарским коммунистам приходилось разъяснять свою линию союзникам – левым деятелям бывшей Военной лиги и “Звена”. Поддержав курс БРП на вооруженную борьбу, они хотели нанести внезапный удар по правящей верхушке. По их мнению, следовало воздерживаться от отдельных разрозненных вооруженных действий, чтобы не повысить бдительность правительства. ЗБ высказалось в поддержку линии БРП. В радиোগрамме от 1 сентября 1941 г. Г. Димитров подчеркнул различие между дворцовым, военным переворотом и народным восстанием: “...в нынешней ситуации вопрос стоит не о таком перевороте, а о восстании армии и народа. Для успеха народного восстания такие действия, дезорганизующие базы и тыл врага и поднимающие боевой дух масс, не только не помешают, но и являются необходимым условием успеха”²¹.

Помимо “звенарей”, всегда готовых к заговорам и переворотам, на предложения коммунистов о сотрудничестве вначале откликнулись лишь отдельные представители левых группировок БЗНС и социал-демократической партии. Однако они не разделяли позицию БРП по вопросу о методах борьбы, признавая лишь легальные формы сопротивления. Большинство же руководителей либеральной оппозиции не пошло на установление контактов с коммунистами и не пытались создать собственные военно-политические организации для антиправительственной борьбы.

Первоначальные успехи гитлеровцев на советско-германском фронте еще больше усилили колебания и разъединение в рядах буржуазно-демократической оппозиции. Одна, хотя и незначительная ее часть, перешла на сторону правительства, солидаризовавшись с его внешней политикой (лидеры Национал-либеральной партии, лидер правого крыла Радикальной партии, некоторые деятели Социал-демократической партии)²². Большая часть буржуазно-демократических кругов заняла выжидательную позицию. Практически

единственной формой проявления их оппозиционности в первые два года войны были речи депутатов в Народном собрании, посвященные главным образом вопросам внутренней политики. Наиболее активными деятелями легальной оппозиции в парламенте являлись Н. Мушанов (Демократическая партия) и П. Стайнов (Народная партия). Они, а также пять депутатов от БЗНС—“Пладне” и десять депутатов-коммунистов составляли в XXV Народном собрании оппозицию правительству (депутаты от БРП сразу после нападения Германии на СССР были арестованы). Оппозиционные депутаты резко критиковали недемократичный характер внутренней политики болгарского правительства, полицейский террор, нарушение политических прав и свобод граждан, политику подчинения болгарской экономики интересам гитлеровской Германии.

Особо следует упомянуть о деятельности представителей правого течения в БЗНС—“Пладне”, объединившихся вокруг д-ра Г.М. Димитрова (Гемето)²³. Еще до присоединения Болгарии к Тройственному пакту они готовили государственный переворот с целью установления пробританского, антигерманского правительства. Эта заговорщическая деятельность, проводившаяся с британской и югославской материальной и политической помощью, не нашла широкой поддержки в рядах буржуазной оппозиции. В апреле 1941 г. заговор был раскрыт, на БЗНС—“Пладне” обрушились репрессии. Бежавший на Ближний Восток Г.М. Димитров объявил себя председателем болгарского Национального комитета “Свободная и независимая Болгария”, созданного деятелями правого крыла БЗНС—“Пладне” при содействии английских спецслужб. Комитет был формальным руководителем вещавших на Болгарию антифашистских радиостанций “Свободная и независимая Болгария”, “Васил Левский” и “Станция свободы”. Фактически же их работой руководил региональный штаб Управления специальными операциями в Каире, который в свою очередь подчинялся министерству иностранных дел Великобритании²⁴. Так же, как радиопередачи на болгарском языке с территории СССР отражали стратегические намерения советского руководства, и работа созданных при поддержке англичан радиостанций была подчинена интересам Великобритании на Балканах и в Болгарии. Время от времени самолеты разбрасывали над территорией Болгарии воззвания, подписанные Г.М. Димитровым²⁵. В самой Болгарии деятели “Пладне” также издали три воззвания (в июле, октябре и декабре 1941 г.). В них содержалось требование порвать с гитлеровской Германией, создать “правительство единения и спасения”, выражалась солидарность со справедливой борьбой советского народа²⁶. Эффект от деятельности правых лидеров БЗНС—“Пладне” и представителей буржуазных оппозиционных партий в парламенте был незначителен, что объясняется прежде всего отсутствием у них широкой социальной опоры, организационного единства и четкой программы действий.

На первом этапе антиправительственная борьба БРП сводилась к саботажным действиям боевых групп, действовавших главным образом в городах. Первые боевые группы были созданы и вооружены уже в июле 1941 г. В каждую из них входило по несколько бойцов, как правило из числа коммунистов-подпольщиков. Их задачей было дезорганизовывать гитлеровский тыл: устраивать диверсии на военных объектах, проводить саботаж на предприятиях, обслуживающих гитлеровцев, добывать огнестрельное оружие и боеприпасы. Боевые группы поджигали цистерны с бензином и склады товаров, предназначенных для германской армии, нападали на немецкую охрану и болгарскую полицию, совершали взрывы на железнодорожных линиях, поломку и порчу фабричного и заводского оборудования и т.д.²⁷

Наряду с боевыми группами БРП создавала партизанские отряды (четыре), действовавшие в горах. Первыми болгарскими партизанами стали коммунисты, которые находились на нелегальном положении в связи с угрозой ареста. Однако, хотя первые партизанские группы появились уже летом 1941 г.²⁸, об их серьезных проявлениях до середины 1943 г. говорить не приходится.

Под руководством Центральной военной комиссии члены БРП и РМС развернули пропагандистскую работу среди солдат и офицеров болгарской армии. Во многих армейских подразделениях создавались подпольные ячейки.

Важной составной частью Сопротивления стала деятельность разведывательных групп, работавших на советскую разведку. Они передавали сведения о численности германских войск в Болгарии и о находящихся там военных объектах. Руководителями таких разведгрупп были просоветски настроенные интеллигенты и военные — генералы Владимир Заимов и Никифор Никифоров (Журин), Александр Пеев (Боевой), Элефтер Арнаудов (Алюр). Так, В. Заимов руководил разведывательной сетью с филиалами во многих государствах Центральной Европы, в том числе и в самой Германии. Известны его сообщения советскому Центру, подписанные кодовым псевдонимом “Азорский”, которые содержат важнейшую информацию о решениях гитлеровского командования²⁹. В. Заимов был схвачен полицией, приговорен к смертной казни и расстрелян летом 1942 г. В 1972 г. советскому разведчику В. Заимову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина.

Разведывательная организация А. Пеева привлекла к сотрудничеству не только военных, но и высших дипломатических и государственных чиновников, от которых советская разведка получала важную информацию³⁰.

Большое значение для расширения антиправительственной борьбы имела пропагандистская деятельность компартии на радио. Заграничное бюро ЦК БРП организовало в Москве с советской помощью работу радиостанции им. Христо Ботева, передачи которой

выходили в эфир (начиная с 23 июля 1941 г.) в течение трех лет. Через эту радиостанцию ЗБ поддерживало контакты с внутренним ЦК компартии в стране. Болгарские коммунисты записывали, размножали и распространяли полученную по радио информацию³¹. С 7 октября 1941 г. по решению ЗБ ЦК БРП на территории СССР начал работать еще один радиопередатчик – “Народен глас” (“Голос народа”), по которому выступал видный деятель партии, член ЗБ Станке Димитров (Марек).

Поддержка антиправительственной борьбы в Болгарии начала осуществляться советским руководством через Коминтерн уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Учитывая особое положение Болгарии – с одной стороны, как союзника Германии, с другой – как страны с традиционно прорусскими настроениями и с сильной компартией, – советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, боевых и саботажных действий в тылу гитлеровской Германии.

Заграничное бюро также считало “целесообразное использование политэмиграции для оказания активной помощи Советскому Союзу в борьбе с фашизмом” одной из важных задач болгарской компартии³². Оно составило список группы численностью около 100 человек. Среди них были руководящие деятели партии, военные специалисты, преподаватели советских вузов, инженеры и рабочие. Все они имели многолетний стаж революционной борьбы, многие участвовали в сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии и в гражданской войне в Испании.

В болгарской исторической литературе долгое время господствовала официальная версия, будто бы политэмигранты направлялись в Болгарию по решению Загранбюро ЦК БРП для оказания помощи партии при организации вооруженной антифашистской борьбы. Сегодня архивные документы позволяют однозначно утверждать, что болгарские эмигранты перебрасывались на родину советскими секретными службами в качестве советских разведчиков³³. Руководитель одной из групп политэмигрантов, полковник Красной армии Цвятко Радойнов незадолго до отправки в Болгарию в 1941 г. был зачислен в Специальный отряд войск НКВД³⁴. Другой руководитель группы, впоследствии генерал, Иван Винаров писал в воспоминаниях, что они “должны были поддерживать самые тесные контакты с органами Четвертого (Разведывательного) управления Красной армии и с органами НКВД”³⁵.

Многие политэмигранты находились полностью в подчинении советских служб и выполняли их задания, даже не ставя об этом в известность ЗБ. Об этом недвусмысленно свидетельствует записка В. Коларова Г. Димитрову от 30 августа 1941 г. Коларова, второго человека в партии, явно задело то, что “группа добровольцев из болгарских политэмигрантов со специальным назначением была сфор-

мирована НКВД мимо Представительства БКП”. “К нам не обращались и для получения политической характеристики на людей. Я был уведомлен некоторыми товарищами, что они входят в такую группу, но об ее составе в целом я узнал в частном порядке лишь несколько дней тому назад после того, как группа была уже на месте своего назначения”³⁶, – писал Коларов. Он настаивал, чтобы в будущем на болгарских политэмигрантов, отправляющихся со специальными поручениями, требовали также характеристику Загранбюро.

Засылка первых групп политэмигрантов в Болгарию в целях ведения там разведывательной и диверсионной деятельности предпринималась разведками Генштаба Красной армии, Военно-морского флота и НКВД. Конечной целью было создание военной организации для проведения вооруженного восстания³⁷. Подготовка и обучение первых 30 бойцов под руководством 3 болгар – полковников Красной армии И. Винарова, Ц. Радойнова и Х. Боева, сначала проходили на засекреченном объекте под Москвой, а с середины июля 1941 г. в Крыму.

По плану Генштаба первые группы политэмигрантов должны были быть переброшены на болгарский берег морем, подводными лодками³⁸. Неудачи начали преследовать “подводников”, высадившихся в августе 1941 г. в устье реки Камчия, с первых же часов пребывания на родной земле. Очень скоро на их след напала полиция, заранее получившая от своих агентов информацию о готовящейся операции. Власти предприняли исключительные меры: мобилизованные войска и полиция тщательно прочесывали побережье и прилегающие леса, за поимку десантников была обещана солидная награда. Нередки были случаи выдачи их местным населением. В итоге из вернувшихся в Болгарию в составе различных групп 56 эмигрантов в живых и на свободе к лету 1942 г. осталось только 7. 18 человек погибли в сражениях с полицией, 3 – покончили жизнь самоубийством, 28 были арестованы³⁹.

Провалу операции способствовали и ошибки, допущенные при организации десанта: тяжелое снаряжение и неподходящая экипировка, недостаточное количество продовольствия, отсутствие связи с болгарскими подпольщиками. В докладе начальнику 1-го управления ВМФ Зуйкову (копия была направлена Г. Димитрову) начальник разведки Черноморского флота полковник Намгаладзе писал 26 сентября 1941 г.: “В центре не учли обстановку и условия работы, группе предстояло преодолеть горный массив (так называемый Балкан), а экипировка была выдана для прогулки по городу... С момента формирования группы не были приняты меры к организации надлежащей конспирации”. Намгаладзе подчеркивал (видимо, стремясь избежать ответственности за провал операции), что все затруднения десантников были вызваны “исключительно благодаря недоработке этих вопросов со стороны исполнителей по линии НКГБ и самим руководителем Родионовым”⁴⁰.

Судя по всему, между советскими секретными службами существовали нестыковки и даже определенное соперничество, мешавшие осуществлению операции. Об этом недвусмысленно поведал позже сам Ц. Радойнов, руководитель одной из групп “подводников”, сумевший несмотря на невероятные трудности добраться до Софии, где он был кооптирован в члены ЦК БРП и возглавил Центральную военную комиссию при ЦК БРП (до момента своего ареста в апреле 1942 г.)⁴¹ В записке, переправленной через партийного связного заместителю начальника 1-го отдела НКГБ П.А. Судоплатову 28 апреля 1942 г., Ц. Радойнов спрашивал: “Мною ранее уже был поставлен ряд вопросов о нашей работе. Эти вопросы не получили, однако, своего разрешения. Меня интересует, к кому следует обратиться за помощью. Кто будет руководить нашей работой и какие Вы расчеты строите? Как известно, сюда для выполнения по существу одной и той же задачи были переброшены люди двумя путями, двумя органами. Еще и тогда я высказывался о вредности такого рода параллелизма. Надо было иметь одно руководство”. Отмечая тяжелые условия, в которых ему приходится работать, Радойнов призывал советские секретные службы “все основательно продумать и организовать своевременно”. “Необходимо в первую очередь окончательно решить, с кем мы должны организовывать и поддерживать непосредственный контакт, помимо партийных связей, необходимо далее договориться по всем принципиальным и техническим вопросам. Пока здесь находится Советское посольство, вопрос этот, хотя и окружным путем, можно все же решить. Мы можем остаться и без этой связи и помощи”. Радойнов просил “как можно быстрее ответить на следующие вопросы: а) кто будет нами руководить; б) какие будут каналы связи (шифры, позывные); в) на какие средства мы можем рассчитывать в различные периоды войны; г) оружие и радиоаппаратура; д) “ВВ” (взрывчатые вещества. – *Авт.*); е) люди, деньги. Мы поставили перед собой задачу подготовить пункты для выброски материалов как воздушным, так и морским путями”⁴².

Следует отметить, что ЦК БРП был предупрежден о прибытии политэмигрантов Г. Димитровым. 31 августа 1941 г. он направил секретарю ЦК А. Иванову следующую зашифрованную радиogramму: “Вас посетят наши гости... Они имеют особые задачи, без права вмешиваться в партийные дела. Среди них Радион, Сыби, Блажа, Кискин, Табак (Цвятко Радойнов, Сыби Димитров, Иордан Кискинов, Продан Табаков. – *Авт.*). Имейте это в виду и примите необходимые меры”⁴³. В связи с чрезвычайной секретностью операции Димитров не сообщал в радиogramме ни даты, ни места прибытия политэмигрантов, поэтому ЦК был не в состоянии принять меры по их встрече. О нелегальном прибытии эмигрантов ЦК узнал лишь во второй половине сентября 1941 г. Ц. Радойнову и еще нескольким “подводникам” со временем удалось связаться с партийной органи-

зацией. Первоначальный план Разведуправления Генштаба Красной армии, по которому болгарские эмигранты должны были действовать в тылу немецких войск в Болгарии в качестве бойцов Красной армии, оказался нарушенным.

В связи с этим 4 апреля 1942 г. А. Иванов послал Димитрову радиogramму, в которой просил согласия Заграничного бюро, чтобы оставшиеся в живых политэмигранты включились в работу партийной организации: “Радионова будем называть Жеко. Он организует боевые группы и вообще руководит военной работой в центре (имеется в виду Военная комиссия при ЦК. – *Авт.*). Вообще сложившаяся обстановка заставила нас использовать всех уцелевших парашютистов. Но тем самым нарушается данный им приказ – работать в стороне от нас, что оказалось невозможным. По этому вопросу Жеко неоднократно запрашивал Косту (конспиративная связь с Москвой. – *Авт.*), но не получил никакого указания. Он хочет знать, имеется ли здесь у нас, то есть у Косты, соответствующее начальство, с которым он может связаться и получать соответствующие указания”⁴⁴. В ответе от 10 апреля 1942 г. Димитров сообщил в ЦК: “Жеко и уцелевшие парашютисты должны перейти отныне в распоряжение и под руководство партии. Их начальством будет Цека. Другого начальства нет и не следует его искать. Возложенные на них задачи принимает на себя партия”. Через неделю Димитров просит А. Иванова сообщить, «кто из “парашютистов” убит или арестован»⁴⁵.

На свободе их оставалось все меньше. 25 апреля 1942 г. полиции удалось схватить Ц. Радойнова. Его арест стал звеном в цепи провалов ЦК БРП и его аппарата весной 1942 г. Было арестовано около 100 видных деятелей партии, в том числе секретари ЦК Антон Иванов и Трайчо Костов. Власти организовали два судебных процесса: первый, так называемый “процесс парашютистов”, с главным обвиняемым Ц. Радойновым, и второй – против членов и актива ЦК БРП. 9 июня 1942 г. Софийский военно-полевой суд при закрытых дверях начал слушание дела против 27 “парашютистов” и “подводников”. 14 июня начальник 1-го отдела НКВД П. Фитин, через которого шел обмен шифrogramмами с БРП, сообщил Димитрову о получении сведений об этом от резидента НКГБ в Софии. “Всем обвиняемым, – говорилось в сообщении, – грозит смертная казнь. Защита постарается доказать, что подсудимые прибыли из Советского Союза в качестве разведчиков против Германии, а не для борьбы против Болгарии, поэтому их следует рассматривать в силу наличия нормальных дипломатических отношений с СССР как военнопленных на территории Болгарии и до окончания германо-советской войны интернировать и немцам не выдавать”. Далее Фитин сообщил Димитрову, что ЦК БРП обратился через своего связного к Москве с просьбой “о выпуске официального обращения по процессу” и “о выдаче адвокатам подсудимых удостоверений, свидетельств-

вующих, что все обвиняемые являются советскими гражданами". Однако Фитиным было направлено в Софию указание не отвечать на эту просьбу, поскольку он счел ее "провокационной"⁴⁶. 26 июня Димитров получил записку из ГРУ Генштаба следующего содержания: "...нашему источнику в Болгарии поставлена задача изучить вопрос о возможностях помощи парашютистам. Однако источник считает, что официальное вмешательство СССР в процесс может быть использовано болгарским правительством как один из аргументов для разрыва дипломатических отношений с нами"⁴⁷. Такое поведение сотрудников секретных служб соответствовало занятой советской стороной осенью 1941 г. позиции. Так, на приеме 17 сентября В.М. Молотов заявил болгарскому посланнику И. Стаменову, что утверждение о якобы сброшенных на болгарской территории советских "парашютистах" опровергнуто советской стороной и что, возможно, это было "произведено с провокационной целью агентами гитлеровской Германии"⁴⁸.

26 июня 1942 г. огласили приговор по делу "подводников" и "парашютистов". 18 подсудимых во главе с Ц. Радойновым были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены на Софийском гарнизонном стрельбище. Семерых приговорили к пожизненному заключению.

Трагическая судьба десантников лишней раз показала, что руководство БРП, связанное по рукам директивами Коминтерна, не могло адекватно реагировать на внутривластную обстановку в Болгарии. Тактика развития антиправительственной борьбы зачастую не отвечала реальным условиям в стране и, как следствие, обернулась большими и неоправданными жертвами. Отправка групп в Болгарию была надолго приостановлена.

Создание Отечественного фронта

Стремясь вывести антиправительственную борьбу из узких рамок чисто коммунистического движения, летом 1942 г. Загранбюро ЦК БРП по указанию Коминтерна разработало политическую платформу национального антифашистского фронта.

17 июля 1942 г. по нелегальной радиостанции им. Христо Ботева была передана программа Отечественного фронта. Если в оккупированных Германией странах (Югославия, Франция, Греция и др.) программы антифашистских фронтов явились теоретическим осмыслением опыта совместной борьбы компартий с другими политическими силами, то в Болгарию программа ОФ была "спущена сверху"⁴⁹. Пропаганда и борьба за ее реализацию велись без учета готовности и желания масс следовать этой программе. В результате попытки БРП создать ОФ как реальное политическое формирование на первом этапе, в 1942 г., не увенчались успехом.

Программа ОФ отражала новый момент в тактике Коминтерна при организации антифашистской борьбы коммунистов. Она должна была выйти за узкие партийные рамки и превратиться в общенациональную. Поэтому приоритетными в ней были демократические задачи: разрыв с фашистской Германией, установление отношений дружбы и сотрудничества с советским и другими народами, борющимися против фашизма, свержение антинародной, прогитлеровской власти, восстановление конституции и формирование национального правительства, пользующегося доверием народа. Это правительство должно будет созвать Великое Народное собрание, чтобы оно определило "будущую форму правления в Болгарии". Программа предусматривала демократизацию общества, восстановление прав и свобод болгарских граждан⁵⁰. БРП не выдвигала на этом этапе социалистических задач. В то же время, рассматривая ОФ и как стратегию, и как тактику, коммунисты не собирались отказываться от своей конечной цели – социалистической революции.

Сразу же после провозглашения программы ОФ ЦК БРП направил декларацию руководителям БЗНС, БРСДП, Демократической, Либеральной, Радикальной и других нефашистских партий, организаций и течений, предлагая принять участие в создании Отечественного фронта и в осуществлении его программы⁵¹. Намечалось незамедлительно приступить к организации комитетов ОФ во всех населенных пунктах страны. Руководство работой по созданию ОФ ЦК БРП возложил на Цолу Драгойчеву, члена ПБ и оргсекретаря ЦК. При ЦК была создана специальная комиссия ОФ во главе с Кириллом Драмалиевым. Наиболее тесные связи существовали у БРП с руководящими деятелями БЗНС – "Пладне" (прежде всего с Н. Петковым) и "Звеза" (К. Георгиевым). Однако объединение социально разрозненных сил в широкий союз шло достаточно медленно. До конца 1942 г. из всех руководителей либеральной оппозиции лишь двое – Н. Петков и К. Георгиев – выразили готовность включиться в Отечественный фронт. Другие же лидеры либеральной оппозиции – Д. Гичев, В. Димов, Н. Мушанов, А. Буров, Ст. Костурков, Кр. Пастухов, А. Гиргинов, П. Стоянов, – принимая в целом или частично изложенные в программе ОФ требования, отвергли взаимодействие с коммунистами. Наряду с неприемлемостью незаконных методов борьбы важным мотивом их отказа было недоверие к компартии.

Не увенчались успехом и усилия по массовому созданию комитетов ОФ на местах. До середины 1943 г. членскую массу ОФ составляли в подавляющем большинстве коммунисты.

Разгром гитлеровцев под Сталинградом оказал сильное воздействие на настроения и взгляды в болгарском обществе. Победа Красной армии послужила толчком к расширению борьбы против связанного с нацистами режима и вызвала большую растерянность в его правящих кругах. Ухудшение экономического положения и

снижение жизненного уровня населения в результате участия Болгарии в войне вызывали все большее недовольство правительством. В городе и деревне расширялась экономическая борьба, в ходе которой выдвигались требования повышения зарплат, ликвидации дороговизны, улучшения условий труда. Наряду с этим все чаще раздавались обращения к правительству отказаться от прогерманской политики и прекратить полицейский террор.

На этом основании ЦК БРП пришел к выводу, что наступил новый этап в развитии борьбы. В феврале 1943 г. ЦК БРП издал директиву относительно перспектив перерастания вооруженной борьбы в ее высшую форму – восстание⁵². Его целью было свержение существующего режима и приход к власти правительства Отечественного фронта.

В марте–апреле 1943 г. были проведены мероприятия по реорганизации боевых сил ОФ и совершенствованию руководства ими. Все партизанские формирования и боевые группы становились подразделениями единой Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА). Центральная военная комиссия при ЦК БРП была преобразована в Главный штаб НОПА. Командующим был назначен Христо Михайлов, политкомиссаром – Эмил Марков, а после его гибели в июле 1943 г. – Добри Терпешев. Страна была разделена на 12 повстанческих оперативных зон во главе с зональными штабами, работавшими под непосредственным руководством окружных комитетов компартии. Основные партизанские силы были сосредоточены в 1-й (Софийской) и во 2-й (Пловдивской) зонах. До весны 1944 г. самым крупным отрядом в 1-й ПОЗ оставался Трынский, созданный и возглавленный Славчо Трынским.

Летом 1943 г. деятельность партизанских отрядов несколько активизируется. Если в 1942 г. преобладали акты саботажа и диверсий, которые проводили боевые группы, то в 1943 г. на первое место выдвинулись вооруженные действия партизан, перешедших от оборонительной к наступательной тактике. Только в период с марта по август 1943 г. ими было проведено 286 вооруженных операций⁵³. В донесении советских разведчиков в Генштаб РККА в декабре 1943 г. отмечалось, что в Болгарии наиболее значительные партизанские отряды действуют в районах городов Карлово – до 500 человек и Пирдоп – до 350 человек, Родопских гор – до 500 человек, Среднегорья и Пиринских гор – до 500 человек. Часть партизан Пирдопской группы (около 120 человек) действует в 40 км от Софии⁵⁴.

После победы Красной армии на Курской дуге руководство БРП решает, что она уже скоро приблизится к Балканам. В связи с этим в сентябре 1943 г. ЦК предпринял массовизацию партизанского движения, для чего не имелось объективных условий. Возникли трудности с вооружением, продовольствием и т.д. Для борьбы с партизанами правительство создало специальные военно-полицейские формирования, разработало план наступления на основные районы парти-

занского движения. Были разгромлены многие партизанские отряды: им. Антона Иванова в Родопах, часть отряда им. Христо Ботева, часть отряда “Чавдар” и др. Несколько позже, в январе 1944 г. было создано специальное формирование в целях ликвидации партизанского движения – государственная жандармерия. В стране сложилась реальная обстановка гражданской войны со всеми ужасающими последствиями.

Изменившаяся в 1943 г. внутри- и внешнеполитическая ситуация вызвала активизацию либеральной оппозиции, выступавшей за реставрацию конституционного режима и в защиту буржуазной демократии в ее довоенных формах. Наиболее последовательный защитник этой линии Н. Мушанов стремился объединить либерально-демократические силы в борьбе как против существующего режима, за изменения во внутренней и внешней политике Болгарии, так и против угрозы прихода к власти коммунистов⁵⁵.

Усиление политической активности буржуазных лидеров проявилось прежде всего в парламенте, где в июле 1943 г. П. Стайнов и Н. Мушанов произнесли яркие обвинительные речи против внешней и внутренней политики правительства и потребовали его замены⁵⁶. В начале августа 1943 г. царю Борису было вручено коллективное письмо пяти оппозиционных деятелей (К. Георгиев, В. Ганев, Кр. Пастухов, Н. Петков, Ц. Бобошевский), в котором они призывали монарха нормализовать отношения со странами антигитлеровской коалиции. Письмо явилось первым коллективным выступлением лидеров буржуазной оппозиции против политики правительства. Оно вызвало осторожность со стороны руководства БРП, которому не предложили его подписать.

У коммунистов возникли опасения, что они останутся в изоляции и не смогут рассчитывать на участие в управлении послевоенной Болгарией. Поскольку БРП так и не удалось расширить Отечественный фронт за счет партий буржуазной оппозиции, она решила вовлечь в него отдельных политических деятелей, по тем или иным соображениям готовых на сотрудничество с коммунистами.

10 августа 1943 г. было сформировано основное ядро политического центра, впоследствии получившего название Национального комитета Отечественного фронта (НК ОФ) в составе Кирилла Драмалиева (БРП), Николы Петкова (БЗНС–“Пладне”), Кимона Георгиева (“Звено”). В сентябре в НК ОФ были включены левый социал-демократ Григор Чешмеджиев и отличавшийся политической непоследовательностью беспартийный Димо Казасов⁵⁷. Согласно последним исследованиям НК ОФ был образован не в результате союза нескольких партий, а в результате договоренности БРП с отдельными буржуазными политиками, действовавшими как частные лица, но использовавшими имя и авторитет своих партий⁵⁸. В коалицию партий ОФ превратился позже, уже после захвата им власти в сентябре 1944 г.

Поскольку идейное единство в Национальном комитете ОФ отсутствовало, на первом этапе он не сумел развить заметной деятельности (если не считать обнародования нескольких воззваний) и не превратился в руководящий политический орган болгарского Сопротивления. Антиправительственной борьбой по-прежнему руководили ЦК БРП и Комиссия по ОФ при нем, а сам НК представлял "фасад" для внешнего мира, для союзников СССР по антигитлеровской коалиции. В конце 1943 г. часть членов НК ОФ была интернирована, часть покинула Софию из-за бомбардировок. Вплоть до августа 1944 г. они не имели возможности собраться вместе. Функции НК ОФ полностью взял на себя ЦК БРП, издавая от его имени документы, повторявшие коммунистические циркуляры о подготовке вооруженного восстания.

Государственный кризис 1943–1944 годов

Изменение международной обстановки после выхода из войны Италии летом 1943 г. усилило внутривластную нестабильность в Болгарии. Особую остроту политическая обстановка приобрела после внезапной смерти Бориса III, последовавшей в конце августа 1943 г. вскоре после его поездки в Берлин по вызову Гитлера. Это событие не только потрясло правящие и близкие к ним круги, но и глубоко подействовало на все слои болгарского общества. К царскому гробу три дня тянулись вереницы плачущих людей. Несомненно, тут сыграл роль широко распространившийся слух, будто царя отравили по приказу фюрера в отместку за отказ послать болгарскую армию на советско-германский фронт. Надо признать, что с начала 1943 г. царь Борис, отличавшийся умом и политической проницательностью и понявший, что Германия неуклонно движется к поражению, всячески стремился избежать дальнейшего сближения с рейхом. Борис III ушел из жизни в ореоле мученика, погибшего за интересы Болгарии. Царем был провозглашен шестилетний сын Бориса Симеон. До достижения им совершеннолетия по конституции должно было быть избрано регентство специально созванным с этой целью Великим Народным собранием. В условиях неблагоприятного для держав "оси" хода событий на фронтах смерть болгарского монарха вызвала государственно-политический кризис в стране.

Борис III не только являлся центральной фигурой существовавшего режима. Законный глава государства с опытом и авторитетом, он мог бы и впредь оказывать немалое влияние на ход событий. На царя возлагала свои надежды и буржуазно-либеральная оппозиция. Смерть монарха, с одной стороны, осложнила положение правящих кругов, усилила их неуверенность в себе, обострила борьбу внутри правительственного лагеря. С другой стороны, она стимулировала деятельность буржуазной оппозиции, решившей, что настал

благоприятный момент для того, чтобы взять власть в свои руки и создать правительство с ориентацией на Великобританию и США.

По инициативе Н. Мушанова были проведены встречи лидеров буржуазно-демократических партий в целях выработки общих действий для разрешения кризиса. При этом они надеялись на быстрое развитие международной обстановки в пользу антигитлеровской коалиции и на ожидавшийся десант англо-американских войск на Балканах.

1 сентября 1943 г. либеральная оппозиция приняла совместную декларацию, подписанную десятью известными политическими деятелями – Н. Мушановым, А. Буровым, А. Гиргиновым, Кр. Пастуховым, П. Стайновым, Д. Гичевым, В. Димовым, К. Муравиевым, К. Георгиевым и Н. Петковым. Декларация была вручена премьер-министру и председателю Народного собрания. Подписание декларации К. Георгиевым ("Звено") и Н. Петковым (БЗНС—"Пладне"), уже входившими в НК ОФ, свидетельствовало об их серьезных сомнениях относительно характера и целей Сопротивления, об их колебаниях между Отечественным фронтом и либеральной оппозицией. БРП не получила приглашения участвовать в разработке и подписании этого документа.

Декларация от 1 сентября 1943 г. явилась общей платформой буржуазной оппозиции. В ней выражалось несогласие с внутренней и внешней политикой правительства, однако выходом из создавшейся кризисной ситуации представлялось соглашение с правящими кругами⁵⁹.

Таким образом, вслед за созданием НК ОФ летом 1943 г. официально оформилась новая оппозиционная власти группировка, альтернативная ОФ. Буржуазная оппозиция предлагала свой вариант разрешения политического кризиса – без революционных потрясений, путем соглашения с правительством и при поддержке Великобритании и США. Этот лагерь противостоял двум другим – правительственному и отечественнофронтовскому. Первому – своим сопротивлением внутренней и внешней политике, проводимой правительством, второму – своей безусловной приверженностью капиталистическому строю и принципам буржуазной демократии. В то же время буржуазная оппозиция представляла интерес и для правящего режима, понимавшего, что здесь кроется та общественная сила, которая сможет поддержать в случае поражения Германии хотя бы основные принципы существовавшего в Болгарии общественного строя, и для Отечественного фронта, стремившегося использовать ее антигерманские и антиправительственные настроения. Именно по этой причине и ОФ, и власти при определенной обстановке допускали сотрудничество с легальной оппозицией и даже искали его.

Оформление легальной оппозиции в качестве третьего политического фактора соответствовало расстановке социальных сил в стране. В то время как правящие круги представляли интересы про-

германской части крупной буржуазии, Отечественный фронт выражал стремление к народовластию рабочих и части мелко- и средне-буржуазных масс, либеральная оппозиция являлась политическим выразителем не только антигерманской части крупной буржуазии, но и той части народа, в которой недовольство существовавшим режимом соседствовало с сильной привязанностью к частной собственности и буржуазной демократии, а также со страхом перед революцией и коммунизмом.

Наконец, три политических лагеря соответствовали также и трем внешнеполитическим направлениям – ориентации на Германию, Советский Союз или англо-американский блок. Каждая группировка искала поддержки извне для достижения своих политических целей.

Сразу же после смерти Бориса III компартия дала собственную оценку сложившейся в Болгарии обстановке. В конце августа по радиостанции им. Христо Ботева была прочитана статья Г. Димитрова, в которой отмечалось, что в создавшейся ситуации болгарский народ должен взять свою судьбу в собственные руки и не допустить продолжения прогитлеровской политики⁶⁰. 5 сентября 1943 г. ЦК БРП выпустил манифест, в котором призывал болгарский народ сплотиться под знаменем ОФ в целях свержения прогерманского правительства и установления “подлинно народно-демократического правительства”⁶¹.

В нарушение Тырновской конституции, согласно которой регенты при малолетнем престолонаследнике должны избираться Великим Народным собранием, 9 сентября 1943 г. регентский состав был избран Обыкновенным Народным собранием XXV созыва. В него вошли князь Кирилл – брат царя, Б. Филов, подавший в отставку с поста премьер-министра, и бывший военный министр генерал Н. Михов. Новое правительство возглавил бывший министр финансов Добри Божилов. Его правительство стремилось избегать новых обязательств в отношениях с Германией. Оно продолжало и попытки установить контакты с западными союзниками СССР, но безуспешно.

С избранием регентства и назначением нового правительства государственный кризис, хотя и неконституционным путем, но был преодолен. Однако выход из политического кризиса не был найден. Социальная база режима сузилась еще больше.

С целью заставить болгарское правительство ускорить разрыв с Германией и вывести свои войска из Югославии и Греции британский и американский военные штабы решили предпринять воздушные бомбардировки болгарских городов. В ходе массированных бомбардировок Софии и других городов в январе, марте и апреле 1944 г. погибло около 2000 человек⁶². Болгарское население впервые лицом к лицу столкнулось с ужасами войны.

Первостепенное значение для разрешения политического кризиса в Болгарии приобретал внешний фактор, соотношение сил в

мировом масштабе. Было уже ясно, что приближающийся разгром Германии делал невозможным сохранение прежнего режима. Вырисовывалось два варианта будущего развития Болгарии – восстановление Тырновской конституции и буржуазно-демократического управления или радикальные перемены во внутренней и внешней политике, направленные на коренное общественно-экономическое переустройство. И буржуазная оппозиция, выступавшая за первый вариант, и ОФ под руководством коммунистов, боровшийся за второй вариант, понимали, что для победы той или иной перспективы важнейшее значение получало соотношение сил в рамках антигитлеровской коалиции. Осенью 1943 г., когда англичане разрабатывали планы десанта на Балканах, возможность буржуазно-демократического решения внутреннего кризиса в Болгарии была весьма вероятной. Поэтому БРП, стремясь предотвратить отстранение левых сил от разрешения политического кризиса, не оставляла борьбы за единство действий всех антигерманских сил. Однако к началу 1944 г. после решительного отказа от сотрудничества с ОФ самых видных лидеров либеральной оппозиции Н. Мушанова и Д. Гичева БРП окончательно отошла от линии на взаимодействие с ними. Дальнейшее развитие событий в стране должно было отныне определяться разрешением конфликта не только между правительственным и демократическим лагерем, но и между левым и правым крыльями Спротивления.

Захват власти как непосредственная задача впервые был поставлен ЦК БРП в январе 1944 г. в циркуляре № 2 “О задачах партии по мобилизации и подготовке антифашистских сил ко всенародному вооруженному восстанию”⁶³. В этот период связь внутреннего ЦК БРП с Загранбюро ЦК в Москве и Г. Димитровым была крайне затруднена. Прямая радиосвязь между ними после провала партийного радиопункта в Софии в сентябре 1941 г. была прервана. Обмен информацией между болгарскими коммунистами в стране и Димитровым шел главным образом через советские секретные службы, чаще всего через начальника 1-го отдела НКГБ СССР П. Фитина.

23 февраля 1944 г. Г. Карастоянова, осуществлявшая связь ЦК БРП с ЗБ, передала Димитрову через Фитина, что “члены организации” (имелась в виду компартия) просят сообщить им мнение Димитрова, “правильной ли является линия организации, взятая на вооруженное восстание с целью захвата власти. Какую помощь вы можете оказать людьми и оружием”. Далее сообщалось, что “в настоящее время организация имеет в своих рядах до 7 тыс. чел., молодых членов организации насчитывается до 10 тыс. чел., всего же они могут выставить не более 20 тыс. чел. Оружия нет, даже не имеется возможности вооружить 3-х тысяч человек, находящихся в партизанских отрядах. Через маршала Тито организация установила контакт с англичанами, и последние передали Тито для болгарских отрядов

оружие и обмундирование”. Запрашивалось мнение Димитрова, следует ли брать оружие от англичан⁶⁴.

1 марта Димитров направил через Фитина в Софию директиву, предостерегавшую БРП от несвоевременного курса на самостоятельный захват власти: “На основе полученных от Вас запросов нам представляется, что ЦК партии проводит линию на изолированное восстание с целью самостоятельного захвата власти. Если это так, то подобная линия совершенно ошибочна и полна больших опасностей. Она ведет к изоляции от других группировок Отечественного фронта и от других антигерманских групп и элементов, а также от армии...”⁶⁵ Димитров призывал ЦК избегать всяких действий, “создающих ложное впечатление, будто речь идет о советизации Болгарии”. Понятно, что в ожидании открытия второго фронта Москва особо опасалась обвинений в советской экспансии. Болгарским коммунистам внутри страны настоятельно рекомендовалось не проявлять самостоятельности, а придерживаться политической линии, проводимой ЗБ через радиостанцию им. Христо Ботева.

7 марта Г. Карастоянова передала два сообщения члена ЦК БРП Д. Терпешева, адресованных Г. Димитрову. В первом сообщении вновь подчеркивалось неудовлетворительное положение с вооружением партизан и содержалась просьба проинформировать, каким путем будет оказана помощь через Югославию и кому давать явки и пароль для получения этой помощи. Болгарские коммунисты просили также направить в Главный штаб НОПА военных специалистов для руководства непосредственной работой по подготовке восстания. Примечателен следующий вопрос, обращенный к Г. Димитрову: “Сообщите, правильно ли будет в настоящий момент пропагандировать Ваше имя, как руководителя болгарского народа? До сего времени мы говорили о Вас только как о руководителе партии”⁶⁶.

Во втором сообщении Д. Терпешева приводились данные о численности партизанских отрядов, об их партийном, возрастном составе, а также об организационной структуре и деятельности отрядов⁶⁷. Это сообщение было ответом на обращение Г. Димитрова в ЦК БРП с рядом вопросов, касающихся состояния партии, размаха партизанского движения, состава его руководства. По данным на март 1944 г., в Болгарии действовало 26 отрядов общей численностью в 2320 человек. 25–30% партизан являлись членами БРП, примерно столько же было комсомольцев, остальные – беспартийные, но сочувствующие компартии. Командиры и комиссары назначались из коммунистов. Все полученные из Болгарии сведения о развитии партизанского движения Г. Димитров уже 13 марта сообщил советскому руководству⁶⁸.

Следующее сообщение на имя Димитрова пришло из Софии 19 марта. “Мы решили твердо и последовательно готовить всенародное восстание не только путем агитации, но и действиями (собрания и др.). Это поможет преодолеть в народе и армии колебания и

привлечь их к участию в восстании, – писал от имени руководства партии Д. Терпешев. – Наша политическая линия создала у наших союзников в числе политических партий и общественных деятелей убеждение, что мы боремся за народную демократическую власть Отечественного Фронта”. Последняя фраза подтверждает, что коммунисты рассматривали Отечественный фронт лишь как тактику, позволявшую завуалировать подлинную стратегическую цель БРП – установление социалистического строя. «Партизанские отряды имеют красные знамена с надписью “Отечественный фронт” и партизанские значки. Некоторые отряды изготовили себе пятиконечные звезды, но мы дали распоряжение снять их. Знамена решили заменить на трехцветные. Это должно удовлетворить военных. Мы будем строго придерживаться программы, излагаемой в передачах “Христо Ботева”, – заверял Д. Терпешев. – Ожидаем вестей от лиц, посланных Вами к Тито. Очень нуждаемся в их помощи»⁶⁹.

В апреле 1944 г. П. Фитин проинформировал Г. Димитрова, что по его просьбе “тов. Петрову (псевдоним Д. Терпешева. – *Авт.*) передается радиостанция”. В начале июля резидент НКГБ СССР в Софии передал Д. Терпешеву шифр для установления прямой связи с Димитровым⁷⁰.

В ответ на циркуляр БРП о подготовке к вооруженному восстанию в апреле 1944 г. в Болгарии началась новая партизанская мобилизация. Создаются довольно крупные батальоны и бригады, как, например, Первая и Вторая Средногорские бригады, Первая и Вторая Родопские бригады, бригада “Чавдар” и др. Тем не менее темпы роста и численность партизанского движения не вполне удовлетворяют руководство БРП. Не удается выполнить настоятельные указания из Москвы о создании хотя бы незначительной “свободной зоны” (по примеру югославских партизан). Такие попытки в апреле–мае 1944 г. предприняли Первая и Вторая Софийские бригады во главе с легендарными командирами Славчо Трынским и Денчо Знеполским, однако условий для проведения столь масштабных акций в Болгарии по-прежнему не существовало. Оба формирования были разбиты превосходящими силами полиции и жандармерии. В соответствии с принятым еще в октябре 1943 г. постановлением правительства Божилова власти предпринимали жестокие карательные акции: расстреливали пойманных помощников партизан – ятаков, поджигали дома участников Сопротивления, преследовали их близких. В награду за каждую партизанскую голову было обещано крупное денежное вознаграждение. Борьба носила исключительно ожесточенный характер с обеих сторон.

Весной 1944 г. в стране вновь обострился внутривнутриполитический кризис, в значительной степени вызванный резким ухудшением дипломатических отношений Болгарии с Советским Союзом. В серии нот (в январе, марте, апреле и мае 1944 г.) СССР потребовал прекратить строительство военно-морских судов для Германии, не допус-

кату использования ею болгарской территории, портов и аэродромов. Советский дипломатический демарш оказал сильное влияние на политическое развитие Болгарии и фактически вызвал в апреле–мае 1944 г. кризис правительства. Даже в самих правящих кругах сужалась база прогерманской политики. Верх брали силы, которые были готовы искать спасение страны в переориентации ее внешней политики.

1 июня 1944 г. управление страной было передано новому кабинету министров во главе с Иваном Багряновым. С учетом наступивших изменений в международной обстановке новое правительство поставило перед собой цель осуществить внешнеполитический поворот: при содействии США и Великобритании вывести Болгарию из войны, не порывая предварительно с Германией. При этом правительство Багрянова надеялось отстранить Советский Союз от решения балканских проблем.

В начале августа правительство направило с секретной миссией в Анкару бывшего председателя Народного собрания англофила Стойко Мошанова. Его целью было выяснить возможности заключения Болгарией сепаратного мира с США и Англией. В конце августа Мошанов вновь едет в Турцию, а оттуда в Каир для конкретных переговоров с Ближневосточным командованием союзнических сил. Однако миссия Мошанова оказалась безрезультатной. Болгарское руководство явно переоценило противоречия внутри антигитлеровской коалиции. Западные державы, практически сорвавшие переговоры, объясняли это тем, что Мошанов не являлся лицом, уполномоченным "правительством, приемлемым для СССР". На самом же деле Великобритания и США просто не хотели осложнять свои отношения с Москвой, ясно продемонстрировавшей включение Болгарии в сферу своих интересов. Согласившись на превращение Советского Союза в решающий фактор при определении послевоенной судьбы Болгарии, западные союзники рассчитывали, что СССР даст им такую же свободу действий в других, более важных для них регионах. В своих пространственных воспоминаниях Ст. Мошанов писал, что, когда он давал согласие на выполнение указанной миссии, ему и в голову не могло прийти, что она может быть воспринята как недружественный акт в отношении СССР. Видимо, он понял это лишь в конце переговоров, прерванных объявлением Советским Союзом войны Болгарии. В кратком докладе в Софию он писал: "Во время моей последней встречи с англо-американской делегацией 12 сентября я вынес убеждение, что переговоры по общему перемирию будут вестись в Москве"⁷¹.

Провозгласив курс на перемены, правительство Багрянова оказалось не в состоянии его реализовать. Одной из причин было то, что по составу это правительство представляло компромисс между сторонниками этих перемен и приверженцами прежнего прогерманского курса. Последние (в их числе министры внутренних и ино-

странных дел А. Станишев и П. Драганов), согласуя свои действия с регентами и Генштабом армии, парализовали усилия Багрянова и его сторонников осуществить поворот не только во внешней, но и во внутренней политике. В частности, правительство приняло решения ослабить репрессии против политзаключенных, ятаков и родственников партизан, приостановить исполнение смертных приговоров, но Генштаб и министры сопротивлялись этим решениям. Сорвалось и принятие законопроекта об амнистии. Поскольку попытки Багрянова остановить братоубийственную войну, естественно, не встретили понимания и со стороны партизан, правительство вновь перешло в контрнаступление на силы Сопротивления. Истребление партизан и ятаков приняло небывало жестокий характер.

Непоследовательно проводилась и внешняя политика – попытка отрыва от Германии сопровождалась уступками и компромиссами⁷².

Недовольство политикой Багрянова нарастало – как со стороны демократической общественности, так и со стороны прогермански ориентированного регентства. Понимая это, Багрянов попытался подать в отставку в надежде, что ему удастся сформировать новый кабинет с представителями Отечественного фронта. С этой целью были сделаны предложения о сотрудничестве болгарским коммунистам, предприняты попытки привлечения в административный аппарат деятелей БЗНС. Когда Багрянов составлял правительство, БРП обещала ему содействие в соответствии со своими прежними установками на то, что она поддержит любое правительство, готовое осуществить поворот во внешней политике. Поэтому некоторые коммунисты внутри страны, в том числе Д. Терпешев, склонялись к тому, чтобы принять предложения Багрянова войти в его кабинет. Они не были своевременно проинформированы о наступивших изменениях в советских планах на Балканах. Когда из Москвы последовала резкая критика, то обещанная поддержка сменилась враждебностью.

В переданной 5 июня 1944 г. по радиостанции им. Христо Ботева статье Г. Димитрова правительство Багрянова характеризовалось как призванное более гибко проводить прогерманскую политику в стране⁷³. Загранбюро нацеливало Отечественный фронт на самостоятельный захват власти.

Приход к власти Отечественного фронта

К августу 1944 г. война властей с партизанами достигла кульминации. Показательна статистика столкновений между правительственными и партизанскими вооруженными силами. Если в период формирования и укрепления НОПА (март – август 1943 г.) зафиксировано 286 боевых схваток, то с апреля по август 1944 г. их было 1909 – в среднем по 380 в месяц. Интенсивность боевых действий

в последние восемь дней партизанской борьбы (1–8 сентября 1944 г.) достигла общей цифры 425, т.е. по 53 в день⁷⁴. К этому времени в рядах НОПА насчитывалось около 30 тыс. борцов. Она включала 1 дивизию, 9 бригад, 36 отрядов, несколько самостоятельных чет, сотни боевых групп. Сеть ятаков разрослась почти до 200 тыс. человек⁷⁵. Правда, все эти цифры нельзя считать абсолютно достоверными, выявление точных статистических данных не представляется возможным, а в марксистской историографии и мемуаристике всегда наблюдалась склонность к преувеличению масштабов антифашистской борьбы в Болгарии. Основной формой действий партизан было овладение селами, в которых сжигались архивы, проводились собрания и карательные акции в отношении представителей власти.

Исследования болгарских историков привели к выводу, что социально-классовая структура партизанского движения в Болгарии не отражала адекватно социальную структуру общества в тот период. Особенностью партизанской борьбы в этой стране являлось активное участие в ней рабочего класса (различных отраслей) – 52,58% и интеллигенции (прежде всего, студенчества и учителей) – 5%. Участие же крестьян, составлявших в те годы большинство населения страны, представляется незначительным – 25,7%, причем особенно слабую активность проявляло бедное крестьянство⁷⁶. Болгарское движение Сопротивления отличалось ограниченным партийно-политическим составом. Негативное отношение союзников БРП по Отечественному фронту к вооруженной борьбе имело следствием сужение ее классово-политической основы и ограничение ее масштабов. Компартия оказалась единственным организатором и руководителем вооруженной борьбы. Партизанское движение в Болгарии на протяжении всего периода борьбы объединяло в своих рядах практически только членов БРП (35,4%), Рабочего союза молодежи (47%) и их беспартийных единомышленников (16%). Из союзников коммунистов по ОФ в нем участвовали только члены БЗНС–“Пладне” (0,57%) и БРСДП (0,66%)⁷⁷.

Приближение Красной армии к Балканскому полуострову и свержение прогерманского режима Антонеску в Румынии 23 августа 1944 г. резко обострили внутривнутриполитическую ситуацию в Болгарии. Правительство И. Багрянова все меньше владело положением, несмотря на то что оно сделало не демагогическую (как порой утверждалось в историографии), а искреннюю попытку изменить внешнеполитический курс страны. 26 августа 1944 г. правительство объявило о строгом нейтралитете Болгарии в германо-советской войне и потребовало от Германии вывода ее войск с территории своей страны⁷⁸.

Между тем оппозиция проявляла все большую активность. 6 августа состоялось заседание представителей всех оппозиционных сил. Была принята Декларация 13-ти – по числу подписавших ее деятелей, среди которых было 4 члена ОФ, в том числе 2 коммуниста.

В декларации содержались требования немедленного изменения внешней политики и восстановления конституционного управления. Казалось, этот документ мог бы послужить основой создания единого общенационального фронта оппозиции. Однако после получения из Москвы директивы ЗБ ЦК БРП подписание декларации коммунистами было сочтено тактической ошибкой. Партия ориентировалась теперь на самостоятельный захват власти Отечественным фронтом, без каких-либо компромиссов с легальной оппозицией. Почти одновременно с этой декларацией был распространен документ под названием “Предупреждение”, в котором излагалась платформа ОФ⁷⁹.

20 августа Г. Димитров направил ЦК БРП письмо с новыми директивными указаниями. В нем говорилось о необходимости разоблачать политику Багрянова, отрицательно относиться ко всем предложениям по созданию новых правительственных комбинаций, направленных на раскол Отечественного фронта⁸⁰. Письмо Димитрова было воспринято болгарскими коммунистами как руководство к действию. Именно исходя из содержавшихся в нем указаний БРП отказалась участвовать в будущем правительстве буржуазно-либеральной оппозиции, дала ему негативную оценку и призвала к его свержению.

24 августа делегация Национального комитета Отечественного фронта, начавшего действовать легально, посетила И. Багрянова и предложила ему немедленно передать власть ОФ. Премьер ответил отказом, но не посмел арестовать делегацию. Неудачная попытка взять власть мирным путем означала, что предстоит сделать это насильственно.

26 августа ЦК БРП издал циркуляр № 481, руководствуясь которым Главный штаб НОПА направил всем партизанским отрядам приказ повсеместно предпринять наступательные операции и установить власть ОФ.

Подробно о политической линии ЦК БРП был проинформирован Г. Димитров. В начале сентября П. Фитин передал ему полученную через работника НКГБ информацию Д. Терпешева, датированную 29 августа. “Ваша директива от 20 августа с.г. нами получена. – говорилось в этом письме. – Очень довольны, что она пришла вовремя. Мы разоблачаем багряновцев, отрицательно относимся к попыткам Багрянова, регентов и буржуазной оппозиции втянуть нас в кабинет Багрянова–Гичева–Мушанова. Мы боремся за самостоятельную власть Отечественного фронта. Расширяем партизанское движение и укрепляем Отечественный фронт как в центре, так и на местах. Усилили работу в армии, привлекая кадровых офицеров и союзников в наши штабы... Наши союзники (по Отечественному фронту. – *Авт.*) стремятся стать министрами, но до настоящего времени они с нами и слушаются нас. Они идут с нами, но оглядываются назад, так как боятся народных масс и возможной борьбы в буду-

щем. Полагаем, что сумеем преодолеть трудности настоящего момента". В заключительных строках письма сообщалось, что правительство находится в состоянии кризиса. С 24 августа регенты и Багрянов непрерывно ведут переговоры с представителями политических партий о формировании нового правительства⁸².

Стремясь не допустить внутреннего взрыва с поддержкой его извне – со стороны Красной армии, – власти пошли на компромисс с либеральной оппозицией. 30 августа 1944 г. был образован кабинет во главе с одним из лидеров БЗНС – "Врабча-1" Константином Муравиевым. Политической платформой кабинета стала Декларация 13-ти. Создание правительства Муравиева представляло собой попытку разрешения политического кризиса в стране в соответствии с планами буржуазно-либеральной оппозиции.

2 сентября 1944 г. Муравиев объявил о создании "правительства национальной концентрации", в которое вошли пять деятелей БЗНС – "Врабча-1", три члена Демократической партии, один представитель Народной партии и один беспартийный. Для предотвращения революционного выхода из государственно-политического кризиса правительство наметило три основные задачи: совершить поворот во внешней политике, порвав отношения с Германией, заключив перемирие с Англией и завоевав доверие СССР; восстановить конституционные порядки и буржуазно-демократические свободы; привлечь БРП и ОФ к управлению страной⁸³. В декларации от 4 сентября 1944 г. правительство Муравиева провозглашало "истинно демократическое правление", а в области внешней политики – нейтралитет Болгарии. Правительство Муравиева отменило нормативные акты, запрещающие деятельность политических партий, расформировало жандармерию, объявило полную амнистию политзаключенных, запретило все организации с фашистской и национал-социалистской идеологией, разорвало дипломатические отношения с Германией (6 сентября) и объявило ей войну (8 сентября), обратилось к СССР с просьбой о перемирии и приказало своим военным подразделениям не только не оказывать сопротивления Красной армии, но и содействовать ее продвижению по болгарской территории⁸⁴. Пять дней, которые история отвела кабинету Муравиева, не дали ему возможности реализовать эти решения на практике. Но дело не только в этом.

Попытка легальной оппозиции перейти к традиционной партийно-парламентской демократической системе оказалась бесперспективной и заранее обреченной на провал. Судьба Болгарии была предрешена союзниками по антигитлеровской коалиции с учетом их собственных интересов и планов. Для Великобритании и США Болгария уже находилась в советской зоне. Это нашло подтверждение позже, в октябре 1944 г., когда на встрече Сталина и Черчилля сферы влияния на Балканах были конкретизированы в процентах (75% преобладающего влияния в Болгарии получал СССР)⁸⁵. Для Англии

и США не было смысла поддерживать новый кабинет с риском осложнить отношения с СССР, и правительство Муравиева осталось в полной изоляции.

Внутренняя обстановка также не благоприятствовала успеху политики кабинета Муравиева. К августу–сентябрю 1944 г. процесс радикализации, резкого полевения народных масс под воздействием побед Красной армии достиг кульминации. Правительство Муравиева, поднявшее знамя буржуазной демократии, не могло уже удовлетворить политически активную часть болгарского общества, воспринявшую смену кабинета как простую "смену вывески".

В условиях существования буржуазно-демократического кабинета борьба БРП и ОФ получила новое содержание. С начала сентября она фактически превратилась в борьбу против осуществления планов либеральной оппозиции. Независимо от того, насколько это осознавали различные отечественнофронтовые силы, по существу антиправительственная борьба в Болгарии все четче проявлялась как борьба против буржуазной демократии, за собственную власть. Тот факт, что БРП ориентировала массы на свержение кабинета Муравиева – правительства либеральной оппозиции, – означал изменение в направлении стратегического удара партии. Теперь он был нацелен против любого буржуазного правительства.

Внешняя политика кабинета Муравиева была расценена Советским Союзом как фактическое ведение войны на стороне Германии против СССР. 5 сентября 1944 г. СССР объявил Болгарии войну. Только после этого болгарское правительство разорвало наконец отношения с гитлеровской Германией. Правда, решение об этом было принято еще за несколько часов до объявления Советским Союзом войны Болгарии, но по настоянию военного министра И. Маринова из чисто военных соображений объявление войны Германии было отсрочено на 72 часа⁸⁶.

Вопрос о мотивированности вступления советских войск в Болгарию в сентябре 1944 г. является сложным и вызывает неоднозначные оценки. Представляется, что в факте объявления СССР войны Болгарии политические мотивы все же преобладали над военно-стратегическими. Прежде всего, Советский Союз демонстрировал своим союзникам по антигитлеровской коалиции, что в Восточной Европе решающее слово будет принадлежать ему и что придется с этим считаться. Во-вторых, советское руководство, используя нерешительность и промедление со стороны правительства Муравиева в вопросе разрыва с Германией, не упустило возможности содействовать приходу в Болгарии к власти тех сил, которые надежно обеспечили бы там советское влияние и укрепили бы позиции СССР во всем балканском регионе.

По мнению академика И. Димитрова, имеющиеся в распоряжении исследователей материалы приводят к выводу, что на самостоятельные, несогласованные с западными союзниками действия в Бол-

гании СССР начал ориентироваться с середины августа 1944 г.⁸⁷ В пользу этого свидетельствуют и мемуары Г.К. Жукова, писавшего, что 23 августа 1944 г. Сталин вызвал его в Москву и отдал распоряжение немедленно выехать в штаб 3-го Украинского фронта в связи с подготовкой войны с Болгарией. Перед тем, как выехать, Жуков встретился с Г. Димитровым, который сказал ему, что болгарский народ с нетерпением ждет Красную армию, а компартия взяла курс на восстание, которое начнется одновременно с вступлением советских войск⁸⁸.

5 сентября, в день объявления Советским Союзом войны Болгарии, Г. Димитров направил болгарским коммунистам экстренную радиogramму с последними наставлениями относительно подготовки восстания⁸⁹. На следующий день Димитров уведомил Сталина о радиogramме и сообщил ему ее полный текст.

С начала сентября обстановка в Болгарии быстро менялась. Активность народных масс, понимавших, что страна стоит на пороге коренных перемен, связанных с приближением Красной армии, нарастала. По призыву НК ОФ в стране начались забастовки и митинги под лозунгом “Вся власть Отечественному фронту!”, хотя до реальной подготовки восстания дело все же не дошло⁹⁰.

Активизировались действия партизанских отрядов. Инструкции и оружие для них шли из Советского Союза. В начале сентября на освобожденной партизанами территории Югославии И. Винаров, Шт. Атанасов и Д. Дичев сформировали самое крупное боевое подразделение болгарской Народно-освободительной армии – Первую Софийскую партизанскую дивизию численностью около 1 тыс. человек. За несколько дней до ее создания Винаров, Атанасов и Дичев направили Г. Димитрову радиogramму с просьбой помочь советским оружием и боеприпасами. В ответе Димитрова говорилось: “Приготовьтесь встречать самолеты... С завтрашнего вечера три ночи подряд вам будут сбрасывать оружие и боеприпасы...”⁹¹ Десятки советских транспортных самолетов сбросили в районе Добро-Поле и Црна-Трава (недалеко от болгаро-югославской границы) большое количество оружия.

В течение 6–8 сентября власть ОФ была установлена более чем в 160 населенных пунктах⁹². Это произошло сравнительно легко, нередко мирным путем, поскольку действиям партизан не оказывалось практически никакого сопротивления – власть на местах находилась в состоянии полной дезорганизации⁹³.

Соотношение политических сил в стране резко изменилось в пользу Отечественного фронта и БРП. Выжидательная позиция, занятая Красной армией на границах Болгарии 6–7 сентября в условиях уже объявленной войны, создавала для болгарских коммунистов наиболее благоприятную ситуацию для захвата власти. При этом СССР формально не нарушал договоренностей с западными союзниками о невмешательстве во внутренние дела других стран. Важно

было, чтобы правительство Отечественного фронта пришло к власти самостоятельно, без прямой поддержки со стороны советских войск.

8 сентября советские войска перешли границу и вступили на территорию Болгарии. Этот переход произошел без единого выстрела: население встречало советских солдат цветами, хлебом-солью. Накануне вступления советское командование установило контакт с Главным штабом НОПА. Советские войска также пришли в Болгарию с мирными целями. Перед пересечением болгарской границы командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф.И. Толбухин обратился к болгарскому народу с воззванием. В нем говорилось: “Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача – разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира”⁹⁴.

Таким образом, Советские Вооруженные Силы выполняли двусмысленную задачу: наряду с освобождением большинства стран Восточной Европы от нацизма и его подручных они содействовали упрочению здесь позиций коммунистических партий и утверждению представлений о преимуществах государственного строя советского образца.

Поскольку руководство БРП знало о том, что Красная армия перейдет границу 8 сентября, удар по основным правительственным учреждениям в Софии было решено нанести в ночь с 8 на 9 сентября. Сценарий, а также некоторые участники акции – профессиональные заговорщики Д. Велчев и К. Георгиев – уже знакомы нам по путчам 1923 и 1934 гг. К утру 9 сентября перешедшие на сторону ОФ воинские части болгарской армии (при содействии военного министра И. Маринова) без всякого сопротивления заняли здание военного министерства, радиостанцию, центральную почту и телеграф, а также другие важные объекты. В 6 час. утра 9 сентября назначенный премьер-министром нового правительства Кимон Георгиев по радио объявил, что народное восстание победило и власть перешла в руки Отечественного фронта. Так смена власти в Болгарии произошла в результате акции, внешне имевший вид “военного переворота” в центре, и отдельных повстанческих действий в провинции, но у руля и того, и другого стояла БРП – организатор Сопротивления в годы войны⁹⁵.

Событиям 9 сентября 1944 г. посвящено значительное число публикаций, вышедших из-под пера болгарских, советских (российских) и западных историков и политологов; вопросом о характере этих событий исследователи задаются и сегодня. Болгарский историк М. Минчев, обобщив существующие различные мнения, сформулировал 4 тезиса:

1) Советская армия оккупировала Болгарию и передала власть БРП;

- 2) был осуществлен военный переворот;
- 3) произошло народное антифашистское восстание;
- 4) 9 сентября – социалистическая революция⁹⁶.

Детально проанализировав все точки зрения, М. Минчев приходит к обоснованному выводу о том, что в произошедшей 9 сентября “радикальной перемене можно найти элементы или хотя бы аргументы в пользу трех основных тезисов”. Последний тезис носит не научный, а чисто политический характер и исходит из принятого VII съездом БКП (1958 г.) решения о том, что революция в Болгарии уже с самого начала была социалистической по своему классовому характеру, содержанию и значению⁹⁷. Обстоятельства сложились так, что в событиях 9 сентября внутренние и внешние движущие силы и их политические центры и лидеры находились в политической взаимосвязи и практическом взаимодействии. Это не позволило в создавшейся ситуации ни одной из этих сил реализовать свою собственную концепцию и осуществить предпочитаемую форму захвата власти в “чистом виде” (например, для коммунистов такой формой было восстание, а для членов “Звена” – военный переворот).

Как было показано выше, роль Советской армии в событиях состоит не в передаче ею власти болгарским коммунистам 9 сентября, а в создании условий для ее захвата силами руководимого коммунистами ОФ. Присутствие Советской армии парализовало действия правительства, и оно не смогло удержать власть в своих руках. В дальнейшем присутствие советских войск в Болгарии создавало благоприятные условия для того, чтобы закрепить результаты политической победы сил ОФ, ориентированных на СССР, и не допустить вмешательства западных держав в изменение внутривосточной ситуации в нежелательном для Москвы направлении. При этом следует подчеркнуть, что эти цели совпадали с представлениями нового болгарского правительства о национальных интересах своей страны⁹⁸.

Что касается версии о военном перевороте, совершенном 9 сентября, то приведенные М. Минчевым факты свидетельствуют, что, не отрицая участия офицеров-отечественнофронтовцев в захвате власти, их роль не следует преувеличивать. Здесь скорее надо сказать об особой роли военного министра И. Маринова. Именно он отдал приказы воинским частям не оказывать никакого сопротивления и исполнять все указания новой власти, нейтрализовал командиров верных правительству Муравиева подразделений, т.е. парализовал сопротивление армии и правительства и обеспечил беспрепятственный захват власти ОФ. Пока историческая наука еще не раскрыла мотивов поведения Маринова, но М. Минчев с полным основанием утверждает, что генерал сыграл роль “тройного коня” в правительстве Муравиева⁹⁹. Версия о военном перевороте (который подразумевает внезапность) звучит неубедительно еще и по той причине,

что, как отмечалось выше, комитеты ОФ еще 6–7 сентября установили свою власть в десятках населенных пунктов. Таким образом, военный переворот был, скорее, инсценирован офицерами-отечественнофронтовцами. Участие армии в захвате власти не вышло за рамки, отведенные ей планом БРП: овладение военным министерством должно было послужить сигналом к захвату власти комитетами ОФ и партизанскими отрядами по всей стране.

Наконец, тезис “9 сентября – народное восстание” можно принять только в том смысле, что установление новой власти произошло при участии политически активных слоев населения, но никак не в смысле вооруженной борьбы народа за власть. В событиях накануне и в день 9 сентября болгарский народ в целом сохранял спокойствие. Массовые митинги и другие бурные проявления поддержки населением ОФ начались уже после 9 сентября.

* * *

В годы второй мировой войны на внутривосточной арене Болгарии вели борьбу два основных политических лагеря – правительственный, связавший судьбу страны с гитлеровской Германией, и оппозиционный, где самую активную роль играли коммунисты. При этом в болгарском движении Сопротивления наличествовали две тенденции – либерально-демократическая и леворадикальная. Под воздействием конкретных внутренних и внешних факторов к концу августа – началу сентября 1944 г. в стране возобладала вторая тенденция, выразителем которой была БРП. Политическая программа буржуазно-демократической оппозиции не смогла реализоваться, и к власти пришли более активные леворадикальные силы болгарского Сопротивления. В Болгарии установился новый строй, именуемый в литературе народно-демократическим.

¹ Подробнее см.: *Никова Г.* Болгария между Германией и Советским Союзом (социальный и экономический ракурс) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 275–290.

² Подробнее см.: *Поппетров Н.* Възможността за диалог или “дискусия” за българския фашизъм // Демократически преглед. 1996. № 4/5. С. 382–388.

³ См.: Анкета на сп. “Демократически преглед” – “Имало ли е фашизъм в България?” // Демократически преглед. 1996. № 4/5. С. 368–444. См. также: *Спасов М.* Имало ли е фашизъм в България? Избрана публикация. София, 1998.

⁴ См., например: *Гришина Р. П.* Парламентаризм, демократия и диктатура в общественно-политической жизни Болгарии XIX–XX вв. // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. Харьков, 1991. С. 63.

⁵ Подробен см.: *Валева Е.Л.* Проблеми антифашистско движение Спротивления в българска историография // Антифашистско движение Спротивления в страните Централна и Юго-Восточна Европа: (Вопроси национална историография). М., 1991.

⁶ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция в България. 1939–1944. София, 1969. С. 26, 51.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ СГОДА. Ф. 165к. Оп. 1, а. е. 97. Л. 48.

⁹ *Филов Б.* Дневник. София, 1990. С. 346.

¹⁰ РГВА. Ф. 1257к. Оп. 1. А. е. 28. Л. 101.

¹¹ См.: *Фирсов Ф.И.* Политика Коминтерна в началото Втората световна война // Международни отношения и страни Централна и Юго-Восточна Европа в началото Втората световна война (септември 1939 – август 1940). М., 1990. С. 194–211.

¹² Советско-български отношения и връзки: Документи и материали. М., 1976. Т. 1. 1917–1944. С. 559.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Кн. п. 17. Д. 7. Исх. док. за 1941 г. № 420.

¹⁴ ЦДА (София). Ф. 3. Оп. 4. А. е. 586. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ См.: *Костов Тр.* Избрани статии, доклади, речи. София, 1964. С. 609.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 87. Л. 5.

¹⁸ *Димитров Г.* Дневник, 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 243.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Кн. п. 17. Д. 7. Исх. док. за 1941 г. № 567.

²⁰ Там же. Ф. 495. Оп. 184, № 589.

²¹ Там же. № 653; Коминтерн и втората световна война. М., 1998. Ч. 2 (после 22 юни 1941 г.), С. 150–151.

²² См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 58–59.

²³ Подробен см. *Мозер Ч.* Д-р Г.М. Димитров: Биография. София, 1992.

²⁴ См.: *Николова А.* Антифашистката радиопропаганда на български език (1941–1944) // Векове. 1990. № 5. С. 24.

²⁵ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 59.

²⁶ См.: *Петрова Д.* БЗНС в края на буржоазното господство в България (1939–1944 г.). София, 1970. С. 55–56.

²⁷ См.: *Стойнов Б.* Войните групи (1941–1944). София, 1969.

²⁸ См.: История на антифашистката борба в България, 1939–1944. София, 1976. Т. 1. С. 210–214.

²⁹ См.: Невидимите барикади: Очерци за българини – съветски разузнавачи. София, 1968; *Заимов С.* Генерал Владимир Заимов. София, 1988.

³⁰ См.: *Недев Н.* Тайната война или летопис за д-р Александър Пеев и генерал Никифор Никифоров. София, 1984; *Азаров А.* На острие на меча, М., 1975.

³¹ См.: *Николова А.* Радиостанция “Христо Ботев” за сплотяването на антифашистките сили в България (1941–1944 г.) // Известия на института по история на БКП, 1983. Т. 50. С. 137–176; *Панайотов Ф.* Двубой в сфера. 1941–1944. София, 1975.

³² ЦДА (София). Ф. 3. Оп. 4, а. е. 586. Л. 6.

³³ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Исх. и вх. телегр. за 1942 г. Л. 4, 7; *Даскалов Д.* Жан съобщава: Задграничното бюро и антифашистката борба в България. 1941–1944. София, 1991. С. 58–75.

³⁴ См.: Живот – борба: Книга за Цвятко Радойнов. София, 1986. С. 122.

³⁵ См.: *Винаров И.* Бойци на тихия фронт. София, 1969. С. 557.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 82. Л. 181.

³⁷ Там же. Д. 85. Л. 118.

³⁸ Еще 30 български емигранти, разбити на 5 групи, бяха сбрушени с парашути на територията на България с советски самолети в септември – началото на октомври 1941 г. Их съдба се оказала трагична: почти всички бяха веднага схванати от полицията, загубили в престрелка или покончили с себе си.

³⁹ См.: *Ерелийска М.* Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на института по история на БКП, 1963. Т. 10. С. 348; см. также: *Видински К.* Подводници: Воспоминания. София, 1987.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 87. Л. 4–5.

⁴¹ Подробен см.: *Валева Е.Л.* Герой на българското Спротивление Цвятко Радойнов // Новая и новейшая история, 1990. № 2. С. 107–122.

⁴² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 85. Л. 64.

⁴³ Там же. Ф. 495. Исх. док. за 1941 г. № 647.

⁴⁴ Там же. Оп. 184. Д. 19. Л. 4.

⁴⁵ Там же. Д. 12. Л. 6–8.

⁴⁶ Там же. Оп. 74. Д. 85. Л. 89–90. См. также: Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947): Статии и документи. София, 1999. С. 174–175.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 86. Л. 26.

⁴⁸ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 122. П. 11. Л. 7.

⁴⁹ *Минчев М.* Отечествен фронт в България (1942–1944) // Минчев М. България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 11.

⁵⁰ См.: Говори радиостанция “Христо Ботев”. София, 1951. Т. 1. С. 330–348.

⁵¹ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 77.

⁵² См.: Антифашистката борба в България: Документи и материали. София, 1984. Т. 2, С. 5–15.

⁵³ *Георгиев Г.* НОВА: Бойната дейност на народноосвободителната въстаническа армия, 1943–1944. София, 1974. С. 22.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 89. Л. 84.

⁵⁵ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 92–93.

⁵⁶ Там же. С. 103–105.

⁵⁷ См.: Народни и национални фронтове в антифашистката освободителна борба и революции на 40-те години. М., 1985. С. 281.

⁵⁸ *Минчев М.* Отечествен фронт в България... С. 20–24.

⁵⁹ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 124–125.

⁶⁰ Говори радиостанция “Христо Ботев”. София, 1951. Т. 5. С. 100.

⁶¹ Антифашистката борба в България. Т. 2. С. 160–164.

⁶² Народ против фашизма: Исторически очерк за борбата на българския народ в периода на втората световна война. М., 1986. С. 172.

⁶³ См.: Антифашистката борба в България... Т. 2. С. 297–303, 299.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 19; Коминтерн и втората световна война. Ч. 2, С. 425.

⁶⁵ *Димитров Г.* Дневник... С. 409.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Л. 21–22.

- ⁶⁸ Там же. Д. 95. Л. 1–3.
- ⁶⁹ Там же. Д. 93. Л. 26–27; Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2. С. 441–444.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 29, 43.
- ⁷¹ *Мошанов Ст.* Моята мисия в Кайро. София, 1991. С. 371.
- ⁷² Подробно см.: *Димитров И.* Иван Багрянов – царедворец, политик, държавник. Исторически очерк. София, 1995.
- ⁷³ *Димитров Г.* Избр. произв.: В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 25–26.
- ⁷⁴ См.: *Баталски Г.* За антифашистката борба и гражданската война (по българския опит от 1941–1944 г.) // Военноисторически сборник, 1990. № 5. С. 84.
- ⁷⁵ См.: Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 405–406.
- ⁷⁶ *Дочев Д.* Социално-класова и политическа структура на партизанското движение в България (автореф. докт. дисс.). София, 1988. С. 9. См. также: *Дочев Д.* Семената на бурята: (Социално-класова характеристика на партизанското движение във II ВОЗ). Пловдив, 1984.
- ⁷⁷ См.: *Дочев Д.* Социално-класова и политическа структура... С. 17.
- ⁷⁸ См.: *Димитров И.* Иван Багрянов – царедворец, политик, държавник. С. 89.
- ⁷⁹ См.: *Димитров И.* Навременната среща със спомените на Константин Муравиев // Муравиев К. Събития и хора: Спомени. София, 1992. С. 540.
- ⁸⁰ См.: Антифашистката борба в България... Т. 2. С. 501–503. В силу особой важности Г. Димитров счел необходимым продублировать это письмо: оно было отправлено через секретный канал связи с Софией, т.е. с помощью советских секретных служб, и через группу Ивана Винарова в Югославию. Группа болгарских политэмигрантов во главе с кадровым разведчиком И. Винаровым была заброшена в июне 1944 г. на свободную партизанскую территорию в Югославии и сразу же установила прямую радиосвязь с Г. Димитровым (см.: *Даскалов Д.* Жан съобщава... С. 262–263).
- ⁸¹ Антифашистката борба в България... Т. 2. С. 505–507.
- ⁸² РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 49.
- ⁸³ См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 193–196.
- ⁸⁴ *Муравиев К.* Събития и хора. С. 402–403.
- ⁸⁵ См.: България – непризнатият противник на Третия райх: Сборник документи. София, 1995. С. 83–86, 89–98.
- ⁸⁶ Некоторые косвенные факты дали основание И. Димитрову задаться вопросом, не предупредил ли кто-то советское руководство о том, что решение о войне Болгарии с Германией неизбежно и что это лишило бы СССР повода объявить войну Болгарии. Не был ли этим лицом генерал И. Маринов? (см.: *Димитров И.* Миналото като пролог: Исторически очерци. София, 1993 С. 529).
- ⁸⁷ Там же. С. 388.
- ⁸⁸ См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 3. С. 164–165.
- ⁸⁹ Антифашистката борба в България... Т. 2. С. 537. См. также: *Даскалов Д.* Жан съобщава... С. 277.
- ⁹⁰ См.: *Саздов Д., Лалков М., Попов Р., Мигев В.* История на България (681–1960). София, 1995. Т. 2. С. 474.
- ⁹¹ См.: *Драгойчева Ц.* Победата: Повеля на дълга. София, 1979. Кн. 3. С. 586; *Винаров И.* Указ. соч. С. 506.

⁹² См.: *Петрова Сл.* Борбата на БРП за установяване на народнодемократичната власт: май – септември 1944. София, 1964. С. 212–213.

⁹³ См., например: *Стателова Е., Грънчаров Ст.* История на нова България. 1878–1944. София, 1999. Т. 3. С. 632.

⁹⁴ Советско-болгарские отношения и связи. Т. 1. С. 604.

⁹⁵ См.: *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1944–1999. София, 2000. С. 24.

⁹⁶ Подробно см.: *Минчев М.* За характера на Девети септември 1944 г. // Минчев М. България отново на кръстопът (1942–1946). С. 42–77.

⁹⁷ Там же. С. 72–73.

⁹⁸ См.: *Лавренов С., Шинкарев И.* Некоторые особенности советско-болгарских отношений на завершающем этапе войны против Германии (9 сентября 1944 г. – май 1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947): Статии и документи. София, 1999. С. 93.

⁹⁹ *Минчев М.* За характера на Девети септември 1944 г. // Минчев М. България отново на кръстопът (1942–1946). С. 67.

БОЛГАРИЯ НА ЭТАПЕ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1944–1948)

Складывание коалиционной системы власти. Формирование правительства Отечественного фронта

С победой антигитлеровской коалиции во второй мировой войне начался новый этап исторического развития континента, основным вектором которого стало движение к демократии и социальному прогрессу. Европа уходила от того капитализма, который в сознании подавляющей части населения закономерно ассоциировался с глубоким структурным кризисом рубежа 20–30-х годов, с массовой безработицей, растущей социальной дифференциацией, с фашистскими и авторитарными режимами, мировыми войнами.

В этом русле развивались общественные перемены и в Восточной Европе, где возник исторический феномен народной демократии.

Этап народной демократии определяется нами как политически вариативное, переходное состояние общества, отвергнувшего авторитарные и правототалитарные режимы, которые по терминологии тех лет объединялись общим понятием *фашизм*, и пытавшегося определить принципы своего дальнейшего демократического развития¹. В силу этого на этапе народной демократии существовали, сталкивались и конкурировали различные концепции будущего общественного устройства. Одной из исследовательских задач является, на наш взгляд, выяснение причин победы в конечном счете леворадикальной (коммунистической) альтернативы. При этом необходимо учитывать роль и влияние в регионе Восточной Европы международного, в первую очередь советского, фактора.

Установленная в Болгарии 9 сентября 1944 г. власть Отечественного фронта была властью левоориентированных политических сил, которые, как показано в предыдущем очерке, участвовали, хотя и с разной степенью активности, в борьбе против старого режима, за соблюдение норм конституции, прав и свобод болгарских граждан, против союза с Германией, чреватого новой национальной катастрофой.

Непосредственно после 9 сентября многопартийная система в стране была восстановлена, однако она приобрела закрытый, ограниченный узкими рамками ОФ характер. Все прочие политические партии и группировки были объявлены недемократическими и запрещены. Первое коалиционное правительство, составленное на основе принципа паритета, возглавил лидер “Звена” К. Георгиев.

Профессиональный военный Георгиев имел в болгарском обществе прочную репутацию заговорщика (“превратаджин”). И до сих пор в исторической литературе нет убедительного объяснения мотивов его назначения. В ходе “бархатной революции” в болгарской публицистике был поднят вопрос об особых заслугах Георгиева и других “звенарей”-республиканцев перед советской военной разведкой в годы второй мировой войны, причем подчеркивалось, что соответствующие контакты осуществлялись помимо московского руководства БРП и без его ведома². Документальных подтверждений этому нет, тем не менее вся дальнейшая исключительно благополучная политическая карьера Георгиева наводит на мысль о существовании каких-то весьма серьезных причин, объясняющих этот факт.

Руководство “Звена” рассматривало ОФ как идейную коалицию прогрессивных сил, действовавших на основе лояльного и равноправного сотрудничества. В этой коалиции “звенари” отводили себе важный сектор, в котором, как считалось, их организация могла “достойно проявить себя и действовать с полной ответственностью”³. В новых условиях сравнительно замкнутый и узкий характер “Звена” начал довольно быстро меняться. На конференции, созванной в Софии 1 октября 1944 г., было принято решение о превращении политической группы “Звено” в массовую партию Народный союз “Звено”. В руководстве новой партии утвердилось мнение, что ее “двери” должны быть “гостеприимно и широко открыты”⁴. Платформой партии временно провозглашалась программа правительства ОФ от 17 сентября 1944 г. Таким образом, сама логика политического развития обусловила динамичную трансформацию “Звена” в основного лидера прежде всего либеральных кругов. Численный состав партии отразил четкую тенденцию роста: с 9 тыс. членов в октябре 1944 г. до 14,5 тыс. в начале 1945 г., однако этот рост значительно отставал от показателей других политических партий – партнеров по ОФ.

Участниками демократической коалиции в стране были также партии, выступавшие от имени рабочего класса – БРП и БРСДП. Их социальный состав в целом отражал структуру болгарского общества и соответствовал ей: приток новых членов обеспечивали этим партиям прежде всего непролетарские элементы – мелкие и средние крестьяне, служащие. БРП в годы войны свою главную стратегическую цель – установление диктатуры пролетариата – отодвинула на второй план, сформулировав задачи общенационального характера. После 9 сентября 1944 г., когда из подполья вышли 12–15 тыс. членов партии, произошло резкое взрывообразное увеличение численности БРП: к февралю–марту 1945 г. она насчитывала, по разным данным, от 250 до 300 тыс. человек⁵. Организационная консолидация БРП, развернувшаяся на основе директивы ЦК от 12 сентября 1944 г., преследовала, помимо прочего, и цель превращения БРП

в "сильную массовую партию болгарского рабочего класса и трудящихся города и деревни". Определяя подобным образом свою социальную базу, руководство партии одновременно стремилось парировать настроения в некоторых кругах БЗНС, согласно которым следовало установить сферы влияния для каждой из партий ОФ⁶. (Деревня, естественно, при этом должна была остаться за БЗНС.)

Практика, однако, быстро опрокинула первоначальные расчеты руководства Рабочей партии: на фоне сравнительно малого удельного веса рабочих среди партийной массы (в среднем 25,6%), быстро начало нарастать представительство в ней служащих. Например, в Софийской партийной организации в декабре 1944 г. соотношение между рабочими и служащими составляло 7:1,5, а в марте 1945 г. уже 1:1. Видимо, подобная тенденция приобретала общий характер, поскольку в местных партийных организациях зазвучали голоса о том, что рабочая партия должна быть таковой и по составу, т.е. коммунистом должен стать каждый рабочий. Подчеркивая конечные цели партии, руководство сочло необходимым дать ей в конце сентября 1944 г. новое наименование – Болгарская рабочая партия (коммунистов) – БРП(к).

На этом этапе болгарские коммунисты, опираясь на поддержку Москвы, выступали за собственный, "национальный путь" к социализму, считая возможным в создавшихся внешних и внутренних условиях руководствоваться отличными от советских методами построения нового общества.

Идея "национального пути" оказалась после войны универсальной: вслед за советским руководством ее разделяли все субъекты международного коммунистического движения. Более того, концепция эта была исключительно популярна также в европейских социалистических и либерально-демократических кругах. Послевоенное общество не только не испытывало страха перед социализмом, но и стремилось к этой перспективе, приветствуя ее в разных возможных модификациях. Известны, например, настроения президента США Ф. Рузвельта, считавшего, что "мир идет к тому, чтобы быть после войны гораздо более социалистичным..."⁷ В Восточной Европе, как показали исследования последних лет, "национальный путь" к социализму рассматривался как синоним народно-демократической модели, а Москва вплоть до осени 1946 г. продолжала считать эту модель долговременной и обладавшей немалым позитивным потенциалом⁸.

В основе концепции "национального пути" лежало представление о мирном, без диктатуры пролетариата утверждении социализма по мере реализации коалиционного способа осуществления власти в рамках демократического блока. Формой такого блока становились народные, национальные и отечественные фронты. При этом болгарские коммунисты считали чисто социалистические ло-

зунги, ассоциировавшиеся у большей части общества с советской моделью, не адекватными имевшимся в стране реалиям.

В середине сентября 1944 г. начался процесс восстановления БРСДП, сопровождавшийся оформлением в ее руководстве правой и левой группировок и центра. БРСДП также ставила перед собой задачу превращения в массовую партию, ориентируясь на принятие в свои ряды членов "старых партий и организаций". При этом внимание руководства концентрировалось прежде всего на рабочей городской и сельской среде, "народной и антифашистской интеллигенции"⁹. В конце 1944 г. в партии насчитывалось около 20 тыс. членов, а через год примерно 32 тыс.¹⁰ Документы свидетельствуют, что социал-демократы стремились расширить свое влияние за счет массовых организаций (читалишт, обществ трезвости и др.), но серьезных успехов здесь не достигли. Весьма невысок был и процент рабочих в БРСДП: по данным болгарского исследователя П. Остоича, он не превышал 5%¹¹.

Приход к власти ОФ был с подъемом встречен социал-демократами. Лидер партии Г. Чешмеджиев назвал его "великой революцией в маленькой Болгарии", отметив при этом, что цель этой революции не та, за которую борются марксисты, а укрепление ОФ во имя создания свободной, независимой и демократической страны¹². БРСДП – единственная партия ОФ, открыто говорившая в тот момент о социализме как непосредственной задаче дня, но о социализме демократическом, для которого были характерны соблюдение конституционных норм, мирный эволюционный процесс развития на фоне широкого спектра социальных реформ.

Традиционно одной из наиболее значительных политических сил в Болгарии являлось крестьянское движение. 9 сентября застало БЗНС расколотым на несколько группировок. На ведущую роль в деле организационного объединения Союза претендовало вошедшее в состав ОФ "Пладне". Определенную роль при этом сыграло то обстоятельство, что деятели другого влиятельного крыла партии – "Врабча" – входили в состав правительства К. Муравиева, за что позднее предстали перед Народным судом. Власти стремились всячески препятствовать укреплению и росту "Врабчи": в частности, не разрешили провести в середине октября 1944 г. общebolгарскую конференцию.

Динамика роста БЗНС свидетельствовала о быстром восстановлении низовых организаций Союза – "дружб": если к середине октября 1944 г. они насчитывали около 39 тыс. членов, то к весне 1945 г. их численность возросла до 250 тыс.¹³ В Союзе были традиционно представлены все категории крестьянства – от бедняков до зажиточных. В городские организации БЗНС начали активно вступать члены и сторонники ранее действовавших политических партий. Рост массовой базы БЗНС подпитывал претензии ее руководства на особую роль крестьянской партии и ее значение в обществе. "Посколь-

ку Болгария является крестьянской страной ... Земледельческая партия должна играть ведущую роль среди других политических партий в руководстве экономической, политической, культурной жизнью страны”, – вот характерный лейтмотив многочисленных выступлений партийных лидеров¹⁴. Такая позиция объективно усиливала тенденции к соперничеству с коммунистами и “звенарями”. Подобные настроения проявились уже на первой национальной конференции БЗНС в октябре 1944 г., вызвав настороженную реакцию со стороны партнеров по коалиции.

В программном отношении БЗНС выступал носителем особой, крестьянской, идеологии – аграризма, причем в его мелкобуржуазном варианте. Суть аграристской концепции БЗНС заключалась в провозглашении незыблемости крестьянской собственности на землю, примата сельского хозяйства в экономике, решающей функции кооперации как ее фундамента, сословного единства деревни. Данные положения определяли основу модели нового общественного строя, именовавшейся третьим, крестьянским, путем развития общества. Этот путь мыслился как комплекс социально-экономических преобразований после прихода крестьянской партии к власти с использованием парламентских методов, а его конечной целью была крестьянская кооперативная республика, воплощавшая в себе “словную демократию”¹⁵.

С октября 1944 г. после возвращения из эмиграции на родину БЗНС возглавил его признанный и авторитетный лидер д-р Г.М. Димитров (Гемето). В стране была известна его антигерманская ориентация и активная пропагандистская деятельность на радиостанции “Свободная и независимая Болгария”. Однако тесные контакты д-ра Димитрова с Западом (в частности, созданный им в эмиграции Болгарский национальный комитет финансировался англичанами), равно как и очевидное его намерение твердо отстаивать независимый курс БЗНС в рамках ОФ вызывали настороженное отношение в Москве, что вскоре дало о себе знать.

Итак, Отечественный фронт в Болгарии оформился как блок левых политических сил. Но вскоре после 9 сентября встал вопрос о допуске в ОФ других политических партий и группировок, кроме четырех вышеупомянутых. Первоначально руководители ОФ исходили из возможности включения в него представителей различных политических демократических группировок, массовых организаций и всех “антифашистских кругов”. Единственным условием при этом было восприятие ими программы ОФ и готовность содействовать новому правительству. Такой подход был зафиксирован в директиве ЦК БРП от 12 сентября и выработанным на ее основе циркуляре Национального комитета (НК) ОФ местным комитетам от 20 сентября 1944 г.¹⁶ Вместе с тем уже в этих документах отразилась тенденция к расширению состава ОФ прежде всего за счет привлечения массовых организаций, в большинстве своем находившихся

под руководством коммунистов, и широких кругов беспартийных. На практике такой подход реализовывался достаточно последовательно: в конце 1944 г. число таких представителей в комитетах ОФ было весьма внушительным – более 38% от общего числа членов комитетов¹⁷. Но вскоре, однако, был сформулирован новый критерий членства в ОФ: активное участие в прошлом в борьбе против фашизма. Закрепленный в декларации руководств партий ОФ от 12 октября 1944 г.¹⁸ этот критерий явился ответом на попытки отдельных политических партий и группировок, отклонивших предложения о сотрудничестве во Фронте в период Сопротивления, вступить в ОФ осенью 1944 г. На основе декларации Демократическая, Радикальная, Либеральная партии, БЗНС “Врабча” не были приняты в ОФ. Отдельные их члены могли быть в индивидуальном порядке допущены в ОФ при условии их доказанного участия в борьбе против фашизма и в событиях 9 сентября. Декларация подтвердила запрет на существование каких-либо партий и группировок вне ОФ под предлогом их якобы “недемократического” характера. В накаленной политической атмосфере тех дней определение *недемократический*, как правило, означало *фашистский*. Как вспоминал позднее лидер “Врабчи” Д. Гичев, декларация вызвала сильное разочарование именно в силу того, что “гичевисты” были объявлены фашистами¹⁹. На самом деле, эта и подобная ей оценки не соответствовали истине, а сама декларация, как справедливо отметил крупнейший исследователь проблематики народной демократии М. Исусов, являлась “чрезмерно революционной”²⁰. С ее появлением “закрытый” характер сложившейся в стране непосредственно после 9 сентября многопартийной системы получил окончательное и официальное закрепление.

Партии ОФ, несмотря на различия в численности и степени влияния в массах, имели равную норму представительства в руководящем органе ОФ – Национальном комитете. При отсутствии в стране на том этапе парламента роль НК ОФ в политической жизни, в том числе и в формировании управленческих структур, возрастала. При этом выявилась одна примечательная особенность, на которую обратил внимание болгарский исследователь М. Минчев: “Те, кто положили начало Национальному комитету Отечественного фронта и пережили нелегальный период его деятельности, не хотели разделить с другими будущую государственную власть”²¹. Действительно, факты свидетельствуют, что и “звенарь” К. Георгиев, и социал-демократ Г. Чешмеджиев, и “земледелец” Н. Петков резко возражали не только против включения представителей других партий в НК ОФ, но и против расширения представительства в нем собственных партий²², что означало бы появление у руля власти новых лиц.

Претензии на ведущие роли в правительстве и наиболее важные министерские портфели, предъявлявшиеся партнерами по ОФ, серьезно осложнили задачу формирования кабинета и разработки его

программы. Этот процесс пришелся на первую половину сентября 1944 г. Определяющую роль в нем сыграли ПБ ЦК БРП и НК ОФ. Окончательно вопрос о персональном составе кабинета был решен в крайне узком кругу, включавшем Д. Терпешева (БРП), Н. Петкова (БЗНС), К. Георгиева (“Звено”), Г. Чешмеджиева (БРСДП)²³. Очевидно, что доминировали при этом определенные “политические соображения”, т.е. стремление максимально учесть как внешне-, так и внутривнутриполитические факторы. В частности, в условиях продолжавшейся войны и неурегулированного международного положения Болгарии факт сравнительно широкого участия патриотически настроенной части буржуазии в управлении приобретал исключительно важное значение. Формирование правительства потребовало от партнеров по ОФ компромиссов и отступления, хотя и до определенного рубежа. БРП, например, не уступила министерства внутренних дел ни социал-демократам, ни “звенарям”, претендовавшим на этот портфель²⁴.

История формирования первого правительства ОФ оставляет еще ряд неясностей. Почему, например, состав кабинета был определен двумя указами, опубликованными в официальном издании “Държавен вестник” 9 сентября 1944 г., причем в первом указе БРП предоставлялось три министерских поста; БРСДП – один; в то время как “Звену” и БЗНС – по четыре. Что повлияло на окончательное решение, согласно которому норма представительства БРП была доведена до четырех министерских портфелей, БРСДП – до двух и в правительство включен “беспартийный” Д. Казасов, чья фамилия в первом указе вообще не значилась?

9 сентября, как следует из записи в дневнике Г. Димитрова, московское руководство БРП из сообщения софийского радио узнало о составе кабинета министров. После отставки правительства И. Багрянова (30 августа 1944 г.) в ЗБ ЦК БРП были подготовлены справки о наиболее известных политических деятелях как возможных кандидатах на министерские посты. М. Минчев, ознакомившийся с этими материалами, констатирует, что лишь трое из обширного списка – Н. Мушанов, А. Буров и Д. Гичев – не вошли после 9 сентября в правительственные структуры²⁵. Иными словами, не известных руководству ЗБ лиц в кабинете не оказалось. Тем не менее 10 сентября Г. Димитров радирует в Софию: “Срочно сообщите [сведения] о каждом члене нового кабинета – к какой полит[ической] группе принадлежит, и кто точно является нашими министрами и каков их парт[ийный] стаж...”²⁶

Думается, прав М. Минчев, утверждая, что Москву в первую очередь интересовали мотивы, которыми руководствовались ПБ при персональном оформлении кабинета. То, что практика, по-видимому, опрокинула первоначальные расчеты, подтвердил позднее в косвенной форме непосредственный участник событий коммунист Д. Терпешев, заметивший, что первое правительство состояло

“не из лучших людей”, и это выявилось очень скоро²⁷. Персональный состав первого отечественнофронтового кабинета выглядел следующим образом: коммунисты возглавили весьма важные в тех условиях министерства внутренних дел (А. Югов) и юстиции (М. Нейчев). Кроме того, им принадлежали посты министра здравоохранения (д-р Р. Ангелов) и министра без портфеля (Д. Терпешев); “звенари”, помимо того, что К. Георгиев возглавил Совет министров, получили военное министерство (Д. Велчев), иностранных дел (П. Стайнов), просвещения (Ст. Чолаков); “земледельцы” возглавили министерства сельского хозяйства и государственного имущества (А. Павлов), дорог и благоустройства (Б. Бумбаров), железнодорожного транспорта, почт и телеграфа (А. Держанский). Лидер БЗНС Н. Петков стал вторым в правительстве министром без портфеля. Социал-демократам были отданы два министерства – торговли, промышленности и труда (Д. Нейков) и социальной политики (Г. Чешмеджиев). И, наконец, “независимые”, т.е. беспартийные общественные деятели, получили, соответственно, портфели министра финансов (П. Стоянов) и пропаганды (Д. Казасов).

Из 16 членов правительства 13 впервые стали обладателями министерских портфелей, лишь пятеро были в прошлом депутатами Народного собрания. Иными словами, Совет министров состоял из известных в стране политических деятелей, но абсолютное большинство их были “новыми государственниками” с малым или никаким опытом “хождения во власть”. Впервые в истории страны к рулю управления оказались допущенными коммунисты.

Первые мероприятия нового кабинета

После утверждения состава правительства одним из первых его шагов стала замена старого регентского совета, становившегося с учетом внутренней и внешнеполитической обстановки одним из важных регулирующих и балансирующих факторов управления страной. Регентами при не достигшем совершеннолетия царе Симеоне были назначены коммунист Т. Павлов и представители либеральных кругов В. Ганев и Ц. Бобошевский.

В Совете министров был утвержден принцип единодушного принятия всех решений, т.е. введено своего рода право “вето”. В случае невозможности принятия решения вопрос мог быть передан на рассмотрение в НК ОФ расширенного состава. К работе НК ОФ в таких случаях привлекались видные представители высшего руководства партий ОФ, руководители центральных государственных органов, общественных и массовых организаций и др. Такие заседания стали эффективным элементом в механизме принятия правительственных решений. Практически не было таких случаев, когда предложения, указания, рекомендации, пожелания расширенного состава

ва НК ОФ не учитывались²⁸. Именно таким образом была, например, утверждена компромиссная по характеру правительственная программа, долго дебатировавшаяся внутри кабинета. Она была обнародована 17 сентября 1944 г. и открыла возможность приступить к разрешению прежде всего общенациональных задач²⁹. Одной из первоочередных являлась задача борьбы против международного и внутреннего фашизма. 22 сентября 1944 г. ЦК БРП(к) манифестом “Война до победы против гитлеровской Германии” призвал начать массовую мобилизацию добровольцев в армию, развернуть в стране патриотическое движение помощи фронту³⁰. И уже в первых числах октября 1944 г. 1-я Болгарская армия начала военные действия.

Как свидетельствуют документы, командование 3-го Украинского фронта, в чьем оперативном подчинении находились болгарские части, было серьезно озабочено низким уровнем их боевой подготовки, слабой воинской дисциплиной, засоренностью офицерского корпуса. “Многие солдаты и офицеры, – подчеркивалось в политдонесении штаба фронта от 18 января 1945 г., – не понимают освободительных целей войны против Германии, не проникнуты боевым духом, не вдохновлены идеями освобождения народов от гитлеровской тирании”³¹. К вопросу о состоянии армии руководство БРП(к) было вынуждено вернуться в середине марта 1945 г. после того, как Сталин в присутствии Молотова заявил Г. Димитрову, что “болгарские части не особенно хорошо сражаются”³². Димитров немедленно сообщил об этом в Софию. 30 марта в ответной радиограмме секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов информировал: «Сигнал нашего “хорошего друга” о слабости нашей армии на фронте заставил нас серьезно заняться этим вопросом. И хотя дело обстоит не так плохо, как казалось сначала, все же мы единодушно признали состояние нашей работы по этой линии неудовлетворительным и наметили ряд мер, которые должны осуществиться в ближайшее время»³³.

Участие болгарских частей в войне против гитлеровской Германии, имевшее прежде всего политическое значение, способствовало определенной стабилизации международного положения Болгарии: 28 октября 1944 г. союзники по антигитлеровской коалиции подписали с Болгарией Соглашение о перемирии.

Статьи соглашения предусматривали аннулирование всех законодательных и административных положений по аннексии или включению в состав Болгарии греческих и югославских территорий, возвращение захваченной собственности, выплату репараций Объединенным Нациям, демобилизацию и перевод болгарских вооруженных сил под наблюдение Союзной контрольной комиссии по окончании военных действий против Германии и т.п.

Примечательно, что находившееся в стране руководство БРП(к) было в целом удовлетворено условиями перемирия, считая их нелегкими, но справедливыми. Член болгарской делегации, участвовавший в подписании соглашения в Москве, Д. Терпешев заявил на со-

фийском вокзале по возвращении на родину, что придется “платить за разбитую посуду”³⁴. Позднее, выступая 26 января 1945 г. в Отделе международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б), Тр. Костов назвал условия перемирия “благоприятными” и в ответ на реплику Г. Димитрова – “Сравнительно, конечно, благоприятные” – твердо заметил: “Мы считаем эти условия самыми благоприятными при существующем положении. Таким образом, международное положение Болгарии до известной степени улучшилось”³⁵.

Важное значение имело принятие закона о роспуске всех фашистских организаций и конфискации их имущества. Уже в ходе событий 9 сентября и непосредственно после них были ликвидированы основные органы насилия государства: вместо распущенных полиции и жандармерии организована народная милиция, ядро которой составили бывшие участники партизанского движения. В октябре 1944 г. Совет министров принял декрет-закон об отмене 15 чрезвычайных законов, на основании которых власти проводили политику подавления и преследования движения Сопротивления в стране. В соответствии с пунктом 7 Соглашения о перемирии указами министра внутренних дел были распущены более 50 политических, военных, военизированных и прочих организаций, чья деятельность квалифицировалась как враждебная Объединенным Нациям.

Осенью 1944 г. был принят декрет-закон о Народном суде над виновниками вовлечения страны во вторую мировую войну и связанных с ней злодеяний³⁶. Основная работа по реализации декрета-закона возлагалась на комитеты ОФ. Областным комитетам поручалось проведение кампании по избранию народных судей. В специальной директиве НК ОФ от 10 октября 1944 г. в связи с этим указывалось, что судьи должны пользоваться заслуженным авторитетом и доверием народа, обладать высокими моральными качествами, являться испытанными антифашистами, боровшимися или готовыми бороться против фашизма до его полного искоренения.

Деятельность народных судов в Болгарии явилась одним из звеньев в развернувшейся после войны широкой “наказательной” акции во многих странах мира³⁷. Ее международно-правовым обоснованием стали решения “большой тройки”, направленные на предание военных преступников и коллаборационистов “скорому и справедливому суду”.

Идея проведения народного суда с готовностью воспринималась всеми партнерами по ОФ. Несомненно, с ней отождествлялась поначалу справедливость будущего возмездия, но вместе с тем существовало и ясное понимание необходимости проведения “наказательной” акции для решения великими державами судьбы Болгарии в послевоенном мире. Отражая настроения основной части болгарского общества, министр иностранных дел член “Звена” П. Стайнов 26 октября 1944 г. во время переговоров с представителями СССР, США и Великобритании о перемирии заявил: “...правительство ОФ, не

ожидая вызова к вам сюда, где нам была бы указана вашим приговором линия поведения, по собственному почину приступило к наказанию тех, кто толкнул наше государство на преступление против человечества ... эти преступники, которых порицает весь народ, будут судимы судом этого народа. Могут вас уверить, что меч народной Фемиды на этот раз со всей тяжестью народного правосудия безжалостно поразит их”³⁸.

Вместе с тем, адекватно оценивая обстановку в стране и массовые настроения, представители “Звена” считали целесообразным напомнить о сдержанности, необходимости действовать в рамках справедливости, избегая максимализма и “правового нигилизма”. Основания для серьезных опасений на этот счет, к сожалению, имелись.

6 декабря 1944 г. в беседе с заместителем политсоветника СКК в Болгарии Д.Г. Яковлевым бывший председатель Народного собрания лидер Демократической партии С. Мошанов резко критиковал действия руководимого коммунистами министерства внутренних дел за “массовые перекосы при арестах”, констатировал: “Процесс бурной реакции освобожденного от фашистского гнета народа против своих угнетателей затянулся настолько, что перешел в хроническую форму, и эта форма стала повседневным явлением”³⁹.

Создавшееся положение, в том числе и разгул “революционной стихии”, вызывали, судя по некоторым данным, озабоченность и в руководстве БРП(к). 5 декабря 1944 г. в связи с предполагавшимся отъездом В. Коларова в Софию Г. Димитров попросил о встрече болгарских руководителей с И.В. Сталиным. Г. Димитров мотивировал эту просьбу тем, что им нужны советы по вопросам, при решении которых компартия “встречает затруднения и чувствует себя не вполне уверенно”. Среди этих вопросов значилось и проведение народного суда над “бывшими фашистскими министрами и военными преступниками”⁴⁰.

Из-за крайней занятости Сталина личная встреча в тот момент не состоялась, но, как показывают документы, его общие установки в связи с обострением внутривластной ситуации в Болгарии и, в частности, высказанное Г. Димитрову в телефонном разговоре 13 декабря недовольство чрезмерной активностью коммунистов и нежеланием считаться с партнерами по ОФ⁴¹, возымели действие. По всей вероятности, это сказалось и на начальных сроках проведения народного суда, отразив намерение болгарского руководства хотя бы отчасти ввести “наказательную” акцию в русло закона.

Однако этот факт не следует переоценивать. 26 января 1945 г. на упоминавшейся выше встрече в ОМИ ЦК ВКП(б) Тр. Костов подчеркивал: “Огромную роль в борьбе против фашизма сыграют наши народные суды, которые уже начали свою работу и скоро вынесут справедливый, а это означает – беспощадный приговор всем гитлеровским агентам в нашей стране ... Народные суды будут судить

по совести и убеждению, не придерживаясь всевозможных процессуальных тонкостей буржуазных законов. Поэтому наш народный суд над фашистами будет иметь не только внутреннее, но и международное значение. После суда над регентами, дворцовыми советниками, министрами кабинетов, управлявших страной с 1941 по 9 сентября 1944 г., и депутатами Народного собрания, одобрявшими прогитлеровскую политику правительства, последуют другие процессы ... У нас есть все основания думать, что до конца марта будут закончены все эти процессы и что расправа с активными фашистскими агентами будет самой беспощадной”⁴². Костов, как видим, не смутило явное несоответствие понятий *суд* и *расправа*, которые он фактически счел рядоположенными. Что касается названных им сроков, то ошибся Костов ненамного: судебные процессы завершились в конце апреля 1945 г. Всего было проведено 135 процессов, в том числе 2 центральных, рассмотревших дела представителей высшего эшелона власти.

Точная статистика деятельности народных судов в Болгарии отсутствует. Наиболее часто фигурирующая цифра касается общего числа подсудимых – 11 122. Оправданы были 1516 человек, прекращены или приостановлены дела в отношении 451 человека, 1305 человек были приговорены к пожизненному заключению, 8 – к 20 годам строгого режима, 981 – к 15 годам строгого режима, 2730 человек – к смертной казни. Из 160 представителей государственной элиты – регентов, министров, депутатов Народного собрания – 103 были приговорены к высшей мере наказания. Оправдательных приговоров при этом не было.

Огромное количество смертных приговоров при сравнительно малом числе осужденных вряд ли может быть объяснено, как это предлагают некоторые болгарские авторы, несовершенством статистики⁴³. Не случайно уже некоторые современники процессов считали, что народный суд под лозунгом дефашизации решал некую сверхзадачу. Н. Петков прозорливо предсказывал: “Будут судить регентов, министров, депутатов, военных и полицейских, объявленных фашистами. Это – расправа с болгарской государственностью, а не с гитлеровскими агентами”⁴⁴.

В коммунистических “верхах” деятельность народного суда получила в целом положительную оценку, хотя Костов признавал наличие “значительных ошибок”. Но показательно при этом, что секретарь ЦК БРП(к) счел ошибкой: “Может быть, мы ошиблись при разработке закона, установив, что в каждый состав народного суда должно быть включено много юристов. Опыт показывает, что многие наши юристы проявляют большую любовь к формальностям и оказываются неподходящими для возложенной на них работы. ЦК не может согласиться с утверждением, что правосудие – это соблюдение норм. Особенно неправильно такое мнение в наше время”, – подчеркнул Костов⁴⁵.

Конкретные материалы позволяют констатировать, что в тот момент понятие *фашизм* и его производные толковались необоснованно расширительно. Такой подход вкупе с явным тяготением к принципу *революционной целесообразности*, о чем свидетельствует заявление Тр. Костова, объясняет размах репрессий в стране. При этом истинными их причинами нередко становились карьеристские побуждения и простое сведение личных счетов⁴⁶.

Советские наблюдатели в стране в целом хорошо знали об этих особенностях “наказательной” акции, но при этом ее масштабы не вызывали протеста. Заместитель политсоветника СКК К.Д. Левычкин, например, советовал привлекать к проведению репрессивных мероприятий союзников по ОФ, которые, таким образом, пройдут “проверку на деле” и не смогут в дальнейшем возложить всю вину за репрессии на коммунистов⁴⁷. Документы подтверждают, что, хотя из Москвы была дана официальная установка на невмешательство СКК в работу народных судов, она часто игнорировалась советскими представителями. В январе 1945 г. в специальной записке, подготовленной в IV Европейском отделе НКВД СССР для заместителей наркома А.Я. Вышинского и В.Г. Деканозова, попытки сотрудников СКК повлиять на определение сроков судебного заключения некоторых подсудимых были резко осуждены⁴⁸, но трудно сказать, в какой мере это было учтено в практической деятельности советских представителей. А вот жесткость их позиции, по-видимому, сохранялась: в советской части СКК еще осенью 1945 г. бытовало убеждение, что суды убрали лишь “верхушку болгарского фашизма”, оставив его основные кадры почти нетронутыми⁴⁹.

Помимо наказания подсудимых в судебном порядке министр внутренних дел получил право направлять “активных фашистов” в специально созданные лагеря, именовавшиеся трудовыми воспитательными общезжитиями (ТВО). По некоторым данным, в январе 1945 г. в них содержалось около 2 тыс. человек⁵⁰. Во время обсуждения болгарских дел в ОМИ ЦК ВКП(б) Г. Димитров продемонстрировал скептическое отношение к “воспитательному” акценту: “Фашистов вы не перевоспитаете, – заметил он Костову. – Если они будут мосты и дороги строить, и то будет хорошо”⁵¹. Костов согласился, однако официально лагеря сохранили прежнее название.

Партнеры или соперники: проблема взаимоотношений партий в коалиции

Для реализации правительственной программы принципиально важный характер приобретало состояние органов власти на местах. Их формирование шло под контролем руководимого коммунистами министерства внутренних дел. Директора областей и кметы (старосты) областных центров назначались “сверху” указами правительст-

ва, но при обсуждении кандидатур весомой была позиция областных комитетов ОФ. Все остальные звенья властной “вертикали” формировались областной администрацией и околийскими управлениями, но и здесь слово комитетов ОФ оказывалось веским, если не решающим. В целом в административном аппарате на местах доминировали коммунисты. Весной 1945 г. в БРП(к) состояли 3 околийских директора из 9, или 33,3%; 70 из 93 околийских управителей, или 75,3%; 63 из 84 городских кметов, или 76,0%; 979 из 1158 сельских кметов, или 84,5%, и т. д.⁵².

Комитеты ОФ выступали в качестве стержня всей политической системы общества. К концу 1944 г. в Болгарии существовало 7292 комитета, в которых состояли 38 977 человек. Сравнительно малая часть от общего числа комитетов ОФ была образована и действовала еще в нелегальный период. Они получили название “боевых”. По некоторым данным, накануне 9 сентября 1944 г. насчитывалось 760 таких комитетов, объединявших более 3 тыс. человек⁵³. Поскольку в нелегальный период комитеты ОФ состояли почти полностью из коммунистов, “боевые” комитеты ОФ и в новых условиях отличались преобладанием в них членов БРП(к).

В основной же своей массе комитеты ОФ были сформированы после 9 сентября 1944 г. и получили название “творческих”. При их создании предполагалось соблюдение паритета. В декларации руководств партий ОФ от 12 октября 1944 г., однако, подчеркивалось, что паритет не следует понимать и тем более проводить в жизнь механически, без учета конкретной ситуации. “Право на равное представительство имеют лишь те организации, которые встали на ноги и полностью восстановились”, – указывалось в документе. Такая постановка вопроса сама собой, по крайней мере в первое время после 9 сентября, когда процесс консолидации других партий ОФ только разворачивался, приводила к преобладанию членов БРП(к) и в “творческих” комитетах, поскольку лишь коммунистическая партия вышла из подполья организованной и была в состоянии сразу же в массовом порядке делегировать своих представителей во властные структуры. Однако по мере роста и организационного укрепления партий ОФ они все настоятельнее ставили вопрос о проведении в жизнь принципа паритета в комитетах ОФ. Многочисленные материалы показывают, что эта проблема вплоть до 1948 г. оставалась одной из наиболее злободневных: на местах коммунисты мало считались с союзниками по ОФ, не желали уступать им завоеванные позиции, стремились постоянно подчеркивать руководящую роль БРП(к), что, естественно, вызывало серьезные осложнения в отношениях между партиями.

Примечательно, что часть партнеров коммунистов по ОФ, признавая в принципе руководящую роль БРП(к), резко протестовали против формы ее проявления. Так, например, председатель комитета ОФ Русенской околии член БЗНС П. Минчев, выступая много

позже, зимой 1948 г., на собрании актива “земледельцев” следующим образом проиллюстрировал понимание коммунистами своей руководящей роли: руководство всех местных массовых организаций и их аппарат должны состоять исключительно из членов БРП(к); слово местной партийной ячейки (бюро или лично секретаря) неоспоримо и при решении вопросов местного масштаба обязательно для всех; блага, привилегии, материальное поощрение – только членам БРП(к), в то время как более тяжелые общественные нагрузки или репрессивные меры “не касаются коммунистов”.

«Такое понятие руководящей роли партии, – подчеркнул Минчев, – мы считаем неправильным и крайне пакуственным... В руках слабо культурных и неокрепших марксистов [оно] может легко выразиться в однопартийной тирании “губернаторства”, корыстолюбия, властнической грандомании и пр. – что-то вроде “красной дружбацины” во время нашего управления»⁵⁴.

Показательно, что это весьма объективное суждение получило резко негативную оценку советского консульства в Русе как доказательство безусловно “враждебной деятельности Минчева по отношению к БРП(к)”⁵⁵.

Руководство БРП(к) в стране, как и члены ЗБ, находившиеся в Москве, отдавали себе отчет в том, что установление правильных отношений с союзниками, борьба с зазнайством, самодурством, коррупцией, карьеризмом в рядах компартии превратились в важнейшую задачу дня. Роль едва ли не главного полигона, где предстояло испытывать модель адекватных обстановке в стране принципов действия коалиционной власти, отводилась комитетам ОФ.

Декларация от 12 октября 1944 г. стала на длительное время своеобразным уставом ОФ, однако на практике положение мало изменилось: число комитетов, сформированных в точном соответствии с этим документом, было незначительным. В среднем по стране в марте 1945 г. примерно 53,8 % членов комитетов являлись коммунистами, на местах их удельный вес был еще выше. В немалой части комитетов были представлены только члены БРП(к) и беспартийные⁵⁶.

Официально комитеты ОФ не стали органами новой власти, хотя поначалу, в августе 1944 г., такой вариант не исключался. Но уже 12 сентября 1944 г. руководство БРП сформулировало задачу превращения комитетов ОФ в “опору новой народной власти на местах”, оставляя за ними функции контроля и содействия работе государственных и общественных органов. 15 сентября 1944 г. министерство внутренних дел специальным приказом назначило кметов, околийских и областных управляющих. Возможно, импульсом для такого решения стала позиция Москвы, получившей информацию о стихийном возникновении в Болгарии новых органов власти – “Советов”. Левацкие действия на местах вызвали немедленную ответную реакцию. В беседе с У. Черчиллем в Москве 9 октября 1944 г.

И.В. Сталин заметил: “...когда Красная армия вступила в Болгарию, болгарские коммунисты начали создавать Советы. Красная армия остановила их...”⁵⁷ В силу этого нетрудно предположить негативное отношение советской стороны к планам передачи комитетам ОФ функций органов власти как в высшей степени несвоевременным. Но среди части коммунистов определенные иллюзии в этом плане оказались, видимо, достаточно живучими. Парируя соответствующие настроения, Тр. Костов на VIII пленуме партии весной 1945 г. отмечал: “Некоторые товарищи спрашивали себя, не правильнее ли будет вместо возврата к старому парламентаризму приступить к избранию комитетов ОФ, расширив их права приданием им законодательных и исполнительных функций, и превратить их тем самым в органы власти. С точки зрения прежде всего международного положения такая перспектива оказалась неправильной”⁵⁸.

Достаточно болезненным оказалось установление водораздела между НК ОФ и государственными органами. В начале ноября 1944 г. ПБ ЦК партии приняло решение об усилении роли НК ОФ как “главного контролера и сотрудника власти ОФ”. В документе обращало на себя внимание намерение усилить зависимость правительства от НК ОФ, заставить министров в обязательном порядке выполнять его решения. Всемерное поощрение контрольной функции было выгодно в первую очередь именно коммунистам, получавшим таким образом в свои руки эффективный инструмент для воздействия на правительство, в котором они не располагали большинством. Это вызывало серьезные возражения со стороны партнеров, признававших лишь совещательную функцию НК ОФ. В результате коммунисты были вынуждены отказаться от намерения усилить свои позиции в НК ОФ, дополнительно включив в его состав В. Коларова и Д. Терпешева. Такое решение преследовало цель сгладить разногласия в руководстве ОФ.

В конце 1944 г. особенно серьезный характер приняли противоречия между БРП(к) и БЗНС. В руководстве Союза, где сильными являлись позиции д-ра Г.М. Димитрова (Гемето) и его сторонников, настойчиво проводилась мысль, что крестьянство более других жертвовало собой в борьбе за свободу и по справедливости должно быть вознаграждено, что “земледельческое движение призвано вторично спасти народ и государство” (имелось в виду, что первая такая попытка была сделана в 20-е годы XX в., в период самостоятельного правления БЗНС); иначе говоря, возродились старые планы создания крестьянского “кооперативного” государства⁵⁹. В условиях продолжавшейся войны (Болгария воевала теперь на стороне антигитлеровской коалиции), экономического хаоса и разрухи традиционные лозунги БЗНС “Мир, хлеб, свобода”, “Мир, хлеб, народовластие” для коммунистов стали сильнейшим раздражителем и расценивались ими как прямой призыв к корректировке политики ОФ. Руководство БРП(к) с тревогой следило за наметившимся сближе-

нием БЗНС с правыми кругами “Звена”, усматривая в этом крайне нежелательную для себя возможность создания блока внутри ОФ. Опасениям, казалось, суждено было подтвердиться: в конце ноября – начале декабря 1944 г. в стране разразился первый политический кризис.

Непосредственным поводом к нему стал инициированный коммунистами вопрос о демократизации офицерского корпуса и укреплении боевой дисциплины в армии. Хотя чистка, проведенная в конце октября 1944 г., затронула примерно треть из почти 3-тысячного офицерского корпуса⁶⁰, ПБ ЦК БРП(к) признало ее итоги недостаточными и наметило ряд мер по укреплению работы следственных комиссий, по улучшению деятельности помощников командиров, выполнявших фактически функции комиссаров, по подготовке новых военных кадров и пр.

Подобная активность болгарских коммунистов явилась, по существу, ответом на приведенные выше критические оценки состояния болгарской армии со стороны Сталина, однако вплоть до конца ноября 1944 г. Москва и советское военное командование в Софии не только не поощряли массовые чистки офицерского корпуса, но, напротив, стремились ограничить подобные проявления. При этом они исходили из политической задачи более быстрого и эффективного включения болгарской армии в боевые действия на территории Югославии⁶¹.

Но позиция советских военных представителей в Софии резко изменилась, когда в ответ на массовые чистки военный министр Д. Велчев издал приказ, согласно которому в целях “сохранения боевого духа армии” не следовало допускать под каким бы то ни было предлогом ареста военнослужащих, находившихся на фронте или вернувшихся с фронта. Через несколько дней, 23 ноября 1944 г., Велчев представил в Совет министров проект постановления, по которому военнослужащие, совершившие политические преступления перед народом, но участвовавшие в войне против фашистской Германии, подлежали амнистии, а обстоятельства, в которых они действовали, считались смягчавшими их вину. В тот же день правительство при участии министров-коммунистов обсудило представленный проект и приняло, внося незначительные поправки, постановление № 4. На основании постановления Велчев сразу же издал секретный приказ по армии, предоставлявший офицерам право на сопротивление при попытке их ареста и, следовательно, чреватый возможными вооруженными столкновениями с народной милицией.

Заграничное руководство БРП(к) расценило действия Велчева как провокационные, ведущие к правительственному кризису. В шифртелеграмме в Софию 27 ноября 1944 г. Г. Димитров потребовал любыми путями не допустить такого поворота событий. Тр. Костов и А. Югов обратились в СКК⁶² и одновременно провели встречу с Д. Велчевым и К. Георгиевым.

Советская военная администрация выразила готовность поддержать коммунистов в их усилиях контролировать армию. Глава СКК С.С. Бирюзов заявил, что в случае крайней необходимости прибегнет к выводу болгарских частей из столицы.

Во время переговоров с К. Георгиевым и Д. Велчевым выяснилось, что военный министр “не имел намерений... выступить против коммунистов или осуществить переворот”⁶³. Тем не менее, как следует из дневниковых записей, Г. Димитров не считал, что угроза правительственного кризиса полностью снята⁶⁴.

Дальнейшие события показали, что руководство БРП(к) пошло по линии усиления позиций коммунистов в армии, узаконив, в частности, институт помощников командиров. Кроме того, оно решило напрямую апеллировать к массам: 4 декабря в партийном органе газете “Работническо дело” постановление № 4 было охарактеризовано как контрреволюционное. Это послужило сигналом к началу в тот же день кампании протеста против решения Совета министров, за суровое наказание фашистов и военных преступников. В ходе этой кампании коммунистам удалось добиться поддержки идеи о контролирующей функции ОФ. Например, многотысячный митинг в Русе, созванный комитетом ОФ 6 декабря 1944 г., потребовал, чтобы правительство, принимая решения по всем наиболее крупным и важным вопросам, предварительно выясняло мнение НК ОФ. Апогеем кампании явился грандиозный митинг в Софии 7 декабря. В результате постановление № 4 было отменено.

Анализируя причины кризиса, советское политическое руководство значительную долю вины справедливо возложило на коммунистов. Об этом прямо заявил Сталин Димитрову в телефонном разговоре 13 декабря 1944 г.: «Коммунисты держат очень высокий тон ... “Звенари” хотят выйти из правительства...» Под впечатлением этого разговора Димитров в тот же день направил в Софию шифртелеграмму, в которой говорилось: “...настоятельно советуя и впредь быть в своих действиях твердыми, но умеренными, проявлять максимальную маневренность и гибкость по отношению к союзникам, не держать слишком высокий, агрессивный тон, не выносить на показ руководящую роль коммунистов в правительстве и в Отечественном фронте, не предпринимать мер, которые не являются абсолютно необходимыми, но которые могли бы содействовать организации антикоммунистического блока. В настоящий момент следует избегать правительственного кризиса ... Мы далеко не так сильны, чтобы могли быть единственным решающим фактором в стране и диктовать свою волю нашим союзникам”⁶⁵.

Одновременно по совету Г. Димитрова коммунисты решили прибегнуть к такому средству давления на партнеров по Фронту, как проведение в марте 1945 г. съезда комитетов ОФ.

Участники приняли ряд важных решений. Резолюция по докладу К. Георгиева, одобряя в целом деятельность кабинета министров,

вместе с тем констатировала недостаточное внимание правительства к осуществлению экономической части программы ОФ, потребовала быстрого принятия ряда законов первостепенной важности: о ценах, о кооперативной обработке земли, о введении прогрессивно-подоходного налога, государственно-кооперативной монополии на табак, и пр.

В резолюции, принятой по докладу Ц. Драгойчевой, была подчеркнута важность контрольной функции НК ОФ, подтверждено положение октябрьской декларации руководств партий ОФ о реорганизации комитетов ОФ, поставлен вопрос о возможности постепенного устранения различий между “боевыми” и “творческими” комитетами ОФ, проведении в ближайшем времени парламентских выборов.

Декабрьский кризис, несомненно, повлиял на жесткость позиции делегатов по вопросу о единстве ОФ: “Каждый, кто попытается помешать Отечественному фронту, кто будет строить заговоры против него, пусть не ждет пощады”, – подчеркивалось в принятом делегатами манифесте⁶⁶.

Тем не менее решения съезда внесли известное успокоение в ряды союзников БРП(к), опасавшихся, что коммунисты используют свое численное преимущество в комитетах ОФ для “узурпации” власти. На заседании НК ОФ 15 марта 1945 г. представитель “Звена” И. Харизанов подчеркнул, что в стране до съезда многие не верили в “искренность и прочность комбинации”, т.е. Отечественного фронта, и что “съезд окончился неожиданно хорошо”⁶⁷.

Выдвижение на повестку дня вопроса о парламентских выборах привело к возникновению внутри многопартийной системы в Болгарии особо острых противоречий, вызвавших фактически раскол этой системы. Определяющее значение при этом имели процессы в БЗНС.

В январе 1945 г. при активном содействии советских представителей в СКК в этой партии произошла смена руководства. Д-ра Г.М. Димитрова на посту главного секретаря сменил Н. Петков, пользовавшийся немалым авторитетом среди крестьянства и известный левыми взглядами. Однако расчеты на гибкость и уступчивость Петкова не оправдались. Признав, что одной из основных причин смены руководства Союза явилась опасность кризиса в отношениях между БЗНС и БРП(к) и стремление избежать раскола БЗНС и ОФ, Н. Петков вместе с тем заявил о несвоевременности разоблачения “пораженческого” поведения геметовцев, могущего привести к нежелательным потрясениям внутри БЗНС. Документы свидетельствуют, что новый лидер БЗНС уже к весне 1945 г. четко определил свою позицию: противостоять нажиму коммунистов, стремящихся создать из БЗНС “левую” партию в собственном понимании, т.е. признающую доминацию БРП(к) во властных структурах.

Непростую ситуацию в руководстве Союза попробовал использовать в своих интересах А. Оббов. При этом он постарался заручиться поддержкой советской части СКК в лице К.Д. Левычкина. Оббов сообщил ему, в частности, о своем намерении созвать конференцию “земледельцев” с тем, чтобы изгнать сторонников Гемето из руководства партии, избрать новое Постоянное присутствие и изменить курс Союза в сторону укрепления ОФ и, в особенности, отношений между БЗНС и БРП(к). Несомненно, однако, что основную цель Оббов видел в устранении своего главного конкурента – Н. Петкова. С этим прицелом Оббов крайне необъективно охарактеризовал Петкова как человека, “не имеющего организаторских способностей, опыта партийно-политической работы ... определенных политических принципов”, оказавшегося “не в состоянии быть вождем Земледельческого союза”⁶⁸. Оббов открыто просил Левычкина о содействии, но успеха в этом не имел.

В БРП(к) не было единства в оценках положения в БЗНС и дальнейших действий: если Г. Димитров, например, считал необходимым в тот момент ориентироваться на сотрудничество с Н. Петковым и не допустить правительственного кризиса⁶⁹, то часть партийного руководства (ее точку зрения отразил Т. Павлов в беседе с Левычкиным 4 июня 1945 г.)⁷⁰ считала целесообразным, напротив, “расширить правительственный кризис” для укрепления позиций коммунистов. Он предлагал поэтапно убрать из состава кабинета не только министров-“земледельцев” во главе с Н. Петковым, но и социал-демократа Г. Чешмеджиева и “звенарей” Д. Велчева и П. Стайнова. Фигура Оббова, на которого делалась особая ставка, при этом приобретала дополнительный политический вес.

Раскол многопартийной системы и создание “лояльной оппозиции”. Парламентские выборы 1945 года

8 июня 1945 г. регенты утвердили декрет-закон о выборах в Народное собрание XXVI созыва. В ходе возникшей межпартийной полемики по вопросам о единых избирательных списках и распределении депутатских мандатов выяснилось, что центробежные тенденции в ОФ не просто четко обозначились, но и значительно усилились. Пытаясь снять напряжение, коммунисты поставили вопрос о возможности оппозиции в парламенте, допуская, в частности, предоставление 6–7 мандатов тем, кто может быть назван оппозицией, хотя и настроены они дружественно по отношению к ОФ. Конкретно назывались имена членов Демократической партии А. Гиргинова и Б. Павлова. Несомненно, такой подход был связан и со сложным внешнеполитическим положением Болгарии, ожидавшей решения вопроса о заключении с ней Мирного договора. Во второй половине мая стала известна позиция нового президента США Г. Трумэна по

вопросу о признании правительства Болгарии: “представительным” США были готовы считать кабинет, сформированный в результате выборов, произведенных “широкой коалицией демократических партий”. Все это вызвало оживление не только среди правых кругов некоммунистических партий ОФ, но и в лагере бывшей легальной оппозиции. Поползли упорные слухи о создании в стране так называемого демократического блока, в состав которого, помимо сторонников Д. Гичева, Н. Мушанова и А. Бурова, намеревались якобы войти и отдельные представители партий ОФ.

В сложившейся обстановке болгарские коммунисты стали склоняться к реорганизации правительственного кабинета. 9 июля 1945 г. Г. Димитров обсудил этот вопрос с В.М. Молотовым по телефону. Оба пришли к выводу, что дальнейшее пребывание Н. Петкова в правительстве из-за его отказа пойти на усиление позиций левых сил в руководстве БЗНС “становится невозможным”. В тот же день Димитров запросил у ЦК БРП(к) информацию о кандидатурах новых министров, распределении постов в правительстве и пр., передав одновременно конкретные указания в связи с предстоявшей реорганизацией кабинета⁷¹.

По некоторым сведениям, К. Георгиевым уже был подготовлен указ для регентского совета об удалении Петкова и других министров от БЗНС из правительства⁷². Однако неожиданно положение резко изменилось. По-видимому, проинформированный Молотовым Сталин 10 июля передал Димитрову свою оценку развития событий в Болгарии. Болгарский лидер в тот же день сообщил в Софию Тр. Костову: «Наш “большой друг” относится отрицательно к реконструкции кабинета в настоящий момент. Считает преждевременным отстранение из кабинета Петкова и его товарищей. Обращает серьезное внимание на то, что еще не сделано необходимое для их разоблачения внутри страны и за ее пределами на основании конкретных фактов. Считает недоказанным, что за Оббовым стоит подавляющее большинство в Земледельческом союзе. Он убежден, что в нынешних условиях отстранение Петкова и его товарищей даст Отечественному фронту обратный результат и представит их за границей как мучеников и людей, борющихся за свободы в стране. Настойчиво советует нашей партии проявить большую осторожность и терпимость. Вопреки моему разъяснению, “большой друг” твердо остался при своем мнении и еще раз подчеркнул свой совет»⁷³.

Следуя этому совету, болгарские коммунисты провели ряд встреч и переговоров с Н. Петковым, во время которых лидер БЗНС заявил о намерении создать собственный Союз и самостоятельно участвовать в предвыборной кампании. М. Исусов подчеркнул, что Петкову к тому времени стала известна позиция американской стороны в вопросе о признании болгарского правительства легитимным с учетом Ялтинских договоренностей, и это придавало

“земледельческому” лидеру дополнительную уверенность и настойчивость в действиях⁷⁴.

Поступившая в руководство БРП(к) информация о том, что Петков в случае его победы на выборах якобы намерен ограничить представительство компартии в правительстве тремя портфелями, в том числе отстранить в обязательном порядке коммуниста с поста министра внутренних дел, определила дальнейший ход событий. 19 июля 1945 г. ЛБ ЦК БРП(к) приняло решение прекратить переговоры с Петковым ввиду их бесперспективности. В тот же день, 19 июля, болгарское руководство получило из Москвы от Г. Димитрова указание “допустить сепаратное участие группы Петкова в выборах”⁷⁵.

26 июля 1945 г. Н. Петков потребовал от правительства отсрочки назначенных на август выборов и проведения их под контролем СКК, что гарантировало бы, по его мнению, избирателям полную свободу при голосовании, а крестьянам дало более широкую возможность участвовать в выборах, поскольку к середине октября заканчивались полевые работы. Свою позицию Н. Петков предварительно согласовал с членами кабинета Г. Чешмеджиевым и П. Стояновым.

Предложение Н. Петкова не было принято, после чего он вышел из состава правительства и приступил к формированию оппозиционного блока. В последний вошли социал-демократы во главе с Г. Чешмеджиевым и К. Лулчевым и “независимые” во главе с П. Стояновым. 13 августа оппозиция распространила Избирательную программу народных оппозиционных кандидатов. Ряд ее пунктов был выдержан в духе программы правительства от 17 сентября 1944 г. и традиционных требований БЗНС. Однако значительным был и критический компонент программы. Правительство в целом и представленные в нем партии, прежде всего БРП(к), объявлялись виновными в нарушении свобод, гарантированных конституцией.

Следует отметить явную синхронность действий оппозиции и Запада. 13 августа 1945 г., т.е. в день обнародования платформы оппозиции, представитель США в СКК М. Барнс вручил ноту болгарскому правительству с пожеланием отсрочки выборов. В ноте указывалось, что Мирный договор может быть заключен в соответствии с решениями Потсдамской конференции лишь с демократическим и представительным болгарским правительством. “...Правительство США не может не видеть всех фактов, говорящих о том, что элементы меньшинства, находящиеся у власти в Болгарии, в настоящее время прилагают усилия, применяя силу и запугивание, для воспрепятствования принятию эффективного участия в предстоящих выборах большой демократической группы контингента избирателей”⁷⁶.

Данное заявление расценили в Москве как запугивание болгарского правительства. Советская сторона отреагировала быстро.

14 августа 1945 г. Г. Димитров записал в дневнике: “По поводу сообщения ЦК (София) о ноте американцев ... говорил с Молотовым. Результат – восстановление дипломатичес[еских] отношений СССР с Болгарией уже сейчас, что ранее предполагалось сделать после выборов”⁷⁷. В тот же день С.С. Бирюзов официально сообщил главе кабинета К. Георгиеву о решении советского правительства восстановить дипломатические отношения и предложил обменяться посланниками.

20–21 августа 1945 г. последовали новые ноты Запада болгарскому правительству. На сей раз к американцам присоединились англичане, заявившие о “недемократическом характере” избирательного закона.

Развязка этой сложной коллизии оказалась неожиданной: 22 августа министр иностранных дел П. Стайнов по собственной инициативе сделал перед иностранными корреспондентами заявление о готовности кабинета отсрочить выборы, если СКК примет соответствующее решение. Перспектива дальнейших событий четко определилась. Оценивая ситуацию, Г. Димитров записал в дневнике: “Это скандальное, капитулянтское заявление неизбежно приведет к переносу выборов с 26 августа на другой, более поздний срок...”⁷⁸.

Судьба выборов решалась в СКК. Обсуждение было бурным⁷⁹. Американские представители предложили программу мер, которые следовало реализовать до выборов. Они считали необходимым созвать съезды БЗНС и БРСДП для нормализации положения в этих партиях (М. Барнс подчеркивал, что в организационном плане партии эти “разделены”, “разбиты”), официально зарегистрировать Демократическую партию, если для нее найдется “базис”, обеспечить всем пяти партиям свободу слова, печати, собраний и радиовещания, а избирателям – свободное и тайное голосование. Гарантом реализации этой программы предстояло стать особому “деловому кабинету”, создаваемому для проведения выборов и осуществления функций премьер-министра в этот период. ОФ должен был принять тот вид, в котором он пребывал на 9 сентября 1944 г.

Барнс заявил, что состав правительства должен отражать степень влияния каждой партии; при этом он заметил, что в стране существуют две “самые главные” партии – БЗНС, представлявший большинство населения, и БРП(к), игравшая наиболее заметную роль в движении Сопротивления. Последнее обстоятельство, по его словам, давало основание коммунистам требовать более широкого представительства в правительстве.

Дискуссия показала, что американская сторона не считала А. Оббова и Д. Нейкова законными руководителями БЗНС и БРСДП, имевшими право выступать от имени этих партий.

Важное место в обсуждении занял вопрос об избирательном законе. Западные представители в СКК оценивали его характер как недемократический, при этом, как указывалось в донесении в Моск-

ву В.М. Молотову, “наиболее активную и непримиримую позицию занимал Барнс”⁸⁰.

Хотя советские представители возражали, обильно цитируя и комментируя текст закона, рабочая переписка НКВД СССР показывает, что в Москве понимали обоснованность критики со стороны западных партнеров, особенно по пунктам 53 и 105 избирательного закона, определявшим принципы выдвижения кандидатов и кассирования депутатов. “Я полагаю, что болгары поступили неправильно, включив эти пункты в избирательный закон... Мне кажется, что пункт 53... и пункт 105 следовало бы исключить...” – подчеркивал заведующий Отделом Балканских стран НКВД СССР А.А. Лаврицев в письме В.М. Молотову 29 августа 1945 г.⁸¹.

По решению СКК выборы были отсрочены. Это вызвало бурный резонанс во всех политических партиях страны. 27 августа специальную декларацию обнародовал НК ОФ; до конца месяца все партии-участницы коалиции провели специальные заседания с обсуждением создавшегося положения.

Коммунисты оценили случившееся как отступление Отечественного фронта по вопросу о выборах, но вместе с тем полагали, по словам Гр. Костова, что, “очевидно, это будет не единственный пункт, по которому придется отступить”⁸².

Для обсуждения создавшейся ситуации 29 августа 1945 г. в Москву прилетели Гр. Костов и В. Червенков. Поздно вечером в тот же день состоялась их беседа с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, на которой присутствовали также Г. Димитров и В. Коларов. Сталин подробно проанализировал политическое положение в Болгарии, обосновав неожиданные для болгарских руководителей подходы к факту наличия в стране оппозиции. “Вы заинтересованы в том, чтобы иметь оппозицию ... Оппозиция будет для вас кнутом, она принудит вас не распускаться, будет вас прищипывать ... Вы сами признаёте, что кое в чем оппозиция права. Оппозиция иногда лучше замечает известное недовольство масс, нежели те, кто находится у власти”, – говорил Сталин. Советский лидер поставил вопрос о необходимости расширения многопартийной системы и порекомендовал провести выборы в парламент в середине октября 1945 г.⁸³.

На следующий день, 30 августа, состоялась новая встреча, на которой, помимо политических, был рассмотрен ряд экономических мероприятий, касавшихся весьма болезненных для болгар вопросов снабжения Красной армии в Болгарии, выплаты репарационного долга и пр. Все они были решены в пользу болгарской стороны, что, несомненно, было направлено на укрепление авторитета правительства. Присутствовавшему на встрече С.С. Бирюзову Сталин дал четкое указание, определявшее позицию советских представителей в СКК по отношению к западным партнерам: “Вы отложили выборы – это была существенная уступка. Больше никаких уступок. Никакого изменения состава правительства”⁸⁴.

Следуя установкам Сталина, болгарское руководство немедленно приступило к расширению многопартийной системы, легализации оппозиции, наметило спешные меры в сфере экономической политики.

6 сентября 1945 г. НК ОФ рекомендовал правительству провести парламентские выборы как можно скорее и положительно решил вопрос о расширении состава ОФ, заявив, что «двери Отечественного фронта открыты для каждого, кто на деле признает его программу и готов бороться за ее осуществление, а также всеми силами отстаивать национальную независимость и суверенитет Болгарии». Последний акцент был новым в определении критерия членства в ОФ и стал своеобразной реакцией на позицию западных представителей в СКК. В связи с годовщиной 9 сентября более 1 тыс. заключенных были освобождены из лагерей и 9 тыс. осужденных народными судами помилованы. Среди вышедших из заключения находились и министры правительства К. Муравиева – Н. Мушанов, А. Буров, Д. Гичев. Регентский совет утвердил ряд изменений избирательного закона. Временно было приостановлено создание сельскохозяйственных кооперативов и отложено принятие закона о трудовой поземельной собственности, т.е. предпринята попытка успокоить деревню.

Фактически признав совершившийся раскол многопартийной системы, правительство легализовало деятельность оппозиции: в сентябре вышли первые номера органов оппозиционного БЗНС (газета «Народно земеделско знаме») и БРСДП(о) (газета «Свободен народ»). Вскоре в ОФ была принята часть восстановленной Радикальной партии во главе со Ст. Костурковым. (Другая часть обособилась в Радикальную партию (объединенную) и поддержала оппозицию.) Власти определили и новую дату выборов в Народное собрание – 18 ноября 1945 г.

В тандеме оппозиционных партий социал-демократы во главе с К. Лулчевым были ведомыми: лидировал БЗНС Н. Петкова. Поскольку обе партии не выступали против программы ОФ, они стали называть себя «лояльной оппозицией Отечественного фронта». Основным политическим противником ее являлась БРП(к). Именно между ними и развернулась осенью 1945 г. упорная борьба за массы, ставшая визитной карточкой второй избирательной кампании.

В канун выборов оппозиция, не сумев добиться от премьер-министра К. Георгиева изменений в составе правительства, заявила, что свободное волеизъявление в стране в настоящее время невозможно и что она бойкотирует выборы.

Представляется, что оппозиция рассчитывала на действенную поддержку Запада, но при этом допустила просчет. Имевшее место политическое давление Великобритании и США в болгарских делах было, несомненно, четко «дозированным», с тем чтобы не допустить аналогичных шагов советской стороны в Греции и Италии.

Тактика бойкота, примененная оппозицией, не смогла существенно изменить итоги выборов. За ОФ было подано свыше 80% голосов избирателей. Но голосование по единым спискам не дало возможности выяснить реальное влияние каждой из партий коалиции. Те же 20% избирателей, которые не участвовали в выборах или голосовали недействительными белыми бюллетенями, составили резерв оппозиции. Бойкот выборов лишил последнюю возможности активно использовать парламентскую трибуну для критики действий власти, проявлять законодательную инициативу в ответственный период развития страны. По этой причине тактику оппозиции, независимо от мотивов, которыми она руководствовалась, следует признать ошибочной.

Согласно ранее обговоренной квоте, представленные в парламенте партии получили определенное число мандатов: по 94 – БРП(к) и БЗНС, 45 – «Звено», 31 – БРСДП, 11 – Радикальная партия и 1 – «независимый».

Восстановление парламентской системы, оформление оппозиционных партий, выраженная вскоре после выборов готовность НК ОФ вести переговоры с оппозицией о ее возвращении в Отечественный фронт дали основание современным болгарским исследователям констатировать факт определенной демократизации политической жизни осенью 1945 г., хотя этот процесс и оказался недолговременным⁸⁵.

Оппозиция и власть.

Выборы в Великое Народное собрание 1946 года

15 декабря 1945 г. открылась первая парламентская сессия. В повестке дня значилось решение вопроса о созыве Великого Народного собрания, которому предстояло привести в соответствие статьи действующей конституции с новыми реалиями. Парламент должен был также определиться по таким вопросам, как проведение аграрной реформы, конфискация капиталов и имущества у лиц, разбогатевших в условиях военной конъюнктуры путем спекуляции и взяточничества, установление справедливых цен на сельскохозяйственную продукцию, введение прогрессивно-подходящего налога, государственно-кооперативной монополии на табак, обуздание спекуляции и «черного рынка», и др. Эти и другие требования, содержащиеся в многочисленных резолюциях местных комитетов ОФ, собраний трудящихся, еще перед выборами поступали в НК ОФ.

Незадолго до открытия сессии западные державы предприняли попытку использовать вопрос о подготовке Мирного договора с Болгарией для включения в состав правительственного кабинета представителей оппозиции.

Советская сторона, прогнозируя такой ход событий в связи с предстоящим совещанием в Москве министров иностранных дел "большой тройки", занялась подготовкой некой "компромиссной формулы" для обсуждения условий признания болгарского правительства⁸⁶.

20 декабря 1945 г. был подготовлен окончательный вариант директив советской делегации на совещании министров иностранных дел по вопросу о Болгарии, в котором, в частности, говорилось: "...2. Не соглашаться с предложением англичан и американцев о проведении новых выборов в Болгарии и о реорганизации нынешнего Болгарского правительства с включением в него лидеров оппозиционных групп... Решение вопроса о составе Болгарского правительства является делом вновь избранного парламента. Указать, что оппозиция имеет полную возможность участвовать в предстоящих выборах в Великое Народное собрание, проведение которых предполагается в недалеком будущем, и в выборах в новое Народное собрание вслед за окончанием работы Великого Народного собрания"⁸⁷.

Однако уже 23 декабря 1945 г. Сталин по "ВЧ" сообщил Димитрову о том, что Запад настаивает на реконструкции болгарского правительства. Во время встречи в Москве с министром иностранных дел Великобритании Э.Бевингом и госсекретарем США Дж.Ф. Бирнсом Сталин заявил о "нелояльном" характере оппозиции в стране. Решение вопроса об изменениях в составе кабинета – прерогатива болгарского парламента, в силу чего для советской стороны этот вопрос "недискуссионный", констатировал Сталин. Передав в общих чертах суть беседы, советский лидер все же предложил Димитрову обдумать с руководством, "не стоит ли включить [в правительство] одного-двух министров из оппозици[онных] кругов, оторвав их от оппозиции. Дать им какое-либо незначительное министерство. Разумеется, речь не идет о Петкове. Можно найти другого, хотя и не очень известного..."⁸⁸

24 декабря Димитров сообщил в Москву, что болгарская сторона готова в принципе пойти на пополнение кабинета министров двумя представителями оппозиции⁸⁹. В соответствии с позицией Москвы Совет министров Болгарии особо подчеркнул, что это "не влечет за собой [его] реорганизацию..."⁹⁰ Данное уточнение носило принципиальный характер, что и подтвердили начавшиеся переговоры с оппозицией. Последняя выдвинула встречные условия: реорганизовать правительство ОФ, передав министерство внутренних дел другой партии или нейтральному лицу, распустить Народное собрание и провести новые выборы, ограничить роль ОФ. Она отрицала также право парламента (в сложившемся его составе) созвать Великое Народное собрание и право правительства решать, подходят ли оппозиционные кандидаты для включения в кабинет.

Свои требования оппозиционное руководство подтвердило на встрече с заместителем народного комиссара иностранных дел

СССР А.Я. Вышинским, специально прибывшим в Софию, чтобы оказать давление на оппозиционных лидеров. Один из них, К. Лулчев, отметил в дневнике, что советский дипломат настаивал на "буквальном толковании и выполнении московского решения", не считаясь с его "подлинным смыслом"⁹¹.

А.Я. Вышинский пользовался особым доверием Сталина и Молотова. Несмотря на то что в западных политических кругах у него была репутация "прокурора московских процессов"⁹², в послевоенные годы Вышинский неизменно участвовал в разработке основных направлений советской внешней политики, представлял СССР на всех крупных международных совещаниях и конференциях. Его поездка в Болгарию, а перед этим аналогичный по целям визит в Румынию – попытка обеспечить в рамках договоренностей "большой тройки" политическую стабильность в сфере советского влияния. Но, в отличие от визита в Бухарест, поездка Вышинского в Софию успеха не имела. Его беседы с Н. Петковым и К. Лулчевым оказались безрезультатными.

В создавшейся тупиковой ситуации министр внутренних дел А. Югов констатировал на заседании НК ОФ 17 января 1946 г., что в руководстве Фронта чувствуется известная опасная неуверенность, граничащая с ожиданием серьезных перемен в ОФ. НК ОФ рекомендовал правительству отказаться от всяких контактов с лидерами оппозиции, показать, таким образом, несостоятельность ее расчетов на реконструкцию кабинета.

Разрепить политический кризис в стране оппозиция попыталась с помощью СКК, но ее шаги в этом направлении были заблокированы советскими представителями в комиссии.

Настойчивость Запада, продолжавшего добиваться выполнения решения московского совещания, и нежелание Москвы уступить сделали (в условиях отсутствия Мирного договора с Болгарией) отставку первого правительства ОФ неизбежной. На стадии формирования состава нового кабинета начался и новый тур переговоров с оппозицией. Последняя уточнила свои требования, которые в окончательном виде свелись к следующему: 1) немедленный роспуск парламента до образования нового правительства; 2) проведение новым правительством выборов в Народное собрание до 15 июля; 3) передача министерства внутренних дел нейтральному лицу или в коллективное управление (у министра-коммуниста должны быть два помощника – представителя "лояльной оппозиции"); 4) передача министерства юстиции представителю БЗНС-НП; 5) амнистия кабинета Муравиева; 6) освобождение всех политзаключенных из тюрем и лагерей.

Информируя советскую сторону о выдвинутых оппозицией условиях, К. Георгиев в шифротелеграмме на имя В.М. Молотова назвал их "совершенно неприемлемыми". Одновременно Димитров в разговоре с Молотовым по "ВЧ" попросил поддержать болгарское

правительство. 28 марта 1946 г. С.С. Бирюзов и С.П. Кирсанов передали К. Георгиеву, что советское правительство считает требования оппозиции неприемлемыми и одобряет его действия⁹³.

Ситуация определилась полностью. Болгарская сторона начала действовать в соответствии с полученной телеграммой от Молотова ("Алексеева"):

«Димитрову. Сообщаю от "большого друга":

Ввиду отказа оппозиции, вопреки решению трех министров, дать в правительство своих представителей советуем проводить следующую политику:

1) всяческим образом игнорировать оппозицию, не вести с ней больше никаких переговоров;

2) предпринять ряд обдуманных и умело организованных мер, чтобы задуть оппозицию;

3) дать Барнсу понять путем прозрачных намеков в печати, что болгары считают его виновником провала решений московского совещания по Болгарии, и держаться с Барнсом строго по протоколу и холодно.

Получение подтвердите. Алексеев»⁹⁴.

Таким образом, завершение формирования нового кабинета и начало его деятельности становилось точкой отсчета нового курса в отношении оппозиции, направленного на ее вытеснение из политической жизни и последующую ликвидацию.

31 марта 1946 г. регенты подписали указ о составе второго кабинета К. Георгиева. По согласованию с Москвой он был сформирован из представителей партий ОФ таким образом, что коммунисты несколько усилили свои позиции в правительстве, хотя это оказалось далеко не простым делом. В частности, например, не удалось закрепить за БРП(к) министерство иностранных дел, на чем настаивала Москва⁹⁵: оно осталось за "звенарями" (Г. Кулишев). Помимо поста министра внутренних дел (А. Югов), коммунисты получили портфели заместителя председателя Совета министров и министра электрификации (Тр. Костов), министра финансов (И. Стефанов), здравоохранения (Р. Ангелов), председателя Высшего экономического совета (Д. Терпешев).

БЗНС и "Звено" получили по четыре портфеля, БРСДП – два, "независимые" – один. В правительство вошел также лидер примкнувшего осенью 1945 г. к ОФ крыла Радикальной партии С. Костурков, ставший министром народного просвещения.

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: во-первых, нарушение паритета в пользу БРП(к) – пять портфелей; во-вторых, невозможность в конкретной обстановке весны 1946 г. расширить участие коммунистов в правительстве за счет представителей других партий (лишний портфель коммунисты получили, включив в состав кабинета руководителя Верховного экономического совета); и наконец, в-третьих, явное внимание руководства БРП(к) к

хозяйственным министерствам, что определялось пониманием важности решения экономических задач для укрепления власти ОФ и компрометации оппозиции.

Это сказалось прежде всего на законотворческой деятельности парламента. В целом она отличалась большой активностью: меньше чем за год (15 декабря 1945 г. – 28 сентября 1946 г.) парламента узаконил все правительственные акты, принятые после 9 сентября, обсудил и утвердил около 280 законов и постановлений, имевших важное политическое и социально-экономическое значение⁹⁶.

В сфере экономики были приняты важнейшие законы о конфискации собственности, нажитой спекуляцией и незаконными путями, о трудовой поземельной собственности (аграрная реформа), о трансформации системы налогообложения и др.

Закон о конфискации наносил прицельный удар прежде всего по торгово-спекулятивному капиталу и тем промышленникам, которые имели выход на переработку сельскохозяйственного сырья (в Болгарии их традиционно называли "паразитической промышленностью"). Однако вследствие особенностей структуры болгарской экономики (сосредоточение основных групп национальной буржуазии в сфере торговли, скупки и переработки сельскохозяйственного сырья) закон ослабил позиции буржуазии в целом, причем в ходе осуществления традиционного и исключительно популярного среди мелкобуржуазных масс, в первую очередь крестьянства, требования. Это обстоятельство имело самые серьезные последствия для укрепления авторитета власти ОФ в деревне.

До конца 1946 г. во исполнение принятого парламентом закона о ТПС был в значительной степени сформирован государственный поземельный фонд, и специальные технические бригады приступили к раздаче земель. Размер наделов, которые получили крестьяне, был невелик – чуть более 10 декаров (1 га). В силу этого социальный облик деревни почти не изменился. Система выплаты собственникам компенсации за отчужденные земли действовала по принципу обратной зависимости: чем больше земель изымалось, тем меньше был размер компенсации. М. Исусов заметил в связи с этим, что реализация закона о ТПС приобрела характер конфискации⁹⁷. Аграрная реформа не была рассчитана на значительный экономический эффект и имела прежде всего политическое значение. Последнее возрастало и вследствие того, что требование перераспределения земельной собственности являлось традиционным программным требованием БЗНС.

На протяжении 1946 г. власть провела принципиальную перестройку налоговой системы, добиваясь, по словам Г. Димитрова, "обеспечения самого справедливого распределения налогового бремени". Это означало, что главная его тяжесть, как и предлагалось в программе от 17 сентября 1944 г., должна была лечь на зажиточные слои. Внесенные изменения в законы о налоге с оборота и о доходах

военного времени позволили государству изъять дополнительные суммы у владельцев крупных капиталов. Одновременно было осуществлено снижение акциза на предметы первой необходимости (соль, сахар, керосин, спички, подсолнечное масло, пряжа и пр.) при сохранении более высокого обложения предметов роскоши. Такой подход также имел конкретного социального адресата.

Наконец, в октябре 1946 г. после бурных дебатов в Народном собрании был принят закон о прогрессивно-подходящем налоге, статьи которого предусматривали освобождение от уплаты малообеспеченных рабочих и служащих, а также земледельцев, чьи участки не превышали 30 декаров (3 га). Последнее положение, в частности, затронуло, по разным данным, до 30–40% крестьянских хозяйств. В целях поощрения кооперативной обработки земли трудовые кооперативные земледельческие хозяйства освобождались от уплаты налога на 3 года, а затем его размер сокращался на 25%. Не подлежали налогообложению средства, выделявшиеся на оплату труда на предприятиях. Вместе с тем доходы от промышленности, торговли, арендных операций и рента с имевшихся капиталов облагались налогами от 15 до 68%, а доходы акционерного капитала – от 18 до 74%. Иными словами, перестройка налоговой системы давала в руки государству тот рычаг, с помощью которого, как подчеркивалось в прессе БЗНС, можно было налегать на “экономически крепкие плечи”, т.е. заставить платить богачей⁹⁸.

Активность власти на экономическом фронте сопровождалась действиями и в политической сфере. Весной 1946 г. развернулось наступление на оппозицию. Обосновывая этот шаг, Г. Димитров 5 апреля 1946 г. в выступлении перед парламентской фракцией БРП(к) заявил: “Наш народ не может дольше терпеть, чтобы кто бы то ни было мешал укреплению демократических порядков в стране, восстановлению народного хозяйства, удовлетворению насущных потребностей населения, благоприятному урегулированию международного положения Болгарии и заключению справедливого и достойного мира”⁹⁹. Прямым следствием этого заявления, призванного убедить слушателей в “антинародном” характере оппозиционных сил, явилось принятие 25 апреля 1946 г. ПБ ЦК БРП(к) решения о начале кампании против оппозиции, усилении бдительности государственных органов и общественных организаций. В середине апреля министр юстиции коммунист Л. Коларов внес в Народное собрание два законопроекта – о дополнении закона о печати и об изменении и дополнении декрета-закона о защите народной власти. Принятые оперативно, без каких-либо обсуждений, эти узаконения явились правовой основой для ужесточения карательных функций власти. При этом обвинения в подрывной антинародной и антигосударственной деятельности предъявлялись как отдельным лицам, так и целым политическим организациям.

На основании этих новых законов велось, в частности, следствие по “делам” находившегося за границей д-ра Г.М. Димитрова (Гемето) и одного из лидеров оппозиционных социал-демократов К. Пастухова. Перед судом предстали 15 сторонников бывшего лидера БЗНС, обвиненные в пораженчестве во время Отечественной войны болгарского народа, в укрывательстве лиц от народного суда и пр. Сам д-р Димитров был приговорен заочно к пожизненному тюремному заключению, десятеро его соратников получили различные сроки, пятеро обвиняемых оправданы.

Крупному государственному и общественному деятелю К. Пастухову инкриминировалась подрывная деятельность против болгарской армии в целом, против военного руководства страны в целях снижения ее обороноспособности и боевого духа солдат. Абсурдность подобных обвинений в адрес 72-летнего политика подтверждала, что подлинной целью процесса было осуждение социал-демократического прошлого, независимых позиций Пастухова, его идейно-политических взглядов и готовности отстаивать их до конца¹⁰⁰. В апреле 1946 г. К. Пастухов был приговорен к 5 годам строгого режима, но на свободу не вышел: по официальной версии, в 1949 г. в тюрьме он был убит уголовником.

Дальнейшие события показали, что обвинения, предъявленные Пастухову, были далеко не случайными.

К середине 1946 г. проявилась позитивная динамика в международном положении Болгарии. Мирный договор еще не был подписан, однако Парижская сессия СМВД, проходившая весной-летом 1946 г., приняла согласованные решения по территориальным, политическим и военным разделам будущих Мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией. Это важнейшее обстоятельство открывало возможность усиления наступления коммунистов на внутривнутриполитическом фронте. Одним из направлений такого наступления стала болгарская армия. Положение в ней обсуждалось во время пребывания в Москве болгарской партийной делегации 5–6 июня 1946 г. Как видно из записей в дневнике Г. Димитрова, советское руководство проявило особый интерес к фигуре военного министра генерала Д. Велчева, настаивая на его замещении. Тем не менее, несмотря на открытое недовольство Москвы и лично Сталина “недостаточно решительными действиями” болгарских коммунистов¹⁰¹, Г. Димитров явно колебался в отношении военного министра. Возможно, сыграла определенную роль личная встреча с Велчевым 17 июня 1946 г., о которой Димитров записал: «Д. Велчев мне клялся в верности: “Я никогда не изменю!”»¹⁰². Однако не исключено, что болгарское руководство попросту еще не определилось в отношении методов действия. Положение изменилось, когда в Софию из Москвы вернулся С.С. Бирюзов с “новыми указаниями”, касавшимися болгарской армии. После состоявшейся 21 июня беседы Димитрова с Бирюзовым и Толбухиным началась активная и явно спеш-

ная подготовка законопроекта о руководстве и контроле над армией. Одновременно ПБ ЦК БРП(к) рассмотрело вопрос о чистке в армии и о судьбе Д. Велчева. Очевидно, что на этом этапе вопрос о Велчеве уже был предрешен. За него ходатайствовали К. Георгиев и Г. Кулишев (“Спасают Дамяна”, – записал Димитров в дневнике 6 июля 1946 г.¹⁰³), но безуспешно. К этому времени в Народном собрании был утвержден без обсуждения внесенный 2 июля законопроект об армии (над ним Димитров работал лично), согласно которому верховное руководство армией передавалось правительству, права и обязанности офицеров-политработников законодательно урегулировались, лица, допустившие фашистские, реставраторские или антидемократические действия, удалялись из армии. Одновременно по предложению Димитрова была создана специальная комиссия для реализации закона. Возглавил ее коммунист Г. Дамянов.

Комиссия сосредоточила усилия на проведении новой чистки состава офицерского корпуса: за короткий срок из него было удалено около 2 тыс. человек. В августе 1946 г. с поста военного министра официально был смещен Д. Велчев. Вскоре назначение на этот пост получил Г. Дамянов. Среди старшего и среднего командного состава войсковых частей организовывались ячейки БРП(к). Таким образом, армия – важнейший компонент силовых структур страны – оказалась под полным политическим контролем коммунистов. Это означало, что провозглашение на том этапе армии народной фактически закрепило курс на ее превращение в партийную армию.

Политические перемены в стране актуализировали вопрос о судьбе монархического института.

16 июля 1946 г. ПБ ЦК БРП(к) по предложению Г. Димитрова приняло решение о проведении референдума для определения формы государственной власти. Оппозиция, хотя и выступала принципиально против референдума как не закрепленного в конституции способа упразднения монархии, занимала в основном республиканские позиции. Кроме того, она была вынуждена учитывать массовые антимонархические настроения. Вследствие этого оппозиционное руководство приняло решение участвовать в референдуме и призвало своих сторонников голосовать за республику. За проведение референдума высказались и представители трех держав в СКК.

22 июля совместное заседание НК ОФ и правительства рассмотрело законопроект о референдуме и выборах в Великое Народное собрание. Были намечены даты их проведения – соответственно 8 сентября и 27 октября 1946 г. 25 июля началось обсуждение законопроекта в Народном собрании. Он был единодушно поддержан представителями всех политических партий. 26 июля законопроект был утвержден при втором чтении. Была разработана процедура проведения референдума.

Политическая кампания в пользу республики открылась 16 августа 1946 г. Ее итогом явился полный успех антимонархической ак-

ции: около 96% действительных бюллетеней было подано за республику и лишь чуть более 4% – за монархию. 15 сентября 1946 г. парламент официально провозгласил Болгарию народной республикой.

Коммунисты охарактеризовали референдум как своеобразную увертюру, релетицию, по словам Г. Димитрова, предстоящих выборов в Великое Народное собрание. Установление политической формы народно-демократической государственной организации требовало конституционного оформления содержания нового государственного организма. Положить начало решению этой задачи и предстояло будущему Великому Народному собранию.

27 сентября 1946 г. НК ОФ утвердил соглашение партий ОФ об участии в выборах. Оно обязывало все партии во время предвыборной кампании всемерно содействовать укреплению единства ОФ, способствовать разоблачению оппозиционных группировок, работать дружно и лояльно по отношению друг к другу. Партии ОФ выходили на выборы с едиными списками кандидатов, но бюллетени в зависимости от партийной принадлежности кандидата различались по цвету. Это давало возможность установить степень влияния каждой партии.

Общей платформой на выборах в ВНС для партий ОФ стал проект новой конституции, который незадолго до выборов был обсужден представителями высшего руководства партий ОФ.

В докладе комиссии НК ОФ по разработке проекта подчеркивалось, что “новая конституция, не являясь подобием советской, коренным образом отличается и от прежней; она – народная конституция”¹⁰⁴.

“Лояльная оппозиция”, отказавшись от прежней тактики бойкота выборов, выступила с единой программой и единым списком кандидатов, назвав себя “федерацией сельского и городского труда”. Своей главной целью она провозгласила борьбу против “однопартийного и коммунистического ОФ”, за “республику народовластия, основанную на свободе, равенстве, праве собственности и социальной справедливости”. Проект конституции, выдвигаемый от имени ОФ, она охарактеризовала как коммунистический и призвала не допустить его принятия.

В сфере внутренней политики и экономики оппозиция выдвинула популярные среди широких слоев населения требования мира, порядка и законности, свободы человека, права частной собственности, личной инициативы и т.п. Она оперировала традиционными для болгарского крестьянства и мелкобуржуазных масс города лозунгами ликвидации “экономически и социально вредного посредничества”, организации кооперативного экспорта и импорта основных товаров, устранения разрыва в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, добровольного и свободного кооперативного хозяйствования на земле на основе сохранения частной собственности, осуществления принципа “Земля – земледельцу”,

т.е. тому, кто ее непосредственно обрабатывает, предоставления ремесленникам возможности свободно развивать частную инициативу и пр.

Прошедший 19 октября 1946 г. в Софии внушительный оппозиционный митинг выявил популярность оппозиционной программы в болгарском обществе. К этому времени проявились колебания некоторых участников ОФ. Многие деятели его правых кругов стали отходить от предвыборного соглашения и сотрудничать, тайно или явно, с оппозицией, что привело в самый канун выборов к фактическому складыванию блока “лояльной оппозиции” и правых элементов партий ОФ.

Выборы состоялись 27 октября 1946 г. В них приняли участие, по официальным данным, 4 252 631 человек. За кандидатов ОФ голосовали 2 981 189, за оппозиционный блок и “независимых” – 1 205 530 избирателей¹⁰⁵.

Более 53% голосовавших за ОФ отдали свои голоса БРП(к). 28,35% голосов собрала оппозиция. Это явилось ее серьезным успехом, особенно если учесть, что избирательная кампания сопровождалась произволом, насилием и фальсификацией при подсчете голосов. Выборы отчетливо выявили резкую поляризацию политических сил в стране по линии БРП(к) – “лояльная оппозиция”. Это констатировали и участники расширенного заседания ПБ ЦК БРП(к) 2 ноября 1946 г., рассмотревшего итоги выборов. На заседании констатировалось, что социальную опору коммунистической партии составили, помимо значительной части рабочего класса, широкие слои мелкого и среднего крестьянства, а также интеллигенция. Некоммунистические партии ОФ собрали голоса части сельской и городской мелкой буржуазии и служащих. Оппозицию поддержала значительная часть мелкой буржуазии города, часть средних и бедных крестьян, некоторые круги служащих, значительные слои буржуазии в городе и на селе. Именно эти слои общества, по оценке Г. Димитрова, являлись для БРП(к) “ахиллесовой пятой”¹⁰⁶.

Полученные голоса дали возможность БРП(к) послать в законодательное собрание 275 депутатов, ее союзники по Фронту вместе получили 87 мандатов. Оппозиция была представлена 99 депутатами. В литературе встречаются и другие статистические сведения, но различия в целом невелики. По результатам голосования в некоторых избирательных коллегиях оказались неизбранными такие крупные политические фигуры, как К. Георгиев, Г. Кулишев, Хр. Лилков, В. Юруков, И. Харизанов (“Звено”), А. Оббов, С. Тончев, Л. Коларов, Г. Трайков (БЗНС), Д. Нейков, Г. Попов (БРСДП). 28 октября С.С. Бирюзов сообщил в МИД СССР В.Г. Деканозову, что это обстоятельство серьезно затрудняет формирование кабинета министров. “Видимо, есть необходимость от Вас дать совет”, – заключал Бирюзов¹⁰⁷. Был ли дан “совет” Москвы и если да, то каким он был – нам неизвестно. Однако 30 октября Г. Димитров отметил в дневни-

ке: “Беседа с К. Георгиевым и Кулишевым. Страшно огорчены своим поражением и неизбранием в депутаты. Разъяснил им их перспективы”¹⁰⁸. Вероятно, речь шла о предоставлении мандатов некоторым депутатам от некоммунистических партий за счет так называемого центрального распределения. Именно таким образом был обеспечен, в частности, мандат для К. Георгиева¹⁰⁹.

Партнеры БРП(к) по Фронту были недовольны итогами выборов и в своих неудачах обвиняли прежде всего коммунистов, предложивших процедуру голосования отдельными для каждой партии бюллетенями. Такая позиция союзнических партий означала, что в будущем процессы дифференциации в некоммунистических партиях ОФ пойдут еще интенсивнее и что часть их членской массы пополнит лагерь оппозиции.

Начало “холодной войны” и перспективы коалиции в Болгарии. Ликвидация оппозиции

1947–1948 гг. ознаменовались существенными изменениями на международной арене. Жесткий курс США в отношении СССР, получивший обоснование в планах объединения “англосаксонского мира” против Советского Союза (речь У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г.), быстро эволюционировал к доктрине “сдерживания” коммунизма. Нарастание противоречий между великими державами, в том числе по проблемам Германии и Восточной Европы, стало очевидной реальностью. Московская сессия СМВД по германскому вопросу (10 марта – 24 апреля 1947 г.), на которой советская сторона предложила ряд конкретных мер по восстановлению единства Германии, не только не привела к согласию союзников¹¹⁰, но и осложнила и без того не простые отношения между ними. В Западной и Северной Европе маятник общественных настроений все более зримо смещался вправо. Это нашло подтверждение в ухудшении взаимодействия между коммунистами и социалистами во Франции и Италии, проигрыше компартии на выборах в сейм в Финляндии, неожиданном для Москвы выходе коммунистов из правительства во Франции и удалении представителей компартии из кабинета министров в Италии, поражении коммунистического Сопротивления в Греции. Напряженность усилилась в связи с провозглашением в марте 1947 г. “доктрины Трумэна” и принятием в США на ее основе закона от 15 мая, ставшего правовой базой для последующей активизации Соединенных Штатов в Турции и Греции. Разгоралась “холодная война”...

В этих условиях Москва перешла к новому стратегическому курсу в Восточной Европе¹¹¹. Активно внедряя его в политическую практику стран региона, советское руководство способствовало “смене вех” в их политической жизни: тенденция национально-государст-

венного единства все больше отходила на второй план, уступая место социально-политической конфронтации. Заканчивался важный этап в послевоенной истории. Этот этап болгарский исследователь Д. Драганов точно и образно охарактеризовал как “демократическое интермеццо”¹¹², связывая с ним применительно к Восточной Европе наличие общедемократических программ борьбы, отказ от лозунга диктатуры пролетариата как непосредственной задачи дня и поиски новых путей перехода к обществам социалистического типа, равно как и определение новых качественных характеристик этих обществ.

На наступившем этапе какие-либо альтернативные варианты развития в советской сфере влияния абсолютно исключались. В этих условиях концепция “национального пути” к социализму неминуемо должна была быть подвергнута политическому ostrакизму. Московское руководство определило в качестве главной цели усиление консолидации стран региона и ускорение на этой основе создания восточного блока. Ближайшей реальной перспективой становилось форсированное внедрение советской модели и, следовательно, уничтожение политической оппозиции.

В какой мере были готовы к такому повороту событий болгарские коммунисты?

В ноябре 1946 г. после выборов в ВНС было сформировано новое правительство ОФ, которое возглавил Г. Димитров. Из документов следует, что вопрос о возможном составе кабинета детально обсуждался на самом высоком уровне в Москве. 4 ноября 1946 г. А.А. Жданов познакомил прилетевшего в советскую столицу Г. Димитрова с позицией И.В. Сталина. По словам Жданова, Сталин допускал возможность переговоров с оппозицией о ее участии в правительстве, но предлагал вести их таким образом, “чтобы вынудить оппозицию сорвать переговоры и всю вину за срыв возложить на нее”. В любом случае, подчеркивал Сталин «все наиболее важные портфели должны быть в руках Рабочей партии. Не следует также отбрасывать в сторону ее союзников – “земледельцев” и других. Есть опасение, что Рабочая партия, одержав победу на выборах, поднимет хвост и заразится головокружением от успеха, думая, что сможет обойтись без союзников. Это было бы глубоко неправильно»¹¹³.

Уже 5 ноября Димитров в письме изложил Жданову “предварительный план болгарского Цека о формировании нового правительства Болгарии и президиума Великого Нар[одного] собрания”, в котором совет Сталина был учтен¹¹⁴. После некоторых изменений (увеличение числа портфелей с 19 до 20, увеличение нормы представительства БЗНС с 4 до 5 мандатов, ряд персональных “подвижек” и др.) состав кабинета был утвержден. Половина портфелей в нем (10 из 20) принадлежала коммунистам.

Среди части партнеров БРП(к) по ОФ это вызвало серьезную обеспокоенность. 18 января 1947 г. в беседе с К.Д. Левычкиным

один из лидеров “Звена” И. Харизанов заявил, что “ему неясно, куда теперь идет Болгария...”, и выразил опасение, что Рабочая партия захочет установить однопартийную систему управления. Более того, в сложившейся после референдума и парламентских выборов обстановке в стране Харизанов усмотрел “тенденцию или подготовку к установлению диктатуры пролетариата в Болгарии”. Показательна реакция Левычкина, который “не заметил” якобы этой тенденции¹¹⁵.

Новая расстановка сил во властных структурах усилила брожение в партиях ОФ.

Осложнилась обстановка в БЗНС. В декабре 1946 г. Союз вновь возглавил А. Оббов, выступавший за политику “разграничения периметров” действия между БЗНС и БРП(к) и все более активно склонявшийся к сотрудничеству с оппозицией. В начале 1947 г. он и его сторонники выдвинули лозунг “На борьбу против коммунистической опасности и вмешательства БРП(к) в дела БЗНС”, реализовать который они предполагали на пути объединения крестьянского движения как “слева”, так и “справа”. Координированные действия “оббовцев” и БЗНС-НП привели к разложению ряда “дружб” в Софии, Пловдивской, Плевенской, Русенской и Варненской областях. В одном из публичных выступлений в мае 1947 г. Оббов заявил о возможном выходе его группы из БЗНС. Группе Оббова в БЗНС противостояли сторонники Г. Трайкова, считавшие, что объединение земледельческих сил не должно приобрести антикоммунистический характер. Из записей в дневнике Г. Димитрова следует, что весной–летом 1947 г. вопрос о положении в руководстве БЗНС оставался одним из наиболее острых: он неоднократно обсуждался в ПБ ЦК БРП(к), на встречах Димитрова с советскими представителями, с руководителями крестьянской партии¹¹⁶.

Политическую платформу “лояльной оппозиции” восприняла и группировка В. Юркуова в “Звене”, установившая в 1946 г. связь с Н. Петковым¹¹⁷.

В феврале 1947 г. на специальном заседании НК ОФ был рассмотрен вопрос о Болгарской православной церкви. Деятельность ее подверглась острой критике. Заметим, что церковная политика болгарского правительства формировалась под непосредственным влиянием Москвы, которая религиозную обстановку в Болгарии в целом и ситуацию в Болгарской православной церкви в частности оценивала весной 1947 г. через призму “происков англо-американских кругов”. Цель последних, как указывалось в справке о положении в БПЦ, составленной в мае 1947 г. в МИД СССР и доведенной до сведения Г. Димитрова, заключалась в использовании церковных каналов в собственных политических интересах¹¹⁸.

Учитывая подобную информацию, болгарское руководство считало, что весной 1947 г. в стране действовал негласный “реакционный” блок в составе “лояльной оппозиции”, правого крыла БЗНС

во главе с А. Оббовым, группы В. Юркова в “Звене”, а также лидеров старых буржуазных партий и части высшего клира Болгарской православной церкви¹¹⁹.

Боязнь консолидации реакции сказалась на ходе борьбы вокруг новой конституции страны, первый проект которой был выдвинут на всенародное обсуждение еще в начале октября 1946 г. Проект отличался компромиссным характером, соединением отдельных социалистических принципов с концепциями старого буржуазного права.

В ходе всенародного обсуждения со своими предложениями выступили различные политические, общественные и религиозные организации, отдельные граждане. Появились и индивидуальные конституционные проекты, предложенные, в частности, юристами “старой школы” В. Ганевым и Ст. Баламезовым.

Оппозиция была поставлена в это время властями в затруднительное положение. 30 апреля 1947 г. ее газеты были закрыты. Официально было объявлено, что причиной закрытия стал отказ рабочих Объединенной типографии набирать оппозиционные статьи с критикой правительства и политики ОФ. 19 мая депутаты БЗНС-НП направили представление председателю ВНС В. Коларову о том, что оппозиция лишена возможности публиковать дебаты по вопросу о конституции. На следующий день Г. Димитров в беседе с С.П. Кирсановым охарактеризовал это заявление как “угрозу выхода оппозиции из ВНС”, однако счел подобный шаг в сложившихся условиях нереальным. «Со стороны англо-американских представителей пока что, кроме устных разговоров о том, что закрытие оппозиционных газет в Болгарии “производит неблагоприятное влияние на общественное мнение их стран”, ничего по этому поводу в адрес болгарского правительства не последовало. Мы будем маневрировать таким образом ... чтобы не довести дело до обсуждения болгарского вопроса в Совете Безопасности», – заявил Димитров¹²⁰.

Основная тяжесть борьбы вокруг конституции оказалась перенесенной в парламент. Первое столкновение возникло уже при обсуждении устава ВНС. Оппозиция выступила против порядка принятия конституции простым большинством голосов, выдвинув предложение о так называемом квалифицированном большинстве: депутатам достаточно было собрать 1/3 голосов плюс еще 1 голос, чтобы забаллотировать любое предложение большинства. Однако провести это предложение не удалось.

27 мая начались дебаты по конституции, а уже на следующий день, 28 мая 1947 г., глава правительства Г. Димитров получил от министра внутренних дел докладную записку, в которой указывалось, что органами государственной безопасности собран обвинительный материал против Н. Петкова. В документе предлагалось лишить Петкова и его сторонников депутатской неприкосновенности и организовать против них судебный процесс.

Тем временем 29 мая Н. Петков представил в парламенте проект конституции от оппозиции. В выступлении он подчеркнул, что в основу проекта легли принципы идеологии БЗНС, а примером явилась подлинная демократия, установленная в Англии, Франции, Бельгии. Лидер оппозиции особо отметил, что советская конституция, основанная на принципе диктатуры пролетариата, не может служить образцом для заимствований¹²¹. К принципиальным недостаткам проекта, представленного ОФ, Петков справедливо отнес закрепленный в нем принцип слияния властей, отсутствие подлинных гарантий прав и свобод гражданина и человека, подчинение исполнительной и судебной властей и прокуратуры Народному собранию, а народных представителей – избирателям. По мнению Петкова, все это открывало возможность компартии сосредоточить в своих руках властную монополию.

Твердая и последовательная позиция Петкова указывала на неблагоприятную для коммунистов перспективу затяжных дебатов в парламенте, с которой у них не было намерения мириться. Назревали серьезные события...

Ограниченная источниковая база позволяет тем не менее с большой долей определенности считать, что вопрос о судьбе оппозиции и ее лидера находился в центре внимания на заседании ПБ 30 мая 1947 г. На следующий день Гр. Костов вылетел в Москву, а 2 июня Г. Димитров в Софии провел совещание с С.П. Кирсановым и А.И. Черепановым¹²². Похоже, что именно в эти дни в Москве и Софии и был составлен конкретный план действий.

5 июня 1947 г. на основании сфальсифицированных материалов Н. Петков был лишен депутатской неприкосновенности и арестован непосредственно в зале парламента. В ходе следствия ему были инкриминированы участие в военном заговоре в целях свержения власти ОФ, шпионаж в пользу западных держав, сотрудничество с правыми сельскими партиями и группами в странах Восточной Европы. 11 июня в отставку были отправлены 23 оппозиционных депутата. В тот же день Г. Димитров провел совещание “по процессу Н. Петкова” с руководителями госбезопасности Болгарии и советскими советниками-силовиками. 16 июня на заседании ПБ ЦК БРП(к), рассмотревшем вопрос о дальнейшей тактике в отношении оппозиции, было принято решение перейти в “идейно-политическое наступление”, а на следующий день, 17 июня, Димитров провел еще одно совещание по подготовке процесса по делу Петкова¹²³. Судя по всему, на совещании было решено действовать без промедления. Уже через месяц, 19 июля, Димитров записал в дневнике: “Рассмотрели проект обвинительного акта по делу Н. Петкова (участвуют сов[етские] товарищи, Коларов, Югов, Тр. Костов, Христов, Вранчев, Владо Поптомов”¹²⁴.

5 августа начался процесс по делу лидера “лояльной оппозиции”. Он сопровождался мощной кампанией на местах против Н. Петкова

и его сторонников, организованной коммунистами. 16 августа Петков был приговорен к смертной казни.

В болгарской исторической литературе указывается, что во время бесед Димитрова со Сталиным (с 8 августа болгарский руководитель находился в Москве на лечении) был намечен следующий план действий в отношении лидера оппозиции: получить от Петкова письменные свидетельства его “вины”, признание в антигосударственной деятельности и заверения в полном раскаянии, что дискредитировало бы его политически как в стране, так и за рубежом, огласить смертный приговор, а затем помиловать, заменив казнь пожизненным заключением¹²⁵. Однако события получили иное развитие.

После оглашения приговора Н. Петков обратился к Г. Димитрову, В. Коларову и С.П. Кирсанову с просьбой о его отмене. В письмах (всего их было 10) он кратко обрисовал свою оппозиционную деятельность, указал на причины, назвал своих “вдохновителей”, к чьим советам он прислушивался (среди них регент В. Ганев, экзарх Болгарский Стефан, министр иностранных дел П. Стайнов), и главное, отбросил все выдвинутые против него обвинения в предательстве, шпионаже и антиотечественнофронтовой деятельности. “Никогда у меня не было намерения бороться против Отечественного фронта ... а только против его ошибок и отхода от согласованной участниками программы действий. Никогда у меня не было намерения бороться против РП(к)”, – подчеркнул Петков в письме Димитрову 4 сентября 1947 г.¹²⁶ Достоянием более или менее широкого круга партийных функционеров письма Петкова не стали, они были известны лишь узкому составу Политбюро – Тр. Костову, А. Югову, В. Коларову, В. Червенкову. Примечательно, что регулярно получавшему информацию о поведении Петкова во время следствия Г. Димитрову переслали в Москву лишь одно из пяти адресованных лично ему писем – от 19 августа 1947 г. По-видимому, ближайшие соратники Димитрова сочли это достаточным.

“Признания” оппозиционного лидера явно не обеспечивали его политическую компрометацию, на что рассчитывала власть. Развернувшаяся международная кампания в защиту Петкова и предпринятые английской и американской сторонами шаги перед руководством страны и в Москве¹²⁷ еще больше накалили обстановку. 13 сентября 1947 г. ПБ ЦК БРП(к) приняло решение о приведении приговора в исполнение. Однако участники заседания не были единодушны. Против, в частности, выступил В. Коларов, предлагая смягчить приговор. Мотивировкой служили высказанные им опасения неблагоприятного для Болгарии международного резонанса.

Итак, судьба Петкова была решена. 15 сентября в письмах Сталину и Молотову Димитров подробно обосновал позицию большинства: “...после того как англичане и американцы вмешались в это дело и предъявили категорическое требование отмены смертного приговора, вопрос получает особое значение. Затрагивается суверенитет

Болгарии и дается возможность нового поощрения реакции в стране. Если смертный приговор не будет исполнен, это будет расценено внутри страны и за границей как капитуляция перед внешним вмешательством и, несомненно, поощрит интервентов на новое вмешательство. Если же приговор будет исполнен, это послужит поводом для новой злостной кампании против Болгарии и оттолкнет от нас, хотя и временно, ряд людей за границей, которые относятся с симпатией к Болгарии.

Большинство наших товарищей, выбирая в данном случае меньшее зло, считают, что приговор должен быть исполнен ... Взвешивая все плюсы и минусы, я лично полагаю, что для нас исполнение приговора принесет менее неприятные последствия, чем его неисполнение”¹²⁸. Резолюция А.Н. Поскребышева на письме Сталину (“... т. Ст[алин] считает, [что] т. Димитр[ов], пожалуй что, прав, т. Молотов такого же мнения и хотел сообщить т. Димитрову...”)¹²⁹ означала, что Москва дала “добро” на казнь Петкова. 17 сентября Г. Димитров в шифртелеграмме из Москвы на имя Тр. Костова и В. Коларова сообщил: “После того как англо-американцы вмешались и предъявили категорическое требование отменить смертный приговор, вопрос для нас приобретает уже особое внутри- и внешнеполитическое значение и вызывает необходимость изменить наше первоначальное намерение. Непосредственно затрагивается суверенитет Болгарии... И именно сегодня необходимо дать наглядный твердый урок любому, кто пытается подорвать народную власть и вмешивается в наши внутренние дела. ... Действуйте твердо с дальним государственным прицелом...”¹²⁹ Кассационный суд отклонил апелляцию Н. Петкова, и 23 сентября 1947 г. приговор был приведен в исполнение.

Нажим Запада негативно отразился на судьбе Петкова. Понимая это, временный поверенный в делах Великобритании в Москве Ф. Робертс 26 августа 1947 г. в письме сотруднику министерства иностранных дел К. Уорнеру признал: “Говоря между нами, мы затанули петлю на шее Петкова, вмешавшись в его дело столь активно и демонстративно”¹³⁰. Это же отметил в своих личных записках и видный болгарский общественный и политический деятель С. Мошанов. Оценивая действия Запада в Болгарии, он, имея в виду “дело Петкова”, отметил: “Новая политика США ... бестактно проводимая у нас Барнсом, принесла лишь непоправимое зло”¹³¹.

Еще до решения кассационного суда в шифртелеграммах Тр. Костову и в ПБ ЦК БРП(к) из Москвы 20–22 августа 1947 г. Димитров предложил распустить оппозиционный БЗНС и передать ряд указаний для ЦК по этому поводу, призвав “действовать радикально” и “не смущаться по поводу шумихи, поднятой за рубежом”¹³². Уже 26 августа 1947 г. ВНС утвердило закон о запрещении и роспуске оппозиционного БЗНС и конфискации его собственности в пользу государства.

Годом позже, в ноябре 1948 г., начался судебный процесс против руководства БРСДП(о). На скамье подсудимых оказались девять функционеров партии во главе с К. Лулчевым. Приговоренный к 15-летнему тюремному заключению Лулчев провел в камере 11 лет, после чего вышел на свободу, сломленный физически, но не духовно¹³³.

Ликвидация оппозиции означала, что страна вступила в новую фазу. Начинался стремительный переход от попыток модернизации общества к подготовке условий для его революционного преобразования, к быстрой адаптации и усвоению в болгарских условиях “универсальной” советской модели социализма. От постепенных радикальных, но демократических реформ к насильственным методам ликвидации частной собственности, свободного рынка, их кооперированию и этатизации и, как следствие, к усилению классового противостояния – таким становился отныне основной вектор дальнейшего развития Болгарии.

Создание Коминформа. Свертывание народно-демократической модели: причины и следствия

В сентябре 1947 г. в небольшом польском городке Шклярска-Поремба (в Силезии) состоялось совещание представителей коммунистических и рабочих партий, подчеркнувшее необходимость выработки общих взглядов по кардинальным вопросам коммунистического движения. Участники приняли решение о создании специального информационного центра, превратившегося в действительности в контролирующую и координирующую деятельность компартий организацию – Коминформ.

Болгарская делегация (В. Червенков, В. Поптомов) выступила в Польше с докладом, содержащим анализ пройденного пути после второй мировой войны, стратегии и тактики партии и будущей политики. Конспект доклада был составлен Г. Димитровым, имевшим предварительно обстоятельную беседу с болгарскими делегатами. Запись в дневнике Димитрова от 19 сентября 1947 г. свидетельствует о единодушии в оценках, отличавшем работу над докладом¹³⁴.

Однако на состоявшемся 14 октября 1947 г. XIII пленуме ЦК БРП(к), рассмотревшем документы совещания в Польше, В. Червенков выступил с докладом, в котором содержались выводы, не соответствовавшие тем, что болгарские делегаты довели до сведения собравшихся в Шклярска-Порембе. Д. Драганов справедливо подчеркивает “завидную быструю реакцию” Червенкова на связанные с созданием Коминформа изменения в международном коммунистическом движении, а также его готовность выступать в роли “болгарского Жданова”¹³⁵. На явное намерение Червенкова “идентифицировать себя с новым радикальным курсом коммунистического дви-

жения”, закрепленным на совещании в Польше, указывает и болгарский исследователь В. Димитров¹³⁶.

В отсутствие Г. Димитрова Червенков фактически единолично осуществил переоценку основных направлений политики компартии и ОФ в предшествующий период, хотя на совещании в Польше генеральная линия БРП(к) после 9 сентября 1944 г. не подверглась критике. Вероятно, выступления А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, Э. Карделя и сама атмосфера в Шклярска-Порембе, пропитанная воинственным радикальным и антизападным духом, критическим настроением в отношении тактики компромиссов¹³⁷, явились серьезным побудительным стимулом для Червенкова. На пленуме он заявил, что после 9 сентября у компартии не было полностью ясных представлений о совершившихся в стране переменах, перспективах и темпах ее дальнейшего развития. Как констатировал Червенков, руководство БРП(к) чуть ли не замедляло движение страны вперед. Остро сформулировал он и политические задачи партии: усилить сопротивление экспансии американского империализма, решительно продолжить наступление против реакции в стране, внести принципиальные изменения в проект новой конституции, резко усилив в ней социалистические элементы.

Немалая часть делегатов, выступивших в прениях по основному докладу, поддержала тональность заявлений Червенкова, высказавшись за немедленную национализацию капиталистических предприятий, решительное наступление на реакционные и контрреволюционные силы, т.е. за обострение классово-борьбы в стране. Таким образом, на XIII пленуме партии полностью восторжествовали левацкие настроения, ориентация прежде всего на силовое решение политических задач, а идея “национального пути” к социализму подверглась переоценке с догматических позиций. В целом выводы пленума, сформулированные в соответствии с новым курсом Коминформа, находились в глубоком противоречии с реальным развитием общественно-политических процессов в стране в 1944–1946 гг. Это означало, что в руководстве компартии верх берут сектантско-догматические тенденции и что именно перед их протагонистами открывается “зеленый свет”.

Вскоре после пленума прошли встречи членов ЦК БРП(к) с руководством партий-участниц ОФ и членами НК ОФ. До партнеров по Фронту были доведены, таким образом, новые оценки политического положения в стране в духе коминформовских установок на фактическое “пришпоривание революционного процесса”¹³⁸. 16 октября 1947 г. в публичной речи в клубе Палаты народной культуры В. Червенков сформулировал задачу дальнейшего наступления на силы реакции в стране, коренных изменений структуры государственных организаций и Отечественного фронта. Конкретно был поднят вопрос о превращении коалиции в единую общественно-политическую организацию с программной целью построения социализма.

Партии не должны были иметь других программ, кроме программы ОФ, что явилось серьезным шагом к установлению политической монополии коммунистов и, по определению М. Исусова, к формированию “системы сателлитных политических сил”¹³⁹.

В октябре–декабре 1947 г. были подготовлены проекты программы и устава Единой общественно-политической организации (ЕОПО) ОФ. Получив одобрение НК ОФ, они были вынесены на всенародное обсуждение, которое в создавшейся обстановке носило формальный характер. В феврале 1948 г. на II съезде ОФ эти документы были приняты. Оформились руководящие органы ЕОПО ОФ. Председателем Национального совета был избран Г.Димитров.

Согласно уставу ЕОПО основными принципами организации становились индивидуальное членство, выборность руководящих органов, коллективное руководство, подчинение меньшинства большинству, “творческая” критика и самокритика, обязательные для всех членов дисциплина и выполнение принятых решений. Основой деятельности ЕОПО провозглашался демократический централизм, а главной задачей объявлялось “воспитание и перевоспитание болгарского народа в духе социализма”.

4 декабря 1947 г. в третьем чтении ВНС приняло Конституцию Болгарии. При ее доработке были учтены советы и рекомендации видных советских правоведов и юристов В. Дурденевского, И. Трайнина, К. Горшенина и др.¹⁴⁰ Почти сразу же она по примеру советской “Сталинской” конституции получила название “Димитровской”. В нее вошли такие известные по советскому опыту формулировки основ организации государства, как демократический централизм, руководящая роль представительных органов, избираемых на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, “социалистическая законность” и т.д.

Исследователями давно подмечен драматизм ситуации, сложившейся для Г. Димитрова. Осознавая реальную перспективу внедрения, а точнее копирования, советской модели в Болгарии, он тем не менее попытался на XIV пленуме партии в январе 1948 г. реабилитировать концепцию “национального пути” к социализму, союза демократических и либеральных сил при руководящей роли компартии. По существу, это была и реабилитация политики ОФ на протяжении 1944–1946 гг. Левацкие установки Червенкова Димитров расценил как не содержавшие “ни грана марксизма”. Выступая на съезде ОФ, Г. Димитров назвал “вредным заблуждением” мысль о том, что партии ОФ уже сыграли свою роль и могут сойти с политической сцены. “Их существование, – отметил он, – и при наличии Единой народной общественно-политической организации оправданно. Задача их – способствовать приобщению к ОФ тех слоев общества, в которых они имеют влияние и связи, и тем самым содействовать дальнейшему укреплению ОФ, скорейшему достижению полного морально-политического единства нашего народа...”¹⁴¹ Однако дан-

ная констатация, явно рассчитанная на то, чтобы успокоить партнеров по ОФ, не могла скрыть очевидного факта: многопартийная система в стране, все более отчетливо принимающая “фасадный” характер, шла к закату.

Тем не менее, воспользовавшись обстановкой, некоммунистические партии начали в спешном порядке расширять собственные ряды в расчете на укрепление своих позиций внутри ЕОПО. Массовый набор в партии повлек за собой их временное разбухание. В ответ 13 марта 1948 г. Исполком ЕОПО принял решение считать учредителями единых организаций лишь тех, кто входил в ОФ до 1 февраля 1948 г. Вступившие в партии ОФ после этой даты принимались в местные организации ОФ на общих основаниях, т.е. индивидуально, как беспартийные.

26 мая 1948 г. Исполком ЕОПО принял решение, согласно которому разъяснение вопросов внутренней и внешней политики, проведение мероприятий как общенационального, так и местного масштаба должно было осуществляться через комитеты и организации ОФ. Отдельные партии обязывались мобилизовывать своих членов на активную работу в организациях ОФ. Членская масса ОФ была тем источником, из которого партии должны были черпать свои резервы. Взятые вместе эти меры объективно вели к дальнейшему снижению роли и значения политических партий (кроме, разумеется, коммунистической) в жизни страны. Понимание этого заставило руководство некоммунистических партий всерьез задуматься о дальнейших перспективах собственного существования, обусловило, в частности, появление ликвидаторских настроений в “Звене” и БЗНС.

Реагируя на них, Димитров 27 октября 1948 г. в шифротелеграмме из Москвы в Секретариат ЦК БРП(к) подчеркивал: «...Трайков (лидер БЗНС. – Авт.) носит с идеей превращения Зем[ледельческого] союза в своего рода социалистическую партию, притом с марксистско-ленинской идеологией; эта партия впоследствии должна слиться с нашей... Это... не только утопическая, но и откровенно вредная идея. Любая попытка ее осуществления, помимо прочего, немедленно приведет, особенно в настоящее время, к еще большему ослаблению и без того неудовлетворительного влияния зем[ледельческого] союзника в деревне ... Спустя некоторое время Землед[ельческий] Союз изживет себя, причем его передовые и честные кадры и рядовые члены вольются в нашу партию, а другая часть (кроме тех, кто вообще отпадут от него) будут работать в организациях Отечественного фронта. Тогда вместо Землед[ельческого] Союза, вероятно, продолжит свое существование Союз трудящихся сельских хозяев, но уже под непосредственным руководством нашей партии. Такова, по-моему, перспектива Землед[ельческого] союза под руководством Трайкова, а не его превращение в “социалистическую крестьянскую партию с марксистской идеологией”»¹⁴².

По всей вероятности, позиция Г. Димитрова была доведена до сведения “земледельческого” руководства. Подтверждением этому служит прозвучавшая из уст Трайкова на заседании Верховного союзного совета партии (30 октября – 1 ноября 1948 г.) установка: БЗНС должен быть “идейно переориентирован”, речь не идет о создании социалистической крестьянской партии¹⁴³. “Идейная переориентация” означала отказ от традиционной сословной идеологии и ее производной – идеи самостоятельной крестьянской власти. Земледельческому союзу предстояло превратиться в партию бедных и средних крестьян, признающую в качестве основного принцип классовой борьбы, а в качестве главной задачи дня – построение социализма под руководством коммунистической партии. Члены БЗНС, говорил Трайков, должны перевоспитываться “в духе народной демократии и социалистического строительства”, содействовать укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

Таким образом, к концу 1948 г. руководство БЗНС выразило готовность полностью изменить свою программную цель, политическую линию, внутреннюю структуру, стратегические и тактические установки, превратиться в один из компонентов формировавшейся политической системы общества при монополии компартии. С “крестьянской” альтернативой в Болгарии было покончено.

1948 год стал переломным и для болгарской социал-демократии. Имевшиеся в болгарских рабочих партиях объединительные тенденции под влиянием событий в Чехословакии, где в феврале 1948 г. коммунисты сделали решительный шаг к утверждению своей властной монополии, получили дополнительный импульс. Однако представления о принципах объединения кардинально различались. Если болгарские коммунисты приветствовали “румынский вариант” развития событий (в одной из бесед со вторым секретарем посольства СССР Ф.А. Коноваловым член ПБ ЦК БРП(к) Г. Чанков высоко оценил признание румынскими социал-демократами идейных и практических ошибок прошлого, стремление порвать все связи с лидерами английских лейбористов и французских социалистов и избрать своим “идейным оружием” марксизм-ленинизм¹⁴⁴), то лидеры БРСДП выступали за объединение с коммунистами как равные с равными, надеялись на возможность интегрирования доказавших свою жизнеспособность социал-демократических постулатов в программу будущей единой партии.

В этих условиях лидер БРСДП Д. Нейков представлялся коммунистам явно не той фигурой, которая могла способствовать осуществлению намеченного. Фактически судьба его как первого лица в партии была решена. При этом ставка была сделана на одного из членов руководства БРСДП З. Митовского, охотно демонстрировавшего желание безоговорочно сотрудничать с коммунистами и решительно отмежеваться от традиций старой болгарской социал-демократии.

В феврале 1948 г. сторонники З. Митовского, воспользовавшись отсутствием Д. Нейкова и его заместителя Г. Попова в Софии, провели замену главного секретаря. Основным обвинением против Нейкова послужила его якобы нечеткая позиция в вопросе об объединении рабочих партий. Характерно, что Митовский открыто заявил своим соратникам, что “указание о замене Нейкова он получил от РП”.

Смена лидера в БРСДП облегчала возможность реализации объединительных планов компартии. В апреле 1948 г. посольство СССР в Софии дало им следующую характеристику: “Намерения друзей состоят в том, чтобы влить в РП наиболее прогрессивную часть СДП, отсеять правые и иные реакционные элементы и ликвидировать самостоятельность СДП в стране, как ничем не оправдывающую свое существование в нынешних политических условиях в Болгарии”¹⁴⁵.

Этот замысел удалось реализовать в августе–сентябре 1948 г. Социал-демократическая идеология и выразители ее в Болгарии в лице двух партий – БРСДП и БРСДП(о) – были убраны с политической сцены. Различие состояло лишь в том, что сделано это было разными способами: в отношении БРСДП(о), как говорилось выше, были применены судебные-административные меры, а БРСДП была ликвидирована путем ее слияния с коммунистами. Итог был общим – болгарская социал-демократия перестала существовать.

Ускорителем означенных процессов стало бухарестское совещание Коминформа (июнь 1948 г.), принявшее резолюцию по югославскому вопросу. На ее основе расширенный пленум ЦК БРП(к) поручил ПБ подготовить конкретные предложения, которые способствовали бы извлечению уроков из случая с КПЮ и особенно из критики советским руководством “ошибок” югославов. И уже на XVI пленуме ЦК БРП(к) в июле 1948 г. Г. Димитров был вынужден изменить свою позицию, отстаивавшуюся им в январе, и выступить с критикой политической линии и социальной политики партии после 9 сентября 1944 г. Он признал ошибочными идеи о гармоничном развитии трех секторов в народном хозяйстве, о возможности компромиссов и смягчении классовой борьбы в переходный к социализму период, о предпочтении “национального пути” перед советским и пр.

В целом прошедшие в июне–июле 1948 г. пленумы ЦК партии стали знаковыми в процессе перехода от народной демократии к советской модели социализма, но последняя точка еще не была поставлена: БРП(к) не дала окончательного ответа на вопрос, возможно ли дальнейшее развитие страны без диктатуры пролетариата?

В период подготовки основных документов V съезда партии (октябрь–ноябрь) находившийся в Москве Г. Димитров обсуждал типо-

логию народной демократии с О. Куусиненом. В дневнике Димитров отметил: Куусинен, “как и я, склонен принять тезис, что... народная демократия может привести к осуществлению социализма без диктатуры пролетариата, которая была неизбежной необходимостью в СССР”. Собеседники пришли к выводу, что в настоящий момент подобный вариант развития – “только возможность и возможность желательная”¹⁴⁶. Констатируя одновременно, что вопрос о диктатуре пролетариата полностью не отпадает, Димитров все же склонялся к характеристике народной демократии как одному из средств достижения главной цели – социализма. Мнение Димитрова не поколебали и консультации с руководством ВКП(б).

На встрече с болгарскими и польскими коммунистами в Москве 6 декабря 1948 г. И.В. Сталин дал окончательную установочную формулировку: народная демократия и советский режим – две формы диктатуры пролетариата. При этом, оценивая ситуацию в Болгарии, Сталин подчеркнул, что при наличии антагонистических классов рабочие и трудящиеся, находящиеся у власти, не могут обойтись без диктатуры, что в стране налицо “элементы гражданской войны”, обуславливающие необходимость твердой власти. Вместе с тем Сталин констатировал, что советский режим не обязательен для Болгарии, где можно “бить врагов на законном основании”¹⁴⁷.

По всей вероятности, сталинская логика не казалась Г. Димитрову бесспорной. Иначе, как объяснить, что в политическом отчете ЦК БРП(к) V съезду (декабрь 1948 г.), зачитанном Димитровым, определение народной демократии, предложенное Сталиным, отсутствовало. И лишь в заключительном слове Димитрова при закрытии партийного форума прозвучало ставшее впоследствии хрестоматийным определение народной демократии как формы диктатуры пролетариата. Для этого потребовался нажим главы делегации ВКП(б) на съезде М.А. Сулова, получившего на это прямое указание Сталина¹⁴⁸.

В документы съезда оказалась заложенной известная триада – индустриализация, коллективизация, культурная революция, – выступавшая как обязательная в деле социалистического преобразования общества. Облик будущего строя определяло доминирование форм общественной собственности над частной, промышленности над сельским хозяйством, тяжелой промышленности над легкой, государственного плана над либеральной экономикой. Марксизм-ленинизм утверждался в качестве основы духовной жизни общества. Многопартийная система увязывалась с наличием партий единственно социалистической ориентации, безоговорочно признававших властную монополию коммунистов.

Зафиксированная в решениях съезда новая политическая линия компартии отразила переход к классовому противостоянию как главному импульсу дальнейшего развития.

Таким образом, принятый в 1947–1948 гг. БРП(к) под сильным влиянием внешнего фактора радикальный курс положил конец хотя и краткому, но “созидательному периоду болгарского коммунизма”¹⁴⁹, связанному с функционированием коалиционной системы власти в стране. Было нарушено существовавшее в болгарском обществе “динамическое равновесие” между двумя ранее более или менее уравновешивавшимися тенденциями – народно-демократической и сектантско-догматической в пользу последней¹⁵⁰.

Непосредственное влияние на судьбу политической плюралистской модели в Болгарии оказали и такие факторы внутреннего порядка, как переходный характер экономической структуры болгарского общества, постепенное утрачивание последним демократических характеристик¹⁵¹, уровень общей и политической культуры населения и ее проявления в послевоенные годы. Характерное для атмосферы тех лет стремление к демократии, прогрессу своеобразно преломлялось в болгарском обществе, динамика послевоенного развития которого привела к значительным “выбросам” люмпенизированной массы. Ее настроения, характеризовавшиеся в основном мечтами о социальной нивелировке через коренной передел собственности по уравнительному принципу, сообщали обществу достаточно высокий “градус” радикализма, обуславливали сравнительно высокую степень его предрасположенности к авторитарно-тоталитарным режимам левого толка. Не случайно в современной болгарской историографии подчеркивается наличие в массовом сознании на том этапе определенного тоталитарного потенциала¹⁵², а модель народной демократии признается, в свою очередь, “слишком интеллектуальной” для Болгарии второй половины 40-х годов и, как следствие этого, труднореализуемой¹⁵³.

Подтверждение тому – фактический провал попыток создать эффективно функционирующую систему власти Отечественного фронта. Все вместе это в значительной мере предопределило перспективы усвоения в стране советской (сталинской) модели социализма¹⁵⁴, резко увеличило соблазн скопировать советский опыт социалистического строительства, дававший выигрывать во времени, в отличие от эволюционного, парламентского пути. Последний же в обстановке нарастания напряженности в мире, разгоравшейся “холодной войны” вообще казался сомнительным. Немаловажную роль играло и особое восприятие болгарами России, Советского Союза: для большинства из них в те годы пример “старшего брата” являлся дополнительным мобилизующим фактором. “Все советское считается жизненно важным для дальнейшего развития страны ... вся общественная, экономическая, политическая, культурная и научная жизнь болгарского народа все более и более насыщается просоветским содержанием”, – подчеркивалось в материалах посольства СССР в Софии за 1948 г.¹⁵⁵

- ¹ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 306.
- ² Крумов Р. Защо Кимон Георгиев стана министър-председател? // Демокрация. 1990. 22 май.
- ³ ЦДА (София). Ф. 68. Оп. 1. А.е. 13. Л. 1.
- ⁴ Там же. Л. 16, 27, 29, 30.
- ⁵ Исусов М. Работническата класа в България. 1944–1947. София, 1971. С. 139; Костов Тр. Избрани статии, доклади, речи. София, 1964. С. 610.
- ⁶ Непубликувани радиограни на Георги Димитров до ЦК на БРП(к) (август–декември 1944) // Известия на Института по история на БКП. 1972. Т. 27. С. 15.
- ⁷ Roosevelt E. This I remember... N.J., 1949. P. 253.
- ⁸ Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы. М., 1999. С. 13–15.
- ⁹ ЦДА. Ф. 205. Оп. 3. А.е. 59. Л. 1–2.
- ¹⁰ Остоич П. Българската работническа социалдемократическа партия: 9 септември 1944 – 11 август 1948. София, 1980. С. 103.
- ¹¹ Остоич П. За някои особености на социалдемократизма в България // Научни трудове на АОНСУ при ЦК на БКП. 1977. № 89. С. 119.
- ¹² Народ. 1944. 11 окт.
- ¹³ Зарчев Й. Болгарский земледельческий народный союз и социалистическая революция в Болгарии // Bulgarian historical review. 1975. № 1. P. 17.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 115. Д. 10. Л. 52.
- ¹⁵ Подробнее см.: Матвеев Г.Ф. О некоторых источниках идеологической концепции А. Стамболийского // Известия на Българското историческо дружество. 1987. Кн. 39. С. 222–241.
- ¹⁶ Отечествен фронт. 1944. 20 септ.
- ¹⁷ Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 353.
- ¹⁸ Отечествен фронт. 1944. 13 окт.
- ¹⁹ Исусов М. Политическите партии в България. 1944–1948. София, 1978. С. 79.
- ²⁰ Там же. С. 179.
- ²¹ Минчев М. Първото правителство на Отечественния фронт. София, 1988. С. 51.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 49.
- ²⁴ Волокитина Т.В. Программа революции: У истоков народной демократии в Болгарии. 1944–1946. М., 1990. С. 66–68.
- ²⁵ Минчев М. Указ. соч. С. 46–47.
- ²⁶ Димитров Георги. Дневник. 9 март 1933 – 6 февр. 1949. София, 1997. С. 437.
- ²⁷ Минчев М. Указ. соч. С. 54, 56.
- ²⁸ Захаров В. Националният комитет на Отечественния фронт и централните държавни органи (1944–1947) // Роля на социалистическото право през двадесет и петте години социалистическо строителство в Н.Р. България. София, 1969. С. 295, 296.

- ²⁹ Подробнее о ходе разработки программы от 17 сентября 1944 г. и ее держании ее статей см.: Волокитина Т.В. Программа революции. С. 68–119.
- ³⁰ Работническо дело. 1944. 22 септ.
- ³¹ ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 119. Л. 7.
- ³² Димитров Георги. Дневник... С. 471.
- ³³ Цит. по: Исусов М. Сталин и България. София, 1991. С. 84.
- ³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 830. Л. 283.
- ³⁵ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. М., 1997. Т. 1. 1944–1948. С. 144.
- ³⁶ Държавен вестник. 1944. 6 окт.
- ³⁷ Подробнее см.: Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 777–814.
- ³⁸ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1981. Т. 2. Сентябрь 1944 – декабрь 1958. С. 36.
- ³⁹ Восточная Европа в документах... С. 106.
- ⁴⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 32.
- ⁴¹ Димитров Георги. Дневник... С. 452.
- ⁴² Восточная Европа в документах... С. 146.
- ⁴³ Българските държавни институции. 1879–1986. София, 1987. С. 262–263; Баева И. Смяна на елита и кадрите в България и Източна Европа (1944–1948) // Лица на времето. София, 1996. Кн. 1. С. 71.
- ⁴⁴ Цит. по: Мешкова П., Шарлашов Д. Българската гилотина: Тайните механизми на Народния съд. София, 1994. С. 52.
- ⁴⁵ Цит. по: Богданова Р. Българският вариант на десталинизацията. 1953–1956 // ИП. 1997. Кн. 4. С. 32.
- ⁴⁶ Восточная Европа в документах... С. 147; Валева Е.Л. Политические процессы в Болгарии 1944–1948 годов // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. “Демократическое интермеццо” с коммунистическим финалом. 1944–1948. М., 2002. С. 143.
- ⁴⁷ Там же. С. 151–152.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 116. Д. 18. Л. 6.
- ⁴⁹ Восточная Европа в документах... С. 151.
- ⁵⁰ Там же. С. 143.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Гришина Р.П. Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 – ноябрь 1945 г.) // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 56.
- ⁵³ Народные и национальные фронты... С. 357.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 148. Д. 48. Л. 182–184, 174, 187.
- ⁵⁵ Там же. Л. 160.
- ⁵⁶ ЦДА. Ф. 28. Оп. 1. А.е. 524. Л. 76.
- ⁵⁷ Драганов Др. В сянката на сталинизма: Комунистическото движение след втората световна война. София, 1990. С. 19.
- ⁵⁸ Костов Тр. Избрани статии. С. 599.
- ⁵⁹ ЦДА. Ф. 74. Оп. 4. А.е. 1. Л. 13.
- ⁶⁰ Исусов М. Политическите партии... С. 124.
- ⁶¹ Баев Й. Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 – декември 1947) // България и Русия през XX век: Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 313, 319; Васильева Н.В.

Российский воин на Балканах в двух мировых войнах: исторические цели и реалии поведения. (Дискуссионные аспекты) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002. С.146.

- ⁶² Баев Й. Указ. соч. С. 315.
⁶³ Исусов М. Политическите партии... С. 127.
⁶⁴ Димитров Георги. Дневник... С. 449.
⁶⁵ Там же. С. 452.
⁶⁶ Манифеста и резолюциите на първия исторически конгрес на комитетите на Отечества фронт. София, 1945. С. 20–21, 12–14, 5.
⁶⁷ ЦДА. Ф. 28. Оп. 1. А.е. 25. Л. 56.
⁶⁸ Восточная Европа в документах... С. 213–214.
⁶⁹ Димитров Георги. Дневник... С. 477.
⁷⁰ Восточная Европа в документах... С. 217–221.
⁷¹ Димитров Георги. Дневник... С. 487.
⁷² Восточная Европа в документах... С. 240.
⁷³ Исусов М. Сталин и България... С. 22–23; Восточная Европа в документах... С. 221–222; Димитров Георги. Дневник... С. 487.
⁷⁴ Исусов М. Политическите партии... С. 97.
⁷⁵ Димитров Георги. Дневник... С. 488.
⁷⁶ АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. П. 35. Д. 51. Л. 1.
⁷⁷ Димитров Георги. Дневник... С. 493.
⁷⁸ АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. П. 35. Д. 44. Л. 123–146.
⁷⁹ Димитров Георги. Дневник... С. 494–495.
⁸⁰ АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. П. 35. Д. 44. Л. 153.
⁸¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953: Документы. М., 1999. Т. 1. 1944–1948. С. 233.
⁸² Волокитина Т.В. Программа революции... С. 153.
⁸³ Исусов М. Сталин и България... С. 33–34.
⁸⁴ Димитров Георги. Дневник... С. 495.
⁸⁵ Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1944–1999. София, 2000. С. 34.
⁸⁶ Димитров Георги. Дневник... С. 516.
⁸⁷ Советский фактор... С. 260.
⁸⁸ Димитров Георги. Дневник... С. 518.
⁸⁹ Там же.
⁹⁰ Советский фактор... С. 267.
⁹¹ ЦДА. Ф. 267. Оп. 1. А.е. 34. Л. 71–72.
⁹² Израэлин В. Прокурорская дипломатия Вышинского // Новое время. 1988. № 41.
⁹³ Димитров Георги. Дневник... С. 523–524.
⁹⁴ Там же. С. 524.
⁹⁵ Восточная Европа в документах... С. 387.
⁹⁶ Миланова С. Парламентът и Конституцията в политическия живот на България // Страници от българската история: Събития. Размисли. Личности. София, 1993. [Вып. 2]. С. 22–23; Калинова Е., Баева И. Указ.соч. С. 34.
⁹⁷ Isusov M. Changements dans la structure socio-économique de la Bulgarie après la seconde guerre mondiale // Bulgarian historical review. Sofia, 1973. P. 23.
⁹⁸ Подробное об экономических преобразованиях на этом этапе см.: Волокитина Т.В. Программа революции... С. 177–203.
⁹⁹ Димитров Г. Избр. произв.: В 3-х т. М., 1984. Т. 3. С. 114.

¹⁰⁰ Подробное см.: Миланова С. Нетърпимост срещу политически опоненти – Кръстю Пастухов на подсъдимата скамейка // Минало. 1994. № 4. С. 72–83.

- ¹⁰¹ Димитров Георги. Дневник... С. 527.
¹⁰² Там же. С. 528.
¹⁰³ Там же. С. 529.
¹⁰⁴ Народна Република България: Президиум на Народното събрание. Материали по Конституцията на НРБ от 1947 г. (далее – Материали по Конституцията). Т. 3. С. 2, 7 [архивные дела, хранящиеся в Библиотеке Народного собрания].
¹⁰⁵ Работническо дело. 1946, 31 окт.
¹⁰⁶ Исусов М. Политическите партии... С. 316–317, 320.
¹⁰⁷ Советский фактор... С. 356.
¹⁰⁸ Димитров Георги. Дневник... С. 539.
¹⁰⁹ Советский фактор... С. 356.
¹¹⁰ Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 127–128.
¹¹¹ Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля... С. 17.
¹¹² Драганов Д. Указ. соч. С. 9–28.
¹¹³ Восточная Европа в документах... С. 541; Исусов М. Сталин и България... С. 50–51.
¹¹⁴ Восточная Европа в документах... С. 539–541.
¹¹⁵ Там же. С. 555–556.
¹¹⁶ Димитров Георги. Дневник... С. 545, 547, 549, 550, 552, 553.
¹¹⁷ Народные и национальные фронты... С. 480.
¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 86, 83.
¹¹⁹ Генчев Н. Разгромът на буржоазната опозиция в България през 1947–1948 година // Годешник на Софийския университет: Идеологични катедри. София, 1963. Т. 56. С. 225.
¹²⁰ Советский фактор... С. 449–450.
¹²¹ Материали по Конституцията... Т. 5. С. 11, 36, 57; Т. 6. С. 38, 39; Т. 7. С. 19.
¹²² Димитров Георги. Дневник... С. 550.
¹²³ Там же. С. 551.
¹²⁴ Там же. С. 553.
¹²⁵ Стоянов В. Предсмъртните писма на Никола Д. Петков до Георги Димитров и Васил Коларов (19 август – 22 септември 1947 г.) // ИП. 1991. № 5. С. 91.
¹²⁶ ИП. 1991. № 7. С. 59.
¹²⁷ Подробное см.: Исусов М. Политическите партии... С. 376–377; Валева Е.Л. Указ. соч. С. 166–167.
¹²⁸ Советский фактор... С. 491–492; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1135. Л. 2.
¹²⁹ Димитров Георги. Дневник... С. 565.
¹³⁰ Цит. по: Исусов М. Сталин и България... С. 192.
¹³¹ Мошанов Ст. След 9 септември 1944. (Из спомените ми) // Научен архив на БАН. Сб. IV. Оп. 1. А.е. 135. Л. 23–24.
¹³² Димитров Георги. Дневник... С. 557, 558.
¹³³ Дертлиев А. Осем месеца от живота на Коста Лулчев през погледа на "информаторите" // Минало. 1997. № 1. С. 53.

- ¹³⁴ *Димитров Георги*. Дневник... С.565.
- ¹³⁵ *Драганов Д.* Указ. соч. С. 57.
- ¹³⁶ *Dimitrov V.* The Cominform and the Bulgarian communist party: Embarking on a new course [выступление на международном коллоквиуме в Кортоне 23–24 сентября 1994 г.]. Р. 15.
- ¹³⁷ *Ди Бьяджо А.* Создание Коминформа // Сопещения Коминформа. 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998. С. 51.
- ¹³⁸ *Иусов М.* Политическите партии... С. 385–387.
- ¹³⁹ *Иусов М.* Сталин и България... С. 144.
- ¹⁴⁰ Материали по Конституцията... Т. 13. С. 217.
- ¹⁴¹ Работническо дело. 1948. 3 февр.; *Димитров Г.* Съчинения. София, 1955. Т. 13. С. 503.
- ¹⁴² *Димитров Георги*. Дневник... С. 634–635.
- ¹⁴³ Доклад на секретаря на Българския земеделски народен съюз Георги Трайков, изнесен на 30 октомври 1948 г. пред Върховния съюзен съвет. София, 1948. С. 36–37.
- ¹⁴⁴ *Волокитина Т.В.* Холодная война и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг.: Очерки истории. М., 1998. С. 179.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 181.
- ¹⁴⁶ *Димитров Георги*. Дневник... С. 631, 633.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 645.
- ¹⁴⁸ Социализм между прошлым и будущим: История и современность. Современность и история. М., 1989. С. 160.
- ¹⁴⁹ *Dimitrov V.* Op. cit. P. 15.
- ¹⁵⁰ *Иванов А.* Поворот 1948 г. и народно-демократическая модель социализма // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20–60-е годы. М., 1991. С. 205.
- ¹⁵¹ *Баева И.* За народната демокрация – полемично // Вскове. 1989. Кн. 6. С. 46.
- ¹⁵² Народна демокрация – само отрицание ли? Разговор между проф. Д. Сирков и доц. Др. Драганов // Дума. 1990. 22 май.
- ¹⁵³ *Иванов А.* Указ. соч. С. 205.
- ¹⁵⁴ Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* Народная демократия и перспективы сталинской модели социализма в Болгарии (1944–1948) // У истоков “социалистического сотрудничества”: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 131–148.
- ¹⁵⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 152. Д. 14. Л. 27.

НА ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ “ПО СТАЛИНУ” (1949–1953)

Проблема социально-политических “носителей власти” на новом этапе и ее решение

Установление властной монополии компартии обозначило проблему смены элит всех уровней, предоставляя исторический шанс изменения общественного статуса прежде всего тем, кто традиционно занимал нижние ступени социальной лестницы. Этот “общественный аванс” объективно усиливал леворадикальные настроения части общества, облегчая тем самым восприятие в Болгарии советской модели.

Проблема новых “носителей власти”, которым предстояло управлять в условиях, когда в силу как объективных, так и субъективных факторов была серьезно нарушена или прервана кадровая преемственность и *народ*, т.е. в первую очередь безвластные прежде социальные слои, получил доступ к управлению страной, быстро выдвинулась в стране в число наиболее актуальных и политически острых.

Новая кадровая ситуация в Болгарии явилась в значительной мере итогом “наказательной” акции, когда, как показано в предыдущем очерке, произошло фактически полное отстранение правившей в военные годы верхушки не только от управления, но и от участия в общественной жизни. При этом такое отстранение могло означать и физическое уничтожение. Народные суды, несомненно, вышли в своей деятельности за пределы первоначально обозначенной задачи, положив начало первой фазе смены кадров в стране.

Другим важным компонентом “наказательной” акции в Болгарии стали административные чистки, официально осуществлявшиеся также в рамках процесса дефашизации. Это явление получило прямую поддержку СКК, выполнявшей вплоть до подписания Мирного договора в Париже 10 февраля 1947 г. важные функции надзора.

Административные чистки в Болгарии развернулись параллельно деятельности народных судов. Они затронули, помимо центральных, областные, околийские и местные органы государственного управления. Особое внимание было уделено силовым структурам. Всего за несколько дней после 9 сентября 1944 г. только из органов министерства внутренних дел, руководимого коммунистом А. Юговым, были уволены 30 тыс. служащих. На основе постановления Совета министров от 10 сентября 1944 г. на базе партизанских отрядов началось формирование народной гвардии и народной милиции.

Прерогативой последней являлись все вопросы, связанные с внутренней безопасностью страны. К лету 1945 г. в Болгарии насчитывалось около 10–15 тыс. милиционеров¹, значительное число которых сосредоточивалось в столице и других крупных городах. Не без основания оппозиционная пресса констатировала резкое увеличение числа вооруженных людей на улицах Софии. «До фашистского режима, – писала газета социал-демократов “Свободен народ”, – на софийских перекрестках стояло по одному полицейскому. Теперь их обыкновенно по два, а в некоторые часы и по одному на каждом углу. Кооператив милиционеров в Софии насчитывает более 10 тыс. членов. Разве в полицейщине заключается новая демократическая Болгария?»²

Чистки и кадровые изменения затронули и юридические структуры. В конце сентября 1944 г. из 618 юристов и правоведов в аппарате органов юстиции было уволено 77, что составило 12,4%. К середине февраля 1945 г. было сменено более 25% судейского персонала. В целом органы юстиции оказались сформированными на однопартийной основе. В них работали только члены компартии, что явилось прямым нарушением коалиционного принципа осуществления власти.

В ведении МВД находились и органы местного управления. Это в значительной мере способствовало преобладанию в них коммунистов. Так, к весне 1945 г. членами БРП(к) являлись более 75% руководителей околийских управлений и городских кметов (старост), свыше 84% сельских кметов (и это по неполным данным) и более 76% их заместителей. И только в отношении областных директоров статистика не была столь подавляющей: из 9 директоров 3 были коммунистами (33,3%), 3 – членами БЗНС, 2 – “звенарями” и 1 – социал-демократом³.

В экономических министерствах, возглавлявшихся “земледельцами” и социал-демократами, смена кадров шла медленнее и не приобрела столь радикального характера, как в структурах, руководимых коммунистами. В поступавших в Москву информационных материалах советских представителей в Болгарии отмечалась, в частности, неблагоприятная ситуация в министерствах финансов (министр – “независимый” П. Стоянов) и иностранных дел (министр – “звенарь” П. Стайнов), где якобы наблюдалась значительная засоренность аппарата “профашистскими элементами”⁴.

Большими трудностями сопровождалась чистка на местах. 3 ноября 1944 г. секретарь обкома профсоюзов Пловдивской области Балканджиев в беседе с заместителем политсоветника СКК К.Д. Левычкиным сообщил, что “чистка административного аппарата от фашистских элементов идет слабо, особенно в военных учреждениях и на предприятиях, где почти целиком сохранилось старое фашистское руководство... Руководители этих предприятий перебрасываются с одного предприятия на другое. Несмотря на требования рабо-

чих, Военное министерство не очищает административный аппарат от фашистов. Старое руководство саботирует военное производство под видом трудностей и нехватки сырья”. Балканджиев подчеркнул и такую особенность ситуации: предприниматели опираются на старые законы, а профсоюзы – на новую власть, которая еще не издала законы о труде. Конфликтные вопросы между предпринимателями и рабочими решаются с помощью милиции, состоящей из членов компартии и партизан⁵.

Овладение административными органами и “кадровая революция” стали важными вехами в процессе смены политической элиты и создания новой социальной прослойки управленцев, которой предстояло сыграть в будущем важную роль. С первых шагов в этом направлении в Болгарии антифашистская составляющая переплелась с классово-политическими целями.

Значение смены кадров резко возросло в момент перехода от военного времени к мирным будням, требовавшим рутинной работы, не возможной без профессиональных знаний и навыков, а также опыта в различных сферах управления. Как и при всякой радикальной акции, на передний план выдвигались люди, проявившие себя в “борьбе”, но весьма далекие от управляющих сфер. Власть оказалась перед выбором: чему отдать предпочтение – профессионализму или политической конъюнктуре. Реализовывавшаяся в стране тактика “демократического блока” была призвана закрепить сотрудничество различных политических сил и их конкретных представителей в структурах власти на основе компромисса. Но компромисс этот носил временный характер, как временным оказалось и предпочтение, отдававшееся поначалу критерию профессионализма. Для коммунистов такой подход означал массу проблем. 10 февраля 1945 г. руководитель Дирекции радиовещания Болгарии писатель-коммунист О. Василев писал Г. Димитрову: страна “стоит перед необходимостью перестроить свою жизнь во всех областях. Если бы это переустройство было чисто советским, то нам было бы во много раз легче, так как мы восприняли бы выработанные уже Советским Союзом формы работы, использовали бы, так сказать, готовый колоссальный общественный и государственный опыт... Сегодняшняя международная обстановка, однако, не позволяет, чтобы процесс нашего переустройства пошел по самому легкому пути. Переустройство должно совершиться на более неопределенной, более нелепой, промежуточной основе демократизма, при этом и реформы будут такие же средние, промежуточные и с не очень ярко очерченными формами. А как раз для таких преобразований отсутствуют и пример, и опыт, и подготовленные кадры. Поэтому и бремя ответственности лиц – партийных и работающих в государственном строительстве – еще больше. Именно это положение требует чрезвычайной бдительности, предосторожности, конкретного подхода и большого напряжения”⁶.

Но уже меньше чем через год в Болгарии стали проявляться новые тенденции в подходе к кадровой проблеме. На IX пленуме ЦК БРП(к) в декабре 1945 г. прозвучали голоса о необходимости чистки госаппарата и от оппозиционеров, о вытеснении партнеров по ОФ с руководящих постов. По мере продвижения компартии к монополии власти в стране акцент на замену старых кадров исключительно коммунистами усилился. Ускорителем этого процесса стал Коминформ, нацеливший партийные руководства на отказ от коалиционного способа осуществления власти и овладение всеми командными высотами.

В октябре 1947 г. на пленуме ЦК БРП(к), ставшем заметной вехой в процессе сталинизации партии, был остро поставлен вопрос о чистке министерств иностранных дел, земледелия, благоустройства, торговли, а также силовых структур. Этот перечень понятен: указанные министерства в большинстве своем возглавлялись не коммунистами, а их партнерами по коалиции, укрепление же с помощью чисток силовых структур, в которых доминировали члены БРП(к), рассматривалось как залог обеспечения стабильности режима в целом. Примечательно, что объектом чисток в это время должны были стать уже не просто “чуждые”, но и “колеблющиеся” элементы.

На пленуме констатировалась острая потребность в новых кадрах, а некоторыми делегатами были предложены и конкретные способы решения кадрового вопроса. Так, министр внешней торговли К. Добрев говорил о намерении опереться в работе своего ведомства на “молодых, преданных людей, пусть и не особенно подготовленных...”⁷

Фактически определился главный критерий подхода к кадрам: “наш” или “чужой”, причем понятие *чужой* включало в себя уже не только открытых врагов, но и инакомыслящих.

Сформулированная на пленуме В. Червенковым задача “провести решительное переустройство государственного аппарата, всей государственной организации, устраняя буржуазно-демократические пережитки прошлого”, преследовала, по словам оратора, цель создать “действительно новый тип государственной организации” как эффективный инструмент перехода страны к социализму. На руководящие должности следовало выдвигать “преданные”, или, по терминологии тех лет, “здоровые кадры”. Болгарская исследовательница И. Баева отметила, что на практике оборотной стороной “здоровья” кадров, как правило, являлось отсутствие у них профессиональных навыков и нужной подготовки. Это в свою очередь неизбежно вело к массовому оседанию во властных структурах бесприказных исполнителей чужих решений⁸.

При новом подходе к решению кадровых вопросов серьезной помехой становился образовательный ценз. Для ее устранения в 1948 г. был сформулирован принцип: при выдвижении кадров следу-

ет в первую очередь учитывать их прошлое (до 9 сентября 1944 г.). Образование “выдвиженца” отходило, таким образом, на второй план. Тем не менее вопрос о цензе обусловил необходимость “наведения порядка” в гимназиях и университете. Начиная с осени 1948 г. по политическим и социальным мотивам только из столичного университета были удалены более 2600 (по другим сведениям 4000) учащихся, что составляло от 20 до 30% от общего числа студентов в стране. По оценкам партийного руководства, безотлагательных мер требовало и состояние преподавательского персонала⁹.

Создававшееся разными, в значительной мере и силовыми, методами управленческо-административное “поле” постепенно заполнялось новыми функционерами, воспринявшими коммунистическую идею и политику БРП(к). Коммунистическая партия неуклонно становилась основным и практически единственным источником руководящих кадров.

Резонно при этом задаться вопросом, насколько соответствовала БРП(к) роли лидера болгарского общества, готового взять на свои плечи все тяготы управления страной, ее экономикой, финансами, социальной и культурной сферой?

На этапе борьбы за властную монополию компартия, как указывалось в предыдущем очерке, стремительно превратилась в массовую. Внешне данный процесс выглядел стихийным, но за этим стояло четкое понимание партийным руководством необходимости подобной “массовизации”, призванной продемонстрировать укоренение компартии в обществе и право на управление им.

Массовость партии рождала многие проблемы, в том числе регулирование численности и социального состава, “качество” партийных рядов и пр. Политологами давно подмечено, что в компартиях вопрос качества в конечном счете всегда превалировал над вопросом количества, требуя контроля за вступлением в партию и систематической чистки рядов¹⁰.

Основной социальной опорой партии считался в первую очередь рабочий класс. В силу этого рабочие занимали в БРП(к) привилегированное положение по сравнению с другими социальными категориями. Мнение рабочего класса было более важно для руководства при оценке реакции членской массы на мероприятия власти, допускалась и более острая критика руководства рабочими. Кроме того, и это главное, в период формирования властных структур рабочий класс рассматривался как естественный резерв новых кадров, как надежная гарантия недопущения в будущем бюрократизации управления.

На V съезде партии в декабре 1948 г. были оглашены сведения о ее численном и социальном составе. Из членской массы в 464 тыс. человек 26,5% (122 896) приходилось на долю рабочих, 44,74% (207 490) – трудящихся крестьян, 16,28% (75 501) – служащих, 12,48% (57 895) – ремесленников, учащихся, домохозяек и пр.

Партия насчитывала 8053 первичные партийные организации, в том числе 4900 сельских территориальных, 209 – в ТКЗХ, 16 – в МТС, 13 – в ГЗХ (государственных земельных хозяйствах), 878 городских территориальных, 854 – на предприятиях, 811 – в учреждениях, 91 – в учебных заведениях, 89 – в трудовых производственно-ремесленных кооперативных организациях, 120 – на транспорте, 49 – на шахтах, 23 – на строительных объектах. Таким образом, низовая организационная сеть партии охватывала практически все категории населения.

По возрастному составу члены партии делились следующим образом: до 20 лет – 1%; 20–30 лет – 25%; 30–40 лет – 39%; 40–50 лет – 25%; 50–60 лет – 8%; свыше 60 лет – 2%. Основной удельный вес, следовательно, приходился на категорию от 20 до 50 лет, причем внутри этой группы, безусловно, лидировала прослойка 30–40-летних (39%).

Весьма показательны данные об образовательном уровне членов партии. Из материалов, подготовленных к съезду, следовало, что более половины (52%) коммунистов были неграмотными (7%) или имели начальное образование (45%). Семилетнее образование имело у 30% членов партии, неполное среднее – у 6%, среднее – у 7%. Менее 5% составляли партийцы с незаконченным высшим (2%) и высшим (2,5%) образованием¹¹.

В отчетном докладе съезду Г. Димитров подчеркнул, что дальнейший численный рост партии нежелателен: "...можно определенно сказать, что 500 000 членов партии – цифра, которую едва ли нужно будет в будущем превысить для того, чтобы партия могла играть свою руководящую роль..." Сразу возникает вопрос: откуда такая цифра? Поддается ли обоснованию и конкретизации зависимость между численностью партии и ее способностью к лидерству? Или налицо догматизм мышления коммунистического лидера?

По-иному оценивался социальный состав. Димитров был категоричен: "Возможны и желательны значительные улучшения". Эти улучшения он напрямую связывал с необходимостью увеличения удельного веса рабочих до 30–35%, причем главным образом за счет промышленных и строительных рабочих. Иными словами, число рабочих должно было достигнуть 150–175 тыс. человек. Количество крестьян-коммунистов, по оценке Димитрова, можно было уже на том этапе считать удовлетворительным.

Улучшение социального состава, повышение марксистско-ленинской подготовки и активности коммунистов определились как наиболее важные задачи партийного строительства в этот период. «Можно с положительностью сказать, – подчеркивал Димитров, – что в нашей партии нет организованных правых или левых групп или фракций. Но правых или левых проявлений отдельных партийцев в нашей партии все еще насчитывается немало ... Случаи, когда партийцы гнутся перед трудностями, готовы капитулировать, встре-

чая сопротивление классового врага, не единичны; другие же не считают ни с какой партийной и государственной законностью, не признают никаких этапов в развитии, не понимают народной демократии и ОФ как своеобразных путей, которые делают возможным более безболезненный приход к социализму, а прикрываясь громкими "революционными" демагогическими фразами, на деле затрудняют развитие к социализму»¹².

Отмеченные Димитровым слабости и недостатки партии, претендовавшей на роль политического лидера, объясняли в известной степени тревожный факт, четко проявившийся к тому времени, – БРП(к) не смогла нарастить и укрепить свой авторитет в массах. В одном из анонимных писем, адресованных руководству Коминформа (осень 1948 г.), указывалось: до 9 сентября 1944 г. компартия была одной из самых популярных в народе. "Сейчас ее больше всех ругают. Она находится в ссоре с народом"¹³. Не будучи единичной, эта констатация не могла не насторожить руководство БРП(к). Отсюда всплеск внимания к ОФ как реальной силе, могущей взять на себя решение многих первоочередных задач, действуя под руководством компартии, но внешне как широкая коалиция. Кроме того, это давало возможность разделить с союзниками ответственность за проводимую политику и тем самым несколько снять напряжение в отношениях между компартией и обществом. В стране, где рабочий класс отличался малочисленностью и имел свою специфику (преобладание сезонных рабочих и рабочих низкой квалификации, полуремесленников), ОФ мог стать реальной подпоркой коммунистам.

Непростой была ситуация в корпусе партийных функционеров. Высшие руководящие органы БРП(к) окончательно оформились в первой половине октября 1944 г. К этому времени приостановило свою деятельность ЗБ ЦК, и в страну вернулись некоторые его члены (В. Червенков, Г. Дамянов). До конца 1945 г. в Москве оставались Г. Димитров и В. Коларов. Первым политическим секретарем ЦК стал Тр. Костов. Руководящие органы БРП(к) были сформированы по согласованию с Москвой¹⁴ и включали в себя как членов "дореволюционного" ЦК (Д. Танев, Р. Дамянов, Д. Драгойчева, Г. Атанасов, Д. Димов и др.), так и участников движения Сопротивления, политзаключенных, политэмигрантов.

К V съезду в партии насчитывались 46 тыс. членов партийных комитетов: 3558 из них, или 7,73%, – бывшие партизаны и политзаключенные, т.е. люди прошедшие, как считалось, строгую проверку, бывшие с партией в нелегкий период ее деятельности. Это была своего рода "старая гвардия", претендовавшая на особое положение среди других партийных функционеров. Около 85% составляли молодые партийцы, не имевшие опыта партийной работы. Вступив в БРП(к) после 9 сентября 1944 г., а часть их даже в 1946 г., они не только способствовали "взрывообразному" росту партийных ря-

дов, но и стремительно вошли в руководящую партийную “обойму”, правда пока еще не очень высокого уровня. Так, основная масса из 17 тыс. функционеров со стажем менее трех лет являлась накануне V съезда членами бюро только лишь первичных партийных организаций¹⁵. Но начало их политической карьеры было положено.

Практика породила деление на “старых” и “молодых” партийцев, что было, впрочем, естественно. Однако в феврале 1946 г., выступая на Софийской областной конференции БРП(к), Г. Димитров назвал такое деление “абсолютно ошибочным” и предложил следующую градацию: в БРП(к) действуют четыре основных категории кадров, в каждой из которых есть и “старые”, и “молодые”. Задача руководства заключалась в том, чтобы сплотить эти категории в единое целое.

Первая категория являлась, по определению Димитрова, “хребтом” партийных кадров вообще и самой партии. Это – те, кто активно боролись против фашизма до 9 сентября 1944 г., а после продолжали “честно и верно служить партии”.

Вторая категория не была активной до 9 сентября, но помогала партии бороться, состояла из “честных и преданных партийцев”.

К третьей категории Димитров призвал относиться с известной сдержанностью: эти кадры не помогали партии, хотя и не переходили на сторону врага, были оторваны от политической жизни, от партии и ее борьбы. Эта категория, отсталая в политическом и идеологическом отношении, “не может претендовать на руководящее участие в партии сейчас”.

И, наконец, четвертая категория – это лица, вступившие в БРП(к) после 9 сентября 1944 г. Им еще предстояла большая целенаправленная работа, “чтобы стать полноценными партийными кадрами”¹⁶.

Заметим, что в первоначальном варианте доклада В. Червенкова на учредительном совещании Коминформа в сентябре 1947 г. содержалась именно эта, димитровская, характеристика партийных кадров¹⁷. Следовательно, ее актуальность сохранялась.

Документы показывают, что практическая работа партаппарата быстро выявила его слабые стороны. Решение Коминформа по Югославии (июнь 1948 г.), прошедший вскоре после бухарестского совещания XVI пленум ЦК БРП(к) открыли этап серьезной критики деятельности компартии и ее руководящего звена. Решения пленума обсуждались на закрытых партсобраниях, где рядовые коммунисты выражали острое недовольство работой первичных и районных организаций БРП(к). При этом критика концентрировалась на следующих недостатках:

– нарушение принципов внутрипартийной демократии, выразившееся, в частности, в широком распространении практики кооптации коммунистов на те или иные партийные посты и отказе от принципа выборности; слабая критика и самокритика, отсутствие колле-

ктивизма в работе, преобладание командного стиля руководства, диктаторские замашки, бюрократизм;

– подмена партийными организациями органов государственного управления;

– недооценка руководством БРП(к) и рядовыми коммунистами значения активной работы в низовых организациях ОФ, пренебрежение ею;

– притупление бдительности, недооценка обострения классовой борьбы в деревне и городе;

– слабая постановка партийного просвещения в целях повышения идейно-политического уровня членов партии¹⁸.

Оставляя в стороне дежурные фразы о бдительности и классовой борьбе, заметим, что критика фокусировалась на тех недостатках, которые во многом проистекали из отмеченных выше принципов формирования партийного аппарата с учетом бывших заслуг и социального происхождения в ущерб профессиональному и общему культурному уровню.

Справедливость критики подтверждали и советские представители. Как сообщал 31 января 1948 г. из посольства СССР в Софии в Москву К.Д. Левычкин, “успехи БРП(к) на политическом фронте породили у нее, особенно на местах, головокружение, излишнюю самоуверенность и беспечность”. Партия не сумела “освоить организационно и идейно-политически такую огромную массу новых членов”. Местные кадры допускают в результате грубые ошибки, бестактность по отношению к союзникам¹⁹. В отчете консульства СССР в Русе за 1948 г. указывалось, что в Русенском округе имела место вражда коммунистов с членами БЗНС “на почве овладения общественно-политической жизнью села”. Однако состояние кадров БРП(к) таково, что коммунист подчас “не только не в состоянии повлиять на беспартийного крестьянина, но зачастую и сам не понимает цели и задачи своей партии”²⁰.

В августе 1948 г. прошли городские и районные партконференции, на которых, как сообщали из советских консульств в Москву, “впервые, хотя и в робкой форме”, критиковались ошибки “высшего эшелона” – ЦК, конкретных ответственных руководителей. Основное, что ставилось им в вину, – отрыв от масс, бюрократизм. Вскрылись факты превалирования у многих коммунистов-руководителей личного интереса над общественным, государственным, болезненного восприятия ими критики в свой адрес, не говоря уже о самокритике (“самокритика руководителя – очень редкое явление”), ущемления прав и авторитета Народных Советов, вмешательства в административные и хозяйственные функции последних, неумелого руководства, любви к парадной шумихе и митинговщине. Причины же объяснялись, как правило, стандартно: засоренностью партии “чуждыми”, “карьеристскими” и прочими нежелательными элементами²¹.

Неожиданно возникший летом 1948 г. “югославский вопрос” выявил наличие значительного критического потенциала в различных кругах болгарского общества. Отражением этого стали, например, зафиксированные сотрудниками советского консульства в Русе следующие настроения рядовых граждан: “Социалистическая система, применяемая в Советском Союзе, а теперь и в Болгарии, выгодна для государства (читай: руководителей, чиновников. – *Авт.*), но не для трудящегося населения...”²².

“Качество” партийных рядов считалось возможным улучшить как через систему партийного обучения, так и с помощью чисток. Главенствовал при проведении последних принцип “лес рубят – щепки летят”, что отражало понимание руководством неизбежности, если не закономерности, перегибов. В одной из бесед с И. Броз Тито Г. Димитров, например, сравнил чистки с “надрезами по здоровому телу, чтобы без остатка удалить гниль”²³.

Решения XVI пленума и затем V съезда БКП об улучшении состава партии фактически начали выполняться после июньского пленума ЦК 1949 г., призвавшего ускорить “очищение” парторганизаций. Следует заметить, что отмечаемые недостатки были в значительной мере отнесены на счет попавшего к тому времени в опалу Тр. Костова: именно ему персонально было приписано проведение “массовизации” партии вскоре после 9 сентября 1944 г. Руководство партии на новом этапе отказалось от прежних высоких оценок стремительного роста численности БРП(к), сфокусировав внимание на вызванных ею сильной засоренности парторганизаций, явлениях групповщины и даже фракционной борьбы в руководящем составе партийных органов²⁴.

Чистка проводилась на протяжении 1949–1951 гг. В ходе ее из партии были исключены около 25% коммунистов. Основную массу исключенных составили отпавшие от БКП или пассивные члены партии. Ко второй группе относились те, кто открыто отказывался выполнять указания властей, связанные с госпоставками и проведением плановых посевов в деревне. Речь при этом шла нередко не только о рядовых коммунистах, но и о низовых партийных и государственных служащих, которые, как указывалось, брали под защиту “кулака”, старались облегчить экономические репрессии против него и не допустить наказания. Третью группу исключенных составили члены партии, на которых имелись компрометирующие материалы в связи с коллаборационизмом или участием в репрессивных действиях особенно во время оккупации Югославии. И, наконец, в четвертую группу входили члены партии, обвинявшиеся в использовании в собственных целях своего служебного положения, коррупции, произволе, командном стиле руководства и т.п. Впоследствии оказалось, что многие исключенные, особенно по третьей и четвертой группам, стали жертвами клеветы и сведения личных счетов²⁵.

Проводившиеся обследования первичных парторганизаций показали, что хронический характер приняли такие недостатки, как отсутствие коллегиальности в руководстве, грубое администрирование, вмешательство в работу Народных Советов всех уровней, отрыв от масс, зажим критики и почти полное отсутствие самокритики со стороны партийных руководителей (на партконференции в Сталинском округе прозвучало весьма образное сравнение: “В самом начале на критику был надет намордник...”), недостаточное внимание работе с кадрами, низкий политический и теоретический уровень партийцев.

Имела место селекция членов партии “по заслугам”, причем она не всегда носила скрытый характер. Так, в Пловдивском округе публично заявляли, что члены партии, вступившие в ее ряды после 9 сентября 1944 г. (их называли иронически “членами партии с 10 сентября”), малоценны, не имеют права критиковать “заслуженных” партийцев со стажем, тем более руководителей. Прошедшие в 1949 г. партконференции в округах зафиксировали еще одно тревожное явление – уменьшение численности парторганизаций, причем в первую очередь за счет “трудового элемента”: “рабочие и крестьяне-бедняки, т.е. те, у кого нет карьеристских побуждений при вступлении в партию, отходят от БКП”, – констатировал секретарь Русенского окружного комитета Фр. Титоренков. “Дело” Костова (подробнее о нем см. ниже) привело к определению целого комплекса задач по поиску случайных и сомнительных элементов в рядах БКП, усилению бдительности и укреплению партийной дисциплины. Подавляющее большинство исключенных в 1950–1951 гг. накрыла волна борьбы с “трайчокостовщиной”.

Одновременно предпринимались шаги по решительному улучшению социального состава БКП. Фактически определилось четкое намерение “верхов” обеспечить приток в партию рабочих за счет сокращения других категорий населения (был прекращен прием служащих, адвокатов, торговцев, пенсионеров и домохозяек из служащих). В августе 1951 г. по специальному постановлению секретариата ЦК БКП был аннулирован прием в партию тех членов и кандидатов из категории “служащие”, который был утвержден после выхода 30 мая решения о приостановке приема в партию данных лиц. Думается, что немаловажную роль сыграли при этом и критические оценки социального состава партии со стороны советских дипломатических представителей²⁶.

Сформулированную еще V съездом задачу повышения удельного веса рабочих в БКП до 30–35% удалось, по минимуму, решить лишь в 1951 г., когда впервые был перейден 30%-ный рубеж (30,4% от общего числа членов партии и кандидатов). В последующие годы приток рабочих в партию оценивался болгарским руководством как явно недостаточный. БКП оставалась партией с “крестьянским ли-

цом” (40,78% от членской массы в 1952 г.), в которой значительным являлось также представительство служащих (18,2%)²⁷.

Перманентные чистки партийных рядов, особенно те, что проводились по формуле поиска “врага с партийным билетом”, вызвали в БКП своего рода паралич: коммунисты, если они не хотели быть обвиненными в антипартийных и антисоветских настроениях, сознательно не шли на риск выражать отличное от официального мнение, проявлять самостоятельность или инициативу. Процесс создания контингента надежных, ориентированных на беспрекословное подчинение приказу кадров, таким образом, завершился. Именно они составили основу исполнительного механизма, готового к административно-командным методам работы, присущим советской модели.

К началу 50-х годов в Болгарии сложился и был запущен в действие характерный для “партийного государства” номенклатурный принцип подбора и распределения кадров.

Структура номенклатуры была двухуровневой: номенклатура политбюро и номенклатура секретариата ЦК БКП. Каждая подразделялась на три категории – А, Б и В. Категория А включала партийных работников, Б – работников профсоюзных и прочих общественных и местных организаций, печати, и В – сотрудников государственного аппарата, различных министерств и ведомств, Болгарской Академии наук (БАН) и пр. Различия определялись “уровнем” того или иного функционера, его должностью. Так, по категории А в номенклатуру ПБ входили первые секретари околийских и приравненных к ним городских и районных комитетов партии (126 человек). В категорию А номенклатуры секретариата ЦК входили вторые и третьи секретари этих комитетов (254 человека). В категорию Б номенклатуры ПБ были включены председатель и секретарь Национального совета ОФ (2), в то время как члены постоянного бюро НС ОФ включались в номенклатуру секретариата ЦК (11). По категории В председатель, заместитель председателя и главный секретарь БАН состояли в номенклатуре ПБ (4), а члены учредительного совета, ученые секретари, секретарь редакционно-издательского совета и директора институтов БАН (45) – в номенклатуре секретариата ЦК.

Имеющиеся в нашем распоряжении крайне ограниченные материалы позволяют судить лишь о приблизительной численности номенклатуры и количестве должностей, входивших в соответствующие списки. Например, к категории Б номенклатуры секретариата ЦК было отнесено примерно 64 должности (158 человек). По линии МВД (номенклатура ПБ и секретариата ЦК, категория В) устанавливались соответственно 5 и 18 номенклатурных должностей (19 и 70 человек) и пр. В целом, по неполным данным, номенклатура ЦК (ПБ и секретариата) насчитывала около 2300 человек (соответственно более 620 и около 1650 человек)²⁸. Появление и “совершенст-

вование” в дальнейшем номенклатурных списков, шедшее по линии их расширения, свидетельствовало о том, что процесс сращивания партийного и государственного аппарата полностью завершился: партия распоряжалась теперь не только собственными кадрами, но и государственными должностями.

Отныне существовал особый слой руководителей, входивший в жесткую закрытую систему. Принадлежность к этой системе, быстро приобретавшей характер клана, рождала у вчерашнего скромного партийца ощущение исключительности, превосходства перед своим товарищем по партии. “Номенклатурный работник, – писал исследовавший советскую номенклатуру А.М. Некрич, – в каком-то смысле стоял выше, чем просто коммунист”²⁹. Вместе с тем на новом этапе, когда изменилась атмосфера в обществе и партии, выдвинутые, поднявшиеся на волне репрессий, в значительной степени утратили “революционное лицо”, стали сервильнее, и, как отмечалось в отечественной литературе, “бесхребетнее”.

Важной вехой в процессе сращивания партийного и государственного аппарата явилось оформление вождистского принципа осуществления власти. На механизм этой процедуры указывал в свое время Г. Димитров, сообщая из Москвы свои соображения по поводу кандидатуры Тр. Костова на пост политического секретаря ЦК: “Если первый секретарь достаточно работоспособен и имеет все прочие необходимые партийные и деловые качества, но ему недостает популярности и авторитета, это не большая беда. Его имя следует лишь умно и тактично популяризировать в партии и обществе. Мы должны решать подобные вопросы в интересах партии по-большевистски, а не руководствоваться соображениями личного престижа или какими-либо еще посторонними соображениями”³⁰.

Иными словами, в Болгарии, как и в других странах советского блока, фигура вождя не была простым продуктом некоей благоприятной политической среды. Ее возвращали и заботливо нестовали, широко используя в этих целях все средства пропаганды. Документы подтверждают, что процесс этот шел под контролем и при активной роли Москвы.

30 января 1950 г., через неделю после смерти В. Коларова, пленум ЦК БКП принял решение предложить на утверждение парламенту кандидатуру В. Червенкова на пост председателя Совета министров. Учитывая важность вопроса, у отсутствовавших на пленуме членов и кандидатов в члены ЦК было запрошено их мнение в письменном виде. Полученные ответы продемонстрировали полное единодушие: решение ПБ провозглашалось “единодушно правильно”³¹. Но мало кто знал, что пленуму предшествовал обмен цифртелеграммами между Софией и Москвой. 29 января 1950 г. Червенков сообщил Сталину о выдвижении его кандидатуры на пост главы кабинета и запросил мнение советского руководителя на этот счет.

На следующий день, 30 января, “Филиппов” (Сталин) ответной шифртелеграммой дал согласие.

Возглавив правительство, Червенков вскоре принял на себя руководство Отечественным фронтом. И, наконец, в ноябре 1950 г. после официального восстановления в партии поста генерального секретаря³² Червенков занял и эту должность. По этому поводу София также предварительно запросила мнение Москвы. 5 ноября 1950 г. председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьян сообщил об этом Сталину. Одновременно болгарская сторона запросила согласие советского руководства по кандидатуре члена ЦК БКП Г. Чанкова на пост заместителя председателя Совета министров³³. “Добро” из Москвы было получено.

Впоследствии обращения к Сталину как к высшей инстанции по всем основным вопросам, включая кадровые, стали важнейшим элементом в методах управления Червенкова. Одновременно при решении отдельных кадровых вопросов практиковалось привлечение советских представителей в Софии в качестве советников или, по меньшей мере, свидетелей происходивших перемещений. Так, например, посол СССР в Болгарии М.Ф. Бодров был приглашен на закрытое заседание ЦК БКП в мае 1950 г., где рассматривался вопрос о перестановках в Совете министров³⁴.

Данные факты отнюдь не следует расценивать как болгарскую специфику. Стремление заручиться мнением, согласием, поддержкой советской стороны и, по возможности, лично Сталина демонстрировали практически все без исключения коммунистические лидеры стран восточного блока. Как показывают документы о встречах и беседах советских руководителей и прежде всего Сталина с национальными коммунистами, последние нередко испытывали сильнейшее эмоциональное потрясение от посещения Москвы. Не случайно российский историк В.К. Волков сравнил встречи Сталина с лидерами восточноевропейских компартий и стран с “паломничествами верующих к святым местам”. “Кремлевский оракул, – пишет он, – обладал своеобразным даром воздействия на своих собеседников, мистифицируя их своим вниманием, простотой поведения, политическим опытом ... Это актерское мастерство накладывалось на его огромную власть, и даваемые им инструкции он умел преподнести в виде советов, родившихся как бы в ходе совместного общения”³⁵.

Насаждение культа личности В. Червенкова проходило по схеме, хорошо известной из нашей отечественной истории. Для демонстрации своей компетентности Червенков начал постоянно выступать с докладами, статьями и по примеру И. Сталина разъяснениями в виде ответов на “письма трудящихся” по самому широкому кругу вопросов общественной жизни и социалистического строительства. На страницах теоретического органа БКП журнала “Ново време”

начиная с 1951 г. были опубликованы “Ответ тов. Странскому”, “Ответ тов. Т. Павлову”, “Открытое письмо тов. Пиронкову”, “[Ответ] товарищу Дели Йордановой” и др. Естественно, тут же нашлись и “толкователи” подобной “переписки”: в 11-м номере журнала за 1951 г., например, была помещена статья К. Добрева “Значение писем товарища В. Червенкова тов. Павлову и Странскому для развития нашей науки”. Быстро стало практикой, когда “учителю и другу болгарского народа” рапортовали труженики, отчитываясь о своих достижениях. В сентябре 1950 г. торжественно было отмечено 50-летие Червенкова. По решению Политбюро ЦК БКП имя болгарского лидера получили, в частности, V район Софии, авторемонтный завод и столичная медицинская академия. В литературе юбилей Червенкова считается формальной точкой отсчета его культа, однако сам Червенков впоследствии самокритично утверждал, что последний возник раньше – в 1949 г.

16 ноября 1950 г. постановлением ПБ № 413 процесс присвоения имени Червенкова городам, селам, предприятиям и пр. был упорядочен. Носить это имя могли лишь “хорошо изученные и подходящие объекты”, являвшиеся примером для остальных³⁶. Применительно к объектам национального значения соответствующие решения принимались только ПБ. В местном масштабе этим правом наделялись околийские комитеты партии и Народные Советы, но решения в обязательном порядке утверждались председателем президиума Народного собрания.

Советская сторона фиксировала проявления культа личности Червенкова, однако, по понятным причинам, вопрос о них освещался в партийных документах, предназначенных сугубо “для внутреннего пользования” и, по нашим сведениям, уже после смерти Сталина. Так, в декабре 1953 г. в связи с предстоящим визитом Червенкова в Москву в Отделе ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями была подготовлена подробная записка о положении в Болгарии. Немало места в ней отводилось оценкам ситуации в руководстве БКП. В записке, в частности, подчеркивалось: «В руководстве компартии Болгарии неблагоприятно обстоит дело с коллективностью руководства, слабо развита критика и самокритика, что находится в прямой связи с продолжающейся в Болгарии пропагандой культа личности т. Червенкова. В течение длительного времени в болгарской печати выступления т. Червенкова немедленно объявлялись “историческими”, “вдохновенными”, “проливающими яркий свет”, “исключительным событием” и т.д. Руководящие работники Болгарии в своих выступлениях без конца цитировали высказывания т. Червенкова. Его выступления цитировались не только в речах и газетных статьях, но и в официальных документах партийных и профсоюзных органов. В статьях, приветствиях, письмах в отношении т. Червенкова применялись такие выражения, как “мудрый”, “любимый”, “родной”, “верный продолжатель дела Димитрова” и

другие неумеренные эпитеты. За последнее время это славословие по адресу т. Червенкова несколько сократилось, однако и в настоящее время появление т. Червенкова и его выступления сопровождаются бесконечным скандированием. Даже на пленуме ЦК болгарской компартии, состоявшемся 25–27 сентября с. г., появление в зале т. Червенкова было встречено скандированием: “Червенков”, “Червенков”. Каждый год т. Червенков все лето проживает в бывшем царском дворце в окрестностях г. Сталин (ныне – Варна. – *Авт.*) (более 10 часов езды от Софии) и оттуда руководит партией и страной»³⁷.

Укоренившийся в болгарской политической практике с конца 40-х годов XX в. принцип вождизма как основополагающий определил завершенность процесса построения иерархической “пирамиды” власти. “Вождь”, олицетворяя вершину партийно-государственной “вертикали”, сосредоточил в своих руках огромную власть над обществом и страной. Всеобъемлющая и универсальная власть партии подчиняла себе все сферы общества, и “вождь” выступал олицетворением данной системы власти.

В рамках проблемы социально-политических “носителей власти” есть также отдельный и большой важности вопрос – об испытании властью. Более того, об испытании властью людей, в массе своей в ней не искушенных, зачастую, как мы видели, мало- или среднеобразованных, профессионально не состоятельных. Соблазн разного рода привилегий им предстояло совместить с интересами “простого народа”, демонстрацией своей “готовности” служить им. Практика показала, что эти интересы легко отодвигались на дальний план, уступая место стремлению не только удержаться на служебной лестнице, но и подняться выше. Документы подтверждают: в стране, испытывавшей колоссальные экономические трудности³⁸, где жизненный уровень населения колебался между бедностью и нищетой, системой различных привилегий обеспечивался высокий уровень жизни “верхов”, существовали тщательно оберегавшиеся от посторонних глаз оазисы благополучия для “избранных”.

Руководители разных уровней весьма болезненно реагировали на все, что касалось их карьеры, продвижения по служебной лестнице, т.е. получения “места под солнцем”. Показательно в этом плане, что в апреле–августе 1949 г. МИД Болгарии всерьез и тщательно занимался вопросом определения старшинства должностей в государственном и партийном аппарате, армии, общественных, научных, религиозных и прочих организациях. Консультируясь с руководителем протокольной службы МИД СССР Ф.Ф. Молочковым по этому вопросу, советник посольства Болгарии в Москве Царвуланов пояснил, что составление списка, включавшего 49 должностей, “было предпринято с целью устранения обид, вызываемых неправильной рассадкой на приемах, местом на парадах, в сообщениях печати и т.д.

Эти протокольные ошибки в Болгарии воспринимаются весьма болезненно”³⁹.

Царвуланов был далек от того, чтобы сгущать краски. Начальник Генерального штаба Болгарской народной армии генерал И. Кинов в беседе с главным военным советником в Болгарии генерал-лейтенантом А.В. Петрушевским рассказал, что на одном из заседаний президиума V съезда БКП секретарь ЦК Г. Чанков, «беспокоясь за место для Костова, грубо указал Василу Коларову, что он (Коларов) должен знать, где ему садиться, и прибавил при этом болгарскую поговорку “Каждая лягушка должна знать свое болото”»⁴⁰.

Не стоит воспринимать подобную информацию как второстепенную. Фактически речь шла о конкретном проявлении установленного строго иерархического порядка в руководстве партией и страной. Каждый функционер должен был в прямом смысле слова знать свое место, свой номер, набор положенных привилегий и пр. Здесь мы имеем дело с одной из существенных характеристик режима, на которые не влияют различия в национальных традициях, менталитете, общем образовательном и культурном уровнях, сколь бы велики они ни были.

Советская сторона активно участвовала в процессе складывания национальной партийно-государственной элиты, в формировании элитарной психологии. Достигалось это, в частности, сравнительно высокими жизненными стандартами, предлагавшимися национальному руководству. В октябре 1949 г., например, Москва проявила озабоченность в связи с полученной ею информацией о якобы “недостаточном медицинском обслуживании членов Политбюро и руководящих работников Болгарской компартии”, намереваясь “обратить внимание [Червенкова] на улучшение этого дела”. Советская сторона предложила направить в Софию специалистов из лечебно-санитарного управления Кремля, а также принять на лечение в Москве нуждающихся в нем функционеров⁴¹.

Многочисленные документы показывают, что не только болгарские, но и национальные лидеры всех стран Восточной Европы активно пользовались возможностью отдохнуть в Советском Союзе, пройти курс лечения. Привилегии разного рода распространялись при этом на членов семей, родных и близких. Существовала также практика вручения гостям ценных подарков⁴².

Представители высшего эшелона власти окружали эту сторону своей жизни и деятельности плотной завесой секретности. Закрытость и недоступность информации для рядовых партийцев и обыкновенных граждан была призвана убедить всех, что национальные руководители – “первые среди равных”, хотя абсолютизация иерархического принципа построения партии четко отделила “верхи” от “низов”, а номенклатурный принцип кадровой политики еще сильнее углубил этот водораздел.

Функционирование механизма государственной власти и управления

Ориентация на советскую модель оказала сильное влияние на структуру и функционирование механизма государственной власти и управления. В Болгарии, как и в СССР, представительная система власти складывалась по принципу “пирамиды” Советов и была призвана олицетворять собой подлинное “народовластие”. Этот подход был закреплен и в “Димитровской” конституции 1947 г., для авторов которой “великим прообразом” являлся советский сталинский Основной закон⁴³. Но так же, как и в СССР, между внешне вполне демократическими конституционными нормами и реальной практикой общественной жизни существовал значительный разрыв.

Прежде всего это коснулось деятельности высшего органа законодательной власти – Народного собрания. Этот институт был признан важной частью политической системы, олицетворяя собой в глазах общества государственный суверенитет и национальную независимость. Задача превращения парламента в подлинное представительство трудящихся была объявлена первоочередной и решалась путем насыщения его “выходцами из народа”. Реализация такого подхода на практике означала, как правило, стремление провести в высший законодательный орган как можно большее число членов компартии. Использовались с этой целью различные методы.

На заседании ПБ ЦК БКП 17 октября 1953 г., где среди прочих рассматривался вопрос “О подборе кандидатов в народные представители”, докладчик Т. Живков сформулировал для местных партийных органов следующую “приблизительную ориентировку” – в будущий состав Народного собрания должны войти по партийной принадлежности: коммунисты – около 60%, члены БЗНС – 20%, беспартийные – 20%; по социальному составу: рабочие с производства – 35%, сельские хозяева, в том числе кооператоры, – 18%, некооперированные крестьяне – 7%, общественные деятели из сферы науки и искусства – 22%, инженеры, техники, врачи, учителя и пр. – 15%, Народная армия – 3%, при этом на долю женщин приходилось 15–20%, молодежи – 10–15%⁴⁴.

Формируя в соответствии с данной “ориентировкой” высший законодательный орган страны, болгарское руководство озаботилось недопущением в Народном собрании и малейших проявлений “буржуазного парламентаризма”. С этой же целью ПБ ЦК БКП приняло в декабре 1953 г. специальное решение о максимальном приближении регламента работы Народного собрания к Верховному совету СССР.

К началу 50-х годов централизация руководства государственной жизнью ощутимо ограничила активность и эффективность деятельности болгарского парламента. Последняя формализова-

лась и ослабевала по всем линиям: законодательной, контролирующей, непосредственно формирующей другие высшие органы государства. Характерно, например, что законодательная инициатива исходила отнюдь не от депутатов. “Представители народа” лишь одобряли (как правило, единогласно) подготовленные правительственными чиновниками по инициативе руководства компартии проекты⁴⁵.

Широкое распространение получила практика принятия указов и декретов, имевших силу закона, исполнительным органом парламента – Президиумом Народного собрания. При этом и сам Президиум играл формальную роль, утверждая, а точнее штампуя, декреты, подготовленные техническим аппаратом без обсуждения, подчас не особенно вникая в их содержание. Подобная практика сложилась довольно рано: уже весной–летом 1948 г. за неполные пять месяцев Президиум Народного собрания утвердил без дискуссии 57 декретов, а осенью еще 34⁴⁶.

Явное принижение роли парламента подтверждалось также такими характерными для его деятельности явлениями, как нерегулярность парламентских сессий и их малая продолжительность, что в свою очередь вело к принятию важных документов по ускоренной процедуре. Подобная практика была типичной для СССР: в 1946–1954 гг. сессии Верховного совета второго и третьего созывов прошли 10 раз вместо 16 положенных по Конституции СССР⁴⁷. Фактически работу советского парламента определял принцип “целесообразности”. Склонность следовать такому примеру поддавались и болгарские коммунисты. Так, 4 сентября 1948 г. Г. Димитров внес предложение о продлении мандата Великого Народного собрания на один год – до 26 октября 1949 г., обоснованное необходимостью согласовать действующее законодательство с конституцией, а также утвердить закон о 5-летнем плане, подготовка которого близилась к концу. Продление каденции означало, по существу, “консервирование” искаженной роли парламента, создавало для руководящих “верхов” удобство законотворческой работы на основе пагубных принципов – практически без дискуссий, при формальном одобрении “представителями народа” подготовленных аппаратом документов.

Советская парламентская практика не знала также и системы нескольких чтений законопроектов. Более того, в 1949 г. она получила критические оценки в советской юридической литературе как “усложненная”⁴⁸. Позиция советских правоведов оказала непосредственное воздействие на процесс сокращения числа чтений и в парламентах стран Восточной Европы, в том числе в Болгарии. Собственно, этот шаг был вполне логичным: закреплялась уже ставшая фактом нивелировка позиций депутатов, опиравшаяся на во многом механические оценки обсуждавшихся материалов. Иными словами, упрощенная процедура отражала не только единодушие

депутатов, но и оправдывала их своеобразную иждивенческую позицию.

Болгарская парламентская практика начала 50-х годов не знала такого явления, как подача депутатами интерпелляций, что свидетельствовало о сужении контролирующей роли Народного собрания. Кроме того, ограничение круга адресатов, которым мог быть послан депутатский запрос, главным образом кабинетом министров⁴⁹, лишало парламентариев возможности получать информацию о работе государственных органов из первых рук.

На советский опыт опиралась работа и парламентских комиссий. До середины 50-х годов в обеих палатах Верховного совета СССР имелись по четыре комиссии: законодательных предположений, бюджетная, иностранных дел, мандатная. Аналогичные четыре комиссии действовали и в парламенте Болгарии. Но постепенно стала проявляться тенденция к разбуханию комиссий, их чрезмерному дроблению⁵⁰. Эта тенденция шла в русле вышеозначенного уменьшения и формализации роли высшего законодательного органа. Впоследствии оппонентами коммунистов этот процесс был назван “депарламентаризацией” парламентов.

В целом можно констатировать, что в 50-е годы Народное собрание все отчетливее обретало свойства “орнамента” на фасаде существующей системы власти, превращалось в своей деятельности в плебисцитарный институт, действовавший под строгим идеологическим контролем правящей партии⁵¹.

Структура государственного аппарата также формировалась по образцу советского. В основу его организации был положен незыблемый принцип демократического централизма, причем с акцентом на централизме в бюрократической трактовке этого понятия. Прокламировавшиеся демократические принципы играли при этом, по существу, маскирующую роль.

В соответствии со сталинской теорией государства в политической практике стран советского блока отчетливо наблюдалась тенденция к разрастанию и разветвлению государственного аппарата. Этот процесс шел на фоне закрепленного юридически при Сталине принижения роли представительных органов при одновременном возвышении исполнительной власти. Так, при разработке Конституции СССР 1936 г. по его предложению Совет министров приобрел титул “высшего исполнительного и распорядительного органа *государственной власти*”, в то время как ранее правительство трактовалось как исполнительный орган *высшего представительного органа*, т.е. Верховного совета.

Буквально копируя советский опыт, болгарские законодатели включили в конституцию 1947 г. именно скорректированную Сталиным формулировку (ст. 38). Это закрепляло в политической практике положение, когда правительство, концентрируя в своих руках и законодательную, и исполнительную, и административную власть,

становилось центром “соединения властей”, что являло собой важнейший принцип организации советской или подобной ей государственной системы.

Нарождавшаяся коммунистическая бюрократия использовала апробированные в СССР формы власти, подтверждая тем самым, что прежде всего сама природа и идеология компартии как партии “особого типа” обуславливали избрание ею вполне узнаваемого варианта оформления коммунистического режима.

Стремление болгарских руководителей безоговорочно внедрять советский опыт государственного строительства, функционирования административно-хозяйственного и партийного аппарата, копировать или, по меньшей мере, согласовывать соответствующие нормативные документы имеет многочисленные документальные подтверждения. Так, ПБ ЦК ВКП(б) 12 января 1951 г., рассмотрев “вопрос тов. Червенкова”, приняло следующее решение: “1. Поручить министерству иностранных дел СССР (т. Вышинскому) передать Болгарскому правительству основные законы и положения, касающиеся организации, задач и функций советов депутатов трудящихся СССР и их центральных руководящих органов, согласно прилагаемому списку. 2. Поручить Президиуму Верховного совета РСФСР (т. Тарасову) и Совету министров РСФСР (т. Черноусову) принять группу работников болгарских народных Советов в количестве 13 человек сроком на 1 месяц для ознакомления с работой Советов депутатов трудящихся СССР, причем расходы, связанные с их пребыванием в СССР, должно нести правительство Болгарии”.

Из перечня материалов, переданных болгарской стороне, видно, что объектом пристального изучения последней в то время была, помимо прочего, деятельность “пирамиды Советов” в СССР. В списке материалов значились: 1. Конституция СССР, союзных и автономных республик. 2. Положения о выборах в Верховные советы СССР и РСФСР и в местные Советы. 3. Положения о краевых (областных), окружных, районных съездах Советов и их исполнительных комитетах (Сборник узаконений 1928 г., № 70). 4. Положение о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах (Сборник узаконений РСФСР 1931 г., № 11). 5. Положение о сельских Советах (Сборник узаконений 1931 г., № 11)⁵².

В процессе формирования системы власти значительное место болгарское руководство отводило Народным Советам. На рубеже 40–50-х годов старая практика делегирования депутатов на основе соглашения в рамках ОФ уступила место новой – выборам. Впервые они были проведены в стране 15 мая 1949 г. Документы подтверждают, что уже на этом этапе проявились серьезные негативы в организации “народного волеизъявления”, характерные для советской модели.

Выдвижение кандидатов осуществлялось по указаниям ЦК БКП, согласно которым устанавливалось соотношение кандидатов

для членов партий ОФ и беспартийных. Так, например, в Варненском округе это соотношение было следующим: БКП – 60%, БЗНС и беспартийные – 40%. В некоторых местных организациях БЗНС, например в Шумене и Балчике, проявились настроения в пользу паритета, но провести этот принцип в жизнь не удалось. Показательно объяснение этого факта, данное в информационном письме консульства СССР в Варне в Москву в мае 1949 г. по итогам выборов: указывалось на нехватку “авторитетных и подходящих кадров” в БЗНС. Заметим: это более чем сомнительно. В Варне и других местах дважды пересматривались списки кандидатов, якобы по причине нарушения указания ЦК БКП о пропорциональном представительстве (логично предположить, что пропорции нарушались не в пользу БЗНС). Кроме того, имевшиеся отводы, как правило, касались также кандидатов от БЗНС. Под предлогом отсутствия подходящих кандидатов-“земледельцев” местные организации БКП часто выдвигали своих членов от общественных организаций (Женского союза, Союза народной молодежи и пр.), не указывая партийности.

Много серьезных нарушений было зафиксировано (как правило, в неофициальном порядке) в процессе голосования. Советские представители в стране были информированы о многочисленных фактах подмены бюллетеней для обеспечения победы кандидатам ОФ, о выявлении с помощью специальных помет на бюллетенях и конвертах результатов голосования лиц, считавшихся политически неблагонадежными, о фактах двойного голосования специально подготовленных избирателей, о давлении, оказывавшемся на электорат, вплоть до превентивных арестов и т.п.⁵³

Характерно, что в поступавших в Москву материалах подобные нарушения объяснялись “пережитками старых буржуазных выборов, когда в погоне за большим количеством избирателей ... прибежали к такой махинации...” Советские дипломаты констатировали, что “в настоящее время эти проделки (!), несомненно, наносят большой вред авторитету ОФ”⁵⁴.

Донесения советских консульств частично освещали “ошибки”, имевшие место при подсчете голосов. “Вольно или невольно”, как говорилось в одном из документов, кое-где городские избиратели были включены и в число голосовавших в районах. Такое дублирование позволило, например, причислить к голосам, поданным за Союз ремесленников в Варне, свыше 60 тыс. человек. Однако справедливости ради заметим, что не всегда в таких случаях проявлялся умысел. В некоторых селах членами и даже секретарями избирательных комиссий были почти неграмотные люди, которые не могли проследить за правильностью составления списков⁵⁵.

Выборы в Народные Советы по официальной статистике дали 92 % голосов за кандидатов ОФ. По словам заведующего агитпропотделом ЦК БКП М. Николова, столь высокий результат превзошел все ожидания партийного руководства. В беседе с сотрудником

посольства СССР Г. Купкой 17 мая 1949 г. Николов подчеркнул, что 80 % населения отдали голоса за ОФ “по убеждению”, а 10–15% голосов пришлось на долю “буржуазных элементов”, которые попытались таким образом “втереться в доверие наших властей, усыпить их бдительность и творить свое вражеское дело”. Против ОФ голосовали прежде всего недовольные системой распределения промышленных товаров и действиями местного руководства⁵⁶. На каких конкретных данных строил Николов свои выводы, откуда взялась приведенная им статистика и насколько она надежна, остается неясным.

А между тем архивные документы фиксируют обращение части избирателей к лозунгам оппозиционного БЗНС, разгромленного осенью 1947 г., а также к авторитету Тр. Костова. Его имя упоминалось в сотнях антиправительственных лозунгов, написанных на избирательных бюллетенях, причем о Костове говорилось в том числе и как о борце за установление в Болгарии власти, “типа существующей в Югославии”.

Несомненно, высокий процент голосов, отданных за кандидатов ОФ, был получен с помощью “техники”, которая помогла, как указывалось в одном из документов, “выправить положение” в ряде районов страны. Например, по официальным данным, в Русенском округе за ОФ отдали голоса 90% избирателей, а по конфиденциальной информации руководства БКП реальные цифры были значительно ниже – 65–75%⁵⁷.

Масштабы фальсификации и их возможность фактически отразили отсутствие у населения реального права выбора. Итоги же выборов фиксировали новое “качество” режима: как остроумно заметил американский политолог У. Лакер, “любой режим, получивший на выборах 99% голосов избирателей, является тоталитарным по определению”⁵⁸.

Советские наблюдатели в стране внимательно отслеживали ход перестройки административно-хозяйственной структуры в Болгарии. В одной из справок советского посольства, составленной вторым секретарем Ф.А. Коноваловым в марте 1949 г., подчеркивалось, что “в организационную основу структуры всех министерств и ведомств имеется стремление положить опыт Советского Союза”⁵⁹. В частности, именно так строила свою работу Комиссия государственного контроля Болгарии. 24 ноября 1950 г. ПБ ЦК БКП вынесло решение о перестройке ее работы. Она проводилась при непосредственном участии советского специалиста Орлова. С его помощью было составлено новое положение о задачах и функциях комиссии, максимально учитывавшее советский опыт.

В связи с “делом” Тр. Костова вопрос о работе госаппарата приобрел особую остроту. Рубежом здесь стал январский (1950 г.) пленум ЦК БКП. В целях создания “правильной” структуры аппарата и его удешевления 27 февраля 1950 г. при правительстве была соз-

дана штатная комиссия, куда вошли представители Госплана, министерства финансов и министерства труда и социального обеспечения. Функции комиссии сводились к рассмотрению структуры и штатов министерств и ведомств, установлению должностных наименований, зарплат, вознаграждений и премий.

В интересах “оперативного и конкретного руководства” народным хозяйством было принято решение о разукрупнении некоторых министерств. В декабре 1950 г. министерство внешней торговли было разделено на два – министерство внешней торговли и министерство заготовок и пищевой промышленности. Возглавил последнее бывший министр внутренних дел Р. Христов. В сентябре 1951 г. было разукрупнено министерство промышленности (министр А. Югов). Вместо него создано два самостоятельных – министерство тяжелой промышленности (министр А. Югов) и министерство легкой промышленности (на пост руководителя пришел бывший заместитель министра заготовок и пищевой промышленности А. Димитров).

Несомненно, изменение структуры министерств преследовало благую цель сделать исполнительную власть более гибкой, устранить громоздкие звенья и в конечном счете повысить эффективность их работы. В одном ряду с такими преобразованиями находились и экстренные меры по улучшению работы некоторых министерств, принимавшиеся с начала 50-х годов. Однако сводились они, как правило, к карающим мероприятиям. За серьезные ошибки и деятельность, противоречившую линии партии и правительства, был снят с поста министра земледелия Т. Черноколев. Он был также выведен из состава ПБ и исключен из партии⁶⁰. С работы были сняты и три его заместителя. В министерстве было создано политуправление, а в МТС – политотделы. “Укрепление” руководства МИД выразилось в снятии в 1950 г. заместителя министра Е. Каменова и ряда заведующих отделами. На место Каменова пришли два новых заместителя – Ж. Живков и Л. Герасимов. В середине 1951 г. за плохую работу министерства электрификации (министр К. Георгиев) поплатились своими руководящими креслами три его заместителя. За несоответствие занимаемой должности и засоренность аппарата был снят министр коммунального хозяйства П. Каменов.

И в дальнейшем укрепление аппарата Совета министров шло по линии сокращения сотрудников и новых назначений. Отличительной чертой многих перестановок являлось укрепление госаппарата “испытанными партийными кадрами”. Так, Ж. Живков был бывшим секретарем Хасковского окружного комитета БКП, а министр народного просвещения Д. Янев – секретарем Пловдивского окружного комитета БКП и т.п.

При рассмотрении конкретных назначений и перестановок бросается в глаза “непотопляемость” многих функционеров. Это свидетельствует о том, что номенклатурный принцип подбора и расста-

новки кадров уже действовал в полную силу. Практика перебрашивания кадров на “узкие” участки не сочеталась с их (кадров) реальной подготовкой, опытом работы в определенной отрасли. Так, в августе 1952 г. старый коммунист К. Луканов, возглавлявший с января 1950 г. Госплан, получил пост заместителя председателя Совета министров по вопросам культуры. Снятый с довольно жесткими формулировками с поста руководителя Госплана Е. Матеев тут же возглавил выделенное из Госплана Главное управление статистики (позднее реорганизовано в Центральное статистическое управление при Совете министров). Однако, естественно, существенного улучшения работы Госплана это не дало. После октябрьского пленума ЦК БКП 1952 г. советские наблюдатели констатировали, что Госплан и ЦСУ оставались “узким местом” в госаппарате, фактически тормозя дальнейшее развитие страны. До мая 1953 г., говорилось в информационной справке МИД СССР, ЦСУ не могло дать правильной оценки выполнения первого пятилетнего плана в 4 года (1949–1952), а Госплан трижды (!) представлял правительству недостаточно обоснованный пятилетний план на 1953–1957 гг. Выход из столь затруднительного положения был найден в привлечении к этой работе советских экономических советников Буторкина и Величко⁶¹.

Таким образом, на рубеже 40–50-х годов проблемой № 1 стала в Болгарии квалификация управленцев. Слабость управленческого аппарата рано выявила расчеты национального руководства на советскую помощь, причем самого разнообразного характера – кредиты, оборудование, техническая и иная документация, советники, специалисты и пр. Постоянный характер приобрели консультации с советскими специалистами при подготовке долгосрочных хозяйственных планов, проведении важных реформ и пр. Подчас соответствующие запросы облекались в наивную форму. Так, прибывшие весной 1948 г. работники болгарского Госплана во время встречи с руководителем Госплана СССР Н.А. Вознесенским сформулировали свое пожелание “получить... совет, в течение скольких лет мы могли бы выполнить задание партии и товарища Димитрова, чтобы... переустроить нашу страну в индустриально-земледельческую, когда у нас теперь продукция промышленности приблизительно составляет 30%, а продукция земледелия – 70%”. По всей вероятности, болгары были удовлетворены полученными консультациями. “... Мы уверенно приступаем к разработке пятилетнего плана развития нашей страны”, – заявил член делегации П. Шабанский в посольстве СССР в Софии, вернувшись из Москвы⁶².

Однако разносторонняя советская помощь, как быстро выяснилось, способствовала формированию и закреплению у национальной руководящей элиты вполне определенных настроений. Еще 28 сентября 1948 г. посол М.Ф. Бодров в письме В.М. Молотову сообщал: «В беседах с нашими людьми они (болгарские руководите-

ли. — *Авт.*) откровенно заявляют, что без помощи Советского Союза им не справиться с задачами, которые они хотят поставить в пятилетнем плане, и дают понять нашим работникам, что в этом случае моральная ответственность будет лежать на Советском Союзе. Одним словом, у наших друзей в этом отношении чувствуется “иждивенческое настроение”»⁶³.

В механизме государственной власти важное место занимали органы правосудия. По советскому примеру в Конституции НРБ был закреплен принцип единства законодательной, исполнительной и судебной власти. Понимание национальным руководством важности этого звена для сохранения и стабильности режима определило постоянное внимание к деятельности органов юстиции. Советский опыт и здесь выступал главным ориентиром.

Не будет преувеличением сказать, что в рассматриваемое время в деятельности болгарских судебных органов доминировала их репрессивно-наказательная функция, что логично вписывалось в господствующую концепцию усиления классово-борьбы в стране по мере перехода к социализму. В этих условиях от суда требовались жесткость, четкое понимание “классовой линии” и “революционной целесообразности” и готовность подчинить им закон, равно как и выполнить конкретные указания партийного руководства.

Объективно отразили изменения в атмосфере болгарского общества под влиянием тезиса об обострении классово-борьбы численный рост заведенных судебных органами дел, а также ужесточение санкций в новых юридических нормах 1949 г. (пожизненное заключение за большинство должностных преступлений, смертный приговор за политические преступления). Советские наблюдатели объективно оценивали эту зависимость⁶⁴.

В основу уголовного законодательства Болгарии в первой половине 50-х годов было целиком положено советское уголовное право. 2 февраля 1951 г. был принят новый Уголовный кодекс, но, как констатировали болгарские власти, судебная практика вскоре выявила его недостаточную “суровость”. В конце 1952 г. министр внутренних дел Г. Цанков внес в ПБ ЦК БКП предложение об “усилении воздействия на изменников родины и членов их семей”⁶⁵. 10 февраля 1953 г. в закон были внесены соответствующие изменения. Предусмотренное ужесточение наказания создало значительные затруднения Болгарии в международном плане, поскольку болгарский Уголовный кодекс оказался уникальным: столь суровые статьи не содержались ни в одном другом законодательстве, включая и советское. В силу этого 10 ноября 1953 г. они были отменены.

На рубеже 40–50-х годов в стране, по болгарским данным, наблюдался неуклонный рост политических преступлений (измена, предательство, шпионаж, вредительство): в 1948 г. — 134 приговора, в 1949 г. — 878, в 1950 г. — 1328, в 1951 г. — 1548. К сожалению, отсутствие надежных источников лишает нас возможности прокомментиро-

вать эти данные, хотя они рожают немало вопросов и предположений. В начале 50-х годов среди болгарских правоведов утвердилось мнение, что при рассмотрении политических дел доказательство приобретает второстепенный характер, достаточно признания обвиняемого. Как не вспомнить известное утверждение А.Я. Вышинского о признании — “царице доказательств”? Суд выносил по политическим делам 250–280 смертных приговоров в год. Не случайно в Народном собрании даже прозвучал вопрос “У нас что в стране гражданская война?”⁶⁶

В целом органы юстиции быстро оформились в послушный государственный инструмент осуществления репрессивных функций. Особенно ярко это проявилось в ходе крупных политических процессов на рубеже 40–50-х годов.

Таким образом, в начале 50-х годов в Болгарии сложилась и действовала жестко централизованная, иерархически оформленная и полностью контролируемая “сверху вниз” модель государственного управления, законодательно закрепленная “Димитровской” конституцией. По основным своим параметрам и сущностным характеристикам эта модель соответствовала политическому режиму советского типа и отражала ставшее реальностью утверждение в стране социализма “по Сталину”.

Политические репрессии — важное звено в механизме утверждения режима советского типа

Начиная с конца 40-х годов в Болгарии в условиях монополии компартии на власть был запущен в действие испытанный в советской практике механизм воздействия на общество и контроля за ним — политические репрессии. Имеющиеся сегодня в распоряжении ученых материалы и проведенные на их основе исследования позволяют констатировать как “многослойность” причин, лежавших в основе репрессивной политики власти, так и их различные по своему значению и масштабам итоги.

В условиях рожденных “холодной войной” подозрительности и шпиономании власти провели массовые выселения граждан из крупных городов и пограничных районов. В маленькой Болгарии под предлогом усиления бдительности на протяжении 1948–1953 гг. более 6600 семей лишились прежнего места жительства. Причинами депортаций обычно становились обвинения в родстве с “изменниками Родины”, “врагами народной власти”, “пособниками бандитов” и пр.⁶⁷

Продолжалась практика отправки граждан в исправительно-трудовые лагеря. В июне 1949 г. начал действовать концлагерь Белене. Среди его заключенных были и члены так называемой депутатской бригады (бывшие министры, депутаты Народного собра-

ния, старшие офицеры, журналисты и пр.), в отношении которых устанавливался наиболее жесткий режим категории А⁶⁸. В сентябре 1949 г. число ссыльных достигло рекордной отметки – 4500 человек, причем половина из них пострадала по политическим мотивам. К моменту закрытия концлагеря в сентябре 1953 г. из 1059 заключенных лишь 187 были уголовниками, а остальные отбывали наказание за “контрреволюционную деятельность”⁶⁹.

Однако “пиком” репрессивной политики явились состоявшиеся на рубеже 40–50-х годов судебные процессы.

Центральным с точки зрения задействованных в нем лиц и значения для жизни страны был, несомненно, процесс по “делу” Тр. Костова. Один из наиболее крупных и авторитетных коммунистических лидеров был обвинен в шпионаже, антисоветизме, связях с Тито и в декабре 1949 г. казнен⁷⁰.

Доступные сегодня исследователям документы позволяют внести некоторые уточнения в трактовку вопроса о роли советского политического руководства в “деле” Костова. Принято считать, что “разработка” Костова началась после того, как в декабре 1948 г. Сталин на основании донесений советского посла в Софии М.Ф. Бодрова обвинил болгарского коммуниста в неискреннем (“двойственном”) отношении к СССР. Эта неискренность выразилась якобы в намерении скрыть от советского руководства информацию по экономическим вопросам, опираясь на закон о государственной тайне. При этом Сталин неоднократно подчеркивал, что конфликт с Тито начинался аналогично. Однако импульс, приведший в движение механизм репрессий, зародился не в Москве, а в Софии.

В мае 1948 г. генерал И. Кинов в беседе с главным военным советником в Болгарии генерал-лейтенантом А.В. Пеструшевским о положении в Югославии и письме ЦК ВКП(б) в адрес ЦК КПЮ поднял вопрос о нежелательных явлениях, имевших якобы место в стране. Петрушевский сразу же доложил об этой беседе министру вооруженных сил СССР Н.А. Булганину. «В последующем разговоре, который продолжался около двух часов, – сообщал Петрушевский, – Кинов, хотя и в осторожных выражениях, совершенно определенно дал понять, что и в Болгарии существует определенная группа лиц, которая считает, что роль Советского Союза в деле освобождения Болгарии не так уж велика, что сами они (болгары) сделали для своего освобождения очень много. Кинов два раза подчеркивал, что “никакой организации, конечно, нет. Есть только подобные настроения у части членов правительства и среди других ответственных лиц”. Из дальнейших высказываний Кинова можно совершенно ясно понять, что основными лицами, возглавляющими эти настроения, являются: 1. Трайчо Костов – заместитель председателя Совета министров; 2. Антон Югов – министр внутренних дел; 3. И. Стефанов – министр финансов»⁷¹.

На основании доклада Петрушевского Булганин 24 мая 1948 г. подготовил записку “наверх”. Непосредственная реакция советской стороны на этот документ нам не известна, но, без всякого сомнения, он был внимательно изучен, и главное, не забыт. На встрече советских и болгарских руководителей в Кремле 6–7 декабря 1948 г. Сталин и Молотов выразили недоверие не только Костову, но и Югову. И позднее повышенный интерес Москвы к фигуре Югова сохранялся. В исторической литературе отмечено, что 2–3 раза В. Червенков летал в советскую столицу, якобы отговаривая его, а также Г. Чанкова и Д. Терпешева перед Сталиным и Берией, прежде чем вопрос был закрыт⁷².

Итак, сигнал о Костове был получен в Москве... Сказать с уверенностью, что он был первым, нельзя. Совершенно очевидно, что он не был единственным: по некоторым сведениям, в октябре 1948 г. из Болгарии поступил на сей раз анонимный “компромат” на Костова, но теперь Костов был включен в иную по составу группу лиц, чье поведение вызывало подозрения: Чанков, Червенков, Югов.

Дальнейшие события, связанные с эскалацией обвинений в адрес Костова, сравнительно хорошо известны, как, впрочем, и многочисленные выступления бывших соратников Костова, которые поспешили решительно отмежеваться от одиозной теперь фигуры. Некоторые такого рода документы сохраняются в российских архивах. Разновременные (часть из них относится к периоду следствия, часть – к периоду после казни Костова)⁷³, все они тем не менее объединены одним стремлением – доказать закономерность “падения” Костова, обусловленную его левосектантским прошлым (левое сектантство рассматривалось как разновидность троцкизма, и в силу этого являлось тяжчайшим преступлением в глазах Москвы), продемонстрировать собственную классово-партийную непримиримость авторов. Примечательно, что некоторые из них (Г. Черноколев, Д. Терпешев) сами стали впоследствии жертвами надуманных обвинений.

Особо следует сказать о той информации, которая прозвучала в беседе посла М.Ф. Бодрова с Ц. Драгойчевой 15 июля 1949 г. В записи, сделанной советским дипломатом, говорилось: “Драгойчева заявила о том, что она на протяжении всей своей работы в партии настороженно относилась к Трайчо Костову. В период подполья Костов всегда ослаблял бдительность коммунистов. Кроме того, были такие случаи, которые в настоящее время требуют, чтобы на них обратили внимание следователи, допрашивающие Костова”. Перечень таких “случаев” состоял из 11 пунктов. Сделанные в тот момент, когда следствие по “делу” Костова только что началось (начальная его дата – 2 июля 1949 г.), “разоблачения” Драгойчевой приобретали особо опасный характер “подсказки” следственным органам. Не случайно из аппарата МИД СССР запись беседы была направлена руководителю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяну⁷⁴.

Следует заметить, что Москва поначалу, по всей видимости, не была склонна драматизировать ситуацию вокруг Костова. 25 марта 1949 г. в Софии было получено письмо ЦК ВКП(б), в котором подчеркивалось, что “вопрос о поведении тов. Костова ... следует считать исчерпанным”⁷⁵. Оно, однако, не стало сдерживающим фактором для болгарского руководства. Начавшийся 26 марта пленум ЦК БКП сформулировал обвинение о “ярко выраженном националистическом уклоне” Костова. Иными словами, болгарские руководители намеренно проигнорировали возможность, опираясь на мнение Москвы, закрыть “дело” своего товарища. Причина крылась в острой внутрипартийной борьбе в БКП, в явном намерении В. Червенкова и особенно В. Коларова устранить авторитетного соперника с политической сцены, укрепив тем самым свои позиции.

Другой вопрос, требующий ответа: почему в свою очередь советская сторона не стала защищать Костова и санкционировала участие советских советников и сотрудников спецслужб в проведении следствия и подготовке процесса? (После ареста Костова 20 июня 1949 г. в Софию прибыла из Москвы большая группа специалистов – “силовиков”, переводчиков, техперсонала.) Представляется, что советской стороне важен был итог: укрепление в руководстве БКП лидеров, всецело ориентировавшихся на Москву и готовых с ортодоксальных позиций следовать советской модели. Кто персонально будет таким лидером, победив в ожесточенной схватке за власть, значения не имело⁷⁶.

Фактически исход “дела” Костова руководством БКП был предрешен заранее. В ноябре 1949 г. на совещании Коминформа в Будапеште В. Червенков, говоря о “крупном международном заговоре, организованном англо-американскими империалистами против стран народной демократии и Советского Союза”, наличие которого выявил процесс Л. Райка, заверил собравшихся: “Это покажет и процесс Костова у нас”⁷⁷. Заметим, что говорилось это в то время, когда еще не был сформулирован обвинительный акт! Содержание последнего болгары окончательно согласовывали с Москвой. 12 декабря 1949 г. Червенков сообщил “Филиппову” (Сталину): “Приговор по делу Костова будет вынесен в среду 14 декабря. Костов должен быть приговорен к повешению... Если есть замечания, просьба нам об этом сообщить”⁷⁸. Замечаний, судя по всему, не было...

Во время судебного процесса в Болгарию по просьбе правительства страны был направлен “секретный десант” – три полка НКВД (по одному из Москвы, Киева и Минска) – “с целью оказания помощи в обеспечении государственной безопасности республики...” В течение трех месяцев, до середины января 1950 г., советские военнослужащие находились в стране, причем московский полк нес службу в Софии, а минский и киевский – в других крупных городах, портах и пограничных районах. Перед московским полком была поставлена задача “с наступлением темноты и до рассвета взять под

охрану ЦК БКП, Народное собрание, радиоцентр, политическую тюрьму, Совет министров, бани, дачу В. Червенкова и другие объекты, в том числе так называемый Дом правительства на ул. Тодбухина, 11”. Разговаривать по-русски солдатам и офицерам категорически запрещалось, поэтому, как вспоминал участник событий Д. Медведев, “службу несли молча”. Эксцессов за все это время не было. Запомнились Медведеву собиравшиеся каждый вечер на улицах толпы людей, скандировавших “Смерть Трайчо Костову!” Манифестации шли до поздней ночи. По окончании секретной миссии на встречу с личным составом полка приехал Червенков, “поблагодарил за хорошую службу”⁷⁹.

История “секретного десанта” НКВД свидетельствовала, что власти явно опасались нежелательного для себя развития событий, способного дестабилизировать ситуацию в стране.

Процесс Тр. Костова положил начало целенаправленной репрессивной акции – поиску “врага с партийным билетом”. Ее результаты были внушительными – до апреля 1951 г. из БКП исключен каждый пятый коммунист. Общее число репрессированных превысило 100 тыс. человек.

Под флагом борьбы с “трайчोकостовщиной” в стране были проведены другие судебные процессы. Начаты, как правило, еще до возникновения “дела” Костова расследования были в спешном порядке доведены до логической развязки.

Болгарская исследовательница Г. Никова убедительно показала, что одним из важнейших направлений репрессий явилась хозяйственная сфера исполнительной власти⁸⁰. Аресты “хозяйственников”, первым сигналом к которым стало дело директора “Индустриалимпорта” К. Славова, начатое еще в октябре 1948 г., шли параллельно с изменениями в силовых структурах, призванными усовершенствовать репрессивный механизм. В целом эти изменения сводились к укреплению позиций кадров, прошедших обучение либо непосредственно в Москве, либо в Софии, но при участии болгарских инструкторов, подготовленных советскими специалистами. В это время шло также интенсивное насыщение органов госбезопасности советниками из СССР.

После ареста Тр. Костова в поле зрения карательных органов попали не только руководители, но и почти все служащие возглавлявшегося Костовым Комитета по хозяйственным и финансовым вопросам при Совете министров. Под следствием оказались министр финансов И. Стефанов, министр промышленности П. Кунин, министр электрификации М. Секеларов, крупные специалисты и “командиры производства” Г. Ганев, К. Капрелов, И. Маскаров, П. Григоров и др. Были задержаны многие сотрудники центральных финансовых учреждений, промышленных и почти всех внешнеторговых объединений. Массовый характер приобрели аресты в провинции.

По процессу Гр. Костова были осуждены также видные экономисты, финансисты и “хозяйственники” Н. Начев, Н. Павлов, И. Тугев, И. Гевренев, Ц. Цончев, В. Ивановски и др.

Весной 1950 г. завершился процесс над группой промышленников: 12 человек (Д. Стойнов, Л. Спасов, А. Неболиев, О. Асланян, Г. Казанджиев, Б. Нанов, С. Вылев и др.) были обвинены в экономическом саботаже и шпионаже. Среди подсудимых находились бывшие промышленники и торговцы, проявившие бесспорные деловые качества и политическую лояльность, в немалой степени способствовавшие налаживанию национальной экономики.

В августе 1950 г. осуждена была еще одна группа крупных хозяйственных деятелей, также насчитывавшая 12 человек, среди них – помощники министров Б. Петровски, Л. Капряков, Б. Симон, Н. Говедарски, Д. Кочемидов, Л. Червенков, Г. Делимишков, директора объединений М. Кушев, И. Нанов, И. Калушев и др.

В 1952 г. массовые аресты коснулись инженеров – сотрудников советско-болгарского горного общества “Горубео”, обвиненных в шпионской деятельности. По процессу прошли 14 подсудимых. Под обвинения во вредительстве подпали также сотрудники горнодобывающей отрасли в провинции. Одновременно началось следствие по “делу” группы инженеров ряда строительных организаций.

Общая статистика осужденных по “хозяйственным” процессам отсутствует. По неполным данным, число лишь подсудимых коммунистов превысило 1500 человек. Власти сформулировали вывод об экономическом “заговоре” в стране, провели в русле этого обвинения более 250 судебных процессов. Думается, что одной из целей было намерение предъявить обществу “виновных” в экономических трудностях, невыполнении народнохозяйственных планов.

Помимо хозяйственной сферы, репрессии проводились против болгарского генералитета, офицеров-пограничников, сотрудников органов госбезопасности, т.е. затронули силовые структуры. Вторжением в духовную сферу стали процессы над протестантскими пасторами (евангелистами) и католическими священниками, обвиненными в шпионской деятельности в пользу “англо-американцев” и Ватикана⁸¹.

Репрессивная политика имела серьезные последствия. В военной сфере, например, чистка офицерского корпуса стала важным этапом формирования “партийной” армии как едва ли не главного гаранта сохранения режима, его стабильности.

Внутрипартийные репрессии сыграли ключевую роль в складывании партии–государства, подобия, по сталинскому определению, “ордена меченосцев”, основы политического режима советского типа. Фактически была проведена повторная “большевизация” БКП.

Результатом экономических репрессий явился своего рода технологический переворот. Многие осужденные получили в свое вре-

мя высшее образование на Западе – в Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, были хорошо знакомы с новейшими технологиями. Поскольку действие старых, главным образом немецких, патентов и лицензий было приостановлено, СССР становился практически единственным импортером технологий.

Несомненно, все это облегчало последующее интегрирование Болгарии в экономические структуры восточного блока. Именно в этом видится главный замысел и основной итог репрессий в хозяйственной сфере.

Репрессивная составляющая процесса советизации в Болгарии на рубеже 40–50-х годов проявилась весьма отчетливо, охватив не только партийный и государственный аппарат, но и общество в целом. С помощью репрессий процесс утверждения советской модели в стране получил ускорение, а власть смогла заставить общество принять новую идеологию и соответствующие последней принципы его организации, исключавшие какое-либо пнакомыслие.

• • •

К началу 50-х годов в Болгарии уже налицо были все основные, “несущие” элементы той “конструкции”, которую можно определить как политический режим советского типа. Сталинская модель социализма утвердилась с определенными оговорками, суть которых сводится к степени развертывания в болгарских условиях заложенного в этой “конструкции” тоталитарного потенциала. Сегодня исследователи констатируют неполную реализованность последнего в Болгарии, как и в других странах восточного блока⁸².

Степень укоренения советской модели на национальной почве оказалась недостаточной высокой, и к середине 50-х годов в истории Болгарии начался новый этап – десталинизация, явившейся важным импульсом в процессе саморазрушения коммунистического режима.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.: Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948. С. 234.

² Свободен народ. 1945. 17 окт.

³ Гришина Р.П. Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 – ноябрь 1945 г.) // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 55–56.

⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 115. Д. 10. Л. 81–82.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 1999. Т. 1. 1944–1948. С. 139.

⁷ Баева И. Смяна на елита и кадрите в България и Източна Европа (1944–1948) // Лица на времето. София, 1996. Кн. 1. С. 79.

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Подробное см.: *Лаишевич А.А.* Болгарская высшая школа в 1944–1947 гг. // Сов. славяноведение. 1987. № 6; *Дойчинов Б.* Промени в структурата на висшето образование в България (9 септември 1944 – 1948 г.) // ИП. 1991. № 1.

¹⁰ *Diverger M.* Les parties politiques. P., 1981; *Novak M.* Systémy politických stran. Uvod do jejich srovnávacího studia. Praha, 1997.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 310. Л. 92; Д. 342. Л. 89.

¹² Там же. Д. 58. Л. 86.

¹³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. П. 147. Д. 46. Л. 127.

¹⁴ *Димитров Георги.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 339–340.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 342. Л. 89.

¹⁶ *Димитров Г.* Съчинения. Т. 12. София, 1954. С. 56–61.

¹⁷ Совецания Коминформа. 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998. С. 270.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 156. Д. 47. Л. 85–86.

¹⁹ Там же. Оп. 37. П. 147. Д. 46. Л. 42.

²⁰ Там же. Оп. 38. П. 156. Д. 46. Л. 6–7, 11.

²¹ Там же. Д. 47. Л. 87–88.

²² Там же. Оп. 37. П. 148. Д. 48. Л. 32.

²³ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 48.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 251. Л. 99, 100.

²⁵ *Мигев В.* Утвърждаване и разгръщане на сталинския модел на социализма в България (1948–1953) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. София, 1993. [Вып.] 2. С. 59.

²⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 40. П. 170. Д. 16. Л. 34–35.

²⁷ Там же. Оп. 42. П. 186. Д. 13. Л. 63.

²⁸ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 310. Л. 171–183.

²⁹ *Некрич А.М.* Золотой век номенклатуры // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2. Апогей сталинизма. С. 416.

³⁰ Цит. по: *Иусов М.* Комунистическата партия и революционният процес в България. 1944–1948. София, 1983. С. 45.

³¹ *Богданова Р.* Българският вариант на десталинизацията. 1953–1956 // ИП. 1997. Кн. 4. С. 33.

³² После смерти Г. Димитрова (2 июля 1949 г.) ПБ ЦК БКП приняло решение ликвидировать пост генерального секретаря в партии. В исторической литературе это решение нередко связывают с намерением Червенкова не допустить на партийный Олимп В. Коларова. Восстановление поста генсека было проведено явно “под Червенкова”.

³³ Восточная Европа в документах... М., 1998. Т. 2. 1949–1953. С. 439, 440.

³⁴ *Богданова Р.* Указ. соч. С. 35.

³⁵ *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 120.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 134. Л. 43.

³⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 279. Л. 182–183.

³⁸ Там же. Л. 180–182.

³⁹ Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 202.

⁴⁰ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953: Документы. М., 2002. Т. 2. 1949–1953. С. 40.

⁴¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 63.

⁴² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1123. Л. 148.

⁴³ Под знаменем Сталинской конституции // Большевик. 1949. № 22. С. 8.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 261. Л. 49.

⁴⁵ *Рене Д.* Основные правовые системы современности. Сравнительное право. М., 1967. С. 196.

⁴⁶ *Tomaszewski I.* Rozwój Bułgarii w latach 1944–1956. Warszawa, 1980. S. 106.

⁴⁷ *Махненко А.Х.* Верховные органы народного представительства социалистических стран. М., 1972. С. 139.

⁴⁸ *Фарберов Н.П.* Государственное право стран народной демократии. М., 1949. С. 139.

⁴⁹ *Kędzia Z.* Parlament socjalistyczny: Ustrój wewnętrzny. Warszawa, 1975. S. 137.

⁵⁰ *Спасов В.* Развитие и усъвършенствуване на представителните органи в НР България. София, 1962. С. 53.

⁵¹ *Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Парламентская деятельность и политическая культура // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 69.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2221. Л. 3, 102.

⁵³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 156. Д. 51. Л. 79–80; Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 531.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 156. Д. 51. Л. 80–81.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. П. 151. Д. 11. Л. 52.

⁵⁷ Там же. Л. 145.

⁵⁸ Цит. по: *Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. С. 183–184.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 156. Д. 50. Л. 31.

⁶⁰ *Мигев В.* Указ. соч. С. 67; Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 588, 590–591.

⁶¹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 190. Д. 45. Л. 122–123.

⁶² Там же. Ф. 06. Оп. 10. П. 33. Д. 439. Л. 16; Ф. 074. Оп. 37. П. 142. Д. 13. Л. 128.

⁶³ Там же. Ф. 074. Оп. 37. П. 147. Д. 46. Л. 125.

⁶⁴ Восточная Европа в документах... Т. 2. С. 136–140.

⁶⁵ *Огнянов Л.* Съветското влияние върху организацията и дейността на органите на съдебната власт в България (1949–1956 г.) // България в сферата на съветските интереси: (Българо-руски научни дискусии). София, 1998. С. 75.

⁶⁶ Там же. С. 79.

⁶⁷ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1944–1999. София, 2000. С. 55.

⁶⁸ *Крумов Р.* Записано в концлагер Белене. София, 1995. С. 7.

⁶⁹ *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 55.

⁷⁰ Подробное см.: *Иусов М.* Последната година на Трайчо Костов. София, 1990; *Христов Б.* Изпитанието. Спомени за процеса и съдбата на Трайчо Костов и неговата група. София, 1995.

⁷¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 279. Л. 45–46.

⁷² *Иусов М.* Сталин и България. София, 1991. С. 218.

⁷³ АВП РФ. Ф. 021. Оп. 3. П. 4. Д. 63. Л. 30–31; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1135. Л. 32–38.

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 38. П. 151. Д. 10. Л. 1–4, 5.

⁷⁵ Исусов М. Последната година... С. 52–53.

⁷⁶ Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 516–519.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 74. Л. 153.

⁷⁸ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 254. Л. 68.

⁷⁹ Медведев Д. Секретный десант // Совершенно секретно. 1990. № 11. С. 20–21.

⁸⁰ Никова Г. Политически процеси в България (1979–1953) // България в сферата на съветските интереси... С. 64.

⁸¹ Митев Т. Истината за един от големите удари на сталинизма през 1951 година върху генералитета на България // Военноисторически сборник. 1994. Кн. 6; Мигев В. Офицерството и политическото развитие на България от 9 септември 1944 до края на 50-те години // Там же. Кн. 5; Процесът срещу евангелистките пастори – шпиони. София, 1949; Цветков Ж. Разпятието. Съдебната разправа с дейци на католическата църква в България през 1952. София, 1994.

⁸² Подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч.; Мигев В. Утвърждаване и разгръщане... С. 69–70.

“РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ” В БОЛГАРСКОМ ВАРИАНТЕ: ОТ “СТАЛИНИЗМА” К “ЖИВКОВИЗМУ” (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Приверженцы социалистического пути развития общества вкладывают в понятие *реальный социализм* различный смысл. В соответствии с официальной идеологией (имеющей мало общего с жизненной практикой) государств социалистического содружества данное понятие означало степень практического воплощения учения классиков марксизма-ленинизма о новом общественном строе, приближение к социалистическому идеалу, олицетворяющему принципы социальной справедливости, равенства, свободы. Существовали и иные точки зрения, согласно которым “реальный социализм” – это тоталитарная, бюрократическая деформация, извращение названного учения, отступление от принципов аутентичного социализма. Высказывалось также мнение, что “реальный социализм”, при всех его плюсах и минусах, это закономерные, единственно возможные результаты внедрения в большинство стран Центральной и Восточной Европы советской модели социального устройства, которой присущи диктатура партийно-государственной верхушки, монополия госсобственности, нарушения законности, навязанный коллективизм и т.п., хотя и при наличии определенной национальной специфики¹.

До середины 80-х годов XX в. Болгария была одним из самых надежных звеньев социалистического содружества. В условиях противоборства двух мировых систем, блокового противостояния она в политическом и идеологическом плане меньше других “братских стран” доставляла хлопот “старшему брату” – СССР, несмотря на отсутствие на ее территории советских войск (они были выведены в декабре 1947 г.) и наличие общей границы с членами НАТО – Грецией и Турцией. В своей внутренней и внешней политике Болгария в основном неизменно следовала курсу Советского Союза, адекватно реагируя на идущие там процессы, чутко улавливая поступающие из Москвы сигналы. Она пользовалась репутацией самого верного союзника, послушного сателлита СССР, но сумела извлечь из такого подчиненного положения и немалые дивиденды, решая вопросы национальной безопасности, социально-экономические проблемы.

По некоторым признакам, зачастую внешним, строительство социализма в Болгарии не было полным копированием советских

образцов. В частности, вплоть до конца 1989 г. в стране существовал Отечественный фронт как самая массовая и единая общественно-политическая организация, утратившая по сравнению с прошлым периодом элементы коалиционности и плюрализма. Формально сохранялась многопартийность – функционировал Болгарский земельно-сельскохозяйственный народный союз (БЗНС), превратившийся в младшего, практически лишённого самостоятельности как политический субъект партнера Болгарской компартии. БКП, сросшаяся по существу с государством, занимала доминирующее положение в системе власти на всех уровнях. Другим организациям отводилась роль проводников и исполнителей “линии партии”.

Становление и утверждение “живковизма”

Монополия БКП на власть отнюдь не исключала острой борьбы внутри партийного руководства, которая стимулировалась различными объективными и субъективными факторами. После смерти И. Сталина и осуждения Л. Берии в СССР и других странах социализма стал набирать силу процесс десталинизации, борьбы с культом личности и его последствиями. Процесс этот был сложным и противоречивым, многие его мотивы и детали были скрыты от общества. В Болгарии одним из видимых его проявлений стало постепенное отстранение от высших партийных и государственных постов В. Червенкова (“болгарского Сталина”) и восхождение к вершинам власти Т. Живкова. Он правил страной более 30 лет, и эта эпоха получила в литературе название *живковизм*². По своей сути он представлял собой национальную разновидность авторитарного режима личной власти.

В начале 50-х годов, как отмечается в ряде исследовательских и мемуарных публикаций, Т. Живков не являлся главным и единственным претендентом на лидерство в партии и государстве³. Более того, входившие в свое время в близкое живковское окружение политики отмечали в воспоминаниях, изданных уже после отставки Т. Живкова, отсутствие у него большого авторитета в обществе и партии, его низкий образовательный, культурный и интеллектуальный уровень⁴. Однако благодаря поддержке Москвы (Н.С. Хрущева) на VI съезде БКП (февраль–март 1954 г.) он был избран первым секретарем ЦК БКП. В то время этот пост не имел такого значения, которое он приобрел позднее. Секретариат ЦК осуществлял главным образом организационно-исполнительские и контрольные функции. Важнейшие решения принимало ПБ ЦК, за работу которого отвечал В. Червенков, сохранивший также пост премьер-министра. Сложилась парадоксальная ситуация – борьбой с культом личности должен был руководить его главный носитель. Десталинизация в Болгарии протекала вяло, что вызывало недовольство Крем-

ля и вело к ослаблению позиций В. Червенкова. Выбор советского руководства, прежде всего Н. Хрущева, был сделан в пользу Т. Живкова. Последний же проявил себя хорошим тактиком, мастером интриг и компромиссов. Он сумел привлечь на свою сторону ряд авторитетных партийных и государственных деятелей⁵.

Новый мощный импульс развитию общественно-политических процессов в странах Центральной и Восточной Европы придал XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), развенчавший культ И. Сталина. Реагируя на это событие, апрельский (1956 г.) пленум ЦК БКП, на котором с основным докладом выступил Т. Живков, главное внимание уделил осуждению культа В. Червенкова, репрессий, нарушений законности и т.д. В. Червенков был самокритичен, заявив, что власть – это “сладкая отравка”⁶. Он остался членом политбюро (без прежних широких полномочий), был назначен заместителем председателя правительства и министром просвещения и культуры. Впоследствии он был освобожден от государственных и партийных постов, а в ноябре 1962 г. исключен из партии за “антипартийную деятельность”. В мае 1969 г. его членство в БКП было восстановлено с признанием непрерывности партийного стажа. Большой кадровой (“десталинизационной”) чистки на пленуме не произошло. Она стала осуществляться позднее и опять-таки, как правило, под воздействием “кремлевских сигналов”. Так, после “разоблачения” в 1957 г. “антипартийной группировки” В. Молотова, Л. Кагановича, Г. Маленкова из состава руководства БКП были выведены представители “старой гвардии” Г. Чанков, Д. Терпешев и др.

Избрание Т. Живкова на апрельском пленуме первым секретарем ЦК БКП, хотя и предрешило позицию советского руководства, не обошлось без коллизий, но оно состоялось⁷. По существу, с этого момента и начинается эпоха “живковизма”. Партийная власть стала более значимой по сравнению с властью государственной⁸. Широко применялось совмещение партийных и государственных постов в высших эшелонах власти. В 1962 г. Т. Живков, оставаясь партийным лидером, возглавил правительство. В 1971 г. он, уступив должность премьер-министра члену ПБ С. Тодорову, стал председателем Государственного совета (главой государства). Т. Живков превращался в неограниченного властителя, диктатора.

Провозглашенная на пленуме так называемая “апрельская линия”, направленная на “восстановление ленинских норм” партийной и общественной жизни, на развитие демократии и т.п. оказалась в основном (в политическом аспекте) фикцией, пропагандистской декларацией. Борьба с отклонением от названных “норм”, а затем и от “линии” была достаточно четко персонифицирована и велась главным образом против конкретных субъектов, реальных или потенциальных соперников, представлявших мнимую или действительную угрозу всевластию Т. Живкова. Эта борьба не покушалась на основы существующей общественно-политической системы, что в ко-

нечном счете признал и сам Т. Живков. Незадолго до завершения своего “земного пути”, будучи вне большой политики и находясь под арестом, он отмечал в мемуарах, что ликвидация культа В. Червенкова не стала глубоким прорывом, затрагивающим сущность системы. Не были созданы гарантии, чтобы в один прекрасный день не возник новый культ и все не пошло по-старому. Основания для таких опасений имелись, и мы столкнулись с подобными явлениями. Должен признать, продолжал Т. Живков, что вину за них несу прежде всего я лично. Мне нелегко говорить об этом, но я делаю это “с глубоким внутренним убеждением и искренностью”⁹.

Признание примечательное, но явно скромное и запоздалое. Возглавляя партию и государство, Т. Живков последовательно и целеустремленно создавал предпосылки и условия для собственного возвеличивания, утверждения мифа о своей непогрешимости и универсальности как теоретика и практика строительства социализма. Кроме съездов БКП он выступал с основными докладами почти на всех партийных мероприятиях (конференциях, пленумах ЦК) независимо от вопросов, которые там рассматривались, и его установкой составляли суть принимаемых решений. На формирование культа Т. Живкова работали большинство из его близкого окружения (которое он периодически “тасовал”), многочисленный и дисциплинированный аппарат, подконтрольные (иных в стране практически не было) средства массовой информации, “прикормленные” или “страхующиеся” научные и творческие работники и др. Работа эта проводилась оперативно¹⁰.

Вместе с тем Т. Живков не был ретроградом или “твердолобым” ортодоксом. В его выступлениях и, разумеется, с его “благословения” в других партийных документах, заявлениях руководителей ставились вопросы, связанные с объективными и субъективными противоречиями, с конфликтами и деформациями внутри социалистического общества. Так, на XIII съезде БКП (апрель 1986 г.) отмечалось, что некоторые негативные явления в жизни болгарского общества “приобрели характер социальных деформаций”. Нарушения принципов распределения по труду, законности и морали, расхождение между словом и делом и т.д. глубоко задевают представления людей о социальной справедливости и равенстве, ослабляют притягательность социалистического идеала. Народ вправе требовать от власти мер и гарантий, ограждающих его от извращений, “чуждых природе нового общественного строя”. Указывалось также, что отрицательные явления в общественной жизни воспроизводятся и для борьбы с ними нужны не заклинания и безадресная критика, а устранение порождающих их причин¹¹.

Аналогичные вопросы становились предметом научных публикаций и дискуссий¹². Например, интересным и довольно смелым по тем временам было высказывание (опубликованное) историка М.Исусова о недопустимости доминирования в науке “официально-

го мнения”, которое обычно выражает позицию ответственных политических лиц и органов и исключает другие взгляды и научные концепции. Оно превращается в критерий научной истины, становится источником научных и политических оценок ученых, их “восхваления или предания анафеме”¹³.

Однако обращение к острым проблемам как в правящих верхах, так и в научной среде чаще имело пропагандистский характер, было призвано лишний раз подчеркнуть “новаторство”, “революционность мышления” Т. Живкова и не вело к масштабным, радикальным переменам в жизни общества. Допускаемые в ограниченных параметрах авторитарным режимом определенные “либеральные отклонения”, очевидно, можно в какой-то степени считать проявлением плюрализма мнений. Но это не было действительным политическим и идеологическим плюрализмом, отступлением, хотя бы в минимальной “дозе”, в частности, от принципа руководящей роли коммунистической партии. Более того, данная роль была законодательно закреплена в принятой в 1971 г. новой конституции страны.

Т. Живков при всех своих демократических реверансах не отказывался от широкого применения различных репрессивных мер: морально-политического давления, увольнения с работы и запрета заниматься определенной деятельностью, лишения свободы и др. Особенно он заботился о сохранении и укреплении собственной личной власти – по этому вопросу он не шел ни на какие компромиссы¹⁴. В ряде случаев в поисках вариантов решения той или иной проблемы Т. Живков и его ближайшие соратники делали выбор в пользу силовых методов. Тогда гонениям подвергались не только отдельные лица, организации, но и большие социальные группы. Примером могут служить подходы к “мусульманскому вопросу”.

Этнорелигиозный фактор в жизни болгарского общества

В годы “реального социализма” в Болгарии остро, как и в прошлом, стояла проблема совместного проживания в рамках одного государства титульной нации и национальных меньшинств (прежде всего, этнических турок) и взаимоотношений между двумя религиями – православием и мусульманством. К первой конфессии относятся большинство болгар, ко второй – местные турки и исламизированные болгары (помаки) и сравнительно малочисленные этносы (цыгане, татары и др.). Эта проблема, имея глубокие исторические корни, весьма многогранна и проявлялась на политическом, социально-экономическом, идеологическом и повседневно-бытовом уровне, получала не только внутреннее, но и международное звучание.

По данным переписи населения 1956 г., в Болгарии проживало немногим более 7,6 млн человек. Среди них на долю болгар прихо-

дилось 85,5%, турок – 8,6%, цыган – 2,6% и т.д.¹⁵ При переписи 1992 г. из общей численности населения, составлявшей около 8,47 млн человек, как болгары зарегистрировалось 85,8%, турки – почти 13%. К христианам отнесли себя 87% граждан, к мусульманам – около 13%, причем лишь 37% болгар заявили, что они действительно верят в Бога. У турок этот показатель составил 73%, у помаков – 66%¹⁶. Рост удельного веса турецкого меньшинства, несмотря на его массовую эмиграцию (главным образом в Турцию)¹⁷, можно объяснить демографическими причинами (более высокая рождаемость), а также появившейся после свержения авторитарно-тоталитарного режима большей свободой национальной идентификации. Вместе с тем некоторые болгарские авторы подвергли сомнению достоверность данной переписи, заявив, что из 800 тыс. зарегистрированных турок “настоящими” были около 600 тыс. человек, остальные же 200 тыс. – это цыгане и помаки. Другими, явно завышенными цифрами оперировали некоторые турецкие источники, согласно которым в начале 90-х годов в Болгарии проживало 3 млн турок, включая помаков и туркоговорящих цыган¹⁸.

Указанные разночтения отражали сложность болгаро-турецких отношений, их отягощенность этнической проблемой. Турецкая сторона считала себя вправе проявлять “заботу” о соплеменниках и единоверцах, являющихся гражданами Болгарии, поддерживать и укреплять у них соответствующее национальное самосознание. В свою очередь болгарское руководство усматривало среди этой части населения страны протурецкую “пятую колонну”, представляющую угрозу национальной безопасности и территориальной целостности государства, в частности через возможное требование создания собственной национальной автономии. Эти опасения усилились и получили определенное морально-политическое оправдание после вторжения в 1974 г. Турции на Кипр под предлогом защиты прав турок-киприотов.

Практика показала, что и при социализме возможны разные подходы к решению национального вопроса. Первая болгарская республиканская (“Димитровская”) конституция, принятая в декабре 1947 г., провозгласила равенство прав всех граждан, включая национальные меньшинства. Последним предоставлялось право обучаться на родном языке (при обязательном изучении болгарского), развивать национальную культуру. Запрещалась любая проповедь расовой, национальной и религиозной нетерпимости¹⁹. В программе БКП, принятой в 1971 г., указывалось на ликвидацию в стране проявлений национального гнета и дискриминации, на то что вместе с болгарским народом “в братской дружбе живут и строят социализм” граждане других национальностей²⁰. В новой конституции (1971 г.) говорилось о недопустимости каких-либо привилегий или ограничений по национальному признаку и заявлялось, что любая пропаганда ненависти или унижения человека за его расовую, национальную

или религиозную принадлежность запрещается и преследуется по закону²¹.

Эти общие положения и декларации, если им намеревались следовать, должны были бы наполниться реальным содержанием, воплощаться в конкретной политике. Однако, как оказалось, стратегические цели, до определенного времени скрываемые, были у болгарской правящей верхушки иные.

По мнению С. Михайлова (обществоведа, члена-корреспондента БАН, бывшего секретаря ЦК БКП), после того, как компартия стала правящей, ее политика по этническим проблемам представляла собой импровизации, колебания из одной крайности в другую, грубые ошибки. Он приводит иную точку зрения болгарского исследователя – К. Кертикова, не соглашаясь с его утверждением, что политика БКП по национальному вопросу в 1956–1989 гг. являлась целостной и последовательной и была направлена на унификацию, гомогенизацию болгарского общества. С. Михайлов заметил при этом, что Т. Живков был безусловно последователен только в двух аспектах: заполнение благоволения советского руководства и превращение своей личной власти в основной критерий социального управления²². Однако в своих взглядах К. Кертиков был не одинок. В научной литературе есть указания на то, что в закрытых материалах апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП говорилось о неприемлемости для Болгарии опыта многонационального Советского Союза. У нее – собственный путь национального развития, нацеленный на создание в недалеком будущем “единой болгарской социалистической нации”²³.

Процесс формирования “национальной однородности” то протекал интенсивно, то несколько затухал. Использовалось, как и ранее, два основных метода – или “болгаризация” мусульман (прежде всего, турок), или же “выдавливание” их из страны. Применялись как сравнительно цивилизованные (даже поощрительные), так и репрессивные меры. Одним из важных элементов “болгаризации” стала замена личных мусульманских имен на болгарские. В 60-е – начале 70-х годов эта акция была осуществлена в отношении помаков. Она не принесла ожидаемого властями эффекта, а напротив, способствовала сближению помаков с турками²⁴.

На пленуме ЦК БКП в феврале 1974 г. признавалось, что к этно-религиозным проблемам иногда подходят с позиций “грубого администрирования”, но одновременно наблюдается инертность и пассивность. Отмечалось, что у части болгар-мусульман, болгарское происхождение которых “бесспорно доказано”, благодаря реакционной пропаганде и исламскому фанатизму все еще присутствует “омраченное национальное самосознание”. Указывалось на необходимость обеспечения ускорения социального, экономического и культурного развития болгар-мусульман, районов компактного проживания турок, усиления атеистического, классово-партийного, па-

триотического и интернационального воспитания и т.д. Вместе с тем было подчеркнуто (вопреки фактам), что болгарское социалистическое государство никогда не имело и не имеет ассимиляторских целей в отношении как турок, так и других "народностных групп"²⁵.

Однако несмотря на это "успокоительное" заявление, цель формирования монолитной болгарской нации не была оставлена. Для ее достижения в середине 80-х годов власти инициировали так называемый "возродительный процесс". В конце 1984 – начале 1985 г. более 850 тыс. граждан в результате административно-репрессивного давления были вынуждены сменить свои мусульманские имена на славяно-болгарские. Хотя эта акция являлась масштабной и сжатой по времени, высшие партийно-государственные руководители цинично утверждали, что она была "спонтанной", "добровольной" и стала свидетельством "пробуждения болгарского национального самосознания". Тех же граждан, преимущественно представителей интеллигенции, болгар по национальности, которые проявили честность и мужество, чтобы протестовать против этого процесса, клеймили как изменников, предателей, "родоотступников"²⁶. Гомогенизация болгарской нации предполагала не только смену имен, но и грубое вторжение в веками складывавшийся жизненный уклад мусульман, в их этнопсихологию, культуру. Преследовалось использование турецкого языка, даже в быту, отправление традиционных обрядов, ношение национальной одежды и т.д.²⁷ Это стимулировало у мусульман, в первую очередь у турок, массовые переселенческие настроения, которые власти не сдерживали, а наоборот, провоцировали, в том числе путем международных договоров и нормативных актов.

Так, в 1968 г. между Болгарией и Турцией было заключено соглашение, согласно которому болгарские граждане турецкого происхождения и имеющие в Турции родственников, получили право на переселение в эту страну. Данное право распространялось примерно на 125 тыс. человек, из них 115 тыс. им воспользовались²⁸.

В мае 1989 г. болгарский парламент принял решения, либерализующие порядок выезда граждан за рубеж. Введение в действие этих решений предусматривалось с сентября того же года, однако местные турки не хотели ждать. Последовали массовые демонстрации, беспорядки, власти прибегли к мерам подавления, включая огнестрельное оружие, но в итоге вынуждены были уступить, и летом 1989 г. из Болгарии в Турцию выехали свыше 300 тыс. человек (в основном под видом "экскурсантов"). Желавших покинуть страну было еще больше, но Турция закрыла границу с Болгарией. Далеко не все "экскурсанты" встретили в Турции радужный прием. Почти половина из них вскоре возвратились в Болгарию, где их ожидали большие трудности с обустройством²⁹.

Жесткий подход живковского руководства к турецко-мусульманскому вопросу импонировал части болгарского общества, сохра-

нившему обостренную историческую память о многовековом османском иге, воспроизводя ее на современных турок. Этот вопрос в ряде случаев использовался как своеобразный клапан, социальная отдушина, позволявшая на какое-то время отвлечь внимание граждан от других острых проблем.

От стабильности к крушению

Опорой "живковизма" была правящая массовая и достаточно монолитная партия, которая пронизывала все поры социального организма. В 1975 г. каждый восьмой болгарский гражданин старше 18 лет являлся членом БКП (более молодых охватывал "верный помощник партии" Димитровский комсомол). Т. Живков отмечал, что в стране нет ни одного предприятия, села, научного института, учебного заведения, где бы не имелось коммунистов, партийного коллектива. Это позволяет партии осуществлять политическое руководство любым начинанием, дает ей возможность оказывать влияние всюду, где живет и трудится человек³⁰.

Живковский режим опирался также на армию, правоохранительные органы, спецслужбы. Однако нельзя утверждать, что он в течение десятков лет проявлял жизнеспособность лишь благодаря партийной дисциплине и лояльности силовых ведомств. Необходимо было проводить политику, которая предоставляла бы большинству народа реальные подтверждения преимуществ нового общественно-го строя перед прошлым.

В период правления Т. Живкова, особенно в 60–70-е годы, в Болгарии произошли крупные социально-экономические сдвиги, кардинально изменившие ее облик. Уже к середине 60-х годов страна, в структуре народного хозяйства которой ранее преобладало мелкое земледелие, превратилась в индустриально-аграрную, где на долю промышленности приходилось более половины производимого национального дохода. С 1952 по 1980 г., по официальной статистике, национальный доход (в сопоставимых ценах, в расчете на душу населения) вырос более чем в 6,8 раза³¹.

Вместе с тем модернизация Болгарии нередко сопровождалась попытками форсировать, нередко вопреки объективным условиям, общественно-экономические процессы. В ходе индустриализации проявились элементы автаркии и гигантомании. Возводились крупные промышленные объекты, не обеспеченные местным сырьем и внутренним рынком, к тому же нередко выпускающие неконкурентоспособную продукцию. Расчет часто строился на ее сбыт в "братские страны" – члены СЭВ, которые впрочем имели и собственные интересы, не всегда совпадавшие с болгарскими. Основные надежды (до поры, до времени в основном оправдывавшиеся) связывались с емким и непривередливым советским рынком. Так, в 1980 г. во

внешней торговле Болгарии доля экспорта в социалистические страны составляла 70,8%, в том числе в СССР – 49,90%, а доля импорта – соответственно 78,9 и 57,3%³². С другой стороны, как отмечалось в болгарской литературе, курс на индустриализацию был адекватен реальному состоянию экономики и общества. На этой основе сложилось совпадение интересов значительной части народа и правящей элиты, которое на известное время сохранялось. В этом, вероятно, заключается главное объяснение, почему в Болгарии не наблюдалось массового сопротивления режиму, не произошли события, подобные германским, венгерским, польским и чехословацким³³.

Весьма важную роль в обеспечении внутренней стабильности сыграла и более сильная позитивная (по сравнению с государствами Центральной Европы) восприимчивость болгарским обществом социалистических ценностей. Учитывая низкий исходный уровень социально-экономического развития Болгарии, нужно признать, что социализм предоставил ее народу сравнительное благополучие и это до определенного времени как бы компенсировало отсутствие гражданских (прежде всего, политических) свобод³⁴. Как отмечал Ж. Желев, диссидент периода “живковизма”, впоследствии – президент Болгарии (август 1990–январь 1997 г.), в стране не было ни восстаний, ни политических стачек, ни студенческих демонстраций³⁵.

Болгария первой среди восточноевропейских стран осуществила коллективизацию сельского хозяйства, которая проходила без формальной национализации земли, но не обошлась и без применения насильственных методов. Вместе с тем она “рассосала” огромное аграрное перенаселение, поставляла рабочую силу, необходимую для индустриализации, способствовала повышению социального статуса значительных слоев населения, прежде всего молодежи.

Ускоренная индустриализация и массовая коллективизация коренным образом изменили социальный состав населения страны. Крестьяне-единоличники, доля которых в 1946 г. составляла 65%, превращались в кооператоров или пополняли ряды рабочего класса. В дальнейшем его абсолютный и относительный рост во многом определялся фактическим огосударствлением кооперативной собственности. С 1956 по 1975 г. в структуре болгарского общества удельный вес рабочих увеличился с 29,2 до 60,6%, служащих (включая интеллигенцию) – с 14,7 до 23,2%. За этот же период доля кооперированных крестьян снизилась с 35,8 до 14,6%. В 1975 г. лишь 1,8% пришлось на долю “частников” (крестьян, ремесленников, лиц свободных профессий). Но, будучи самой многочисленной социальной группой, рабочий класс в массе своей не обладал нужными качественными функциональными характеристиками. В начале 80-х годов около половины промышленных рабочих выполняли неквалифицированные трудовые операции, а свыше 65% из них не имели среднего образования³⁶.

Амбициозность замыслов и решений болгарского руководства, его намерения “поторопить время” обуславливались и его стремлением следовать “московскому курсу”. XXII съезд КПСС (октябрь 1961 г.) поставил задачу завершить в 1980 г. строительство в СССР основ коммунистического общества. Болгария подхватила эту инициативу. VIII съезд БКП (ноябрь 1962 г.) определил как генеральную перспективу развития страны до 1980 г. построить социализм и начать постепенный переход к строительству коммунизма. В дальнейшем эти цели подверглись корректировке в сторону их большей реалистичности. Было признано, что в оценке сроков завершения социалистической фазы и начала строительства материально-технической базы коммунизма было допущено забегание вперед³⁷.

Прочность позиций Т. Живкова в весьма большой, если не в решающей, степени зиждилась на поддержке, которую оказывало ему руководство СССР. Он умел налаживать тесные, доверительные отношения со всеми постсталинскими советскими “первыми лицами”, за исключением М. Горбачева. Л.Брежнев называл советско-болгарские отношения примером “социалистического интернационализма в действии. Это касается всех областей нашего сотрудничества – политики, экономики, идеологии, обороны”³⁸. Данная оценка не была просто пропагандистской декларацией. Она включала в себя вполне реальные составляющие, в том числе материального и финансового характера. Советский Союз являлся для Болгарии не только могучим, богатым и великодушным партнером, игравшим важнейшую роль в формировании ее экономики и социальной сферы, но и по существу ее донором. Советское сырье, особенно нефть, по ценам значительно ниже мировых, поставлялось в страну в количестве, позволяющем его выгодно реэкспортировать. В 1973–1985 гг. СССР ежегодно предоставлял безвозмездную помощь в размере 400 млн руб. для нужд болгарского сельского хозяйства³⁹. Со своей стороны Болгария неизменно поддерживала позиции Советского Союза во время кризисных ситуаций в ГДР, Венгрии, Польше, Чехословакии, обострения отношений с Албанией, Китаем и др.

Имели место конкретные случаи, когда “вечная и нерушимая” болгаро-советская дружба несколько омрачалась. Так, по воспоминаниям академика И. Димитрова, в 1971 г. ПБ ЦК КПСС обвинило руководство БКП в том, что оно не ведет борьбу против буржуазной идеологии, терпимо относится к антисоветским настроениям, и в некоторых других “грехах”. Пошли даже разговоры о смене Т. Живкова. Но он быстро “исправился” и принял соответствующие меры. Было, в частности, запланировано создание специального института по борьбе с антисоветизмом⁴⁰. Подобные коллизии являлись скорее единичными эпизодами, не меняющими сути связей между двумя странами. В системе отношений СССР с другими государствами социалистического содружества Болгарии по-прежнему отводилось

особое, привилегированное место. Но право на это нужно было доказывать.

В начале 60-х годов Т. Живков стал активно выдвигать идею о максимально тесном экономическом и научно-техническом сближении Болгарии и Советского Союза. В основе ее лежали прагматические мотивы. Болгария нуждалась в увеличении советской помощи для осуществления хозяйственных проектов, решения проблемы нехватки специалистов, расширения рынка для сбыта своих товаров, преодоления трудностей в социальной сфере. Естественно, в силу несоизмеримости потенциалов двух стран Болгария была больше заинтересована в материализации этой идеи. Вероятно, чтобы сделать ее более привлекательной, а советскую сторону отзывчивее, в 1963 г. Т. Живков выступил с предложением о вступлении (в перспективе) Болгарии в состав СССР.

Исследователи, политики, мемуаристы, публицисты и т.д. высказывали различные суждения, насколько Т. Живков был искренен в своих намерениях превратить Болгарию в 16-ю советскую республику и насколько реальна была возможность такого превращения (тем более, что Т. Живков в 1973 г. сделал аналогичное предложение Л. Брежневу). Многие авторы склоняются к тому, что все это были тактические ходы Т. Живкова, направленные на укрепление доверия к нему со стороны руководства СССР и обеспечение для болгарской экономики новых советских “вливаний”, в чем он в немалой степени и преуспел. Что касается государственно-политического объединения Советского Союза и Болгарии, то оно вряд ли было нужно Т. Живкову. Он не мог не понимать, что случись такое, его личная власть была бы сильно ущемлена, а руководители авторитарно-диктаторского типа обычно предпочитают быть полновластными хозяевами пусть в маленьком, но в “собственном доме”, чем “одним из”, и то не на первых ролях – в большом. Кроме того, советско-болгарское слияние не было нужно и СССР. Оно наверняка было бы негативно встречено международным сообществом, и советские руководители это осознавали. Тем не менее вопрос о слиянии был поставлен (хотя и кулуарно, не для широкого общественного обсуждения), но его решение было отнесено на неопределенное будущее⁴¹. Такой подход можно при желании отнести к мечте поэта о том, чтобы “в мире без России, без Латвий жить единым человечим общезигьем”⁴².

Сам Т. Живков категорически отрицал адресованные ему обвинения по поводу намерения включить Болгарию в Советский Союз (они открыто звучали после отстранения его от власти), квалифицируя их как инсинуации “шарлатанов от политики и журналистики”. За ними якобы проглядывают грязные цели некоторых болгарских “перестройщиков”, которые пытаются возвысить себя, принижая предыдущего многолетнего руководителя государства, играя на священном чувстве патриотизма, характерном “для исстрадавшегося и

героического болгарского народа”. Он утверждал, что на практике речь шла не о присоединении Болгарии к СССР, а об их сближении. Это был жизненно необходимый курс, но он не наносил ущерб суверенитету страны⁴³.

Следует заметить, что интеграционные процессы во взаимосвязях государств социалистического содружества охватили с той или иной степенью глубины почти каждое из них, особенно в сфере экономики. В 1971 г. была, например, принята долгосрочная Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. Она предусматривала совместное освоение природных ресурсов, кооперацию между предприятиями и отраслями, совместное сооружение хозяйственных объектов для удовлетворения общих нужд и др. В этой связи термин *сближение* получал в известной мере, хотя бы в политико-пропагандистском плане, право на существование и выходил за рамки советско-болгарских отношений. На XXV съезде КПСС (февраль–март 1976 г.) говорилось об увеличении элементов общности в политике, экономике и социальной жизни социалистических государств, что отражает процесс их сближения, который вполне определенно можно рассматривать как закономерность⁴⁴.

Отмечая прагматизм Т. Живкова, можно сказать, что с момента обретения государственной независимости Болгария никогда не могла самостоятельно, опираясь лишь на собственные ресурсы, удовлетворительно решать свои внутренние и внешние проблемы. Ей всегда было необходимо “прислоняться” к какому-то могучему партнеру, а сотрудничество с ним, если ты “слабый”, весьма трудно строить на равноправной основе. С другой стороны, применительно к отношениям Болгарии и СССР в период “реального социализма” вполне допустимо, что с точки зрения психологии часть болгарского общества раздражали определенная зависимость страны, излишняя сервильность ее лидеров и т.п., что порождало ощущение некой “вторичности”. Впрочем мало что изменилось и позднее, когда Болгария стала ориентироваться на Запад. Как отмечала болгарский историк И. Баева, реальности XX в. вынуждают сделать “неприятный вывод, что наши политики всегда предпочитали и предпочитают быть послушными перед сильными”. Подобную мысль высказал и И. Димитров, заметивший, что режимы меняются, но остается чувство неполноценности перед агрессивностью и амбициями “великих”⁴⁵.

Т. Живков, как уже говорилось, за все время своего правления (за некоторыми исключениями в последние полтора-два года) не сталкивался с внутренней открытой антикоммунистической оппозицией. В этом смысле он не особо грешил против истины, заявив в 1982 г., что враги социализма в Болгарии не имеют классовой базы и социальных позиций. Эти враги составляют единицы, они изолированы и в одиночестве дождутся своего конца⁴⁶. Правда, спустя не-

сколько лет оказалось, что врагов социализма в стране насчитывается больше, чем “единицы”, и отнюдь не все они дождались “своего конца”.

Естественно, как и у любого лидера, особенно авторитарного типа, у Т. Живкова имелись противники, критики, недоброжелатели и т.п., но все они, как правило, являлись выходцами из коммунистической среды, которые выражали свое несогласие (и со сравнительно либеральных, и с ортодоксальных позиций) с теми или иными аспектами живковской политики, с отдельными сторонами существующего режима, не будучи при этом принципиальными “врагами” социализма.

Так, в 1960 г. семеро коммунистов (“группа Н. Куфарджиева”) с довоенным партийным стажем и участники партизанской борьбы в письме в ЦК БКП охарактеризовали существующий в стране строй как бюрократический государственный социализм, при котором партийная и государственная верхушка превратилась в единственного полновластного хозяина средств производства. Члены группы были исключены из БКП, уволены с работы. Спустя годы Т. Живков признал, что многие негативные явления, указанные в письме, действительно имели место, но они достались в наследство, а не были следствием “апрельской линии” и для их преодоления необходимо было время и соответствующие усилия, которые предпринимались. Он признал также свою вину за наказания, вынесенные авторам письма⁴⁷.

В середине 60-х годов был раскрыт заговор, который возглавил член ЦК БКП И. Тодоров (“Горуня”). К нему примкнули и начальник Софийского гарнизона генерал-майор Ц. Анев, некоторые другие офицеры, бывшие партизаны. Они являлись сталинистами, разделяли маоистские позиции, согласно которым после смерти И. Сталина стал усиливаться оппортунизм, слабела диктатура пролетариата. После отстранения в СССР от власти Н. Хрущева (октябрь 1964 г.) заговорщики сочли, что настало удобное время для свержения Т. Живкова, но были арестованы, не успев предпринять каких-либо действий. В 60–70-е годы в БКП возникали и другие немногочисленные антиживковские группы. Они не выступали против социализма, но многие из них были настроены промаоистски. К формированиям подобного рода относилась и нелегальная “Благоевско-Димитровская коммунистическая партия”. Члены этих групп подвергались судебному и административному преследованию без особого жестких приговоров⁴⁸.

Однако все эти и другие проявления антиживковизма, репрессии против их участников не поколебали сколько-нибудь серьезно относительно спокойную общественно-политическую жизнь в стране. Ее особо не всколыхнуло (в антикоммунистическом аспекте) и подавление в 1968 г. “Пражской весны”, в котором Болгария приняла непосредственное участие. До конца 80-х годов болгарскому обществу

больше был присущ скрытый плюрализм, который не заявлял о себе значимыми публичными акциями. Оно не выдвинуло из своих рядов таких политических и духовных лидеров, как Л. Валенса, В. Гавел, А. Сахаров, А. Солженицын. Конечно, не вся общественность страны была подвержена конформизму. Часть интеллигенции, представители творческой элиты, веря в возможность придания социализму “человеческого лица”, с надеждой встретили “Пражскую весну” и с горечью переживали ее финал. Но они избрали не безнадеежное в то время “безумство храбрых”, а эволюционный путь борьбы с режимом через честную и гуманную творческую и гражданскую позицию⁴⁹.

Болгарский поэт и общественный деятель Л. Левчев (в свое время довольно приближенный к власти и возглавлявший в 1980–1989 гг. Союз болгарских писателей) отмечал, что, хотя организованное диссидентское движение сложилось в стране поздно, и при коммунистическом режиме в ней имелись известные всему миру инакомыслящие – старейший социаль-демократ П. Дертлиев, поэтесса Б. Димитрова, философ Ж. Желев, писатель-сатирик Р. Ралин и др., а также десятки тысяч узников лагерей⁵⁰. В одной из публикаций к болгарским диссидентам были отнесены и местные турки⁵¹. Возникает вопрос, а все ли из этих десятков тысяч являлись сознательными, идейными борцами с тоталитарным социализмом? По опубликованным данным, в Болгарии с 1945 по 1962 г. через лагеря (в болгарском варианте – “Воспитательно-трудоустройств” – “ВТО”) прошло около 23,5 тыс. человек, причем многие – без судебного разбирательства. Основной их поток формировался еще до прихода Т. Живкова к власти. Среди них находились разные люди – от антикоммунистов до уголовников и проституток, но первые поначалу преобладали⁵². Затем это соотношение стало меняться. Так, при закрытии по решению политбюро ЦК БКП в августе 1959 г. наиболее известного лагеря “Белене” было освобождено 276 политических заключенных и 981 уголовник. Оставшиеся 166 человек не были выпущены на свободу как “неисправимые рецидивисты”⁵³. Последний лагерь, расположенный близ города Ловеч и “прославившийся” жестоким обращением с заключенными, был закрыт в 1962 г. Т. Живков рассматривал ликвидацию лагерей как свою личную заслугу. Так это или нет, но с 1962 г. в Болгарии было прекращено внесудебное привлечение людей к принудительному труду⁵⁴.

В 70-е годы проходило дальнейшее политическое и законодательное укрепление режима. В апреле 1971 г. на X съезде БКП была принята новая партийная программа. В ней констатировались полная победа социалистических производственных отношений и как результат качественных и количественных изменений во всех сферах жизни вступление страны в этап строительства развитого социалистического общества, который продлится в течение более или менее длительного периода времени⁵⁵. Таким образом в главном

партийном документе был зафиксирован отказ от идеи перехода в близком будущем к строительству коммунизма.

На съезде вновь акцентировался дежурный, но “священный” тезис об укреплении руководящей роли партии, которая определяет генеральную линию развития страны. Он по существу был уже реализован и не только в отношении разработки “линии”, но и указаний путей и средств ее осуществления. Утвердилась практика, когда партийные съезды и ЦК БКП рассматривали и принимали решения по текущим и перспективным социально-экономическим планам до вынесения их на сессии высшего законодательного органа – Народного собрания. Последний же неизменно и единодушно голосовал “за”. Здесь было полное копирование советского опыта. Ж. Живков отмечал, что принцип руководящей роли партии был доведен до абсурда. Хозяйственные руководители вместо того, чтобы принимать самостоятельные решения, должны были предварительно согласовывать их (а затем и отчитываться) в партийных органах, вплоть до ЦК⁵⁶.

В мае 1971 г. общенародным референдумом была принята новая Конституция Болгарии. В референдуме приняли участие 99,7% граждан, имеющих право голоса, из них 99,66% высказались за принятие Основного закона⁵⁷. В конституции, как уже говорилось, были введены положения, закрепляющие руководящую роль БКП, чего не было в конституции 1947 г. Новым моментом явилось конституцирование Государственного совета как высшего постоянно действующего органа государственной власти, соединяющего принятие и исполнение решений, т.е. сочетающего функции законодательной и исполнительной власти⁵⁸. Это противоречило апробированному мировой практикой демократическому принципу разделения властей. Председателем Госсовета, естественно, стал Т. Живков. Вероятно, ему для подтверждения своего фактического всевластия ни этот новый управленческий орган, ни председательство в нем не были особенно нужны. Но существовали определенные “протокольные” и весьма значимые для честолюбивого лидера нюансы. Будучи руководителем партии и правительства, Т. Живков не являлся главой государства. Формально эту роль исполнял председатель президиума Народного собрания, лидер БЗНС Г. Трайков. Т. Живкову не были положены ритуальные почести, оказываемые при международных контактах президентам или монархам. Создание Госсовета устранило этот “непорядок”.

Внешне “живковизм” выглядел непоколебимым. Его создатель ставил на руководящие посты своих людей, включая родственников⁵⁹. Однако уже в 60-е годы стали проявляться и накапливаться кризисные симптомы, прежде всего в экономической сфере. Все больше давала о себе знать ограниченность ресурсов экстенсивного развития, на которое был ориентирован механизм управления народным хозяйством. Неоднократно предпринимавшиеся попытки

реформирования этого механизма были непоследовательны. Элементы рынка вводились робко и дозированно и не представляли серьезной угрозы для административно-командной системы. С другой стороны, до 80-х годов в экономике Болгарии не наблюдалось крупных провалов, которые могли бы вызвать масштабные социально-политические потрясения. “Реальный социализм” при всех его пороках ускорил, по сравнению с предыдущим периодом, развитие и модернизацию страны. Большинству общества были предоставлены социальные блага, которых оно раньше не имело, и это во многом обеспечивало его лояльность к власти.

Так, в период 1952–1980 гг. реальные доходы на душу населения увеличились в стране почти в 4,5 раза, годовое потребление мясopодуков выросло с 21,3 до 62,5 кг, молочных продуктов (без сливочного масла) – с 80,2 до 165 л, животных и растительных жиров – с 9,3 до 20,8 кг. В 1980 г. на 100 семей приходилось 77 телевизоров (в 1965 г. – 8), 77 холодильников (5), 29 легковых автомобилей (2). На каждые 10 тыс. человек населения насчитывалось 1642 учащихся, в том числе 96 студентов (в 1952 г. – соответственно 1550 и 41)⁶⁰.

Приведенные цифры выглядят впечатляющими. Однако в конце концов “реальный социализм” проиграл соревнование с капитализмом (в его западном варианте). И в СССР, и в других государствах Центральной и Восточной Европы он рухнул со скоростью и основательностью, которые вряд ли могли предвидеть его противники, даже самые дальновидные. Это было предопределено комплексом причин. Думается, одна из главных состоит в том, что данный тип социализма с его жесткой централизацией, уравниловкой и т.п. не смог обеспечить более высокую, чем при современном ему капитализме, производительность труда. Это влекло за собой неудовлетворительное (опять-таки по сравнению с Западом) решение многих проблем, касающихся качественных параметров жизненного стандарта, выходящих за рамки удовлетворения первичных бытовых потребностей. Отставание “реального социализма” в этой области становилось все более очевидным по мере растущей открытости страны к миру.

Разумеется, неэффективность экономики была не единственной причиной падения “реального социализма”. Его политическая система, как отметил известный деятель БКП, а после ее переименования – Болгарской социалистической партии (БСП), член-корреспондент БАН А. Лилов, не обеспечила более высокий, чем при капитализме, тип демократии. Народу дали хлеб, заботились о детстве и старости и т.п., но не дали или ущемляли свободу и права личности⁶¹. Это проявлялось в безальтернативности выборов в представительные органы власти, в практической невозможности общества влиять на принятие и исполнение управленческих решений, в отсутствии достаточных возможностей публичного осуществления свободы совести и слова, в раздражающей назойливости официальной пропа-

ганды, включая визуальную, с ее лозунгами о мудрости БКП, вечности болгаро-советской дружбы и т.п. (Кстати, на уровне массовых анекдотов аббревиатура БКП расшифровывалась как “Брежнев – Косыгин – Подгорный”). Но в стране происходила смена поколений. От активной общественно-политической жизни постепенно отходили люди, сознательно “делавшие” социалистическую революцию. Даже среди бывших “романтиков” росло число разочаровавшихся в результатах “социалистических” преобразований, которыми в первую очередь пользовались партийно-государственное чиновничество и близкие к нему лица. Более молодые общественные генерации все сложнее было привлекать на сторону социализма лишь путем сопоставления, хотя и впечатляющего, уровня развития страны с показателями 1939 г. Многие из молодых, хотя бы в “душе”, наличие определенных социальных гарантий (отсутствие безработицы, бесплатные медицина и образование, сравнительно небольшая, но регулярная зарплата) не считали достаточной компенсацией за подавление политической и идеологической свободы. Затем, однако, придет понимание, что эти гарантии тоже дорогого стоят. Но это потом...

Во второй половине 80-х годов в Болгарии сложились солидные внутренние предпосылки для отрицания “живковизма”, но для их реализации был необходим мощный, непреодолимый внешний катализатор. Таковым стала не пропаганда и прочие “происки” Запада (хотя их нельзя недооценивать), а советская (“горбачевская”) перестройка, которая имела для “реального социализма” катастрофические последствия. По словам А. Лилова, перестройка родилась как надежда, а погибла как самоубийца. Она пришла, чтобы спасти социализм, а на деле погубила его. Перестройка выдвинула популярных лидеров, а превратила их в “жалких ренегатов и геростратов”⁶².

Провозглашенный М. Горбачевым отказ от советского покровительства и опеки в отношении социалистических стран крайне негативно отразился на социально-экономической ситуации в Болгарии, учитывая ее теснейшую привязку к СССР. Проявилась обратная сторона медали, выросли горькие плоды односторонней внешней ориентации. Переход на эквивалентные (долларовые) расчеты в торгово-экономических отношениях означал для Болгарии свертывание и прекращение советских льготных кредитов, безвозмездной помощи, поставок по низким ценам нефти и др. Эти потери оказались для “живковизма” невосполнимыми. К тому же между руководителями двух стран сложились прохладные, недоверчивые отношения. М. Горбачев относил Т. Живкова к числу консервативных, не воспринимавших перестройку восточноевропейских лидеров, таких как Э. Хонеккер (ГДР), Н. Чаушеску (Румыния), противопоставляя им Я. Кадара (Венгрия), В. Ярузельского (Польша). И, напротив, он оказывал знаки внимания “проперестроечно” настроенным болгарским партийно-государственным деятелям П. Младену, А. Луканову, А. Лилову и др.⁶³

Стечение внутренних и внешних факторов приближало “политическую смерть” Т. Живкова, хотя он активно пытался представить себя как “первого новатора”, “прогрессиста” в деле строительства “развитого социализма”. Живковским ответом Горбачеву стало выдвижение так называемой “июльской концепции” (такое название она получила по времени своего одобрения на пленуме ЦК БКП в июле 1987 г.). В данном документе определялись направления качественного обновления социалистического общества, создания его новой, соответствующей современным реалиям модели. В этой связи говорилось о многообразии и равноправии различных форм собственности, о политическом плюрализме, о территориальном и хозяйственном самоуправлении, о подготовке новой конституции и пр.

В сравнении с идеями горбачевской перестройки июльская концепция по некоторым своим положениям была более радикальной. В ней, например, содержался тезис, что партия не должна быть главным субъектом власти, не должна подменять государство. С ортодоксальной точки зрения это могло выглядеть как “крамола”, покушение на один из основополагающих принципов ленинизма о руководящей роли коммунистической партии. На практике же ничего особо существенного предпринимать не планировалось. Партия по-прежнему должна была формулировать политические программы и цели общественного развития, мобилизовать народ для их осуществления и т.д. Нетрудно представить, как выглядело бы такое “отстранение” БКП от власти, если партия оставляла за собой проведение кадровой политики в соответствии с партийными принципами, создание соответствующей политической обстановки и идеологического климата, необходимых для претворения в жизнь целей партии⁶⁴.

Июльская концепция не встретила в обществе большого энтузиазма. Многие усматривали в ней очередную попытку камуфляжа, косметического ремонта режима, еще одну демонстрацию амбиций Т. Живкова, его стремления сохранить свою власть. Трудно сказать, насколько далеко зашел бы он в плане практической реализации своих “революционных” намерений, но его время стремительно уходило. Общество отказало Т. Живкову в доверии, у людей иссякло “социальное терпение”, однако открытых и массовых столкновений между народом и властью предрержащими пока не происходило.

В 1988 г. в Болгарии стали возникать первые диссидентские организации. Некоторые из них стояли не на антисоциалистических, а на антиживковских позициях. Их требования в основном соответствовали лозунгам горбачевской перестройки (гласность, больше демократии – больше социализма и т.д.), другие же “дрейфовали” в сторону антикоммунизма. Но в целом диссидентство в стране выглядело запоздалым и сравнительно слабым. Во время его организационного оформления и начала выхода на публичную арену в ряде других европейских социалистических стран оно получило офи-

циальное признание, статус участников диалога с правящими кругами. В Польше (в феврале–апреле 1989 г.) и в Венгрии (в июне–сентябре 1989 г.) прошли “круглые столы” между оппозицией и властью, в результате чего в этих странах был обеспечен “демократический крах” коммунистических режимов и выход демократов на первые роли на политической арене. Нужно, однако, отметить, что Болгария не переживала и драматических, кровавых событий, подобно произошедшим в Румынии в декабре 1989 г.

В Болгарии главная сила, свергнувшая “живковизм”, сформировалась не в диссидентской среде, а внутри правящей партийно-государственной элиты. Среди них нашлись деятели реформаторского толка (П. Младенов, А. Луканов и др.), которые осознавали необходимость перемен и видели в Т. Живкове основной тормоз их осуществления. Реформаторы пользовались, естественно особо неафишируемой, поддержкой М. Горбачева, знали о широком распространении в стране антиживковских настроений. Без этого, может быть, они не осмелились бы на решительные и довольно рискованные действия.

24 октября 1989 г. П. Младенов (член политбюро ЦК БКП, министр иностранных дел) обратился с письмом в высшие партийные органы, в котором обвинил Т. Живкова в том, что он довел страну до глубокого экономического, финансового и политического кризиса, до международной изоляции, даже от СССР; прозвучал призыв к партии, ее руководству безотлагательно заняться этим вопросом, учитывая, что народ, по словам автора, уже давно занимается им. П. Младенов утверждал, что данное письмо явилось своего рода финалом, призывом к открытым действиям, но еще за несколько лет до этого он при встречах с партийными руководителями, министрами стремился привлечь их к борьбе за перемены, без которых Болгария не может существовать как современное государство⁶⁵.

Письмо П. Младенова явилось своеобразным детонатором, который значительно ускорил процесс отстранения Т. Живкова от власти, оформленного на пленуме ЦК БКП 10 ноября 1989 г.⁶⁶ Существуют различные свидетельства, мнения относительно сценариев этого процесса, их реализации. Сам Т. Живков свою отставку представляет как добровольную (о чем он, по его словам, просил и ранее), другие утверждают, что она явилась результатом оказанного на него сильного давления. При этом практически во всех случаях говорится о большой роли “советского фактора” в осуществлении этой акции. Появились публикации, согласно которым главные организаторы смещения Т. Живкова П. Младенов и А. Луканов (кстати, выпускники Московского государственного института международных отношений) постоянно поддерживали связь с работающими в Болгарии советскими дипломатами и представителями КГБ. Посол В. Шарапов информировал М. Горбачева о ситуации в высших эшелонах власти Болгарии и тот “дал добро” на отстранение

Т. Живкова, оставив право выбора его преемника болгарской стороне⁶⁷. Все это ставит под сомнение искренность руководства (СССР и КПСС, лично М. Горбачева об их невмешательстве во внутренние дела других социалистических государств).

Думается, что отставку Т. Живкова можно охарактеризовать как “добровольно-принудительную”. Оказавшись без внутренней (со стороны своих недавних соратников и “выдвиженцев”) и внешней (со стороны Москвы) поддержки, он осознал бесплезность каких-либо попыток сохранить свою власть. Однако у новых руководителей все же имелись опасения относительно возможного “живковского контрпереворота”. Свергнутый с высшего партийного поста, Т. Живков остался на короткое время председателем Государственного совета и в этой должности – верховным главнокомандующим, т.е. формально он мог использовать вооруженные силы для восстановления своей власти⁶⁸. Эти опасения остались слухами, догадками и т.п. 17 декабря 1989 г. Т. Живков был смещен с поста главы государства, который занял П. Младенов.

Представляется, что вопрос о “технических деталях” отстранения Т. Живкова не имеет первостепенного значения, хотя они и открывают отдельные и порой неприглядные закулисные стороны “большой” политики. Главное состоит в том, что уход Т. Живкова означал в истории Болгарии конец противоречивой, неподдающейся однозначной оценке эпохи, именуемой “реальным социализмом”. Страна мирным путем вступила в очередной переходный период.

¹ См.: Новая иллюстрированная энциклопедия. М., 2001. Т. 17. С. 96–97; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х т. М., 2000. Т.1. Становление “реального социализма”. 1945–1965. С. 12–13; Вълканов В. На колена пред истината: Политико-философски и лични изповеди. София, 1996. С. 152–153.

² См.: Михайлов С. Живковизмът пред призмата на една лична драма. София, 1993; Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2002. София, 2002. С. 185.

³ См.: Марчева И. Тодор Живков – пътят към властта: Политика и икономика в България 1953–1964 г. София, б./г. С. 44–45; Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 130.

⁴ См.: Живков Ж. Кръглата маса на политбюро. София, 1991. С. 23; Младенов П. Животът – плюсове и минуси. Русе, 1992. С. 152–153. Естественно, на мемуарах лежит отпечаток авторского субъективизма, односторонних оценок, стремления авторов подчеркнуть свою причастность к достижениям или отмежеваться от негативных явлений описываемой эпохи.

⁵ См.: Чакыров В. Втория етаж. София, 1990. С. 82–83; Марчева И. Указ. соч. С. 48–50.

⁶ См.: Живков Ж. Указ. соч. С. 17–20.

⁷ Один из участников пленума предложил, чтобы вопрос об избрании первого секретаря ЦК был поставлен первым пунктом в повестке дня, заявив, что не имеет ничего лично против Т. Живкова, но последний не обла-

дает качествами для столь высокого поста. Таких, как он, имеется не менее 500 человек, но это люди со средними возможностями (Живков Ж. Указ. соч. С. 17–18).

⁸ По мнению К. Чакырова, политическое падение В. Червенкова стало его платой “за недооценку Т. Живкова и иллюзорную убежденность, что государственная власть сильнее партийной” (См.: Чакъров К. Указ. соч. С. 83).

⁹ Живков Т. Мемоари. София, 1997. С. 264.

¹⁰ Например: в марте–апреле 1981 г. состоялся XII съезд БКП. В октябре 1982 г. был проведен “круглый стол”, посвященный идеологическим проблемам в творчестве Т. Живкова после указанного съезда. На данном “столе” было заслушано более 50 докладов и выступлений, в которых звучала так или иначе апология Т. Живкову. Все они были изданы в сборнике объемом около 25 а.л. уже в конце того же года (см.: Идеологическите проблеми в творчеството на другаря Тодор Живков след XII конгрес на БКП. София, 1982).

¹¹ Живков Т. Избранные статьи и речи. Март 1981 г. – июль 1987 г. М., 1987. С. 496–497, 590–591.

¹² См. подробнее: Зарубежные исследования конфликта в системе социалистических общественных отношений: Вопросы теории и методологии. М., 1989. С. 141–156 (опубликовано под грифом “Для служебного пользования”).

¹³ Революционното мислене и идеологическата работа, София, 1984. С. 57–58.

¹⁴ См.: Живков Ж. Указ. соч. С. 30, 201; Младенов П. Указ. соч. С. 152–153; Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 79–80.

¹⁵ Статистически справочник на НР България 1958. София, 1959. С. 19.

¹⁶ Зудинов Ю.Ф. Социально-политические аспекты “мусульманской проблемы” в современной Болгарии // Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 284–285.

¹⁷ Эмиграция турецкого (мусульманского) населения наблюдалась и в монархической, и в республиканской Болгарии и не прекращается по сей день. О масштабах эмиграционного потока приводятся различные цифры, но в отдельные периоды он достигал десятков и даже сотен тысяч человек (см.: Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика, София, 1997. С. 237–239).

¹⁸ Стоянов В. Българските мюсюлмане в годините на преход (1990–1997). Етнокултурни аспекти // ИП. 2000. Кн. 3/4. С. 114.

¹⁹ Български конституции и конституционни проекти. София, 1990. С. 49–51.

²⁰ X съезд Болгарской коммунистической партии. М., 1982. С. 238.

²¹ Народная Республика Болгария: Конституция и законодательные акты. М., 1981. С. 237–238.

²² Михайлов С. Възрожденският процес в България. София, 1992. С. 211.

²³ Маркова Л.В. Болгары – мусульмане (помаки) // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 157.

²⁴ См.: Михайлов С. Указ. соч. С. 60; Маркова Л.В. Указ. соч. С. 161.

²⁵ Работническо дело. 1974. 11 и 15 февр.

²⁶ Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 228–230; Национальный вопрос в Восточной Европе. С. 287–288.

²⁷ За издигане на социалистическото патриотично съзнание. София, 1986. С. 7–13.

²⁸ Михайлов С. Указ. соч. С. 65.

²⁹ См.: Очаги тревоги в Восточной Европе... С. 235–237; Вълканов В. Указ. соч. С. 179–180.

³⁰ Народная Республика Болгария. М., 1983. С. 64–65.

³¹ Статистически справочник 1986. София, 1986. С. 73, 173.

³² Там же. С. 183.

³³ Минева Д., Кабакчиева П. Преходът, елити, стратегии. София, 1996. С. 45.

³⁴ Валева Е.Л., Зудинов Ю.Ф. Болгарский вариант “нежной революции” // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 183–184.

³⁵ Желев Ж. Фашизмът, София, 1990. С. 357.

³⁶ См.: Народная Республика Болгария. С. 236–237; Народная Республика Болгария: вопросы строительства развитого социалистического общества. М., 1985. С. 13–15, 18, 26.

³⁷ Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 467.

³⁸ Брежнев Л.И. Ленинским курсом. М., 1979. Т. 7. С. 582.

³⁹ Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 182.

⁴⁰ Димитров И. Всичко тече... Спомени. София, 2000. С. 128.

⁴¹ См.: Живков Ж. Указ. соч. С. 48; Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 178–180; Марчева И. Указ. соч. С. 255–260; Димитров И. Указ. соч. С. 125–127.

⁴² Маяковский В.В. Собр. соч.: В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 392.

⁴³ Живков Т. Мемоари. С. 487–488.

⁴⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 6.

⁴⁵ См.: Баева И. Винаги в плен на Големият брат // “168 часа”. 1999. № 42. С. 10; Димитров И. Указ. соч. С. 159.

⁴⁶ Живков Т. Избранные статьи... С. 176.

⁴⁷ Живков Т. Мемоари. С. 192.

⁴⁸ См.: Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 140–146; Димитров И. Указ. соч. С. 124–125.

⁴⁹ Христова Н. Българският скандал “Солженицин” 1970–1974, София, 2000. С. 16.

⁵⁰ “168 часа”. 1999. № 42. С. 10.

⁵¹ Труд (София). 2000. 20 май.

⁵² См.: Зудинов Ю.Ф. Болгарская социалистическая партия: уход в оппозицию // Политические партии и движения Восточной Европы: Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994. С. 50–51; Христов Х. Секретное дело за лагерите. София, 1999. С. 11–12.

⁵³ Христов Х. Указ. соч. С. 15–16.

⁵⁴ См.: Живков Т. Мемоари. С. 187–189; Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 143.

⁵⁵ X съезд Болгарской коммунистической партии. С. 241.

⁵⁶ Живков Ж. Указ. соч. С. 84.

⁵⁷ Български конституции... С. 55.

⁵⁸ Там же, С. 71.

⁵⁹ Дочь Т. Живкова Людмила являлась членом политбюро ЦК БКП и министром культуры, сын Владимир – депутатом парламента и заведующим отделом культуры ЦК БКП. Впрочем Т. Живков не был в этом оригинален. Факты включения родственников в руководящую элиту наблюдались в Китае, Северной Корее, Румынии. Даже в посткоммунистической (“ельцинской”) России отмечалось нечто подобное.

⁶⁰ Статистически справочник 1986. София, 1986. С. 173, 176; История и культура Болгарии. М., 1981. С. 286–287.

⁶¹ Понеделник, 1999. № 12. С. 10.

⁶² Там же, С. 12, 16.

⁶³ Баева И. Българо-съветските отношения в годините на “перестройка” // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 120–121.

⁶⁴ Живков Т. Избранные статьи... С. 632–633.

⁶⁵ Младенов П. Указ. соч. С. 323.

⁶⁶ Отставка Т. Живкова была представлена как удовлетворение его личной просьбы. Ему объявили благодарность за многолетнее руководство партией и государством, сохранили многие привилегии. Однако вскоре он был выведен из состава ЦК, исключен из БКП, привлечен к судебной ответственности и приговорен к семи годам заключения (заменено домашним арестом). В 1996 г. приговор был отменен. Умер Т. Живков в 1998 г. почти в 87-летнем возрасте.

⁶⁷ См.: Живков Т. Мемоари. С. 388, 622; Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы... С. 185–186; Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С. 250.

⁶⁸ Милушев Г. По коридорите на властта, София, 1991. С. 36–41.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Попытки модернизации коммунистической власти. Формирование антикоммунистической оппозиции

Начавшийся в Болгарии в конце 1989 г. переход от советской модели социализма к плюралистической демократии и рыночной экономике по своим главным содержательным характеристикам не отличался от аналогичных процессов в большинстве других государств Центральной и Восточной Европы, входивших в бывшее социалистическое содружество. Вместе с тем в Болгарии этому переходу были присущи и специфические черты. Они обуславливались комплексом внешних и внутренних факторов, в том числе и тем, какие общественно-политические силы находились в данный отрезок времени у власти. От этого во многом зависели глубина, приоритеты и темпы осуществляемых преобразований.

Благодаря решающей роли, которую сыграли реформаторски настроенные члены высшего руководства Болгарской компартии (БКП) в свержении авторитарного режима Т. Живкова, ее не постигла судьба других правящих “братских” партий, которые были вытеснены из власти в результате “бархатных”, “нежных” революций или кровавых драматических событий, подобно имевшим место в Румынии. БКП благоприятствовали в основном левые убеждения, укоренившиеся среди значительной части болгарского общества, отсутствие в нем широких антисоветских (антирусских) настроений, которые в ряде других государств срачивались с антикоммунистическими, а также слабость политической оппозиции в стране. Вследствие сочетания названных обстоятельств БКП после 10 ноября 1989 г. в течение почти двух лет обладала парламентским большинством, ее представители возглавляли первые правительства переходного периода; первый болгарский президент также вышел из ее рядов.

Вместе с тем отставку Т. Живкова вряд ли можно расценивать как банальный “дворцовый” переворот, приведший лишь к смене персоналий на верхних этажах власти и не затронувший сущности режима (как это было в случае, когда в СССР Л.И. Брежнев сменил Н.С. Хрущева). Своими действиями П. Младенов и его сподвижники положили начало радикальным преобразованиям в важнейших сферах государственной и общественной жизни Болгарии. Это в конечном счете было признано и их идейно-политическими противниками¹.

В ноябре 1989 г. к власти в Болгарии пришли представители старой правящей номенклатуры, осознавшие необходимость перемен. Их позиция получила одобрение у М.С.Горбачева и других творцов советской перестройки. Генеральным секретарем ЦК БКП и председателем Государственного совета стал П. Младенов. Партия не отказалась от социалистического выбора как главного направления развития общества, однако само видение социализма и соответствующие программные установки подверглись серьезной модернизации. С конца 1989 г. и в 1990 г. в основных партийных документах и решениях заявлялось об отказе от советской (сталинской) модели общественного устройства, от функций БКП как "партии-государства", об ориентации на построение демократического, гуманного социализма². Для подтверждения своих намерений БКП инициировала изъятие из конституции положений, закрепляющих руководящую роль партии (они были отменены Народным собранием (парламентом) 15 января 1990 г.). В конце декабря 1989 г. ЦК БКП осудил "возродительный процесс"³, а Государственный совет и правительство приняли решение, позволявшее болгарским туркам восстановить свои исконные имена⁴.

Состоявшийся 30 января – 2 февраля 1990 г. XIV (чрезвычайный) съезд БКП принял Манифест демократического социализма, провозгласивший курс на создание правового государства, установление парламентской демократии и разделение властей, на развитие социально ориентированной рыночной экономики⁵. Было отменено совмещение высших партийных и государственных постов. Новым лидером партии был избран А. Лилев, ранее (1974–1983) входивший в высшее руководство БКП и выведенный оттуда Т. Живковым. П. Младенов должен был сосредоточиться на государственной работе. Указанный съезд был последним, который провела партия под названием "коммунистическая". В апреле 1990 г. она по итогам общепартийного референдума была переименована в социалистическую (БСП). Нумерация последующих партийных съездов стала вестись от I съезда болгарских социал-демократов в 1891 г.⁶

Дальнейшие шаги по обновлению идейно-политического облика БСП были предприняты на ее XXXIX съезде (сентябрь 1990 г.). В принятом новом уставе указывалось, что целью БСП является "демократическое и гуманное общество на основе общечеловеческих, национальных и социалистических ценностей"⁷. В съездовских документах говорилось, что партия, не отрекаясь от своих марксистских корней, стремится к усвоению всего ценного и подтвержденного практикой из идей и опыта социалистических, социал-демократических и лейбористских партий и движений. Было также выражено желание стать членом Социалистического интернационала⁸.

Среди различных моделей политической системы БСП отдала безусловное предпочтение парламентской демократии, определив в качестве основного поля своей деятельности Народное собрание

и местные органы государственной власти. При этом подчеркивалась объективная необходимость существования оппозиции, без которой невозможны демократия, переход от тоталитаризма к подлинному парламентаризму⁹.

Вместе с тем БСП негативно отнеслась к возможности перенесения на болгарскую почву сценариев "нежных" или "бархатных" революций. На съезде отмечалось, что в некоторых странах Восточной Европы такие революции действительно положили начало демократическим процессам, но там существовали иные, чем в Болгарии, условия – более богатые демократические традиции, более высокая политическая культура, лучшее состояние экономики и рынка. В болгарском (балканском) варианте "нежная" революция вызвала бы хаос, насилие, могла бы привести к гражданской войне¹⁰.

Сложным и болезненным оказался для БСП как преемницы БКП вопрос о преступлениях коммуно-тоталитарного режима. Этот вопрос касался не только прошлого, но и настоящего, и будущего партии, поскольку звучали призывы к ее запрету, объявлению ее преступной организацией, устройству над ней судебного процесса. Весной 1991 г. руководство БСП подготовило специальные документы (Политический меморандум-91 Высшего совета Болгарской социалистической партии и Приложение к названному меморандуму), в которых была сделана попытка объективно оценить результаты более чем 40-летнего периода строительства социализма в Болгарии. В этих документах признавались факты многочисленных и массовых репрессий, извращений и деформаций в политической, экономической и других сферах, но категорически отрицалось огульное очернительство данного периода. Отвергался также тезис о коллективной, общепартийной вине и ответственности – они должны были быть конкретизированы и персонифицированы¹¹.

В новых условиях БКП/БСП была вынуждена действовать не как до недавнего времени монополющая властвующая организация, а в обстановке реально установившегося идейно-политического плюрализма. Сама БКП перестала быть монолитным формированием. Внутри партии возникли различные течения – от реформаторских до ортодоксальных. Появились организации, расположившиеся на политической арене левее БСП: новая Болгарская коммунистическая партия, претендующая на статус преемницы "старой" БКП; Болгарская коммунистическая партия (марксисты); Болгарская рабоче-крестьянская партия и др. Они не имели заметного влияния в обществе, но их появление также свидетельствовало об определенном разброде в коммунистическом движении страны.

БКП практически осталась без союзников. От нее дистанцировались БЗНС, профсоюзы, молодежные, женские и другие организации и движения. Они подчеркнуто декларировали свою независи-

мость, самостоятельность и, критикуя коммунистов, стремились завоевать авторитет в обществе, набирать “политические очки”.

С конца 1989 г. начался бурный, лавинообразный процесс политизации и поляризации болгарского общества. Возобновили деятельность “исторические” партии, запрещенные или распущенные в 1947–1948 гг.: Болгарский земледельческий народный союз – Никола Петков, Болгарская социал-демократическая партия, Радикально-демократическая партия, Демократическая партия и др. Возникло множество новых партий, движений и других организаций; общее их число составило к началу 1990 г. около 80. Подавляющее большинство из них придерживалось антикоммунистических позиций, не верило в искренность намерений и способность БКП преодолеть кризисное состояние страны, вести ее к демократическому обновлению. Такое отношение к компартии (впоследствии – к БСП) разделяла значительная часть населения, испытывавшая аллергию как к социализму вообще, так и к любой его разновидности, будь то “реальный” или “гуманный”. Однако ни одна из десятков общественно-политических организаций не была в состоянии составить в одиночку серьезную конкуренцию БКП, которая в начале 1990 г. насчитывала в своих рядах свыше 980 тыс. членов, объединенных в более чем 31 тыс. первичных ячеек¹². Вопрос о формировании сильной, влиятельной антикоммунистической оппозиции стал для болгарских демократов весьма актуален, и решился он впечатляюще быстро.

7 декабря 1989 г. был создан коалиционный Союз демократических сил, ставший главным оппонентом БКП. В него первоначально вошли 13 организаций: БЗНС-НП, БСДП, РДП, ДП, Зеленая партия и др. Председателем руководящего органа – Координационного совета был избран известный антикоммунист философ Ж. Желев¹³. В феврале 1990 г. начал выходить ежедневный печатный орган СДС газета “Демокрация”. В дальнейшем состав СДС менялся. Одни организации вступали в союз, другие покидали его. Входившие в СДС коллективные члены сохраняли свою организационную самостоятельность. Это, с одной стороны, подчеркивало демократизм его структуры, а с другой – создавало предпосылки для раскола. Тем не менее СДС в короткий срок выдвинулся на первые роли в политической жизни Болгарии.

СДС отверг “демократический социализм” как перспективу общественного развития. Целью начавшихся демократических перемен было провозглашено восстановление в Болгарии искусственно прерванного цивилизационного процесса, приобщения ее к мировому прогрессу (в “западном варианте”). СДС выступил за создание гражданского общества, политического плюрализма, многопартийной системы, правового государства, рыночной экономики. Аналогичные термины широко использовались и в документах БКП/БСП. Но это совпадение не смягчало острого противостояния между де-

мократами и коммунистами. СДС в качестве необходимого условия достижения названных целей видел ликвидацию “деспотической власти коммунистической партии”¹⁴. Создание СДС стимулировало массовые антикоммунистические акции, использование внепарламентских форм давления на управляющие структуры.

Приобщение оппозиции к власти. Первые демократические выборы

С образованием СДС в Болгарии стал формироваться биполярный политический ландшафт, в котором союз занял правый фланг, а БКП/БСП – левый. Между ними сложились преимущественно конфронтационные отношения, но периодически возникал и конструктивный, хотя и очень непростой диалог, приносящий конкретные практические результаты.

В январе – мае 1990 г. в Болгарии проходил национальный “круглый стол” – новая для страны, но уже испытанная в ряде других восточноевропейских государств (Польша, Венгрия) форма достижения компромисса между противоборствующими силами по актуальным политическим, социально-экономическим и иным проблемам в целях совместного поиска путей их разрешения. Основными участниками “круглого стола” являлись парламентские партии (БКП и БЗНС) и СДС. Были допущены также Отечественный фронт, профсоюзные, женские и молодежные организации и движения.

Согласованный статус “круглого стола” превратил его по существу в высший государственный орган. Достигнутые на нем консенсусные договоренности оформлялись законами, правительственными решениями. В ходе острейших дискуссий участники “круглого стола” пришли к соглашению о трансформации политической системы и переходе к парламентской демократии, об упразднении Государственного совета и введении института президентства (3 апреля 1990 г. Народное собрание избрало президентом страны П. Младенова), о выборах в Великое Народное собрание и гарантиях их свободного характера, об основных положениях закона о политических партиях, о роспуске партийных организаций по месту работы, о департизации основных государственных институтов – армии, МВД, суда, прокуратуры, МИД и др.¹⁵

“Круглый стол” фактически положил начало перераспределению власти между правящей партией и оппозицией. Он укрепил положение СДС как главной общенациональной антикоммунистической политической силы. БКП/БСП по большому числу обсуждаемых вопросов пошла на серьезные уступки, которые ослабили ее роль в политической системе, подорвали ее организационные основы, привели к сокращению членской массы. С другой стороны, эти уступки

должны были свидетельствовать об отказе партии от монополии на власть, о ее стремлении к гражданскому миру.

По договоренности участников “круглого стола” на июнь 1990 г. были назначены выборы в Великое Народное собрание – высший представительный законодательный орган, главной задачей которого является разработка и принятие новой конституции страны. Было очевидно, что основная борьба за депутатские мандаты развернется между БКП/БСП и СДС. Шансы других претендентов оценивались по-разному. Как выяснилось впоследствии, среди них оказалась партия, обладающая сравнительно немногочисленным, но достаточно устойчивым и дисциплинированным электоратом и созданная на иных, чем другие партии, основах.

Демократизация, политический плюрализм существенно затронули и сферу межэтнических отношений, открыли новые возможности для роста и проявления национального сознания. В начале 1990 г. в политическом спектре Болгарии появилась новая организация – Движение за права и свободы, выражающее интересы местных турок и мусульман. Согласованный на “круглом столе”, принятый Народным собранием и вступивший в действие в апреле 1990 г. Закон о политических партиях запрещал создание партий на этнической, расовой или религиозной основе¹⁶ (впоследствии эти нормы были включены в новую конституцию). Лидеры ДПС отрицали его этнорелигиозную ориентацию, подчеркивали светский и общенациональный характер Движения, высказывались за равноправие всех граждан и конфессий, однако особо не скрывали своих связей с Турцией, приверженности к турецкой модели развития. В 1990–1991 гг. ДПС добивалось временной регистрации в качестве политической партии, что позволяло ему участвовать в парламентских и местных выборах. В 1992 г. Конституционный суд окончательно признал его легитимной партией и он превратился в полноправного субъекта политической жизни. Такое отношение официальных органов к ДПС можно оценить как своего рода компенсацию болгарским туркам и мусульманам за “возродительный процесс” и другие испытанные ими притеснения. Учитывалось также мнение мирового сообщества, позиция международных организаций, которые внимательно отслеживают положение национальных меньшинств в различных государствах.

Правовое урегулирование ситуации вокруг ДПС, допущение его к политической деятельности вызвали протест немалой части болгарского общества, отдельных политиков, включая парламентариев¹⁷. В движении усматривали “ставленника Анкары”, проводника чуждых Болгарии интересов¹⁸. Подобное отношение к “своим” туркам и мусульманам сформировалось под влиянием исторической памяти народа, отдельных фактов современной истории (турецкая акция против Кипра, напряженность в отношениях между исламской Турцией и православной Грецией, растущая агрессивность мусуль-

ман на Балканах). Исследования показали, что в сознании многих болгарских граждан существует устойчивый негативный стереотип, согласно которому Турция (соответственно и ислам) являются главной угрозой национальной безопасности Болгарии, ее европейской идентичности¹⁹. Однако все это не мешало ДПС проводить своих представителей в высшие и местные органы государственной власти.

Избирательная кампания по выборам в ВНС стартовала уже в ходе работы “круглого стола”. Он пользовался большим вниманием общественности. Его заседания (они для удобства граждан были перенесены на вечернее время) транслировались в прямом эфире по радио и телевидению. СДС постарался полностью использовать столь благоприятную возможность для острейшей критики 45-летнего периода правления БКП.

По мере приближения даты выборов возрастала конфронтационность предвыборной борьбы. СДС проводил свою кампанию агрессивно, строя ее на полном отрицании социалистического прошлого, не допуская возможности какого-либо сотрудничества с БСП. Основными его лозунгами были “45-ти лет – хватит” и “Время – наше”. Хотя проводимые накануне выборов социологические исследования предсказывали победу БСП, руководство СДС было уверено в успехе²⁰. Однако бескомпромиссный антикоммунизм союза оттолкнул от него часть избирателей, особенно в провинции. Предвыборная агитация БСП акцентировала внимание на социальных благах социализма. Осуждая репрессивное тоталитарное прошлое, партия предлагала обновленный, демократический социализм. Ее лозунги “Болгария прежде всего”, “Благополучие для Болгарии” положительно воспринимались значительной частью населения. Преимуществом БСП было наличие у нее широкой сети местных структур, чего СДС не успел создать.

Выборы проводились в два тура (10 и 17 июня 1990 г.) по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе. В них приняли участие 40 политических партий, движений, коалиций (из них 16 входили в СДС). На 400 депутатских мандатов претендовали 3090 кандидатов, в том числе 1411 в одномандатных округах, где избиралась половина депутатского корпуса. На избирательные участки явились около 90% избирателей. В качестве наблюдателей на выборы были приглашены представители Совета Европы, Европарламента, 11 национальных парламентов – Великобритании, СССР, США, Канады, Франции, ФРГ и др. Контрольно-наблюдательную деятельность осуществляли и болгарские организации – движения “За честные выборы” и “Гражданская инициатива”. Как неофициальные наблюдатели на выборах присутствовали представители различных зарубежных партий и организаций²¹.

Итоги выборов оказались в чем-то предсказуемыми, в чем-то неожиданными. Места в ВНС распределились следующим образом:

БСП – 211; СДС – 144; ДПС – 23; БЗНС – 16; Отечественный союз (преемник Отечественного фронта) – 2; независимые кандидаты – 2; Отечественная партия труда – 1; Социал-демократическая партия (немарксисты) – 1. Победа БСП свидетельствовала, что она еще пользовалась достаточно высоким кредитом общественного доверия. Уступивший ей СДС тем не менее обрел качественно новое состояние, превратившись из внепарламентской оппозиции в парламентскую и убедительно утвердив свою легитимность как влиятельной, второй по значению политической силы страны. Успешно для молодой и в известном смысле специфической партии выступил на выборах ДПС. Относительная неудача БЗНС во многом объясняется его предыдущей ролью младшего, послушного партнера тоталитарной БКП, а также конкуренцией со стороны вошедшего в СДС БЗНС-НП.

Выборы показали разделение политических симпатий избирателей из крупных городов и провинции. В большинстве индустриальных и культурных центров победу одержал СДС (в частности, в столице он получил 54% голосов, в то время как в целом по стране – 36%). За ним пошла значительная часть интеллигенции, молодежи, промышленных рабочих. Эту категорию граждан было легче, хотя бы в силу их концентрированности, поднять на проведение массовых акций в поддержку своей партии. Электорат БСП в основном составляли жители сел и малых городов, люди зрелого возраста. Их можно было мобилизовать во время избирательной кампании, в день выборов, но в межвыборный период политическая активность у них резко падала.

СДС и его сторонники были разочарованы результатами выборов. Публичное высказывание Ж. Желева о том, что они были свободными, но не были честными (вопреки оценке международных наблюдателей), ибо их подготовкой занимались БСП и руководимый ею государственный аппарат, могло навести на мысль о возможной подтасовке итогов голосования²².

Принятие новой конституции и политические “рокировки”

СДС не устраивала роль парламентского меньшинства, тем более, что ВНС предстояло выполнить действительно историческую миссию – разработать и принять новую конституцию, призванную обеспечить надежную правовую базу демократического перехода. БСП не обладала квалифицированным большинством в 2/3 голосов, чтобы провести через парламент свой проект Основного закона. Но оппозиция не была однородной, и существовала вероятность, что путем уступок, компромиссов часть ее депутатов социалисты смогут привлечь на свою сторону. В этих условиях СДС в целях ослабления положения БСП в системе власти, дискредитации ее в гла-

зах общественного мнения активизировал борьбу с социалистами как в парламенте, так и вне его.

Антикоммунистические выступления были по своей форме разнообразны и порой агрессивны: оккупация студентами аудиторий Софийского университета, блокирование дорожного движения, устройство в центре столицы палаточного лагеря (“города истины”), оформленного соответствующими лозунгами. 26 августа 1990 г. было подожжено и разграблено здание Высшего совета БСП (“Партийного дома”) в центре Софии. Участники этих акций требовали отмены результатов выборов, отставки президента и т.д. Практически дублировались все обвинения против БКП, выдвинутые СДС во время избирательной кампании. При этом не проявлялось особого интереса, соответствуют ли эти обвинения действительности. По оценке болгарских авторов, в стране рождалась “политическая культура отрицания, когда атака на противника была важнее, чем истина или интересы государства”²³.

Указанные акции имели политические последствия. 6 июля 1990 г. подал в отставку президент П. Младенов²⁴. Выборы парламентом нового главы государства происходили по трудно предсказуемому сценарию. Поскольку ни одна фракция не имела квалифицированного большинства, необходим был поиск компромисса. Первые туры голосования оказались безрезультатными. В пятом туре всего трех голосов не хватило для избрания В. Вылкова, председателя БЗНС. Неожиданность произошла в шестом туре, когда кандидата от СДС Ж. Желева поддержали депутаты-социалисты, что и обеспечило его избрание. Вице-президентом стал старый член БКП А. Семерджиев, ранее занимавший посты начальника Генштаба, министра внутренних дел.

Недостаточно знакомому со всеми тонкостями и деталями “политической кухни” нелегко понять подспудные (а не только декларируемые) мотивы, побудившие парламентариев-социалистов голосовать (кстати, не единодушно) за Ж. Желева. Вполне убедительной выглядит версия, что в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса, постоянной политической напряженности БСП сочла для себя более приемлемым не удерживать всю полноту власти (парламентскую, президентскую, правительственную), а поделиться ею с оппозицией, тем самым сделав и ее ответственной за положение в стране. Распространенным было мнение, что СДС и БСП договорились о применении формулы “наш президент – ваш премьер”. Впоследствии один из руководителей БСП А. Луканов признал, что в 1990 г. состоялась договоренность с Ж. Желевым, который в случае избрания его президентом обязался с уважением относиться к своим политическим противникам²⁵.

Смена президента означала крупный успех СДС в использовании тактики вытеснения социалистов из властных структур даже с позиций парламентского меньшинства. Была также продемонст-

рирована эффективность внепарламентских акций, которые СДС активно применил и в дальнейшем. С другой стороны, оказались безуспешными последующие попытки БСП привлечь другие парламентские силы к управлению страной. Прежде всего это касалось включения представителей оппозиции в правительство, ибо на исполнительной власти в первую очередь лежала ответственность за практическое осуществление экономических реформ, которые в Болгарии еще по существу и не начинались. Однако политические и идеологические соображения оппозиции взяли верх над экономической целесообразностью.

Правительство, которое в феврале 1990 г. возглавил А. Луканов, впервые в истории страны было чисто коммунистическим, хотя БКП и предлагала сделать его коалиционным. После выборов в ВНС А. Луканову вновь было поручено сформировать правительство, и опять попытка образовать Совет министров на широкой коалиционной основе не удалась. Правительственная программа была реформаторской, рыночной, она получила положительную оценку болгарских и зарубежных специалистов, включая экспертов из МВФ. Однако СДС не устраивала не столько сама программа, сколько то, что она будет осуществляться кабинетом министров, руководимым социалистом. Отказ оппозиции сотрудничать с правительством стал важным инструментом борьбы с БСП. Кабинет А. Луканова не решился приступить к реформам “в одиночку” – они негативно отразились бы на и без того низком жизненном уровне большинства населения. Тем временем в стране вновь произошел всплеск митинговой волны, против правительства выступили с социально-экономическими требованиями основные профсоюзные центры. Не заручившись широкой парламентской и общественной поддержкой и обвиняемый в нерешительности, А. Луканов в конце ноября 1990 г. подал в отставку²⁶. Таким образом БСП, ранее уступив оппозиции пост президента, утратила лидерство и в исполнительной власти.

Президент Ж. Желев оценил обстановку в стране как взрывоопасную и призвал искать выход из кризиса общими усилиями всех политических сил. По инициативе президента состоялись консультации, на которых было достигнуто соглашение о формировании коалиционного правительства. Его возглавил беспартийный юрист Д. Попов. Ключевые министерские посты были разделены между социалистами и оппозицией, при этом СДС достались экономические министерства. С февраля 1991 г. в Болгарии началась экономическая реформа, первым шагом которой стала либерализация цен, что привело к их резкому росту и, соответственно, к падению жизненного уровня населения. В этой связи, сознавая необходимость реформ и их высокую социальную цену, Д. Попов обратился к населению с призывом “Ради Бога, братья, не покупайте, если видите, что это очень дорого!”²⁷

После разрешения правительственного кризиса основная политическая борьба развернулась по вопросам о новой конституции. В ВНС поступило 16 конституционных проектов, в том числе 5 – от отдельных партий (БСП, БСДП, БЗНС, БЗНС-НИ, РДП), остальные – от отдельных парламентариев, парламентских групп и др.²⁸ Часть депутатов от СДС, представляющих его радикальное крыло, заявили, что ВНС не имеет права разрабатывать конституцию, поскольку его состав, где преобладают социалисты, недостаточно демократичен и будет блокировать усилия по смене политической и экономической системы. Было выдвинуто требование самороспуска ВНС и проведения новых выборов еще до принятия Основного закона. Предлагалось также в случае одобрения парламентом проекта конституции вынести его на всенародный референдум и считать принятым, если за него проголосуют 2/3 избирателей. Настаивая на своих требованиях, группа из 39 депутатов бойкотировала работу парламента и объявила голодовку. К ним впоследствии присоединились депутаты от ДПС. На стороне участников бойкота оказался президент Ж. Желев, который в обращении к ВНС выразил сомнение в моральном праве парламента в неполном составе принимать конституцию. Они были поддержаны и уличными акциями. Однако большинство депутатов от СДС, прежде всего представлявшие “исторические партии”, продолжили работу в парламенте. Несмотря на все перипетии, 12 июля 1991 г. Конституция республики Болгария была принята. Ее одобрили 313 депутатов (при необходимом минимуме 267)²⁹. Болгария первой среди посткоммунистических государств Европы приняла новую конституцию.

В Конституции декларируется приверженность общечеловеческим ценностям: миру, гуманизму, равенству, справедливости и терпимости, провозглашается верховенство прав личности, ее свободы и безопасности, решимость построить демократическое, правовое и социальное государство, гарантируются основные гражданские, политические, экономические и социальные права, в том числе неприкосновенность частной собственности, свобода хозяйственной инициативы³⁰.

По типу государственного устройства Болгария определяется как республика с парламентской формой правления; вся государственная власть в ней исходит от народа. Для предохранения от возможных рецидивов тоталитаризма и авторитаризма в конституцию включено положение, согласно которому ни одна часть народа, политическая партия или другая организация, государственный институт или отдельная личность не могут присваивать себе осуществление народного суверенитета. Провозгласив плюрализм в качестве основы политической жизни республики, конституция указывает, что ни одна политическая партия или идеология не могут объявляться или утверждаться в качестве государственной. Особо подчеркивается неприкосновенность территориальной целостности Болгарии.

Она квалифицируется как единое (унитарное) государство, в котором не допускаются автономные территориальные образования³¹.

И в период разработки новой конституции, и после ее принятия отдельные ее принципы и статьи подвергались разнообразной критике. Ее, в частности, сравнивали со “сталинской” (1936 г.), “димитровской” (1947 г.) и “живковской” (1971 г.) конституциями, которые щедро наделяли граждан правами, но не давали никаких серьезных гарантий их осуществления³². Среди главных объектов критики было толкование принципа разделения властей. Весьма большими полномочиями наделялся высший законодательный и контролирующий орган – парламент. В его компетенцию вошли такие вопросы, как формирование правительства, бюджет, налоги, внешняя политика. Полномочия президента в основном сводились к представительским функциям, ему даже не предоставлялось право законодательной инициативы. Здесь присутствовала правовая коллизия – президент избирается, согласно конституции, всеобщим голосованием, от имени народа как единственного источника власти, но в то же время наделяется довольно скромными полномочиями (сравни функции российского президента). Этот нюанс отметили даже апологеты новой конституции: решение о разделении компетенций между парламентом и президентом (которое в будущем, возможно, будет изменено) продиктовано “антитоталитарной перестраховкой”. Через это как бы вводились дополнительные гарантии от авторитаризма, согласно народной мудрости, гласящей: “Ожегшись на молоке – дуешь на воду”³³.

Оценки конституции выносились и спустя несколько лет, когда она уже “отстоялась”. По мнению Г. Близнашки, председателя Центра европейских исследований, Конституция 1991 г. – это не просто первая по времени, но и с точки зрения заложенных в ней идей и принципов – “самый лучший Основной закон в Восточной Европе, к тому же принятый на ранней фазе процесса демократизации”³⁴. Патриарх болгарской социал-демократии П. Дертлиев заявил в 2000 г., что за последние 10 лет в стране было сделано “самое большое, самое великое дело” – принята современная, социальная, демократическая конституция³⁵.

Создание коалиционного правительства и принятие нового Основного закона не принесли успокоения в социально-политическую жизнь Болгарии. На осень 1991 г. были назначены выборы в Народное собрание XXXVI созыва. Подготовка к ним сопровождалась распадом одних и возникновением других избирательных блоков – правых, левых, центристских или претендовавших на право называться таковыми.

БСП привлекла в качестве союзников ряд организаций, каждая из которых в отдельности не играла в масштабах страны существенной роли и идейные позиции которых далеко не всегда совпадали с социалистическими: Отечественная партия труда, Болгарская либеральная партия, Христианско-либеральная партия, Христианское

женское движение и др. Очевидно, это был тактический ход, и БСП пошла на него не от “хорошей жизни”. После отставок П. Младенова и А. Луканова у многих граждан создалось впечатление, что социалисты, получившие власть демократическим путем, не способны пользоваться ею и не оправдывают надежд избирателей. Это подрывало престиж партии, усиливало ее внутренние противоречия. До открытого раскола дело не дошло. Но БСП в такой ситуации важно было продемонстрировать, что она не находится в изоляции (как это случилось с ней в ВНС); партия готова сотрудничать с другими общественно-политическими силами и среди последних есть такие, которые отвечают ей взаимностью. В указанный блок не вошли левокоммунистические организации БКП, БКП(м) и другие, которые в свою очередь не смогли составить собственную избирательную коалицию.

Основными предвыборными лозунгами БСП были: гражданский мир и национальное единение, реформа, обращенная лицом к производству, социальная рыночная экономика, защита людей труда, “нет” – беззаконию и спекуляции. Партия не отказывалась от социалистических ценностей и шла на выборы с верой в успех³⁶.

Не лучшие времена переживал и СДС. Падение роли БСП в системе власти, вхождение представителей Союза в правительство ослабляли антикоммунизм как главную консолидирующую силу оппозиции. Все отчетливее стали проявляться идейно-политические различия между входящими в СДС объединениями и их лидерами. Фактически раскол в нем начался во время работы ВНС над конституцией, а весной 1991 г. он стал приобретать организационные формы.

Депутаты ВНС, участники “конституционного бойкота” (“группа 39-ти”) и солидаризировавшиеся с ними активисты создали праворадикальный блок, получивший название СДС-Движение, куда вошли Радикально-демократическая, Демократическая партии и Объединенный демократический центр. К ним затем примкнули Альтернативная социалистическая партия и некоторые другие организации, ранее в Союз не входившие. Позиция крайне правых отражала точку зрения руководства СДС – Национального координационного совета, который пытался навязать ее остальным членам союза и исподволь готовил его к превращению в единое общенациональное движение всех оппозиционных БСП сил. Входящие в СДС более умеренные организации увидели в этом покушение на свою самостоятельность, на “свое лицо” и предприняли контршаги.

Внутри союза возникла еще одна формация – СДС-Центр, ядром которого стали БСДП и БЗНС-НП. В декларации этого объединения говорилось, что оно выступает за сотрудничество с теми, кто стоит на реалистических позициях, последовательно придерживается принципов свободы и демократии, противостоит экстремизму и крайнему радикализму. Отмечалось также, что группа агрессивных настроенных лиц в руководстве СДС пытается антидемокра-

тическими методами установить контроль над ним, превратить его в единую партию, что угрожает единству демократических сил в стране³⁷. Вскоре оформилась и третья группировка – СДС-Либералы (Зеленая партия, Федерация клубов за гласность и демократию и др.), которая также считала, что Союз должен оставаться коалицией автономных организаций.

НКС СДС выступил с призывом прекратить внутрисоюзную борьбу, сосредоточить усилия всех оппозиционных сил на успешном проведении избирательной кампании, направить “энергию и труд” своих членов и приверженцев против виновника “национальной катастрофы Болгарии – БКП/БСП”³⁸. Однако этот призыв не привел к желаемым результатам. Все три “внутрисоюзные” группы выступили на выборах с самостоятельными списками (выборы проводились по пропорциональной системе при сохранении 4%-ного барьера для прохождения в парламент). Каждая из них претендовала на название СДС, но в конечном счете оно, не без помощи президента Ж. Желева, закрепилось за СДС-Движение. Ему же достался и синий цвет избирательного бюллетеня, что было немаловажным. Именно этот цвет у избирателей по аналогии с выборами в ВНС ассоциировался с единым тогда СДС. Кроме того, часть членов и лидеров организаций, образовавших СДС-Центр и СДС-Либералы, остались в рядах СДС-Движение.

Противоречия в СДС порождали оптимизм у социалистов по поводу результатов предстоящих выборов. К тому же ухудшение социально-экономической ситуации, продолжающееся падение жизненного уровня населения можно было увязывать с деятельностью министров, представляющих в правительстве СДС и занимающих ключевые экономические посты. К середине августа 1991 г., по некоторым оценкам, рейтинг БСП выглядел предпочтительнее по сравнению с СДС.

Однако в формирование умонастроений избирателей, в значительной мере определивших их позицию на выборах, неожиданно вмешался внешний фактор – августовские события 1991 г. в Москве, так называемый “путч”. На практике эта попытка государственного переворота оказалась карикатурой, фарсом, но в то время предвидеть развитие ситуации было вряд ли возможно.

Реакция на эти события со стороны Ж. Желева была быстрой и острой. Как он пишет в мемуарах, его известили о позиции западных лидеров (Д. Буша, Д. Мейджора и Ф. Миттерана), а также чешского президента В. Гавела, которая была выдержана в довольно мягких, дипломатических тонах: мы не вмешиваемся во внутренние дела СССР, надеемся, что удастся избежать кровопролития и Советский Союз останется верен своим международным обязательствам. Ж. Желев решил, что болгарская позиция не может быть столь “беззубой”. Необходимо заклеить путч как прокоммунистический, неосталинистский переворот, который должен быть подавлен са-

мым энергичным образом и по всей строгости закона. Именно так жестко, по мнению Ж. Желева, должна была быть выражена оценка Болгарией московского путча, поскольку страну долгое время, и не без оснований, рассматривали как самого угодливого “лакея СССР”. В таком категорическом духе Ж. Желев выступил 19 августа 1991 г. по радио и телевидению в обращении к болгарскому народу. На следующий день в телефонном разговоре с Б.Н. Ельциным он выразил ему свою полную поддержку³⁹.

Отклик социалистов на августовский путч был запоздалый, со ссылкой на отсутствие достоверной информации⁴⁰. Это дало их противникам лишней козырь в избирательной борьбе, оттолкнуло от БСП часть ее приверженцев, прежде всего из среды интеллигенции. Ж. Желев указал на еще одно обстоятельство, повлиявшее на настроение избирателей. В сентябре 1991 г. Б.Н. Ельцин прислал ему тексты “тайных соглашений” между КПСС и БСП, по которым обе партии обязались помогать друг другу в деле достижения победы на выборах. Ж. Желев распорядился опубликовать эти документы, чтобы показать “все двуличие и реваншизм БСП”, и это накануне выборов стало для нее “хорошим подарком”⁴¹.

На выборах, состоявшихся 13 октября 1991 г., победу одержал СДС-Движение, получивший в Народном собрании 110 мест из 240. Из входящих в Союз организаций больше всего депутатских мандатов досталось РДП – 15, ДП – 14, ОДЦ – 10. Остальные мандаты были распределены среди других организаций, баллотировавшихся по списку СДС. Всего их было 19. На второй позиции оказалась коалиция, возглавляемая БСП – 106 мест. Она образовала в НС фракцию “Парламентский союз за социальную демократию”, в которой 93 мандата получили социалисты, 5 – беспартийные, 3 – Отечественная партия труда и по 1 – другие партнеры по коалиции. 26 мест в НС получило ДПС⁴².

Среди неудачников, не попавших в парламент, оказались СДС-Центр и СДС-Либералы, получившие соответственно 3,3% и 2,85%. Очевидно, что, объединив усилия, они вполне могли бы провести своих представителей в Народное собрание. Вне парламента осталась и одна из старейших партий страны – БЗНС, набравший 3,7%, т.е. немного не дотянувший до 4%-ного “порога”. БЗНС стал распадаться на отдельные организации различной политической ориентации. Показательно, что на выборах слабо выступили партии, имеющие богатые исторические традиции – аграрии и социал-демократы. Всего же за не прошедшие в Народное собрание организации проголосовало около четверти избирателей.

Главным итогом парламентских выборов 1991 г. стало поражение БСП (экс-коммунистов). Впервые с сентября 1944 г. строители социализма (сперва “реального”, “развитого”, затем – “демократического”) оказались в непривычной для себя роли оппозиции. Выборы показали резкое, причем за короткое время, снижение влияния

БСП в обществе. За год с небольшим, прошедший со дня выборов в ВНС, ее электорат сократился на 1 млн избирателей. Некоторым утешением для социалистов могло служить их незначительное отставание (1,22% голосов) от победителей, а также сравнительно успешные результаты, достигнутые ими на местных выборах (проводившихся одновременно с парламентскими), на которых БСП собрала около половины голосов, опередив СДС, ДПС и др.⁴³ Противникам социалистов не удалось превратить их в маргиналов, оттеснив на периферию политической сцены.

Все руководящие позиции в высших структурах государственной власти перешли в руки правых. Их положение укрепилось после победы Желева в январе 1992 г. на всеобщих прямых президентских выборах. Во втором туре он, выступая в паре с кандидатом на пост вице-президента известной поэтессой и диссиденткой Б. Димитровой, получил около 53% голосов против 47%, набранных поддержанной БСП парой – беспартийный юрист В.Вылканов и правозащитник Р.Воденичаров (кстати, один из основателей СДС). Успех правых и на парламентских, и на президентских выборах не был подавляющим. Однако это не помешало СДС выступить с амбициозным заявлением, что он пришел “навсегда”⁴⁴.

Первые правительства без БСП

Соотношение сил в Народном собрании создавало определенные проблемы в формировании кабинета министров. СДС получил в парламенте относительное большинство (около 46% мандатов), а довольно пестрый состав союза не давал гарантий, что его фракция останется монолитной (впрочем, таких гарантий не было и у других парламентских групп). Возможность сотрудничества с социалистами СДС отверг еще до выборов (об этом же заявило и ДПС), поэтому образовать правительство СДС мог или в коалиции с ДПС, или же заручившись поддержкой последнего. Вариант с коалиционным кабинетом выглядел более сложным. К тому времени ДПС еще не добилось полной легитимизации (это произойдет в апреле 1992 г. по решению Конституционного суда), а конституция, запрещающая (статья 22, пункт 4) создание политических партий на этноконфессиональной основе, уже действовала. Нужно было также учитывать настроение части населения, негативно относившейся к приходу “турок” к управлению страной.

В ноябре 1991 г. лидер СДС Ф.Димитров сформировал “одноцветный” Совет министров, получив поддержку ДПС. Самая малочисленная парламентская фракция стала играть роль своеобразного балансира, от позиции которого зависела судьба правительства. Деятельность кабинета Ф. Димитрова с самого начала оказалась сильно политизированной. Был провозглашен курс на полный раз-

рыв с коммунистическим прошлым, на радикальную “смену системы”. Неудивительно, что БСП стала одной из главных мишеней этого курса. Еще до вступления на пост главы правительства Ф. Димитров заявил, что в Болгарии никто не будет подвергаться преследованиям “за членство в коммунистической партии сейчас или в прошлом”. У СДС нет намерения “насильственно сокрушить БСП”, но у нее необходимо изъять “награбленное у государства имущество”, т.е. речь может идти лишь об экономическом сокрушении⁴⁵. В декабре 1991 г. Народное собрание приняло закон о возвращении государству большей части имущества партий и организаций (БКП/БСП, БЗНС, комсомола, профсоюзов и др.), получивших его в качестве субъектов тоталитарного режима.

Однако разрыв с прошлым, декоммунизация страны далеко вышли за рамки “экономического сокрушения” БСП и подчинявшихся ей до недавнего времени общественных и политических структур. Были привлечены к судебной ответственности отдельные деятели, занимавшие при прежнем режиме высшие руководящие посты. Им вменялись в вину некомпетентность, ввергшая Болгарию в экономическую катастрофу, различные злоупотребления, главным образом финансово-имущественного характера. Присутствовало среди обвинений и участие в организации репрессий против турецкого национального меньшинства. Защита обвиняемых строилась на том, что они не нарушали действовавших законов, выполняли решения коллективных органов (ЦК БКП, Государственного совета, правительства), не преследуя личных корыстных интересов.

Судебные процессы над бывшими руководителями, формально уголовные, имели явный политический подтекст. “Обвиняемый № 1” Т. Живков был осужден в сентябре 1992 г. на семь лет заключения, замененного домашним арестом. В феврале 1996 г. этот приговор был отменен Верховным судом. Т. Живков писал в мемуарах, что процесс против него был политическим. За ним стояли люди, которые стремились приобрести славу борцов за демократию, получить политические дивиденды, необходимые им для утверждения в новом руководстве, куда они “перескочили из старого...”⁴⁶

Не спасало от преследований и участие в “ноябрьской революции” 1989 г. К десяти годам лишения свободы был приговорен Г. Атанасов, последний глава “живковского” правительства, сыгравший большую роль в отстранении Т. Живкова от власти и занимавший пост премьер-министра в первые месяцы переходного периода. Основная его вина – предоставление детям погибших антифашистов компенсации за подорожание жилья. Пробыв в заключении более полутора лет, Г. Атанасов был помилован президентом Ж. Желевым. В июле 1992 г. по требованию главного прокурора был лишен депутатского иммунитета и арестован А. Луканов за предоставление помощи и кредитов некоторым развивающимся странам и национально-освободительным движениям. Судебный приговор ему вы-

несен не был, а в марте 1997 г. Европейский суд по правам человека, квалифицировав действия болгарской прокуратуры в отношении А. Луканова как неправомерные, наложил на Болгарию штраф. Сам А. Луканов не дождался этого вердикта. В октябре 1996 г. он погиб от рук наемного убийцы. Было начато следствие и против П. Младенова. Политическую подоплеку имели и массовые кадровые чистки, в ходе которых из государственных, хозяйственных и других сфер удалялись бывшие партийные функционеры и активисты⁴⁷.

Одним из проявлений разрыва с прошлым стала ликвидация сельских кооперативов (ТКЗХ), в которых тогдашние власти предпочитали усматривали “красные гнезда” и “очаги коммунизма”. Зачастую эта акция выливалась в растаскивание кооперативного имущества, и одним из ее итогов явилось падение сельскохозяйственного производства. Разрушительным для этой отрасли стало и возвращение земельных наделов бывшим собственникам или их наследникам. Данную меру можно было расценить как восстановление “исторической справедливости”. Однако сельхозугодья оказались раздроблены в еще большей степени, чем до второй мировой войны, а новые владельцы не желали или не умели заниматься сельским хозяйством⁴⁸.

Процесс реституции коснулся и других объектов собственности: жилых помещений, мелких предприятий и т.п. Он практически не затронул индустриальную сферу, поскольку национализированные в 1947 г. средства производства составляли в денежном выражении лишь немногим более 1% от стоимости производственных фондов в начале 1990-х годов⁴⁹.

Осуществляемая по широкому фронту декоммунизация, слом старых хозяйственных форм не приостановили ухудшение социально-экономической ситуации. Это вело к сдвигам в массовом сознании. Весной 1992 г., по данным социологического опроса, число граждан, положительно оценивающих социалистическое прошлое, превысило число, негативно относящихся к этому периоду. Происходили перемены и внутри различных частей политического спектра. К своим противникам праворадикальное руководство СДС относилось не только БСП, но и отдельных представителей демократических кругов, среди которых были и основатели Союза. На IV национальной конференции СДС (апрель 1992 г.) было заявлено, что он продемонстрировал способность к самоочищению, к освобождению от чуждых, внедренных или просто оказавшихся не на высоте исторической миссии элементов. В числе “нежелательных элементов” были названы хорошо известные имена: П. Дертлиев, “подпевающий” ему М. Дренчев, П. Симеонов, А. Каракачанов и др.⁵⁰ Оппонентами правительства Ф. Димитрова стали, не переходя на сторону БСП, и профсоюзы, которые критиковали кабинет за отсутствие реальных результатов в борьбе с падением производства, с ростом безработицы и обнищанием населения. Летом 1992 г. два крупнейших профцентра страны – Конфедерация независимых синдикатов Бол-

гарии и Конфедерация труда “Подкрепа” солидарно обвинили правительство в нежелании осуществлять социальное партнерство, заявили о разрыве контактов с ним и потребовали его отставки.

Конфликтные отношения сложились между руководством СДС и президентом. Ж. Желев, являясь приверженцем антикоммунизма с “человеческим лицом”, выступил с открытой и резкой критикой правительства за его бескомпромиссное стремление воевать со всеми, не согласными с его политикой. Президент указал на необходимость национального согласия, взаимопонимания между ведущими политическими силами для успешного осуществления реформ. Со своей стороны правые круги СДС расценивали эти призывы как попытку коллаборационизма с коммунистами (Ж. Желев назвал подобные утверждения сознательным извращением его мыслей). В итоге данного противостояния руководство СДС уведомило Ж. Желева, что он больше не представляет Союз в президентском институте⁵¹. Однако позиция президента нашла положительный отклик не только среди оппонентов СДС, но и внутри Союза, у части его парламентской фракции, у ДПС. В конце октября 1992 г. Народное собрание выразило правительству недоверие.

Согласно болгарской конституции, первой право предлагать кандидатуру на вакантный пост премьер-министра имеет самая крупная парламентская фракция. Если ее кандидат не получает поддержки большинства депутатов, это право переходит к следующей по численности фракции и т.д. Ни СДС, ни БСП не смогли поставить во главе правительства своих выдвиженцев. В конце декабря 1992 г. этот пост занял предложенный ДПС беспартийный профессор Л. Беров, экономический советник президента. Новый правительственный кабинет состоял в основном из беспартийных специалистов и квалифицировался как экспертный. В него вошли также один представитель от ДПС (не являющийся членом движения и не принадлежащий к этническим туркам) и два – от “умеренных” из СДС. В Народном собрании произошла перегруппировка политических сил. Из фракции СДС были исключены или вышли депутаты, поддержавшие Л. Берову, которые образовали группу Новый союз за демократию; фракция, возглавляемая БСП, превратилась в самую многочисленную, не обладая парламентским большинством.

Правительство объявило о намерении продолжать рыночные реформы, выдвинув в качестве главной задачи приватизацию государственной собственности и привлечение в страну зарубежных инвестиций. Однако при существующей социально-экономической ситуации и сложившейся в парламенте расстановке сил программа кабинета Л. Берову оказалась трудно реализуемой.

Радикальные верхи СДС в стремлении вернуться к власти с новой энергией начали борьбу с Ж. Желевым, атакуя одновременно пропрезидентское и прокоммунистическое правительство, созданное, по их утверждению, в результате закулисных махинаций БСП,

ДПС, президента и коллаборационистов из СДС. Было выдвинуто требование отставки Ж. Желева и проведения досрочных парламентских выборов. В июне 1993 г. в отставку подала вице-президент Б. Димитрова, обвинив Ж. Желева в том, что он препятствует демокмунизации страны и проводит рекоммунизацию. В свою очередь президент в ряде своих заявлений высказал мнение, что уйти следовало бы руководству СДС – провалившимся политикам, приведшим союз к потере власти и к сужению его социальной базы⁵².

В Народном собрании неоднократно вносились проекты резолюций о недоверии правительству, и ему удавалось устоять благодаря в первую очередь голосам депутатов-социалистов. За эту поддержку пришлось платить, в частности поступившись отдельными пунктами либеральной экономической реформы и замедлив темпы ее осуществления. Затормозилась приватизация убыточных предприятий. В 1993 г. была продана государственная собственность на сумму около 500 млн левов, зарегистрированный капитал государственных предприятий превышал ее примерно в 1000 раз⁵³. Такая специфика болгарских реформ была отмечена зарубежными специалистами. Некоторые из них отвели Болгарии последнее место среди стран Восточной Европы по масштабам и темпам разгосударствления экономики, считая, что если подобная динамика сохранится, то для завершения приватизации стране понадобится 20 лет⁵⁴.

Неустойчивое положение надпартийного правительства Л.Берова, не имеющего надежной опоры в Народном собрании и вынужденного пользоваться поддержкой политически “не родственной” фракции, усугубилось весной 1994 г., когда Ж. Желев публично отказал ему в доверии, обвинив в провале приватизации и аграрной реформы, в неспособности привлечь в страну иностранные инвестиции. В Болгарии судьба правительства зависит не от президента, а от парламента или от решения самого кабинета министров, его главы. В сентябре 1994 г. Л. Беров предпочел уйти в отставку. Попытки сформировать новое правительство не увенчались успехом, и в соответствии с конституцией президент распустил парламент. Для подготовки выборов в Национальное собрание 37-го созыва президентом было назначено так называемое “служебное правительство”, которое впервые в болгарской истории возглавила женщина – Р. Инджова, доктор экономических наук, руководившая Агентством по приватизации, активно сотрудничавшая с СДС.

Новый “лево-правый” цикл

Итоги первого посттоталитарного пятилетия в Болгарии весьма противоречивы. Была разрушена политическая система “советского типа”. Утверждались разделение властей, парламентаризм, однако широко применялись и внепарламентские формы борьбы,

которые могли серьезно влиять на политическую ситуацию в стране. Реальностью стал плюрализм, базирующийся на многопартийности. Но и здесь наблюдались определенные издержки. К середине 1995 г. число партий превысило 160 и оно продолжало расти. Многие из них не имели сколько-нибудь солидной социальной базы и выражали интересы узких групп, кланов и т.п.⁵⁵. Участвуя в избирательных кампаниях, такие партии в совокупности оттягивали на себя немало голосов. Не достигая успехов на выборах, они лишали часть граждан представительства в соответствующих органах (в парламенте, в местных советах). Все эти явления обретали устойчивый характер.

На политическую арену начали выходить, причем нередко на первые роли, молодые, хорошо образованные люди. Ф. Димитров в возрасте 35 лет стал лидером СДС, а спустя год занял пост премьер-министра. Ж. Виденов в 32 года возглавил БСП, а в 35 лет – правительство. Практическая деятельность молодых не всегда и не во всем была успешной, им не хватало компетентности, профессионального опыта, коммуникабельности и толерантности. Но процесс смены поколений в правящей элите отражал потребности нового времени, новых задач, стоявших перед обществом. С другой стороны, многие представители старой номенклатуры смогли приспособиться к изменившимся условиям, перейдя из партийной элиты в экономическую⁵⁶.

Важным регулятором общественной жизни стали независимые (с существенными оговорками) средства массовой информации, которые, однако, в большинстве своем обслуживали те или иные, зачастую противоположные политические и экономические интересы. Крупные сдвиги наблюдались в социальной структуре – увеличился слой собственников. В начале 1994 г. частный сектор охватил около 25% народного хозяйства, на его долю приходилось примерно 18% ВВП⁵⁷.

Трансформация, охватившая все стороны жизни болгарского общества, имела и глубокие негативные последствия, непосредственно касавшиеся повседневного быта большинства людей. Обострился экономический и социальный кризис. По сравнению с 1989 г. за пять лет переходного периода объем промышленной продукции сократился почти на 50%, сельского хозяйства – на 30%, строительства – на 72%. Уровень безработицы в 1994 г. превысил 20% от трудоспособного населения. Углублялся процесс расслоения на богатых и бедных. У черты бедности оказались почти 85% граждан⁵⁸. Получили распространение такие явления, как коррупция, теневая экономика, преступность, финансовые пирамиды и т.п. Примечательно, что по данным социологического исследования, большинство респондентов связывали кризис не с утверждением рынка как такового, а с деятельностью “скрытого” доминирующего класса, конкретнее – с “отмыванием” денег и разграблением экономики⁵⁹.

Состояние социально-экономической сферы решающим образом влияло на настроения граждан. Многие собирались голосовать на парламентских выборах, назначенных на 18 декабря 1994 г., не только “умом”, “сердцем”, но и “желудком”.

Избирательная кампания придала новый импульс по существу никогда не прекращавшемуся процессу создания или распада политических блоков, партий, движений и т.д. Из СДС вышла Демократическая партия, одна из важных его составляющих. Неудачей окончилась попытка образовать коалицию между СДС и БЗНС во главе с А. Мозер, хотя последняя и утверждала, что эти организации “обречены” на сотрудничество и могут получить на выборах не менее 60% голосов. СДС, где главную роль по-прежнему играли правые радикалы, был ослаблен внутренними противоречиями, напряженными отношениями с президентом. Шансы союза на возвращение к власти выглядели проблематичными, но его лидеры не теряли надежды. Ф. Димитров заявил, что СДС разработал ряд эффективных мер по оздоровлению страны, а если на выборах победят левые, она будет тонуть все глубже.

БСП, в коалицию с которой вошли БЗНС “А. Стамболийский” и политический клуб “Экогласность”, шла на выборы под лозунгом “Остановим разруху, обновим Болгарию”. Предвыборная платформа партии декларировала приверженность к демократии и социальному рыночному хозяйству, намерения побороть экономическую преступность и установить ясные правила рыночных отношений, добиться устойчивого экономического роста и высокой степени занятости, приступить к постепенному повышению реальных доходов населения и др. В целом эта программа выглядела привлекательной, но вряд ли были предусмотрены все трудности ее практического осуществления. В итоге она во многом оказалась набором благих намерений и невыполнимых обещаний, столь присущих избирательным кампаниям.

Была предпринята попытка создать в будущем парламенте центристскую группу в качестве противовеса и СДС, и БСП. Эту роль намеревалась сыграть коалиция Демократическая альтернатива за республику, в которую вошли социал-демократы во главе с П.Дертлиевым, Гражданское объединение за республику, созданное одним из бывших лидеров-реформаторов в БСП А.Томовым и Альтернативная социалистическая партия.

Результаты выборов кардинально изменили расстановку сил в Народном собрании и оставили вне парламента ряд известных политических деятелей. Абсолютное большинство депутатских мест (125 из 240) получила БСП с партнерами, увеличив свое представительство по сравнению с предыдущими выборами на 19 мандатов. СДС получил 69 мест (потеря составила 41 мандат). На третью позицию с 18 мандатами вышел Народный союз – коалиция Демократической партии и БЗНС, возглавляемого А. Мозер. От-

носительную неудачу потерпело ДПС, завоевав 15 мандатов вместо прежних 24, хотя лидер движения А. Доган планировал провести в Народное собрание 25–30 депутатов. Столь значительное для ДПС сокращение электората объяснялось новой переселенческой волной в Турцию (на сей раз не по идейно-политическим, а по экономическим причинам), а также появлением новых, претендующих на голоса приверженцев ДПС формирований – Турецкой демократической партии и Партии демократических перемен. Из потерянных ДПС по сравнению с выборами 1991 г. примерно 135 тыс. голосов около 38% были отданы названным партиям. Получил представительство в Народном собрании (13 мандатов) и Болгарский бизнес-блок – партия, ориентирующаяся на средних и мелких предпринимателей.

Не достигла необходимого 4%-ного барьера ДАР, собравшая около 3,8% голосов. Немногим более 1,5% получила ортодоксальная Болгарская коммунистическая партия. Но даже с таким скромным результатом она смогла опередить Новый выбор, сформированный бывшими видными деятелями СДС, недавними министрами Д. Луджевым и И. Пушкарковым и обладавший немалыми финансовыми возможностями.

В болгарской печати отмечалось, что СДС, прежде всего его лидеры, в значительной мере сами способствовали своему поражению. Невозможно было сокрушить БСП лишь одним крикливым антикоммунизмом. Ф. Димитров всей своей “антикоммунистической” деятельностью добился возвращения бывших коммунистов к власти: отчаявшийся, ввергнутый в нищету народ оказал им доверие. Болгарская демократия пожалала горькие плоды “лидерского индивидуализма”⁶⁰. Обычно руководители победенных оставляют свои посты. Случай с СДС не составил исключения. В декабре 1994 г. председателем Координационного совета СДС был избран И. Костов.

Новое превращение БСП в правящую партию было не изолированным явлением, а частью “левой волны”, охватившей некоторые постсоциалистические государства. Бывшие коммунисты, трансформировавшиеся в сторону социал-демократии, пришли к власти в Венгрии и Польше, но они ни в идейно-политическом, ни в практическом аспекте не ставили задачи сворачивания реформ, рекоммунизации этих стран, очередной “смены системы”. Тем не менее произошел своеобразный “левый ренессанс”, который, по мнению Ж. Желева, обусловили не только внутренние факторы, но и позиция Запада. Последний, полагал болгарский президент, должен был предложить что-то вроде нового “плана Маршалла”, чтобы уберечь народы Болгарии и других постсоциалистических стран от огромных тягот переходного периода, помешав тем самым их полевению.

БСП попыталась сформировать правительство, опирающееся на более широкую поддержку, чем могла ему обеспечить победо-

носная избирательная коалиция. Предложения включить своих представителей в состав кабинета министров были сделаны БББ и не попавшим в парламент Демократической альтернативе и Патриотическому союзу. Ответы были уклончивыми или отрицательными. П. Дертлиев заявил, в частности, что, если даже социал-демократы займут посты в правительстве, БСДП и он лично останутся в решительной оппозиции “коммунистам”⁶¹.

Правительство Ж. Виденова (как ранее правительство А. Луканова) столкнулось с трудно разрешимой для левой партии дилеммой. С одной стороны, необходимо было продолжать либеральные экономические реформы, связанные с непопулярными мерами. Иными словами, социалисты должны были строить капитализм. Введение в этой области социальных амортизаторов негативно отражалось на эффективности и темпах экономической модернизации. С другой стороны, нужно было выполнять предвыборные обещания, предпринимать шаги по облегчению положения населения, две трети которого имели доходы ниже прожиточного минимума.

1995 г. по ряду показателей был для правительства сравнительно благоприятным. Промышленное производство выросло на 5%, продукция сельского хозяйства – на 16,4%, уровень безработицы снизился до 12,5%, повысились зарплата бюджетников и пенсии. Однако одновременно зрели условия для наступившего вскоре обвала в социально-экономической и финансовой областях. Тяжелым бременем на бюджет ложились продолжающееся финансирование убыточных государственных предприятий, отсрочка приближения цен на электро- и теплоэнергию к мировому уровню. Эти и некоторые другие социально мотивированные “нерыночные” аспекты политики социализма осложнили отношения Болгарии с международными финансовыми институтами, которые приостановили ее кредитование. Между тем подошли сроки выплаты 2 млрд долл. по внешнему долгу. Осуществление платежей без внешней помощи еще более подорвало финансовую систему страны. Произошел всплеск инфляции, уровень которой составил в 1996 г. 310,8% (в 1994 г. – 121,9%, в 1995 г. – 32,9%). Объем ВВП снизился на 11%, а реальные доходы населения – на 32%. Возник зерновой кризис, появились длинные очереди за хлебом, а в отдельных местах были введены ограничения на его продажу. Вину за это оппозиция возложила на правительство, которое допустило слишком большой экспорт зерна из страны. Другие расчеты показывали, что зерно в Болгарии есть, но владельцы частных элеваторов не поставляют его на рынок. “Хлебная проблема” превратилась из продовольственной в социально-политическую⁶².

В условиях роста социально-экономической напряженности быстро падало влияние БСП в обществе, усиливались разногласия в ее руководстве. Активизировался СДС, который стремился превратить недовольство граждан в требования отставки правительства и

проведения досрочных парламентских выборов. Степень утраты социалистами доверия общества проявилась на президентских выборах 27 октября – 3 ноября 1996 г. Странники правых в целях определения оптимальной кандидатуры на пост главы государства организовали предварительные выборы (“праймериз” по американскому образцу). В них участвовали поддержанный ДПС и Народным союзом Ж. Желев и выдвинутый от СДС юрист П. Стоянов, которому и сопутствовал успех. Оппозиция договорилась, что П. Стоянов будет баллотироваться в президенты как единый кандидат Объединенных демократических сил. Он и был избран президентом, опередив почти на 20% голосов кандидата от БСП профессора историка И. Маразова.

Внутрипартийная победа на президентских выборах стимулировала давление (в том числе и в уличных формах) правых на социалистов. Обострился кризис и внутри БСП – несколько ее видных деятелей, члены партийного руководства и депутаты выступили за отставку правительства. В конце декабря 1996 г. на XLII съезде БСП Ж. Виденов заявил об уходе с постов лидера партии и премьер-министра. Заявление об отставке правительства было подано в парламент, который утвердил ее 28 декабря 1996 г.

У социалистов, имевших в Народном собрании самую многочисленную фракцию, оставалось конституционное право на формирование нового кабинета министров. СДС сосредоточил усилия на том, чтобы это право реализовано не было. 10 января 1997 г. митингующие в поддержку требований правых ворвались в здание парламента, откуда их пришлось выдворять с помощью полиции. Проводились и другие акции, направленные против социалистов. Между тем стоимость американского доллара достигла 3000 левов (в конце 1996 г. – 500 левов). БСП не устояла перед давлением и 4 февраля 1997 г. возвратила мандат на формирование нового правительства, отказавшись от власти, к которой она пришла демократическим путем. При посредничестве президента П. Стоянова представленные в парламенте политические силы договорились о роспуске Народного собрания и проведении досрочных парламентских выборов. Для их подготовки было назначено служебное правительство во главе со столичным мэром С. Софийским.

Различные политические силы цпи на выборы в неодинаковом состоянии. СДС взял курс на трансформацию из коалиции в единую партию, но не отказывался от сотрудничества с другими формированиями, в том числе и с теми, которые в прошлом покинули его. Он стал ядром правоцентристского ОДС, куда вошли также Демократическая партия, БЗНС, БСДП и др. Появилась новая коалиция – Объединение за национальное спасение (ОНС), которое образовали ДПС, БЗНС-НП, Зеленая партия, Новый выбор и некоторые другие партии и группы, включая монархистов. Изменения произошли и на левом фланге. БСП и ее электорат переживали разоча-

рование от неудачного опыта правления социалистического правительства, поражения на президентских выборах, неспособности удержать законно полученную власть. Покинувшие в разное время БСП представители реформаторских течений, не согласные с позицией партийного руководства, и представители левого крыла БСДП (Движения за социальный гуманизм) учредили в феврале 1997 г. партию Болгарские европейские левые, которая заявила о приверженности ценностям Социалистического интернационала. Председателем БЕЛ был избран А. Томов.

Состоявшиеся 19 апреля 1997 г. выборы в Народное собрание XXXVIII созыва, для участия в которых зарегистрировались 39 партий и блоков, принесли следующие результаты: ОДС – 137 депутатских мандатов; БСП в коалиции с Экогласностью – 58; ОНС – 19; БЕЛ – 14 и БББ – 12. Со стороны победителей и тех, кто им сочувствовал (в том числе и за рубежом) итоги выборов расценивались как торжество демократии, как завершение затянувшейся “нежной революции”. В болгарском политическом спектре наблюдался сильный “правый крен”, в парламенте сложилось реформаторское большинство. Фракция БСП, хотя и осталась второй по численности, утратила по сравнению с предыдущим составом Народного собрания более половины депутатских мест. Тем самым устранялись условия для ставшей уже традиционной политической конфронтации, периодических парламентских и правительственных кризисов. Крупного успеха достигла недавно созданная БЕЛ, которая сумела привлечь на свою сторону около 10% избирателей, ранее голосовавших за БСП. Выборы показали также снижение политической активности граждан. Если в выборах 1991 г. участвовало около 84% избирателей, в 1994 г. – свыше 75%, то в 1997 г. – менее 59%⁶³.

В мае 1997 г. парламент утвердил состав кабинета министров во главе с И.Костовым. Против голосовала только фракция БСП. Правительство выступило с программой “Болгария 2001 г.”, конечной целью которой провозглашалось вступление Болгарии в новое тысячелетие как цивилизованного европейского государства. Основной акцент был сделан на углубление и форсирование рыночных преобразований, говорилось, что уже в конце текущего года нужно обеспечить хозяйственный рост, экономическую и финансовую стабилизацию. Правительство также обещало проводить такую социальную политику, которая обеспечит каждому болгарскому гражданину уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

Судьба этой амбициозной программы во многом подтвердила истинность народной мудрости: “Гладко было на бумаге...” Правительство добилось подавления инфляции, финансовой стабилизации, повышая цены на услуги (электричество, отопление, транспорт и др.) и налоги. Но не был преодолен экономический спад, перешедший в стагнацию. В середине 1999 г. было объявлено о завер-

шении в Болгарии переходного периода, об осуществлении структурной перестройки народного хозяйства. Она свелась в основном к закрытию или приватизации (иногда по “бросовым” ценам) убыточных предприятий. Это вызвало рост безработицы и не решало задачи создания эффективной, конкурентноспособной экономики, а именно в этом состоит главная цель структурной реформы. Продолжала разрушаться социальная сфера, особенно остатки наследия “реального социализма” – бесплатные медицинское обслуживание и образование. Быстро сокращалось душевное потребление ценных продуктов питания, увеличивалось имущественное расслоение населения.

Распадалось парламентское реформаторское большинство, и деятельность правительства подвергалась острой критике со стороны различных общественно-политических кругов. П. Дертлиев заявил, что в стране хозяйничает “прожорливое существо”, которое “заглатывает” фабрики, больницы, людей. За свою долгую жизнь, отметил он, я не встречал такой алчной и жестокой власти, как нынешняя. По его мнению, новую Болгарию должны строить социалисты, социал-демократы, ДПС и другие честные и работающие люди, в том числе и из СДС. Лидер БЕЛ А.Томов констатировал, что в сегодняшней Болгарии бедность стала повседневностью. Промышленность и сельское хозяйство обескровлены. Реальные доходы населения – среди самых низких в Европе и самые низкие за последние десятилетия. (Примечательно, что эти высказывания прозвучали на XLIV съезде БСП⁶⁴.)

* * *

Истекшие в конце XX в. десять лет переходного периода в развитии Болгарии характеризовались исчезновением первоначальной эйфории и усилением разочарования от несбывшихся надежд. Бесспорным достижением является установление политической демократии (с вкраплениями охлократии), но оно девальвируется отсутствием прогресса и даже провалами в социально-экономической сфере. Провозглашенное конституцией стремление построить социальное государство не только не наполнялось реальным содержанием, но, напротив, разрушались его важнейшие составляющие, сложившиеся в годы “реального социализма” (в частности, в области здравоохранения и образования). Как отмечают болгарские исследователи, в стране наблюдается деградация жизненной среды⁶⁵. Утрачена вера в политиков, как левых, так и правых, старых и молодых. Большинство граждан не желают полного возврата к прошлому, но они не согласны с тяготами и цинизмом настоящего, с неопределенностью перспективы. Люди в своей массе плохо приспосабливались к рыночной действительности (тем более к “дикой”). Далекое не до конца были изжиты патерналистские настроения. Значительная часть населения, негативно относясь к

уже известным партиям, коалициям, их лидерам, все еще сохраняла веру в возможность прихода “мудрой и справедливой” власти. Поэтому вряд ли покажется удивительным, что в начале XXI столетия граждане связали свои надежды с выходом на политическую сцену новой силы, которую возглавил экс-монарх Симеон II Саксен-Кобург-Готский. Возвратившись в апреле 2001 г. на жительство в Болгарию после многолетней эмиграции, он сформировал для участия в предстоящих вскоре парламентских выборах Национальное движение “Симеон Второй” (НДСВ). Основными пунктами его программы были эффективная борьба с коррупцией и чрезмерным имущественным расслоением, забота о гражданах, нуждающихся в повышенной социальной защите. Симеон II объявил, что ему понадобится 800 дней, чтобы болгары почувствовали улучшение своей жизни.

На выборах в Народное собрание, состоявшихся в июне 2001 г., НДСВ получило 120 (ровно половину) депутатских мандатов и, вступив в коалицию с фракцией ДПС (21 мандат), образовало парламентское большинство. 51 мандат достался ОДС и 48 – коалиции “За Болгарию”, возглавляемой БСП. Таким образом двуполусная политическая конфигурация (СДС – БСП) была разрушена. Симеон II возглавил правительство, и это был первый случай в Европе, когда бывший царь демократическим путем вернулся (в республике!) к власти.

Однако новые управляющие не смогли преодолеть негативные процессы в социально-экономическом развитии страны и ожидания населения на быстрое улучшение жизни в который раз не оправдались. Это отразилось на политическом поведении граждан. На президентских выборах в ноябре 2001 г. победил лидер БСП Г. Пырванов.

Смена внешнеполитических приоритетов

Крушение “реального социализма” в Центральной и Восточной Европе неизбежно повлекло и смену внешней ориентации государств региона. Президент РБ Ж. Желев, выступая в сентябре 1990 г. на Общем собрании XLV сессии ООН заявил, что Болгария отрицает доктрину ограниченного суверенитета (так называемую “доктрину Брежнева”) и начинает проводить независимую самостоятельную внешнюю политику⁶⁶. Главным ее направлением было провозглашено включение страны в европейские и евроатлантические экономические, политические и военные структуры, прежде всего в Организацию Североатлантического договора и Европейский союз. Подобный выбор был облегчен и стимулирован роспуском в середине 1991 г. Совета экономической взаимопомощи, Организации Варшавского договора и последовавшим вскоре распадом

Советского Союза, стремлением в сложившейся геополитической ситуации обрести новых партнеров и союзников в целях обеспечения национальной безопасности, занять достойное место в европейском цивилизационном пространстве.

Однако реализация данного стремления требовала не только политических заявлений и деклараций, но и осуществления комплекса подготовительных мер, промежуточных шагов, чтобы соответствовать жестким критериям, предъявляемым НАТО и ЕС к своим членам. Необходимо, в частности, обеспечение в каждой стране верховенства закона, соблюдение прав и свобод человека, включая национальные меньшинства, урегулирование на основе международных правовых норм территориальных, этнических и иных противоречий с другими государствами, наличие жизнеспособной рыночной экономики и др. Поскольку по ряду критериев, прежде всего в области экономических преобразований, Болгария уступает многим бывшим “братьям по социалистическому лагерю”, в числе кандидатов на членство в указанные организации она не оказалась в числе первоочередников. Как известно, Венгрия, Польша и Чехия были приняты в НАТО в 1999 г. и их шансы на вступление в ЕС также являются гораздо более предпочтительными.

Болгарское “возвращение в Европу” проходило через вступление или ассоциирование в различные региональные и специализированные организации, заключение многосторонних и двусторонних договоров. Так, в июле 1990 г. Болгария получила статус “специально приглашенной” в Парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ), а в мае 1992 г. она стала полноправным членом СЕ. Болгария была в числе 11 государств, подписавших в июне 1992 г. декларацию о создании Черноморской экономической зоны. В июле 1998 г. Болгария была принята в Центральноевропейский договор о свободной торговле (ЦЕФТА).

В феврале 1994 г. Болгария присоединилась к натовской программе “Партнерство ради мира”, а в феврале 1997 г. правительство заявило о желании стать членом НАТО. Пронатовская позиция болгарских властей, вопреки протестам общественности, подтвердилась во время Косовского кризиса в 1999 г. В мае парламент предоставил часть воздушного пространства страны для действий натовской авиации против Югославии, а в июне было дано согласие на использование войсками НАТО сухопутного коридора на болгарской территории (он не понадобился ввиду окончания военных действий).

Несомненно, такая демонстрация лояльности усилила доверие НАТО к Болгарии. Кроме того, основной противник вступления страны в Североатлантический альянс – БСП на своем XLIV съезде (май 2000 г.) по настоянию лидера партии Г. Пырванова (будущего президента страны) отказалась от антинатовской позиции. В ноябре 2002 г. Болгария (наряду со Словенией, Словакией, Румынией, Лат-

вией, Литвой и Эстонией) получила приглашение вступить в НАТО. Если не произойдет чего-то экстраординарного, она станет членом альянса в 2004 г.

В феврале 1995 г. Болгария стала ассоциированным членом Европейского союза, а в декабре того же года подала заявку о полноправном членстве в ЕС. В декабре 1999 г. РБ получила приглашение вступить в переговоры о присоединении к Евросоюзу. Однако путь от начала переговоров до их успешного завершения является сложным и длительным. Здесь большое значение имеют социальные и экономические проблемы, острота многих из которых в Болгарии очевидна. Правда, в декабре 2000 г. она была выведена из так называемого “негативного” Шенгенского визового списка, который затруднял болгарским гражданам посещение и пребывание в странах ЕС. Но, с другой стороны, среди первых кандидатов на возможное в будущем вступление в Евросоюз Болгария не значится.

Отношения между Болгарией и Россией в посткоммунистический период характеризуются резким спадом, снижением результативности во всех сферах общественной жизни – экономике, политике, культуре, хотя поначалу казалось, что для их развития создаются благоприятные предпосылки. 23 октября 1991 г., когда еще существовал СССР, находящийся с официальным визитом в РСФСР Ж. Желев (по его словам, по приглашению Б.Н. Ельцина) объявил, по согласованию с болгарским правительством, о признании России как самостоятельного и независимого государства и об установлении с ней дипломатических отношений в ранге посольств. Примечательно, что с М.С. Горбачевым Ж. Желев не встречался⁶⁷. 4 августа 1992 г. в Софии Ж. Желев и Б.Н. Ельцин подписали межгосударственный договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между двумя странами. Это, однако, не привело к масштабному практическому наполнению связей России и Болгарии, не приостановило возникших здесь негативных процессов и тенденций.

Следует заметить, что многие и болгарские, и российские руководители неоднократно говорили (и говорят) о невыгодности для обеих сторон сворачивания взаимного сотрудничества, о необходимости его оживления и подъема. Так, в связи с визитом в Россию новый болгарский президент Г. Пырванов отметил, что в последние годы определенные болгарские политики плохо читали историю болгаро-российских отношений, недооценивали их хорошие традиции. Политические силы должны взять на себя ответственность по активизации двусторонних отношений, делая упор на развитие не только экономики, но и духовного общения. Взаимное доверие между нашими странами, сказал далее Г. Пырванов, должно быть восстановлено, указав при этом на проводившуюся предыдущим болгарским руководством политику, направленную на конфронтацию

с Россией. По словам российского президента В.В. Путина, в настоящее время отношения между Россией и Болгарией изменяются к лучшему и их необходимо вывести на качественно новый уровень. Дело не только в росте товарооборота, но и в самой атмосфере межгосударственных отношений⁶⁸. Хотелось бы верить, что эти заявления не останутся обычными декларациями, как это нередко бывало ранее, а за ними последуют реальные дела.

Можно констатировать, что в стране сложилась новая расстановка главных политических субъектов при сохранении основных целей развития и груза нелегких проблем. Оформилась и новая геополитическая ситуация. В этих условиях Болгария в начале XXI в. вступила в очередную фазу переходного периода.

¹ В связи со смертью П. Младенова (май 2000 г.) президент Болгарии П. Стоянов охарактеризовал его как личность, которую нельзя оценить однозначно и вне контекста времени, в котором он жил. Будучи многолетним членом политбюро ЦК БКП, П. Младенов “без колебания встал на сторону реформаторов и в сложные для Болгарии дни продемонстрировал ответственность за судьбу нашей родины” (Дума. 2000. 2 юни). Премьер-министр И. Костов отметил, что имя П. Младенова “навсегда будет связано с концом авторитарного режима...” (Демокрация. 2000. 2 юни).

² “За състоянието на страната, партията и непосредствените задачи” Пленум на Централния комитет на Българската комунистическа партия 11–13 декември 1989 г. София, 1989. С.3–4.

³ Так называлась попытка живковского режима насильственным путем обеспечить единство (гомогенность) болгарской нации. В ходе этого процесса у граждан страны, носящих мусульманские личные имена, они в конце 1984–начале 1985 г. были заменены на славянские.

⁴ Работническо дело. 1989. 30 дек.

⁵ Там же. 1990. 5 февр.

⁶ Кроме переименования партии сменились названия ее руководящих органов. Вместо прежних ЦК и ПБ появились соответственно Высший совет (ВС) и Президиум (позднее – Исполнительное бюро) ВС, вместо Генерального секретаря – председатель ВС. Центральный партийный орган газета “Работническо дело” сменила свое “классовое” название на нейтральное “Дума” (“Слово”). Новым символом БСП вместо пятиконечной звезды стала красная роза.

⁷ Устав на Българската социалистическа партия. София, 1990. С. 3.

⁸ XXXIX конгрес на БСП: Платформа за понататъшното обновлене и преобразуване на Българската социалистическа партия в съвременна лява партия на демократичния социализъм. Програма за действие. София, 1990. С. 12–16.

⁹ Дума. 1990. 23 септ.

¹⁰ XXXIX конгрес на БСП ... С. 12.

¹¹ Политические партии и движения Восточной Европы: Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994. С. 49–51; Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 72–79.

¹² Работническо дело. 1990. 31 ян.

- ¹³ Политически партии, движения и организации в България и техните лидери. София, 1990. С. 26–27.
- ¹⁴ Демокрация. 1990. 28 апр.
- ¹⁵ Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2002. София, 2002. С. 260 – 261.
- ¹⁶ Държавен вестник. 1990. 10 апр.
- ¹⁷ Дума. 1991. 16 май; Свободен народ. 1991. 25 септ.
- ¹⁸ Късметизов М. “Съвети” на Доган // Зора. 1993. № 5. С. 5.
- ¹⁹ Цекъв Е. Дебатът НАТО и България: цивилизационният аспект // България и НАТО: недоверият дебат. София, 1997. С. 29.
- ²⁰ Как заявил председател избирателной комиссии СДС П. Симеонов, союз – могучая организация и идет к выборам, уверенный в победе (Известия. 1990. 26 май).
- ²¹ Политически лист (приложение к газете Отечествен вестник). 1990. 11 юли.
- ²² Там же.
- ²³ Калинова Е., Баева И. Указ, соч. С.265–266.
- ²⁴ Поводом для отставки президента послужили некоторые аспекты событий 14 декабря 1989 г., когда у парламента собрался многотысячный митинг, требующий немедленного изъятия из конституции положений о руководящей роли компартии. Такой законопроект был уже внесен, но по предусмотренной законом процедуре он мог быть принят лишь через месяц (что, кстати, и произошло 15 января 1990 г.). Призывы к спокойствию, высказанные в том числе и Ж. Желевым, были освящены. Находясь в окружении митингующих, скандирующих лозунги “БКП – мафия, убийцы” и т.п., П. Младенов обронил фразу о возможности “вызова танков”, что было зафиксировано на видеокассете. Спустя несколько месяцев оппозиция припомнила этот эпизод и выдвинула поддержанное активным уличным давлением требование об отставке президента. П. Младенов пошел на этот шаг, мотивируя его желанием успокоить общество, заявив, что инкриминируемая ему фраза вырвана из контекста и идет вразрез с его политической позицией.
- ²⁵ Отечествен вестник. 1993. 10 юли; 1994. 3 юни.
- ²⁶ Политический ландшафт Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997. С. 34–38.
- ²⁷ Калинова Е., Баева И. Указ, соч. С. 375.
- ²⁸ Конституцията и демократичните промени в България. София, 1996. С. 156–157.
- ²⁹ Демокрация. 1991. 11 юли; Калинова Е., Баева И. Указ, соч. С. 273 – 274.
- ³⁰ Държавен вестник. 1991. 13 юли.
- ³¹ Там же.
- ³² Лучников С. Недоносена конституция на безпринципен компромис // Демокрация. 1991. 3 юли.
- ³³ Ананиева Н. Конституцията – новият обществен договор на демократичната България // Дума. 1991. 24 юли.
- ³⁴ Конституцията и демократичните промени... С. 37.
- ³⁵ Дума. 2000. 5 май.
- ³⁶ Правда. 1991. 2 авг.; Дума. 1991. 12 окт.
- ³⁷ Дума. 1991. 11 апр.

- ³⁸ Демокрация. 1991. 25 юли.
- ³⁹ Желев Ж. В голямата политика. София, 1998. С. 133–138.
- ⁴⁰ Ж. Желев пише, что 19 и 20 августа социалисты праздновали, уверовав в победу ГКЧП (Там же. С. 138). Однако, как свидетельствуют болгарские исследователи, августовские события в Москве вызвали неоднозначную реакцию в руководстве БСП. В частности, заместитель председателя ВС БСП А. Луканов подал в отставку в знак протеста против нерешительной, выжидательной позиции А. Лилова (Калинова Е., Баева И. Указ, соч. С.374).
- ⁴¹ Желев Ж. Указ, соч. С. 138–139. Автору настоящего очерка, как бывшему сотруднику международного отдела ЦК КПСС, известны некоторые подробности по этому вопросу. На переговорах в административно-хозяйственном отделе ЦК КПСС, где болгарская сторона была представлена главным образом сотрудниками издательства и редколлегии газеты “Дума”, речь шла в основном о газетной бумаге, в которой нуждалась БСП. Болгарам помогли вступить в контакт с директором Кондопожского (Карелия) целлюлозно-бумажного комбината и именно на этом уровне была заключена бартерная сделка. ЦБК брался поставить бумагу, а болгарская сторона обязалась оплатить ее потребительскими товарами (трикотаж, обувь, консервы и др.) и участием в строительстве жилья для работников комбината. Кроме того, была достигнута предварительная договоренность с одним из московских издательств о выпуске тиража и о цене агитационных материалов для БСП (оплата должна была производиться в рублях). Образцы этих материалов поступили в Москву буквально накануне августовских событий 1991 г. и указанная договоренность реализована не была.
- ⁴² Демокрация. 1991. 22 окт.
- ⁴³ Дума. 1991. 30 окт.
- ⁴⁴ Димитров И. Всичко тече... Спомени. София, 2000. С. 550.
- ⁴⁵ Демокрация. 1991. 16 окт.
- ⁴⁶ Живков Т. Мемоари. София, 1997. С. 675.
- ⁴⁷ Димитров И. Указ, соч. С. 548, 558–559, 573; Калинова Е., Баева И. Указ, соч. С.373–374.
- ⁴⁸ Петев Н. Отвѣд политическая театър през погледа на Жан Виденов. София, 1998. С. 34; Димитров И. Указ, соч. С. 516; Калинова Е., Баева И. Указ, соч. С. 285.
- ⁴⁹ Дума. 1992. 10 септ.
- ⁵⁰ Неделчев М. Участието в политика СДС, РДП през 1991–1993 г. София, 1993. С. 20–22.
- ⁵¹ Там же. С. 5.
- ⁵² Политические партии и движения Восточной Европы... С. 36–37.
- ⁵³ Икономически живот. 1994. № 14. С. 7.
- ⁵⁴ Отечествен вестник. 1994. 7 юни.
- ⁵⁵ Конституцията и демократичните промени... С. 16–17.
- ⁵⁶ Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (проблемы переходного периода). М., 1998. С. 107–108.
- ⁵⁷ Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995. С. 27–28.
- ⁵⁸ Политический ландшафт... С. 34–38; Калинова Е., Баева И. Указ, соч. С. 293.

- ⁵⁹ *Минев Д., Кабакчиева П.* Преходът – елити, стратегии. София, 1996. С. 81.
- ⁶⁰ Политический ландшафт... С. 50.
- ⁶¹ *Петев Н.* Указ соч. С. 151–152.
- ⁶² Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998. С. 47–48; *Калинова Е., Баева И.* Указ соч. С.298–299.
- ⁶³ Статистически годишник на Република България. София, 1997. С. 317.
- ⁶⁴ Дума. 2000. 8 май.
- ⁶⁵ *Калинова Е., Баева И.* Указ соч. С. 313–314, 326.
- ⁶⁶ *Желев Ж.* Указ. соч. С. 17.
- ⁶⁷ Там же. С. 143–145.
- ⁶⁸ Российская газета. 2002. 19 и 20 сент.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. е.	– архивная единица
АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АМВР	– Архив на Министерство на вътрешните работи – Архив Министерства внутренних дел
АМВнР	– Архив на Министерство на външните работи – Архив Министерства иностранных дел
АП РФ	– Архив Президента Российской Федерации
АСП	– Альтернативная социалистическая партия
БАН	– Болгарская Академия наук
БББ	– Болгарский бизнес-блок
БЕЛ	– Болгарские европейские левые
БЗНС	– Болгарский земледельческий народный союз
БЗНС–НП	– Болгарский земледельческий народный союз – Никола Петков
БКП	– Болгарская коммунистическая партия
БКП (м)	– Болгарская коммунистическая партия (марксисты)
БКП (т.с.)	– Болгарская коммунистическая партия (тесные социалисты)
БКФ	– Балканская коммунистическая федерация
БПЦ	– Болгарская православная церковь
БРП	– Болгарская рабочая партия
БРП (к)	– Болгарская рабочая партия (коммунисты)
БРСДП	– Болгарская рабочая социал-демократическая партия
БРСДП (о)	– Болгарская рабочая социал-демократическая партия (объединенная)
БРСДП (т.с.)	– Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесные социалисты)
БСДП	– Болгарская социал-демократическая партия
БСП	– Болгарская социалистическая партия
ВВП	– валовой внутренний продукт
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМРО	– Внутренняя македонская революционная организация
ВМОРО	– Внутренняя македоно-одринская революционная организация
ВМФ	– военно-морской флот
ВНС	– Великое Народное собрание
ВО	– военная организация
ВПС	– Высший партийный совет
ВС	– Высший совет
ВТО	– Всемирная торговая организация
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГОР	– Гражданское объединение за республику

ГРУ	– Главное разведывательное управление
ДАР	– Демократическая альтернатива за республику
ДВП	– Документы внешней политики СССР
ДП	– Демократическая партия
ДПС	– Движение за права и свободы
ЕС	– Европейский союз
ЗБ	– Заграничное бюро
ЗЗД	– закон за защита на държавата – закон о защите государства
ЗП	– Заграничное представительство
ИИИ БКП	– Известия Института истории БКП
ИККИ	– Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИНО ОГПУ	– Иностраный отдел Объединенного государственного политического управления
ИП	– Исторически преглед – Историческое обозрение Исполбюро – Исполнительное бюро
КНСБ	– Конфедерация независимых синдикатов Болгарии
Коминтерн	– Коммунистический Интернационал
Коминформ, Коминформбюро	– Информационное бюро коммунистических и рабочих партий
КПЮ	– Коммунистическая партия Югославии
КС	– координационный совет
КСХС, Королевство СХС	– Королевство сербов, хорватов, словенцев
ЛП	– Либеральная партия
МВФ	– Международный валютный фонд
МЛП	– Младолиберальная партия
МП	– Македонски преглед – Македонское обозрение
МТС	– машинно-тракторные станции
НА БАН	– Научен архив на Българската академия на науките – Научный архив Болгарской Академии наук
НАТО	– Организация Североатлантического договора
НВО	– нелегальная вооруженная организация
НДСВ	– Национальное движение “Симеон Второй”
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКГВ	– Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД	– Народный комиссариат иностранных дел
НКИД	– Национальный комитет Отечественного фронта
НК Оф	– Национальный координационный совет
НКС	– Национал-либеральная партия
НЛП	– Новая и новейшая история
ННИ	– Народно-освободительная повстанческая армия (НОВА – Народно-освободителна въстаническа армия)
НОПА	– Народная партия
НРБ	– Народная Республика Болгария
НРПС	– Независимые рабочие профсоюзы
НС	– Народное собрание; Национальный совет; Народный союз
НСБРП	– Национал-социалистическая болгарская рабочая партия
НСД	– Народное социальное движение; Новый союз за демократию

НС “Звено”	– Народный союз “Звено”
ОВД	– Организация Варшавского договора
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
ОДС	– Объединенные демократические силы
ОДЦ	– Объединенный демократический центр
ОНПП	– Объединенная народно-прогрессивная партия
ОНС	– Обыкновенное Народное собрание; Объединение за национальное спасение
Оф	– Отечественный фронт
ПБ	– Политбюро
ПДП	– Партия демократических перемен
ПЛП	– Прогрессивно-либеральная партия
ПОЗ	– Повстанческая оперативная зона (ВОЗ – Въстаническа оперативна зона)
ПП	– Постоянное присутствие
РВС	– Революционный военный совет СССР
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	– Российский государственный военный архив
РДП	– Радикально-демократическая партия
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РМС	– Рабочий союз молодежи – Работнически Младежки Съюз
СГОДА	– Софийски градски и окръжен държавен архив – Софийский городской и окружной государственный архив
СДС	– Союз демократических сил
СЕ	– Совет Европы
СКК	– Союзная контрольная комиссия
СЭВ	– Совет экономической взаимопомощи
ТАСС	– Телеграфное агентство Советского Союза
ТВС	– Тайный военный союз
ТДП	– Турецкая демократическая партия
ТКЗХ	– Трудовое кооперативное земледельческое хозяйство
ТП	– трудовая повинность
ТПС	– трудовая поземельная собственность
ЦДА	– Централен държавен архив – Центральный государственный архив Республики Болгария
ЦЕФТА	– Центральноевропейская зона свободной торговли
ЦК	– Центральный комитет
ADAP	– Akten zur deutschen Auswärtigen Politik – Документы внешней политики Германии
MOL	– Magyar Országos Levéltár, Budapest – Венгерский государственный архив, Будапешт
PA AA	– Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes – Политический архив Министерства иностранных дел Германии

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Хамид II, турецкий султан 19
 Абрамович-Четусв А.Е. 171–172, 174
 Авереску А. 115
 Аврамов Р. 213–214, 228
 Аврамовская Ж. 85
 Азаров А. 298
 Александров Т. 153, 178, 179, 189–191, 198, 216
 Алексеев см. В.М. Молотов
 “Альбрехт” см. Абрамович-Четусв А.Е.
 “Алюр” см. Арнаудов Э.
 Ананиева Н. 448
 Ангелов Р. 309, 330
 Анев Ц. 406
 Антонеску И. 290
 Антонов Н. 232–237
 Анчев С. 131, 133, 135
 Арнаудов Э. 273
 Асланян О. 388
 Атанасов Г. 363, 433
 Атанасов Н. 113, 196–198, 227
 Атанасов Щ. 86, 294
- Багрянов И. 259, 288–291, 300, 308
 Баев Й. 353, 354
 Баева И. 264, 301, 353, 354, 356, 360, 389, 391, 405, 413, 415, 416, 448–450
 Баламезов С. 340
 Балканджиев 358, 359
 Бальфур А. 120
 Барнс М. 323–325, 330, 343
 Бевин Э. 328
 Баталски И. 300
 Баучър Дж. 135
 Бахметьев Ю.П. 25
- Безыменский Л. 259
 Бейкер (Бекер) С. 120, 134
 Берия Л.П. 385, 394
 Беров Л. 156, 259, 435, 436
 Бертело А. 116, 117, 134
 Берти Ф. 131
 Берхтольд 56, 59, 67
 Билунов Б.Н. 48
 Билярски Ц. 47, 51
 Бирман М.А. 130, 131, 133
 Бирнс Дж. Ф. 328
 Бирюзов С.С. 319, 324, 325, 330, 333, 336
 Бирюков Н.И. 391
 Битоски К. 47, 48
 Благоев Д. 14, 46, 168, 198
 Близнашки Г. 428
 Бобошевский Ц. 281, 309
 Бобчев И. 84
 Богданова Р. 353, 390
 Бодров М.Ф. 370, 381, 384, 385
 Боев П. 174, 192
 Боев Хр. 275
 “Боевой” см. Пеев А.
 Божилев Д. 284, 287
 Божинов В. 47, 134
 Бойдев В. 235
 Борис III Саксен-Кобург-Готский, царь Болгарии 82, 83, 89, 91, 92, 94, 95, 107, 113, 150–152, 161, 162, 202, 205, 214, 216, 217, 225–227, 230, 231, 234, 235, 238–240, 242, 244, 247, 249–251, 253, 255, 257, 259, 261, 269, 270, 281, 282, 284
 Боршукон Г. 46
 Ботай 238
 Ботев Хр. 273, 278, 281, 284, 287
 Боучен Дж. 91
- Бояджиев К. 69
 Брежнев Л.И. 403, 404, 410, 415, 417
 Бретхольц 257
 Брэтиану Г. 124, 136
 Брэтиану И. 124, 135, 136
 Булганин Н.А. 384, 385
 Бумбаров Б. 309
 Буриан И. 67, 74, 80–82
 Буров А. 113, 205, 217, 279, 283, 308, 322, 326
 Буторкин 381
 Бухарин Н.И. 185
 Буш Дж. 430
 Бэйрд 92
- Вазов И. 60
 Валев Л.Б. 258, 259
 Валева Е.Л. 9, 10, 258, 298, 299, 353, 355, 415
 Валенса Л. 407
 Вапцаров Н. 270
 Василев В. 130, 134–136, 193
 Василев Г. 133, 134
 Василев Л. 227
 Василев О. 359
 Василева М. 174, 192
 Васильева Н.В. 353
 Вайцеккер Э. 235, 242, 254, 258, 259
 Велев А. 46, 84, 134, 157
 Величко 381
 Велчев Д. 160, 206, 217, 222, 223, 226, 270, 295, 309, 318, 319, 321, 333, 334
 Венизелос Э. 91, 125–128
 Виденов Ж. 437, 440, 441, 449
 Видинский К. 299
 Вильгельм II, кайзер Германии 38, 42, 71, 75, 84
 Вильсон В. 82, 87, 115, 117–121, 124, 125, 127, 134
 Винаров И. 274, 275, 294, 299, 300
 Виноградов В.Н. 135
 Випперман В. 192
 Владева Л. 49
 Влайков Т. 106, 132
 Влахов Д. 178
 Влахов Т. 83
 Воденичаров Р. 432
- Воздвиженская Т.А. 86
 Вознесенский В.Д. 130
 Вознесенский Н.А. 381
 Волков В.К. 45, 259, 355, 370, 390
 Волокитина Т.В. 352–356, 392
 Вранчев 341
 Вылев С. 388
 Вылканов В. 413, 415, 432
 Вылков В. 425
 Вылков И. 160, 162, 163, 202, 203, 205–207, 216, 217
 Вышинский А.Я. 314, 329, 354, 377, 383
- Гавел В. 407, 430
 Галкин И.С. 50
 Галунов Т. 136
 Галчев И. 47
 Ганев В. 281, 309, 340, 342
 Ганев Г. 387
 Ганчев П. 64
 Гевренов И. 388
 Гемето см. Димитров Г.М.
 Геннадиев Н. 12, 20, 43, 61, 62, 84
 Генов Г. 135, 136, 175, 176
 Генов П. 89, 130, 136
 Генчев Н. 258–260, 355
 Георгиев В. 45, 47, 48, 51, 52, 131–134, 158, 191, 226, 228, 229, 264
 Георгиев Г. 299
 Георгиев Кимон 160, 206, 215, 223–226, 279, 281, 283, 295, 302, 303, 307–309, 318, 319, 322, 324, 325, 329, 330, 334, 336, 337, 340, 352, 380
 Георгиев Коста 201
 Герасимов Л. 380
 Герджиков М. 26
 Германов С. 50
 Гешов И. Ев. 13, 34, 35, 40, 41, 46, 84, 135, 155
 Гешов И. Ст. 30, 31
 Гиза А. 50
 Гиргинов А. 279, 283, 321
 Гитлер А. 220, 240–244, 246, 248–251, 255, 257, 258, 282
 Гичев Д. 209, 219, 266, 279, 283, 285, 291, 307, 308, 322, 326
 Говедаров Г. 233

- Говедарски Н. 388
 Гольц К. фон дер 54
 Горбачев М.С. 403, 410–413, 418, 446
 Горлов С. 259
 Горшенин К. 346
 Григоров П. 387
 Григорьян В.Г. 370, 385
 Гринберг С.Ш. 47, 52, 83, 84
 Грищина Р.П. 10, 46, 192, 193, 228, 229, 297, 353, 389
 Груев С. 94, 131, 150, 158, 229, 259
 Грынчаров Д. 187, 188, 196, 197, 227
 Грынчаров Ст. 47, 49, 50, 229, 264, 301
 Гудев П. 19, 29
 Гудева М. 135
 Гуськова Е.Ю. 48
- Дамянов Г. 269, 334, 363
 Дамянов Р. 363
 Дамянов С. 50, 83, 86, 134
 Дансв С. 13, 18, 19, 24, 34, 41–43, 65, 78, 85, 86, 97, 113, 120, 135, 140, 155
 Даскалов Д. 298, 300
 Даскалов Р. 82, 91, 99, 121, 130, 180
 Деканозов В.Г. 232–235, 245, 247, 254, 314, 336
 Делиминков Г. 388
 Делчев Г. 23–25, 48
 Демерик Н.К. 28
 Держанский А. 309
 Дертлиев А. 355
 Дертлиев П. 407, 428, 434, 438, 440, 443
 Джилас М. 390
 Джонев А. 50
 Дзержинский Ф.Э. 186
 Димитриев Р. 38, 43
 Димитров А. 380
 Димитров В. 345
 Ди Бьяджо А. 356
 Димитров Г.М. (Жан) 172–177, 180–182, 184–187, 193, 196, 199, 203, 227, 247, 248, 254, 260, 268–271, 274–278, 284–287, 289, 291, 294, 298–300, 308, 310–312, 314, 318, 319, 321–325, 328–336, 338, 339, 341–350, 352–356, 359, 362–364, 366, 369, 371, 375, 381, 390
 Димитров Г.М. (Гемето) 272, 298, 306, 317, 320, 321, 333
 Димитров И. 131, 136, 248, 249, 259, 264, 293, 298–300, 403, 405, 415, 449
 Димитров Съби 276
 Димитров Ст. 187, 196, 269, 274
 Димитров Ф. 432–434, 437–439
 Димитрова Б. 407, 436
 Димитрова С. 134–136
 Димов В. 266, 279, 283
 Димов Г. 47
 Димов Д. 294, 363
 Добрев К. 360, 371
 Доган А. 439, 448
 Дойчинов Б. 390
 Дойчинов Т. 46
 Доновен У. 252, 253
 Дочев Д. 300
 Драганов Д.
 Драганов П. 242, 244, 248, 289, 338, 344, 353, 355, 356
 Драгиев Д. 100, 105, 107, 109, 111, 131, 137
 Драгойчева Ц. 279, 300, 320, 363, 385
 Дракул С. 49
 Драмалиев К. 279, 281
 Дренчев М. 434
 Дурленевский В. 346
 Дюлгерова Н. 48, 50
 “Дядо” см. Благоев Д.
- Елдъров С. 48
 Ельцин Б.Н. 431, 446
 Ерелийска М. 299
- Жан см. Димитров Г.М.
 Жданов А.А. 338, 344, 345
 Жеко см. Радойнов Ц.
 Жеков Н. 69, 71, 80, 81, 128, 136, 197, 201
 Желев Ж. 402, 407, 415, 420, 424–427, 430–433, 435, 436, 439, 441, 444, 446, 448–450
 Живков В. 416
- Живков Ж. 380, 408, 413–418, 431, 449, 450
 Живков Т. 374, 394–397, 399, 401, 403–408, 410–418, 433, 449
 Живкова Л. 416
 Жила Л.И. 46
 Жуков Г.К. 294, 300
 Журин см. Никифоров Н.
- Заимов В. 226, 273, 298
 Заимов С. 298
 Зарчев Й. 352
 Зафиров Д. 191
 Захаров В. 352
 Зиновьев Г.Е. 171, 176, 185
 Златев П. 225, 226
 Знеполски Д. 287
 Зографски Д. 49
 Зудинов Ю.Ф. 10, 414, 415
 Зуйков 275
- Иванов А. 356
 Иванов Антон 270, 271, 276, 277, 281
 Иванов Г. 206
 Иванов Н. 38
 Ивановски В. 388
 Иванчов Т. 17
 Игнатъев Н.П. 18, 27
 Игрицкий Ю.И. 391
 Икономов С. 26
 Илчев И. 84–86, 135
 Инджова Р. 436
 Иорданова Д. 371
 Исаева О.Н. 46, 47, 50, 224, 229
 Исраэлян В. 354
 Исусов М. 307, 322, 331, 346, 352–356, 390–392, 396
- Иванович Л. 118
 Йовевска М. 136
 Йонов М. 51, 131
- Кабакчиев Хр. 46, 171, 174, 177
 Кабакчиева П. 415, 450
 Каганович Л.М. 395
 Кадар Я. 440
 Казанджиев Г. 388
 Казасов Д. 130, 215, 281, 308, 309
 Кайряков Л. 388
- Каванджиев Хр. 408
 Калникова Г. 401, 353, 391, 413, 415, 416, 448, 450
 Канушев П. 383
 Канфов Хр. 162, 164, 192, 221, 229
 Каменов Г. 380
 Каменов П. 380
 Каприелов К. 387
 Каравелов П. 13, 18, 95
 Каракачанов А. 434
 Карастоянова Г. 285, 286
 Кардель Э. 345
 Карл I, император Австрии 74
 Кертиков К. 399
 Кесяков Б. 47, 85, 130, 136
 Кинов И. 373, 384
 Кирилл, князь Преславский, брат царя Бориса III 71, 284
 Кирсанов С.П. 330, 340–342
 Киселиновски С. 136
 Киселов П. 73
 Кискинов Й. 276
 Кишкилова П. 51
 Клемансо Ж. 116, 117, 120–124, 126, 129
 Климент Охридский 21
 Клозье де Ф. 68
 Кобург см. Фердинанд Саксен-Кобург-Готский, царь Болгарии
 Коларов В. 169, 170, 172, 173, 175–177, 180, 181, 185–187, 189, 190, 199, 203, 269, 274, 275, 312, 317, 325, 340–343, 355, 363, 369, 373, 386, 390
 Коларов Л. 332, 336
 Колев В. 191, 192, 229
 Колева Т. 227
 Коновалов Ф.А. 348, 379
 Константин С. 46
 Константин, король Греции 43
 Константинов Д. 48
 Косатев Т. 141, 157
 Косев Д. 214, 228
 Костов И. 439, 442, 447
 Костов Тр. 277, 298, 310–314, 317, 318, 322, 325, 330, 341–343, 352, 353, 363, 366, 367, 369, 373, 379, 384–388, 391
 Костурков С. 279, 326, 330

Косыгин А.Н. 410
Кочемидов Д. 388
Крамарж К. 119
Кретьен В. 107, 117
Крумов Р. 352, 391
Крэмpton P. (Крамптън) 44, 50, 52
Кузманова А. 133, 135
Кулишев Г. 330, 334, 336, 337
Куманов М. 133, 134, 158
Кун Б. 123
Кунип П. 387
Кунчев Хр. 221–222
Купка Г. 379
Кутинчев В. 38
Куусинен О. 350
Кушев М. 388
Кынчев В. 22, 47
Кысметизов М. 448
Кьорчев Д. 62, 92, 115, 119, 131, 133
Кьосеиванов Г. 226, 230, 231, 233, 237, 239, 245, 258
Кямиль-папа 39

Лавренов С. 301
Лаврентьев А.И. 237, 253
Лаврищев А.А. 240, 246, 256, 325
Лакер У. 379
Лалков М. 45, 46, 48, 50, 66, 84, 85, 300
Лансинг Р. 118
Лашкевич А.А. 390
Лебедева Н.С. 260
Левский В. 272
Левчев Л. 407
Левычкин К.Д. 314, 320, 338, 358, 365
Ленин В.И. 130, 168, 185
Лилков Хр. 336
Лилов А. 409, 410, 418, 449
Лист В. 255
Литаврин Г.Г. 46
Ллойд, лорд 238
Ллойд Джордж Д. 79, 86, 91, 120, 121, 128, 134, 136
Луджев Д. 439
Луканов А. 410, 412, 425, 426, 429, 433, 434, 440, 449
Луканов К. 381
Луканов Т. 175

Луков И. 88, 128
Лулчев К. 323, 326, 329, 344, 355
Лулчев Л. 260
Лунин 253
Лучников С. 448
Ляпчев А. 34, 88, 89, 91, 96, 194, 195, 204–218, 228, 266

Маджаров Л. 26
Маджаров М. 111, 113
Макдональд Дж. 120
Макензен А. 69–70, 73
Маковецкая Т.Ф. 10, 46
Малеев Л. 86
Маленков Г.М. 345, 395
Малинов А. 13, 29–34, 43, 66, 73, 80–83, 85, 86, 89, 93, 95–101, 104, 115–117, 130, 133, 211, 219
Манев И. 190, 191
Манчев К. 135
Маразов И. 441
Марек см. Димитров Ст.
Маринов И. 293, 295, 296, 300
Марков Георги 46, 47, 51, 52, 67, 83, 85, 86, 191, 229, 264
Марков Г. 209
Марков Э. 280
Маркова Л.В. 414
Мартыненко А.К. 46, 51
Марчева И. 413
Масарик Т. 119
Матвеев Г.Ф. 352
Матеев Е. 381
Махненко А.Х. 391
Маяковский В.В. 415
Медведев Д. 387, 392
Мейджор Д. 430
Мешкова П. 353
Мигев В. 45, 264, 300, 390–392
Миланова С. 354, 355
Миллер А.Ф. 136
Милушев Г. 416
Милютин В.П. 171, 174, 183, 190
Минев Д. 415, 450
Минчев Д. 85
Минчев М. 295, 296, 299, 301, 307, 308, 352
Минчев П. 315, 316
Митев Д. 130

Митев Т. 392
Митовский Э. 348, 349
Миттеран Ф. 430
Михайлов И. 216
Михайлов С. 399, 413–415
Михайлов Хр. 268, 280
Михайловский Г.Н. 84
Михайловский С. 25, 128
Михов Н. 284
Мичева З. 135
Мичева Ц. 193, 228
Младенов П. 410, 412–414, 416–418, 421, 425, 429, 434, 447
Мозер А. 438
Мозер Ч. 298
Моллов Я. 162
Молотов В.М. 232–234, 237, 241–248, 256–259, 278, 310, 322, 324, 325, 329, 330, 342, 343, 381, 385, 395
Молочков Ф.Ф. 372
Момчилов Н. 252, 255
Морфов Б. 242
Мошанов С. 164, 205, 228, 258, 260, 288, 300, 312, 343, 355
Муравиев К. 130, 134–136, 266, 283, 292, 293, 296, 300, 305, 326, 329
Мурашко Г.П. 352, 392
Муццолини Б. 220, 222, 243
Мушанов Н. 96, 100, 106, 107, 134, 219, 244, 250, 266, 272, 279, 281, 283, 285, 291, 308, 322, 326
Мюллер Г. 28

Намгаладзе 275
Нанов Б. 388
Нанов И. 388
Наринский М.М. 260
Натап Т. 228
Наумов Г. 227
Начев Н. 388
Неболиев А. 388
Недев Н. 85, 90, 130, 298
Неделчев М. 449
Нейков Д. 309, 324, 336, 348, 349
Нейчев М. 309
Некрич А.М. 369, 390
Никифоров Н. 273, 298
Никова Г. 259, 297, 387, 392

Николай II, император России 33, 41
Николев М. 378, 379
Николюва А. 228, 293
Николюва В. 46, 50
Николюсов Г. 120, 122, 123, 131, 134–136
Нинич М. 182
Носкова А.Ф. 352, 392
Нотович Ф.И. 58, 84, 85

Оббов А. 180, 182, 184, 196, 198, 321, 322, 324, 336, 339, 340
Оббов Хр. 184
Огнянов Л. 84, 90, 391
Омарчевский С. 73, 209
Орлов 379
Остоич П. 305, 352

Павлов А. 309
Павлов Б. 321
Павлов Н. 388
Павлов Т. 309, 321, 371
Палангурски М. 46
Палшутски К. 49, 158, 193
Панайотов Л. 47, 49
Панайотов Ф. 46, 298
Пандевски М. 49, 51
Панов А.И. 228, 229
Панчев А. 83, 86, 134–136
Паприков С. 18, 30, 31
Пасаров Г. 58
Пастухов К. 107, 111, 279, 281, 283, 333, 355
Пашич Н. 118, 128, 184
Пеев А. 273, 298
Петев Н. 449, 450
Петков Димитр 12, 19, 29
Петков Добри 62, 79, 128, 136
Петков Н. 279, 281, 283, 307–309, 313, 320–323, 326, 328, 339–343, 355
Петков П. 83, 86, 134, 151, 187
Петкова Е. 130
Петрини Н. 187, 196, 197, 227
Петров Л. 51
Петров Р. 17, 19, 25, 28, 29
Петров Т. 47, 48, 50
Петрова Д. 156, 158, 298

Петрова П. 134
Петрова С. 130, 301
Петровски Б. 388
Петрушевский А.В. 373, 384, 385
Пешев П. 79, 86, 94, 131
Пинтев С.
Пиронков 371
Писарев Ю.А. 72, 85
Подгорный Н.В. 410
Покивайлова Т.А. 392
Попйорданов Й. 24
Поплазаров Р. 49
Поппетров Н. 168, 192, 297
Попов Г. 336, 349
Попов Д. 426
Попов Ж. 45, 47, 49, 84, 134
Попов И. 236, 240–241, 244–247, 252, 255
Попов К. 47
Попов Р. 45, 50, 51, 300
Поптомов В. 341, 344
Поскребышев А.Н. 343
Потёмкин В.П. 232, 237
Прасолов Н.И. 236, 237
Протогеров А. 153, 178, 190, 216
Пуанкаре Р. 152
Путин В.В. 447
Пушкаров И. 439
Пырванов Г. 46, 51, 444, 446
Пырванова Р. 194, 195, 227
Пятницкий И.А. 190

Радант Х. 86
Радев С. 89, 136
Радева М. 47
Радек К.Б. 170, 178
Радионон см. Радойнон Ц.
Радойнон Ц. 274–278, 299
Радолов А. 209
Радославов В. 12, 17, 43, 44, 53, 54, 56–68, 70–80, 83, 84, 86, 94, 129
Радулов С. 158, 160, 191
Райк Л. 386
Раковский Х.Г. 178
Ралин Р. 407
Рачев Н. 160
Ренделл Дж. 240, 250
Рене Д. 391

Риббентрон Й. фон 241–244, 250, 251, 258
Ризов Д. 25
Риттер К. 255
Рихтхофен Г. 235, 240, 249, 258
Роберте Ф. 343
Родионов см. Радойнон Ц.
Рузвельт Ф.Д. 252, 304
Русев И. 162, 163, 200, 202

Савинский А.А. 53, 56, 58
Савов М. 37, 39, 42, 43, 56
Савов С. 96
Саздов Д. 45, 46, 300
Сазонов С.Д. 36, 37, 42, 51, 58
Сакызлов Я. 14, 46, 161
Сараджоглу Ш. 235
Сарафов М. 135, 136
Сарафов Б. 25
Сахаров А.Д. 407
Секеларов М. 387
Семенов К.Н. 136, 191
Семерджиев А. 425
Семиряга М.И. 353
Сергеев В.М. 391
Сидовски К. 50
Симеон Великий 55
Симеон II Саксен-Кобург-Готский 282, 309, 444
Симеонов П. 434, 448
Симов Б. 388
Сирков Д. 258, 259, 264, 356
Славейков П. 95
Славов К. 387
Соболев А.А. 241, 245, 246, 248
Соколовская О.В. 136
Солженицын А.И. 407
Софрянский С. 441
Спасов В. 391
Спасов Л. 388
Спасов М. 297
Стайнов П. 272, 281, 283, 309, 311, 321, 324, 342, 358
Сталин И.В. 234, 242–244, 247, 248, 254, 270, 292, 294, 310, 312, 317–319, 322, 325, 326, 328, 329, 333, 338, 342, 343, 350, 369–371, 376, 383–386, 391, 394, 395, 406

Стамболийский А. 14, 46, 55, 56, 66–69, 85, 89, 91, 99, 100, 104–106, 108, 109, 111–114, 121, 128–130, 132, 137–140, 144, 145, 149–152, 154, 156–158, 160–163, 169, 175, 194, 196, 438
Стамболов С. 12, 13, 15, 19, 29, 151
Стаменов И. 241, 245–247, 258, 278
Станишев А. 289
Станчов Д. 19, 29, 61
Стателова Е. 46, 49–51, 301
Стефан I, экзарх 342
Стефан Душан 55
Стефанов И. 330, 384, 387
Стефанов Х. 46, 132, 134
Стоилов К. 13, 17, 46
Стоилов П. 51
Стойков Хр. 206
Стойнов Б. 298
Стойнов Д. 388
Стоянов В. 192, 193, 227, 228, 355, 414
Стоянов П. 279, 309, 323, 358, 441, 447
Стоянов Хр. 196, 198, 227
Странский 371
Судоплатов П.А. 259, 276
Суслов М.А. 350
Сыс Вл. 119

Табакон П. 276
Такев М. 96
Танев Д. 363
Танкова В. 46
Танчев И. 47
Тарасов 377
Тарле Е.В. 130
Твардовски 253
Темелски Х. 47
Теодоров Т. 91, 96, 97, 107, 108, 111, 117–120, 123, 126, 128, 129
Тепавичаров В. 193, 228
Терпешев Д. 280, 286, 287, 289, 291, 308–310, 317, 330, 385, 395
Тито Броз Иосип 285, 287, 366, 384
Тигоренков Ф. 367
Тодоров Г. 69, 81

Тодоров И. 406
Тодоров К. 20, 113, 130, 133, 138, 173, 180, 181, 196
Тодоров С. 495
Тодорова Ц. 47, 50, 51
Тодоровски Г. 49, 50
Толбухин Ф.И. 295, 311, 387
Томов А. 438, 442, 443
Томов К. 209
Тончев Д. 12, 43, 54, 63
Тончев С. 336
Топалов В. 134
Тошев А. 226
Тошев С. 73
Тошкова В. 229, 253, 260, 261
Трайков Г. 336, 339, 347, 348, 356, 408
Трайнин И. 346
Трилиссер М.А. 178, 190
Трифонов С. 45, 47, 48, 51, 52
Троцкий Л.Д. 186
Трумэн Г. 321, 337
Тулешков И. 197
Тутев И. 388
Трынский С. 280, 287
Тютюнджиев И.

Улунян А.А. 46
Уншлихт И.С. 183, 185, 190
Уорнер К. 343

Фирмилиан, митрополит Скопский 18, 19
Фердинанд Саксен-Кобург-Готский, царь Болгарии 11, 15, 16, 18, 19, 29–34, 37–39, 42–44, 46, 53–57, 60, 64, 72, 75, 80, 82, 83, 85, 87–94, 100, 129, 148
Филиппов см. И.В. Сталин
Филов Б. 239, 241, 245, 246, 250–252, 259, 260, 267, 284, 298
Фирсов Ф.И. 298
Фитин П. 277, 278, 285–287, 291
Фичев И. 37, 41
Франц Иосиф, император Австрии 32, 57, 74, 84
Франше д'Эспере Л. 88–90, 116, 117, 123, 127
Фрунзе М.В. 186

- Хадживанов П. 206
Халачев Х. 86
Харизанов И. 320, 336, 339
Хауз Э. 130, 136
Хонеккер Э. 410
Хоппе Х. (Hoppe) 249, 260, 261
Христов Б. 391
Христов Д. 86
Христов Т. 236
Христов Х. 131, 134–136, 415
Христова Н. 415
Христов Р. 341, 380
Хрущев Н.С. 394, 395, 406, 417
- Цанков А.** 159, 161–167, 173, 174, 177–184, 186, 187, 189, 191, 194–196, 198, 199, 201–207, 211, 212, 214, 215, 217, 220–223, 228, 264, 266
Цанков Г. 382
Цанов Н. 13
Цанов С. 181
Царвуланов 372, 373
Цветков Ж. 392
Цветков П. 51, 193
Цеков Е. 448
Цончев И. 23, 25, 388
Цураков А. 192
Църнушанов К. 49
- Чаки И.** 250
Чакыров К. 413–414
Чанков Г. 348, 370, 373, 385, 395
Чаушеску Н. 410
Червенков В. 325, 342, 344–346, 360, 363, 364, 369–373, 377, 385–387, 390, 394, 395
Червенков Л. 388
Червенков Н.Н. 19
Черепанов А.И. 341
Черноколев Т. 380, 385
Черноусов 377
Черчилль У. 292, 316, 337
Чешмеджиев Г. 281, 305, 307–309, 321, 323
Чичерин Г.В. 178, 186, 190, 203
Чичовска В. 260
Чолаков С. 309
Чолпанов Б. 86
- Шабанский П.** 381
Шарапов В.В. 412
Шарланов Д. 353
Шинкарев И. 301
Шишманов И. 21, 47
Шкундин Г.Д. 10, 51, 84–86
Шопов А. 48
Шопов Й. 47–49
Шольц Ф. фон 82
Шуленбург Ф. фон 243, 256
Шулепов К. 84
- Щерионов Щ.** 50
- Эрл Д.** 240, 255
- Югов А.** 309, 318, 329, 330, 341, 342, 357, 380, 384, 385
Юнгерг-Арноти М. 250, 258
Юруков В. 336, 339, 340
- Яковлев Д.Г.** 312
Янев Д. 380
Янков К. 174, 187, 196, 198, 200
Янчулев М. 228
Ярузельский В. 410
- Андонов-Полјански Х.** 130, 136
- Весковиќ-Вангели В.** 48
- Донев Ј.** 50
- Лапе Љ** 49
- Опачиќ П.** 130
- Стојановски А.** 48, 49
Стојчевски В. 50
- Трајановски А.** 47, 49
- Vochohier F.** 133–135
Vornemann E. 133
Bridge F.R. 49
Burian S. 85
- Calafeteany I.** 133
- Dakin D.** 50
Dimitrov V. 356
Diverger M. 390
Duca I.G. 133
- Foch F.** 133
- Hrabak B.** 134
- Iordache A.** 135
- Kędzia Z.** 391
Kirițescu C. 130, 133
Kitsikis D. 134
Krizman B. 134
- Lederer I.** 135
Lory B. 130
- Mantoux P.** 135
Marghiloman A. 133
- Novak M.** 190
- Pavlova M.** 50
Petals Drombă H. 135
- Roosevelt P.** 357
Rosetti R. 130, 133, 134
- Todorovic D.** 134
Tomaszewski T. 391
Torrey G. 130, 133, 134
- Vopicka Ch.** 133, 134
- Znamierovska-Rakk E.** 136

Научное издание

**БОЛГАРИЯ
В XX ВЕКЕ**

**Очерки
политической истории**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Н.Ф. Лейн*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *А.Б. Васильев, Г.В. Дубовицкая,*

Р.В. Молоканова, Т.А. Печко

Подписано к печати 10.09.2003. Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 29,0 + 1,0 вкл. Усл.кр.-отт. 30,0. Уч.-изд.л. 32,7
Тираж 550 экз. Тип. зак. 4541

Издательство "Наука"
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008858-7

9 785020 008858